ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ.

К. 9

ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ.

ОЧЕРКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА

РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

И. Г. ОРШАНСКАГО.

С.-Петербургъ.
Типографія О. И. Бакста, Екатерининскій кан., д. № 2—6.
1877.

53608

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Первый вышедшій въ свѣтъ томъ сочиненій покойнаго И. Г. Оршанскаго, подъ заглавіемъ «Русское Законодательство о Евреяхъ», заключаетъ въ себѣ его юридическія изслѣдованія по еврейскому вопросу. Въ настоящій томъ вошли другія двѣ группы статей, экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ. Этими тремя группами исчерпывается все сдѣланное Оршанскимъ въ этой области. Затѣмъ слѣдуютъ обще-юридическія изслѣдованія Оршанскаго, которыхъ первый томъ, подъ заглавіемъ «Изслѣдованія по русскому праву, семейному и наслѣдственному», уже вышелъ въ свѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР

ОТДѢЛЪ I. Очерки экономическаго быта русскихъ евреевъ. 1—174

Взглядъ на экономическій бытъ русскихъ евреевъ 1
Что такое еврейская торговля и промышленность. 15
Еврейская торговля и внутреннія губерніи. 71
Евреи и торговля питьями 94
Земледѣльческій трудъ у евреевъ 110
Благосостояніе евреевъ въ Западномъ краѣ. 134
Къ характеристикѣ одесскаго погрома 156

ОТДѢЛЪ II. Очерки общественнаго быта русскихъ евреевъ 175—439

Обрусеніе евреевъ 177
Политическое значеніе евреевъ въ Польшѣ 244
Еврейское землевладѣніе въ Западномъ краѣ 283
Мысли о хасидизмѣ 311
О книгѣ кагала. 346
Раввинскій судъ. 368
О замкнутости евреевъ. 383
Простонародныя пѣсни русскихъ евреевъ 391
Исторія выключки 402
Толмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ. . . 424

ОТДѢЛЪ I.

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Положеніе евреевъ въ Россіи въ настоящее время въ высшей степени печальное. Это фактъ, очевидный для всякаго, знакомаго съ еврейскимъ бытомъ. Отовсюду доносятся слухи о повальной бѣдности, о нуждѣ безысходной. Въ особенности бѣдственное время переживаютъ теперь евреи сѣверо-западнаго края. Вездѣ слышны сожалѣнія о прошедшемъ, которое, будто бы, было гораздо благопріятнѣе для евреевъ. Съ перваго взгляда такое явленіе изумляетъ каждаго, и не безъ основанія. Повидимому, въ какомъ бы отношеніи мы не сравнивали прошлое русскихъ евреевъ съ ихъ настоящимъ, преимущество оказывается на сторонѣ настоящаго. Юридическій бытъ русскихъ евреевъ въ настоящее царствованіе сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Отмѣнены суровые законы касательно отбыванія евреями рекрутской повинности; евреямъ открытъ доступъ къ государственной службѣ и, что важнѣе для благосостоянія массы, путь во всю территорію имперіи. Расширены ихъ промышленныя права и открыто имъ больше средствъ къ образованію, а слѣдовательно и больше рессурсовъ экономическаго прогресса. Въ Царствѣ Польскомъ отмѣнены всѣ главныя ограниченія гражданской правоспособности евреевъ. Рядомъ съ этими благодѣтельными законами идетъ коренное измѣненіе къ лучшему въ положеніи евреевъ относительно администраціи, въ рукахъ которой, какъ исполнительницы закона, находится въ значительной мѣрѣ направленіе мысли законодателя въ ея осуществленіи, и по отношенію къ остальному населенію, въ средѣ котораго законъ исполняется и подъ вліяніемъ котораго онъ поэтому существенно формируется и видоизмѣняется. Мы на каждомъ шагу замѣчаемъ, что исполнители за-

кона относятся теперь съ гораздо большимъ уваженіемъ къ еврейскому населенію, чѣмъ въ доброе старое время, о которомъ однакожъ, какъ видимъ, евреи не безъ основанія сожалѣютъ. Вмѣсто того чтобы какъ прежде своимъ равнодушіемъ и даже враждебностью къ еврейскому дѣлу, превратить даже благодѣтельные для евреевъ законы въ ничто, въ пустую форму, какъ это случилось напримѣръ съ законами о колонизаціи евреевъ и поощреніи между ними земледѣлія, — наша администрація идетъ теперь совершенно противоположнымъ путемъ.

За немногими исключеніями, льготные для евреевъ законы не только не стѣсняются на практикѣ, но напротивъ, получаютъ дальнѣйшее развитіе по мысли закона, хотя бы и несогласно съ его буквой. Съ другой стороны, остающіяся еще въ нашемъ законодательствѣ ограниченія евреевъ далеко не соблюдаются на практикѣ съ такимъ рвеніемъ, какъ это имѣло мѣсто прежде. Короче, наша администрація (въ обширномъ смыслѣ этого слова) усвоила себѣ духъ современнаго русскаго законодательства по еврейскому вопросу. А духъ этотъ состоитъ въ постоянномъ, хотя и медленномъ, расширеніи гражданскаго равноправія евреевъ, сообразно потребностямъ народной русской жизни и государственной пользы.

Отъ этого движенія впередъ нашего законодательства не отступаетъ и русское общество. Куда ни обратимъ свой взоръ, мы замѣтимъ сближеніе не на словахъ только, но и на дѣлѣ, между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ страны, постоянное сглаживаніе національныхъ неровностей, вѣковыхъ предразсудковъ и непріязни. Это можно замѣтить и въ собственно, такъ называемой у насъ, общественной сферѣ, гдѣ евреи все больше пріобрѣтаютъ доступъ въ недоступные для нихъ прежде, если не по закону, то de facto, круги, собранія, клубы, почетныя должности и т. под. Но это явленіе замѣчается еще болѣе въ частной сферѣ обыденной жизни, повседневныхъ сношеній. Здѣсь сближеніе между не-евреями и евреями не поддается никакимъ исчисленіямъ или измѣреніямъ, и трудно привести въ пользу его внѣшнія доказательства: но это сближеніе, эта эмансипація евреевъ изъ подъ вѣковаго гнета зависимости, униженія и отдаленія, чувствуется здѣсь

въ каждомъ такъ сказать уголку и никто не можетъ этого отрицать.

Несомнѣнно слѣдовательно, что три главные фактора благосостоянія каждой части общественнаго организма, именно: организація этой части общества по закону, отношеніе къ ней исполнителей закона и остальныхъ частей общества, — что эти три фактора измѣнились значительно къ лучшему по отношенію къ положенію русскихъ евреевъ въ послѣдніе годы. Къ этому присоединяется еще вліяніе общихъ реформъ въ нашемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, происшедшихъ какъ путемъ законодательнымъ, такъ и путемъ прогресса русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, улучшеніе путей сообщенія и облегченіе внѣшней торговли, общественное и земское самоуправленіе, уничтоженіе откупной системы, лучшее устройство судебной части и многое другое, что совершено было въ теченіи послѣднихъ лѣтъ на благо Россіи, должно отозваться на благосостояніи евреевъ въ такой же точно мѣрѣ, какъ относительно остальнаго населенія. Казалось бы поэтому, что бытъ русскихъ евреевъ долженъ видимо и постоянно улучшаться въ сравненіи съ прошедшимъ.

Почему же теперь экономическій бытъ евреевъ на дѣлѣ представляется не лучше, а хуже прежняго? Почему вездѣ, гдѣ евреи живутъ въ Россіи, въ чертѣ ихъ осѣдлости раздаются сѣтованія о томъ прошломъ, когда и законъ, и администрація, и общество были къ еврею гораздо менѣе благосклонны, чѣмъ теперь? Неужели это происходитъ отъ того, что евреи привязаны къ своему прежнему замкнутому образу жизни и не умѣютъ цѣнить выгоды цивилизаціи и гражданскаго полноправія?

Съ такимъ объясненіемъ не согласится конечно никто изъ тѣхъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ евреями. Но можно привести нѣкоторыя другія объясненія, не лишенныя доли правды. Можно сказать во-первыхъ, что положеніе евреевъ вовсе не ухудшилось, но что, вслѣдствіи несравненно большей гласности, то, что прежде оставалось въ неизвѣстности, теперь выплываетъ наружу, смущая безобразіемъ картины старой, но доселѣ не обнаженной.... Можно сказать далѣе, что если дѣйствительно теперь русско-еврейскій

міръ сознаетъ свое положеніе болѣе худымъ, чѣмъ прежде, то это есть слѣдствіе того извѣстнаго историческаго закона, въ силу котораго, по мѣрѣ улучшенія состоянія народа, онъ начинаетъ все глубже чувствовать тѣ стѣсненія и ограниченія, которыя лежатъ еще на пути его къ совершенствованію, хотя бы этихъ золъ было гораздо меньше, чѣмъ прежде, когда онъ ихъ однакожъ не сознавалъ такъ сильно.

Въ подтвержденіе того и другаго объясненія, можно указать на очень близкій намъ примѣръ состоянія русскаго сельскаго населенія. Если судить по раздающимся постоянно жалобамъ, въ литературѣ и въ жизни, на тягостное положеніе крестьянства въ настоящее время и вспомнить недалекое прошлое, когда такихъ жалобъ слышно было гораздо рѣже не только въ печати, но и въ жизни, то можно придти къ тому заключенію, будто бы дѣйствительно, какъ увѣряла «Вѣсть», подъ сѣнью крѣпостнаго права крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ теперь, послѣ ихъ эмансипаціи. Но мы знаемъ, что положеніе крестьянъ ужъ и теперь несомнѣнно улучшилось противъ прежняго; если же жалобъ слышно больше, то это только благодаря указаннымъ двумъ причинамъ: большей гласности общественныхъ дѣлъ и большей чувствительности къ своимъ нуждамъ и тягостямъ. Но оба эти объясненія, хотя въ нихъ заключается доля истины и по отношенію къ еврейскому вопросу, недостаточны для уразумѣнія того явленія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Всякій, знакомый близко съ положеніемъ русскихъ евреевъ лѣтъ за 15—20 до сихъ поръ, знаетъ, что паденіе экономическаго благосостоянія евреевъ въ этотъ періодъ времени есть не оптическій обманъ, происходящій отъ указанныхъ причинъ, но фактъ положительный, хотя и съ виду непонятный. Но, можетъ быть, въ такомъ случаѣ, вопіющая нужда въ средѣ еврейскаго населенія, сѣверо-западнаго края въ особенности, есть плодъ случайныхъ обстоятельствъ напримѣръ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ и въ частности разоренія западнаго и привислянскаго края польскимъ возмущеніемъ, подобно тому, какъ голодъ въ средѣ сельскаго населенія многихъ мѣстностей Россіи происходитъ отъ неурожаевъ? Такое объясненіе можно слышать отъ многихъ изъ самихъ евреевъ; но оно не можетъ быть

признано удовлетворительнымъ уже потому, что пониженіе уровня благосостоянія въ еврейскомъ населеніи замѣчается уже долгое время, слѣдовательно до послѣднихъ неурожаевъ и даже до польскаго возстанія.

Наконецъ, чтобы покончить со всѣми частными объясненіями разсматриваемаго нами явленія, прежде чѣмъ перейти къ установленію той истинной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на экономическій бытъ русскихъ евреевъ для того, чтобы постигнуть вполнѣ причины ихъ бѣдственнаго положенія, укажемъ еще на одно обстоятельство, которое можно считать довольно удовлетворительнымъ отвѣтомъ на заданный нами вопросъ.

Говорятъ—всякій ненормальный общественный порядокъ имѣетъ то свойство, что чѣмъ долѣе продолжается его существованіе, тѣмъ ощутительнѣе становятся его дурныя послѣдствія. А какъ никто не станетъ отрицать факта, что положеніе русскихъ евреевъ, особенно въ прежнее время, было совершенно ненормальное, то и неудивительно, что съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе чувствуются тягостныя его послѣдствія. Въ этомъ объясненіи кроется глубокая и неопровержимая истина. Дѣйствительно, главная особенность положенія русскихъ евреевъ заключается въ ограниченіи ихъ свободы жительства, отчего происходитъ недостаточность средствъ къ жизни еврейскаго населенія, принужденнаго питаться плодами промышленнаго оборота на отведенномъ ему пространствѣ, которое, притомъ, во многихъ частяхъ уступаетъ въ экономическомъ развитіи другимъ частямъ имперіи, евреямъ недоступнымъ. Понятно, что вредныя послѣдствія скученности евреевъ на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ и происходящей отъ этого чрезмѣрной конкурренціи и несоотвѣтствія между средствами пропитанія и количествомъ населенія, должны сдѣлаться все значительнѣе съ теченіемъ времени, вслѣдствіе размноженія евреевъ посредствомъ естественнаго наростанія населенія. Ясно, что еслибъ въ быту евреевъ и въ русской жизни вообще и не произошло, въ послѣднее время, никакихъ особыхъ перемѣнъ, все же положеніе евреевъ съ каждымъ годомъ должно было бы ухудшаться въ экономическомъ отношеніи, вслѣдствіе усиливающейся несоразмѣрности

между численностью евреевъ и массой доступныхъ имъ матеріальныхъ средствъ.

Но мы думаемъ все-таки, что не въ этомъ одномъ кроется причина увеличивающейся бѣдности еврейскаго населенія, а что главную причину именно слѣдуетъ видѣть, какъ ни страннымъ это покажется съ перваго взгляда, въ преобразованіяхъ послѣдняго времени.

Когда говоришь о замѣчательныхъ общественныхъ событіяхъ послѣдняго времени, какъ-то невольно выступаетъ на первый планъ—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Крестьянская реформа, хотя и не имѣетъ видимой непосредственной связи съ еврейскимъ бытомъ, въ дѣйствительности обнаружила и продолжаетъ обнаруживать сильное на него вліяніе. До этого событія, Россія имѣла въ значительной мѣрѣ характеръ государства средневѣковаго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи экономическомъ. Могущественное и многочисленное землевладѣльческое дворянство, въ рукахъ котораго находилась судьба сельскаго населенія, бѣднаго, невѣжественнаго и зависимаго, малочисленное промышленное сословіе, слабый обмѣнъ, затруднительное сообщеніе — вотъ существенныя черты нашего крѣпостнаго экономическаго строя. Естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей явилось необыкновенное развитіе посредничества въ различныхъ его видахъ. Помѣщикъ (просимъ не забывать, что мы имѣемъ въ виду помѣщика сѣверо и юго-западнаго края), надменный, кичливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивый и ни на что неспособный, презирая до глубины души еврея-торгаша и фактора, не могъ, однакожъ, сдѣлать безъ него ни шагу въ своихъ хозяйственныхъ и нѣкоторыхъ нехозяйственныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, хотя положеніе евреевъ, какъ людей и гражданъ, при господствѣ шляхты было невыносимо, но въ экономическомъ отношеніи было сносно, хотя далеко не блестяще, какъ нѣкоторыя стараются увѣрить. По отношенію къ крестьянству—тоже самое. Загнанный, забитый, не имѣя ни экономической, ни юридической самостоятельности, не находя нигдѣ ни противъ кого защиты, крѣпостной человѣкъ, въ томъ небольшомъ кругу имущественнаго оборота, который былъ ему доступенъ, то-

же не могъ обойтись безъ помощи капиталиста посредника, а такимъ посредникомъ былъ почти всегда еврей. Продавалъ ли крестьянинъ излишекъ урожая, онъ продавалъ его еврею, который уже перепродавалъ его большими партіями оптовому торговцу. Этой мелочной и крупной торговлей земледѣльческими продуктами, скупаемыми какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ, питалось огромное число евреевъ. Нуждался ли мужикъ въ деньгахъ, онъ, также какъ и помѣщикъ, обращался все къ тому же еврею, что тоже доставляло немало рессурсовъ еврейскому населенію.

Все это радикально измѣнилось и продолжаетъ измѣняться подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Освобожденіе крестьянъ, отнявъ у помѣщиковъ даровой трудъ, заставило ихъ сдѣлаться болѣе экономными и умѣренными; и дѣйствительно, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ замѣчается теперь болѣе раціональное управленіе, чѣмъ прежде. Вмѣсто того, чтобъ проживать на чужой сторонѣ плоды крестьянскаго труда, продавая часто за безцѣнокъ свои продукты купцамъ, лишь бы получить поскорѣе деньги, и обременяя свое имѣніе долгами,—помѣщики теперь, большей частью, поселились въ своихъ имѣніяхъ и начали вникать въ хозяйственныя дѣла. Но тутъ они скоро замѣтили, что главный источникъ ихъ разоренія лежитъ въ ихъ неумѣньи вести свои дѣла самимъ и привычкѣ во всемъ обращаться къ помощи посредниковъ. Замѣтивъ это, болѣе дѣятельные и догадливые изъ землевладѣльцевъ принялись по возможности за эмансипацію изъ подъ власти посредниковъ, и этотъ-то процессъ экономическаго освобожденія сельскаго хозяйства изъ подъ гнета барышничества, ко благу Россіи, продолжается безпрерывно. Онъ замѣчается, напр., въ томъ, что помѣщикъ закупаетъ все нужное по возможности изъ первыхъ рукъ, не ожидая заѣзжихъ купцовъ, какъ въ прежнее время патріархальной лѣни и нерасчетливости, что онъ самъ отправляетъ хлѣбъ, шерсть и проч. на рынокъ, удерживая за собою барышъ многихъ перекупщиковъ, наконецъ, вообще въ томъ, что онъ не соритъ деньгами при помощи услужливыхъ факторовъ и торгашей, что онъ зорко слѣдитъ за цѣнами и т. под. Весьма важна также въ этомъ отношеніи организація поземельнаго кредита. Хер-

сонскій земскій банкъ, напр., въ такой же мѣрѣ, какъ онъ благодѣтеленъ для помѣщичьяго хозяйства, наноситъ глубокій ударъ промышленному классу, который извлекалъ прежде огромныя выгоды изъ безпомощности, расточительности и непрактичности землевладѣльцевъ.

Такимъ же образомъ повліяла крестьянская реформа на бытъ самихъ крестьянъ по отношенію ихъ къ посредничеству. Сознавъ за собою свободу и гражданское полноправіе, крестьянинъ сталъ болѣе гордъ, самостоятеленъ и менѣе уступчивъ и боязливъ, чѣмъ прежде. Онъ ужъ теперь далеко не такъ легко довѣряется базарному кулаку. Онъ уже лучше знаетъ цѣну, менѣе нуждается въ деньгахъ. Далѣе, мужикъ теперь (по крайней мѣрѣ въ Новороссійскомъ краѣ) меньше пьетъ, и что гораздо важнѣе, рѣже пропивается, чѣмъ прежде. Это естественно отзывается вредно на торговлѣ питьями, которой питается огромное число евреевъ. Но что еще замѣчательнѣе, это то, что мужики даже начинаютъ заниматься сами сбытомъ своихъ произведеній не мѣстнымъ барышникамъ, но оптовымъ торговцамъ. Все чаще являются примѣры, когда крестьянинъ занимается даже торговлей, именно скупаетъ сельскіе продукты у своихъ сосѣдей и отправляетъ ихъ къ портамъ — явленіе не бывалое прежде, весьма важное конечно для народнаго благосостоянія, но которое на время должно чувствительно повредить интересамъ тѣхъ людей, которые прежде торговали сельскими продуктами.

Такое же вліяніе на экономическій бытъ русскихъ евреевъ обнаруживаетъ развитіе желѣзнодорожнаго дѣла и вообще улучшеніе путей сообщенія. Извѣстно, что извозъ въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ доставлялъ занятія большому числу ихъ. Не малое число евреевъ жило содержаніемъ постоялыхъ дворовъ въ городахъ и по дорогамъ, содержаніемъ почтовыхъ станцій, торговлей лошадьми и т. п. Между тѣмъ съ умноженіемъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ весь тотъ многочисленный разрядъ евреевъ, который занимался этими промыслами, все болѣе и болѣе теряетъ источники пропитанія. Мнѣ случилось говорить съ однимъ западнымъ евреемъ объ Одесско-Балтской желѣзной дорогѣ. Я выразилъ надежду, что дорога эта оживитъ промышленность края, распро-

странитъ въ немъ просвѣщеніе и пр. Но, къ величайшему моему удивленію, мой собесѣдникъ высказалъ иной взглядъ на предметъ. Это показалось мнѣ тѣмъ болѣе дикимъ, что евреи, какъ люди практическіе, очень хорошо сознаютъ преимущество желѣзной дороги предъ ѣздой съ еврейскимъ извощикомъ и что, стоя выше крестьянина по умственному развитію, еврей не смотритъ на чугунку, какъ на произведеніе сатаны или антихриста. Но, прислушавшись къ его доводамъ, я долженъ былъ согласиться (и читатель, надѣюсь, тоже согласится), что его аргументація не лишена была основанія. Прежде, говорилъ мой собесѣдникъ, много евреевъ питалось извозомъ, заѣзжими дворами, продажею овса сѣна и проч. чумакамъ. Эти евреи въ свою очередь помогали бѣднымъ собратьямъ, давали торговать евреямъ-купцамъ и т. д. А теперь ничего этого не будетъ!

Весьма выгодный для евреевъ промыселъ составляли далѣе казенные подряды, поставки и откупа. Откупщикъ и подрядчикъ, у евреевъ, — синонимы богачей. Почти всѣ богатые евреи занимались или тѣмъ, или другимъ изъ этихъ промысловъ. Еще памятно многимъ время крымской войны, когда подрядчики, благодаря гибкой совѣсти и своеобразному взгляду на казну въ извѣстныхъ сферахъ, наживали милліоны. А объ откупахъ и говорить нечего. Не говоря уже о самихъ откупщикахъ, тысячи евреевъ жили и наживались подъ благодатнымъ крылышкомъ откуповъ. А теперь все это прошло, и прошло — къ радости всѣхъ благомыслящихъ людей—безвозвратно. Откупъ уничтоженъ; въ нашемъ государственномъ управленіи все больше водворяется честность, бережливость и соблюденіе казеннаго интереса. Такъ называемый хозяйственный способъ удовлетворенія потребностямъ казны беретъ верхъ надъ подряднымъ. Такимъ образомъ и число подрядовъ уменьшается, и самые подряды дѣлаются все менѣе выгодными. Теперь гораздо труднѣе могутъ пройти небывалые залоги, неимовѣрныя смѣты и оцѣнки, постройки на куриныхъ ножкахъ и т п. Правда, вмѣсто откуповъ евреямъ доступна теперь торговля питьями, но торговля эта, при конкурренціи неограниченной и поощряемой казной, далеко не такъ выгодна, какъ прежде, при господствѣ монополіи откупной системы.

Остальной еврейской торговлѣ нанесенъ значительный ударъ тарифами 1857 и 1868 годовъ, которые понизили пошлины на ввозимые товары и тѣмъ повліяли на уменьшеніе выгодъ торговцевъ. Кромѣ того, пониженіе тарифовъ подорвало въ корнѣ контрабандную торговлю. А евреи, жившіе близь границы, наравнѣ съ другими пограничными жителями, извлекали таки изъ этой торговли — нечего грѣха таить — немаловажныя выгоды.

Затѣмъ и земское, и городское самоуправленіе, вводя болѣе разумное и бережливое управленіе въ нѣкоторыя части государственнаго и общественнаго хозяйства, повели непосредственно къ ущербу интересамъ того разряда людей, который прежде ловилъ рыбу въ мутной водѣ нашего общественнаго управленія и порядочно-таки нагрѣвалъ руки въ разныхъ подрядахъ, поставкахъ, арендахъ и т. п. Сравнимъ, напр., содержаніе почтовыхъ станцій въ прежнее время и теперь, при завѣдываніи этой части земствомъ.

Таковы главныя экономическія явленія, характеризующія новую эру въ жизни русскаго народа. Мы видѣли, что всѣ эти явленія и событія непосредственно наносятъ ущербъ благосостоянію еврейскаго населенія. Иначе оно и не можетъ быть, ибо всѣ эти явленія суть только различныя стороны того вида экономическаго прогресса, который принадлежитъ эпохѣ перехода отъ средневѣковаго хозяйственнаго быта къ высшей степени культуры. А эта эпоха вездѣ характеризуется стремленіемъ къ освобожденію производителей отъ посредничества и помощи капитала. Стоитъ указать на организацію различныхъ видовъ кредита и развитіе ассоціацій потребительныхъ, производительныхъ и кредитныхъ. То и другое все болѣе и болѣе распространяется и у насъ, и ведетъ къ ограниченію размѣровъ торговли и освобожденію народа отъ тираніи ростовщичества и вообще капитала. А какъ евреи главнымъ образомъ живутъ посредничествомъ, и изъ трехъ факторовъ производства — труда, природы и капитала — евреи оперируютъ почти исключительно капиталомъ, то неудивительно, что современное движеніе русскаго быта всей своей невыгодной стороной — ибо невыгодная сторона непремѣнно есть во всякой перемѣнѣ общественныхъ отношеній — обратилось именно къ евреямъ.

Такимъ образомъ, благодаря этому коренному перевороту въ характерѣ русской экономической жизни, раньше или позже должно было случиться то, что мы видимъ теперь въ быту русскихъ евреевъ — рѣшительное истощеніе средствъ пропитанія еврейской массы. Но что это случилось такъ скоро и въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ—это зависитъ отъ нѣкоторыхъ случайныхъ и переходящихъ явленій. Сюда относятся, главнымъ образомъ, неурожаи послѣднихъ лѣтъ и польское возстаніе. Особенно послѣднее обстоятельство имѣло губительное вліяніе на благосостояніе западно-русскихъ и польскихъ евреевъ. Польскій панъ, этотъ идеалъ крѣпостнаго землевладѣльца, весь находился въ рукахъ своего фактора и арендатора-еврея. Насчетъ невѣжества, лѣни и расточительности шляхетства жили десятки тысячъ евреевъ Теперь цвѣтъ шляхетства палъ въ схваткахъ, эмигрировалъ или сосланъ, оставивъ ни при чемъ своихъ жидовъ. Тѣ паны, которые остались, тоже разорены возстаніемъ и его послѣдствіями.

Прежняя шляхетская жизнь вымираетъ, а съ нею на время глубоко потрясено благосостояніе еврейскаго населенія.

И такъ, мы пришли къ тому заключенію, что общій экономическій прогрессъ русской жизни оказался вреднымъ для интересовъ еврейскаго населенія. Повидимому, изъ этого важнаго факта слѣдуетъ сдѣлать такого рода заключеніе. Евреи излишни и вредны въ организмѣ народно-хозяйственнаго быта. Они могутъ жить только на счетъ остальныхъ классовъ общества и, поэтому, при дальнѣйшемъ развитіи культуры и стремленіи производительныхъ классовъ стать въ независимое положеніе, для евреевъ не оказывается мѣста въ общественномъ организмѣ. Но такое заключеніе явно противорѣчило бы вѣковому опыту исторіи, этому единственно надежному руководителю въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія показываетъ, что во всѣхъ европейскихъ странахъ евреи, въ средневѣковой періодъ народнаго быта, играли точно такую же роль въ хозяйственномъ организмѣ, какую у насъ играли евреи до послѣдняго времени, и однакожъ съ переходомъ европейскихъ народовъ къ системѣ большей экономической самостоятельности производства и потребленія, по отноше-

нію къ капиталу и посредничеству, евреи приноровились къ измѣнившимся обстоятельствамъ, примкнули къ производительнымъ классамъ и вовсе не оказались излишними въ народной экономіи.

Это уполномочиваетъ насъ смотрѣть такимъ же образомъ на современное положеніе русскихъ евреевъ. Мы можемъ именно объяснить разсматриваемый фактъ слѣдующимъ образомъ.

Вслѣдствіе господства духа національной исключительности, религіозныхъ и соціальныхъ предразсудковъ, свойственныхъ средневѣковому періоду жизни всѣхъ народовъ, евреи не допускались къ равноправному участію въ тѣхъ видахъ экономической и гражданской дѣятельности, которые составляютъ все содержаніе народной жизни въ тотъ періодъ. Но евреямъ нужно чѣмъ нибудь жить и они создаютъ себѣ особый кругъ хозяйственнаго оборота, единственно возможный при тогдашнемъ уровнѣ экономическаго развитія. дѣятельность посредническую, выгодную и полезную для народнаго хозяйства во времена разрозненности и отчужденности народовъ. Но времена измѣняются. Измѣняются условія экономической жизни европейскихъ обществъ и въ силу этихъ перемѣнъ посредничество становится излишнимъ и вреднымъ. Естественное послѣдствіе такого явленія заключается въ томъ, что тотъ разрядъ членовъ общества, который прежде находилъ средства пропитанія въ неумѣлости и разрозненности остальныхъ членовъ общества, долженъ теперь, приспособляясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, избрать себѣ занятія болѣе производительныя и болѣе близкія по своему характеру къ тѣмъ, которыя составляютъ содержаніе хозяйственнаго быта остальнаго населенія. И дѣйствительно, какъ указано выше, въ западной Европѣ совершился уже этотъ переходъ еврейскаго населенія отъ прежняго, исключительно торговаго и факторскаго быта къ общенародной экономической жизни. Но въ промежутокъ между тѣмъ временемъ, когда въ жизнь народа проникаютъ новыя экономическія начала, и тѣмъ, когда классъ посредническій привыкнетъ къ этимъ новымъ началамъ и усвоитъ себѣ новый образъ хозяйственной жизни, классъ этотъ долженъ сильно пострадать въ отношеніи экономическомъ;

ибо прежнія средства къ жизни у него отняты самимъ ходомъ народнаго прогресса, а новыя ему еще не открылись. Вотъ этотъ промежутокъ времени и переживаютъ теперь русскіе евреи, и это объясняетъ бѣдственность ихъ положенія.

Отсюда необходимо вытекаетъ слѣдующее положеніе. Нынѣшнее стѣсненное состояніе русскихъ евреевъ вовсе не указываетъ на то, что евреямъ нѣтъ мѣста въ общественномъ организмѣ Россіи при господствѣ новыхъ началъ: оно есть только явленіе временное, результатъ того, что еврейское населеніе еще не усвоило себѣ новыхъ промысловъ и занятій. Въ окончательномъ же итогѣ великія реформы въ русской жизни за послѣднее время для евреевъ благодѣтельны не менѣе, чѣмъ для остальныхъ гражданъ имперіи. Поэтому, хотя многіе евреи имѣютъ основаніе быть недовольными исчезновеніемъ добраго стараго времени, дававшаго имъ больше рессурсовъ пропитанія, но никто изъ нихъ никогда не отдастъ предпочтенія этому старому времени предъ настоящимъ. Еврей очень хорошо понимаетъ, что прошлое, хотя подчасъ и больше обезпечивало его, чѣмъ настоящее, но ставило его въ положеніе унизительное, жалкое и безправное, между тѣмъ какъ новое время расширяетъ кругъ его гражданскихъ правъ, вводитъ его въ общую сферу народной жизни и тѣмъ необходимо, раньше или позже, улучшаетъ и его бытъ матеріальный. Въ самомъ дѣлѣ, законы настоящаго царствованія расширяютъ черту осѣдлости евреевъ, разрѣшаютъ имъ производство питей и торговлю ими, открываютъ имъ либеральныя профессіи (государственную службу, практику медицинскую и фармацевтическую, адвокатуру и т. под.). Кромѣ того съ большимъ развитіемъ промышленности и производства вообще, такой практичный, дѣятельный и способный людъ, какъ евреи, непремѣнно долженъ найти больше простору для своей хозяйственной дѣятельности. Ясно, поэтому, что взамѣнъ утрачиваемыхъ евреями матеріальныхъ рессурсовъ въ посредничествѣ разныхъ видовъ, новое время даетъ имъ способы къ жизни болѣе надежные, болѣе выгодные для самихъ евреевъ и болѣе согласные съ интересами общенароднаго благосостоянія.

И такъ, бѣдственное положеніе нашихъ единовѣрцевъ въ Рос-

сіи, особенно въ сѣверо-западномъ и привислянскомъ краяхъ, подготовленное ненормальностью ихъ положенія съ давнихъ поръ, усиленное въ послѣднее время неурожаями и польскимъ разгромомъ, но главнымъ образомъ составляющее естественный результатъ коренаго измѣненія началъ русской экономической жизни, есть явленіе переходное, временное и должно исчезать по мѣрѣ того, какъ еврейство приспособится къ новому строю жизни, забудетъ старые промыслы и занятія, болѣе не нужныя, и научится новымъ. Изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важное заключеніе, которое правда уже затронуто выше, но которое я не хотѣлъ бы оставить безъ дальнѣйшаго разъясненія.

Изъ того, что общій ходъ русскаго экономическаго и соціальнаго прогресса сталкивается съ частными интересами еврейскаго населенія, повидимому, можно съ вѣроятностью вывести, что евреи должны относиться враждебно къ новымъ элементамъ русской жизни. Но такое заключеніе было бы рѣшительно ошибочно. Евреи всегда и вездѣ за прогрессъ, за реформу, по той простой причинѣ, что прошлое было во всемъ имъ неблагопріятно, и всякій шагъ на пути истиннаго прогресса необходимо ведетъ къ улучшенію быта евреевъ въ томъ или другомъ отношеніи. Не отвлеченное умозрѣзрѣніе, а жизненный опытъ доказываетъ намъ, что въ общемъ итогѣ интересы евреевъ солидарны съ дѣйствительными интересами остальнаго населенія, а не идутъ въ разрѣзъ съ ними. Евреи очень хорошо понимаютъ эту солидарность, и потому ихъ менѣе всего можно причислить къ ретроградными элементамъ русскаго общества.

ЧТО ТАКОЕ ЕВРЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Audiatur et altera pars.

Ни одна сторона еврейскаго вопроса не подвергалась такъ часто обсужденію, какъ вопросъ о значеніи и характерѣ еврейской промышленной дѣятельности. Можно сказать даже, что въ этомъ предметѣ кроется вся суть еврейскаго вопроса, такъ что отъ того или другаго воззрѣнія именно на этотъ предметъ зависитъ судьба еврейскаго народа во всякой странѣ. Вотъ почему относительно настоящаго вопроса мы встрѣчаемся съ болѣе рѣшительными и опредѣленными понятіями, чѣмъ относительно всего другаго, касающагося евреевъ. Литература и общественное мнѣніе у насъ (за немногими исключеніями) давно постановили по этому предмету приговоръ окончательный и безапелляціонный слѣдующаго содержанія. Еврейская торговля никогда и нигдѣ не обогащала (подробное развитіе этого тезиса мы слышали изъ устъ одного профессора политической экономіи на публичномъ чтеніи). Она состоитъ исключительно въ эксплуатаціи производительныхъ и трудящихся классовъ, особенно сельскаго населенія, такъ что барыши евреевъ составляютъ чистый проигрышъ для страны и слѣдовательно, чѣмъ болѣе развита промышленная дѣятельность евреевъ, тѣмъ хуже для остальнаго населенія. Далѣе евреи, благодаря своей пронырливости, лихорадочной дѣятельности и корпоративному духу, такіе сильные конкурренты въ промышленности, что ни одна другая національность не можетъ соперничать съ ними въ этомъ отношеніи и потому допущеніе, напр., евреевъ во внутреннія губерніи Россіи убьетъ русское купечество на повалъ. Въ частности, евреи въ западномъ и

привислянскомъ краяхъ захватили исключительно въ свои руки всѣ источники народнаго богатства, за исключеніемъ сельскаго хозяйства, но и то находится косвенно въ ихъ рукахъ при помощи кредитныхъ операцій и сдѣлокъ по сбыту сельскихъ продуктовъ. По этому благосостояніе евреевъ здѣсь постоянно растетъ на счетъ другихъ классовъ, особенно крестьянъ, такъ что необходимо принять самыя энергическія мѣры противъ возрастающаго преобладанія еврейскаго элемента, нашедшаго здѣсь вторую Палестину. Главная же опора еврейскаго могущества лежитъ въ крѣпкой солидарности всѣхъ членовъ еврейскаго союза, образующаго даже, по мнѣнію многихъ, какой-то тайный заговоръ противъ всего христіанскаго и преслѣдующаго систематически какую-то національно-еврейскую политику.

Таково въ сущности общепринятое мнѣніе о значеніи еврейской промышленности.

Посмотримъ въ какой степени оно основательно и справедливо.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о степени участія евреевъ въ фабрично-заводской промышленности тѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ они болѣе всего живутъ. Нѣтъ надобности доказывать здѣсь ту обще-извѣстную истину, что изъ двухъ видовъ городской экономической дѣятельности, промышленности обработывающей и торговой, первая имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе въ народно-хозяйственномъ организмѣ, чѣмъ вторая. Вотъ почему, еслибъ можно было доказать, что въ рукахъ евреевъ находится въ западной Россіи, которую мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду въ этой статьѣ, если не вся, то значительная часть фабричной промышленности, мы могли бы себѣ объяснить до нѣкоторой степени безпокойство тѣхъ господъ, которые кричатъ о необходимости принять крутыя мѣры противъ угрожающаго будто бы превращенія трижды русскаго края въ еврейское царство; хотя и тогда можно было бы потребовать еще особыхъ доказательствъ того, что такое преобладніе евреевъ приноситъ не пользу, а вредъ, и только вредъ. Но дѣло въ томъ, что этого доказать невозможно по той простой причинѣ, что «на нѣтъ и суда нѣтъ».

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ежегодно въ департаментъ ману-

фактуръ и торговли о числѣ фабричныхъ заведеній въ Россіи, видно, что въ 1864 г. фабрики и заводы западной Россіи, по принадлежности различнымъ владѣльцамъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [1]):

	Евреевъ	Христіанъ	Иностранцевъ
Въ Виленской губерніи.	12	28	6
» Гродненской . . .	98	54	29
» Могилевской .	8	41.	1
» Витебской	52	157	—
» Волынской . .	216	228	22
» Подольской . .	91	66	59
» Кіевской	32	166	8

Уже изъ этихъ цифръ можно видѣть, что евреи далеко не преобладаютъ въ фабрично-заводской промышленности западнаго края. Дѣйствительно, въ Виленской губерніи евреи въ 1860 г составляли $^{8}/_{13}$ городскаго и 11% всего населенія, а между тѣмъ въ ихъ владѣніи находится только около $^{1}/_{4}$ всего числа фабрикъ и заводовъ, въ Могилевской губерніи евреи составляютъ $^{6}/_{7}$ городскаго населенія, а владѣютъ только $^{1}/_{6}$ фабричныхъ заведеній, въ Витебской губерніи они составляютъ $^{1}/_{3}$ городскаго населенія, а владѣютъ $^{1}/_{4}$ промышленныхъ заведеній. Даже въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ благосостояніе евреевъ, какъ извѣстно, стоитъ выше, чѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ, цифры принадлежащихъ евреямъ заведеній далеко не сходятся съ процентнымъ отношеніемъ ихъ къ общему населенію городовъ и мѣстечекъ, т. е. къ промышленному классу страны. Такъ въ Кіевской губерніи, въ разсматриваемый нами 1864 годъ, изъ общаго числа городскаго населенія въ 330,351 души на долю евреевъ приходилось 253,447, въ Подольской губерніи изъ 303,726 чел. евреи составляли 208,759, въ Волынской губерніи изъ 229,397 д. евреевъ было 190,553, т. е. евреи составляли:

[1]) Столпянскій, Девять губерній западно-русскаго края, 1866 года, стр. 34, 52. 93, 117, 137, 160, 182.

Въ Кіевской губерніи	около	$^4/_5$	гор.	насел
» Подольской	»	»	$^2/_3$	»	»
» Волынской	»	»	$^{19}/_{22}$	»	»

Число находившихся въ еврейскомъ владѣніи фабрикъ и заводовъ къ общему числу ихъ относилось

Въ Кіевской губерніи	почти	какъ	1	$6^1/_2$
» Подольской	»	»	»	1	$2^1/_4$
» Волынской	»	»	»	1	2

Цифры эти ясно указываютъ съ перваго взгляда, что въ рукахъ евреевъ находится гораздо менѣе фабрикъ и заводовъ, чѣмъ сколько можно было предполагать, судя по постоянно раздающимся возгласамъ о томъ, что всѣ капиталы и вся промышленность западнаго края въ рукахъ евреевъ. Еслибъ эти возгласы были справедливы хоть на половину, то, при незначительности торговыхъ операцій западной Россіи, часть еврейскихъ капиталовъ устремилась бы на фабричную промышленность и приведенная таблица указывала бы болѣе благопріятное для евреевъ процентное отношеніе. На дѣлѣ же оказывается то странное обстоятельство, что въ западной Россіи промышленныя заведенія находятся въ рукахъ не коммерческаго класса, какъ въ Европѣ, а землевладѣльцевъ. Это замѣчено еще Журавскимъ, который говоритъ [1]), что $^6/_7$ фабрикъ и заводовъ Кіевской губерніи принадлежитъ помѣщикамъ; это происходитъ оттого, что въ юго-западномъ краѣ среднее сословіе (главнымъ образомъ евреи) имѣетъ очень мало капиталовъ и потому занимается мелкой торговлей и промыслами Какъ согласить такой отзывъ вполнѣ компетентнаго лица, основанный на близкомъ и долговременномъ изученіи предмета, съ ходячими фразами и сентенціями на счетъ богатства евреевъ и завладѣнія всѣми капиталами—предоставляемъ на усмотрѣніе читателей. Но этого мало. Для того, чтобъ составить себѣ болѣе точное понятіе объ участіи евреевъ въ фабрично-заводской промышленности необходимо не ограничиваться одной общей цифрой

[1]) Статистическое описаніе Кіевской губ., 1852 г. III. 1.

принадлежащихъ имъ заведеній, а войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ данныхъ по отдѣльнымъ родамъ такихъ заведеній. Фабрика фабрикѣ рознь, и при неопредѣленности и неточности нашихъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ официальнымъ путемъ, можно a priori предполагать, что въ общемъ перечнѣ заведеній будутъ поставлены на одну доску заводы и фабрики, совершенно неравные по значенію и размѣрамъ своихъ оборотовъ. Въ этомъ насъ дѣйствительно убѣждаетъ болѣе подробное разсмотрѣніе свѣдѣній, собираемыхъ департаментомъ мануфактуръ и торговли. Такъ суконныя фабрики распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Евреевъ	Христіанъ	Иностранцевъ.
Въ Гродненской губерніи .	20	35	21
» Могилевской » .	3	0	0
» Волынской » .	12	13	21
» Кіевской »	0	5	1
» Подольской » .	5	2	53
Сахарные заводы:			
Въ Кіевской губерніи .	4	58	1
» Волынской »	0	5	0
» Подольской » .	2	28	0
» Могилевской » . .	0	3	0

Слѣдовательно, тѣ два вида промышленныхъ предпріятій, которые составляютъ дѣйствительно весьма важную отрасль народнаго богатства, одинъ въ сѣверо-западномъ, другой въ юго-западномъ краѣ, имѣютъ очень мало представителей въ еврейской средѣ. То же самое со всѣми другими значительными фабриками и заводами, какъ напр., фабриками писчебумажными, хлопчатобумажными, стеклянными и заводами механическими, металлическими и т. п., которые не имѣютъ почти ни одного представителя между евреями западной Россіи. Мнимая же значительность цифры находящихся въ рукахъ евреевъ фабрикъ и заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ объясняется тѣмъ, что въ цифры эти вошли ничтожнѣйшія заведенія, въ родѣ «миніатюрныхъ кожевенныхъ заводовъ», надъ внесеніемъ которыхъ въ число фабричныхъ заведеній насмѣхается г. Зеленскій

въ своемъ превосходномъ описаніи Минской губерніи [1]) Эти жалкіе кожевенные заводы, съ сотенными оборотами, могли попасть въ разрядъ «фабрикъ и заводовъ» только благодаря плачевному состоянію нашей статистики, предоставленной совершенно на произволъ каждаго становаго пристава, а между тѣмъ они составляютъ значительную часть въ общей массѣ еврейскихъ фабричныхъ заведеній. Такъ въ Гродненской губерніи изъ общаго числа еврейскихъ заведеній 98, приходится 35 на долю однихъ кожевенныхъ заводовъ; въ Кіевской губерніи они составляютъ 14 изъ общей цифры 32; въ Волынской — 95 изъ числа 216, въ Подольской — 20 изъ числа 91, принадлежащихъ евреямъ заведеній. Точно также фигурируютъ между еврейскими заведеніями кирпичные заводы (въ Виленской губерніи 4 изъ 12, въ Подольской губерніи 17, въ Волынской 13); заводы для приготовленія сальныхъ свѣчей, особенно субботнихъ свѣчъ, большей частью, по словамъ г. Зеленскаго [2]), до того ничтожные, что о нихъ иногда и не упоминается въ данныхъ оффиціальной статистики (въ Гродненской губерніи 14, въ Подольской 26, въ Волынской 24); маслобойни (въ Гродненской губерніи 12, въ Волынской 15); табачныя фабрики (въ Кіевской губерніи 4, Волынской 13, Подольской 5) и т. п.

Факты эти до очевидности показываютъ, что евреи, за немногими исключеніями, наиболѣе участвуютъ въ тѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которыя требуютъ лишь самыхъ незначительныхъ капиталовъ, самыхъ простыхъ орудій и немногихъ рабочихъ, словомъ занимаются только тѣми видами производства, которые лишь по недоразумѣнію причисляются къ фабрикамъ и заводамъ, а въ дѣйствительности имѣютъ вполнѣ характеръ незатѣйливаго и бѣднаго ремесленнаго производства. Такимъ образомъ, мы пришли къ тому роду занятій, который, послѣ торговли, составляетъ главный источникъ пропитанія западно-русскихъ евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ главныхъ источниковъ нареканій на нихъ

---

[1]) Матеріалы для статист. и геогр. Россіи, собр. офиц ген. штаба. Описаніе Минской губерніи 1864 г., II, стр. 242.

[2]) Тамъ же, стр. 253.

изъ противнаго лагеря. Считаемъ поэтому не лишнимъ сказать и объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ.

Справедливо, что ремесла въ западномъ краѣ находятся главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ и не достигли цвѣтущаго положенія. Такъ мы встрѣчаемъ извѣстіе что въ Вильнѣ ремеслами занимаются почти исключительно евреи и производство это въ плохомъ состояніи но тутъ же прибавляется, что между евреями есть довольно искусные портные и рѣзчики, а изъ перечня ремеслъ видно, что всѣ отрасли ремесленнаго труда имѣютъ представителей въ средѣ евреевъ [1]). Въ Ошмянахъ тоже всѣ ремесленники (213 человѣкъ) евреи [2]). Во Владимірѣ-Волынскомъ ремесла весьма низкаго качества [3]). Но плохое состояніе ремесленнаго производства у евреевъ не должно быть поставлено имъ въ укоръ, если сообразить слѣдующія обстоятельства. Число евреевъ-ремесленниковъ неимовѣрно велико, такъ что масса ремесленнаго труда далеко превышаетъ запросъ на него. «Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, говоритъ г Зеленскій [4]), если скажемъ, что 40—50% еврейскаго населенія Минской губерніи (котораго было въ 1864 г. 61,499 человѣкъ) занимается ремеслами». При такомъ положеніи дѣлъ очень естественна та неимовѣрная бѣдность, на которую обреченъ еврей-ремесленникъ западнаго края. «Есть бѣдные мастеровые, говоритъ г Афанасьевъ [5]), которыхъ семьи постятся до вечера, пока придетъ хозяинъ и принесетъ часть заработанной платы». «Можно смѣло сказать, говоритъ г. Зеленскій [6]), что изъ 10 еврейскихъ ремесленниковъ семейства 8 погружены въ самую ужасающую нищету». Во Владимірѣ-Волынскомъ, относительно котораго мы только что приводили извѣстіе о плохомъ состояніи еврейскихъ ремеслъ,

---

[1]) Экономическое состояніе городскихъ посел. Европ Россіи въ 1861, 1862 и 1863 гг, Виленская губернія, ст. 5.

[2]) Тамъ же, стр 16.

[3]) Тамъ же, Волынская губернія, стр. 8.

[4]) Т. II, стр. 277.

[5]) Матеріалы и пр Описаніе Ковенской губерніи 1861 г., стр. 583.

[6]) Тамъ же, т. II, стр 277

эти ремесла по указанію того же источника [1]) «едва ли доставляютъ дневное пропитаніе занимающимся ими».

Мудрено ли, что такое ужасно плохое состояніе самихъ ремесленниковъ отзывается неблагопріятно на ихъ произведеніяхъ? Человѣку, который знаетъ, что семья его постится въ ожиданіи его заработка, до того ли, чтобъ заботиться о прочной и красивой отдѣлкѣ работы своихъ рукъ? Не станетъ ли онъ больше думать, чтобы какъ нибудь, на живую нитку, окончить свою работу какъ можно скорѣе, чтобъ доставить кусокъ хлѣба своему семейству? Ремесленникъ-еврей, работающій большею частью для своего же брата-бѣдняка, да для скряги-мужика, еслибъ онъ вздумалъ стараться дѣлать лучше и дороже, то былъ бы неминуемо убитъ конкурренціей другихъ ремесленниковъ, которые дѣлаютъ хотя гнило, да дешево. Низкій уровень доброты еврейскихъ ремесленныхъ произведеній есть неизбѣжное послѣдствіе состоянія потребителей (евреевъ и крестьянъ), для которыхъ онъ работаетъ, а не лѣни или неспособности ремесленниковъ-евреевъ. Это видно изъ того, что русскіе ремесленники въ западномъ краѣ нисколько не лучше, а пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хуже евреевъ. Ремесленники города Кіева (гдѣ тогда не было евреевъ), по словамъ Журавскаго [2]), преданы пьянству, празднованью, поступаютъ недобросовѣстно съ заказами. Они дѣлаютъ все плохо, на-авось. Ученики никогда не идутъ дальше мастеровъ, они не совершенствуются и не изобрѣтаютъ ничего. Такое же замѣчаніе дѣлаетъ г. Афанасьевъ-Чужбинскій, вообще близко изучившій бытъ еврейскаго населенія. Между ремесленниками-евреями, по его словамъ, нѣтъ ни пьяницъ, ни буяновъ. Евреи въ этомъ отношеніи безупречны. Русскій же мастеровой народъ какъ-то особенно придерживается чарки и многимъ ремесленникамъ праздникъ не въ праздникъ, если не удастся перепиться и понавѣдаться къ физіономіи ближняго. У ремесленниковъ-евреевъ, говоритъ онъ, одно обстоятельство было мнѣ въ диковину: кротость и мягкость въ обращеніи мастеровъ съ

[1]) Экон. сост. и пр. Волынская губернія, стр. 8.

[2]) Т. 3, стр. 256 и слѣд

подчиненными. Что касается провинціальныхъ ремесленниковъ, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, я всегда отдамъ предпочтеніе евреямъ, которые дѣлаютъ все и лучше, и дешевле Съ ними надо только умѣть торговаться [1])

Такой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ сообщенія г. Домантовича о состояніи ремесль въ Черниговской губерніи Ремесла въ городахъ, говоритъ онъ, находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ, вообще плохо знающихъ свое дѣло Но онъ же сообщаетъ что издѣлія мастеровыхъ изъ слобожанъ раскольниковъ, отличаясь чистотой отдѣлки, не всегда могутъ похвалиться прочностью и добросовѣстностью работы [2]).

Бѣдственное положеніе евреевъ-ремесленниковъ можетъ быть отчасти облегчено при помощи закона 1865 г., дозволяющаго имъ повсемѣстное жительство по Имперіи, хотя законъ этотъ изданъ, главнымъ образомъ, не съ этой цѣлью, а для того, чтобъ удовлетворить насущной нуждѣ въ ремесленномъ трудѣ во многихъ мѣстностяхъ восточной половины европейской Россіи. И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго края законъ 1865 г. принесъ пользу ремесленному классу. Такъ въ Минскѣ [3]) изъ 18 часовыхъ мастеровъ 3 уѣхали во внутреннія губерніи, гдѣ, по ихъ письмамъ они хорошо зарабатываютъ, а положеніе тѣхъ, которые остались дома, тоже улучшилось.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому, что еслибъ переселеніе ремесленниковъ-евреевъ могло совершиться въ большихъ размѣрахъ, то благосостояніе массы еврейскаго населенія быстро поднялось бы; но, къ сожалѣнію, дѣло это не можетъ подвигаться такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы, главнымъ образомъ вслѣдствіе безпомощности евреевъ ремесленниковъ, большинство которыхъ положительно не въ состояніи предпринять далекій и сопряженный съ немалыми издержками переѣздъ, и отчасти также по причинамъ, отъ евреевъ независящимъ. Нельзя поэтому не сочувствовать высказанной уже

---

[1]) Поѣздка въ южную Россію, т II, стр. 245, 251 и 302.

[2]) Описаніе Черниговской губерніи, стр. 366 и 367.

[3]) Гамагидъ 1869 г., № 19.

неразъ мысли о необходимости правильно организованной помощи тѣмъ изъ ремесленниковъ-евреевъ, которые пожелали бы осуществить предоставленное имъ закономъ 1865 г право и переселиться за черту общей осѣдлости евреевъ.

Совсѣмъ съ другого рода фактами мы встрѣчаемся, переходя ко второму и главному занятію русскихъ евреевъ — торговлѣ. Такъ мы находимъ, что въ 1864 г число еврейскаго населенія западнаго края относилось къ общему числу городскаго населенія слѣдующимъ образомъ.

	Городскаго насел.	Евреевъ.
Въ губерніи Кіевской	330.351	253,447
Волынской	229.397	190,553
Подольской	303.726	208,759
Могилевской	147,538	120,766
Витебской	112,018	70,520
Минской	126,339	61.449
Виленской (1860 г.)	133.995	80,000
Ковенской (1862 г.)	172,491	114.186 [1]).

Если при этомъ принять въ соображеніе, что большая часть христіанскаго населенія городовъ этого края ничѣмъ не отличается отъ сельскихъ жителей и занимается сельско-хозяйственными промыслами, какъ это видно напр изъ данныхъ, собранныхъ въ указанномъ нами изданіи «Экономическое состояніе городовъ» и пр, то окажется, что общепринятое мнѣніе о томъ, что торговля западной Россіи находится почти исключительно въ рукахъ евреевъ, дѣйствительно справедливо. Это подтверждается и нѣкоторыми частными свѣдѣніями, указанными бытописателями этой части Россіи. Напр. въ Виленской губ. въ 1861 г числилось

купцовъ	христіанъ	387
»	евреевъ	1071
мѣщанъ	христіанъ	35757
»	евреевъ	62716

[1]) Столпянскій въ разныхъ мѣстахъ

такъ что число купцовъ христіанъ относилось къ числу купцовъ евреевъ въ 1-й гильдіи какъ 1 10, во второй—какъ 1 17 [1]. Въ Минской губ. въ 1864 г было мѣщанскихъ лавокъ 1702, изъ нихъ еврейскихъ 1619, купеческихъ 403 изъ нихъ евреямъ принадлежали 385 [2]. Въ Ковенской губ еще въ 40-хъ годахъ на общее количество купцовъ въ 1240 приходилось еврейскихъ 1065 [3]).

Данныя эти неизбѣжно наталкиваютъ на вопросъ: какимъ же образомъ случилось, что вся торговля обширнаго и богатаго края перешла въ руки пришлаго бѣднаго и презираемаго племени?

На этотъ вопросъ «гласъ народа» отвѣчаетъ просто и рѣшительно, что случилось это вслѣдствіе того, что ни одна нація неспособна соперничать въ коммерціи съ евреями, обладающими какими-то особыми, прирожденными способностями къ торговой дѣятельности, и что разъ забравши въ свои руки торговлю западной Россіи, евреи составляютъ могущественную коалицію противъ вторженія въ ихъ среду торговцевъ христіанъ, которые, впрочемъ, если имъ и удается проломать брешь къ еврейской крѣпости и взять частицу торговли въ свои руки, принуждены бываютъ бросить свое дерзкое намѣреніе, заѣдаемые евреями и не въ силахъ будучи имъ противостать. Но если мы вспомнимъ, что «гласъ народа» очень часто судитъ совершенно ошибочно, и потому не довольствуясь ходячей молвой, обратимся съ поставленнымъ нами вопросомъ къ тѣмъ, которые дали себѣ трудъ изучать жизнь нашего отечества по первымъ источникамъ, то увидимъ быть можетъ—къ крайнему удивленію многихъ читателей—что общепринятое мнѣніе на этотъ счетъ значительно хромаетъ. Такъ г. Коревъ, одинъ изъ самыхъ предубѣжденныхъ противъ евреевъ изслѣдователей западной Россіи, не можетъ однако не высказать, что «не какія либо особыя природныя дарованія или наклонности народа, а исто-

---

[1]) Коревъ, описаніе Виленской губ. 1861 г., стр 384, 387, 514

[2]) Зеленскій, т 2, стр. 382.

[3]) Устройство и состояніе евр. обществъ, 1850 г. стр. 217

рическія условія удалили коренныхъ жителей отъ торговли и сроднили съ нею евреевъ, стоявшихъ внѣ гражданскаго единства. Сила же привычки поселила въ коренномъ населеніи убѣжденіе, что торговать можетъ только еврей, а евреи, на оборотъ, сроднились съ мыслью, что ихъ единственное призваніе есть торговля Убѣжденія эти, не подтверждаемыя никакими фактами, не имѣютъ никакого основанія» [1]). По словамъ г. Зеленскаго [2]), преобладаніе евреевъ въ торговлѣ Минской губерніи объясняется нерасположеніемъ кореннаго населенія къ городскимъ промысламъ и экономическими и историческими условіями страны.

Условія эти, по его мнѣнію, основанному на подробныхъ, превосходно разработанныхъ имъ данныхъ, именно сложились такимъ образомъ, что самымъ выгоднымъ занятіемъ въ Минской губерніи (какъ вообще въ западномъ краѣ) сдѣлалось не барышничество, при помощи котораго евреи, будто бы, высасываютъ всѣ богатства страны, — а хлѣбопашество. Слѣдовательно, говоритъ онъ, христіанское населеніе не теряетъ, а выигрываетъ оттого, что оно предоставило торговлю евреямъ, а само занимается болѣе выгоднымъ—земледѣліемъ.

Въ Бессарабіи «евреи, хотя и вредны для личныхъ выгодъ туземцевъ, но при лѣни и малоспособности мѣстнаго населенія они необходимы для движенія всѣхъ отраслей промышленности [3])» «Справедливость требуетъ сказать, говоритъ г. Афанасьевъ-Чужбинскій, что одни евреи сообщаютъ Бессарабіи торговое движеніе, и безъ нихъ былъ бы совершенный застой... Теперь крестьянинъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ вѣрный сбытъ своихъ произведеній, хотя за небольшую цѣну [4])» Оставляя въ сторонѣ явную нелѣпость признанія вреднымъ того, что необходимо, или необходимымъ того, что вредно, остается однакожь несомнѣннымъ, что нахожденіе бессарабской торговли, главнымъ образомъ, въ рукахъ евреевъ, зави-

---

[1]) Коревъ, стр. 513, 514

[2]) Т 2, стр. 289.

[3]) Защукъ, Описаніе Бессарабской области, т I, стр 173

[4]) Поѣздка въ южную Россію, т II, стр 24

ситъ вовсе не отъ какого-то необыкновеннаго коммерческаго генія ихъ (который слѣдовало бы предполагать, еслибъ они отвоевали торговлю у населенія дѣятельнаго и смышленнаго), а отъ лѣни и малоспособности молдаванъ

Въ Новороссійскомъ краѣ, «также какъ въ Малороссіи, по характеру малороссовъ, вялыхъ и непредпріимчивыхъ, здѣшніе уѣздные города превратились бы совершенно въ деревни, еслибъ ихъ не оживляли нѣсколько евреи своей дѣятельностью [1])» Слѣдовательно и тутъ захватъ евреями торговли произошелъ не столько по ихъ винѣ (если конечно здѣсь можно усмотрѣть какую нибудь вину), сколько по неохотѣ кореннаго населенія ко всякимъ городскимъ промысламъ, что въ свою очередь происходитъ отъ большей выгодности земледѣлія при теперешнихъ условіяхъ нашего хозяйственаго быта.

Вторая половина упомянутаго выше общепринятаго взгляда на причины захвата евреями торговли, именно мнѣніе о невозможности, при настоящемъ состояніи дѣлъ, для русскаго купечества, конкуррировать съ такъ называемой еврейской силой, тоже не выдерживаетъ критики. Оно опровергается, кромѣ данныхъ, которыя мы приведемъ въ слѣдующемъ очеркѣ, еще многими другими фактами. Г. Афанасьевъ-Чужбинскій, разсказывая объ исчезновеніи армянъ изъ Подольской губерніи, гдѣ они нѣкогда составляли значительный контингентъ торговаго сословія, говоритъ слѣдующее. «Марчинскій (авторъ описанія Подольской губерніи) полагаетъ, что обѣдненіе и переселеніе армянъ въ Могилевъ и Каменецъ произошло отъ наплыва евреевъ и данныхъ имъ льготъ. Но съ этимъ нельзя согласиться безусловно. Самый тонкій еврей не проведетъ самаго обыкновеннаго армянина, доказательствомъ чему служитъ Ростовъ-на-Дону, въ которомъ евреи почти незамѣтны, хотя и живутъ тамъ и знаютъ всѣ выгоды тамошней торговли». (Поѣздка въ Южную Россію, 1863, I, стр. 242). Елисаветградскій корреспондентъ «Николаевскаго Вѣстника» (1869 г. № 93) говоритъ, что «русское купечество, торгующее здѣсь съ давнихъ поръ ману-

[1]) Павловичъ, Екатеринославская губ. стр. 263.

фактурными, бакалейными и галантерейными товарами, не выпускаетъ торговли изъ своихъ рукъ, предоставивъ евреямъ мелочную и хлѣбную торговлю, а также мелочныя мастерства и факторство». Точно также г Янсонъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что «евреи, разсыпанные по всей Малороссіи, не монополизируютъ здѣсь однако въ такой степени хлѣбной торговли, какъ на кіевской сторонѣ Днѣпра; рядомъ съ ними стоятъ мѣщане русскіе, козаки и крестьяне; въ большихъ торговыхъ селеніяхъ евреи шинкари торгашествуютъ, собираютъ всякое крестьянское добро, но можно вездѣ встрѣтить богатыхъ хлѣбопромышленниковъ и не-евреевъ». (Хлѣбная торговля на Волыни, стр 258) Это общее замѣчаніе онъ подкрѣпляетъ подробнымъ фактическимъ описаніемъ. «Характеристическая особенность малороссійской хлѣбной торговли состоитъ въ томъ, что наибольшая масса хлѣба передвигается, помимо участія особыхъ торговцевъ, коммисіонеровъ, наѣзжихъ изъ далекихъ мѣстъ. Шкловскій, или гомельскій агентъ (еврей) совершенно теряется въ массѣ мелкихъ промышленниковъ, которые занятіе земледѣліемъ соединяютъ съ торговлей своими продуктами. Евреи шинкари и лавочники по городамъ занимаются, правда, сборкой крестьянскаго хлѣба, но главнымъ покупщикомъ у нихъ является все таки крестьянинъ» (тамъ же, стр. 250). И такъ пресловутые властители хозяйственныхъ судебъ запада и юга Россіи, болѣе всего заботящіеся о томъ, чтобы удержать за своимъ кагаломъ монополію экономическаго оборота, не могутъ помѣшать самому бѣдному и безпомощному классу населенія — крестьянству, прибрать къ своимъ рукамъ мелкое торгашество и должны спокойно смотрѣть на то, какъ бѣдный и неразвитой хохолъ вытѣсняетъ ихъ изъ этой единственной ихъ позиціи. Доказываетъ ли это, чтобъ евреи дѣйствительно обладали необыкновенно прочной соціальной и экономической организаціей, дающей имъ возможность властвовать надъ остальнымъ населеніемъ, какъ многіе утверждаютъ?

Такія же свѣдѣнія мы имѣемъ о Малороссіи. Раскольничьи поселенія вокругъ Стародуба (который искони считался однимъ изъ центровъ еврейской жизни въ Россіи) убили его торговлю. Ра-

скольничьи посады сдѣлались цвѣтущими городами и производятъ обороты на миллионы [1]) Изъ другаго источника мы знаемъ, что раскольники эти ведутъ торговлю пенькой съ Варшавой и что вообще «они очень предпріимчивы и умѣютъ извлекать пользу изъ всего» [2]).

Здѣсь мы имѣемъ поразительный примѣръ того, какъ коренной русскій торговецъ совершенно сбиваетъ съ давней позиціи еврея и даже отнимаетъ у него торговлю съ Варшавой, гдѣ, вслѣдствіе значительнаго по численности еврейскаго населенія, еврею, казалось бы, навсегда удержать торговую монополію Еще болѣе замѣчательное явленіе въ этомъ родѣ представляетъ намъ участіе евреевъ въ торговлѣ Новороссійскаго края. Здѣсь, какъ замѣчаетъ г. Павловичъ [3]) и извѣстный знатокъ южной Россіи Скальковскій [4]), земледѣліе и торговля составляютъ самыя выгодныя занятія, и потому исключительно привлекаютъ къ себѣ все населеніе, первое—сельское, а второе—городское. Тутъ бы, кажется. евреямъ развить и приложить къ дѣлу свои пресловутые коммерческіе таланты и жить себѣ припѣваючи, завладѣвъ торговлей, несравненно болѣе выгодной, чѣмъ въ западномъ краѣ. Въ дѣйствительности же мы видимъ далеко не то. Вывозная торговля хлѣбами и вообще сырыми продуктами, составляющая главный жизненный нервъ хозяйственнаго быта Новороссіи, находится въ рукахъ не евреевъ, а другихъ народностей, преимущественно грековъ [5]). Г. Сушковъ, служившій въ Крыму, Бессарабіи и сѣверозападномъ краѣ и собиравшій тамъ свѣдѣнія о евреяхъ, говоритъ слѣдующее: «Въ Крыму татары не поддаются вліянію евреевъ. Армяне не меньше ихъ хитры и изворотливы, а единоплеменные съ ними караимы рѣдко уступаютъ имъ доходныя вѣтви правильной торговли и промышленности. Въ Бессарабіи, при трудолюбіи царанъ, при многочисленности нуждающихся въ трудѣ цыганъ, они также не имѣютъ

---

[1]) Экономич состояніе и пр Черниг губ стр. 36.

[2]) Домонтовичъ, Описаніе Черниг. губ 1865 г, стр 421—25

[3]) Стр 237.

[4]) Ростовъ-на-Дону, 1865 г, стр 67

[5]) Тамъ же въ разныхъ мѣстахъ

большого значенія. Только въ городахъ они промышляютъ факторствомъ, мелочной перекупкой и продажей всякой всячины, а отчасти ремеслами.

Можно утвердительно сказать, что евреи вообще въ Новороссійскомъ краѣ не только не въ тягость христіанскому населенію, а даже и не безполезны (Чтенія въ Моск. Общ Ист. и др 1866 г, кн. 3, смѣсь, стр 234).

Даже мелочной торговлей, которую всѣ привыкли считать достояніемъ однихъ евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, они, по выраженію г. Павловича [1]), «еще не успѣли завладѣть».

Данныя этимъ самымъ очевиднымъ образомъ опровергаютъ мнѣніе о безусловномъ превосходствѣ евреевъ надъ другими народностями въ коммерціи Поэтому нельзя не согласиться съ г. Елисеевымъ, когда онъ говоритъ объ отношеніи еврейскаго кулачества къ русскому слѣдующимъ образомъ [2]) «Въ своей сферѣ кулакъ (русскій) несравнимъ. Никто такъ добродушно и набожно не заманитъ покупателя, никто такъ ловко не надуетъ его, какъ русскій кулакъ. Тутъ еврей смѣло можетъ учиться у него».

Чтобы покончить съ вопросомъ о еврейскомъ всемогуществѣ, на которое постоянно плачутся западно-русскіе публицисты, остановимся еще на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу «Евреи въ торговлѣ, какъ коренные жители въ хлѣбопашествѣ, по словамъ г. Корева, справедливость которыхъ подтвердитъ всякій мало-мальски знакомый съ дѣломъ, во всѣхъ отношеніяхъ отстали отъ западной Европы Силой рутины тѣ и другіе остановили развитіе промышленныхъ силъ страны» [3])

Оптовые покупщики хлѣба въ Гродненской губерніи находятся, по указанію г. Бобровскаго [4]), въ полной зависимости отъ иностранныхъ покупателей, преимущественно прусскихъ. Въ Виленской

---

[1]) Стр. 238

[2]) Производительныя силы Россіи, От. Зап 1868, кн 2, стр. 468

[3]) Описаніе Виленской губерніи, стр. 513

[4]) Матеріалы для геогр и статист. Россіи, собр офиц. ген. Шт, Гродненская губернія, Бобровскаго, 1865, т II, стр. 405.

губерніи точно также самостоятельныхъ купцовъ очень мало: въ Вильнѣ изъ христіанъ ихъ наберется не болѣе пяти. изъ евреевъ тоже очень мало. Остальные купцы вполнѣ зависятъ отъ оптовыхъ торговцевъ и суть ничто иное, какъ ихъ прикащики. Поэтому цѣны на привозные товары были бы еще гораздо выше существующихъ, еслибъ ихъ не понижала контрабандная торговля [1]). Въ особенности же труды г. Янсона даютъ намъ возможность разъяснить этотъ пунктъ также несогласно съ ходячими фразами и нареканіями. «Дѣятельность капиталовъ пинскихъ, по его словамъ. распространяется по покупкѣ на большую часть Волыни и по Днѣпру до самаго Екатеринослава. Но дѣятельность эта не имѣетъ тоже никакой самостоятельности, а регулируется совершенно заказами для Кенигсберга, Варшавы. Данцига. Разсматривая Пинскъ, какъ мѣстопребываніе капиталовъ и торговцевъ, мы не находимъ, однако. въ немъ лицъ, ворочающихъ большими капиталами» (Пинскъ и его районъ, стр. 2). «Зависимость цѣнъ на пшеницу на нашихъ рынкахъ отъ данцигскихъ цѣнъ и пертурбація въ этой зависимости очевидны» (стр. 152). Но этого мало. Не только размѣръ цѣнъ, а слѣдовательно интересы производителей и торговцевъ находятся въ безусловной зависимости отъ иностранцевъ, но самая возможность сбыта единственнаго источника народнаго богатства у насъ — земледѣльческихъ продуктовъ, вполнѣ зависитъ отъ потребностей и желаній тѣхъ же иностранцевъ. «Бываетъ и такъ, что всякій спросъ прекращается, и вся эта страна (лѣвый берегъ Днѣпра) съ чисто-пассивной, страдательной ролью въ хлѣбной торговлѣ принуждена даже не снимать хлѣба съ полей, такъ какъ цѣны не оплачиваютъ издержекъ и труда» (стр. 11). Весьма интересный фактъ въ этомъ родѣ сообщаетъ ковенскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 355 за 1870 г.). «Извѣстно, что въ отношеніи торговли солью нашъ городъ служитъ какъ бы метрополіей. . Къ сожалѣнію. однакожъ, торгующіе у насъ этимъ необходимымъ жизненнымъ предме-

[1]) Коревъ, стр. 515 Онъ прямо указываетъ, что это происходитъ отъ неразвитія въ Виленской губерніи (какъ большей частью въ Россіи) промышленности мануфактурной.

томъ поставлены въ полную зависимость отъ нѣмцевъ, имѣющихъ и въ этой отрасли промышленности свое неотразимое вліяніе, которому здѣшній торговый міръ, волей-неволей, подчиняется.

Было время, когда торговля солью, какъ всякая другая свободная промышленность, находилась въ рукахъ тысячи торговцевъ евреевъ, получавшихъ этотъ товаръ непосредственно изъ Ливерпуля и другихъ мѣстъ, и продававшихъ каждый по своему виду и разсчету. Въ настоящее же время торговля эта потеряла свой самостоятельный характеръ, превратившись въ родъ монополіи. Дѣло въ томъ, что въ 1867 г нѣкоторые торговые дома въ Мемелѣ, понявъ всю выгоду, доставляемую этимъ продуктомъ ковенскому купечеству, вздумали лишить его этой торговли, что имъ вполнѣ и удалось. Образовавъ «Союзъ» (Verein), къ которому впослѣдствіи примкнули два здѣшніе торговые дома, мемельскіе нѣмцы наводняютъ нашъ городъ весьма значительнымъ количествомъ соли... Такія и, подобныя этимъ, другія выгодныя условія, которыми союзъ умѣетъ пользоваться, и сдѣлавшія всякую конкурренцію съ нимъ невозможной, вынудили прежнихъ торговцевъ или совершенно отказаться отъ торговли солью, или обратиться исключительно къ союзу, ибо имѣть соль помимо его значитъ рисковать своимъ капиталомъ. Такимъ образомъ эта обширная отрасль торговли фактически перешла въ руки нѣмецкаго союза, эксплуатирующаго наши торговые интересы».

Тоже самое сообщаютъ въ этой газетѣ (№ 240 за 1871 годъ) о хлѣбной торговлѣ Ковна. «Условія жизни, въ которыя поставлены здѣшніе евреи, выдвигаютъ ихъ на коммерческое поприще безъ денегъ, безъ необходимыхъ въ торговлѣ познаній, а поэтому и роль, которую они играютъ, болѣе пассивная, чѣмъ активная, такъ какъ главная нить торговли находится у насъ въ рукахъ нѣмцевъ, дѣйствующихъ, такъ сказать, по всѣмъ правиламъ коммерціи. Не владѣя собственнымъ капиталомъ, еврей-торговецъ вынужденъ обращаться, при отсутствіи у насъ частнаго коммерческаго банка, въ банкирскую контору. Закупленный, съ помощью занятыхъ денегъ, хлѣбъ ссыпается въ амбаръ, принадлежащій банкирской конторѣ, и отправляется потомъ въ Пруссію по коносаменту, на-

писанному судовщикомъ на имя той фирмы, подъ которою контора торгуетъ; получается хлѣбъ на мѣстѣ назначенія опять торговымъ домомъ или коммиссіонеромъ, съ которымъ контора состоитъ въ торговой связи. Такимъ образомъ за владѣльцемъ товара оставляется лишь право продажи, по совершеніи которой ему выдается, за вычетомъ, конечно, сперва ссуды, потомъ процентовъ, экспедиторскихъ, коммиссіонныхъ, страховыхъ денегъ и всевозможныхъ акциденцій, чистая прибыль, если только она бываетъ. Поэтому и выходитъ, что наибольшую выгоду изъ всѣхъ операцій извлекаютъ наши quasi-банкирскія конторы, такъ какъ малѣйшее дуновеніе неблагопріятнаго вѣтерка со стороны мемельской или кенигсбергской биржи разстраиваетъ самые вѣрные разсчеты и надежды торговца». На послѣднія указанія мы обращаемъ особенное вниманіе читателей. Намъ твердятъ постоянно, что евреи составляютъ въ западномъ краѣ грозную, если не политическую, то экономическую силу, направляющую хозяйственную жизнь страны по своему усмотрѣнію для достиженія своихъ корыстныхъ видовъ, въ ущербъ интересамъ остальнаго населенія. Между тѣмъ приведенные факты ясно указываютъ, что западно-русскіе евреи ни на волосъ не измѣнили (да и не могли измѣнить) того общаго экономическаго закона, по которому страна исключительно земледѣльческая не можетъ играть независимой роли въ международномъ обмѣнѣ, а должна находиться въ зависимости отъ болѣе развитыхъ промышленныхъ странъ. Въ силу этого-то закона торговля западнаго края находится въ дѣйствительности въ рукахъ не евреевъ, а иностранцевъ, которые, имѣя полную возможность понижать цѣны на предметы вывоза изъ Россіи и поднимать ихъ на ввозимые ими товары, управляютъ хозяйственными интересами страны, мѣстные же торговцы въ сущности только ихъ приказчики, по выраженію г. Корева.

Точно также по отношенію къ внутренней торговлѣ, вся масса мелкаго торгующаго еврейскаго міра, на которую падаетъ главнымъ образомъ обвиненіе въ произвольномъ и своекорыстномъ помыканіи интересами производительнаго класса, особенно крестьянъ, въ сущности есть только слѣпое орудіе въ рукахъ немногочисленныхъ монополистовъ-богачей, которымъ и достается львиная доля

всѣхъ коммерческихъ оборотовъ и барышей. Въ доказательство укажемъ на частный, но вполнѣ типическій случай. Цѣны на мясо въ Варшавѣ стоятъ постоянно ненормально высокія, что по мнѣнію варшавскаго корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]), происходитъ отъ вмѣшательства еврейскихъ барышниковъ, которые закупаютъ на дорогѣ скотъ, пригоняемый въ Варшаву, и продаютъ его съ барышомъ мясникамъ, такъ что полиція нашла себя вынужденной вмѣшаться въ дѣло и принять мѣры противъ спекуляцій еврейскихъ кулаковъ

Но затѣмъ тотъ же корреспондентъ, очевидно ознакомившись ближе съ дѣломъ, сообщаетъ [2]) другія свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что прежнія извѣстія были не совсѣмъ правильны, и что главная причина хронической дороговизны мяса въ Варшавѣ—въ стачкѣ нѣкоторыхъ богатыхъ скототорговцевъ, закупающихъ весь скотъ на пражскомъ рынкѣ и произвольно поднимающихъ такимъ путемъ цѣны на мясо. Скототорговцы же эти по всей вѣроятности не евреи, такъ какъ въ противномъ случаѣ корреспондентъ, заявившій себя такимъ горячимъ противникомъ «еврейскихъ спекуляцій», не преминулъ бы донести объ этомъ публикѣ.

То же самое явленіе — необычайная дороговизна мяса, по той же самой причинѣ—стачкѣ русскихъ торговцевъ—было замѣчено въ Кіевѣ, гдѣ многіе находили, что единственнымъ средствомъ противъ этого зла можетъ служить допущеніе евреевъ-мясниковъ къ осѣдлости въ Кіевѣ. Далѣе западно-русскіе публицисты трубятъ во всѣ колокола о накопленіи капиталовъ у евреевъ. Но мы приводили уже отзывъ Журавскаго, объясняющаго принадлежность почти всѣхъ фабрикъ и заводовъ Кіевской губерніи землевладѣльцамъ — отсутствіемъ капиталовъ у средняго сословія. Здѣсь укажемъ еще на слѣдующіе выводы другихъ этнографовъ западной Россіи.

Самыми значительными фабричными заведеніями въ Гродненской губерніи владѣютъ иностранцы, менѣе значительными—евреи.

---

[1]) № 171 за 1869 годъ.

[2]) № 300 за 1869 годъ.

Только суконныя фабрики имѣютъ дѣйствительное значеніе. Остальныя представляютъ незначительныя заведенія съ ничтожнымъ кругомъ дѣятельности. Все это — небольшіе кожевенные, гончарные, кирпичные и свѣчные заводы (просимъ не забывать, что эти-то заведенія, по приведеннымъ выше цифрамъ, принадлежатъ преимущественно евреямъ), въ которыхъ хозяинъ съ однимъ или двумя работниками выдѣлываетъ издѣлія сомнительнаго качества и доброты, годныя для удовлетворенія потребностямъ самаго грубаго вкуса. Цѣнность ихъ производства нисходитъ отъ 3,000 до 100 рублей. Заведенія эти основываются большей частью евреями или мѣщанами-христіанами съ незначительными средствами [1]). Ясное дѣло, что капиталы очень рѣдки у еврейскаго населенія Гродненской губерніи, иначе оно не дало бы ускользнуть изъ своихъ рукъ мануфактурной промышленности, и фабрики края не очутились бы въ рукахъ иностранцевъ.

Въ Виленской губерніи также «годъ отъ году недостатокъ капиталовъ дѣлается все ощутительнѣе; притомъ сильное ихъ раздробленіе между торговцами и мелочной характеръ самой торговли не даютъ возможности созрѣть никакой ассоціаціи, которая съ своими выгодами соединила бы выгоды цѣлаго края [2]).

Этотъ послѣдній отзывъ указываетъ также на невѣрность общепринятаго мнѣнія относительно экономической солидарности и корпоративнаго духа евреевъ. Корпоративный духъ дѣйствительно очень силенъ у евреевъ, но только не въ экономической дѣятельности, а въ дѣлахъ общественныхъ и религіозныхъ. Еврей всегда съ готовностью сдѣлаетъ многое для своего брата, напр. въ видѣ благотворительности, но онъ очень неохотно вступаетъ въ коммерческія сдѣлки съ нимъ. Коммерческій геній у евреевъ въ высшей степени индивидуальный. Это видно напр. изъ еврейской поговорки, что «свататься хорошо съ евреемъ, а дѣла вести съ неевреемъ», а еще болѣе изъ того, что еврейская жизнь не выработала ничего похожаго на русскую артель или нѣмецкій цехъ. Еврей жертвуетъ

---

[1]) Бобровскій, т. II, стр. 270 и слѣд.

[2]) Коревъ, стр 528.

своей личной свободой только ради общественныхъ и народныхъ интересовъ, но никогда ради частнаго товарищества или компаніи, къ которой онъ питаетъ полное недовѣріе, помня слова талмуда, что «горшокъ товарищескій не горячъ и не холоденъ» (въ родѣ русской поговорки «у семи нянекъ дитя безъ глазу»). Такое явленіе, повидимому совершенно расходящееся съ тѣми формами, въ которыя сложилась еврейская жизнь въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ, объясняется именно чрезмѣрнымъ накопленіемъ евреевъ въ этихъ краяхъ. Торговая ассоціація можетъ устраиваться только тамъ, гдѣ коммерческія занятія распредѣлены между небольшимъ числомъ рукъ, гдѣ поэтому капиталы крупнѣе, и согласіе можетъ легче установиться. Немного крупныхъ капиталистовъ могутъ сойтись и очень удобно захватить въ свои руки всю промышленность страны. Но въ западномъ краѣ, гдѣ число торговцевъ невѣроятно велико и далеко превосходитъ запросъ на коммерческій трудъ, гдѣ капиталы вслѣдствіе этого чрезвычайно раздроблены и торговля получила характеръ мелочной, гдѣ слѣдовательно каждый промышленникъ видитъ въ другомъ не своего сотоварища, а врага, отнимающаго у него насущный кусокъ хлѣба,—тамъ экономическая ассоціація и монополія такой ассоціаціи немыслимы, а напротивъ до крайнихъ предѣловъ дошла противоположная система — индивидуализація торговаго и ремесленнаго труда и чрезмѣрнаго соперничества со всѣми ея послѣдствіями. Эта система отличается отъ первой тѣмъ, что она наноситъ гораздо болѣе вреда интересамъ самихъ торговцевъ, чѣмъ интересамъ остальнаго населенія, которому чрезмѣрная конкурренція приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда. Плачевное состояніе промышленниковъ-евреевъ при изолированномъ положеніи еврейства и трудности надѣяться на какую-либо помощь извнѣ вызываетъ къ жизни усиленную самопомощь общинной еврейской ассоціаціи. А близорукіе западные публицисты, видя солидарность между евреями—членами общины и не разбирая въ чемъ дѣло, торопятся доставлять въ редакціи извѣстныхъ изданій іереміады на то, что евреи составляютъ могучую экономическую корпорацію, держащую монопольнымъ образомъ въ своихъ рукахъ всю промышленность страны, тогда какъ на дѣлѣ существуетъ

совершенно противное, какъ видно изъ данныхъ и соображеній, которыя нами приведены и которыя будутъ еще указаны

Но пора наконецъ обратиться къ самому щекотливому, по главному въ настоящемъ дѣлѣ вопросу, полезна или вредна еврейская торговля?

Мнѣніе о вредности или по крайней мѣрѣ безполезности еврейской торговой дѣятельности, особенно въ западномъ краѣ, такъ часто и такъ убѣдительно высказывается съ давнихъ поръ, что поневолѣ дѣлается жутко, когда хочешь защищать противоположный взглядъ и такимъ образомъ разрушить этотъ освященный временемъ предразсудокъ, столь дорогой сердцу многихъ даже честныхъ, но предубѣжденныхъ людей.

Начнемъ съ того, что даже факторство, эта самая уродливая форма еврейской прочышленной дѣятельности въ западномъ краѣ, далеко не такъ безусловно дурно, какъ полагаютъ, и предъ судомъ безпристрастнымъ представляется вовсе не въ томъ невыгодномъ свѣтѣ, какой набрасываютъ на него нѣкоторые западно-русскіе публицисты.

Въ слѣдующемъ очеркѣ я приведу отзывы трехъ писателей, указывающихъ на хорошія стороны еврейскаго факторства. Здѣсь укажемъ на слова г Зеленскаго [1]), который высказывается также въ этомъ смыслѣ. «Факторство, говоритъ онъ, скорѣе доставляетъ удобство, чѣмъ разореніе... Правда, что безъ участія еврея здѣсь не обходится хозяйственное дѣло (и, прибавимъ мы, многія нехозяйственныя дѣла), но причина этого кроется не въ однихъ евреяхъ, которые притомъ скорѣе облегчаютъ своимъ посредничествомъ коммерческія сдѣлки».

И дѣйствительно, было бы странно предполагать, что факторство разоряетъ край, когда намъ извѣстно, какъ невѣроятно низко факторы цѣнятъ свой трудъ. Г. Шпилевскій, путешествовавшій по Полѣсью и Бѣлоруссіи, утверждаетъ, что «за полтинникъ жидъ-факторъ будетъ бѣгать цѣлый день». Но мы полагаемъ, что и эта норма слишкомъ высока, по крайней мѣрѣ для нашего времени.

[1]) Описаніе Минской губерніи, т. II, стр. 375.

Мы заключаемъ это изъ того, что, по словамъ г. Бобровскаго, писавшаго въ 1865 году, въ Гродненской губерніи «факторъ за 15 копѣекъ готовъ суетиться цѣлый день» [1]).

Невѣрно также мнѣніе, будто евреи занимаются исключительно посредничествомъ, не создавая сами никакихъ цѣнностей. Кромѣ труда ремесленнаго, евреи приносятъ не малую пользу странѣ еще тѣмъ, что, вынуждаемые необходимостью, они создаютъ новыя отрасли производительности. Какъ извѣстно, существенный признакъ экономическаго прогресса состоитъ въ томъ, чтобъ по возможности не оставлять безъ эксплуатаціи ни одной изъ производительныхъ силъ природы и превращать въ хозяйственную цѣнность даже мелкіе продукты, которые при неразвитомъ состояніи народнаго хозяйства пропадаютъ безъ пользы для человѣка. И въ отношеніи этой-то реализаціи мелкихъ цѣнностей евреи оказываютъ немаловажную услугу западной Россіи. Дѣйствительно, по отзывамъ всѣхъ знающихъ этотъ край, тамошніе крестьяне въ экономической дѣятельности, какъ и во всемъ прочемъ, въ высшей степени консервативны: они знаютъ только свое исконное земледѣліе и очень туго научаются новымъ занятіямъ. Евреи же и здѣсь явились элементомъ прогрессивнымъ до нѣкоторой степени, такъ какъ несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ ихъ труда должно было побудить ихъ пріискивать себѣ новыя занятія.

Такъ въ Кіевской губерніи, по словамъ Журавскаго [2]), козъ держатъ преимущественно евреи, и число ихъ въ продолженіи 4 лѣтъ (1842—46) болѣе чѣмъ удвоилось, между тѣмъ какъ прибыль другихъ домашнихъ животныхъ, содержимыхъ христіанами, незначительна. Далѣе, крестьяне мало занимаются разведеніемъ домашнихъ птицъ, хотя это было бы очень выгодно. Впрочемъ, разведеніемъ гусей занимаются евреи [3]). Въ другихъ мѣстностяхъ западной Россіи разведеніе домашнихъ животныхъ и птицъ тоже составляетъ обыкновенную принадлежность еврейскаго хозяйства, хо-

---

[1]) Описаніе Гродненской губерніи, I, стр. 858 и слѣд.

[2]) Стат. Описаніе Кіевской губ., т. 2, стр 82.

[3]) Тамъ же, стр 83.

тя другими этнографами края не собрано по этому предмету никакихъ свѣдѣній, вѣроятно потому, что они считали его неважнымъ.

Евреи своей промышленною дѣятельностью открываютъ и бѣдному христіанскому населенію новые источники заработковъ. Такъ въ Минской губерніи лѣса изобилуютъ огромнымъ количествомъ ягодъ разнаго рода, которыя пропадаютъ безъ пользы, по бездѣятельности мѣстнаго населенія. Исключеніе составляетъ одна черника, которая собирается для пріѣзжихъ изъ Малороссіи евреевъ, продающихъ ее въ Москву для приготовленія извѣстной краски [1]). Но это не все; главное то, что даже посредническая дѣятельность евреевъ приноситъ производительному населенію значительную пользу. Извѣстно, что при отсутствіи оживленной городской промышленности не можетъ процвѣтать и деревня, въ которой сосредоточиваются непосредственно-производительныя силы страны, или, какъ выразился Тенгоборскій, безъ помощи города деревня задыхается въ своемъ тукѣ, такъ какъ городъ даетъ возможность деревнѣ сбывать свои произведенія и, слѣдовательно, увеличить свою производительность и свое благосостояніе. Когда же изъ города нѣтъ запроса на продукты сельско-хозяйственной дѣятельности, что можетъ произойти отъ двухъ главныхъ причинъ немногочисленности городскаго населенія и отсутствія въ немъ предпріимчивости и промышленнаго духа, — деревня не можетъ благоденствовать, не имѣя куда дѣвать излишекъ своего производства и потому принужденная уменьшить размѣры своего труда и довольствоваться однимъ потребленіемъ своихъ продуктовъ, что неминуемо удерживаетъ сельское населеніе на первобытной степени развитія. Если посмотримъ съ этой научной точки зрѣнія на значеніе евреевъ для западной Россіи, то убѣдимся, что они имѣли благодѣтельное вліяніе на судьбу крестьянъ этого края. «Зачастую, не имѣя возможности продать излишекъ своего хлѣба, замѣчаетъ г. Домонтовичъ [2]), крестьянинъ пропиваетъ его. Крестьянинъ сѣверной части Черниговской губерніи очень дѣятеленъ, но поставленный также въ не-

[1]) Дѣятельность 1869 г. № 148.

[2]) Описаніе Черниговской губ. стр. 171 и 172.

возможность сбывать свои продукты, онъ впадаетъ въ равнодушіе и лѣность». Это указываетъ, конечно, на необходимость проведенія желѣзныхъ дорогъ, улучшенія водныхъ путей и вообще принятія мѣръ къ доставленію нашимъ производительнымъ силамъ выгоднаго и легкаго сбыта продуктовъ своего труда. Но развѣ, заботясь о болѣе раціональныхъ формахъ народнаго хозяйства, мы не должны отдать справедливости менѣе совершенному виду промышленной дѣятельности, который, по мѣрѣ своей возможности, удовлетворяетъ потребности въ рынкѣ для сбыта единственнаго богатства русскаго народа—произведеній сельскаго хозяйства? А это-то услуга въ западномъ краѣ принадлежитъ именно евреямъ.

Въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ г. Зеленскій [1]), городскаго населенія по 9-ой ревизіи считалось 13% общаго числа жителей, а съ незаписанными евреями доходитъ по всей вѣроятности до 20%; въ восточной полосѣ имперіи оно составляетъ менѣе 6%. Вслѣдствіе этого хлѣбопашецъ западной полосы имѣетъ на мѣстѣ гораздо болѣе покупателей своихъ продуктовъ, чѣмъ въ восточной части, что имѣетъ большое вліяніе на повышеніе цѣнъ хлѣба въ западной Россіи. Во многихъ губерніяхъ восточной полосы цѣна на хлѣбъ очень низка, но иногда значительно поднимается отъ случайныхъ причинъ, напр. временнаго пребыванія войскъ. Въ западныхъ же губерніяхъ евреи замѣняютъ цѣлую армію потребителей.

Вотъ почему, какъ свидѣтельствуетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ [2]), цѣны на хлѣбъ здѣсь постоянно растутъ. Такъ съ 1854 до 1860 г. цѣны на рожь поднялись на 21½%, на пшеницу на 19¾%, на овесъ на 35¾%. Высокому состоянію цѣнъ способствуетъ удобство сбыта въ привисляпскій край и балтійскіе порты. Поэтому неурожаи здѣсь не такъ страшны, такъ какъ легко всегда подвести хлѣбъ изъ губерній Кіевской, Полтавской, Екатеринославской и Волынской. А не надо забывать, что какъ этотъ подвозъ хлѣба съ юга въ Минскую губернію, такъ и отпускъ изъ нея въ привислянскій край и за границу, находятся въ рукахъ евреевъ,

---

[1]) Описаніе Минской губ., т. 2, стр. 379.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

слѣдовательно и выгодныя послѣдствія этого рода торговли должны быть приписаны имъ же.

Въ Гродненской губерніи точно также цѣны на хлѣбъ постоянно возрастаютъ. Такъ напримѣръ четверть ржи стоила въ 1843 г. 2 р. 8 коп., въ 1860 г. 4 руб. [1]) Цѣны на лѣсъ въ послѣднее время значительно поднялись [2]). Въ этомъ же смыслѣ высказывается г. Бабстъ [3]). «Самъ крестьянинъ, говоритъ онъ, ежели его спросить объ этомъ (о евреяхъ), согласится съ вами, будетъ непостовствовать противъ еврея, а все-таки сознается, что не будь еврея, ему и некому, и негдѣ было бы продать избытка своего ничтожнаго хозяйства, неоткуда было бы достать денегъ. Запретить евреямъ таскаться изъ двора въ дворъ, отъ села къ селу, съ базара на базаръ, значило бы разомъ остановить промышленность цѣлаго края, которую они одни только поддерживаютъ».

Совокупность этихъ данныхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что еврейское населеніе оказываетъ громадную услугу дѣлу благосостоянія сельскихъ производительныхъ классовъ, открывая имъ обширный рынокъ для сбыта единственнаго своего богатства, во первыхъ непосредственно какъ многочисленный классъ потребителей, всегда поддерживающій сильный запросъ изъ города на произведенія деревни, и во вторыхъ еще болѣе какъ торговцы, вывозящіе излишки хлѣба, мяса и другихъ естественныхъ произведеній какъ за границу, такъ и въ другія части Россіи (такова наприм. торговля лѣсомъ съ южнымъ краемъ).

Жалуются часто на то, что евреи своимъ посредничествомъ сильно повышаютъ цѣны на все и тѣмъ затрудняютъ жизнь въ западномъ краѣ. Такъ виленцы жалуются, что множество перекупщиковъ-евресвъ повышаютъ цѣны на съѣстные припасы [4]). Изъ Черниговской губерніи также слышимъ голосъ, что вся мелочная

---

[1]) Бобровскій, Опис. Гродн. губ., т. 2, стр. 403.
[2]) Тамъ же, стр. 411.
[3]) Отъ Москвы до Лейпцига, 1859 г. стр. 7.
[4]) Экономическое состояніе и пр., Виленская губ., стр 4.

торговля въ рукахъ евреевъ, которые, скупая у крестьянъ продукты, поднимаютъ на нихъ цѣны [1]).

Но, во первыхъ, это не всегда такъ бываетъ. По свидѣтельству г. Зеленскаго [2]), крестьяне охотнѣе вступаютъ въ сдѣлки съ евреями, чѣмъ съ другими лицами. Поэтому, хотя евреи занимаются перекупкой сельскихъ продуктовъ, но у нихъ нерѣдко можно пріобрѣсти товаръ дешевле, чѣмъ изъ первыхъ рукъ.

Не отрицая впрочемъ факта возвышенія цѣнъ отъ еврейской торговой дѣятельности, спрашивается, какое значеніе слѣдуетъ придавать этому явленію? Кто выигрываетъ отъ такого возвышенія? разумѣется болѣе всего сами производители, т. е. большей частью крестьяне. Кто теряетъ отъ этого? городскіе жители, которые сами не производятъ, а принуждены все покупать у сельскихъ жителей. Но кто же эти городскіе жители? Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что евреи составляютъ значительное большинство городскаго населенія западной Россіи. Если же исключить мѣщанъ-христіанъ, которые всѣ почти занимаются тоже земледѣліемъ и слѣдовательно относятся не къ потребителямъ, а къ производителямъ, то окажется, что за исключеніемъ небольшаго числа чиновниковъ, духовныхъ и русскихъ купцовъ, всю армію потребителей въ западномъ краѣ, по выраженію г. Зеленскаго, составляютъ одни евреи. Значитъ теряютъ отъ еврейскаго посредничества сами евреи, а выигрываютъ — крестьяне и вообще производители. Въ правильности этого вывода нельзя сомнѣваться, хотя онъ и противорѣчитъ общепринятому мнѣнію. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ, сообщенный варшавскимъ корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» [3]). Здѣшніе евреи, говоритъ онъ, завели правильную, почти ежедневную отправку по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ цыплятъ значительными партіями и дѣлаютъ на этомъ хорошую аферу, ибо пара цыплятъ, стоющая здѣсь 40 коп., продается тамъ по 1 руб. 50 коп.

---

[1]) Тамъ же, Черниговская губ., стр. 36.
[2]) Т 2, стр. 375 и слѣд
[3]) 1869 г., № 172.

Спрашивается, кто выигрываетъ отъ такого заведенія варшавскими евреями новой отрасли торговли? Ясно, что въ барышахъ тутъ, кромѣ самихъ торговцевъ, во первыхъ, производители цыплятъ въ мѣстахъ закупки ихъ евреями-торговцами, такъ какъ они могутъ сбывать ихъ теперь въ большомъ числѣ и выгоднѣе, а производители эти, конечно, крестьяне; и во вторыхъ, петербургскіе жители, которымъ облегчена возможность удовлетворить одной изъ своихъ потребностей или прихотей. Въ накладѣ же отъ новой торговой операціи одни потребители цыплятъ въ Варшавѣ; а большая часть этихъ потребителей—евреи же.

Очевидно, что эти соображенія вполнѣ примѣнимы и ко всякому другому виду еврейскаго барышничества, ибо вообще извѣстно, что высокія цѣны на продукты сельскаго хозяйства суть вѣрный признакъ благосостоянія производительныхъ классовъ и экономическаго прогресса. Слѣдовательно, обвинять евреевъ въ повышеніи цѣнъ, какъ будто бы это было дурнымъ признакомъ для народнаго хозяйства, просто нелѣпо. Но даже тѣмъ родомъ своихъ занятій, которымъ евреи у насъ, какъ и повсюду, навлекли на себя всего болѣе гоненій и ненависти, т. е. кредитными операціями, они принесли и продолжаютъ приносить западной Россіи не малую пользу.

Во первыхъ, евреи, давая взаймы деньги большею частью землевладѣльцамъ, не мало способствовали улучшенію помѣщичьяго хозяйства, которое, какъ и всякое другое хозяйство, не можетъ обойтись безъ помощи капиталовъ. А до какой степени значительны были эти обороты въ прежнее время, видно изъ слѣдующаго. Въ 1849 г. банкирскіе обороты Бердичева на кіевской ярмаркѣ равнялись 11,900,000 руб. Обороты эти, по словамъ г. Журавскаго [1]), имѣютъ важное значеніе для края, такъ какъ капиталы, отдаваемые въ ссуду бердичевскими банкирами, отчасти держатъ въ зависимости промышленность, торговлю и даже владѣніе землями. Западно-русскіе публицисты часто утверждаютъ, что еврейскіе долги были заключаемы польскими помѣщиками единственно для мотовства, а не для улучшенія имѣній. Но, во первыхъ, это не со-

[1]) Т. 3, стр. 570.

всѣмъ вѣрно. Изъ фактовъ, указанныхъ Журавскимъ, видно, что развитіе свекло-сахарной промышленности въ Кіевской губерніи отчасти зависитъ отъ участія евреевъ. Участіе это, по его указаніямъ, заключается въ томъ, что еврей ссужаетъ помѣщика необходимымъ для устройства завода капиталомъ и за то пользуется до уплаты долга частью прибыли [1]). Если же проматываніе польскими помѣщиками при помощи евреевъ своихъ имѣній и составляетъ фактъ несомнѣнный, то винить въ этомъ евреевъ никоимъ образомъ невозможно. Кредиторъ не можетъ указать должнику, какъ употребить занятый капиталъ, да для него оно и не имѣетъ значенія, и ужъ конечно не евреямъ было подъ силу передѣлать польскую шляхту. Во вторыхъ, евреи, какъ въ средніе вѣка въ Европѣ, такъ и въ западной Россіи, первые внесли въ народно-хозяйственный бытъ элементъ кредита, а кто не знаетъ, какой могучій рычагъ экономическаго развитія представляетъ кредитъ.

Табакъ (въ Черниговской губерніи) покупается большею частью на наличныя деньги, но евреи иногда покупаютъ его въ долгъ. При этомъ они поступаютъ иногда слѣдующимъ образомъ. Они даютъ задатокъ продавцу табака и продаютъ запроданный имъ товаръ оптовымъ купцамъ и полученными отъ нихъ деньгами расплачиваются съ продавцемъ [2]). Въ Гродненской губерніи евреи покупаютъ хлѣбъ въ кредитъ, давая задатокъ отъ $^1/_8$ до $^1/_7$ цѣнности купленнаго, а остальныя уплачиваютъ потомъ [3]). Тоже самое замѣчено въ Кіевской губерніи Журавскимъ. Торговое свое правило: закупать товаръ безъ денегъ и перепродавать его другимъ купцамъ по высшей цѣнѣ, говоритъ онъ, евреи примѣняютъ съ равнымъ успѣхомъ и къ соляной промышленности. Еврей, часто совсѣмъ безъ денегъ, отправляется въ Аккерманъ или другія бессарабскія соляныя озера и договариваетъ чумаковъ набрать соль. Затѣмъ онъ спѣшитъ домой и продаетъ соль другому лицу еще до привоза ея. Если же цѣна не выгодна, то еврей не возвращается къ чума-

---

[1]) Т. 3. стр 15.

[2]) Домонтовичъ, стр 418.

[3]) Бобровскій, т. 2, стр 404.

камъ, которые продаютъ соль въ свою пользу. Чумаки находятъ выгодными такія сдѣлки [1]). Кромѣ офеней и слобожанъ, говоритъ г. Аксаковъ [2]), самымъ полезнымъ дѣятелемъ для русскихъ мануфактурныхъ торговцевъ на Украйнѣ служитъ живое, торговое, оборотливое еврейское племя.

Прежде евреямъ кредитовали мало, но теперь начинаютъ довѣрять и имъ, хотя не на долгіе сроки. Евреи же стараются съ своей стороны какъ можно скорѣе заплатить наличными деньгами, чтобы воспользоваться скидкой процента и выручить свои барыши раздачей товара въ долгъ по мелочамъ за еврейскіе проценты. Это послѣднее указаніе побуждаетъ насъ привести еще нѣкоторыя другія данныя, могущія служить матеріаломъ для правильной характеристики еврейской торговли, собранныя тѣмъ же авторомъ.

Евреи, говоритъ онъ, самые дѣятельные покупатели, особенно на мануфактурные русскіе товары, которые они разносятъ по всему западному краю и Бѣлоруссіи. Они же сильные покупатели на прасольскіе товары, которые отправляются ими за границу. Почти вся торговля иностранными товарами по сухопутной границѣ проходитъ чрезъ ихъ руки. Броды, Бердичевъ и Дубно—главные двигатели этой торговли. Чрезъ нихъ украинскія ярмарки имѣютъ связь съ Лейпцигомъ, особенно по мягкой рухляди. На ярмаркахъ, гдѣ участвуютъ евреи, они оживляютъ торговлю. Около каждаго оптоваго купца еврея толпятся сотни мелкихъ торговцевъ, которые продаютъ товаръ въ раздробь, что усиливаетъ массу наличныхъ денегъ, такъ что ярмарки съ евреями считаются денежными. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣя своихъ банкировъ, подрядчиковъ, извощиковъ [3]).

Ильинская ярмарка имѣетъ особенную важность для торговли суконъ и шерстяныхъ тканей, что зависитъ, кромѣ времени года, отъ участія евреевъ, которые привозятъ ихъ съ фабрикъ польскихъ и западнаго края. Они торгуютъ здѣсь на большія деньги. Русскіе

---

[1]) Журавскій, т. 3, стр. 519.

[2]) Изслѣдов. о торговлѣ на укр. ярмаркахъ, стр. 22.

[3]) Тамъ же, стр. 36.

купцы говорятъ, что евреи только нашумятъ на милліонъ, а торгуютъ 150 тысячъ, потому что фундаментальныхъ торговцевъ между ними мало. Но я полагаю, что они торгуютъ больше [1]).

Евреи мало покупаютъ сахару на ярмаркахъ, это товаръ имъ не подходящій, онъ находится въ рукахъ торговцевъ фундаментальныхъ (т. е. богатыхъ русскихъ купцовъ), такъ какъ заводчики на ярмаркахъ торгуютъ только оптомъ и большими партіями. Мелкія партіи продаются при посредствѣ евреевъ [2]).

Между евреями мало основательныхъ купцовъ, вѣроятно отъ излишней поспѣшности и алчности. Еврей нерѣдко продаетъ товаръ дешевле, чѣмъ купилъ; ему всегда нужны наличныя деньги, оборотомъ которыхъ онъ надѣется пополнить убытокъ. Купцы говорятъ, что пока рубль обернется у русскаго 2 раза, онъ у еврея обернется 5 разъ [3]). Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ остерскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 114 за 1871 г.).

Согласно съ этимъ говоритъ г. Зеленскій, что евреи скорѣе облегчаютъ коммерческія сдѣлки и, довольствуясь небольшимъ барышомъ, нерѣдко при покупкѣ сильно рискуютъ и потому часто теряютъ [4]).

Далѣе, евреи сбываютъ много русской шелковой ленты, выдавая ее за иностранную. Они чрезвычайно сильно содѣйствуютъ русскому фабричному производству въ сбытѣ ея, сообщая новѣйшіе узоры и образцы, пріобрѣтаемые ими въ Лейпцигѣ, равно и свѣдѣнія о секретахъ выдѣлки ея. Шелковыя иностранныя ткани привозятся на украинскія ярмарки евреями, но невысокаго достоинства. Они при этомъ сбываютъ много русскихъ тканей за иностранныя. Евреи-гуртовщики продаютъ и въ раздробь (особенно при помощи разнощиковъ [5]).

Замочный товаръ много покупается евреями, которые не гоняются за чистотой отдѣлки, а смотрятъ только, чтобъ вещь была

---

[1]) Тамъ же, стр 122 и 328.
[2]) Тамъ же, стр 311 и 315.
[3]) Тамъ же, стр. 36
[4]) Т 2, стр 174 и 176.
[5]) Аѣсаковъ, стр. 240.

похожа на ту, которая имъ нужна. Евреи покупаютъ много шпанской мухи для вывоза въ Европу [1]).

Для характеристики еврейской торговли весьма важны также изслѣдованія проф. Янсона о хлѣбной торговлѣ въ районѣ Пинска и на Волыни. Торговля эта составляетъ важнѣйшую статью народно-хозяйственнаго оборота захватываемыхъ ею мѣстностей и находится почти всецѣло въ рукахъ евреевъ; поэтому слѣдующіе выводы г. Янсона о выгодности и солидности этой торговли могутъ безошибочно быть примѣнены ко всей вообще еврейской торговлѣ. «Относительно размѣровъ и прочности разсчетовъ на барыши, говоритъ онъ, хлѣбная торговля есть вполнѣ спекуляціонная. Чѣмъ вѣрнѣе основанія для коммерческаго разсчета, чѣмъ опредѣлительнѣе элементы, вліяющіе на прибыль и на рискъ, тѣмъ правильнѣе идетъ торговля, тѣмъ менѣе въ ней спекуляціи, тѣмъ она солиднѣе. Если же мы разберемъ элементы разсчета хлѣбной торговли, то не можемъ не придти къ тому заключенію, что она не можетъ не быть спекуляціонной. Конкурренція евреевъ въ торговлѣ понижаетъ цѣны и барыши до минимума. Если цѣны и разнятся на двухъ рынкахъ, то множество посредниковъ, питающихся отъ торговли и разсчитывающихъ изо дня въ день свое существованіе, поглощаетъ всю эту разницу. Прибавимъ къ этому медленность оборотовъ, высокій частный дисконтъ (до 36% въ годъ), подверженность товара порчѣ, плохое состояніе средствъ передвиженія и финансоваго механизма торговли, колебаніе курса, то мы легко поймемъ, что прочныхъ и вѣрныхъ выгодъ торговля хлѣбная дать не можетъ и дѣйствительно не даетъ. Два года 1866 и 1867, пинскіе торговцы, не смотря на усиленіе торговли, терпѣли значительные убытки отъ собственной спекуляціи. Но зато и барыши могутъ быть внезапны и весьма значительные. Хлѣбная торговля, говорилъ намъ одинъ почтенный торговецъ, ни что иное, какъ игра въ карты. На вѣрный барышъ нечего разсчитывать». (Пинскъ и его районъ 1869 г., стр. 173) То же самое сообщаетъ нашъ авторъ о волынской торговлѣ. «Въ видахъ возвышенія цѣнъ, какъ

[1]) Тамъ же, стр. 340 и 350.

напр., предъ 1867 годомъ, спекуляція хлѣбомъ сильно разгарается; кромѣ мѣстныхъ евреевъ являются заѣзжіе изъ Подольской губерніи, Галиціи, Польши—всѣ они стремятся на Волынь и своей конкурренціей возвышаютъ цѣны за предѣлы необходимаго соотношенія между мѣстными и портовыми цѣнами. Но подобныя спекуляціи весьма часто оканчиваются убытками вмѣсто барышей, ибо при возрастаніи цѣнъ помѣщики и арендаторы потери свои на цѣнѣ стараются наверстать нечистотой зерна, а потери отъ очистки падаютъ на спекулянта» (Хлѣбная торговля на Волыни, 1870 года, стр. 195). Подводя общіе итоги своимъ наблюденіямъ надъ волынской торговлей, г. Янсонъ говоритъ «хлѣбная торговля есть чисто спекуляціонная, такъ какъ разница въ цѣнахъ сильно колеблется при неизмѣняющихся почти причинахъ, производящихъ эту разницу, и сама она, въ средней величинѣ, едва покрываетъ необходимые расходы на передвиженія и процентъ на капиталъ» (стр. 247). И такъ оказывается, что главная статья еврейской торговли едва покрываетъ необходимые расходы и весьма часто вмѣсто барышей даетъ убытокъ. Гдѣ-жъ то золотое руно, которое евреи обрѣли въ западномъ краѣ? Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что убыточность торговыхъ оборотовъ обыкновенно приноситъ выгоды производителямъ и чѣмъ менѣе прибыли торговцамъ, тѣмъ выгоднѣе для первоначальныхъ производителей. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, евреи-торговцы своимъ соперничествомъ и желаніемъ торговать во что бы то ни стало, не соображая, въ какой мѣрѣ это выгодно или нѣтъ, поднимаютъ цѣны далеко выше нормальной величины, т. е. обусловливаемой отношеніемъ спроса къ предложенію. Всякое же возвышеніе цѣнъ естественно идетъ на пользу производителей, т. е. помѣщиковъ и крестьянъ. Выходитъ, стало быть, что евреи въ извѣстномъ смыслѣ эксплуатируютъ самихъ себя для остальнаго населенія, а не наоборотъ, какъ обыкновенно полагаютъ.

Въ связи съ этимъ находится другой вопросъ о самостоятельности еврейской торговли, о громадной экономической роли, которую будто бы играютъ евреи въ западномъ краѣ. Труды г. Янсона даютъ намъ возможность разъяснить этотъ пунктъ также несогласно

съ ходячими фразами и нареканіями. «Дѣятельность капиталовъ пинскихъ, по его словамъ, распространяется по покупкѣ на большую часть Волыни и по Днѣпру до самаго Екатеринослава. Но дѣятельность эта не имѣетъ тоже никакой самостоятельности, а регулируется совершенно заказами изъ Кенигсберга, Варшавы, Данцига. Разсматривая Пинскъ какъ мѣстопребываніе капиталовъ и торговцевъ, мы не находимъ однако въ немъ лицъ, ворочающихъ большими капиталами». (Пинскъ и его районъ, стр. 2). «Зависимость цѣнъ на пшеницу на нашихъ рынкахъ отъ данцигскихъ цѣнъ и пертурбація въ этой зависимости очевидны» (стр. 152). Но этого мало. Не только размѣръ цѣнъ, а слѣдовательно, интересы производителей и торговцевъ находятся въ безусловной зависимости отъ иностранцевъ, но самая возможность сбыта единственнаго источника народнаго богатства у насъ—земледѣльческихъ продуктовъ—вполнѣ зависитъ отъ потребностей и желаній тѣхъ же иностранцевъ. «Бываетъ и такъ, что всякій спросъ прекращается, и вся эта страна (лѣвый берегъ Днѣпра) съ чисто пассивной, страдательной ролью въ хлѣбной торговлѣ принуждена даже не снимать хлѣба съ полей, такъ какъ цѣны не оплачиваютъ издержекъ и труда» (стр. 11).

Мѣстные евреи ведутъ тоже торговлю въ лавочкахъ соленою рыбою, солью и другими припасами, преимущественно для крестьянъ. Крестьяне, повидимому, ненавидятъ евреевъ, бранятъ ихъ безпощадно, но торговые интересы ихъ такъ тѣсно связаны, частыя сношенія ихъ такъ обычны, что мужикъ безъ еврея не обойдется во всѣхъ случаяхъ. И дѣйствительно, гдѣ онъ отыщетъ себѣ помощь, какъ не у еврея? Правда, послѣдній возьметъ съ него проценты за одолженіе; но нашъ торговецъ отъ этого далекъ вѣроятно потому, что у насъ все хлопочутъ о крупныхъ барышахъ, а еврей извлекаетъ выгоду изъ всякой мелочи, имѣя въ разсчетѣ, лишь бы всякая свободная копѣйка обращалась въ процентахъ. Евреи такъ падки на нихъ, что за-частую, не имѣя въ наличности денегъ, продаютъ какой нибудь товаръ въ очевидный убытокъ; получивъ за него деньги, бросаются на покупку другаго товара, по ихъ соображенію, выгоднаго, продаютъ его и получаютъ такой барышъ, который вознаграждаетъ за прежній убытокъ, и еще даетъ пользу.

Изъ этихъ свѣдѣній мы можемъ извлечь слѣдующія любопытныя черты характера еврейской торговли.

1) Торговля эта оказываетъ русскому фабричному производству, по сознанію самихъ фабрикантовъ, значительныя услуги какъ усиленнымъ сбытомъ ихъ произведеній въ западной и южной Россіи, такъ и посредничествомъ между ними и западной Европой. 2) Еврейская торговля основана не на монопольномъ принципѣ заламыванья въ три-дорога, который составляетъ жизненный нервъ великорусскаго кулачества, какъ и азіятской торговли, а на вытекающемъ изъ неограниченной конкурренціи въ еврейскомъ мірѣ началѣ быстроты оборота при маломъ барышѣ, подчасъ даже убыткѣ, слѣдовательно, на началѣ раціональномъ и прогрессивномъ, сравнительно съ русской торговлей. Что такая система торговли болѣе выгодна для населенія, чѣмъ великорусская, ясно изъ отзыва г. Зеленскаго, что евреи часто теряютъ при своихъ спекуляціяхъ, а потеря спекулянта должна обратиться къ выгодѣ потребителей; впрочемъ мы указывали уже на это обстоятельство выше. 3) Еврейская торговля отличается какимъ-то отсутствіемъ солидности въ купеческомъ смыслѣ, фундаментальности, по выраженію великорусскихъ купцовъ, т. е. отсутствіемъ капиталовъ, на что мы тоже обращали вниманіе читателей не разъ уже. Поэтому еврейскій конекъ — мелочная торговля, представляющая собою въ промышленности элементъ труда, а не капитала, такъ что даже оптовые торговцы-евреи промышляютъ въ раздробь, какъ бы не могутъ выйдти изъ заколдованнаго круга мелкаго барышничества, отведеннаго евреямъ исторіей (по крайней мѣрѣ у насъ до сихъ поръ). Причины этого кроются въ соціальныхъ условіяхъ еврейскаго быта, препятствующихъ накопленію между ними капиталовъ (исключенія конечно бываютъ), о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться. 4) Еврей своей оборотливостью создаетъ новыя отрасли народнаго богатства (къ вышеуказаннымъ промысламъ — разведенію домашнихъ животныхъ и птицъ, собиранію черники — можемъ прибавить теперь вывозъ шпанской мухи).

Нельзя послѣ всего этого не согласиться съ г. Журавскимъ, когда онъ говоритъ о значеніи евреевъ въ Кіевской губерніи слѣ-

дующее: «При польскомъ правительствѣ евреи составляли зло, потому что все было въ ихъ рукахъ. Но теперь, когда правительство отъ нихъ независимо и приняты мѣры къ сближенію ихъ съ остальнымъ населеніемъ и къ уничтоженію ихъ фанатизма, евреи не могутъ считаться опасными. Напротивъ, можно полагать, что изъ нихъ образуется классъ торговцевъ весьма полезный для края по своей предпріимчивости, вѣрности взгляда и разсчетливости, хотя теперь эти качества заглушаются ихъ неразборчивостью въ средствахъ нажиться и алчностью» [1]). Какъ на примѣръ этой предпріимчивости евреевъ, Журавскій указываетъ на слѣдующій фактъ. По Днѣпру внизъ изъ Кіевской губерніи отпускается только лѣсъ и лѣсныя издѣлія, но случается отпускъ хлѣба въ Одессу; такъ въ 1847 г. одинъ еврей сплавилъ 16,000 пудовъ пшеницы въ Одессу и заработалъ много денегъ. «Это, прибавляетъ онъ, лучшее доказательство чрезвычайной смѣлости и предпріимчивости евреевъ въ торговлѣ» [2]).

Русское сельское населеніе давно оцѣнило пользу, проистекающую для него отъ промышленности евреевъ, и выказываетъ свой взглядъ на этотъ предметъ фактически. Въ доказательство этого мы можемъ кромѣ нѣкоторыхъ сюда относящихся данныхъ, разсѣянныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ прежнихъ очеркахъ нашихъ, сослаться еще на слѣдующіе отзывы компетентныхъ лицъ.

Еврей въ Полѣсьи, по словамъ г. К. В. М. [3]), арендуетъ у помѣщиковъ земли и нанимаетъ крестьянъ на работы всегда на 20% процентовъ дешевле помѣщика. Въ Черниговской губерніи, не смотря на то, что еврей при сдѣлкѣ съ крестьяниномъ и не прочь его обмануть, но та-ненависть и недовольствіе евреями, которыя существовали въ народѣ прежде, замѣтно начинаютъ ослабѣвать. И это въ центрѣ Малороссіи, которая нѣкогда воздвигла столь жестокія гоненія на евреевъ. А западно-русскіе публицисты, эти непрошенные защитники будто бы народныхъ инте-

[1]) Т. 3, стр. 370.

[2]) Тамъ же, стр. 308.

[3]) Современная Лѣтопись 1869 г., № 43, стр 2

*

ресовъ, еще теперь вызываютъ къ жизни улегшіяся народныя страсти и намекаютъ на необходимость возобновленія для евреевъ временъ Хмѣльницкаго и гайдамачества!

Болѣе подробныя извѣстія объ этомъ предметѣ мы встрѣчаемъ у г. Зеленскаго [1]). «Евреи, говоритъ онъ, обладаютъ особеннымъ искуствомъ рѣшать дѣла съ крестьянами. Попробуйте купить у крестьянина на базарѣ его продукты, не сойдетесь въ цѣнѣ, но подошлите еврея, и онъ ему уступитъ за низшую цѣну. Отъ этого, хотя евреи занимаются перекупкой, но у нихъ нерѣдко можно пріобрѣсти товаръ дешевле, чѣмъ изъ первыхъ рукъ. Относительно помѣщика крестьянинъ необыкновенно упрямъ, но онъ до смѣшного податливъ и довѣрчивъ, имѣя дѣло съ евреемъ, особенно если еврей имѣетъ за пазухой водку. Поэтому евреи часто являются посредниками между помѣщиками и крестьянами. Я не разъ слышалъ, продолжаетъ онъ, что крестьяне иногда ни за какія деньги не хотятъ наниматься на работы у помѣщиковъ, пока не явится какой нибудь Цицеронъ въ лапсардакѣ и не убѣдитъ ихъ къ этому силой своего краснорѣчія. Если крестьянинъ не будетъ косить у своего землевладѣльца за 35 коп. въ день, то у сосѣдняго арендатора-еврея непремѣнно станетъ за 30 коп. Такова сила еврейскаго краснорѣчія!» заключаетъ г. Зеленскій. Мы съ своей стороны думаемъ, что еврейское краснорѣчіе тутъ ни причемъ, и что объяснять такія явленія только чарующей силой водки—значитъ обнаружить чрезвычайную ограниченность и поверхностность взгляда и кромѣ того полное незнаніе простаго русскаго народа, который судитъ о своихъ житейскихъ дѣлахъ очень здраво и вовсе не такъ легко даетъ себя провести.

Объясняются же эти факты просто тѣмъ, что при теперешнемъ экономическомъ положеніи Россіи, евреи оказываютъ сельскому населенію во многихъ отношеніяхъ болѣе пользы, чѣмъ вреда, какъ мы подробно указывали выше, и потому крестьяне, зная, что еврей, какъ вообще барышникъ, не прочь его надуть, все таки охотнѣе имѣетъ дѣло съ нимъ, чѣмъ съ паномъ. И дѣйствительно,

[1]) Описаніе Минской губ, т. 2, стр. 375 и слѣд.

исторія соціальнаго развитія всѣхъ странъ показываетъ, что вездѣ за рабствомъ гражданскимъ, т. е. признанной закономъ постоянной зависимостью труда отъ капитала, сперва въ видѣ рабства, а затѣмъ крѣпостного права, слѣдуетъ фактическая зависимость низшихъ производительныхъ классовъ отъ капитала и барышничества. Эта послѣдняя зависимость, какъ менѣе постоянная и жестокая, неохраняемая общественной властью и болѣе согласная съ интересами работящихъ классовъ, встрѣчается ими съ сочувствіемъ, какъ содѣйствующая эмансипаціи ихъ отъ гораздо болѣе тяжелаго ига крѣпостнаго права, хотя скоро является желаніе, очень естественное, освободиться и отъ этой эксплуатаціи. Вотъ почему западнорусскій крестьянинъ гораздо болѣе довѣряетъ еврею, съ которымъ онъ имѣетъ сношенія, основанныя на началѣ равенства и свободы договора, чѣмъ съ лицами высшихъ сословій, которыя привыкли видѣть въ немъ подчиненнаго.

Указывая на выгодныя стороны еврейской торговой дѣятельности, я вовсе не хочу сказать этимъ, что экономическій бытъ западной Россіи не оставляетъ ничего желать лучшаго и что еврейская торговля безупречна. Справедливо, что въ ней много обмановъ и что еврей барышникъ, шинкарь и ростовщикъ эксплуатируетъ бѣдное населеніе, особенно сельское. Но качества эти, во-первыхъ, присущи всякой торговлѣ, по крайней мѣрѣ у насъ, и во вторыхъ обязаны своимъ происхожденіемъ не народному еврейскому духу, а независящимъ отъ евреевъ условіямъ нашего хозяйственнаго и общественнаго быта.

Первое изъ этихъ положеній, чтобъ не ходить далеко за примѣрами, можетъ быть доказано свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ относительно русскаго купечества въ западномъ краѣ. «Число русскихъ купцовъ въ Гродненской губерніи, говоритъ г. Бобровскій [1]), ничтожно и они заразились тѣмъ же духомъ барышничества (что и евреи). Къ русскому купцу здѣсь довѣрія не имѣютъ. Ему ни почемъ божба и присяга». Въ Виленской губерніи, по словамъ г. Корева, недостатокъ образованія, капиталовъ, предпріимчивости

[1]) Т. 2, стр. 354.

и духа ассоціаціи удерживаетъ купцовъ христіанъ въ рутинѣ. Ихъ главное правило, какъ и у евреевъ: купить какъ можно дешевле, продать какъ можно дороже, но у христіанина купца покупатель не такъ рискуетъ быть обманутымъ [1]). «Безъ участія евреевъ въ промышленныхъ оборотахъ Кіевской губерніи неоткуда было бы взять много весьма нужныхъ матеріаловъ фабричныхъ издѣлій, говоритъ Журавскій, ибо прочіе купцы и мѣщане здѣшнихъ городовъ и мѣстечекъ занимаются торгомъ немногими опредѣленными предметами и не пускаются въ операціи, требующія особой изворотливости и дѣятельности и сопряженныя съ нѣкоторымъ рискомъ» [2]).

Впрочемъ не одно торговое сословіе виновно въ склонности къ обманамъ и мошенничеству: крестьяне не вездѣ лучше купцовъ въ этомъ отношеніи. Такъ въ Черниговской губерніи крестьяне, продавая пеньку купцамъ, часто обманываютъ ихъ, берутъ задатокъ, а потомъ подъ разными предлогами продаютъ ее другимъ лицамъ. Крестьяне жалуются, что барышники, особенно евреи, надуваютъ ихъ, обвѣшиваютъ. Купцы жалуются, что ихъ вводятъ въ обманъ продавцы относительно качества пеньки [3]). А что русское купечество не только въ западномъ краѣ, гдѣ можно полагать, что оно испортилось подъ вліяніемъ евреевъ, но и у себя дома, въ губерніяхъ восточной и сѣверной полосы, отличается тѣми же похвальными качествами, которыя обыкновенно приписываются по преимуществу евреямъ, это мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

Изъ этихъ фактовъ видно, на сколько основательно выражаемое многими мнѣніе, что слѣдуетъ озаботиться спеціальными мѣрами для образованія въ западной Россіи купеческаго сословія изъ великоруссовъ. Такъ г. Елисѣевъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ. Въ Россіи, что ни попадало въ руки барина, то доставалось русскому кулаку; въ западномъ краѣ кулаковъ замѣнили евреи. Изъ кулаковъ въ восточной Россіи образовалось русское купечество, которое забрало въ свои руки крупныхъ и мел-

---

[1]) Кореевъ, стр. 386.

[2]) Описаніе Кіевской губерніи, т. 3, стр. 507.

[3]) Домонтовичъ, стр. 421—23.

кихъ баръ и двиг[redacted]бмышленнымъ міромъ. Въ западной Россіи подобнаго не могло случиться, потому что здѣсь торговлю держатъ въ своихъ рукахъ евреи. Поэтому теперь въ интересахъ обрусѣнія края нужно было бы облегчить туда входъ кулакамъ московской формаціи. Только они могутъ сбить еврея съ его позиціи [1]). И дѣйствительно, національное купечество несравненно важнѣе для страны, чѣмъ національное чиновничество, о которомъ такъ заботятся руссификаторы западнаго края. А что вытѣсненіе еврейства національнымъ купечествомъ дѣло не только возможное, но и не трудное, въ этомъ убѣждаетъ насъ, кромѣ указанныхъ нами не разъ фактовъ, примѣръ Пруссіи, и именно Познани. Здѣсь, какъ во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, при польскомъ правительствѣ купечество состояло преимущественно изъ евреевъ. Но по присоединеніи этой провинціи къ Пруссіи, при извѣстномъ намѣстникѣ-германизаторѣ Флотвеллѣ, наплывъ нѣмцевъ уничтожилъ вліяніе евреевъ и подчинилъ ихъ себѣ всецѣло. Какимъ образомъ это произошло, объясняютъ источники, которыми пользовался г. Ратчъ для своего извѣстнаго сочиненія. «Патріотическое настроеніе нѣмецкихъ купцовъ дало имъ возможность выдержать конкурренцію съ евреями, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторонѣ была большая честность и аккуратность [2])». Тоже самое было въ отношеніи нѣмецкихъ ремесленниковъ къ еврейскимъ. Здѣсь очевидно страна много выиграла отъ замѣны еврейской торговли нѣмецкою. Но у насъ, гдѣ купечество не можетъ похвастаться сильнымъ чувствомъ патріотизма и національнаго самосознанія и не превосходитъ евреевъ ни въ честности, ни въ аккуратности, спрашивается: какіе цивилизующіе элементы внесетъ кулачество въ жизнь западной Россіи, хотя ему и удастся вытѣснить евреевъ? Самъ г. Елисѣевъ говоритъ: «на сколько первоначально экономическое обладаніе русскаго кулака будетъ для туземнаго легче еврейскаго,—это, конечно, еще вопросъ. Но кулакъ есть форма переходная, которая рано или поз-

[1]) От. Зап. 1868 г, кн. 2, стр. 438.

[2]) Сборникъ свѣдѣній о польскомъ мятежѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, 1863 г., т. 2, стр. 808.

дно смѣнится правильно организованнымъ [redacted]мъ купечествомъ. Царствію же еврея не будетъ конца, пока онъ будетъ оставаться безъ конкурренціи [1])» (какъ будто еврейское барышничество не есть форма переходная, а евреи не могутъ сдѣлаться солидными купцами)!

Г. Бабстъ тоже полагаетъ, что «если пустить сюда русскихъ прасоловъ,—то при настоящемъ положеніи Бѣлоруссіи и западныхъ губерній они оберутъ до чиста сельское населеніе, конечно если отнять у евреевъ это право, или ограничить ихъ торговлю [2])». Что эти опасенія имѣютъ основанія въ дѣйствительности, видно изъ приведенныхъ выше отзывовъ о теперешнемъ русскомъ купечествѣ въ западномъ краѣ. Впрочемъ гг. Бабстъ и Елисѣевъ очевидно не знаютъ, что правительство давно обратило вниманіе на предлагаемую ими мѣру. Еще указомъ 24 декабря 1841 г. дарованы разныя льготы купцамъ и мѣщанамъ изъ христіанъ, которые пожелали бы переселиться въ западныя губерніи изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній. Но указъ этотъ не имѣлъ на практикѣ тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали [3]), конечно потому, что нынѣшнее русское купечество, отличающееся, по приведеннымъ выше словамъ гг. Корева и Бобровскаго, склонностью къ обманамъ и отсутствіемъ образованія и предпріимчивости, такъ же мало имѣетъ задатковъ будущаго развитія, какъ и еврейская торговля.

Остается подкрѣпить доказательствами и второй тезисъ, что вредныя стороны еврейской торговли происходятъ отъ постороннихъ бытовыхъ условій. Для этого укажемъ на главныя изъ тѣхъ условій западнорусской жизни, которыя способствовали къ извращенію нормальнаго характера промышленности въ этомъ краѣ.

1) На первомъ планѣ здѣсь, какъ и по всюду, стоитъ крупнѣйшее явленіе русской исторіи—крѣпостное право. Не только какъ первоначальная причина всѣхъ темныхъ явленій въ жизни

---

[1]) Елисѣевъ, стр. 438.

[2]) Отъ Москвы до Лейпцига, стр. 7.

[3]) Описаніе Минской губ. т. 2, стр. 375 и слѣд.

русскаго народа—бѣдности, невѣжества, пьянства и безправности—имѣвшихъ прямымъ результатомъ возможность легкой, безнаказанной эксплуатаціи сельскаго населенія барышниками, но во многихъ случаяхъ непосредственно крѣпостное право вело къ тому, чтобъ дать искуственное и вредное направленіе промышленной дѣятельности городскаго населнія. Въ правильности этого вывода никто изъ читателей, знакомый нѣсколько съ экономическими явленіями, не станетъ сомнѣваться безъ особыхъ какихъ либо основаній. Но слѣдуя разъ принятому нами въ этихъ очеркахъ правилу подкрѣплять общую мысль фактами изъ дѣйствительной жизни и совѣту г. К. В. М. [1]), который справедливо полагаетъ, что еврейскій вопросъ можетъ быть правильно разрѣшенъ только на мѣстѣ и фактически, а не «въ принципѣ и вообще.»—мы здѣсь укажемъ на фактъ, имѣющій большую важность и рельефно выражающій нашу мысль. Разсказывая объ отношеніяхъ между занимающимися извозмъ крестьянами и нанимающими ихъ евреями-кулаками, о невыгодномъ положеніи, въ которомъ первые нерѣдко находятся относительно послѣднихъ, г. Янсонъ прибавляетъ: «Въ былое время, когда и мужикъ менѣе дорожилъ временемъ, и спросъ на его трудъ былъ меньше, поводы къ несогласіямъ и протестамъ съ ихъ стороны представлялись рѣдко; но теперь наступаетъ, кажется, послѣднее время такихъ неопредѣленныхъ отношеній. Крестьяне, видя усиленіе спроса, входятъ въ свои права, и жидку приходится труднѣе изворачиваться съ ними. Многія громады и теперь уже берутъ впередъ съ него всю плату сполна, за полное количество, причитающееся за воловью фуру» (Пинскъ и его районъ, стр. 19). Смыслъ этого замѣчанія довольно ясенъ. При крѣпостномъ правѣ, когда мужикъ не признавался полноправной личностью, когда онъ не имѣлъ ни возможности, ни желанія дорожить своимъ трудомъ, не ему принадлежавшимъ, торговцамъ-кулакамъ было на руку пользоваться этимъ трудомъ въ свою пользу беззазорно. Но крестьянская реформа развязала сельскому населенію руки, мужикъ «входитъ въ свои права» и старое зда-

[1]) Совр. Лѣтопись 1866 г. № 37.

ніе, державшееся на обманѣ и эксплуатаціи, замѣтно рушится, уступая мѣсто болѣе свободнымъ и справедливымъ отношеніямъ, при чемъ еврейская злокозненность не въ состояніи ничего сдѣлать. Такое же вліяніе оказываетъ усиленіе спроса, т. е. возрастаніе потребительныхъ средствъ и усиленіе экономическаго оборота. Соціально-экономическій прогрессъ вліяетъ впрочемъ не только на отношенія подрядчиковъ-евреевъ къ крестьянамъ-кулакамъ, но и на всю еврейскую торговлю во всѣхъ ея функціяхъ. «Наступленіе неурожаевъ и дороговизны окончательно сократило обороты мелкихъ торговцевъ, говоритъ г. Янсонъ. Выгодность спекуляціи сильно была подорвана этими двумя обстоятельствами Къ этому присоединилось распространеніе свѣдѣній о положеніи цѣнъ на главныхъ рынкахъ, не только среди спекуляторовъ, но и среди производителей, сокращеніе спроса на кредитъ и на деньги со стороны помѣщиковъ, вслѣдствіи сокращенія ими потребностей и перехода хозяйствъ въ руки денежныхъ людей. Евреи со вздохомъ вспоминаютъ о томъ времени, когда можно было эксплуатировать невѣжество въ торговыхъ дѣлахъ, безпечность и мотовство богатыхъ землевладѣльцевъ, когда знаніе положенія рынка составляло достояніе посвященныхъ въ еврейскія тайны евреевъ. Все зло сваливаетъ еврей торгашъ на телеграфъ: теперь «гандель слѣпой», говоритъ онъ, не знаешь, выиграешь или проиграешь; а прежде, какъ не было телеграфа, лучше было покупать по заказу, барыши вѣрнѣе, кромѣ насъ некому было купить, а пану дуже грошей нужно было; теперь онъ усе равно, какъ поссесоръ. Это сужденіе, которое мнѣ не разъ приходилось слышать отъ евреевъ, чрезвычайно вѣрно характеризуетъ старое и новое время хлѣбной торговли; старое—когда производитель былъ въ рукахъ мѣстнаго еврея, когда торговля представляла предметъ покрытой тайной дѣятельности отверженнаго жида, и новое—когда желѣзная дорога и телеграфъ дали торговлѣ больше правильности» (Хлѣбная торговля на Волыни, стр. 198). Эти наблюденія г. Янсона приводятъ насъ къ полному убѣжденію въ томъ, что недостатки еврейской торговли, будучи результатомъ общихъ недостатковъ нашего общественнаго организма, исчезаютъ вмѣстѣ съ этими послѣдними, независимо отъ какихъ

бы то ни было репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, никогда не достигавшихъ своей цѣли. Что крѣпостное право было главной причиной возможности эксплуатаціи евреями крестьянскаго населенія, можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣчаній г. Афанасьева-Чужбинскаго о Бессарабіи. «Помѣщики въ Бессарабіи, говоритъ онъ, состоятъ изъ лицъ разныхъ племенъ, но всѣ имѣютъ одну цѣль: извлечь какъ можно больше выгодъ изъ своихъ имѣній. Нравственность народа, его развитіе и благосостояніе не имѣютъ для нихъ никакого значенія. Крѣпостнаго права въ Бессарабіи нѣтъ и край благоденствуетъ на бумагѣ. Но на дѣлѣ нѣтъ въ Россіи бѣднѣе и угнетеннѣе сословія, чѣмъ царане, вслѣдствіе злоупотребленій чиновниковъ и помѣщиковъ. Поссесоры (греки, армяне, молдаване, поляки, евреи и русскіе) обходятся съ крестьянами очень дурно. Заграничные монахи тоже не лучше. Но при существующихъ высокихъ цѣнахъ за наемъ земли, арендаторы иначе не могутъ имѣть барышей, какъ при злоупотребленіяхъ и эксплуатаціи края. Кромѣ тяжкой зависимости отъ помѣщика царанинъ находится подъ безусловнымъ вѣдѣніемъ земской полиціи. Онъ сильно стѣсненъ въ финансовомъ отношеніи, именно общественными сборами, иногда весьма значительными и неизвѣстно куда исчезающими. Кромѣ того всевозможныя натуральныя повинности. Отсюда частая нужда въ деньгахъ; и тогда крестьянинъ обращается разумѣется къ еврею. Еврей же беретъ большой процентъ, а въ случаѣ неуплаты можетъ взыскать долгъ по своимъ связямъ съ земской полиціей. Этотъ гнетъ крестьяне сносятъ безропотно» [1]).

Истребленіе лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ еврейскими купцами для сплава лѣса заграницу и въ южную Россію есть одно изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ промышленниковъ-евреевъ. И дѣйствительно, нельзя не раздѣлять негодованія всѣхъ благомыслящихъ людей при видѣ безразсуднаго и окончательнаго истощенія лѣсныхъ богатствъ западной Россіи, которое должно отзываться гибельно на народной экономіи страны. Но, разсмотрѣвъ дѣло внимательнѣе и безпристрастно, мы находимъ вотъ что. Обо-

[1]) Поѣздка въ южную Россію, II, 15, 18, 20, 24, 28.

роты евреевъ по торговлѣ лѣсомъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, достигали въ 40-хъ годахъ до 235,770 руб. въ годъ и относятся къ оборотамъ самыхъ помѣщиковъ по этой торговлѣ какъ 45 · 1. Эта цифра будетъ еще больше, если принять въ соображеніе срубъ лѣсовъ казенныхъ. Барыши торговцевъ при этомъ весьма значительны, но только тогда, когда лѣсъ покупается у помѣщиковъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ срубка, обдѣлка и перевозка лѣса къ берегамъ рѣкъ для сплава производится даровымъ крестьянскимъ трудомъ, и потому помѣщики продаютъ лѣсъ дешево, особенно когда деньги нужны. Но когда лѣсъ покупается у вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ и покупатель долженъ производить всѣ операціи трудомъ наемнымъ, выгоды торговцевъ очень незначительны [1]). Это значитъ, что эгоистическая и вредная эксплуатація природныхъ богатствъ и труда рабочаго класса немногими барышниками обусловливается здѣсь не существованіемъ этихъ послѣднихъ, а крѣпостнымъ правомъ, при которомъ народный трудъ цѣнится ни во что, а помѣщикъ при нуждѣ въ деньгахъ (обыкновенно для мотовства) готовъ за безцѣнокъ отдать свое, безъ труда пріобрѣтенное достояніе. Что такъ было не въ одной Кіевской губерніи въ сороковыхъ годахъ — видно изъ словъ г. Зеленскаго, писавшаго въ 1864 году, что въ Минской губерніи помѣщики заставляли крестьянъ работать въ лѣсахъ цѣлыя зимы, уплачивая имъ по нѣсколько копѣекъ въ день, что едва было достаточно для ихъ пропитанія [2]).

Съ другой стороны въ великороссійскихъ губерніяхъ, безъ всякаго участія евреевъ, кореннымъ русскимъ купечествомъ производится также безпощадное и возмутительное уничтоженіе лѣсовъ, положительно ничѣмъ не уступающее дѣятельности западно-русскихъ евреевъ въ этомъ отношеніи. Кто въ этомъ сомнѣвается, тому совѣтуемъ прочесть хоть легкій очеркъ Елабугина: «Лѣсопромышленники» [3]).

---

[1]) Описаніе Кіевской губерніи т. 3, стр 469 и 454

[2]) Зеленскій, т. 2, стр. 197.

[3]) Отеч. Зап. 1868 г., кн. 2.

2) Вторая причина, вліяющая на легкость эксплуатаціи производительныхъ классовъ барышничествомъ—бѣдность этихъ классовъ, ихъ безпомощность въ случаѣ житейскихъ невзгодъ. Потребность уплаты податей, страсть къ водкѣ и нужда въ земледѣльческихъ орудіяхъ, по словамъ г. Бобровскаго [1]), часто заставляютъ крестьянъ продать еврею хлѣбъ по низкой цѣнѣ.

Въ Черниговской губерніи крестьяне продаютъ табакъ не по естественнымъ условіямъ его цѣнности въ данное время, но соображаясь съ нуждой въ деньгахъ и цѣнами въ окрестныхъ мѣстахъ [2]). Эта всемогущая нужда въ деньгахъ, понятно, даетъ барышнику возможность заключать съ крестьяниномъ, какъ и съ помѣщикомъ, сдѣлки мало для нихъ выгодныя. Но развѣ не ясно, что не будь еврея, который всегда готовъ оказать помощь, хотя и дорого стоющую, положеніе нуждающагося въ деньгахъ производителя было бы гораздо хуже настоящаго? Для крестьянина очевидно выгоднѣе продавать свои продукты еврею нѣсколько дешевле и имѣть возможность уплатить казенные и общественные сборы, чѣмъ видѣть свой скотъ и усадьбу продающимися съ молотка распорядительнымъ чиновникомъ для взысканія недоимокъ, какъ это встрѣчается, къ сожалѣнію, слишкомъ часто, и притомъ несравненно болѣе тамъ, гдѣ евреи осѣдлости не имѣютъ. Если посмотрѣть на дѣло съ этой, несомнѣнно правильной точки зрѣнія, то значеніе лихвенныхъ сдѣлокъ евреевъ съ крестьянами, которыя мы однако вовсе не думаемъ защищать или считать явленіемъ нормальнымъ, представляется въ другомъ видѣ. Нѣтъ надобности повторять здѣсь общеизвѣстныя и всѣми признанныя мысли насчетъ того, что ростовщичество вездѣ есть необходимое послѣдствіе бѣдности и нужды и исчезаетъ только при возвышеніи уровня народнаго благосостоянія. Ограничимся только однимъ указаніемъ. Изъ Пудожа (Олонецкой губерніи) пишутъ въ «Биржевыя Вѣдомости» слѣдующее: «Гдѣ есть бѣдность и нужда, тамъ непремѣнно есть и ростовщики. И польскій ксендзъ, и русскій пономарь, и мѣщанинъ,

[1]) Описаніе Гродненской губерніи, т. 2, стр. 405.
[2]) Домонтовичъ, стр. 417 и слѣд.

и еврей, всѣ здѣсь практикуются въ этомъ ремеслѣ, и всѣ съ одинаковымъ милосердіемъ ссужаютъ ближняго не менѣе какъ за 10% въ мѣсяцъ» [1]). А между тѣмъ евреи въ Олонецкой губерніи появились лишь очень недавно, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ считалось тамъ всего 352 души обоего пола [2]).

3) Что бѣдность еврейскаго населенія западнаго края заставляетъ его изыскивать всевозможныя честныя и нечестныя средства къ поддержанію своего существованія и поэтому приводитъ ко многимъ уродливымъ экономическимъ явленіямъ, это—аксіома, которая принимается всѣми безъ оговорокъ и потому удовольствуемся и здѣсь двумя конкретными фактами. Вся торговля Городка (Витебской губерніи) въ рукахъ евреевъ, говорится въ свѣдѣніяхъ тамошней городской думы, «но не спасаетъ ихъ отъ весьма стѣсненнаго положенія и заставляетъ прибѣгать ко всѣмъ изворотамъ для пріобрѣтенія насущныхъ средствъ пропитанія» [3]). Изъ интересныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. К. В. М. относительно Бердичева и его торговли [4]), видно между прочимъ слѣдующее. Въ прежнее время, когда Бердичевъ былъ весьма важнымъ торговымъ центромъ, контрабандная торговля, хотя и производилась, но не въ большихъ размѣрахъ.

Съ начала же XIX столѣтія, когда на югѣ и западѣ Россіи образовались и выросли новые торговые пункты (Одесса, Харьковъ, Кіевъ и Варшава) и Бердичевъ потерялъ свое значеніе, еврейское его населеніе, принужденное во что бы то ни стало искать пропитаніе на мѣстѣ (по ограниченію черты ихъ осѣдлости), обратилось къ контрабандной торговлѣ въ обширныхъ размѣрахъ, подстрекаемое еще къ тому сильнымъ запросомъ на тайно ввозимые товары со стороны мѣстной шляхты, которая охотно пользовалась продуктами европейской производительности, неоплаченными высокой пошлиной.

---

[1]) Бирж. Вѣд. 1869 г., № 163.

[2]) Стат. Временникъ Россійской имперіи, т. I, 1866 г., стр 35.

[3]) Экономическое состояніе городовъ и пр Витебская губернія, стр. 2.

[4]) Совр. Лѣтопись 1869 г., № 40.

4) Значительное вліяніе на возможность эксплуатаціи производителей промышленниками оказываетъ также отсутствіе во-первыхъ всякой промышленной самодѣятельности и предпріимчивости и привычка во всемъ, что выходитъ за узкія границы непосредственнаго производства сырья, обращаться къ посреднику. Такъ напр., относительно помѣщиковъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что обороты ихъ по сплаву лѣса въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, среднимъ числомъ въ годъ составляютъ 5,260 р., тогда какъ обороты евреевъ по срубкѣ помѣщичьихъ лѣсовъ достигаютъ 235,770 р., т. е. послѣдніе относятся къ первымъ какъ 45 : 1; между тѣмъ помѣщикамъ было бы очень не трудно производить самимъ операціи еврейскихъ купцовъ и удержать себѣ ихъ прибыль, довольно значительную [1]). Впрочемъ еще въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относится этотъ фактъ, замѣчено было, что помѣщичье хозяйство начинаетъ эмансипироваться изъ подъ вліянія посредничества, особенно крупныя хозяйства [2]). Нельзя сказать, чтобъ это освобожденіе было такъ же легко и для крестьянъ. У этихъ послѣднихъ особенно сильно укоренилась привычка предоставить все, кромѣ добыванія сырыхъ продуктовъ, барышникамъ и вообще горожанамъ. «Крестьяне, говоритъ Журавскій [3]), сами не обработываютъ сотовъ, а продаютъ ихъ въ первоначальномъ видѣ купцамъ великороссіянамъ или евреямъ, которые уже отдѣляютъ и очищаютъ медъ и воскъ. Въ Черниговской губерніи крестьяне продаютъ свой табакъ не непосредственно купцамъ, а чрезъ посредниковъ, которые суть большей частью евреи, но иногда и крестьяне. Это невыгодно для производителей, ибо дѣлаетъ возможнымъ стачки между купцами и частое колебаніе цѣнъ» [4]).

Въ той же губерніи замѣчено, что крестьяне продаютъ пеньку по мелочамъ, въ сыромъ видѣ, евреямъ, которые ее уже очищаютъ и трепанную продаютъ купцамъ [5]).

---

[1]) Статистическое описаніе Кіевской губерніи, т. 2, стр. 169.
[2]) Тамъ же, стр 370.
[3]) Тамъ же, т. 2, стр. 84.
[4]) Домонтовичъ, стр. 417 и слѣд.
[5]) Тамъ же, стр. 421—425.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ производители совершенно напрасно отдаютъ часть добытыхъ ими цѣнностей горожанамъ, заставляя свои продукты проходить чрезъ ихъ руки для обдѣлки или даже просто для перемѣщенія, вмѣсто того, чтобъ самимъ дать своимъ продуктамъ годную форму или обдѣлку и вступать въ прямыя сношенія съ потребителями или по крайней мѣрѣ съ оптовыми торговцами. Такой порядокъ вещей очевидно невыгоденъ для народнаго хозяйства, и публицисты западной Россіи не упускаютъ случая обвинять евреевъ въ томъ, что они вездѣ стали между производителями и потребителями и своимъ посредничествомъ наносятъ чувствительный вредъ какъ первымъ, такъ и послѣднимъ. Ложность этого взгляда видна уже изъ того, что онъ идетъ въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ и опытомъ исторіи, который показываетъ, что не извѣстное племя или классъ общества вызываетъ къ жизни новое экономическое явленіе, а наоборотъ, потребность въ новомъ факторѣ хозяйственнаго быта есть причина появленія отдѣльнаго класса людей, посвящающихъ себя удовлетворенію этой новой потребности. Въ настоящемъ случаѣ это ясно видно сравненіемъ западной Россіи съ восточной. Если въ первой развитіе посредничества приписывается еврейскому племени, этому Макару, на котораго всѣ шишки валятся, то чѣмъ объяснить такое же сильное развитіе его въ восточной Россіи, гдѣ мѣсто евреевъ занимаютъ прасолы, ходебщики, офени и слобожане, вышедшіе изъ среды русскаго же народа, изъ русскаго крестьянства, которое они эксплуатируютъ не менѣе евреевъ?

Здѣшніе крестьяне, пишетъ напр. тотъ же пудожскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», вмѣсто того, чтобъ отправлять большими партіями добываемую ими дичь въ Петербургъ, отдаютъ ее по частямъ за безцѣнокъ купцамъ, у которыхъ притомъ берутъ не деньгами, а мелочами изъ лавокъ. Купцы же сами посылаютъ дичь, какъ и другіе продукты сельскаго хозяйства, въ столицу и зарабатываютъ значительныя деньги [1]). Все это опять убѣждаетъ насъ въ томъ, что евреи не могутъ вносить въ жизнь

[1]) Бирж. Вѣд. 1869 г., № 163.

восточной Россіи новыхъ видовъ эксплуатаціи. За то они могутъ много способствовать оживленію торговли и городской жизни. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Елисѣевъ. «Еврей—горожанинъ по природѣ. Гдѣ нѣтъ промышленности, тамъ еврей создаетъ ее. Русскій кулакъ родился въ деревнѣ, и русскій городъ, мало отличающійся отъ деревни, не могъ дать кулаку особеннаго развитія Кулакъ поэтому понялъ торговлю въ самыхъ грубыхъ формахъ, въ удовлетвореніи животнымъ потребностямъ. Онъ торгуетъ мукой, мясомъ, крупой, чаемъ. Еврей же умѣетъ торговать умомъ, знаніемъ, красотой, добродѣтелями и порокомъ. У еврея болѣе подвижности, иниціативы и разносторонности. Кулакъ можетъ придти въ готовый городъ, еврей создаетъ его» [1]). Отзывъ этотъ, хотя не лишенъ нѣкоторыхъ преувеличеній, заключаетъ въ себѣ одну несомнѣнную истину—превосходство еврейскаго барышничества надъ великорусскимъ кулачествомъ.

Считаемъ необходимымъ оговорить еще одно обстоятельство. Контрабандная торговля по западной границѣ составляетъ, по общему мнѣнію, одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ еврейской экономической дѣятельности и есть причина многихъ важныхъ стѣсненій гражданскихъ правъ евреевъ Но давно уже дознано наукой и опытомъ и ни кѣмъ не отрицается (когда рѣчь идетъ только не о евреяхъ), что контрабанда есть преступленіе естественное, можно сказать необходимое тамъ, гдѣ пограничное населеніе бѣдно и имѣетъ мало промысловъ. Еще недавно извѣстный экономистъ Гусскиссонъ высказался въ палатѣ общинъ, что контрабанда есть явленіе благодѣтельное, какъ лучшее доказательство ложности покровительственной системы и необходимости свободы торговли. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, усиленіе тайнаго ввоза товаровъ на юго-западѣ Россіи началось съ паденіемъ бердичевской торговли и обѣдненіемъ его населенія. Поддерживался же онъ, кромѣ сильнаго запроса на ввозимые товары, что было необходимымъ послѣдствіемъ высокаго тарифа, еще бездѣятельностью и даже явнымъ потворствомъ во время оно таможенной стражи. А что контрабандная торговля евреевъ

[1]) Отеч. Зап. 1868 г., кн. 2, стр. 467, 68

приносила населенію западной Россіи значительную пользу—видно изъ замѣчанія г. Корева, приведеннаго нами выше мимоходомъ, что при отсутствіи мануфактурной промышленности въ Виленской губерніи дороговизна иностранныхъ товаровъ была бы еще больше существующей, еслибъ ее не уменьшила контрабандная торговля. О контрабандной торговлѣ на бессарабской границѣ, причинахъ ее вызывающихъ и участіи въ ней евреевъ мы находимъ интересныя замѣчанія у г. Афанасьева-Чужбинскаго. Пограничные руснаки, говоритъ онъ, развиты и съ успѣхомъ занимаются контрабандой Винить ихъ въ этомъ нельзя въ такой степени какъ чиновниковъ. Впрочемъ они сами не торгуютъ, а доставляютъ контрабанду евреямъ. Крестьянинъ видитъ въ таможенныхъ правилахъ одинъ произволъ чиновниковъ, и хотя они неправы юридически, но ихъ можно извинить въ виду общаго незнанія закона и злоупотребленій администраціи. Таможенные изъ личныхъ выгодъ потворствуютъ контрабандѣ. Эта послѣдняя держится тѣмъ, что русскія производства плохи и дороги. Пограничный людъ смотритъ на таможенныя правила по своему и, не углубляясь въ ихъ цѣль и смыслъ, употребляетъ хитрость, сберегая лишнюю копѣйку. Въ контрабандной торговлѣ чаемъ сталкиваются двѣ національности· евреи и липоване (раскольники). Первые добываютъ его изъ заграницы, вторые отправляютъ въ Одессу, Херсонъ, Николаевъ и весь новороссійскій край. Тотъ же авторъ разсказываетъ, что немедленно послѣ обыска, произведеннаго полицейскимъ чиновникомъ въ лавкѣ одной еврейки, онъ покупалъ у нея открыто контрабандный товаръ, и на вопросъ г. Афанасьева-Чужбинскаго, какъ она не боится тотчасъ послѣ обыска торговать контрабандой, еврейка отвѣтила «чего я буду бояться? Развѣ онъ не каждый день тутъ шляется? Развѣ онъ не видитъ и не знаетъ все?» [1]) Бессарабскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» [2]) точно также сообщаетъ, что контрабандная торговля, пустившая глубокіе корни въ бессарбскую почву, разрослась въ послѣднее время, вслѣдствіе безпечности пограничной

[1]) Поѣздка въ южную Россію, II, стр. 8, 47, 85, 104

[2]) № 33 за 1871 годъ.

стражи и небдительности административныхъ и полицейскихъ властей, до громадныхъ размѣровъ По его словамъ довольно было одного примѣра энергическихъ дѣйствій со стороны начальства, чтобъ на долго навети паническій страхъ на контрабандистовъ. Не вправѣ ли мы послѣ этого сказать, что еврейская народность не имѣетъ такого рѣшительнаго вліянія на существованіе контрабандной торговли, что извлекаютъ изъ этой торговли выгоды не одни евреи, но все пограничное населеніе и даже администрація, поставленная для предупрежденія контрабанды, и что слѣдовательно администрація эта является гораздо болѣе виновной чѣмъ евреи? Этимъ я хочу не защищать контрабанду, какъ нѣчто нормальное и законное, а указать только, что ригоризмъ тѣхъ господъ, которые, чуть рѣчь зайдетъ о евреяхъ, забываютъ признаваемые ими въ другихъ случаяхъ общіе экономическіе законы.—несправедливъ и неумѣстенъ.

Наконецъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ общемъ непріятномъ впечатлѣніи, которое производитъ на многихъ исключительная преданность евреевъ торговлѣ. По поводу этого замѣтимъ слѣдующее. Во первыхъ, еврейское посредничество, какъ ясно изъ всего сказаннаго выше, есть необходимый продуктъ условій соціальной и экономической жизни края. «Вредное вліяніе евреевъ на крестьянъ, говоритъ г. К В. М [1]), къ сожалѣнію неустранимо, какъ неустранимо вліяніе крестьянина-кулака въ любомъ селеніи великой Россіи, когда къ нему обращаются съ просьбой о ссудѣ, или вліяніе содержателя кабака, точно также принимающаго вещи подъ закладъ вмѣсто денегъ за водку». Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы зло было безусловно неустранимо, но оно можетъ быть уничтожено не законодательными ограниченіями или мѣрами, а поднятіемъ уровня матеріальнаго и духовнаго развитія народныхъ массъ. Во вторыхъ, этой рутинной привязанностью къ прадѣдовскому промыслу вообще страдаютъ у насъ всѣ сословія и народности. Въ частности торговля есть исключительное занятіе не однихъ евреевъ, но и нѣкоторыхъ другихъ народностей, напр. гре-

[1]) Соврем Лѣтопись 1869 г № 37, стр. 4.

ковъ и армянъ Въ Ростовѣ на Дону, какъ и въ Одессѣ, по словамъ г. Скальковскаго, фабричная и ремесленная промышленность развиты очень слабо, не смотря на то, что здѣсь имѣются всѣ выгодныя условія для процвѣтанія фабричнаго дѣла. Это потому, что торговля даетъ слишкомъ большія и вѣрныя выгоды купечеству (т. е. грекамъ), чтобы оно затрачивало капиталы на фабрики и заводы, требующіе долгихъ затратъ и усидчиваго труда [1]) Въ недавнее время таганрогскій корреспондентъ «Дѣятельности» [2]) не можетъ достаточно надивиться одностороннему характеру греческой промышленной дѣятельности, направленной исключительно на вывозъ сырыхъ продуктовъ за границу. Армяне, еще болѣе чѣмъ евреи, представляютъ собой примѣръ народа исключительно торговаго; «они, по словамъ г. Афанасьева-Чужбинскаго, занимаются преимущественно торговлей. Каждый армянинъ считаетъ обязанностью торговать чѣмъ-нибудь, и если наконецъ и некому продавать, онъ все таки считаетъ священнымъ долгомъ сидѣть въ лавочкѣ. Такое уже племя!» (тамъ же, II, 373). О томъ же свидѣтельствуетъ одинъ изъ бытописателей Кавказа г. Руновскій. «Альфа и омега всѣхъ дѣйствій, желаній и помышленій армянина заключается въ меркантильномъ духѣ, одинаково всосанномъ съ молокомъ матери и богатымъ и бѣднымъ, одинаково пропитавшемъ насквозь желтовласаго старца и мужа, рѣзваго ребенка и юношу, у котораго по закону природы болѣе всего должна бы быть любовь на умѣ. Даже невинные младенцы, эти ангелы Божіи, забавляются по большей части не игрушками, а звонкой монетой.» (Заря 1870 г., кн. 11, Русскіе люди на Кавказѣ, стр. 56). Благодаря этимъ національнымъ качествамъ, армяне играютъ на Кавказѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ евреи въ западномъ краѣ (такъ напр. имъ принадлежитъ $^3/_4$ домовъ въ Тифлисѣ). О благотворномъ характерѣ армянской торговли свидѣтельствуютъ слѣдующія слова черноморскаго корреспондента «Голоса» (№ 235 за 1871 г.).

«Вся торговля въ нашемъ округѣ находится въ рукахъ нахиче-

---

[1]) Ростовъ на Дону 1865 г, стр 67.

[2]) См. №№ 127 и 136 за 1869 годъ.

ванскихъ армянъ; если и есть нѣсколько русскихъ торговцевъ, то они боль[redacted]частью—такъ называемые «шабаи», т. е. люди, которые, [redacted]мъ нравственнымъ свойствамъ, не лучше армянъ. Шабаи промышляютъ дегтемъ, медомъ и бакалеями низкаго сорта, армяне же—тузы. Въ рукахъ армянъ находится торговля шерстью и отчасти хлѣбомъ. Эти-то армяне держатъ край—я разумѣю его трудовое населеніе—въ совершенной кабалѣ. Я не буду говорить о томъ, что они свои товары продаютъ напримѣръ съ разсчетомъ полученія рубль на рубль, скажу лишь о «безгрѣшныхъ» армянскихъ доходахъ. Такъ какъ большинство овцеводовъ имѣетъ много овецъ, но мало денегъ, то почти всѣмъ имъ приходится осенью брать деньги подъ будущую шерсть у армянъ. Армяне даютъ, охотно даютъ, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ вся шерсть была за ничи и чтобъ съ каждаго пуда былъ скинутъ одинъ руб. сер. съ той цѣны, какая будетъ на мѣстѣ, у насъ. Если у овцевода будетъ шерсти и на большую сумму, чѣмъ та, какую онъ взялъ, то все таки онъ всю шерсть долженъ отдать кредитору и со скидкою рубля сер. Сдѣлаемъ теперь примѣрный разсчетъ этой операціи. Цѣна шерсти въ послѣдніе годы стоитъ отъ пяти до шести рублей сер.; если положить даже и по шести, то армянинъ долженъ получить 20 процентовъ на рубль за ссуду на семь мѣсяцевъ, не болѣе, не говоря уже о томъ, сколько онъ получитъ пользы собственно на самой шерсти. И притомъ 20 процентовъ на рубль армянинъ получаетъ въ то время, когда онъ не получилъ бы и пяти, такъ какъ отъ октября до марта торговля идетъ у насъ плохо, отчасти вслѣдствіе погоды, а отчасти оттого, что ярморокъ въ это время въ нашемъ войскѣ не бываетъ. Нѣкоторые пробовали было пособлять горю: шерсти не отдавали, а просто возвращали деньги съ процентами. Хуже выходитъ: послѣ того никто изъ армянъ не даетъ подъ будущую шерсть денегъ, а будь у насъ ссудныя кассы, или станичные банки, тогда дѣло бы другое было». Тоже самое можетъ быть сказано относительно греческаго населенія на югѣ Россіи. Извѣстный Ф. Ф. Вигель, бывшій въ 20-хъ годахъ Керченскимъ градоначальникомъ, въ запискѣ о Керчи (1827 г.), рисуетъ самыми мрачными красками тамошнихъ грековъ, говоритъ,

что они «корыстолюбивѣе жидовъ», удерживаютъ торговлю какъ свою монополію, не допуская никакихъ другихъ на[redacted]стей къ участію въ ней (Чтенія въ Моск Общ. Ист. и др.. [redacted]. кн. I, смѣсь, стр. 71 слѣд.) И однакожъ эти народности пользуются у насъ полнымъ правомъ гражданства и никто не думаетъ принимать противъ нихъ ограничительныя мѣры для огражденія народныхъ массъ отъ ихъ эксплуатаціи[1]

Въ третьихъ, эта приверженность евреевъ къ одной торговлѣ вовсе не такъ безусловна, какъ обыкновенно полагаютъ. Не надо забывать, что при польскомъ владычествѣ (еще въ концѣ прошлаго столѣтія) еврей ремесленникъ во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой былъ такой же диковинкой, какъ теперь еврей-земледѣлецъ. Но при возростаніи еврейскаго населенія и невозможности питаться всѣмъ торговлей, часть евреевъ, по замѣчанію г. Корева [1]), обратилась къ ремесламъ, на чемъ пока остановилась Въ Познани евреи подъ прусскимъ владычествомъ отстали отъ прежней привычки жить однимъ только торгашествомъ и обратились къ ремесламъ [2]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ больше никакихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ и любопытномъ явленіи, но и этихъ двухъ ясныхъ указаній достаточно для убѣжденія въ томъ, что обращеніе къ ремесленнымъ занятіямъ есть явленіе новое и прогрессивное въ быту еврейскаго населенія бывшаго царства Польскаго. Мы имѣемъ поэтому полное право надѣяться, что евреи, разумѣется при благопріятныхъ условіяхъ, не остановятся на этомъ и обратятся также къ непосредственно производительному земледѣльческому труду. Что для этого есть уже не мало задатковъ въ еврейской жизни, мы увидимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

---

[1]) Описаніе Виленской губерніи, стр 541.

[2]) Ратчъ т. 2, стр. 808.

ЕВРЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ВНУТРЕННІЯ ГУБЕРНІИ.

Ни для кого больше не тайна теперь, что въ положеніи русскихъ евреевъ, такъ или иначе, долженъ совершиться въ близкомъ будущемъ радикальный переворотъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой порядокъ вещей, при которомъ сотни тысячъ людей лишены всякой экономической почвы и могутъ быть спасаемы отъ голодной смерти только при помощи благотворительности,—не можетъ продержаться долго Съ участіемъ или безъ участія государства, своими или чужими средствами, этотъ порядокъ вещей непремѣнно уступитъ мѣсто другому, болѣе совершенному и болѣе разумному. Весь вопросъ въ томъ—каковъ долженъ быть этотъ новый порядокъ, и какъ осуществить переходъ къ нему отъ стараго порядка. Здравый смыслъ и ходъ нашего законодательства за послѣднее время даютъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: единственное средство улучшить положеніе еврейской массы en grand это расширить право ихъ осѣдлости по всей Имперіи; всѣ же другія мѣры, въ родѣ выселенія евреевъ за границу, обращенія ихъ къ земледѣлію и ремесламъ и распространенія между ними либеральныхъ профессій посредствомъ образованія, могутъ помочь только незначительной части еврейскаго населенія и потому только наружно залѣчатъ, но не излѣчатъ зла. Но предъ такой мѣрой, какъ допущеніе евреевъ къ свободному проживательству въ предѣлахъ Имперіи, законодательство наше и отчасти общественное мнѣніе отступаетъ со страхомъ, едва ли имѣющимъ какое либо основаніе. Такъ «Сынъ Отечества»,, трактуя о вредѣ отъ евреевъ для Бѣлоруссіи, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Понятно, что если дать равноправіе этой массѣ ростовщиковъ и торгашей весьма сомнительной честности, то еврейское

племя толпами вторгнется въ центры русской промышленности и въ непочатые патріархальные края, наживаясь въ нихъ въ короткое время насчетъ довѣрчивости русскаго человѣка». Вообще всѣ полагаютъ, что очень сильные евреи-комерсанты и что противъ нихъ никто не можетъ устоять въ торговлѣ и промышленности. Но дѣйствительно ли это мнѣніе справедливо, или, подходя ближе къ нашему предмету, дѣйствительно ли допущеніе евреевъ-торговцевъ къ повсемѣстной осѣдлости грозитъ страшной опасностью русскому народу? Этотъ послѣдній вопросъ долженъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ, по отношенію къ русскому купечеству, интересы котораго могутъ быть нарушены пришельцами-евреями, и по отношенію къ производительнымъ и потребляющимъ классамъ, на благосостояніе которыхъ торговцы-посредники могутъ оказать дурное вліяніе Что касается возможнаго вреда отъ конкурренціи евреевъ для русскаго купечества, то объ этомъ конечно лучше всего можетъ судить само это купечество, и потому, прежде чѣмъ ограничивать права значительнаго класса людей въ интересахъ другаго класса общества, слѣдуетъ спросить этотъ послѣдній—дѣйствительно ли онъ такъ боится своихъ соперниковъ. Между тѣмъ мы не только не имѣемъ доказательствъ того, чтобы русское купечество опасалось соперничества евреевъ, но даже можемъ указать на факты противнаго свойства. Такъ въ ноябрѣ 1868 года всѣми газетами перепечатано было изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» извѣстіе о томъ, что 18 первостатейныхъ купцовъ въ Петербургѣ ходатайствовали предъ высшимъ правительствомъ о дозволеніи имъ держать прикащиковъ и повѣренныхъ изъ евреевъ и вообще объ облегченіи евреямъ пребыванія въ Россіи. И такъ, послѣ четырехлѣтняго пребыванія евреевъ въ Петербургѣ, купечество, которое, замѣтимъ мимоходомъ, по весьма понятнымъ причинамъ вездѣ болѣе другихъ классовъ враждебно евреямъ, уже находитъ, что въ интересахъ процвѣтанія промышленности желательно, чтобы право жительства евреевъ въ Петербургѣ было распространено и на еврейскихъ промышленниковъ и торговцевъ.

Значитъ, петербургское купечество не только не боится такъ называемаго «захвата евреями торговли», который не даетъ покоя

публицистамъ «Голоса» и имъ подобнымъ, но даже увѣрено въ полезности для него евреевъ.

А вѣдь петербургское купечество вѣроятно лучше понимаетъ свои интересы, чѣмъ «Голосъ», «Сынъ Отечества» и всѣ тѣ, которые стараются охранять ихъ отъ евреевъ.

Противъ этого можно справедливо возразить, что Петербургъ провинціи не указъ, что въ послѣдней купечество не такъ сильно, какъ въ столицахъ, и потому имѣетъ основаніе бояться конкурренціи евреевъ.

Но мы имѣемъ достовѣрныя данныя, доказывающія, что это послѣднее мнѣніе, если не совершенно невѣрно, то чрезвычайно преувеличено. Данныя эти представляетъ намъ г. Аксаковъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ (1858 г.). Малороссы, по словамъ г. Аксакова, народъ исключительно земледѣльческій, при томъ склонный къ лѣни и созерцательной жизни, и всѣ потребности ихъ, выходящія изъ круга земледѣльческихъ продуктовъ, удовлетворяются великорусскими купцами и евреями. При такихъ условіяхъ, казалось бы, имѣются всѣ шансы для антагонизма между первыми и вторыми. Въ дѣйствительности же оказывается совершенно противное. «Съ великорусскими купцами, говоритъ г. Аксаковъ (стр. 36), евреи въ большихъ ладахъ и пользуются у нихъ ласковымъ названіемъ жидковъ (!). Купцы не считаютъ ихъ опасными соперниками. Въ самомъ дѣлѣ, между евреями мало основательныхъ купцовъ — вѣроятно отъ излишней поспѣшности и алчности. Еврей нерѣдко продаетъ товаръ дешевле, чѣмъ купилъ; ему всегда нужны наличныя деньги, оборотомъ которыхъ онъ надѣется пополнить убытки. Купцы говорятъ, что пока рубль обернется у русскаго 2 раза, онъ у еврея обернется 5 разъ.

Все это однако не мѣшаетъ великорусскимъ купцамъ заселять города въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи имѣютъ осѣдлость, и брать постоянно перевѣсъ надъ ними въ торговлѣ». Этотъ взглядъ русскаго купечества на евреевъ не остается одной теоріей, а переходитъ непосредственно въ дѣло.

«Евреямъ не дозволено торговать на Коренной и Харьковскихъ

ярмаркахъ. Но запрещеніе это не можетъ быть строго соблюдено и евреи являются во множествѣ на эти ярмарки, и съ товарами. Это потому, что сами русскіе купцы покровительствуютъ ихъ торговлѣ, давая имъ возможность продавать свои товары въ русскихъ лавкахъ, подъ видомъ ихъ прикащиковъ» (тамъ же). Это потому, что послѣ слобожанъ самымъ полезнымъ дѣятелемъ для торговцевъ русскихъ на украинскихъ ярмаркахъ суть евреи

Поэтому русскіе купцы кредитуютъ евреямъ, хотя на короткіе сроки, и евреи стараются заплатить какъ можно скорѣе (тамъ же, стр 22). Изъ этихъ фактовъ оказывается во-первыхъ, что даже въ Малороссіи, гдѣ евреи живутъ съ давнихъ временъ и потому могли пустить корни въ экономическую почву, положеніе ихъ однакожъ до того не прочно, что съ появленіемъ въ этомъ краѣ купцовъ-великоруссовъ, послѣдніе повсюду «взяли перевѣсъ» надъ ними; 2) что еще въ 50-хъ годахъ, когда законы относительно черты жительства евреевъ были несравненно строже, чѣмъ теперь, русское купечество признало стѣсненія еврейской торговли, установленныя для огражденія его же интересовъ, не только не полезными, но даже вредными для себя, и само старалось обойти законъ, изданный для его, будто бы, пользы. Нѣкоторые другіе факты въ этомъ родѣ указаны уже нами въ предыдущемъ очеркѣ Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать теперь, что допущеніе евреевъ-торговцевъ во внутрь Россіи можетъ нанести существенный ущербъ интересамъ русской торговли?

Впрочемъ, мы охотно сознаемся, что эта точка зрѣнія на разсматриваемый нами вопросъ далеко не исчерпываетъ предмета. Гораздо важнѣе другая сторона вопроса—о возможности вреднаго вліянія евреевъ на интересы производительныхъ классовъ, представителей поземельной собственности и труда, которые легко попадаютъ подъ иго представителей капитала и посредничества. Часто слышатся разсужденія въ родѣ слѣдующихъ. Мы видимъ, что евреи, являясь на короткое время во внутреннія губерніи, напр. на ярмарку, не упустятъ случая надуть кого нибудь; что же будетъ, если допустить ихъ туда на постоянное жительство, вѣдь они пожалуй совсѣмъ разорятъ край?

Въ отвѣтъ на это сужденіе приведу слова одного еврея, сказанныя имъ мнѣ на крещенской ярмаркѣ въ Харьковѣ. Когда я упрекнулъ его въ томъ, что онъ, по собственному сознанію, взялъ лишнихъ рублей 50 съ покупателя за шубу, представляя ему, какъ это надувательство вредитъ ему же самому, поддерживая въ обществѣ невыгодное понятіе о евреяхъ, и тѣмъ задерживаетъ столь желанное уравненіе ихъ правъ,—онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее. «Я бѣдный человѣкъ; живу въ Шкловѣ, гдѣ нашего брата такъ много, а торговли такъ мало, что я, какъ и многіе другіе изъ моихъ собратьевъ, принужденъ искать себѣ хлѣба здѣсь. Еслибъ мнѣ позволено было жить здѣсь постоянно, я могъ бы честно зарабатывать себѣ пропитаніе; но мнѣ позволяютъ быть здѣсь только 2—3 недѣли во время ярмарки, изъ которыхъ половина времени нужна мнѣ на то, чтобъ освоиться съ городомъ и провѣдать, гдѣ и чѣмъ можно попользоваться. Мнѣ остается недѣля или двѣ на заработки; между тѣмъ я трачу на проѣздъ сюда и обратно, на прокормленіе здѣсь (что все обходится не дешево) и наконецъ долженъ этими заработками содержать себя съ семействомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чтожъ остается мнѣ дѣлать, какъ не воспользоваться наивыгоднѣйшимъ образомъ даннымъ мнѣ временемъ? Да и что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, жалѣть ихъ, когда они меня не жалѣютъ и считаютъ меня хуже цыгана, которому дозволяется жить повсюду?»

Съ этой точки зрѣнія смотритъ вообще масса евреевъ, и было бы нелѣпо требовать отъ обыкновенныхъ смертныхъ, чтобъ они стали выше такого взгляда, который противенъ, пожалуй, высшимъ принципамъ морали, но вполнѣ согласенъ съ обыкновенной человѣческой натурой; и здѣсь-то, въ этой неравноправности евреевъ, а не въ талмудѣ, замкнутости и невѣжествѣ лежитъ корень деморализаціи народа, составляющаго около 3% населенія Россіи, деморализаціи, которая не можетъ не отозваться вредно на интересахъ всей страны.

Но еслибъ даже все это было такъ, скажутъ противники эмансипаціи евреевъ, то намъ отъ этого нисколько не легче. Вы допускаете, что евреи, какъ торговый классъ людей, могутъ быть иногда при извѣстныхъ обстоятельствахъ вредны интересамъ осталь-

ныхъ классовъ, подобно тому, какъ это бываетъ вездѣ въ отношеніяхъ торговаго люда къ остальному населенію. Поэтому вы должны допустить, что запрещеніе имъ пріобрѣтать осѣдлость въ краяхъ патріархальныхъ, непочатыхъ, гдѣ экономическая дѣятельность такого разряда людей, какъ евреи, еще не извѣстна, — есть мѣра разумная и справедливая. Но въ томъ-то и дѣло, что Россія вовсе не можетъ назваться страной патріархальной и непочатой въ отношеніи торговли (которую мы просимъ отличать отъ промышленности въ современномъ смыслѣ этого слова, какъ разумной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны). Центральная Россія имѣетъ довольно значительный класъ торговыхъ людей, которые притомъ, быть можетъ, не больше чѣмъ евреи могутъ похвалиться честнымъ веденіемъ своихъ дѣлъ Вы опасаетесь, что евреи внесутъ въ русскую торговлю обманъ и мошенничество, но она имѣетъ ихъ ужъ такъ много, что евреи могутъ прибавить здѣсь каплю въ морѣ. «Лихоимство и обманъ, говоритъ извѣстный знатокъ русской торговли, проф. Киттары, въ своихъ чтеніяхъ о товаровѣдѣніи, до того вошли въ плоть и кровь русскаго промышленнаго люда, что честному человѣку нельзя удержаться въ этой сферѣ, онъ непремѣнно увлекается подражаніемъ и мало по малу самъ становится образцомъ для другихъ». Другой писатель [1]) говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее. «Возмутительнѣе всего то, что это сословіе (купечество), съ такими убійственными понятіями о чести и честности и съ такимъ презрѣніемъ къ наукѣ, держитъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность, эти великіе проводники общественнаго развитія. Съ этимъ сословіемъ имѣетъ постоянныя сношенія нашъ бѣдный народъ, и какъ же оно пользуется его незнаніемъ и простотой, какъ ловко оно умѣетъ погрозить бѣдняку въ затруднительныхъ для себя обстоятельствахъ полиціей и судомъ... Этотъ джентльменъ-купецъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ надуетъ бѣднаго мужика, обвѣситъ, обмѣритъ, да еще и выругаетъ».

Опасаются особенно, что евреи-кулаки мелочными сдѣлками съ крестьянами оберутъ ихъ, доведутъ до безземельности и нищен-

[1]) Г. Земляискій въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г., кн. 3, смѣсь, стр. 29.

ской сумы Но не забудемъ, что въ Россіи давно уже существуетъ многочисленный классъ людей, извѣстный подъ именемъ «офеней, слобожанъ, прасоловъ» и пр., который живетъ исключительно мелкимъ барышничествомъ, покупкой и продажей продуктовъ крестьянскаго хозяйства и торговлей съ крестьянами Что люди этого рода иногда пользуются невѣжествомъ, бѣдностью и безпомощностью крестьянъ для своихъ эгоистическихъ интересовъ во вредъ крестьянамъ, видно изъ разсказовъ Тургенева объ «орлахъ» и вообще кулакахъ разнаго рода въ «Запискахъ охотника» (Хорь и Калинычъ). Разсказы эти очевидно списаны съ натуры, и изъ нихъ можно видѣть, что продѣлки въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ постоянно обвиняютъ западнорусскихъ евреевъ, очень обыкновенны и тамъ, гдѣ евреевъ вовсе нѣтъ И однакожъ противъ кулаковъ русскихъ никакихъ спеціальныхъ мѣръ законъ не принимаетъ—и совершенно раціонально, потому что такое зло, какъ эксплуатація сельскаго населенія барышниками, необходимо вытекаетъ изъ современнаго нашего общественнаго устройства и можетъ быть уничтожено только путемъ коренныхъ измѣненій въ бытѣ крестьянъ, какъ-то распространенія между ними просвѣщенія, организаціи сельскаго кредита, облегченія ихъ податей и повинностей. Репрессивныя же мѣры противъ кулачества ничему не помогутъ Но если законъ не считаетъ возможнымъ или полезнымъ принимать особыя мѣры противъ кулаковъ другихъ народностей, то почему же именно противъ евреевъ такія мѣры необходимы? Можетъ быть потому, что въ чертѣ ихъ осѣдлости они отличаются особой изобрѣтательностью въ кулачествѣ и можно опасаться, что они перенесутъ это качество повсюду, куда загонитъ ихъ судьба? Но здѣсь кроется громадная ошибка. Упускаютъ изъ виду, что въ чертѣ теперешней осѣдлости евреевъ неимовѣрная конкурренція со стороны своихъ же собратій и чрезвычайная скудость промышленныхъ рессурсовъ, сравнительно съ населенностью края, вынуждаютъ еврея до невѣроятной степени изощрять свои промышленныя способности. Въ силу великаго дарвиновскаго закона, въ борьбѣ за существованіе между евреями и остальнымъ населеніемъ, въ которой евреи, какъ доказываетъ ихъ теперешнее состояніе въ сѣверозападныхъ губер-

ніяхъ, чаще остаются побѣжденными, чѣмъ побѣдителями, у нихъ естественно развиваются особенно тѣ качества и особенности, благодаря которымъ они могли удержаться хоть кое-какъ въ столь неравномъ бою Но когда евреямъ разрѣшено будетъ жить по обширному пространству всей Россіи и они распредѣлятся незначительными группамм въ разныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ легче будетъ найти средства къ жизни, и слѣдовательно не будетъ надобности въ особенномъ изощреніи барышническихъ талантовъ, способности эти само собой исчезнутъ, такъ что не будетъ болѣе основанія дѣлать различія между торговцемъ евреемъ и не евреемъ Кто думаетъ иначе, тотъ этимъ самымъ выказываетъ незнаніе человѣческой природы вообще и въ частности законовъ инерціи и приспособленія организмовъ къ окружающей средѣ, въ силу которыхъ человѣкъ работаетъ лишь на столько, на сколько его побуждаетъ къ этому та обстановка, среди которой онъ живетъ.

Опасаются, что евреи въ качествѣ подрядчиковъ и вообще предпринимателей будутъ имѣть дурное вліяніе на благосостояніе рабочихъ. Но вѣдь эксплуатація рабочихъ капиталистами давно знакома нашей Руси очень близко. Сколько разъ было указано въ нашей печати на возмутительный способъ веденія дѣлъ въ русскихъ артеляхъ. Вспомните Пузича (въ «Плотничьей Артели» Писемскаго) и скажите, можетъ ли считаться патріархальною въ экономическомъ отношеніи страна, выставляющая такихъ ужасныхъ эксплуататоровъ рабочаго труда, какъ Пузичъ, и можно ли поэтому предполагать, что поселеніе въ такихъ мѣстностяхъ евреевъ введетъ въ народное хозяйство невѣдомую дотолѣ отрасль эксплуатаціи труда?

Опасаются дальше, что евреи вообще станутъ вездѣ между различными классами населенія въ качествѣ посредниковъ, что они напр. будутъ арендовать повсюду земли изъ первыхъ рукъ, чтобы потомъ передавать ихъ мелкимъ арендаторамъ-крестьянамъ по возвышеннымъ цѣнамъ, живя такимъ образомъ совершенно непроизводительно на счетъ трудящагося класса народа. Но и до этого вида кулачества русскій человѣкъ дошелъ собственнымъ умомъ безъ помощи евреевъ, такъ что бояться особенно евреевъ въ этомъ отно-

шеніи нѣтъ основанія. Г. Шевичъ пишетъ изъ Уфы [1]), что тамъ казенныя оброчныя статьи, отдаваемыя съ торговъ палатой государственныхъ имуществъ, берутся всегда не непосредственно крестьянами и мѣщанами, а кулаками промышленниками, которые берутъ ихъ за безцѣнокъ, благодаря тому обстоятельству, что статьи отдаются большими участками, на которые крестьяне не могутъ явиться конкурентами по недостатку средствъ, а потомъ отдаютъ ихъ вчетверо дороже настоящимъ кортомникамъ, крестьянамъ и мѣщанамъ. Здѣсь, благодаря извѣстному способу веденія хозяйства казною и бѣдности сельскаго сословія, является возможность для цѣлаго класса тунеядцевъ наживаться самымъ легкимъ и безсовѣстнымъ образомъ на счетъ рабочаго класса.

Я очень далекъ, конечно, отъ мысли, чтобъ признавать такой порядокъ вещей хоть сколько нибудь нормальнымъ или необходимымъ по самой природѣ вещей. Я хочу сказать только, что при нынѣшнемъ нашемъ общественномъ и экономическомъ устройствѣ, чрезвычайно благопріятствующемъ эксплуатаціи труда капиталомъ и барышничествомъ (тягостное положеніе сельскаго класса, отсутствіе кредита и разумной ассоціаціи, а до недавняго времени крѣпостное право и отсутствіе суда), стѣсненіе евреевъ въ выборѣ осѣдлости нисколько не гарантируетъ населеніе тѣхъ мѣстностей, куда евреевъ не допускаютъ, отъ кулачества, такъ какъ при отсутствіи евреевъ роль ихъ исполняется весьма не дурно другими. А между тѣмъ это стѣсненіе отзывается ужасающимъ образомъ какъ на самихъ евреяхъ, благосостояніе которыхъ въ качествѣ промышленнаго и податнаго сословія равно желательно и для народнаго хозяйства, и для государства, такъ и на остальномъ населеніи тѣхъ мѣстностей, гдѣ они непомѣрно скучены.

Было бы также очень странно думать, чтобъ эксплуатація со стороны иновѣрца еврея была поэтому самому болѣе тягостна для русскаго простолюдина, чѣмъ таже эксплуатація со стороны своего собрата. Всѣ знакомые близко съ русскимъ народомъ единогласно утверждаютъ, что онъ отличается чрезвычайной терпимостью въ

[1]) См. От. Зап. 1869 г. № 2

религіозномъ отношеніи. По отношенію къ евреямъ это доказывается тѣмъ радушіемъ, или по крайней мѣрѣ равнодушіемъ, съ которымъ смотрятъ великоруссы на тѣхъ евреевъ, которые уже поселились среди нихъ. Выше было указано также на то, какъ снисходительно относилось русское купечество къ жидкамъ еще тогда, когда законъ былъ неумолимо строгъ къ нимъ. Мы можемъ быть увѣрены поэтому, что русскій простолюдинъ, вообще такъ легко уживающійся со всякимъ инородцемъ, охотнѣе войдетъ въ сдѣлки съ евреемъ на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, чѣмъ съ своимъ братомъ русскимъ на условіяхъ менѣе выгодныхъ.

Значитъ, мѣры противъ кулачества, если онѣ должны дѣйствительно повести къ уничтоженію этого великаго зла въ народной жизни, должны быть приняты такія, которыя сдѣлали бы всякаго рода эксплуатацію невозможною. Каковы должны быть эти мѣры извѣстно всякому, да и здѣсь не мѣсто разбирать ихъ.

Какъ нелогичны и несогласны съ экономическими интересами страны существующія въ настоящее время правила объ осѣдлости евреевъ видно напр. изъ слѣдующаго факта. Какъ извѣстно, купцамъ 1-й гильдіи изъ евреевъ разрѣшено повсемѣстное жительство въ Имперіи Въ «Вѣстникѣ Европы» было уже указано на нелогичность изъятія изъ общаго ограниченія черты осѣдлости евреевъ для купцовъ 1-й гильдіи, такъ какъ отъ нихъ, въ качествѣ сильныхъ комерсантовъ, скорѣе можно ожидать «захвата въ свои руки» торговли, чѣмъ отъ мелкихъ торговцевъ евреевъ. Въ доказательство справедливости мысли «Вѣстника Европы» мы можемъ привести слѣдующій фактъ.

Въ Кіевѣ тоже полная свобода жительства изъ евреевъ-промышленниковъ дана только купцамъ 1-й гильдіи. Результатомъ этого оказалось слѣдующее. Въ Кіевѣ въ настоящее время считается.

Купцовъ 1-й гильдіи:	евреевъ	32
	другихъ	12
Купцовъ 2-й гильдіи:	евреевъ	4
	другихъ	434 [1]).

[1]) Совр. Лѣтопись 1869 г. № 32, стр. 3.

Значитъ почти все купечество 1-й гильдіи въ Кіевѣ состоитъ изъ евреевъ, а слѣдовательно значительная часть большихъ промышленныхъ предпріятій находится въ рукахъ евреевъ. Торговцевъ же средней руки (купцовъ 2-й гильдіи) евреевъ въ Кіевѣ почти нѣтъ. Между тѣмъ, есть основаніе предполагать, что эти-то средніе торговцы, больше чѣмъ 1-й гильдіи, пригодились бы Кіеву. Такъ въ «Кіевлянинѣ», котораго никто не упрекнетъ въ пристрастіи къ евреямъ и еврейской торговлѣ, было заявлено, по поводу чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ на мясо нѣкоторое время въ Кіевѣ, вслѣдствіе стачки мясоторговцевъ, — что единственнымъ средствомъ противъ монополіи торговцевъ мясомъ можетъ служить дозволеніе евреямъ—мясопромышленникамъ пріобрѣсть осѣдлость и торговать въ Кіевѣ.

Въ виду такихъ фактовъ не можетъ оставаться болѣе сомнѣнія, что существующія правила насчетъ предѣловъ осѣдлости евреевъ находятся въ сильномъ разладѣ съ истинными интересами страны.

Дѣйствительно, евреи мало что не принесутъ особаго вреда тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ имъ до сихъ поръ не дозволяется осѣдлость, въ случаѣ снятія съ нихъ этого запрещенія, но даже могутъ принести имъ существенную пользу. Это видно изъ слѣдующаго. Разсматривая данныя, собранныя въ извѣстномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ «Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи», Спб. 1862—1863 годовъ, г. Шелгуновъ приходитъ къ слѣдующимъ несомнѣннымъ выводамъ [1]). Большинство городовъ имѣетъ характеръ сельскій, и жители ихъ (мѣщане) занимаются земледѣліемъ и вообще сельскими промыслами. Безземельные же мѣщане, вмѣсто того чтобъ заниматься городскими промыслами, ищутъ заработковъ отходныхъ (т. е. въ другихъ мѣстахъ). Большая часть купцовъ тоже занимается земледѣльческими промыслами и поступаетъ въ это сословіе только для избавленія отъ рекрутской повинности [2]), такъ что всего 1% изъ

[1]) „Русское Слово“ 1864 г., кн. 7.

[2]) Это обстоятельство не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію тѣмъ, которые упрекаютъ однихъ евреевъ въ стремленіи избавиться во чтобы то ни стало отъ рекрутчины.

всего гильдейскаго купечества занимается дѣйствительно торговлей. Городская жизнь въ великороссійскихъ губерніяхъ поэтому чрезвычайно неразвита, и городское благоустройство и удобства жизни тамъ находятся въ младенчествѣ.

Тотъ, кто бывалъ въ великорусскихъ городахъ, знаетъ, какъ сильно чувствуется тамъ недостатокъ, въ чемъ бы вы думали? въ факторахъ. Нужно ли вамъ нанять квартиру или прислугу, отыскать кого нибудь или что нибудь, продать или купить что нибудь и т. п., вамъ очень трудно обойтись безъ помощи посредника, а его вы не найдете. Тамъ совершенно нѣтъ того класса людей, который извѣстенъ заграницей подъ именемъ коммиссіонеровъ и, находясь въ большомъ числѣ въ каждомъ городѣ, значительно содѣйствуетъ удобству жизни въ Европѣ. Между тѣмъ въ западномъ и привислянскомъ краяхъ, благодаря евреямъ, этого класса людей слишкомъ уже много, что въ свою очередь невыгодно для страны. «Жидъ-факторъ въ западной Россіи для проѣзжаго тоже, что для столичнаго жителя газета или для археолога архивъ рѣдкостей, говоритъ одинъ писатель [1]). Онъ разскажетъ вамъ всѣ достопримѣчательности города, познакомитъ на словахъ со всѣми знаменитостями его, объяснитъ — кто гдѣ живетъ, съ кѣмъ знакомъ, что ѣстъ, пьетъ, на чемъ спитъ, какое имѣетъ состояніе, сколько дѣлаетъ долговъ, чѣмъ занимается, что затѣваетъ и проч., словомъ передастъ вамъ все, что хотите, и вдобавокъ возьмется исполнить всѣ ваши порученія, какъ бы они не были трудны, и дѣйствительно исполнитъ. Но не думайте, чтобы все это обошлось дорого· ни чуть? За полтинникъ жидъ-факторъ будетъ бѣгать цѣлый день».

Въ здѣшней сторонѣ, говоритъ другой путешественникъ по западному краю [2]), безъ еврея-фактора ступить нельзя; посредствомъ его вы можете получить всѣ свѣдѣнія, достать все, что вамъ

---

[1]) Г. Шпилевскій, Путешествіе по Полѣсью и Бѣлоруссіи (Совр. 1853 г., № 7, стр. 5).

[2]) Г Бибиковъ, Отъ Петербурга до Екатеринослава (Время 1863 г., кн. 2, стр. 118).

угодно, и грѣшно было бы сказать, что онъ дорого продаетъ свою услугу.

«Все народонаселеніе западнаго края въ рукахъ евреевъ, говоритъ г. Бабстъ [1]), это правда, но что же оно будетъ безъ нихъ дѣлать? Еврей—прасолъ, еврей—арендаторъ, выжимаютъ изъ народа весь сокъ, это правда, но какъ же обойтись безъ еврея? Самъ крестьянинъ, ежели его спросить объ этомъ, согласится съ вами, будетъ неистовствовать противъ еврея и все-таки сознается, что не будь еврея, ему и некому и негдѣ было бы продать избытка своего ничтожнаго хозяйства, неоткуда было бы достать денегъ. Запретить евреямъ таскаться со двора во дворъ, отъ села къ селу, съ базара на базаръ, значило бы остановить разомъ промышленность цѣлаго края, которую они одни только поддерживаютъ».

«Пустите сюда русскихъ прасоловъ,—и при настоящемъ положеніи Бѣлоруссіи и западныхъ губерній, они оберутъ до-чиста сельское населеніе, конечно если отнять у евреевъ это право или ограничить ихъ торговлю... Зло кроется въ общественныхъ условіяхъ края, и вина падаетъ не на однихъ торгашей-евреевъ». Такимъ образомъ еще 13 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ экономистомъ высказанъ здравый взглядъ на этотъ вопросъ, что однакожъ не мѣшаетъ многимъ публицистамъ нашего времени игнорировать настоящее положеніе дѣла.

Сказанное относительно факторовъ имѣетъ въ такой же мѣрѣ примѣненіе ко многимъ другимъ видамъ посредничества, полезнымъ и даже необходимымъ при теперешнемъ экономическомъ строѣ, въ которыхъ чувствуется изобиліе въ западной полосѣ имперіи и недостатокъ въ другихъ частяхъ ея, напр. содержаніе гостинницъ, заѣзжихъ дворовъ и т. п.

Если мы должны принять за доказанное, что еврейская торговля по самому характеру своему приноситъ выгоды скорѣе производителямъ, чѣмъ промышленникамъ, что евреи вовсе не такіе опасные конкурренты, какъ многіе полагаютъ, и что недостатки евреевъ, какъ торговаго сословія, суть недостатки общіе торгующему люду

[1]) Отъ Москвы до Лейпцига, 1859 г., стр. 7.

и вытекаютъ изъ условій общаго нашего экономическаго быта, то мы должны согласиться и съ тѣмъ, что разселеніе евреевъ по всей имперіи будетъ болѣе полезно, чѣмъ вредно для страны. Но независимо отъ этихъ косвенныхъ заключеній мы можемъ доказать это послѣднее положеніе и непосредственно сюда относящимися данными, кромѣ тѣхъ, которыя уже нами указаны въ другихъ мѣстахъ. Такъ г. Афанасьевъ-Чужбинскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее.

«Единственный способъ гуманизировать евреевъ—дозволить имъ селиться во всей Россіи. Евреи отличные конкурренты, и гдѣ они появляются, товары тотчасъ же дѣлаются дешевыми въ силу того простаго правила, что малый процентъ при болѣе частомъ оборотѣ капитала даетъ значительнѣйшую выгоду, нежели огромные проценты, если капиталъ лежитъ мертвымъ и ожидаетъ большихъ барышей. Послѣднему способу слѣдуютъ наши торговцы въ провинціи, и потому дѣла ихъ никакъ не могутъ сравниться съ дѣлами еврейскаго купечества. Самый наглядный и безспорный фактъ у насъ предъ глазами Кіевъ до 1830 года по дешевизнѣ и удобствамъ стоялъ наравнѣ съ прочими городами западнаго края и даже превосходилъ ихъ. Генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ исходатайствовалъ повелѣніе изгнать евреевъ изъ Кіева, и чрезъ какія нибудь десять лѣтъ дороговизна сдѣлалась ощутительною, а чрезъ двадцать лѣтъ въ Кіевѣ жить было уже дороже, чѣмъ въ Петербургѣ» (Поѣздка въ южную Россію, т. 2, стр. 302).

Вотъ что говоритъ напр. о значеніи евреевъ для Сибири глубокій знатокъ Россіи, С. Максимовъ, котораго никто не заподозритъ въ маломъ сочувствіи къ интересамъ русскаго народа и въ склонности пожертвовать ими для выгодъ инородцевъ. «Въ Сибири вообще евреи много оживляютъ край въ промышленномъ отношеніи. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ; въ Сибири для нихъ болѣе широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ». (Вѣстникъ Европы 1868 г., т. 3, стр. 134).

Весьма интересныя свѣдѣнія объ этомъ же предметѣ сообщаетъ г. Флеровскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Положеніе рабо-

чаго класса въ Россіи» (стр. 296). «Въ Сибири существуетъ хотя небольшое еврейское населеніе; всѣ эти люди не имѣли ничего, кромѣ предпріимчиваго духа и трудолюбивыхъ рукъ, недавно еще они были жалкіе, загнанные люди, кто изъ поселенцевъ, кто изъ кантонистовъ. Сколькихъ между ними я зналъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣли триста рублей дохода, а теперь получаютъ десять тысячъ въ годъ; они сами разсказывали мнѣ подробно исторію своихъ страданій и своего счастья. Странные люди эти евреи, говорятъ сибиряки, дѣлишки у нихъ плохенькія, а между тѣмъ они всѣ порядочно одѣваются, у всѣхъ у нихъ денежки есть, бѣднаго между ними не отыскать. Всюду эти евреи строятъ заводы и фабрики, открываютъ новые рынки, добываютъ золото на промыслахъ, а капиталисты, въ родѣ Франтовыхъ, сидятъ съ своими милліонами и смотрятъ какъ моль пожираетъ ихъ безполезные капиталы». Объ этомъ же сообщаютъ изъ Нерчинска въ «Биржевыя Вѣдомости» (1870 г., № 121). «Избытокъ денегъ родилъ торговлю, а она образовала капиталистовъ изъ казачьяго сословія; разбогатѣло много и евреевъ, прежде вовсе неизвѣстныхъ, и эти послѣдніе годъ отъ года прибываютъ сюда въ видахъ богатой наживы».

Вотъ почему всѣ администраторы, которые руководствовались въ отношеніи еврейскаго вопроса соображеніями экономическими, высказывались за расширеніе правъ осѣдлости евреевъ въ Россіи. Такъ еще въ 1743 г. сенатъ доложилъ Елисаветѣ Петровнѣ о необходимости разрѣшить евреямъ пріѣзжать на время въ Малороссію, Ригу и вообще пограничныя мѣста «для единаго точію купеческаго промыслу на ярмонки», съ тѣмъ чтобъ по окончаніи торга они немедленно удалялись бы. Поводомъ къ этому докладу послужило представленіе рижскаго магистрата о большомъ вредѣ, проистекающемъ для тамошняго купечества отъ указа 1742 г. о совершенномъ воспрещеніи евреямъ въѣзда въ Ригу, ибо евреи служатъ факторами у всѣхъ польскихъ помѣщиковъ, покупаютъ для нихъ товары въ Ригѣ и продаютъ ихъ продукты; въ силу же указа 1742 г. евреи должны будутъ обращаться въ другіе города, что будетъ очень убыточно для рижанъ, которые притомъ имѣютъ

долги на евреяхъ до 100 т. ефимковъ. «Коммерція отъ этого совсѣмъ рушиться можетъ», ибо некому будетъ продавать заграничные товары. Такого же рода представленіе въ сенатъ было изъ Малороссіи Но императрица не согласилась съ мнѣніемъ сената и написала слѣдующую резолюцію: «отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли не желаю» [1]). Въ первые же дни восшествія на престолъ Екатерины II, по собственному ея свидѣтельству, возбужденъ былъ въ сенатѣ вопросъ о допущеніи евреевъ на жительство въ Россію, причемъ сенатъ единогласно призналъ допущеніе это полезнымъ [2]).

Замѣчательны въ этомъ отношеніи отзывы, относящіеся преимущественно ко времени составленія закона 28 іюня 1865 г. Вскорѣ послѣ его изданія въ Сѣверной Почтѣ (органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ) помѣщено было сообщеніе о причинахъ, вызвавшихъ этотъ законъ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: Число ремесленниковъ въ губерніяхъ, находившихся внѣ черты осѣдлости евреевъ несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ, гдѣ живутъ евреи. Такъ въ Кіевской губерніи (кромѣ самаго Кіева) находится 5,000 ремесленниковъ, записанныхъ въ цехи; а извѣстно, что есть еще весьма значительное число ремесленниковъ, которые не записаны въ цехи. Между тѣмъ въ Курской губерніи, близкой къ Кіевской и сходной съ нею по экономическому своему характеру, число ремесленниковъ не превышаетъ 1,500; а въ губерніи Ярославской, одной изъ наиболѣе промышленныхъ и богатыхъ центральныхъ губерній, число ремесленниковъ доходитъ только до 800. Изъ этого слѣдуетъ, что губерніи западныя страдаютъ излишествомъ ремесленнаго труда, между тѣмъ какъ внутреннія губерніи имѣютъ въ немъ значительную нужду. Поэтому, отъ разрѣшенія евреямъ-ремесленникамъ (изъ которыхъ почти исключительно слагается число ремесленниковъ въ западномъ краѣ) селиться во внутреннихъ губерніяхъ можно ожидать много пользы, какъ для этихъ губерній, такъ и для западныхъ. Кромѣ того, дворянство Курской и Смолен-

[1]) Полное Собр. Зак., I, № 8,840
[2]) Русскій Архивъ 1865 г., стр 492

ской губерніи, воронежскій военный губернаторъ и управляющій акцизными сборами Курской губерніи ходатайствовали предъ правительствомъ о дозволеніи евреямъ-механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и дистиляторамъ проживать во внутреннихъ губерніяхъ. Въ этомъ фактѣ, столь многознаменательномъ вообще, особенно важно для насъ то, что о допущеніи евреевъ къ проживательству внѣ прежней ихъ осѣдлости ходатайствовали представители тѣхъ губерній, которыя находятся на рубежѣ постоянной ихъ осѣдлости, какъ сѣверо-западнаго (губернія Смоленская), такъ и юго-западнаго края (Курская и Воронежская) и которые слѣдовательно могли близко ознакомиться съ экономическимъ значеніемъ евреевъ, съ тѣмъ вредомъ, какой они будто бы неминуемо должны нанести интересамъ того населенія, среди котораго живутъ. Не смотря однакоже на все то, они рѣшились просить о допущеніи въ среду ихъ этого опаснаго племени!

Принимая во вниманіе эти факты, сомнѣваться въ вѣрности которыхъ нѣтъ возможности, такъ какъ они сообщены оффиціальной газетой, мы можемъ безошибочно сдѣлать такого рода заключеніе. Законъ 28 іюня 1865 г. есть результатъ ясно сознанной, путемъ самой жизни выработанной мысли объ общей пользѣ для Россіи отъ пребыванія въ ней евреевъ-ремесленниковъ.

Но если эти взгляды можно приписать общему увлеченію гуманными идеями у насъ въ началѣ 60-хъ годовъ, то приходится отказываться отъ такого объясненія, когда дѣло идетъ о болѣе отдаленномъ времени. А между тѣмъ такіе отзывы о полезности евреевъ встрѣчаются и раньше настоящаго царствованія. Укажемъ напримѣръ на слѣдующіе факты. По положенію 1804 г. Астраханская губернія причислена къ тѣмъ, въ которыхъ евреямъ дозволяется жить безпрепятственно. Но въ положеніи 1835 г. эта губернія не поименована въ числѣ составляющихъ черту осѣдлости евреевъ Поэтому астраханскій военный губернаторъ, по изданіи этого положенія, вошелъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ о томъ: могутъ ли быть терпимы впредь евреи въ указанной губерніи. При этомъ военный губернаторъ объяснилъ,

что «дозволеніе евреямъ постояннаго пребыванія въ Астрахани было бы весьма полезно сколько для снабженія тамошняго края хорошими ремесленниками, какъ то портными, сапожниками, галантерейными мастерами и тому подобными, столько же для самаго распространенія и развитія ихъ ремеслъ, въ общественной жизни необходимыхъ, между коренными жителями, ибо отдаленный край сей терпѣлъ не малый недостатокъ въ людяхъ такого рода; и что отъ дозволенія этого не можетъ произойти никакого вреда, по причинѣ слишкомъ незначительнаго числа находящихся въ Астрахани евреевъ, числомъ 49 человѣкъ». Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, основываясь на новомъ положеніи о евреяхъ, не согласился однако съ астраханскимъ военнымъ губернаторомъ и представилъ комитету министровъ о высылкѣ евреевъ изъ Астраханской губерніи въ теченіи времени отъ 6 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Представленіе это Высочайше утверждено [1]).

Въ 1844 г. главнокомандующій закавказскимъ краемъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о совершенной необходимости дозволить евреямъ-мастеровымъ жить въ укрѣпленіяхъ Черноморской линіи, ибо они первые явились туда съ мастерствами, до нынѣ суть почти единственные ремесленники всего края и необходимы для войскъ Государь разрѣшилъ подъ личной отвѣтственностью начальника черноморской линіи и съ тѣмъ, чтобъ евреи занимались тамъ только мастерствами и не пріобрѣтали осѣдлости подъ видомъ временнаго жительства [2]).

Такимъ образомъ полезность евреевъ, какъ экономическихъ дѣятелей, для губерній великороссійскихъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія въ виду указанныхъ нами фактовъ. Правда, можно возразить, что въ отзывѣ астраханскаго губернатора имѣются въ виду евреи-ремесленники, составляющіе ничтожный (какъ полагаютъ) процентъ среди еврейскаго населенія Россіи. Вообще же евреи занимаются одной торговлей и посредничествомъ разнаго рода, полезность ко-

---

[1]) Второе Полное Собраніе Законовъ т. X, отд. I, № 8181, и Вараднковъ, Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, т. III ч 2, стр 138.

[2]) Полное Собр. Зак., 1, № 18.234.

тораго для хозяйственнаго оборота страны далеко не такъ достовѣрна, какъ относительно ремеслъ.

Мы утверждаемъ, что евреи, въ качествѣ торговцевъ могутъ быть столь же полезны Россіи, какъ и въ качествѣ ремесленниковъ. Что мы имѣемъ довольно вѣсскія основанія такъ думать—въ этомъ читатель могъ убѣдиться уже изъ приведенныхъ выше фактовъ, къ которымъ мы прибавимъ здѣсь еще слѣдующіе. Знаменитый Гакстгаузенъ въ своихъ этюдахъ о Россіи говоритъ слѣдующее. «Собственно Россія не знаетъ евреевъ, которыхъ замѣняютъ мѣщане въ мелочной торговлѣ. Надо сожалѣть однакожъ, что нельзя такимъ же образомъ замѣнить евреевъ въ отношеніи банкирскихъ оборотовъ, производимыхъ евреями съ такой выгодой для себя и для общества вездѣ, гдѣ они живутъ» [1]). 12 лѣтъ назадъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, евреевъ изгнали изъ Кіева за дурное ихъ поведеніе. Съ тѣхъ поръ жители постоянно жалуются, что все вздорожало, что ремесленники и купцы обманываютъ и обираютъ потребителей и пр. [2]). Всѣ изучавшіе еврейскую торговую дѣятельность указываютъ на особенную воспріимчивость ея къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, служащимъ къ развитію экономическаго быта страны. Мы укажемъ здѣсь на два такихъ факта, приведенныхъ у г. Янсона. Первый заключается въ самобытномъ зарожденіи въ еврейскомъ торговомъ мірѣ системы кредита и переводовъ. Наиболѣе употребительный способъ пересылки денегъ изъ Пинска комиссіонерамъ, закупающимъ хлѣбъ и другіе продукты на югѣ, по его словамъ, состоитъ въ трансфертахъ по ордерамъ между пинскими и мѣстными евреями.

Пинскіе дома простыми записками (цеттели) приказываютъ выдачу денегъ мѣстнымъ капиталистамъ, расплачиваясь съ ними. Пинскъ же самъ получаетъ наличныя, учитывая свои векселя въ Варшавѣ или Берлинѣ, съ помощью данцигскихъ или кенигсбергскихъ частныхъ банкировъ (Пинскъ и его районъ, стр. 15).

---

[1]) Etudes sur la situation intérieure etc. de la Russie, 1848, t II, p. 232.

[2]) Ib. p 433.

Извѣстно также, что какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и въ юго-западномъ краѣ еще недавно евреи ввели въ обыкновеніе особый родъ бумажныхъ денегъ—безыменные билетики за подписью извѣстныхъ банкировъ, которые обращались наравнѣ съ деньгами и значительно облегчали хозяйственный оборотъ. Такимъ образомъ личный кредитъ и его важное значеніе для промышленности были угаданы коммерческимъ геніемъ евреевъ самостоятельно и независимо, что конечно доказываетъ, чего можно ожидать отъ торговой дѣятельности ихъ для Россіи при болѣе благопріятной обстановкѣ. Другой любопытный фактъ въ этомъ родѣ сообщаетъ тотъ же г Янсонъ относительно хлѣбной торговли на Волыни. Дѣло въ томъ, что у евреевъ, отправляющихъ хлѣбъ изъ Волыни въ Данцигъ, вошло въ обыкновеніе страховать взаимно всѣ грузы Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Всѣ отправители груза обязываются вознаградить того изъ нихъ, который потерпитъ крушеніе въ Бугѣ или Вислѣ. Для этого каждый отправитель кладетъ на обезпеченіе 3% съ цѣнности груза въ наличныхъ и 3% въ векселяхъ. (Хлѣбная торговля на Волыни, 192). Существованіе такого разумнаго обычая, котораго г. Янсонъ не замѣтилъ ни на одномъ другомъ водяномъ пути, между еврейскими торговцами на Волыни можетъ служить доказательствомъ того, какіе богатые задатки кроются въ еврейской торговлѣ для дальнѣйшаго развитія, при той склонности къ нововведеніямъ, какую обнаруживаютъ въ ней указанныя данныя. Это тѣмъ болѣе справедливо, что именно великорусское купечество страдаетъ отсутствіемъ тѣхъ качествъ, которые бросаются въ глаза у евреевъ. Отовсюду раздаются голоса, свидѣтельствующіе о полнѣйшемъ застоѣ и неподвижности въ русской промышленности, объ отсутствіи въ ней всякой предпріимчивости и энергіи. «У насъ все идетъ сонно, пишетъ малоархангельскій корреспондентъ «Дѣятельности» (№ 48, 1869 г.). Спитъ земледѣліе, которое до тѣхъ поръ не можетъ развиваться, пока не проведутъ обезпеченнаго, постояннаго пути къ мѣсту сбыта, спятъ честные хлѣбопромышленники, находящіеся въ полной кабалѣ у маклаковъ и монополистовъ, такъ какъ при нашемъ бездорожьи наживаться можетъ только барышникъ, свободно располагающій капиталомъ, и потому имѣющій

возможность сдѣлать навѣрнякъ такую спекуляцію, которая въ ущербъ производителю, честному торговцу и потребителю даетъ монополіи разомъ громадные барыши» Изъ Тотьмы сообщаютъ въ «Новое Время» (1869 г. № 242) о торговлѣ льномъ слѣдующее: «Прежде всего начинаютъ закупку крестьяне-монополисты, т. е. доброхоты, которымъ обязаны бѣднѣйшіе крестьне, заимствуясь у нихъ деньгами для уплаты податей и другихъ повинностей, а также для кутежа во время храмовыхъ праздниковъ. Доброхотовъ этихъ очень много въ Вологодской губерніи, и въ ихъ рукахъ вся торговля и промышленность. Они умѣютъ, за ссуду деньгами бѣднѣйшимъ крестьянамъ, за безцѣнокъ получать отъ нихъ зерновой хлѣбъ, ленъ, лѣсныя издѣлія, и продавать эти продукты противъ означенныхъ цѣнъ въ тридорога». Какъ видите, вологодскіе крестьяне очень мало выиграли оттого, что позаботились охранять ихъ отъ эксплуатаціи евреевъ, нашлись между ними самими благодѣтели, которые обираютъ ихъ пожалуй и почище, чѣмъ евреи, которые, по крайней мѣрѣ, довольствуются малымъ. Пудожскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 23 за 1870 годъ) сообщаетъ, что тамошніе купцы берутъ за все такія цѣны, какія существуютъ въ Ташкентѣ, и потому боятся конкурренціи даже тѣхъ торговцевъ, которые пріѣзжаютъ на мѣстныя ярмарки, и стараются по возможности стѣснять ихъ. Точно также изъ Серпейска (Калужской губерніи) пишутъ въ «Русскія Вѣдомости» (1870 г. № 220), что «торгъ тамъ вообще, какъ говорится, запертой» и конкурренцію можно замѣтить развѣ лишь по отношенію къ отпуску дурнаго качества товаровъ за сравнительно высокую цѣну. Торговлю же краснымъ товаромъ, сосредоточенную здѣсь въ рукахъ одного, весьма опытнаго въ своемъ дѣлѣ, коммерсанта, можно назвать уже не запертою, а герметически закупоренною; она вполнѣ обладаетъ характеромъ торговли, производимой европейцами на рынкахъ Хивы и Кокана». Но мы никогда не кончили бы, еслибъ захотѣли привести всѣ отзывы, указывающіе на господствующую въ русской торговлѣ монополію: да это было бы и излишне въ виду общеизвѣстности факта. Укажемъ только на общій выводъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ: русская торговля основана на принципѣ монополіи,

громадныхъ барышей и неподвижности; еврейская—на началахъ самой широкой конкурренціи, малаго барыша и оживленнаго оборота. Евреи чутки и воспріимчивы ко всякому движенію впередъ. Еврей, какъ справедливо замѣчаетъ г. Афанасьевъ-Чужбинскій (т. I, стр. 181), не можетъ оставаться покоенъ, если у него есть деньги. Онъ пускается въ самыя разнообразныя предпріятія, стараясь удвоить свой капиталъ какъ можно скорѣе. Правда, по замѣчанію того же автора, ни у одной націи нѣтъ такихъ быстрыхъ возвышеній и паденій, какъ у евреевъ. Есть купцы, которые по нѣскольку разъ доходили до убожества и снова наживались, но это обстоятельство во первыхъ объясняется невыгоднымъ и своеобразнымъ общественнымъ положеніемъ евреевъ, о чемъ здѣсъ не мѣсто распространяться; во вторыхъ, оно подтверждаетъ нашъ взглядъ на невыгодность еврейской торговли для самихъ евреевъ и большую выгодность ея для страны. Во всякомъ случаѣ, мы вправѣ сказать, что евреи суть представители торговли, основанной на началахъ личной предпріимчивости, кредита и оживленнаго оборота. Можетъ ли быть послѣ этого сомнѣніе въ томъ, что еврейскій элементъ можетъ быть вездѣ у насъ весьма и весьма полезнымъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи?

Въ результатѣ мы получаемъ, что вопросъ о распространеніи предѣловъ осѣдлости евреевъ на всю Россію, разсматриваемый съ исключительной утилитарно-экономической точки зрѣнія, представляетъ слѣдующія исходныя точки зрѣнія для правильнаго разрѣшенія.

1) Великорусское купечество своими отношеніями къ евреямъ на Украйнѣ несомнѣнно доказало, что оно соперничества евреевъ не боится и не имѣетъ основаній бояться, а скорѣе разсчитываетъ на содѣйствіе съ ихъ стороны широкому развитію торговли и промышленности.

2) Кулачество во всѣхъ его видахъ сильно развито по всей Россіи безъ всякаго участія евреевъ и потому опасеніе, что евреи «вторгнутся въ патріархальные непочатые края и раззорятъ ихъ», лишено всякаго основанія.

3) Если евреи не настолько сильны экономически, чтобъ захватить въ свои руки всю торговлю, то они могутъ, однакожъ, при весьма слабомъ развитіи городской жизни и городскихъ промысловъ во внутренней Россіи, принести значительную долю пользы своимъ поселеніемъ многимъ мѣстностямъ Россіи, въ качествѣ городскаго и промышленнаго класса.

4) Это переселеніе евреевъ изъ западной и южной частей имперіи въ другія части ея чрезвычайно важно также въ интересахъ остальнаго населенія теперешняго района еврейской осѣдлости.

ЕВРЕИ И ТОРГОВЛЯ ПИТЬЯМИ.

Существуетъ мнѣніе, чрезвычайно распространенное, что евреи вездѣ, гдѣ они только живутъ, охотнѣе всего занимаются содержаніемъ разныхъ видовъ питейныхъ заведеній и что поэтому они имѣютъ вредное вліяніе на благосостояніе народной массы, способствуя усиленію пьянства въ низшихъ классахъ населенія. Повидимому это мнѣніе вполнѣ подтверждается явленіями изъ дѣйствительной жизни. Постоянно встрѣчаются въ газетахъ заявленія о томъ, какъ шинкарь Ицко обобралъ до ниткй всѣхъ крестьянъ деревни, какъ крестьяне другой деревни положили на сходѣ не разрѣшать больше евреямъ содержанія у нихъ питейныхъ домовъ и т. под.

Каждый изъ подобныхъ фактовъ подхватывается какъ драгоцѣнность извѣстными публицистами, которые рады малѣйшему случаю высказать свои допотопные взгляды на еврейскій вопросъ. Они спѣшатъ доложить почтеннѣйшей публикѣ по этому поводу, что евреи «язва края», и притомъ язва неисцѣлимая (какъ нѣкоторое время проповѣдывалъ «Голосъ») и что поэтому при ихъ пребываніи невозможно искорененіе или даже уменьшеніе пьянства, какъ вообще серьезное улучшеніе быта крестьянъ. Такъ недавно велемудрая редакція «Кіевлянина», сообщая фактъ о вредномъ вліяніи на благосостояніе крестьянъ одного шинкаря-еврея, въ статейкѣ подъ громкимъ названіемъ «Еврей-піявка» ударилась въ разглагольствованія подобнаго рода. Но этого мало. Нерѣдко можно услышать мнѣніе, что евреи не должны быть допускаемы къ жительству внѣ отведенной имъ черты осѣдлости между прочимъ потому, что они захватятъ повсюду въ свои руки торговлю питьями и, какъ виртуозы въ шинкарствѣ, усилятъ пьянство въ народѣ. Подобный

взглядъ высказанъ оффиціально. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1870 году. Государственный Совѣтъ, обсуждая 18 іюля 1868 г. мѣры къ уменьшенію пьянства, возложилъ на министра внутреннихъ дѣлъ представить, совмѣстно съ министромъ финансовъ, соображенія между прочимъ по вопросу о томъ:

Какими мѣрами можетъ быть достигнуто возможно полное обезпеченіе благонадежности лицъ, занимающихся питейною продажею.

Министерство внутреннихъ дѣлъ предположило по этому предмету въ числѣ другихъ мѣръ слѣдующую:

Ограничить права евреевъ на питейную торговлю мѣстами постоянной ихъ осѣдлости, дозволяя имъ производить таковую не иначе какъ изъ своихъ собственныхъ домовъ, съ тѣмъ, чтобы сидѣльцы евреи были допускаемы исключительно въ заведеніяхъ своихъ единовѣрцевъ, т. е. домовладѣльцевъ-евреевъ. Мѣра эта вызвана настоятельною необходимостью, такъ какъ мелкая питейная торговля въ Западномъ краѣ почти исключительно сосредоточилась въ рукахъ евреевъ и злоупотребленія, встрѣчающіяся въ этихъ заведеніяхъ, выходятъ изъ всякихъ границъ терпимости [1]).

Это ограниченіе впрочемъ практикуется и теперь въ великороссійскихъ губерніяхъ, не смотря на то, что оно не имѣетъ никакихъ основаній въ положительномъ законѣ, но можно безошибочно предполагать, что подобнаго рода опасеніе принадлежитъ къ главнымъ причинамъ, вызвавшимъ и поддерживающимъ до сихъ поръ законъ о недопущеніи евреевъ къ жительству внѣ черты постоянной ихъ осѣдлости.

Въ высшей степени важно и интересно поэтому изслѣдованіе вопроса о мѣрѣ участія евреевъ въ торговлѣ питьями и вліянія ихъ на пьянство русскаго народа, на основаніи не отдѣльныхъ случаевъ и гадательныхъ предположеній, а дѣйствительныхъ и общихъ данныхъ и заслуживающихъ вѣры выводовъ изъ этихъ данныхъ. Попытку такого изслѣдованія мы предлагаемъ читателю въ слѣдующемъ изложеніи.

---

[1]) Правительственное сообщеніе въ № 215 «Правительств. Вѣстника» за 1870 годъ.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе слѣдующее обстоятельство. Если евреи въ качествѣ шинкарей имѣютъ очень вредное вліяніе на благосостояніе простого народа, содѣйствуя усиленію пьянства, то изъ двухъ частей имперіи, изъ которыхъ въ одной живутъ евреи, а въ другой нѣтъ,—пьянство въ первой должно быть сильнѣе чѣмъ въ другой, такъ какъ нельзя отрицать того факта, что евреи въ мѣстахъ постояннаго жительства держатъ почти исключительно въ своихъ рукахъ всѣ виды торговли питьями. Но спрашивается такъ ли это въ дѣйствительности? Матеріалы для отвѣта на этотъ вопросъ даетъ извѣстная Записка фонъ-Бушена о пьянствѣ въ Россіи [1]), въ которой собраны самыя обстоятельныя данныя и сдѣланы весьма основательные выводы по этому предмету. Изъ свѣдѣній, собранныхъ оффиціально г. Бушеномъ, видно, что дѣйствительно число питейныхъ заведеній несравненно больше въ западной и южной полосахъ имперіи, чѣмъ въ полосѣ восточной: въ первыхъ приходится на 23 милліона населенія (въ томъ числѣ 2 м. евреевъ) 77400 пит. завед., а въ послѣдней на 38 м. населенія—65000 пит. завед. Повидимому фактъ этотъ говоритъ разительнымъ образомъ въ пользу мнѣнія о вліяніи евреевъ на потребленіе водки. Но это только такъ кажется. Г. Бушенъ доказываетъ несомнѣнными цифрами и соображеніями, что, во 1) въ Новороссійскомъ краѣ и въ большей части великорусскихъ губерній потребленіе вина не измѣнилось съ уничтоженіемъ откупной системы, а напротивъ, въ нѣкоторыхъ центральныхъ и во всѣхъ восточныхъ губерніяхъ (гдѣ, замѣтьте, вовсе нѣтъ евреевъ) пьянство значительно возросло, и во 2) количество питейныхъ заведеній вовсе не можетъ служить мѣриломъ степени наклонности населенія къ пьянству; напротивъ, чѣмъ больше конкурренціи въ питейной торговлѣ, тѣмъ болѣе она входитъ въ нормальныя условія всякой промышленности, и слѣдовательно тѣмъ лучше для потребителей. Большее число кабаковъ, говоритъ г. Бушенъ, доказываетъ вовсе не то, что народъ больше пьетъ, а что выгоды отъ этой торговли раздѣляются между большимъ числомъ торговцевъ, что во всякомъ случаѣ, при-

[1]) См. От. Зап. 1868, кн. 12, Совр. обозр. стр. 402 и слѣд.

бавимъ мы, можетъ быть только выгодно для народной экономіи. Такимъ образомъ мнѣніе о вредѣ отъ евреевъ-шинкарей для сельскаго населенія теряетъ значеніе при первомъ соприкосновеніи съ статистическими данными, ибо оказывается, что, не смотря на значительное число евреевъ-шинкарей въ чертѣ ихъ осѣдлости, пьянство тамъ не усиливается, тогда какъ тамъ, гдѣ и духу еврейскаго нѣтъ, пьянство постоянно растетъ, напр. въ какой нибудь Оренбургской или Пермской губерніи. Но даже выводъ, будто евреямъ принадлежитъ спеціально заслуга увеличенія числа кабаковъ, опровергается неумолимой статистикой, которая не имѣетъ ни малѣйшаго уваженія къ предвзятымъ мнѣніямъ и укоренившимся предразсудкамъ, хотя бы они вели свое происхожденіе отъ сѣдой старины и придерживались ихъ такіе почтенные люди, какъ многоученый редакторъ «Кіевлянина».

Изъ доклада особой коммисіи при петербургской городской думѣ видно, что въ Петербургѣ 1 кабакъ приходится на 4 дома и на 293 человѣка. Между тѣмъ кабаки составляютъ только 52% всѣхъ питейныхъ заведеній, которыхъ въ Петербургѣ 3425. Кромѣ того есть множество постоялыхъ дворовъ, въ которыхъ тоже продаются крѣпкіе напитки (См. Недѣлю 1868 г., стр. 1523). Но извѣстно, что въ Петербургѣ евреевъ почти нѣтъ, и тѣ, которые тамъ живутъ, не занимаются шинкарствомъ. Спрашивается, почему же въ виду такихъ фактовъ говорятъ гораздо больше о піявкахъ-евреяхъ, чѣмъ о піявкахъ-цаловальникахъ вообще? Почему именно евреямъ приписывается какъ-бы общенародная склонность къ кабацкому промыслу, тогда какъ очевидно, что тамъ гдѣ обстоятельства наталкиваютъ рабочій людъ на гибельный путь пьянства и всевозможныхъ пороковъ, какъ это напр. происходитъ въ Петербургѣ, находится и безъ евреевъ очень много охотниковъ жить на счетъ дурныхъ склонностей своихъ собратьевъ?

Какъ далеко расходятся оффиціальныя воззрѣнія на торговлю питьями съ выводами науки, можно судить по слѣдующему. Одновременно съ опубликованіемъ упомянутаго выше правительственнаго сообщенія о мѣрахъ противъ пьянства происходило засѣданіе вольно-экономическаго общества, посвященное вопросу о пьянствѣ, гдѣ

высказаны были совсѣмъ другіе взгляды на этотъ предметъ. Засѣданіе это между прочимъ было посвящено чтенію доклада Е. И. Рагозина подъ заглавіемъ. «Обозрѣніе мѣръ, принимаемыхъ въ разныхъ странахъ противъ пьянства, и ихъ практическая несостоятельность». Въ докладѣ этомъ весьма подробно былъ изложенъ историческій ходъ мѣръ противъ пьянства въ Америкѣ, Англіи, Бельгіи и Франціи, принимавшихся какъ правительствами, такъ равно и обществомъ. Строгость мѣръ въ XVI и въ началѣ XVIII столѣтій была такова, что пьянство преслѣдовалось какъ уголовное преступленіе и наказывалось не только мѣрами тяжко-исправительными, но даже карательными за пьянство отсѣкали уши, налагали клейма, заключали въ тюрьму и проч.; но мѣры эти, истязуя народъ, пользы не приносили. Равнымъ образомъ административныя мѣры, касающіяся увеличенія цѣнности патентовъ на право торговли, уменьшенія числа заведеній для продажи питей и тому подобныя, въ сущности не уменьшая въ народѣ страсти къ пьянству, ложились на народъ своею тяжестію. Изложивъ подробно разныя правительственныя мѣры, принесшія мало, или вовсе не принесшія пользы, докладчикъ вывелъ заключеніе, что главная причина пьянства въ народѣ заключается въ его экономической обстановкѣ. поднятіемъ которой пьянство само собою парализуется помимо всѣхъ насильственныхъ мѣръ. Для здороваго организма потребна пропорція трехъ четвертей фунта мяса на два фунта хлѣба. Недостатокъ же мясной пищи у нашего крестьянина, какъ повсемѣстное явленіе въ деревняхъ и селахъ—неминуемо влечетъ за собою потребность въ организмѣ восполнить чѣмъ нибудь этотъ недостатокъ, и эта потребность выражается въ восполненіи этого недостатка алкоголемъ, заключающимся въ винѣ. Но такъ какъ алкоголь, собственно говоря, вовсе не питаетъ, а еще болѣе разрушаетъ организмъ, что выражается даже въ оставляемомъ пьяницами потомствѣ—въ дѣтяхъ, или хилыхъ, или идіотахъ, то очевиденъ весь вредъ этого нормальнаго восполненія недостатка питанія; при лучшей пищѣ уничтожится и пьянство. Поэтому, главнымъ образомъ, докладчикъ остановился на мысли, что уменьшеніе податей и разныхъ отягощающихъ народъ поборовъ будетъ въ этомъ случаѣ самою раці-

ональною мѣрою. По окончаніи доклада начались пренія. Г. Андреевъ развивалъ мысль, что вмѣшательство въ это дѣло правительственныхъ мѣръ врядъ ли можетъ принести пользу; результатъ отъ этой опеки, какъ показалъ опытъ, всегда выйдетъ отрицательный. Главная забота должна состоять въ томъ, чтобъ поднять въ народѣ духъ гражданственности, духъ сознанія своей и общественной чести и пользы. Ораторъ указалъ на Малороссію, гдѣ сравнительно гораздо менѣе развито пьянство, чѣмъ въ Великороссіи, и причину этого должно искать именно въ томъ, что понятіе о гражданствѣ, вслѣдствіе несуществованія крѣпостнаго права, тамъ развито несравненно выше. Г. Андрееву возражалъ г. Рагозинъ, который старался доказать, что думать о гражданственности голодному человѣку нельзя; надо его прежде накормить, и тогда онъ станетъ гражданиномъ. Въ голодномъ же состояніи онъ скорѣе принимаетъ инстинкты дикаго звѣря, способный, при одуреніи виномъ, на все преступное. Поэтому, единственною мѣрою является въ этомъ случаѣ уменьшеніе налоговъ и повинностей. Послѣ гг. Андреева и Рагозина говорилъ г. Бушенъ. Въ весьма спокойной рѣчи онъ развилъ сначала исторію правительственныхъ мѣръ противъ пьянства въ Россіи, которыя начинаются съ Іоанна Даниловича Калиты, и вывелъ заключеніе, что всѣ эти мѣры были напрасною тратою времени, потому что жалобы на возрастающее пьянство періодически повторялись, и каждый разъ придумывались новыя мѣры. Еслибъ въ этихъ жалобахъ была правда, то пришлось бы предположить, что въ Россіи существуетъ поголовное пьянство и трезвыхъ не осталось ни одного человѣка. Между тѣмъ въ сущности ничего ужасающаго нѣтъ, и пьянство даже замѣтно уменьшается. Если же оно и существуетъ въ простомъ народѣ, то причину этого г. Бушенъ видитъ въ нравственномъ положеніи простолюдина. Для него нѣтъ никакихъ развлеченій, ему не дано ничего такого, что можно было бы противопоставить кабаку. Да и устройство самыхъ кабаковъ приспособлено именно къ тому, чтобъ напиться пьянымъ. Если считать, что потребность въ винѣ обусловливается недостаткомъ пищи, то естественно кабаки должны вмѣстѣ съ тѣмъ быть мѣстомъ продажи, кромѣ вина, и съѣстныхъ припасовъ, т. е. чтобъ кабаки

обратились въ доступные народу трактиры. Далѣе ораторъ видитъ необходимость отстранить отъ права содержанія кабаковъ лицъ, бывшихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, которыя, будучи знакомы со всѣми продѣлками плутовства и мошенничества, обращаютъ заведенія для продажи вина въ мѣста тайнаго разбоя и грабительства. На послѣднее мнѣніе возражалъ г. Андреевъ, который доказывалъ, что самая профессія кабатчика дѣлаетъ изъ него плута, а если запретить опозореннымъ судомъ лицамъ производить торговлю виномъ, то это повлечетъ лишь къ большему злу; явятся подлоги, въ виду подставныхъ лицъ, на имя которыхъ будутъ торговать лица, неимѣющія на то права Г. Владимірскій развивалъ мысль, что пьянство годъ отъ году увеличивается; что онъ лично видѣлъ, какъ цѣлыя деревни пьянствуютъ поголовно и не только мужчины, но даже женщины и дѣти шестнадцатилѣтнія; что быть пьянымъ до безчувствія считается у мужика молодечествомъ и что вслѣдствіе этого онъ неспособенъ къ трезвымъ удовольствіямъ. Мѣрою къ искорененію пьянства было предложено Владимірскимъ: всѣхъ лицъ, напившихся допьяна, предавать публичному стыду въ видѣ какой нибудь позорной обрядности.

Общество приняло слѣдующую резолюцію· «Главная причина пьянства въ народѣ—бѣдность и неразвитость, почему необходимо устранить это увеличеніемъ его благосостоянія путемъ уменьшенія повинностей и налоговъ, увеличеніемъ школъ грамотности и развитіемъ ссудо-сберегательныхъ кассъ. Побочными мѣрами могутъ быть—доставленіе народу дешевыхъ развлеченій, отвлекающихъ его отъ пьянства, и продажа въ кабакахъ съѣстныхъ припасовъ». Не нужно распространяться о томъ, какое радикальное противорѣчіе между такими мѣрами, какъ тѣ, которыя предположены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, (съ большинствомъ которыхъ впрочемъ не согласилось министерство финансовъ), и выводами, къ которымъ пришло экономическое общество. Причина такого разногласія также ясна сама по себѣ.

Но могутъ сказать, что хотя не одни евреи промышляютъ шинкарствомъ и побуждаютъ народъ спиваться съ круга, но нельзя однакожъ отрицать, что, занимаясь въ большомъ числѣ этимъ про-

мысломъ и отличаясь въ немъ, какъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ, особымъ искуствомъ, ловкостью и энергіей, они имѣютъ дурное вліяніе на благосостояніе крестьянъ. и потому нельзя не одобрить существующія въ нашихъ законахъ ограниченія правъ евреевъ. спасающія хотя часть русскаго народа отъ этихъ гибельныхъ для него людей. Трудно было бы найдти сказать что нибудь противъ этого замѣчанія. такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ. что всякая мѣра, клонящаяся хоть сколько нибудь къ обузданію пьянства, можетъ заслуживать только одобренія Но къ счастію, исторія сохранила намъ попытку удаленія евреевъ отъ торговли питьями въ деревняхъ, а неумолимая статистика съ своей стороны сохранила чрезвычайно любопытныя данныя. по которымъ можно судить о цѣлесообразности и разумности подобныхъ мѣръ

Какъ извѣстно. въ 1844 году евреи повсемѣстно были выселены изъ деревень, при чемъ оффиціально заявленная причина этого изгнанія заключалась въ эксплуатаціи крестьянъ евреями-арендаторами и корчмарями Между прочимъ эта участь постигла евреевъ Кіевской губерніи. По этому поводу мы встрѣчаемъ въ «Статистическомъ описаніи Кіевской губ.», составленномъ въ 1845 и слѣдующихъ годахъ профессоромъ Журавскимъ, пріобрѣвшимъ себѣ извѣстность отличнаго экономиста и статистика, и изданномъ въ 1852 г. сенаторомъ Фундуклеемъ,—цифры и свѣдѣнія о состояніи торговли питьями до и послѣ 1844 года Изъ этихъ данныхъ приведемъ здѣсь слѣдующія

До 1844 г. евреи были арендаторами, и пользуясь тѣмъ, что они всегда имѣли денежныя сдѣлки съ помѣщиками, вслѣдствіе чего послѣдніе находились въ нѣкоторой зависимости отъ евреевъ. они покупали водку у помѣщиковъ по дешевымъ цѣнамъ и продавали ее крестьянамъ тоже дешево. Эта дешевизна водки была въ интересѣ самихъ шинкарей, такъ какъ этимъ предупреждался корчемный ввозъ вина изъ близкихъ привиллегированныхъ губерній. Но въ 1842 г утверждена была такса, ниже которой нельзя было продавать вино, такъ что законъ въ этомъ случаѣ обезпечивалъ интересъ помѣщиковъ-винокуровъ и откупщиковъ, тогда какъ шинкари-евреи больше радѣли объ интересахъ потреби-

телей-крестьянъ, которые, т. е. интересы, впрочемъ вполнѣ совпадали съ ихъ собственными выгодами.

Желая дать понятіе о ходѣ питейнаго дѣла въ Кіевской губ. отъ 1840—50 г., Журавскій беретъ одну извѣстную ему мѣстность, которую онъ принимаетъ за нормальную представительницу всей губерніи по экономическимъ своимъ условіямъ, и относительно этой мѣстности сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

Въ 1841 г.	цѣна водки была	1	р.	71	к. ведро.
» 1843 г.		1	»	50	» »
» 1845 г.		1	»	71	» »
» 1848—50 г.		2	»	40	» »

Слѣдовательно до 1844 г. (года выселенія евреевъ) цѣна водки шла понижаясь, а съ этого времени—значительно повышаясь.

Сумма выручки за водку помѣщикомъ

Въ 1841 г.	7838	руб.
» 1845 »	8704	»
» 1847 »	10403	»
» 1849 »	14402	»

Число проданныхъ ведеръ вина:

Въ 1843 г.	4973	ведра.
» 1847 »	5995	»
» 1848 »	7450	»
» 1849 »	6012	»

Вишневки продано.

Въ 1844 г.	31	ведро.
» 1847 »	52	»
» 1848 »	99	»
» 1849 »	55	»
» 1850 »	22	»

Слѣдовательно, и число проданныхъ ведеръ спиртныхъ напитковъ и вырученная съ крестьянъ за это вино сумма съ 1844 года тоже постоянно увеличивались, не смотря на удаленіе евреевъ.

Такимъ образомъ цѣль, положенная законодателемъ, нисколько не была достигнута: народъ пилъ еще больше, чѣмъ при евреяхъ, и вдобавокъ платилъ за водку дороже прежняго. Но можетъ быть страшныя бѣдствія тысячей еврейскихъ семействъ принесли крестьянству хоть ту пользу, что заработки евреевъ по торговлѣ питьями перешли въ руки крестьянъ, изъ которыхъ послѣ 1844 года должны были выйдти шинкари? Относительно этого предмета мы находимъ ясныя указанія у того же Журавскаго. Съ устраненіемъ евреевъ отъ торговли питьями въ деревняхъ, говоритъ онъ, продажу крѣпкихъ напитковъ производятъ сами помѣщики чрезъ назначаемыхъ ими сидѣльцевъ изъ бѣдныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ эта перемѣна обратилась въ пользу помѣщиковъ, которые получаютъ теперь сверхъ суммы арендной платы, которую платили имъ евреи (1,164,788 р. въ годъ, а за вычетомъ акциза въ казну 872,273 р. въ годъ), еще барыши шинкарей, которые можно принять въ такую-же цифру, такъ что въ 10 лѣтъ (1840—50 г.) доходъ помѣщиковъ отъ торговли питьями удвоился.

Любопытную аналогію съ этими фактами исторіи питейной торговли, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, представляетъ исторія удаленія и допущенія евреевъ къ арендованію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній. 9 ноября 1848 года состоялась Высочайшая резолюція о томъ, чтобы евреи допущены были къ откупному содержанію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ лишь на слѣдующіе два года. Поэтому, на торгахъ, произведенныхъ въ августѣ 1850 г. на четырехлѣтіе 1851—55 гг., евреи не допущены были къ участію, и тогда оказалось, что это крайне невыгодно для казны: многія корчмы остались вовсе не приторгованными, а за остальныя предложено было на 205,050 р. меньше противъ существовавшихъ цѣнъ. Начальство всполошилось въ виду такого значительнаго казеннаго убытка и евреямъ предоставлено было участвовать въ торгахъ. Вторичные торги дали такой результатъ, что казна отъ допущенія евреевъ къ содержанію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ выиграла въ 4 года (1851—1855 годовъ) сравнительно съ предшествовавшими 2 годами 2,797,733 р. 66 к., не считая расхода на ремонтъ корчемъ, принятаго на свой счетъ почти всѣми от-

купщиками-евреями, и составлявшаго въ одномъ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ около 100,000 р. По истеченіи этихъ 4 лѣтъ пробовали опять обойтись безъ евреевъ, но торги и тогда оказались весьма неуспѣшными, и евреи снова были допущены къ участію въ торгахъ; мѣра эта имѣла прежній успѣхъ: торги съ участіемъ евреевъ оказались выгоднѣе для казны по Могилевской губерніи на 12,000 р., по Витебской на 8,204 р. и т. д.

Можно усомниться въ томъ, составляетъ ли въ этомъ случаѣ выгода казны выигрышъ для населенія, можно утверждать, что евреи, платя больше въ казну за содержаніе корчемъ, извлекали и большія выгоды изъ потребленія питей населеніемъ, т е. вліяли на усиленіе пьянства. Но изъ свѣдѣній, сообщенныхъ нами о роли евреевъ-шинкарей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, можно убѣдиться, что такой взглядъ не можетъ считаться безусловно вѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что еврей, подъ вліяніемъ сильно развитой въ еврейской средѣ конкурренціи, привыкъ къ меньшему барышу, чѣмъ русскій промышленникъ, такимъ образомъ казенный интересъ въ данномъ случаѣ не расходится съ интересомъ населенія.

Итакъ, выселеніе евреевъ изъ деревень, которое должно было спасти навсегда крестьянъ отъ сосущихъ ихъ кровь вампировъ (по выраженію многоученаго «Кіевлянина») не принесло никакой пользы крестьянамъ, а скорѣе имъ повредило, такъ какъ евреи, пользуясь своимъ вліяніемъ на помѣщиковъ, имѣли возможность продавать имъ водку недорого, а съ удаленіемъ ихъ помѣщики могли по произволу обирать своихъ крестьянъ, назначая цѣны, какія имъ заблагоразсудятся, и дѣйствительно этимъ воспользовались, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ цифръ. Это обстоятельство бросаетъ новый свѣтъ на исторію выселенія евреевъ изъ помѣщичьихъ деревень. Нѣтъ сомнѣнія, что выселеніе это послѣдовало послѣ представленій мѣстной ополяченной шляхты, которая нашла, что для нея гораздо выгоднѣе будетъ присвоить себѣ и заработки евреевъ-арендаторовъ и корчмарей и имѣть возможность по желанію повышать цѣну питей, что они не могли дѣлать при евреяхъ, находясь въ нѣкоторой хозяйственной отъ нихъ зависимости Но высказывать прямо мотивы своего желанія—удалить евреевъ, шляхта

не могла и не хотѣла и она прибѣгла къ своей всегдашней уловкѣ преслѣдовать свои эгоистическіе интересы, маскируясь ревнительницей государственной и народной пользы. Подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія крестьянъ отъ эксплуатаціи евреевъ, явились представленія и ходатайства объ изгнаніи евреевъ изъ помѣщичьихъ имѣній! Мѣстная администрація, которая тогда была солидарна съ земледѣльческимъ дворянствомъ и, какъ извѣстно, часто вводилась въ заблужденіе имъ, примкнула къ заявленіямъ дворянства и плодомъ ихъ общихъ усилій явилось удаленіе евреевъ изъ помѣщичьихъ селеній въ 1844 г. Слѣдствіемъ этого удаленія было, какъ мы видѣли, то, что извѣстная сумма заработковъ, которая прежде выпадала на долю промышленнаго класса людей, несущаго съ избыткомъ государственныя, земскія и городскія повинности, подати и сборы, перешла въ руки поземельной аристократіи, богатой, непроизводительной, свободной почти отъ всякихъ налоговъ Крестьяне же отъ этого не только ничего не выиграли, но даже потеряли, какъ выше было указано Что отъ этого выселенія потеряла и казна, и земство, которыя не могли болѣе исправно получать подати съ обнищавшихъ евреевъ, и народная экономія съ перемѣщеніемъ значительныхъ капиталовъ изъ производительныхъ въ непроизводительныя руки,—ясно съ перваго взгляда, и потому я не считаю нужнымъ распространяться объ этомъ болѣе.

Но пусть не думаютъ, что дѣло могло принять такой странный оборотъ только при крѣпостномъ правѣ, благодаря громаднымъ преимуществамъ положенія помѣщиковъ особенно по отношенію къ крестьянамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и теперь владѣльцы винокуренныхъ заводовъ почти исключительно помѣщики, и всякое ограниченіе права евреевъ на торговлю питьями должно обратиться скорѣе всего въ ихъ пользу.

Помѣщикъ-винокуръ найдетъ для себя очень выгоднымъ содержать всѣ питейныя заведенія въ своемъ околодкѣ (что и теперь нерѣдко встрѣчается), нанимая для этой цѣли сидѣльцевъ изъ бѣдныхъ крестьянъ, которымъ дастъ какія нибудь крохи на пропитаніе, какъ это было въ разсмотрѣнный періодъ времени въ Кіев-

ской губерніи. Нерѣдко можно встрѣтить въ газетахъ жалобы на то, что въ Великороссійскихъ губерніяхъ кабаками не брезгаютъ даже мировые посредники, мировые судьи и тому подобныя лица, не говоря вообще о землевладѣльцахъ! Въ Рузскомъ уѣздѣ напр. большая часть кабаковъ по проселочнымъ дорогамъ допущена крупными землевладѣльцами [1]). Стало быть кабацкій промыселъ тутъ такъ «облагороженъ», что участіе въ немъ евреевъ можетъ доставить имъ только честь. Понятно, что конкурренція крестьянъ съ помѣщикомъ - владѣльцемъ винокурни немыслима, такъ что послѣдній явится монополистомъ по торговлѣ питьями, тогда какъ евреи вводятъ здѣсь, какъ во всемъ, неограниченное соперничество, всегда болѣе выгодное конечно для народа, чѣмъ монополія. Насколько отъ такого перехода питейной торговли и сопряженныхъ съ нею выгодъ отъ промышленныхъ и податныхъ евреевъ къ непромышленному и неподатному классу выигрываетъ и казна, и народъ—явствуетъ изъ того, что было изложено выше объ этомъ предметѣ, и не требуетъ дальнѣйшаго поясненія.

Противъ господствующаго мнѣнія о вредѣ отъ евреевъ-шинкарей для крестьянъ, говоритъ еще слѣдующій замѣчательный фактъ, сообщенный тоже Журавскимъ. Замѣчено, говоритъ онъ, что казенные крестьяне никогда не жаловались на евреевъ своему начальству въ томъ, что они даютъ имъ въ долгъ, хотя достаточно было бы одной такой жалобы, чтобъ избавиться имъ отъ платежа долговъ евреямъ. Этотъ фактъ замѣченъ и Гакстгаузеномъ. Правительство, говоритъ онъ, запретило давать крестьянамъ въ долгъ водку. Они не обязаны платить подобныхъ долговъ и судъ не можетъ принимать жалобъ по этому предмету. Но замѣчательно, что крестьяне считаютъ ихъ долгомъ чести и платятъ аккуратно [2]). Журавскій объясняетъ это отчасти чувствомъ чести у крестьянъ, отчасти нежеланіемъ потерять кредитъ у евреевъ. Но очевидно, что еслибъ евреи дѣйствительно такъ надоѣли и опротивѣли крестьянамъ, какъ обыкновенно полагаютъ, то рыцарское чувство чести

---

[1]) «Современныя Извѣстія» за 1870 г., № 77

[2]) Etudes sur la Russie. 1848, т. II, p. 433.

(очень слабое у крестьянъ и теперь, а тѣмъ болѣе тогда) не удержало бы ихъ отъ желанія очень легко отдѣлаться отъ своихъ долговъ и враговъ-кредиторовъ. Нельзя также предполагать, чтобъ крестьяне не жаловались изъ страха и привычки терпѣливо переносить невзгоды жизни, подобно тому какъ крѣпостные крестьяне почти никогда не жаловались на злоупотребленія помѣщичьей власти, потому что между положеніемъ помѣщика и евреемъ разница громаднѣйшая. Крестьянинъ не безъ основанія полагалъ, что на помѣщика найдти судъ для него почти невозможно, между тѣмъ какъ требовалось очень немного для того, чтобы доканать бѣднаго и преслѣдуемаго тогда еврея. Ясное дѣло, что крестьяне смотрѣли на свои отношенія къ евреямъ правильнѣе и лучше понимали свои интересы, чѣмъ опекавшее ихъ начальство обо съ удаленіемъ евреевъ, какъ мы видѣли, они только потеряли.

Журавскій справедливо замѣчаетъ, что для крестьянъ было бы выгодно примѣнить къ торговлѣ питьями принципъ общинной ассоціаціи, т. е. снимать корчмы въ аренду цѣлыми обществами, такъ какъ въ этомъ случаѣ, раздѣляя прибыль поровну между крестьянами, можно было бы хоть отчасти вознаградить потери крестьянъ отъ пьянства [1]). Но не только въ то время, когда писалъ Журавскій, но и теперь, по освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, раціональное примѣненіе принципа товарищества и круговой поруки къ быту нашихъ крестьянъ можетъ считаться только мечтой, въ большинствѣ случаевъ трудно осуществимой на практикѣ. Удовлетвореніе многимъ потребностямъ народной жизни еще долго у насъ должно быть предоставляемо предпріимчивости промышленнаго класса, хотя мы должны стремиться всѣми силами къ освобожденію сельскаго населенія отъ дорого стоющихъ ему услугъ торговаго сословія. Между прочимъ эта промышленная дѣятельность городскихъ классовъ пока у насъ еще нужна для снабженія народа напитками, безъ которыхъ онъ еще не обходится. А коль скоро мы допустимъ это послѣднее положеніе

[1]) Приведенныя здѣсь отъ имени Журавскаго свѣдѣнія взяты изъ 3-го тома его «Стат. Опис. Кіевской губ.» стр. 194 и сл.

(которое нельзя не допустить при нѣкоторомъ знакомствѣ съ нашей дѣйствительной жизнью), не можетъ быть сомнѣнія относительно выбора между монопольной и непромышленной дѣятельностью помѣщиковъ-винокуровъ и неограниченной конкурренціей и энергіей мелкой торговли питьями, напр. евреевъ.

Разсматривая въ совокупности представленныя данныя и соображенія, нетрудно замѣтить, что изъ нихъ можно безъ всякой натяжки сдѣлать слѣдующіе общіе выводы. Истинныя причины пьянства лежатъ не въ томъ, что евреи захватили въ свои руки торговлю питьями и спаиваютъ съ кругу низшіе классы народа онѣ коренятся въ условіяхъ нашей народной и государственной жизни До тѣхъ поръ пока народъ русскій будетъ обреченъ на тяжелую и неблагодарную борьбу съ суровой природой и неблагопріятными соціальными условіями и въ часы досуга не будетъ имѣть ни возможности, ни желанія вкушать болѣе человѣчныя наслажденія, а съ другой стороны народный порокъ и несчастье будетъ доставлять государственному бюджету третью часть его доходовъ, до тѣхъ поръ никакія ограниченія относительно торговли и торговцевъ питьями ни на одинъ волосъ не уменьшатъ народнаго пьянства, а скорѣе увеличатъ его. Евреи же, хотя въ чертѣ своей осѣдлости и держатъ въ своихъ рукахъ торговлю питьями, но неблагопріятнаго вліянія на размѣры пьянства никакого не имѣютъ. Это доказывается несомнѣнно тѣмъ, что тамъ, гдѣ живутъ евреи, благодаря неблагопріятствующимъ развитію пьянства обстоятельствамъ, народъ меньше пьетъ, чѣмъ тамъ, гдѣ евреевъ нѣтъ, но естественныя и соціальныя условія способствуютъ пьянству. Хотя же въ предѣлахъ жительства евреевъ и замѣчается гораздо большее число кабаковъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи, но это вовсе не дурной признакъ для народнаго благосостоянія. Напротивъ, большее число питейныхъ заведеній указываетъ, что торговля питьями принимаетъ правильный видъ промышленности (пониженіе цѣнъ на питья, раздѣленіе заработковъ отъ этого промысла между большимъ числомъ семействъ и свободное соперничество). Поэтому, вопреки господствующему убѣжденію, допущеніе евреевъ въ тѣ части русскаго государства, гдѣ при меньшемъ числѣ питейныхъ заведеній

выпивается гораздо больше крѣпкихъ напитковъ, чѣмъ въ районѣ осѣдлости евреевъ, можетъ принести населенію тѣхъ мѣстностей одну только пользу, а не вредъ. Съ появленіемъ евреевъ великорусскій цѣловальникъ перестанетъ быть такимъ неограниченнымъ господиномъ крестьянства, благодаря естественной монополіи при небольшомъ, сравнительно, числѣ питейныхъ заведеній [1]). Евреи внесутъ въ эту важную отрасль промышленности широкую конкурренцію, къ которой они такъ привыкли. Отъ этого выиграютъ и потребители, которые въ состояніи будутъ покупать напитки по болѣе дешевымъ цѣнамъ (а дознано, что дороговизна скорѣе усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ пьянство), и народно-хозяйственный оборотъ, и казна отъ распредѣленія выгодъ питейной торговли между большимъ числомъ промышленныхъ рукъ, что должно повести къ оживленію промышленнаго оборота вообще и къ усиленію платежныхъ средствъ податнаго сословія.

Таково наше глубокое убѣжденіе. Мы не сомнѣваемся, что это убѣжденіе, по обсужденіи представленныхъ выше фактовъ и соображеній, раздѣлятъ съ нами многіе изъ читателей. Быть можетъ, что и ученый редакторъ «Кіевлянина», и его единомышленники, еслибъ они, вмѣсто того, чтобы упорно придерживаться устарѣлыхъ предразсудковъ, постарались хоть нѣсколько ознакомиться съ дѣйствительностью и судить о ней не по предвзятымъ мнѣніямъ, — быть можетъ, говорю я, и они увидѣли бы, что смотрѣть на человѣческую личность, хотя бы то былъ шинкарь-еврей, глазами Тараса Бульбы больше не приходится теперь, и что взгляды этого почтеннаго козака на евреевъ не выдерживаютъ уже критики.

---

[1]) Выше нѣтъ меня начальника,
Весь народъ работникъ мой.
(Слова цѣловальника въ «Коробейникахъ» Некрасова).

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ ТРУДЪ У ЕВРЕЕВЪ.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы пришли къ тому заключенію, что евреи въ качествѣ развитаго промышленно-городскаго класса, при болѣе нормальномъ распредѣленіи ихъ по Россіи, могли бы принести значительную пользу экономическому и общественному прогрессу, тогда какъ скученные чрезмѣрно на одной части имперіи они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приносятъ даже вредъ. Еслибъ русское законодательство придерживалось этого правильнаго взгляда, то при самомъ присоединеніи западнаго края и бывшаго Царства Польскаго къ Россіи слѣдовало распространить на еврейское населеніе этихъ странъ всѣ права русскаго гражданства, между прочимъ и право повсемѣстной осѣдлости. Евреи не замедлили бы воспользоваться этимъ правомъ, чтобы избавиться отъ невыносимаго гнета польскаго шляхетства и польскихъ законовъ; дѣло сліянія евреевъ съ русскимъ народомъ до сихъ поръ уже совершилось бы и предъ нами не стоялъ бы теперь такой затруднительный «еврейскій вопросъ». Но, къ сожалѣнію, случилось вовсѣмъ иное Старинное предубѣжденіе не допускало мысли о дозволеніи евреямъ проживать въ сердцѣ Россіи; приходилось слѣдовательно пріискать какія нибудь другія мѣры, чтобы устранить неудобства отъ несоразмѣрнаго съ потребностями страны развитія еврейской торговли. Въ числѣ этихъ мѣръ главное вниманіе правительства обратило на себя пріученіе евреевъ къ земледѣлію. Появленіе такой мысли у насъ въ прежнее время совершенно понятно. Съ одной стороны при господствѣ крѣпостнаго права, вселявшаго въ обществѣ пренебреженіе въ промышленной дѣятельности и исключительное уваженіе къ поземельному владѣнію и земледѣлію, очень

естественно было отвращеніе къ исключительно-торговому направленію евреевъ и единственное, что могло сдѣлать государство, въ великодушномъ стремленіи облагородить своихъ подданныхъ евреевъ, при господствѣ такихъ воззрѣній, было ввести ихъ въ кругъ того класса общества, который считался одинъ только производительнымъ, полезнымъ и заслуживающимъ уваженія. Съ другой стороны, при смутномъ пониманіи задачъ и средствъ государственной дѣятельности, никому не приходило въ голову сомнѣніе на счетъ возможности и полезности искуственнаго отученія народа отъ того образа жизни, съ которымъ онъ свыкся, и навязыванія ему чуждыхъ его духу занятій и промысловъ. Такимъ образомъ мысль о развитіи земледѣлія между евреями является вполнѣ органическимъ, можно сказать необходимымъ продуктомъ условій общественной жизни старой Россіи. Такимъ же представляется и тотъ способъ, которымъ государство принялось осуществлять эту задачу. Способовъ этихъ было два. Можно было поставить евреевъ въ такое соціальное положеніе, что они сами нашли бы для себя выгоднѣе во многихъ случаяхъ бросить свое «гандлованіе» и взяться, подобно русскому купечеству и мѣщанству, за арендованіе земель и даже за личное ихъ обработываніе. Это конечно могло случиться при совершенномъ уравненіи правъ евреевъ, когда они поддались бы вліянію окружающей ихъ жизни русскаго народа, насквозь пропитаннаго привязанностью къ земледѣлію и вообще сельскимъ занятіямъ. Но такой путь былъ слишкомъ дологъ, требовалъ отъ государственныхъ людей, которые задумали бы идти по немъ, особой прозорливости и безпристрастія и наконецъ отреченія отъ укоренившихся предразсудковъ относительно евреевъ. Понятно поэтому, что правительство избрало другой путь, повидимому скорѣе ведущій къ цѣли и при томъ бывшій въ большомъ ходу въ то время, хотя экономисты-мыслители давно доказали его несостоятельность: поощреніе евреевъ къ земледѣлію посредствомъ привиллегій разнаго рода.

Исторія правительственной дѣятельности по дѣлу колонизаціи русскихъ евреевъ очень поучительна, ибо въ ней кроется ключъ къ пониманію настоящаго положенія этого дѣла и судьбы еврей-

скаго вопроса вообще на Руси; поэтому мы изложимъ ее здѣсь вкратцѣ.

Первый памятникъ дѣятельности русскаго законодательства въ этомъ направленіи представляетъ положеніе о евреяхъ 1804 года, по которому для евреевъ, желающихъ заняться земледѣліемъ, отводится до 30 тысячъ десятинъ земли въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ и евреямъ земледѣльцамъ предоставляются нѣкоторыя льготы. Въ 1829 г. изданы правила о евреяхъ колонистахъ Новороссійскаго края, которыми опредѣляются строгія наказанія колонистамъ за нерадѣніе къ земледѣлію. Въ 1835 г въ Тобольской и Омской губерніяхъ отведено для евреевъ земледѣльцевъ 15514 десятинъ и переселено разомъ 1317 человѣкъ. Въ 1837 г. отведено еще 13363 десятины. Евреи изъ западнаго края начали толпами отправляться въ Сибирь, но въ томъ же году повелѣно. прекратить навсегда переселеніе евреевъ въ Сибирь. Указъ этотъ засталъ переселенцевъ на дорогѣ, и они должны были повернуть въ Херсонскую губернію, гдѣ имъ предложили поселиться взамѣнъ Сибири. Сюда переселилось до 1840 года изъ Виленской и Гродненской губерній 1467 семействъ. Прибывшіе на югъ евреи, измученные и издержавшіеся во время долгаго странствованія, не имѣли чѣмъ содержать себя на первыхъ порахъ. Суммы же, ассигнованныя правительствомъ въ значительныхъ размѣрахъ изъ еврейскихъ же капиталовъ на поддержку колонистовъ, отчасти истрачены были на устройство для нихъ плохихъ помѣщеній и вообще весьма скуднаго хозяйственнаго обзаведенія, а большей частью пропадали между пальцами чиновниковъ, которымъ поручено было это дѣло. Потомъ отъ каждаго колониста вновь прибывающаго стали требовать представленія 171 рубля на обзаведеніе, что у многихъ отняло охоту, а еще большее число евреевъ лишило возможности взяться за земледѣліе, такъ какъ объ этомъ помышлялъ только самый бѣдный классъ народа, неимѣющій никакихъ средствъ пропитанія; еврей же, располагающій капиталомъ въ 171 р. для обзаведенія и кромѣ того для переѣзда, могъ уже считаться капиталистомъ въ какомъ нибудь мѣстечкѣ и производить обороты, которыхъ было бы достаточно для содержанія его съ семействомъ при

непомѣрной бѣдности, умѣренности и выносливости евреевъ. Только въ 1845 г. колонистамъ дарованы были значительныя льготы и денежныя пособія. При этомъ правительство поощряло главнымъ образомъ поселеніе евреевъ земледѣльцевъ въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. Такъ по законамъ 1804 и 1826 года евреи колонисты Новороссійскаго края платили только незначительный оброкъ; между тѣмъ какъ въ западныхъ губерніяхъ они, по закону 1831 года, подлежатъ тому же окладу податей, что и мѣщане-христіане, занимающіеся земледѣліемъ, т. е. они платятъ сверхъ подушнаго мѣщанскаго оклада еще поселянскія подати [1]). Правда, по закону 19 августа 1852 г. въ каждой изъ западныхъ губерній учреждены комитеты для собранія справокъ о евреяхъ, изъявившихъ желаніе поступить въ земледѣльцы, для назначенія имъ земель и осмотра чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ еврейскихъ колоній, но уже чрезъ 7 лѣтъ, 23 октября 1859 г., Высочайше повелѣно: пріостановить поселеніе евреевъ на казенныхъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ, предоставивъ имъ на будущее время селиться на казенныхъ земляхъ въ Новороссійскомъ краѣ, а также на земляхъ собственныхъ и владѣльческихъ. Затѣмъ, такъ какъ правительство убѣдилось въ безполезности мѣръ къ искуственному поощренію земледѣлія между евреями [2]), то съ начала 1860 годовъ въ законодательствѣ нашемъ начинаютъ появляться совершенно отличныя отъ прежнихъ мѣры по вопросу о колонизаціи евреевъ, клонящіяся къ облегченію евреямъ выхода изъ ложнаго, искуственнаго и съ громадными тратами созданнаго положенія. Послѣдняя и самая радикальная изъ этихъ мѣръ—это законъ 1866 г., которымъ велѣно прекратить отпускъ суммъ изъ коробочнаго сбора на развитіе земледѣлія у евреевъ и предоставлено министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ войти въ соображенія о распространеніи на евреевъ земледѣльцевъ дѣйствія общихъ законовъ о свободныхъ

[1]) Воль, Евреи-земледѣльцы (прилож. къ Гакармелю. 1, № 14) и Леонтовичъ, Истор. обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи (Сіонъ, 1861 г.).

[2]) Уже въ отчетѣ министра внутрен. дѣлъ за 1859 г. говорится о «доказанной неспособности евреевъ къ земледѣлію и склонности ихъ къ торговлѣ и ремесламъ».

сельскихъ состояніяхъ. Впрочемъ результаты этихъ соображеній до сихъ поръ неизвѣстны.

Таковъ въ краткихъ чертахъ ходъ нашего законодательства о колонизаціи евреевъ. Бросимъ взглядъ на самыя выдающіяся стороны исторіи этого дѣла и посмотримъ, на сколько онѣ раціональны и соотвѣтственны экономическимъ интересамъ страны и въ какой мѣрѣ достигли своей цѣли.

Остановимся прежде всего на томъ странномъ обстоятельствѣ, что правительство систематически и постоянно поощряло поселеніе евреевъ-земледѣльцевъ на югѣ Россіи, т. е. въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи Здѣшнимъ поселенцамъ всегда безпрепятственно нарѣзывали землю, они всегда пользовались значительными льготами относительно платежа податей и рекрутской повинности, тогда какъ въ западномъ краѣ періодъ поощренія еврейскаго земледѣлія, какъ мы видѣли, продолжался только 7 лѣтъ. Правительство очевидно руководилось въ этомъ отношеніи желаніемъ заселить обширныя и незаселенныя степи южной Россіи. Поселеніе евреевъ здѣсь поддерживалось съ той же цѣлью, съ которой вызывались иностранные поселенцы: нѣмцы, болгары и проч. Между тѣмъ въ западномъ краѣ населеніе было сравнительно довольно густо, земледѣліемъ занималась здѣсь значительная часть населенія съ давнихъ поръ, слѣдовательно для края нельзя было ожидать значительной пользы отъ того, что нѣсколько тысячъ евреевъ присоединятся къ многочисленному классу земледѣльцевъ. Словомъ, правительство руководилось своей давнишней политикой относительно евреевъ: направлять дѣятельность этого племени на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Съ этой точки зрѣнія переселеніе части евреевъ изъ западнаго края, гдѣ ихъ слишкомъ много, на югъ, гдѣ ихъ вовсе не было, и притомъ въ качествѣ земледѣльцевъ, въ которыхъ такъ нуждались необозримыя пространства вновь присоединенныхъ мѣстностей, должно было показаться полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но еслибъ отказаться отъ мысли о возможности исправлять произвольно экономическія условія жизни гражданъ и имѣть въ виду, при сужденіи о колонизаціи евреевъ, сверхъ посторонннихъ соображеній о могущей произойдти отъ той или другой мѣры пользѣ

для края и дѣйствительныя условія быта и потребностей самихъ евреевъ, то легко можно было предвидѣть съ самаго начала, что дѣло поведено не такъ какъ слѣдовало. Въ самомъ дѣлѣ, еврей, какъ исконный торговецъ и ремесленникъ, могъ бы рѣшиться бросить свое прежнее болѣе легкое занятіе и взяться за плугъ и соху только тогда, когда не представлялось болѣе никакихъ надеждъ жить прежнимъ своимъ занятіемъ, гдѣ всѣ городскіе промыслы эксплуатированы до нельзя, какъ это напр. въ западномъ краѣ. Теперь представьте себѣ еврея-промышленника, переселеннаго въ Бессарабію и Новороссію, страны совершенно патріархальныя и необработанныя въ то время, когда началось переселеніе евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по громаднымъ естественнымъ богатствамъ и выгодному географическому положенію предвѣщавшія блестящую экономическую будущность. Города только что зарождались, да и теперь еще продолжаютъ расти и увеличиваться. Промышленнаго и ремесленнаго населенія почти не было и оно только образовалось. Очень естественно, что евреи, переселявшіеся сюда для занятія земледѣліемъ, увидѣвъ предъ собой такое широкое и необработанное поле промышленной дѣятельности, бросились на сродныя и любезныя имъ занятія, обѣщавшія болѣе обильную жатву въ городѣ, чѣмъ ту, на которую они могли разсчитывать въ качествѣ земледѣльцевъ. Къ этому присоединились многія важныя неудобства обстановки колонистовъ, на которыя отчасти указано было выше, и многія другія, какъ-то: неудобная земля и частые неурожаи [1]). Да и можно ли обвинять евреевъ въ томъ, что они предпочли городскіе промыслы сельскимъ въ южной Россіи, когда тоже самое мы замѣчаемъ у переселенцевъ—русскихъ, которые, принадлежа къ народу искони земледѣльческому, находятъ однакожъ для себя болѣе выгоднымъ до сихъ поръ заселять города этого края, чѣмъ деревни?

Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ Херсонской губерніи приростъ сельскаго населенія . . . . . 1850—62 г. 40,6%

[1]) Подробности объ этомъ можно найдти въ статьѣ Шмакова о еврейскихъ колоніяхъ «День» 1869 г. №№ 9—11.

Въ Херсонской губерніи приростъ городского населенія	»	58 %
Въ Екатеринославской губерніи приростъ сельскаго населенія	»	16,2%
Въ Екатеринославской губерніи приростъ городскаго населенія	»	72,1% [1]

Слѣдовательно еврейскіе переселенцы, какъ и всѣ другіе, выбирая преимущественно городскія занятія въ ущербъ сельскимъ, побуждались къ этому не закоренѣлой лѣностью и привычкой жить на счетъ другихъ (ибо этихъ побужденій нельзя предполагать въ переселенцахъ русскихъ), а сознательно примѣняли къ дѣлу столь могущественно дѣйствующее правило: «рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше». При этомъ личные интересы переселенцевъ вовсе не расходились съ высшими экономическими интересами страны, какъ можно было бы предполагать, судя по тому, что законъ смотрѣлъ на уклоненіе ихъ отъ сельскихъ занятій, какъ на важный проступокъ или даже преступленіе, которое наказывалось подчасъ довольно строго. Напротивъ, какъ извѣстно, залогъ политическаго и экономическаго прогресса страны зависитъ отъ правильнаго развитія городской жизни и промышленности не менѣе, чѣмъ отъ развитія земледѣлія. Поэтому тотъ самый еврей колонистъ, котораго насильно заставляли обработывать землю и строго наказывали за всякую отлучку изъ колоніи въ городъ, этой отлучкой своей гораздо болѣе приносилъ пользы краю, какъ торговецъ и ремесленникъ, чѣмъ добывая изъ земли лишнюю мѣру хлѣба для отправки за границу и обмѣна на тотъ самый продуктъ, который онъ самъ, можетъ быть, доставлялъ горожанамъ, тѣмъ болѣе, что не смотря на быстрое приращеніе городскаго населенія на югѣ, процентъ его все еще незначителенъ. (Въ 1862 г. въ Херсонской губерніи городское населеніе составляло 25,6%, въ Екатеринославской 12,4% [2]).

---

[1]) Елисѣевъ, Производительныя силы Россіи, «Отеч. Зап.» 1868 кн. 2, стр. 471

[2]) Елисѣевъ, тамъ же.

Тоже самое имѣетъ мѣсто въ Бессарабіи. Здѣсь въ 1862 г. было 16 еврейскихъ колоній, въ нихъ 10,589 колонистовъ. но «сельское хозяйство у нихъ на низкой степени развитія. поля не обработаны, скотоводства не существуетъ. дома содержатся въ небрежности, и существованіе свое колонисты поддерживаютъ если не конокрадствомъ и контрабандой, то мелкими промыслами и мастерствомъ. Многіе проживаютъ въ городахъ, не смотря на тщательныя старанія полиціи удержать ихъ на мѣстахъ поселенія» [1]). Въ этой странной борьбѣ колонистовъ съ полиціей за выборъ мѣста жительства, который въ другихъ случаяхъ предоставляется на волю каждаго, не вся вина кажется падаетъ на колонистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у того же автора мы узнаемъ (на стр. 188), что въ Бессарабіи на 85 поселянъ приходится 15 горожанъ, и что промышленный классъ не составляетъ и $\frac{1}{4}$ всего населенія. Удивительно ли, что евреи при такихъ обстоятельствахъ, дѣлающихъ городскіе промыслы болѣе выгодными, чѣмъ сельскіе, не имѣютъ охоты отвыкать отъ прежнихъ своихъ занятій и промѣнивать ихъ на другія тяжелыя, непривычныя и менѣе выгодныя?.. Очень понятно также, что законъ, который явно идетъ противъ условій хозяйственной жизни, оказался здѣсь, какъ и вездѣ, не примѣнимымъ, породивъ только напрасныя хлопоты и огромныя потери. Притомъ у того же автора мы находимъ указаніе, что «тѣ изъ евреевъ, которые занимаются мелочной торговлей и ремеслами въ городахъ Бессарабіи, никому не вредятъ» [2]). (Мы даже думаемъ, что они приносятъ пользу). Такъ зачѣмъ же требовать отъ нихъ, чтобъ они непремѣнно занялись земледѣліемъ, которое навѣрно пойдетъ у нихъ плохо, такъ какъ у нихъ не лежитъ душа къ нему, и бросили свои безвредные промыслы? Вѣдь въ той же Бессарабіи живутъ греки и армяне, которые тоже занимаются одной торговлей [3]), и никто не думалъ противодѣйствовать ихъ промышленнымъ наклонностямъ какими нибудь законодательными или административными мѣрами.

---

[1]) Защукъ. Бессарабская Область 1852. I, 173

[2]) Тамъ же, стр 172.

[3]) Тамъ же, 158 и II, 100.

Можетъ быть потому, что торговля въ рукахъ евреевъ опаснѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ рукахъ? Но вѣдь бессарабскіе греки ничѣмъ не уступаютъ евреямъ по доброкачественности своей промышленной дѣятельности. «Греки, говоритъ тотъ же г. Защукъ, оффиціальный составитель статистики Бессарабіи, живутъ частью въ Аккерманѣ и Кишиневѣ, гдѣ занимаются торговлей, а по преимуществу внутри Бессарабіи, гдѣ берутъ въ аренду имѣнія, занимаются всевозможными спекуляціями, не пренебрегая никакими средствами, обѣщающими выгоду О характерѣ и способностяхъ греческихъ промышленниковъ въ Бессарабіи можно сказать ихъ пословицу каждый грекъ долженъ знать семь языковъ и имѣть 77 натуръ Молдаване ихъ не любятъ» [1]). И законодательство однакожъ, совершенно впрочемъ раціонально, не принимало до сихъ поръ никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ этихъ промышленниковъ, не озабочивалось отученіемъ ихъ отъ паразитной торговли и водвореніемъ въ деревняхъ для занятія земледѣліемъ, сознавая безсиліе государства въ дѣлѣ насильственнаго измѣненія экономическаго быта и несосуществимость подобныхъ отученій и водвореній. Почему же соображенія разумной политики оказываются непримѣнимыми къ однимъ только евреямъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ историческая судьба евреевъ управляется законами совершенно другаго рода, чѣмъ тѣ, которымъ подчинены всѣ остальные смертные?

Повторяемъ· колонизація евреевъ на югѣ Россіи необходимо должна была оказаться неудачной, потому что она шла наперекоръ естественнымъ условіямъ края, его экономическимъ потребностямъ, равно какъ и привычкамъ и интересамъ самихъ евреевъ, и именно вслѣдствіе этой своей искуственности она потребовала громадныхъ пожертвованій со стороны еврейскихъ обществъ, оплачивавшихъ расходы на поселенцевъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ своего кармана (изъ суммъ коробочнаго сбора). А между тѣмъ съ несравненно меньшими издержками и хлопотами можно было повести дѣло колонизаціи евреевъ въ западномъ краѣ въ мѣстахъ давней ихъ осѣдлости.

Въ Новороссійскомъ краѣ надо было создавать совершенно спа-

[1]) Тамъ же, I, 158

чала еврея земледѣльца—на дѣвственной почвѣ, требующей усиленнаго труда для обработки, при вредномъ для него климатѣ, среди незнакомыхъ ему людей и странъ, а главное—при сильно манящей его кипучей дѣятельности зарождающихся городовъ. Въ западной Россіи и въ привислянскомъ краѣ еврей, живя издавна въ деревняхъ и мѣстечкахъ и приходя постоянно въ столкновеніе съ крестьяниномъ по торговлѣ, очень близко знакомъ съ условіями сельской жизни и сельскихъ занятій. Земля, въ сравненіи съ южной Россіей густо населенная, съ давнихъ поръ обработываемая, представляетъ гораздо менѣе трудностей для эксплуатаціи. Постоянныя денежныя дѣла съ земледѣльцами и землевладѣльцами часто приводятъ еврея къ тому, чтобъ заняться, такъ или иначе, земледѣліемъ. Но самое важное въ этомъ отношеніи то, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія здѣсь евреевъ скудная торговля края давно уже не въ состояніи прокормить всѣхъ евреевъ, принужденныхъ жить тамъ, и потому многимъ должна была прійдти мысль промѣнять свои эфемерные и жалкіе промыслы на менѣе легкій, но болѣе обезпечивающій трудъ земледѣльца. И если бы энергически поддержать это расположеніе западныхъ евреевъ къ сельскимъ занятіямъ на мѣстѣ своего жительства, безъ дальнихъ и не безопасныхъ въ старое время переселеній (извѣстно, что многіе переселенцы умирали на дорогѣ отъ разныхъ лишеній, другіе, еще въ большемъ числѣ, умирали на мѣстѣ поселенія отъ вреднаго вліянія непривычнаго климата, что все не придавало особенной охоты другимъ слѣдовать ихъ примѣру), то съ гораздо меньшими тратами и усиліями можно было бы достигнуть несравненно лучшихъ результатовъ.

Есть ли однакожь какое нибудь вѣроятіе, чтобы колонизація евреевъ въ западномъ и привислянскомъ краѣ хоть сколько нибудь удалась? Вѣдь здѣсь царство еврейскаго барышничества, здѣсь они проявляютъ свою громадную еврейскую силу въ промышленности: всѣ капиталы въ ихъ рукахъ, а при посредствѣ этихъ капиталовъ все населеніе края въ зависимости отъ нихъ. При такомъ завидномъ положеніи, изъ-за какихъ благъ еврей захочетъ промѣнять легкую и выгодную роль паразита-властелина на тяжелый, зависимый и маловыгодный удѣлъ селянина-земледѣльца?

Но въ томъ-то и дѣло, что это легкое житье до того уже нелегко и невыгодно, что грозитъ отсутствіемъ всякаго житья, такъ что многіе евреи, безъ всякаго участія и вспомоществованія со стороны власть имѣющихъ, твердо рѣшились бросить палку (эмблему факторства) и взяться за плугъ, и немалое число ихъ уже осуществило это намѣреніе Такъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы встрѣчаемъ [1]) извѣстіе о еврейскомъ поселеніи изъ 10 семействъ въ деревнѣ Иванкѣ близь Пинска. Колонисты эти живутъ очень хорошо, совершенно довольны своей судьбой Корреспондентъ между прочимъ указываетъ на то, что они выстроили своими руками синагогу и что каждый изъ нихъ вноситъ извѣстную долю своихъ заработковъ въ общественную казну для благотворительныхъ цѣлей. Въ городѣ Ошмянахъ (Виленской губ.) уже лѣтъ 8 тому назадъ 20 семействъ евреевъ земледѣльцевъ-собственниковъ. Всѣ они купили свои земли у помѣщиковъ, другіе арендуютъ землю. Многіе обрабатываютъ сами, нѣкоторые — посредствомъ наемныхъ работниковъ, большая часть которыхъ тоже евреи. Участки ихъ, благодаря тщательной обработкѣ, чрезвычайно повысились въ цѣнѣ, почва удобрена, скота у нихъ довольно Кромѣ того, многіе евреи занимаются огородничествомъ и все своими руками [2]) Въ 1868 году въ Ошмянахъ было уже до 30 евреевъ-земледѣльцевъ и $^2/_3$ еврейскаго населенія занимались огородничествомъ. Мы имѣемъ здѣсь предъ собой примѣръ цѣлаго еврейскаго города, который добровольно, безъ всякихъ поощреній и понужденій, единственно по сознанію ложности своего прежняго экономическаго положенія, обратился къ сельскимъ занятіямъ, причемъ число новообращенныхъ постоянно растетъ. Фактъ замѣчателенъ уже потому, что онъ доказываетъ неосновательность возгласовъ о неисправимой лѣни евреевъ и безусловномъ отвращеніи ихъ ко всякому физическому труду. И не вправѣ ли мы заключать на основаніи подобныхъ фактовъ, что почва здѣсь давно уже подготовлена къ обращенію части еврейскаго населенія къ сельскимъ занятіямъ, такъ что колонизація евреевъ шла

---

[1]) Гакармель, годъ 4, №№ 19 и 20.

[2]) Тамъ же, годъ 2, прилож. къ № 30.

бы гораздо лучше здѣсь, чѣмъ на югѣ? Кромѣ того мы имѣемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ частныхъ попыткахъ со стороны евреевъ къ занятію земледѣліемъ. Такъ еще въ 1846 году 14 еврейскихъ семействъ арендовали у городскаго управленія Замостья (въ Ц. Польскомъ) 592 морговъ земли и устроили колонію. но неудобства почвы и высокая арендная плата разорили ихъ. и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго труда они должны были бросить колонію [1]).

Въ Гродно изъ 15 семействъ мѣщанъ занимаются земледѣліемъ 3 семейства еврейскія [2]). Въ Бѣльскѣ меньшинство мѣщанъ-земледѣльцевъ евреи [3]). Тоже самое въ г. Гоніондзѣ [4]). Въ г. Лидѣ (Виленской губерніи) 60 семействъ христіанъ и 25 евреевъ занимаются сельскими промыслами; первые на собственныхъ земляхъ. вторые на земляхъ, арендуемыхъ у города и сосѣднихъ владѣльцевъ [5]).

О Ковенской губерніи г. Афанасьевъ замѣчаетъ, что «евреи-земледѣльцы сдѣлались болѣе осѣдлыми и предпочитаютъ свою промышленность торговлѣ, но земледѣліе въ ихъ рукахъ находится на низшей степени развитія» [6]).

Всего считалось въ этой губерніи евреевъ-земледѣльцевъ въ 1862 году на казенныхъ земляхъ 1089 человѣкъ. на собственныхъ 32, на іезуитскихъ 14 [7]).

Въ Сорокахъ (въ Бессарабіи) 40 еврейскихъ семействъ занимаются разведеніемъ табаку на плантаціяхъ [8]).

Мы знаемъ также, что въ привислянскомъ краѣ число еврейскихъ колоній весьма значительно и многія изъ нихъ отлично

---

[1]) Тамъ же, 1868 г, прилож. къ № 24.

[2]) Экономич. состояніе городовъ Росс. Имп., Гродненская губерн., стр 6

[3]) Тамъ же, стр 15.

[4]) Тамъ же, стр 33

[5]) Тамъ же, Виленская губ., стр. 14.

[6]) Описаніе Ковенской губ, стр. 601.

[7]) Тамъ же, стр 601

[8]) Экономич. состояніе и пр Бессарабская область, стр. 26.

устроены. Такъ въ одной Радомской губерніи число этихъ колоній доходило 8 лѣтъ тому назадъ до 303, изъ нихъ колоніи возлѣ Ченстохова были въ цвѣтущемъ состояніи [1]).

Данныя эти, хотя и отличаются отрывочнымъ характеромъ, уполномачиваютъ насъ заключить, что западно-русскіе и польскіе евреи давно сознали полезность и необходимость для нихъ обратиться хоть отчасти къ труду сельскому и что нѣкоторые изъ нихъ успѣли преодолѣть значительныя трудности, связанныя съ переходомъ отъ городской жизни къ сельской, и осуществить свое убѣжденіе въ превосходствѣ, при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ края, земледѣлія надъ городской промышленностью и барышничествомъ. Еслибъ при такихъ обстоятельствахъ было обращено серьезное вниманіе на стремленіе западныхъ евреевъ къ колонизаціи на мѣстѣ, вмѣсто того, чтобъ стараться заселить евреями Новороссійскій край и Бессарабію, не справляясь съ желаніями и потребностями самихъ евреевъ и съ возможностью обращенія ихъ къ земледѣлію на югѣ, то безъ сомнѣнія до сихъ поръ были бы достигнуты значительные результаты. Для этого слѣдовало даровать евреямъ, желающимъ заняться земледѣліемъ, хоть такія льготы, какія даны были въ 1845 г. колонистамъ южнаго края, и предоставить имъ свободно селиться на казенныхъ земляхъ Льготы и пособія мы считаемъ необходимыми потому, что у горожанина-еврея хозяйство естественно не могло, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, идти такъ успѣшно какъ у помѣщиковъ, крестьянъ государственныхъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ, и для того, чтобы хлѣбопашество евреевъ не было убито въ корнѣ соперничествомъ болѣе сильныхъ конкуррентовъ, оно должно было быть поставлено въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе выгодныя условія Притомъ крѣпостное право, развитое въ западномъ краѣ сильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ гдѣ либо, вообще затруд-

[1]) Dziennik powschechny въ Гамагидѣ, годъ 5, № 7 Что евреи охотно занимаются хлѣбопашествомъ тамъ, гдѣ условія ихъ быта этому способствуютъ, видно изъ того, что между евреями, живущими искони на Кавказѣ, есть немало земледѣльцевъ Такъ на Ливанской линіи числится болѣе 100 семействъ евреевъ-казаковъ; изъ нихъ $^{9}/_{10}$ занимаются земледѣліемъ. (Гакармель, годъ 5, № 15)

няло выгодное веденіе свободнаго хозяйства, такъ какъ даровой трудъ даетъ значительное преимущество помѣщикамъ надъ всякимъ другимъ, принужденнымъ прибѣгать къ помощи труда наемнаго. Это обстоятельство, объясняющее необходимость искуственныхъ мѣръ для поощренія свободнаго земледѣльческаго труда у насъ, при господствѣ крѣпостнаго права, вызывало также необходимость значительныхъ пособій и льготъ для поддержанія еврейскаго хлѣбопашества на западѣ. Еслибъ подобныя мѣры были принимаемы въ свое время, стремленіе евреевъ къ сельскимъ занятіямъ, вызванное несоотвѣтствіемъ между спросомъ и предложеніемъ еврейской торговой дѣятельности, нашло бы себѣ исходъ въ дѣйствительности, и еврейскій вопросъ въ значительной степени быть можетъ, былъ бы уже разрѣшенъ. Но къ сожалѣнію законодательство наше совершенно иначе отнеслось къ этому вопросу. Какъ мы видѣли, колонисты евреи въ западномъ краѣ никогда не пользовались такими льготами и преимуществами, какъ поселенцы южныхъ губерній, а періодъ заботливости правительства о поселеніи евреевъ на казенныхъ земляхъ западной Россіи продолжался всего 7 лѣтъ (1852—59 г.), съ этого года пріостановленъ отводъ казенныхъ земель евреямъ-земледѣльцамъ въ западномъ краѣ.

Затѣмъ 5 марта и 10 іюля 1864 г. изданы извѣстные законы, которыми воспрещено евреямъ пріобрѣтать въ собственность въ Виленскомъ и Кіевскомъ генералъ губернаторствахъ земли, въ которыхъ производится обязательный выкупъ, т. е. всѣ земли, принадлежащія частнымъ владѣльцамъ, и вмѣнено въ обязанность русскимъ покупщикамъ польскихъ имѣній, которые воспользуются при покупкѣ какими нибудь льготами или пособіями, не продавать, не закладывать и не отдавать въ аренду эти имѣнія евреямъ. Прекращена также отдача казенныхъ фермъ въ оброчное содержаніе евреямъ. Остается за ними только право арендованія имѣній у польскихъ владѣльцевъ. Но и это право, по мнѣнію Кіевлянина [1]) и сотрудника «Вѣсти» г. Х—ва [2]), необходимо для пользы края и рус-

[1]) №№ 15 и 16, за 1869 годъ.

[2]) Вѣсть 1869 г. № 198.

скаго дѣла отнять у евреевъ. Такое состояніе дѣла естественно имѣетъ самое дурное вліяніе на пріученіе евреевъ къ земледѣльческому труду, такъ какъ успѣшное веденіе сельскаго хозяйства возможно единственно при правѣ полной собственности на землю Притомъ даже арендованіе земель въ западномъ краѣ, при указанныхъ только что законахъ, для евреевъ доступно лишь отчасти. Законы эти, кромѣ прямаго стѣсненія еврейскаго землевладѣнія, а слѣдовательно и еврейскаго земледѣлія, какъ всѣ вообще ограничительные законы, имѣютъ еще то вредное послѣдствіе, что удерживаютъ евреевъ въ ихъ исключительности, замкнутости и невѣжествѣ, слѣдовательно способствуютъ ихъ преданности старинным своимъ занятіямъ и промысламъ.

Впрочемъ вопросъ о еврейскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ такъ важенъ и обширенъ, что о немъ необходимо поговорить отдѣльно. Здѣсь же ограничимся этимъ замѣчаніемъ и перейдемъ къ другой сторонѣ вопроса о еврейскомъ земледѣліи, которая выдвигается значительно между многими частностями разсматриваемаго нами предмета.

Благодаря полемикѣ, которую возбудило въ нашей печати дѣло еврейскаго землевладѣнія въ западной Руси, мы узнали, что евреи тамъ съ давнихъ поръ содержатъ въ арендѣ помѣщичьи имѣнія и ихъ принадлежности. Такъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. К В. М. [1]), изъ 5143 помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской въ 1868. году было въ арендѣ у евреевъ 701 имѣніе. Обстоятельство это очень огорчаетъ публицистовъ руссификаторовъ, которые видятъ въ немъ новое подтвержденіе того, что они постоянно трубятъ объ умѣньи евреевъ обходить законъ. Мы съ своей стороны не находимъ тутъ ничего удивительнаго и даже ничего предосудительнаго. Дѣло въ томъ, что при переходѣ городскаго населенія къ сельскимъ занятіямъ оно естественно берется прежде за арендованіе земель, съ обработкой ихъ наемнымъ трудомъ, а потомъ уже за личную обработку своими руками. Оттого въ настоящее время, когда повсемѣстно въ чертѣ своей осѣд-

[1]) Совр Лѣтопись 1869 г., № 36.

лости евреи ясно увидѣли недостаточность прежнихъ промысловъ для ихъ прокормленія, арендованіе ими земель и сельскохозяйственныхъ угодій встрѣчается все чаще и чаще. Такъ, кромѣ указанныхъ цифръ относительно югозападнаго края, мы можемъ сообщить со словъ г. Защука [1]), что въ Бессарабіи многіе евреи беруть въ поссесію имѣнія, въ чемъ имъ покровительствуютъ помѣщики, называя ихъ своими прикащиками. Намъ также извѣстно достовѣрно, что въ Новороссіи и Малороссіи съ каждымъ годомъ число арендаторовъ евреевъ возрастаетъ. Въ виду такого вполнѣ естественнаго явленія, конечно можно было разсчитывать на самую дѣятельную помощь этому движенію въ еврейской сферѣ со стороны правительства и общества, ибо путемъ добровольнаго обращенія евреевъ къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ западный край былъ бы самымъ легкимъ образомъ избавленъ отъ излишка городской еврейской промышленности, а часть евреевъ обратилась бы къ болѣе солидному и полезному роду промысловъ. Это арендное хозяйство съ наемнымъ рабочимъ трудомъ, какъ указываетъ опытъ, находитъ болѣе сочувствія у евреевъ, чѣмъ грудныя во всѣхъ отношеніяхъ переходъ отъ барышничества и гандлеванія къ труду хлѣбопашца.

А между тѣмъ, какъ мы видѣли, въ западномъ краѣ, гдѣ евреи такъ сильно нуждаются въ новыхъ источникахъ пропитанія, право найма земель ими сильно ограничено, а «Кіевлянинъ» требуетъ даже, чтобы право это было совершенно у нихъ отнято! Куда же послѣ этого дѣться западнорусскимъ евреямъ, когда торговля никакъ не можетъ прокормить ихъ, сельскіе промыслы для нихъ почти совсѣмъ недоступны, а туда, гдѣ они могли бы пригодиться, ихъ не пускаютъ? Но какое до этого дѣло неумолимымъ руссификаторамъ? Они какъ будто забываютъ, что евреи такіе же русскіе подданные, какъ и всѣ другіе, и несутъ вдоволь тягости общей государственной жизни, а потому игнорировать совершенно ихъ интересы невозможно. Не уклоняясь впрочемъ отъ нашего предмета, замѣтимъ, что враждебное отношеніе нашего законодательства къ арендованію земель евреями въ западномъ краѣ составляетъ одно изъ самыхъ

[1]) Бессарабская область. I, 172

печальныхъ недоразумѣній, которыми такъ богато дѣло еврейской колонизаціи въ Россіи. Такое недоразумѣніе мы видимъ также въ томъ, что переселеніе евреевъ въ Сибирь, начатое въ 1835 году, навсегда прекращено вскорѣ затѣмъ (въ 1837 г.). Мы указывали на отзывъ г. Максимова о полезности евреевъ для Сибири въ качествѣ промышленниковъ, и потому, еслибъ переселенцы евреи занялись тамъ даже, вмѣсто земледѣлія, торговлей, то все таки отъ этого переселенія много выиграли бы какъ сами евреи, такъ и населеніе западнаго края и Сибири. Между тѣмъ законъ, воспретившій дальнѣйшее переселеніе евреевъ въ Сибирь, вызванъ былъ желаніемъ охранить ее отъ промышленной дѣятельности евреевъ и по всей вѣроятности обязанъ своимъ происхожденіемъ ходатайствамъ мѣстнаго купечества, которое зачуяло въ евреяхъ опасныхъ соперниковъ. Это видно изъ того, что указомъ 1834 ссыльно-поселенцамъ изъ евреевъ дозволено брать свидѣтельства на торговлю только съ разрѣшенія высшаго начальства, дабы «препятствовать усиленію евреевъ въ торгующемъ классѣ ко вреду коренныхъ жителей» [1]).

Если послѣ всего этого обратиться къ вопросу о томъ, каково же дѣйствительно положеніе еврейскихъ земледѣльцевъ и ихъ хозяйства, то найдемъ, что мнѣнія объ этомъ предметѣ компетентныхъ судей не совсѣмъ согласны между собой Г. Шмаковъ полагаетъ, что «опытъ колонизаціи евреевъ удался [2]).» Г. Коревъ [3]) рисуетъ состояніе еврейскаго земледѣлія въ Виленской губерніи еще болѣе мрачными красками, чѣмъ г. Защукъ — бытъ тѣхъ же колонистовъ въ Бессарабіи.

Но самъ же г. Коревъ, явно пристрастный относительно евреевъ, указываетъ, что по 10-й ревизіи на 61645 евреевъ въ Виленской губерніи приходилось 2966 земледѣльцевъ [4]). Онъ приводитъ также цифры, изъ которыхъ видно, что администрація заботилась

---

[1]) Леонтовичъ, Сіонъ, № 25 стр 394.

[2]) День № 11, стр 165.

[3]) Матеріалы для статистики и географіи Россіи, собр. офиц. Ген. Штаба: Виленская губернія, стр. 414.

[4]) Тамъ же, стр. 405.

не столько о поселеніи евреевъ на мѣстѣ, сколько о переселеніи ихъ въ Новороссію, чѣмъ отчасти объясняется малый успѣхъ дѣла.

Г. Шмидтъ полагаетъ [1]), что трудно вѣрить въ счастливую будущность еврейскихъ колоній. На помѣщичьихъ земляхъ живетъ въ Херсонской губерніи, по его словамъ, до 2257 душъ евреевъ мужскаго пола, что повидимому указываетъ на добровольное обращеніе къ земледѣлію, безъ участія администраціи. Но хозяйство у нихъ очень плохо и лишь немногіе изъ колонистовъ живутъ на арендуемой ими землѣ.

Г. Павловичъ [2]) говоритъ о еврейскихъ колоніяхъ Екатеринославской губерніи, что онѣ хоть находятся въ плохомъ положеніи, но что можно надѣяться на ихъ улучшеніе въ будущемъ. Но впрочемъ сожалѣть объ этомъ особенно нечего, ибо, по словамъ того же г. Павловича, ремеслами занимаются здѣсь большей частью евреи, которые много способствуютъ удешевленію цѣнъ на ремесленныя издѣлія, такъ какъ они болѣе сговорчивы и охотнѣе занимаются ремеслами, чѣмъ земледѣліемъ. Дѣятельность ихъ тѣмъ полезнѣе въ этомъ отношеніи, что цѣны на ремесленныя издѣлія здѣсь вдвое больше, чѣмъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, и ремесленниковъ здѣсь очень мало (на 1000 душъ 48 ремесленниковъ). Еврейскимъ ремесленникамъ, говоритъ онъ, надо отдать справедливость въ трудолюбіи. По характеру малороссіянъ, вялыхъ и не предпріимчивыхъ, здѣшніе уѣздные города сдѣлались бы совершенными деревнями, еслибъ ихъ не оживляли нѣсколько евреевъ своей дѣятельностью [3]).

Относительно состоянія еврейскаго земледѣлія въ Кіевской губерніи мы знаемъ, что въ 1865 году здѣсь поселилось на казенныхъ земляхъ 355 семействъ евреевъ (2729 мущинъ, 262 женщины), что съ прежними поселенцами составляетъ 5326 м. и 5040 ж —цифра значительная. Кромѣ того, на собственныхъ зем-

---

[1]) Матеріалы и пр. Херсонская губернія Шмидта, т. II, 349, 368 и 386.

[2]) Матеріалы и пр. Екатерин. губ. Павловича, стр. 184, 237.

[3]) Тамъ же, стр. 263.

ляхъ поселилось въ одномъ 1865 году 41 семейство евреевъ (383 м., 345 жен.), а съ прежними—762 м., 784 ж. Цифры эти указываютъ несомнѣнно, что между евреями Кіевской губерніи существуетъ сильное стремленіе къ занятію земледѣліемъ, хотя хозяйство ихъ пока еще въ плохомъ состояніи, скота мало и многіе изъ нихъ отдаютъ свои земли въ аренду крестьянамъ [1]).

Нормальный ходъ дѣла еврейской колонизаціи доказывается между прочимъ отсутствіемъ послѣдовательности въ движеніи поселенія евреевъ-земледѣльцевъ. Относительно Новороссійскихъ колоній г. Шмаковъ замѣчаетъ [2]), что «движеніе еврейской колонизаціи шло весьма неравномѣрно», это подтверждается приведенными имъ цифрами. Тоже самое замѣчается въ другихъ мѣстахъ Такъ въ Кіевской губерніи евреевъ земледѣльцевъ было въ 1810 г. 1400, въ 1811—380, въ 1816—94, въ 1825—745, въ 1834—94, въ 1840—98, въ 1844—350, въ 1845—543, [3]) а въ 1865 г., какъ мы видѣли, число ихъ дошло до 11095.

Въ общемъ результатѣ получаемъ, что состояніе еврейскихъ колоній южной Россіи далеко не цвѣтущее. Причины этого явленія, кромѣ указанныхъ общихъ причинъ—непривычки евреевъ къ тяжелому физическому труду и выгодности городскихъ промысловъ на югѣ — кроются еще во многихъ частностяхъ быта этихъ колоній. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. 1) Западнорусскіе выходцы евреи до сихъ поръ не въ состояніи примѣниться къ климату и почвѣ, совершенно отличнымъ отъ ихъ родины. Отсюда сильная смертность между ними, о которой доносилъ въ 1810 г. Херсонскій военный губернаторъ [4]), и которая конечно не могла придать особенной охоты къ земледѣлію ни самимъ колонистамъ, ни другимъ евреямъ.

2) Земли, отведенныя евреямъ колонистамъ, по свидѣтельству г. Шмакова [5]) далеко не изъ лучшихъ, а по словамъ г. Шмидта, [6])

---

[1]) Изъ Кіев. губ. Вѣд въ Гакармелѣ, годъ 6, № 10.
[2]) День, № 9, стр. 136.
[3]) Статист. Описаніе Кіевской губ. Фундуклея, 1852, I, 257.
[4]) Павловичъ, стр. 184.
[5]) Шмидтъ, II, 361
[6]) Шмидтъ, тамъ же.

при обозрѣніи еврейскихъ колоній въ 1840 г., было указано, какъ на главную причину ихъ неуспѣха, на неудачный выборъ мѣста для нихъ, особенно недостатокъ хорошей прѣсной воды. Только неблагопріятными естественными условіями можно объяснить слѣдующія цифры относительно еврейскихъ колоній Екатеринославской губерніи, сообщаемыя г. Павловичемъ [1]).

	Посѣвъ.	Урожай.
Въ 1853 г.	1,714 ч.	10,740
» 1854 »	2.808 »	10,978
» 1855 »	2.409 »	333
» 1856 »	1.475 »	8,171
» 1857 »	1,311 »	8.171
» 1858 »	3.414 »	18,283

Невозможно допустить такую громадную разницу въ искусствѣ и трудолюбіи евреевъ-земледѣльцевъ, какую нужно предполагать, судя по неимовѣрной разницѣ между отношеніемъ посѣва и урожая въ 1855, 56 и 58 гг. Необыкновенные неурожаи 1855 и 56 гг. тѣмъ болѣе странны, что въ расположенныхъ недалеко нѣмецкихъ колоніяхъ въ 1855 г. посѣвъ былъ 14,608, а урожай—43,193! Очевидно, что виной этому были климатическія и почвенныя условія земель еврейскихъ колоній, а не нерадѣніе и лѣность колонистовъ.

3) Колонизація евреевъ шла бы гораздо успѣшнѣе, еслибъ переходъ ихъ изъ городскихъ сословій въ разрядъ колонистовъ не былъ обставленъ столь затруднительными формальностями относительно исключенія изъ податныхъ обществъ. Пользованіе важнѣйшей изъ льготъ, дарованныхъ евреямъ-хлѣбопашцамъ—освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, дѣлается почти невозможнымъ, вслѣдствіе трудности, граничащей съ невозможностью, исполненія тѣхъ формальностей, которыми законъ обусловливаетъ право пользованія этой льготой [2]). А между тѣмъ возможность воспользовать-

[1]) Павловичъ, тамъ же.

[2]) Изъ записокъ еврея-хлѣбопашца (Сионъ, № 5. стр. 78).

ся льготами и привиллегіями имѣетъ огромное вліяніе на побужденіе евреевъ къ земледѣлію, что нисколько не должно удивлять насъ въ виду стѣсненнаго положенія евреевъ, дѣлающаго для большей части изъ нихъ исполненіе всѣхъ закономъ возложенныхъ обязанностей физически невозможнымъ.

Г. Зеленскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее «Причину неохоты евреевъ къ земледѣлію нѣкоторые видятъ въ ихъ лѣности, другіе въ религіозныхъ правилахъ, третіе въ злоупотребленіяхъ и дурномъ исполненіи постановленій правительства о евреяхъ-колонистахъ, ибо имъ отводятся земли недоброкачественныя, требующія необыкновенныхъ усилій при обработкѣ, пособіе не выдается сполна, скотъ, покупаемый начальствомъ, гибнетъ на первыхъ же порахъ, а отводимыя постройки требуютъ сейчасъ же ремонта. Мы не можемъ точно опредѣлить, которое изъ этихъ обвиненій справедливѣе. Едва ли послѣднее не основательнѣе прочихъ. Хотя привычка къ городскимъ промысламъ и религія мѣшаютъ колонизаціи евреевъ, но препятствія эти исчезли бы, еслибъ евреи видѣли на дѣлѣ, что переходъ въ земледѣльцы улучшаетъ ихъ бытъ. Для этого же нужно, чтобъ власти оказали имъ содѣйствіе по закону. Мы очень хорошо помнимъ слова одного еврея, утверждавшаго, что въ одномъ Минскѣ найдется до 2,000 евреевъ, которые во всякое время готовы бы перейти въ сельское состояніе, лишь бы оказана была имъ помощь по закону» [1]).

Что слова этого еврея заслуживаютъ довѣрія, видно изъ того оффиціально удостовѣреннаго факта, что въ Гродненской губерніи въ первый же годъ по изданіи Положенія 1804 г. изъявили желаніе перейти въ земледѣльцы нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ [2]).

Интересны также замѣчанія по этому предмету г. Афанасьева-Чужбинскаго. Еврейскія колоніи, говоритъ онъ, въ очень плохомъ состояніи и едва ли усовершенствуются, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ поколѣніи. Но мало по малу евреи привыкаютъ къ зем-

---

[1]) Описаніе Минской губ., I. 617.

[2]) См. «Еврейскую Библіотеку», т. 2, стр 233.

ледѣлію. Евреямъ дали для обработки воловъ, но такъ какъ учителями ихъ были меноиниты, то они должны были продать воловъ и купить лошадей. Евреи жалуются, что ихъ штрафуютъ за неразведеніе акацій и вообще за несоблюденіе чистоты, въ которой не видятъ никакой пользы. У нѣкоторыхъ евреевъ земледѣліе идетъ хорошо, и причина этого, говорятъ, заключается въ деньжонкахъ, которыя они привезли съ собой. По словамъ евреевъ земледѣліе выгодно для пановъ, которые могутъ держать много рабочихъ, а не для нихъ, ибо при маломъ посѣвѣ они могутъ заработать немного, менѣе чѣмъ торговлей, а случайности и тутъ большія. засуха, неурожаи, саранча. Слѣдовало бы евреевъ селить не отдѣльно, а вмѣстѣ съ болгарами и нѣмцами; они научались бы у нихъ и привыкали бы къ земледѣлію [1]).

Есть еще многія другія частности, вліяющія болѣе или менѣе на трудность процвѣтанія еврейскихъ колоній, какъ напр., отношеніе низшихъ властей и поселенныхъ среди евреевъ колонистовъ-нѣмцевъ къ земледѣльцамъ-евреямъ. Но, не имѣя намѣренія представить здѣсь подробное описаніе быта еврейскихъ колоній, оставимъ эти подробности безъ разсмотрѣнія, а укажемъ на одно существенное обстоятельство. Всякій, кто говоритъ о еврейскихъ колоніяхъ южнаго края, прежде всего сравниваетъ ихъ съ сосѣдними нѣмецкими колоніями и сравненіе это оказывается благопріятнымъ, конечно, для однихъ нѣмцевъ. Дѣйствительно, контрастъ между этими двумя разрядами колоній разительный. Но такое сравненіе положительно неправильно, и изъ него не слѣдуетъ дѣлать никакихъ выводовъ о степени способности евреевъ къ земледѣлію и возможности улучшенія быта еврейскихъ колоній при иныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что нѣмецкія колоніи сравнительно недавно пришли въ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. На первыхъ порахъ, говоритъ г. Шмидтъ [2]), хорошо изучившій этотъ предметъ, состояніе нѣмецкихъ поселенцевъ (виртембергскихъ выходцевъ) было плачевно они очень туго пріучались къ земледѣлію.

---

[1]) Поѣздка въ Южную Россію, I, 262—274, 295.

[2]) Шмидтъ, тамъ же. 347—368.

Только благодаря энергіи нѣмецкаго колоніальнаго начальства, и лишь при второмъ поколѣніи, выросшемъ въ условіяхъ сельской жизни, удалось привести эти колоніи въ блестящее положеніе. Но и теперь колоніи обязаны своимъ благосостояніемъ не столько личнымъ качествамъ нѣмцевъ, сколько громаднымъ привиллегіямъ и льготамъ, которыми они пользуются, изъ коихъ главная — самоуправленіе и своя администрація. «Одного трудолюбія и образованности колонистовъ, по словамъ г. Шмидта [1]), было бы недостаточно для ихъ процвѣтанія, еслибъ не привиллегіи» Еврейскія колоніи устроены гораздо позже нѣмецкихъ. Въ нихъ живетъ еще первое поколѣніе горожанъ-переселенцевъ, а по преимуществамъ, которыми они пользуются, они стоятъ несравненно ниже нѣмецкихъ колонистовъ.

Спрашивается: какой-же смыслъ имѣетъ сравненіе теперешняго положенія нѣмецкихъ и еврейскихъ колоній, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ для того, чтобы колоть глаза евреямъ примѣромъ нѣмцевъ и упрекать ихъ въ лѣни, паразитизмѣ и неблагодарности къ правительству? Такимъ образомъ, чѣмъ больше мы будемъ вникать въ историческій ходъ колонизаціи евреевъ въ Россіи и въ современное положеніе этого вопроса. тѣмъ болѣе мы убѣдимся, что дѣло это представляетъ длинную вереницу промаховъ и недоразумѣній. Ошибочна въ принципѣ мысль объ искуственномъ пріученіи къ земледѣлію промышленнаго городскаго класса въ странѣ съ такимъ ничтожнымъ процентомъ промышленнаго населенія [2]), тогда какъ извѣстно, что преобладаніе сельскаго хозяйства есть признакъ низкаго экономическаго развитія и ставитъ страну въ зависимость отъ другихъ, болѣе промышленныхъ странъ, а развитіе обрабатывающей и торговой отрасли народнаго хозяйства—главный рычагъ народнаго благосостоянія и экономическаго прогресса. Ошибочень затѣмъ выборъ для этой колонизаціи юга Россіи, гдѣ она ни-

---

[1]) Тамъ же, стр. 349.

[2]) Въ Европейской Россіи всего населенія 60,909,309 ч, а городскаго населенія 6,087,070, слѣдов. менѣе 10% (Статист. Временникъ Росс. Имп. 1866 г).

какъ не могла имѣть успѣха, а на западѣ, гдѣ есть всѣ шансы для успѣшнаго ея осуществленія. Также нерацiонально было прекращеніе еврейскаго переселенія въ Сибирь и стѣсненіе арендныхъ правъ евреевъ въ западномъ краѣ. Наконецъ множество важныхъ, хотя и второстепенныхъ обстоятельствъ, отчасти указанныхъ выше, дѣлаютъ почти невозможнымъ процвѣтаніе еврейскихъ колоній южнаго края, хотя здѣсь, какъ и на западѣ, замѣтно постоянно увеличивающееся стремленіе евреевъ къ занятію сельскими промыслами, преимущественно въ формѣ арендованія земель и обработки ихъ наемными рабочими.

Правда, законодательство наше наконецъ сознало безполезность своихъ прежнихъ заботъ о распространеніи земледѣльческаго труда между евреями, и отпуски суммъ на этотъ предметъ прекращены съ 1866 года, но какъ дорого обошелся этотъ опытъ евреямъ!

Изъ оффиціальнаго источника мы знаемъ [1]), что на колонизацію евреевъ изъ суммъ коробочнаго сбора издержано: въ 1846 г. 60000 руб., въ 1847 г. 76000 р. и еще 20000 р., а въ 1848 г. ассигновано на губернскія потребности изъ коробочнаго сбора 126653 руб. (главнымъ образомъ на земледѣльцевъ евреевъ). Если сообразить, что съ тѣхъ поръ въ такихъ или приблизительно такихъ же размѣрахъ отпускались суммы изъ коробочнаго сбора до 1866 года, то поймемъ—какихъ громадныхъ жертвъ стоилъ евреямъ опытъ административной колонизаціи евреевъ, опытъ, далеко неудачный, какъ мы видѣли.

---

[1]) Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи, изд. М. В. Д. 1850, стр. 269 Тамъ-же мы находимъ, что въ 1847 г. поселено 317 семействъ евреевъ земледѣльцевъ, слѣдов. каждое семейство обходилось почти въ 250 руб. Цифра не малая!

БЛАГОСОСТОЯНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

I.

Органы администраціи западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» и «Кіевлянинъ», постоянно утверждаютъ, что если въ послѣдніе годы и замѣчалось особенное развитіе бѣдности еврейскихъ массъ въ сѣверо-западномъ краѣ со всѣми ея послѣдствіями, въ видѣ голоднаго тифа, усиленнаго эмиграціоннаго движенія и чрезвычайныхъ размѣровъ частной и общественной благотворительности, то это было результатомъ единственно неурожаевъ предпослѣднихъ лѣтъ. Когда же исчезла эта непредотвратимая, зависящая лишь отъ воли Божіей причина, исчезли вмѣстѣ съ нею симптомы еврейскаго пауперизма. «Кіевлянинъ», съ самоувѣренностью, свойственною вообще невѣжеству, изрекъ, что все, что говорится о пауперизмѣ и стѣсненіяхъ евреевъ, состоитъ изъ «жалобныхъ фразъ, сдѣлавшихся общими мѣстами» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается болѣе категорически, именно, что «бѣдность евреевъ не больше, чѣмъ бѣдность окружающей ихъ нееврейской массы» [2]). Но и этого еще кажется ему недостаточнымъ. Онъ идетъ далѣе и увѣряетъ, что въ послѣдніе четыре года «жилося весело и вольготно» въ юго-западномъ краѣ однимъ только евреямъ [3]).

Въ виду такого явнаго разнорѣчія между двумя взглядами на экономическій бытъ западно-русскихъ евреевъ, большинство, незнакомое по собственнымъ наблюденіямъ съ этимъ предметомъ, есте-

---

[1]) № 145 за 1869 г

[2]) № 92 за 1869 г.

[3]) См. №№ 15 и 16 за тотъ же годъ.

ственно становится въ тупикъ. Кому вѣрить? Евреямъ ли, которые постоянно указываютъ на бѣдность еврейскаго населенія западнаго края, и какъ за границей, такъ и въ Россіи принимаютъ энергическія мѣры къ совершенному измѣненію ихъ теперешняго положенія; или же мѣстнымъ газетамъ, претендующимъ на правильное различеніе «фальшивыхъ іудейскихъ нотъ» отъ настоящихъ [1])? И такъ какъ все, что дѣлалось и писалось по поводу пауперизма русскихъ евреевъ, вышло изъ подъ рукъ евреевъ, которыхъ можно заподозрить въ преднамѣренномъ или невольномъ аффектированіи и преувеличеніи, а съ другой стороны свѣдѣнія о положеніи евреевъ относятся исключительно къ послѣднимъ годамъ, когда на матеріальное благосостояніе евреевъ очень дурно повліяли временныя обстоятельства (польское возстаніе съ его послѣдствіями, неурожаи), то русскій читатель легко можетъ склониться на сторону мнѣнія «Виленскаго Вѣстника» и «Кіевлянина», тѣмъ болѣе, что они съ такою увѣренностью его высказываютъ.

А между тѣмъ отъ того или другого взгляда зависитъ и направленіе, которое должно быть принято законодательствомъ и обществомъ относительно рѣшенія еврейскаго вопроса. слѣдуетъ ли, согласно съ свѣдѣніями «Виленскаго Вѣстника», предать еврейское дѣло волѣ Провидѣнія, отъ котораго исключительно зависитъ дать или не дать урожая и, слѣдовательно, дать евреямъ насущный хлѣбъ или оставить ихъ безъ онаго, должно ли, согласно съ кіевскими патріотами и мудрецами, позаботиться о томъ, чтобъ уменьшить разными ограниченіями средства пропитанія еврейской массы, отнимаемыя ими будто у крестьянъ; или, какъ мы утверждаемъ, необходимо, наконецъ, расширить кругъ ихъ дѣятельности и поднять очень низкій уровень ихъ благосостоянія уравненіемъ ихъ въ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Для того, чтобъ способствовать установленію правильнаго взгляда въ этомъ отношеніи, мы считаемъ полезнымъ привести въ настоящемъ очеркѣ отзывы и свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ западно-русскихъ евреевъ,

---

[1]) «Кіевлянинъ» 1869 г., № 99

большей частью оффиціальные, принадлежащіе исключительно неевреискимъ авторамъ и относящіеся ко времени болѣе или менѣе отдаленному отъ настоящаго. При помощи этихъ отзывовъ и данныхъ читателю не трудно будетъ увидѣть, кто заслуживаетъ упрека въ возмутительномъ искаженіи истины въ угоду своимъ эгоистическимъ цѣлямъ и страстишкамъ· «передовые ли жиды», или мнимые друзья народа, которые, драпируясь въ мантію патріотизма, желали.бы повести Россію по пути средневѣковой Испаніи

Вотъ что говоритъ напр. г. Бобровскій о положеніи евреевъ въ Гродненской губерніи лѣтъ 9 тому назадъ «Самая значительная часть евреевъ принадлежитъ къ бѣднымъ. Постоянно нуждаясь, бѣдные евреи вѣчно хлопочутъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Отягченные многочисленными семействами, они живутъ въ тѣснотѣ, превосходящей всякое воображеніе. Нерѣдко домъ въ 3—4 комнаты вмѣщаетъ до 12 семействъ. Наружность этихъ домовъ самая плачевная. Неопрятность извнутри переходитъ на улицу. Достаточно обойти любой городъ, чтобъ узнать тѣ части его, которыя населены этими несчастными... Жизнь евреевъ этого класса проходитъ въ горестяхъ, лишеніяхъ и вѣчной суетливости... Столъ бѣднаго еврея болѣе чѣмъ скуденъ; цѣлыя семейства иногда довольствуются фунтомъ хлѣба, селедкой и нѣсколькими луковицами. Одежда всегда изорванная, грязная... За 15 копѣекъ жидъ-факторъ будетъ бѣгать цѣлый день» [1]). По отношенію къ Ковенской губерніи, пріобрѣвшей въ послѣдніе годы такую извѣстность по бѣдственному положенію еврейскаго населенія, г. Афанасьевъ еще въ 1861 г. писалъ слѣдующее: «Евреи живутъ весьма тѣсно. перѣдко по нѣскольку семействъ въ одной небольшой комнатѣ. Неопрятность внутренняя и внѣшняя составляетъ отличительную черту ихъ жилищъ. У болѣе зажиточныхъ находятся довольно чистыя особыя комнаты, порядочная мебель, кой какія картины и пр. Содержаніе еврея не велико. Утромъ онъ ѣстъ рѣдьку, лукъ, чеснокъ или селедку съ хлѣбомъ; зажиточные пьютъ чай, въ обѣдъ супъ съ кореньями, рыбой или говядиной, вечеромъ тоже.

[1]) Описаніе Гродненской губерніи, т. I, стр. 858 и слѣд.

Есть бѣдные мастеровые, которыхъ семьи постятся до вечера, пока придетъ хозяинъ и принесетъ часть заработной платы» [1])

Вотъ въ какомъ видѣ представлялся безпристрастнымъ наблюдателямъ бытъ евреевъ сѣверо-западныхъ губерній еще до неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ и до того какъ обозначились послѣдствія польскаго возстанія. Ясно, что увѣренія «Виленскаго Вѣстника», въ этомъ отношеніи, столько же заслуживаютъ вѣры, сколько всѣ «возстановленія истины» въ подобныхъ ему изданіяхъ, клонящіяся къ тому, чтобъ увѣрить публику въ томъ, что «все-де обстоитъ благополучно».

Относительно Бѣлоруссіи и Полѣсья мы имѣемъ очень любопытныя свѣдѣнія въ описаніи Минской губерніи г. Зеленскаго. Вслѣдствіе изданія правилъ 23 ноября 1851 г. о раздѣленіи евреевъ на разряды, минская казенная палата составила роспись еврейскаго населенія этой губерніи, изъ которой видно, что на 100 евреевъ приходилось

Купцовъ	2,3
Земледѣльцевъ . . .	4.3
Ремесленниковъ . . .	22,8
Мѣщанъ осѣдлыхъ . .	48,4
Мѣщанъ неосѣдлыхъ .	22,2

Но, говоритъ г. Зеленскій, къ неосѣдлымъ надо причислить всѣхъ не записанныхъ въ ревизію для избѣжанія платежа податей, «которыя, вслѣдствіе ихъ крайней бѣдности, составляютъ нерѣдко для нихъ чистую тягость», и для избѣжанія рекрутской повинности, которая по закону 1851 г. должна была преимущественно пасть на мѣщанъ неосѣдлыхъ, т. е. не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій. Притомъ многіе евреи по этой же причинѣ старались всѣми силами попасть въ разрядъ осѣдлыхъ, хотя не имѣютъ опредѣленнаго промысла и потому должны быть отнесены къ неосѣдлымъ. Если принять въ соображеніе эти обстоятельства, то окажется, что неосѣдлые мѣщане составляютъ не $^1/_4$, а половину по крайней

[1]) Описаніе Ковенской губерніи, стр. 582 и 583

мѣрѣ всего еврейскаго населенія... Нужно присмотрѣться къ быту большей части евреевъ, чтобъ исчезло всякое сомнѣніе въ правильности нашего вывода. Половина, если не $^3/_4$ еврейскаго населенія состоитъ изъ людей, которыхъ можно было бы обвинить въ торгашествѣ и факторствѣ, въ тунеядствѣ и праздности, но не потому, чтобы качества эти происходили отъ лѣни и нерасположенія къ труду, а потому, что эти несчастные горемыки, думающіе только о насущномъ кускѣ хлѣба, прозябаютъ со дня на день, положительно не имѣя средствъ и возможности заняться производительнымъ трудомъ. Несчастныя эти семейства (неосѣдлыхъ мѣщанъ) не имѣютъ ни кола, ни двора, живутъ въ грязи и нищетѣ, не зная, при всей своей охотѣ къ труду, какъ перебиться завтрашній день и по необходимости прибѣгаютъ къ разнаго рода предосудительнымъ средствамъ, съ единственной цѣлью удовлетворить насущнымъ потребностямъ [1]).

Но можетъ быть эта картина относится только къ сѣверо-западному краю и Бѣлоруссіи, на югѣ же и юго-западѣ положеніе евреевъ, какъ увѣряетъ «Кіевлянинъ», цвѣтущее? Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно высказались «Современныя Извѣстія» [2]). Но хотя нельзя отрицать того факта, что въ южной Россіи, благодаря большимъ естественнымъ богатствамъ и мѣстами сравнительно меньшей населенности вообще и меньшему количеству евреевъ въ частности и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, уровень матеріальнаго и нравственнаго развитія евреевъ стоитъ выше, чѣмъ на сѣверо-западѣ; разница, однакожъ, не такая существенная, какъ можно было бы полагать, особенно что касается юго-западнаго края. Вотъ, напримѣръ, что мы находимъ относительно положенія евреевъ въ ихъ «столицѣ»—Бердичевѣ—еще въ сороковыхъ годахъ. «Въ Бердичевѣ нѣтъ еще городскаго благоустройства, что зависитъ отъ бѣдности и неопрятности евреевъ. Здѣсь есть до 5000 семействъ (около 25000 душъ), живущихъ изо дня въ день чѣмъ Богъ пошлетъ (около половины еврейскаго населенія города въ то время).

---

[1]) Описаніе Минской губерніи, 1863 г., т. I, стр 659 и слѣд

[2]) № 25, 1870 г.

Помѣщаются они весьма тѣсно, часто по нѣскольку семействъ въ одной или двухъ комнатахъ ветхой лачуги, такъ что ночью почти не остается свободнаго мѣста между спящими Многіе изъ такихъ домовъ раздѣляются коррндоромъ на нѣсколько квартиръ, въ которыхъ наниматели устраиваютъ небольшіе ручные заводы или мастерскія, какъ то воскобойные, свѣчные, кожевенные и проч., работаютъ семьей и тутъ же помѣщаются среди вонючихъ матеріаловъ и издѣлій. Оттого цѣлыя улицы постоянно наполнены смраднымъ воздухомъ. Впрочемъ, этотъ бытъ свойственъ всѣмъ бѣднымъ еврейскимъ семействамъ, не въ одномъ Бердичевѣ [1]). Еще лучше, чѣмъ эти замѣчанія, свидѣтельствуютъ о положеніи бердичевскихъ евреевъ приводимыя въ томъ же сочиненіи цифры распредѣленія ихъ по промысламъ и занятіямъ. Изъ цифръ этихъ видно, что на 35000 ревизскихъ душъ евреевъ, въ Бердичевѣ считалось 4202 человѣка безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій! И это говорится послѣ длиннаго подробнаго перечня, въ которомъ къ имѣющимъ опредѣленное занятіе причисляютъ поденщиковъ (6044 ч.), наемныхъ слугъ (2760 ч.), ливерантовъ, факторовъ, извощиковъ [2]). Но ясно, что къ неимѣющимъ опредѣленнаго занятія должно причислить и факторовъ, и поденщиковъ, и наемныхъ слугъ, такъ какъ заработки ихъ временные и случайные Такимъ образомъ окажется, что какъ въ Минской губерніи, по вычисленіямъ г. Зеленскаго, такъ и въ Бердичевѣ, слишкомъ за 20 лѣтъ до нашего времени, когда промышленные рессурсы евреевъ были несравненно богаче теперешняго, половина еврейскаго населенія этого города не имѣла никакихъ надежныхъ источниковъ пропитанія и, слѣдовательно, неудивительно, что она жила въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какое рисуетъ цитируемое нами описаніе.

Что въ настоящее время положеніе бердичевскихъ евреевъ не только не лучше, но гораздо хуже, чѣмъ оно было въ сороковыхъ годахъ—можно безошибочно заключить ужъ a priori, если принять во вниманіе быстрое приращеніе еврейскаго населенія и еще

---

[1]) Статист Описаніе Кіевской губ., изданное Фундукленмъ, I, 435.
[2]) Тамъ же, стр 428

болѣе быстрое изсяканіе большей части источниковъ его пропитанія, какъ вслѣдствіе общихъ экономическихъ и общественныхъ переворотовъ въ жизни русскаго народа и государства, такъ и подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ. Вотъ что говоритъ напримѣръ о Бердичевѣ юго-западный корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», настроенный совершенно на ладъ «Кіевлянина» и его единомышленниковъ во всемъ, что касается пресловутаго обрусенія и въ особенности по отношенію къ евреямъ. «Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ бѣдная часть еврейскаго населенія, улицы не шире $1^1/_2$ саженей; на нихъ съ двухъ сторонъ обваливающіеся домики, одинъ возлѣ другаго, у кого безъ крышъ, у кого безъ оконъ, у кого безъ цѣлой стѣны; на пространствѣ улицы предъ домомъ десятки дѣтей, почти голыхъ, валяются въ грязи вмѣстѣ съ десятками свиней, съ особеннымъ неудовольствіемъ раздѣляющихъ это ложе съ людьми; между ними женщины — матери этихъ дѣтей, лежатъ вдоль и поперегъ улицы и спятъ подъ лучами солнечнаго зноя; на этихъ же улицахъ складъ всѣхъ нечистотъ изъ жилищъ» [1]). Въ другомъ письмѣ тотъ же авторъ говоритъ слѣдующее: «Казалось бы, при такихъ условіяхъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія евреевъ въ ихъ торговомъ, общественномъ и домашнемъ быту, Бердичевъ долженъ быть раемъ земнымъ для всѣхъ евреевъ безъ исключенія. А между тѣмъ замѣчательно, что масса еврейскаго населенія Бердичева стонетъ подъ гнетомъ самаго безграничнаго и безотчетнаго произвола, сосредоточеннаго въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ и дѣятельныхъ евреевъ» [2]). Это послѣднее замѣчаніе очень хорошо характеризуетъ отношеніе къ еврейству той партіи, къ которой принадлежитъ г. К. В. М. Партія эта не всегда обладаетъ беззастѣнчивостью, съ которой «Кіевлянинъ» отрицаетъ самые очевидные факты, ему не сподручные; можетъ поэтому иногда и промолвиться на счетъ того, что не подходитъ подъ ея кругозоръ, напр. о бѣдственномъ положеніи евреевъ, но и тогда она ухитряется указывать на муху вмѣсто слона и

[1]) „Современная Лѣтопись“, 1869 г. № 38.
[2]) Тамъ же № 42.

свалить всю вину на самихъ евреевъ, этихъ козловъ отпущенія, всегда безъ вины виноватыхъ.

Такимъ образомъ г. К. В. М. очень подробно повѣствуетъ о тяжести налоговъ, которые Бердичевъ долженъ уплачивать помѣщику-владѣльцу города: о чрезвычайной обременительности для еврейскаго населенія коробочнаго сбора и наконецъ, о совершенномъ паденіи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, бердичевской торговли. Въ концѣ концовъ однакожъ у него выходитъ, будто главной причиной бѣдности бердичевскихъ евреевъ служитъ — не совокупность указываемыхъ имъ же неблагопріятныхъ условій ихъ общественнаго и экономическаго быта, а сами евреи, правда ужъ не всѣ, а немногіе, міроѣды! Слѣдовало бы только пожалѣть о странномъ устройствѣ мозговаго аппарата и процесса мышленія у такихъ публицистовъ, еслибъ не было извѣстно, что на возникновеніе подобныхъ умозаключеній имѣетъ главное вліяніе не своеобразный родъ логики, а упорное нежеланіе логически и безпристрастно относиться къ извѣстнымъ предметамъ.

Что касается вообще положенія евреевъ въ юго-западномъ краѣ въ настоящее время, то, въ противность іереміадамъ «Кіевлянина» на то, будто крестьяне бѣднѣе евреевъ, и послѣдніе все богатѣютъ на счетъ первыхъ, г. Еремеевъ, помѣщикъ Кіевской губерніи, и поэтому хорошо знакомый съ мѣстной жизнью, утверждаетъ, что евреи, «въ массѣ, принадлежа къ мѣщанству, значительно бѣднѣе и лѣнивѣе крестьянъ, совершенно ничѣмъ не обезпечены и къ работамъ труднымъ почти неспособны» [1]).

Даже въ благодатной Малороссіи, гдѣ положеніе евреевъ, вслѣдствіе меньшей ихъ численности и благопріятныхъ естественныхъ условій, всегда было лучше чѣмъ въ западномъ краѣ, оно все таки очень незавидно. «Большая часть евреевъ, говоритъ г. Домонтовичъ о Черниговской губерніи, живетъ бѣдно, тѣсно и грязно. Пища ихъ чрезвычайно скудна, малопитательна и состоитъ обыкновенно изъ сухаго хлѣба и овощей, и только въ шабашъ она улучшается, смотря по достатку каждаго» [2]).

[1]) «Вѣсть» 1869 г. № 312.

[2]) Описаніе Черниговской губ., 1865 г. стр. 541.

Вотъ какимъ образомъ рисуетъ положеніе большинства евреевъ цѣлый рядъ писателей, занимавшихся изученіемъ на мѣстѣ быта различныхъ классовъ населенія западной и южной Россіи. И замѣтьте, что ни одинъ изъ этихъ этнографовъ и статистиковъ не задавался заднею мыслью выступить защитникомъ еврейскихъ интересовъ; напротивъ, всѣ они относятся болѣе или менѣе непріязненно къ еврейской массѣ и не упускаютъ случая указать на дурныя ея стороны. Если же они изображаютъ такими мрачными красками судьбы этой массы, то только потому, что они не созрѣли еще до той степени патріотизма, на которой, въ защиту ложно понятаго національнаго дѣла, дозволяется представлять дѣйствительность въ превратномъ видѣ и извращенномъ свѣтѣ. Впрочемъ кромѣ этихъ, болѣе или менѣе общихъ указаній и наблюденій, мы имѣемъ въ запасѣ и болѣе точныя данныя и цифры, могущія служить пригоднымъ матеріаломъ для ознакомленія съ бытомъ западно-русскихъ евреевъ, какъ онъ существуетъ не въ воображеніи нѣкоторыхъ жидоѣдовъ, а въ дѣйствительности.

II

Оффиціальныя свидѣтельства о бѣдности еврейской массы въ западномъ краѣ идутъ съ давняго времени. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Державинъ въ запискѣ, представленной высшему правительству о бѣлорусскихъ евреяхъ, указывалъ на то, что еврейская чернь пребываетъ «въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть» [1]). Когда правительство при Александрѣ I предприняло выселеніе евреевъ изъ селъ въ города, то мѣра эта не могла быть осуществлена, главнымъ образомъ, вслѣдствіе бѣдности еврейской массы [2]) Въ 1817 г. разсматривалось въ сенатѣ дѣло о незаконномъ владѣніи евреевъ помѣщичьими имѣніями и о необходимости уступить это владѣніе; министръ духовныхъ дѣлъ

[1]) Архивъ историч и практ свѣдѣній о Россіи Калачева, 1860 года кн. 4, стр. 70

[2]) См статью нашу «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи». «Еврейская Библіотека», т. 2 1872 г. стр. 333.

ки. Голицынъ указывалъ тогда на то, что мѣра эта можетъ совершенно разорить евреевъ, «находящихся ужъ безъ того въ крайней бѣдности» [1]).

Въ 1850 г. министерство внутреннихъ дѣлъ издало книгу подъ названіемъ «Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи»; въ этой книгѣ мы находимъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для характеристики положенія русскихъ евреевъ въ то время. Какъ извѣстно, западно-русскіе публицисты въ литературныхъ наѣздахъ на еврейскую эксплуатацію съ особенной силой напираютъ на то, что евреи, составляя въ западномъ краѣ сплошную густую массу, въ которой всѣ индивидуумы связаны между собой самыми тѣсными узами въ кагалѣ, по этому самому имѣютъ всевозможныя средства къ удержанію промышленности страны въ рукахъ своей обширной корпораціи и угнетенію христіанъ систематически и послѣдовательно. Въ южной же Россіи, особенно въ Новороссійскомъ краѣ и Крыму, вся физіономія еврейскаго быта совершенно иная. Религіозный фанатизмъ, наиболѣе связывающій элементъ въ жизни еврейскихъ общинъ, здѣсь несравненно слабѣе, чѣмъ въ западномъ краѣ. Самое число евреевъ здѣсь гораздо меньше, и они разсѣяны на гораздо большемъ пространствѣ. Солидарности въ интересахъ членовъ еврейскихъ общинъ, проявляющейся въ западной Россіи, преимущественно въ чрезвычайно развитой общественной дѣятельности и благотворительности, здѣсь замѣчается значительно меньше. При такихъ условіяхъ чужеядная дѣятельность евреевъ, лишенная, съ точки зрѣнія западнорусскихъ публицистовъ, своей главой опоры—кагальной организаціи, должна была бы найти гораздо меньше для себя простору, а слѣдовательно и уровень матеріальнаго процвѣтанія еврейскихъ общинъ долженъ быть на югѣ Россіи тоже гораздо ниже. Что же оказывается на дѣлѣ? Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ указанной книгѣ и относящихся еще къ сороковымъ годамъ, мы видимъ слѣдующее. Евреевъ купеческаго званія было въ 1847 г. 3,47% общаго числа ихъ (не надо забывать, что очень много евреевъ не записано было въ ревизію если же принять ихъ въ со-

[1]) Полное Собраніе Законовъ I, № 28501.

ображеніе, то процентъ купцовъ будетъ еще меньше). Въ отдѣльности въ западномъ краѣ лица эти составляли 2,73% всего числа евреевъ, а въ южномъ 9,63%; такъ что въ западныхъ губерніяхъ одинъ купецъ-еврей приходился на 36 человѣкъ, а въ южныхъ—1 на 10. Слѣдовательно, на югѣ зажиточныхъ евреевъ, среднимъ числомъ, было въ три съ половиной раза болѣе, чѣмъ на западѣ. Различіе дѣлается еще болѣе замѣтнымъ, когда сравнимъ отдѣльныя мѣстности: такъ въ Ковенской губерніи 1 еврей изъ 77 былъ купеческаго званія, а въ Херсонской 1 изъ 9, въ Таврической 1 изъ 5, въ Екатеринославской 1 изъ 4, въ Одесскомъ градоначальствѣ 1 изъ 3, въ Керчь-Еникольскомъ даже 1 изъ 2-хъ! Между тѣмъ въ Ковенской губерніи всѣхъ купцовъ было 1240, въ томъ числѣ евреевъ 1065, слѣдовательно они составляли почти все купеческое сословіе; въ Херсонской же губерніи изъ общаго числа купцовъ 3978-и на долю евреевъ приходится 1064, слѣдовательно меньше одной трети, въ Таврической — 464 купца евреевъ на общую цифру въ 2521 (меньше $^1/_4$).

Еще лучше показываютъ разницу между экономическимъ бытомъ евреевъ на западѣ и югѣ Россіи слѣдующія цифры. У евреевъ есть особый налогъ, извѣстный подъ именемъ вспомогательнаго коробочнаго сбора, который взимается по раскладкѣ съ промысловъ, капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, для чего составляются смѣтные окладные листы о доходахъ членовъ еврейскихъ обществъ. Изъ этихъ листовъ видно, что въ Ковенской и Подольской губерніяхъ, гдѣ число евреевъ въ 20 разъ болѣе, чѣмъ въ Херсонской и Таврической, доходъ ихъ въ общей сложности только въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. (Тамъ общая цифра его — 531746 руб., здѣсь—305841 р.). Въ Подольской губерніи приходится на одного еврея доходу 2,55 к., въ Ковенской 1,37 к., въ Таврической 5,56 к., въ Херсонской—28,15 к. Среднимъ числомъ въ западныхъ губерніяхъ на одного еврея приходится 1,96 к. дохода, а въ южныхъ—16,85 к. Между тѣмъ въ западномъ краѣ считалось на 66 жителей 6 евреевъ, въ южномъ — на 66 жителей 1 еврей, т. е. число ихъ въ южной Россіи было вшестеро менѣе, чѣмъ въ западной; а если вспомнить о незаписанныхъ, которыхъ на югѣ по-

чти нѣтъ, а на западѣ очень много, то эта пропорція еще уменьшится. И такъ, въ Ковенской губерніи, гдѣ изъ евреевъ состояло все почти купечество, на каждаго еврея было дохода въ 4 раза менѣе чѣмъ въ Крыму, гдѣ евреи составляли менѣе $^1/_3$ части всего числа купцовъ [1]). Очевидно, что чѣмъ болѣе евреи разсѣяны между христіанскимъ населеніемъ, чѣмъ слабѣе ихъ старая общественная и духовная организація, тѣмъ выше уровень ихъ благосостоянія.

И такъ какъ въ этомъ разсѣяніи заключается польза и христіанскаго населенія, то ясно, что экономическіе интересы евреевъ не расходятся съ интересами остальнаго населенія, на счетъ котораго они, будто бы, только и могутъ жить чужеядпымъ образомъ, но напротивъ, самыми тѣсными узами съ ними связаны. Ясно также и то, что возгласы о кагалѣ, какъ главномъ двигателѣ благосостоянія евреевъ, не только не имѣютъ никакого основанія въ дѣйствительности, но рѣшительно ей противорѣчатъ.

Отъ этихъ болѣе или менѣе общихъ данныхъ перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ, бросающимъ свѣтъ на истинный характеръ экономическаго быта русскихъ евреевъ въ его частностяхъ.

Остановимся прежде всего на фактахъ такого рода, которые до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, вовсе еще не подвергались разсмотрѣнію публицистовъ, трактующихъ о положеніи евреевъ въ Россіи; именно—на еврейскомъ домовладѣніи и распредѣленіи еврейскаго населенія по жилищамъ. Статистиками принято считать, и совершенно основательно, отношеніе народонаселенія къ его жилищамъ за вѣрное мѣрило его благосостоянія, и притомъ съ двухъ различныхъ сторонъ. Во первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что идеалъ общественнаго процвѣтанія относительно жилища заключается въ томъ, чтобы каждая семья помѣщалась въ собственномъ, а не чужомъ домѣ. Собственный пріютъ, обезпечивая человѣка въ одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаетъ въ немъ вѣру въ свое достоинство,

[1]) Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи, стр. 216—224.

независимость и надежду на свои силы и предупреждаетъ столь пагубный духъ бродяжничества и безпокойности. Кому неизвѣстно, что во многихъ цивилизованныхъ странахъ отношенія рабочаго класса къ домовладѣльцамъ и квартирамъ составляютъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ пролетаріата, и что, напротивъ, у насъ обезпеченность большинства рабочаго люда относительно жилищъ между прочимъ даетъ намъ нѣкоторую надежду на возможность для Россіи избѣгнуть печальныхъ явленій западно-европейской жизни въ отношеніи судьбы рабочихъ классовъ. Во вторыхъ, необходимымъ условіемъ экономическаго развитія считаютъ равномѣрное распредѣленіе населенія по домамъ, т. е. возможно большее приближеніе къ тому золотому вѣку, когда каждая семья будетъ занимать отдѣльную квартиру; и на оборотъ, чѣмъ болѣе населеніе скучено и живетъ тѣсно, тѣмъ ниже уровень благосостоянія народной массы.

Если мы вздумаемъ заглянуть въ статистическія изслѣдованія о западномъ краѣ и полюбопытствуемъ узнать, въ какихъ условіяхъ находится тамъ относительно двухъ указанныхъ явленій еврейское населеніе, то найдемъ слѣдующее: По отношенію къ домовладѣнію замѣчается повсемѣстно, что число домовъ, находящихся во владѣніи евреевъ, составляетъ замѣтно меньшій процентъ въ общей цифрѣ домовъ, чѣмъ число евреевъ въ общей цифрѣ населенія. Такъ, въ владѣльческихъ мѣстечкахъ юго-западнаго края, по изслѣдованіямъ кіевской коммиссіи для составленія проекта упраздненія вотчинныхъ отношеній въ помѣщичьихъ городскихъ поселеніяхъ, крестьяне собственники, составляющіе 46% населенія, владѣютъ, кромѣ 30% усадебной земли, 53% дворовъ; тогда какъ евреи, которые составляютъ 44% населенія, владѣютъ только 39% дворовъ и притомъ только 0,75% на правѣ собственности, а остальными на чиншевомъ правѣ [1]). Разница между евреями и крестьянами, относительно владѣнія городской недвижимой собственностью, весьма ощутительная. Такія же данныя представляетъ статистика Кіевской губерніи Журавскаго относительно сороковыхъ годовъ. Въ

[1]) Кіевлянинъ 1869 г., № 144

Бердичевѣ, гдѣ евреи составляли тогда $^7/_8$ населенія, они владѣли изъ 1893 домовъ лишь 1389-ю; но не надо забывать о неоффиціальномъ, незаписанномъ еврейскомъ населеніи этого города, котораго всегда было около половины всего числа дѣйствительныхъ еврейскихъ его обывателей, и конечно не могло быть въ числѣ домовладѣльцевъ, и тогда эта цифра получитъ другой смыслъ.

Въ Радомыслѣ евреи составляли болѣе половины населенія (2893 изъ 5120), а владѣли лишь 170 домами изъ 563. Въ Брусиловѣ всего жителей было 2261, евреевъ 1520; домовъ всего 416, еврейскихъ 170. Въ Хабномъ жителей—1016, евреевъ 437; домовъ 793, еврейскихъ 114. Въ Смѣломъ жителей—1902, евреевъ 804, домовъ 755, еврейскихъ 243 [1]).

Въ Житомірѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, числилось купцовъ 2262, изъ нихъ евреевъ—2055; мѣщанъ 12,187, изъ нихъ евреевъ 8976; находилось же домовъ во владѣніи купцовъ 187, у купцовъ евреевъ только 37, во владѣніи мѣщанъ 785, изъ нихъ у мѣщанъ-евреевъ 405 [2]). Слѣдовательно, какъ купцы, такъ и мѣщане-евреи, въ особенности первые, находящіеся, конечно, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ мѣщане, владѣютъ, однако же, гораздо меньшимъ числомъ домовъ, чѣмъ купцы и мѣщане изъ христіанъ. Во Владимірѣ Волынскомъ всего купцовъ 174, изъ нихъ евреевъ 166, мѣщанъ 2980, евреевъ 2234; владѣютъ домами: купцы—23, евреи 22, мѣщане 417, евреи 250 [3]). Это въ юго-западномъ краѣ, гдѣ въ послѣдніе годы «жилось весело и вольготно» однимъ евреямъ! Въ другихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости евреевъ замѣчается то же самое явленіе. Такъ въ Брестъ-Литовскѣ всего приписныхъ жителей 8829, въ томъ числѣ евреевъ 7510; владѣютъ домами евреи—887-ю, изъ общей цифры 1139 домовъ. Въ Слонимѣ общее число жителей было 6407, евреевъ 5476; принадлежало евреямъ 509 домовъ, тогда какъ общее число ихъ было 734 [4]).

---

[1]) Статист. описаніе Кіевской губерніи, т. I.

[2]) Эконом. состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи 1861—62 гг, Волынская губернія, стр. 3.

[3]) Эконом. состояніе и пр. тамъ же, стр 7.

[4]) Тамъ же, Гродненская губернія, стр. 8 и 23.

Малороссія и Новороссійскій край не составляютъ изъятія въ этомъ отношеніи, хотя нѣтъ сомнѣнія, что домовладѣніе евреевъ, какъ всѣ другія стороны ихъ быта, поставлено здѣсь въ лучшія условія, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Такъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (Черниговской губерніи) при общей цифрѣ купцовъ 377 (въ томъ числѣ евреевъ 261) и мѣщанъ 4545 (евреевъ 1894), домовладѣніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: у купцовъ христіанъ 21 домъ, у купцовъ евреевъ 25; у мѣщанъ христіанъ 381, у мѣщанъ евреевъ 63 [1]). Слѣдовательно, городская недвижимость здѣсь, какъ и въ западномъ краѣ, раздѣлена между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ далеко несоразмѣрно съ численнымъ ихъ отношеніемъ.

Болѣе равномѣрности въ этомъ отношеніи находимъ въ Новороссіи, но и здѣсь нигдѣ почти не доходитъ до равенства между процентомъ еврейскаго населенія и принадлежащихъ ему домовъ. Такъ въ Бахмутѣ (Екатеринославской губерніи) числилось между 1130 купцами 494 евреевъ, между 3899 мѣщанами 551 еврей; а владѣли домами: купцы 124, евреи 44, мѣщане 400, евреи 52 [2]).

Еврейское населеніе отличается отъ христіанскаго въ западномъ краѣ не только по количеству, но и по качеству своего землевладѣнія. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» изъ г. Баръ (Подольской губерніи) [3]).

«Окраины, населенныя мѣщанами-неевреями, представляютъ нѣкоторое подобіе улицъ; кромѣ того, мѣщанскія хаты (обыкновенно маленькія, обмазанныя глиною и покрытыя соломою) представляютъ нѣкоторый видъ домовитости, т. е. имѣютъ огороды и надворныя строенія, хотя весьма жалкія. Но евреи и доселѣ строятъ свои дома гдѣ попало—поперегъ дороги. Притомъ около еврейскихъ домовъ нѣтъ нетолько огородовъ и надворныхъ строеній, а даже и заборовъ. Стоитъ голый домикъ, съ боку котораго иногда низень-

---

[1]) Тамъ же, Черниговская губернія, стр. 23.

[2]) Тамъ же, Екатеринославская губ., стр. 11.

[3]) № 342 за 1869 годъ.

кимъ плетнемъ загорожено 1—2 аршина земли для козы—и больше ничего. Дома строятся здѣсь, какъ говорится, на живую нитку. Наставитъ еврей вертикально въ землю нѣсколько тоненькихъ столбиковъ, между ними положитъ поперечно коротенькія жердочки, обложитъ все это глиною,—и домъ готовъ. Но крыша всегда черепичная, всегда массивная; такъ и ожидаешь: вотъ-вотъ обрушится и раздавитъ домъ. Если для внутренняго устройства дома средствъ не достанетъ, то еврей приспособитъ къ жилому помѣщенію небольшую часть сколоченнаго кое-какъ дома, обмажетъ эту часть глиною и покроетъ потолкомъ весьма не высоко отъ основанія, такъ что до черепичной крыши остается еще большое пространство. Такимъ образомъ жилище еврея представляетъ какъ бы маленькую глинякую коробку, вдвинутую въ другую—деревянную—несравненно бо̀льшую, и надъ всѣмъ этимъ виситъ огромная красная черепичная крыша. Такихъ двойныхъ коробокъ здѣсь довольно много. Впрочемъ, между еврейскими домами есть и кирпичные, довольно большіе и прочные; но они совершенно затеряны въ безпорядочной массѣ дрянныхъ домишекъ и притомъ, какъ почти всѣ еврейскіе дома, содержатся весьма грязно».

Еще болѣе характеристичны для экономическаго быта русскихъ евреевъ данныя о другомъ разрядѣ фактовъ, сюда относящихся—о распредѣленіи еврейскаго населенія по жилищамъ. Въ первой статьѣ мы видѣли, что всѣ приведенные нами бытописатели русскаго еврейства указываютъ, какъ на бросающееся въ глаза явленіе, на скученность евреевъ и тѣсноту ихъ жилищъ. Очень замѣчательныя цифры по этому предмету представляетъ сочиненіе Журавскаго. Среднимъ числомъ въ Кіевской губерніи приходилось въ 40-хъ годахъ: у христіанъ на 100 домовъ 410—510 жителей, а у евреевъ на 100 домовъ 1299 жителей, т. е. евреи живутъ 3 раза тѣснѣе христіанъ. Любопытно прослѣдить эти цифры по отношенію къ уѣздамъ. Въ Черкасскомъ уѣздѣ, гдѣ евреевъ менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, жило въ 100 домахъ 751 еврей, а въ Бердичевскомъ, гдѣ ихъ больше, чѣмъ въ другихъ, тѣснота достигаетъ своего максимума—на 100 домовъ 2287 евреевъ. Въ Бер-

дичевѣ тѣснота жизни относится къ Кіевской какъ 8 : 1 [1]). Значитъ въ предѣлахъ одной губерніи замѣчается проявленіе общаго закона, въ силу котораго чѣмъ меньше численность еврейскаго населенія въ мѣстности, тѣмъ выше уровень его благосостоянія. Каковы послѣдствія этой тѣсноты для быта евреевъ, мы отчасти видѣли уже въ предыдущей статьѣ, отчасти увидимъ ниже. Здѣсь считаемъ необходимымъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Обыкновенную принадлежность еврейскихъ жилищъ, какъ указываютъ цитируемые нами писатели о западномъ краѣ, составляетъ тѣснота и неопрятность. Тоже самое свидѣтельствуетъ о Царствѣ Польскомъ авторъ оффиціальнаго его описанія. «Евреи, говоритъ онъ, населяя цѣлыя отдѣльныя улицы, кварталы и даже части городовъ и мѣстечекъ, живутъ среди страшной нечистоты и грязи» [2]). И хотя не нужно большой сообразительности для того, чтобы понять, что нечистота есть естественный и неизбѣжный результатъ бѣдности, вмѣстѣ съ ней исчезающій, однако же всѣ какъ будто сговорились возвести неопрятность какъ бы въ догматъ еврейской жизни, вѣчно ей присущій въ силу самой природы евреевъ. Много-много если кто нибудь, какъ напримѣръ г. Афанасьевъ-Чужбинскій [3]), признаетъ, что всѣ вообще у насъ провинціи отличаются нечистотой, но все-таки меньше евреевъ. Вотъ почему мы обращаемъ вниманіе читателей на приведенный нами въ первой статьѣ отзывъ о евреяхъ Ковенской губерніи г. Афанасьева. Говоря о неопрятности и тѣснотѣ еврейскихъ жилищъ, онъ прибавляетъ: «у болѣе зажиточныхъ находятся довольно чистыя особыя комнаты, порядочная мебель, кой-какія картины и пр ». Здѣсь связь между бѣдностью еврейской массы и ея неопрятностью прямо выступаетъ наружу.

Перейдемъ къ нѣкоторымъ другимъ явленіямъ жизни русскихъ евреевъ, на которыя необходимо обратить вниманіе, въ видахъ

---

[1]) Статист. описаніе Кіевской губ , I, 247.

[2]) Географическіе и статистическіе очерки. Царство Польское, 1863 г. стр. 71.

[3]) Поѣздка въ южную Россію, 1863 г , т, I, стр 321.

правильнаго пониманія ихъ прошлаго и настоящаго. Къ такимъ явленіямъ относимъ дознанную опытомъ страсть къ переселенію сѣверо-западнаго еврейства. Нѣтъ такого уголка въ мірѣ, гдѣ нельзя было бы встрѣтить «польскихъ евреевъ», этихъ бѣглецовъ отъ нужды безвыходной. Отъ закоулковъ Лондона до Калифорніи, отъ Египта до Австраліи—на всемъ этомъ пространствѣ раскинула свои сѣти эмиграція польскихъ евреевъ, ищущихъ счастья вдали отъ горя—доли своей родины. Но съ особенной силой потокъ этой эмиграціи устремляется на югъ Россіи, гдѣ еврейское населеніе постоянно возрастаетъ насчетъ сѣвера. Такъ въ Ростовѣ на Дону евреевъ было въ 1846 г. 289, а въ 1863 г 2272 [1]). Понятно, что такое увеличеніе не могло произойти отъ естественнаго приращенія, а отъ эмиграціи. Тоже самое замѣчено было еще въ 50-хъ годахъ въ Малороссіи. Въ Миргородѣ евреевъ иногородныхъ мѣщанъ было 202, къ Гадячѣ 178, въ Зеньковѣ 83, въ Кобелякахъ 195, въ Ромнахъ 187; христіанъ же иногородныхъ было:

Въ Миргородѣ	0
» Гадячѣ	14
» Зеньковѣ	11
» Кобелякахъ	277
» Ромнахъ.	102

Между тѣмъ евреи составляли:

Въ Миргородѣ	$^1/_{11}$	населенія.
» Гадячѣ .	$^1/_4$	»
» Зеньковѣ .	$^1/_{15}$	»
» Кобелякахъ	$^1/_{11}$	»
» Ромнахъ .	$^1/_3$ [2])	»

Изъ цифръ этихъ очевидно, что между процентнымъ отношеніемъ иногородныхъ мѣщанъ къ осѣдлымъ, у евреевъ и христіанъ, т. е. между наклонностью къ переселенію тѣхъ и другихъ, замѣчается огромная разница. А кто знаетъ, какъ глубоко привязанъ

[1]) Скальковскій, Ростовъ на Дону, 1865 г., стр. 41

[2]) Журналъ Мин. Вн Дѣлъ 1861 г., кн. 11.

еврей къ своей семьѣ и родинѣ, тотъ конечно не рѣшится объяснить подобный фактъ бродяжническимъ духомъ евреевъ и т. под., не говоря уже о томъ, что подобныя объясненія вообще не имѣютъ никакого серьезнаго значенія, такъ какъ ни одна черта въ характерѣ народной массы, какъ и отдѣльнаго человѣка, не рождается сама собой и случайно, а непремѣнно есть результатъ тѣхъ или другихъ бытовыхъ условій. Поэтому всякій согласится съ нами, когда изъ подобныхъ данныхъ мы выведемъ заключеніе, что большая подвижность еврейскаго мѣщанства, сравнительно съ христіанскимъ, проистекаетъ изъ меньшей обезпеченности его существованія. А что переселеніе евреевъ идетъ главнымъ образомъ изъ сѣверо-западныхъ губерній и Бѣлоруссіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы тамошнихъ городскихъ думъ, представленные въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ о Суражѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что мѣстные евреи снискиваютъ себѣ пропитаніе въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ проживаютъ безъ паспортовъ [1]). Въ Волковыскѣ евреевъ 1,200, изъ нихъ 100 находятся въ постоянной отлучкѣ безъ опредѣленныхъ занятій Въ Пружанахъ евреевъ 390, а въ 1861 г выдано паспортовъ на отлучку 164 евреямъ. Въ Суховомъ часть евреевъ, по обыкновенію, отлучается для промысловъ въ разныя мѣстности [2]). Другая печальная особенность еврейской жизни заключается въ томъ, что евреи больше подвержены болѣзнямъ чѣмъ христіанское населеніе. Если въ началѣ 50-хъ годовъ священникъ Морачевичъ, описывая село Кобылью (Волынской губерніи) и его обитателей, замѣчаетъ о евреяхъ слѣдующее: «Евреи ведутъ болѣе сидячую жизнь.... Они большей частью чахлы и блѣдноваты.... Многіе изъ нихъ очень пріятной наружности, но по большей части сгорблены и неуклюжи.... Многіе изъ нихъ ловки и до неимовѣрности проворны, но слабосильны и неспособны къ физической работѣ» [3]). Относительно Черниговской губерніи г. Домонтовичъ замѣчаетъ, что евреи живутъ бѣдно и

---

[1]) Эконом. состояніе и пр. Черниговская губ., стр. 39.
[2]) Тамъ же, Гродненская губернія, стр 18, 22 и 5[illegible].
[3]) Этнографическій Сборникъ, т I, 1853 г, стр 296

грязно, отчего большая часть ихъ страдаетъ сыпями, особенно дѣти [1]). Но наиболѣе свѣдѣній въ этомъ отношеніи мы имѣемъ о Гродненской губерніи въ трудѣ г. Бобровскаго. Зловоніе и міазмы, холодъ и сырость, говоритъ онъ, кладутъ печать на все существо еврея-бѣдняка и бываютъ причиной распространенія эпидемій и смертности, доходящей до невѣроятныхъ размѣровъ. По привычкѣ къ нечистотѣ евреи страдаютъ чесоткой. Всѣ дѣти худосочны и золотушны. Золотуха у евреевъ часто обнаруживается въ отвратительныхъ язвахъ, струпьяхъ и сыпяхъ. Въ Слонимѣ, по словамъ того же автора, изъ 1,059 больныхъ, обращавшихся къ врачамъ, было христіанъ 253, т. е. 4% общаго ихъ числа; евреевъ же было 11% всего числа ихъ. Это происходитъ оттого, что евреи больше привыкли обращаться къ медицинской помощи, чѣмъ русскіе простолюдины, а также оттого, что они дѣйствительно чаще подвергаются болѣзнямъ, вслѣдствіе тѣсной жизни и нечистоты [2]).

Относительно смертности у евреевъ мы имѣемъ оффиціальное удостовѣреніе, что еще въ 40-хъ годахъ она была гораздо больше, чѣмъ у другихъ классовъ населенія (среднимъ числомъ умиралъ 1 еврей изъ 18-ти). Изъ статистическихъ изслѣдованій г. Заблоцкаго оказывается, что у православнаго населенія черты осѣдлости евреевъ — смертность въ періодъ времени отъ 1844—1847 г. увеличилась противъ смертности предыдущаго четырехлѣтія (1840—43 г.) среднимъ числомъ на 17¾%. У евреевъ же она возрасла за это время на 37%, т. е. вдвое сильнѣе, чѣмъ у христіанъ [3]). О городѣ Гродно г. Бобровскій говоритъ слѣдующее: «Еще успѣшнѣе смертность дѣйствуетъ на скученные грязные домики, въ которыхъ живутъ евреи, составляющіе ⅛ населенія губерніи Загляните въ одинъ изъ этихъ домиковъ, готовыхъ на вашихъ глазахъ обратиться въ груду развалинъ и поглотить 15 душъ мужескаго и женскаго пола. васъ поразитъ удушье, злокачественный воздухъ. Толпа полунагихъ ребятишекъ едва помѣ-

---

[1]) Описаніе Черниговской губ,, стр, 541.

[2]) Описаніе Гродненской губ, 1, стр 858 и слѣд., т. II, стр. 871.

[3]) Сборникъ Статистич. свѣд. о Россіи 1865 г , кн I

щается въ полумрачной избенкѣ, $^3/_4$ которой заняты печкой, кроватью и столомъ. Какъ часто этому бѣдному семейству приходится довольствоваться кускомъ черстваго хлѣба и луковицей, и сколько искуства надобно еврею, чтобъ снискать средства пропитанія своимъ дѣтямъ... Образъ жизни евреевъ также готовитъ обильную жатву для преждевременной смерти. Чахотка, удушье, нервная горячка, кровавый поносъ и геморой находятъ не мало жертвъ между евреями. Отъ чахотки всего чаще умираютъ молодые евреи, желающіе постигнуть тайну своей религіи: $^2/_3$ заболѣвающихъ умираютъ. Смертность въ городахъ Гродненской губерніи (гдѣ евреи составляютъ большую часть населенія), насколько она обусловливается естественными причинами, въ 8 разъ болѣе чѣмъ въ уѣздахъ [1])». Факты говорятъ сами за себя и не трудно судить послѣ нихъ— кому жилось веселѣе и вольготнѣе тогда евреямъ или крѣпостному сельскому населенію?

Поучительны также свѣдѣнія о податныхъ недоимкахъ у евреевъ. Въ Гродненской губерніи цифра недоимокъ съ городскихъ жителей (большей частью евреевъ) съ 1843—1853 г. увеличилась втрое [2]). Въ Минской губерніи къ 1 января 1860 г. было всего недоимокъ 303,392 р , въ томъ числѣ на однихъ евреяхъ накопилось ихъ 76,151 р., слѣдовательно $^1/_4$ общей цифры приходится на ихъ долю, а между тѣмъ евреи составляютъ только $^1/_{12}$ ревизскаго населенія этой губерніи, съ незаписанными же— около $^1/_6$. Въ той же губерніи, по исчисленіямъ еврейскихъ обществъ о числѣ своихъ членовъ, несостоятельныхъ къ взносу податей и сборовъ, какъ-то убогихъ, малолѣтнихъ, увѣчныхъ, выбылыхъ и пр., за которыхъ общества уплачиваютъ изъ суммъ коробочнаго сбора,—оказывается, что при общемъ количествѣ ревизскихъ душъ еврейскаго населенія въ 32,879 человѣкъ, таковыхъ членовъ было 18,324 [3]), т. е. болѣе половины евреевъ Минской губерніи еще въ 1860 году были не въ состояніи нести подати и по-

---

[1]) Статистическое описаніе г. Гродно 1860 г., стр 43 и 57.
[2]) Описаніе Гродненской губ. Бобровскаго, т. 2, стр 753
[3]) Описаніе Минской губ. Зеленскаго, т. I, стр. 66.

винности, такъ что за нихъ должны были платить остальные члены еврейскихъ обществъ! Это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что евреи, кромѣ общихъ ихъ состоянію государственныхъ и земскихъ налоговъ, несутъ еще спеціальные налоги, рѣшительно несоразмѣрные съ ихъ платежными средствами. Что накопленіе недоимокъ у евреевъ происходитъ дѣйствительно отъ недостатка платежныхъ средствъ ихъ — это не разъ признано оффиціально. Довольно будетъ указать здѣсь на отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1859 г., въ которомъ высказано, что причина неисправнаго поступленія свѣчнаго сбора заключается въ бѣдности еврейскихъ обществъ и обремененіи ихъ значительными сборами сравнительно съ другими податными сословіями [1])

Наконецъ, неблагопріятныя соціальныя и экономическія условія не могли пройдти безслѣдно и для нравственности еврейской массы, оставивъ слѣдъ на статистикѣ ихъ преступности и уголовной судимости. Но предметъ этотъ, по своей важности и обширности, требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, и мы еще вернемся къ нему когда нибудь. Здѣсь же ограничимся представленными данными объ экономическомъ бытѣ русскихъ евреевъ, изъ которыхъ сдѣлаемъ одинъ общій выводъ:

Въ жизни западно-русскихъ евреевъ замѣчаются всѣ симптомы общественнаго недуга, извѣстнаго подъ именемъ пролетаріата, бездомность, скитальчество и выселеніе, плачевныя санитарныя условія и какъ слѣдствіе ихъ—значительная смертность, — упадокъ нравственности, недостатокъ платежныхъ средствъ въ фискальномъ отношеніи и ничтожная цифра заработка и дохода.

---

[1]) Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ 1857 г., іюль.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ОДЕССКАГО ПОГРОМА.

I.

Бываютъ моменты въ жизни каждаго общества, когда самыя затаенныя и наименѣе извѣстныя желанія, чувства и стремленія этого общества внезапно выступаютъ наружу и становятся предъ нами во всей своей неприкрытой наготѣ. Какъ относительно отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, подобные періоды броженія жизненныхъ силъ какъ нельзя лучше характеризуются народной поговоркой: «что у трезваго на душѣ, то у пьянаго на языкѣ». Изслѣдователю общественныхъ явленій выпадаетъ вслѣдствіе этого въ такіе моменты весьма легкая задача — черпать цѣлыми пригоршнями на поверхности народной жизни драгоцѣннѣйшія данныя для характеристики даннаго соціальнаго организма. Не воспользоваться, по мѣрѣ возможности, такими благопріятными условіями для изученія разыгрывающейся предъ глазами наблюдателя жизненной драмы, значитъ, по нашему мнѣнію, совершить тяжкій грѣхъ предъ исторической и соціальной наукой; ибо нѣтъ сомнѣнія, что масса обыденныхъ, но характеристичныхъ мелочей, которыми столь богата народная жизнь въ возбужденные ея періоды и которыя обыкновенно ускользаютъ даже отъ газетныхъ хроникеровъ, имѣютъ гораздо больше цѣнности для историка и соціолога, чѣмъ выдающіеся оффиціальные факты, тщательно сохраняемые для потомства органами власти и общественнаго мнѣнія. Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ не лишнимъ сохранить здѣсь отъ забвенія нѣсколько фактовъ изъ событій «мартовскихъ дней» въ Одессѣ, могущихъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать установленію правильнаго взгляда на это важное общественное явленіе

и вмѣстѣ съ тѣмъ служить хорошимъ матеріаломъ для характеристики моральнаго состоянія современнаго русскаго общества вообще. При этомъ я долженъ предварительно замѣтить, что всячески старался избѣгать всего легендарнаго и сомнительнаго, а сообщаю только факты, за достовѣрность которыхъ могу вполнѣ ручаться.

II.

Прежде всего бросается въ глаза въ исторіи одесскихъ событій одинъ несомнѣнный фактъ — всеобщее нерасположеніе къ евреямъ со стороны христіанскаго населенія Одессы. За исключеніемъ весьма немногихъ, ограничивавшихся пассивнымъ неодобреніемъ, и гораздо меньшаго числа такихъ, которые обнаружили свое сочувствіе евреямъ не однимъ словомъ, но и дѣломъ, огромное большинство населенія было имъ положительно враждебно. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что вражда эта обнаруживалась гораздо сознательнѣе и глубже у интеллигентнаго и зажиточнаго класса, чѣмъ у рабочаго простонародья, хотя и не въ такихъ грубыхъ формахъ, какъ у послѣдняго. Въ свое время корреспонденты извѣщали о томъ, какъ кареты подъѣзжали смотрѣть на разграбленіе еврейскихъ домовъ, какъ прилично одѣтые господа поощряли деньгами и обѣщаніями уличныхъ буяновъ и т. п. Но еще болѣе поучительны въ этомъ отношеніи слѣдующія собранныя нами на горячихъ слѣдахъ свѣдѣнія объ отношеніи одесской интеллигенціи къ мартовскимъ событіямъ.

Учитель исторіи въ одной изъ здѣшнихъ гимназій въ первый учебный день послѣ свѣтлаго праздника прочелъ своимъ ученикамъ лекцію по поводу городскихъ «безпорядковъ». Въ лекціи этой онъ доказывалъ, что хотя нельзя одобрить подобнаго рода дѣйствій, но что виновниками прискорбныхъ этихъ событій являются все-таки евреи, которые своей эксплуатаціей доводятъ, будто бы, народъ до отчаянія и заставляютъ его прибѣгать къ физической силѣ для освобожденія отъ тягостнаго гнета. Другой учитель въ женскомъ казенномъ учебномъ заведеніи проповѣдывалъ съ своей каѳедры въ томъ же духѣ, утверждая, что причина праздничныхъ

событій лежитъ въ томъ, что евреи «стали въ неправильныя экономическія отношенія къ остальному населенію». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили подобныя фразы, высказываемыя «людьми науки», на разгоряченные умы одесситовъ, которые естественно должны были съ радостью ухватываться за каждую подобную сентенцію, какъ будто снимавшую съ нихъ бремя тяжкой моральной отвѣтственности, если не за участіе, то за «попустительство» самаго вопіющаго нарушенія человѣческихъ правъ...

Справедливость требуетъ, однакожъ, замѣтить, что вѣдомство народнаго просвѣщенія было не единственное, открыто высказавшее такой взглядъ на одесскія событія. Его превзошло въ этомъ отношеніи другое вѣдомство, представитель суда праваго, милостиваго и для всѣхъ равнаго—вѣдомство юстиціи.

Въ самый разгаръ «безпорядковъ», во вторникъ 31 марта, когда еврейское добро уничтожалось и расхищалось во всѣхъ концахъ города, когда многіе за принадлежность къ іудейству поплачивались не однимъ имуществомъ, но и боками и тому подобными бездѣлицами, случился между прочимъ и слѣдующій эпизодъ. Штурму подвергался домъ иностранца Р., населенный множествомъ бѣдныхъ еврейскихъ семействъ. Крики разграбляемыхъ бѣдняковъ и видъ выбрасываемыхъ на улицу ихъ пожитковъ, тутъ же уничтожаемыхъ и расхищаемыхъ толпой, возбудили жалость въ содержателѣ гостинницы напротивъ дома Р., русскомъ человѣкѣ П. Онъ объявилъ евреямъ, живущимъ въ домѣ Р., что они могутъ укрыться у него съ своимъ имуществомъ, пока пройдетъ «народная гроза». Предложеніе начало было уже приводиться въ исполненіе, но вдругъ встрѣтило неожиданное препятствіе. Квартирующій въ этой гостинницѣ одинъ изъ членовъ одесскаго окружнаго суда выбѣжалъ въ корридоръ и вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, занимающимъ нумеръ въ этой гостинницѣ, самымъ энергическимъ образомъ напалъ на г. П. за его желаніе наполнить гостинницу «паршивыми жидами».

Въ то же самое время одинъ изъ здѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ доказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ, что съ евреями иначе поступать невозможно, что они грабятъ христіанъ въ те-

ченіи цѣлаго года и потому послѣдніе имѣютъ неотъемлемое право грабить евреевъ хоть въ продолженіе трехъ дней, и т. д. Господинъ этотъ, какъ разсказываютъ, находилъ даже своевременнымъ и цѣлесообразнымъ устроить для евреевъ нѣчто въ родѣ варѳоломеевской ночи...

Мы не хотимъ этимъ набросить тѣнь на все вообще судебное сословіе Одессы. Мы знаемъ, что многіе изъ членовъ этого сословія, какъ во время смутъ, такъ и впослѣдствіи, обнаружили словомъ и дѣломъ свое негодованіе на возможность подобныхъ безобразій и сочувствіе дѣлу евреевъ. Но въ семьѣ не безъ урода и во всякомъ случаѣ достойно замѣчанія, что такихъ уродовъ оказалось не мало въ той семьѣ, гдѣ менѣе всего ихъ можно было ожидать—въ вѣдомствахъ юстиціи и просвѣщенія.

III.

Разсказанные до сихъ поръ случаи всѣ носятъ характеръ неопредѣленнаго чувства вражды къ евреямъ вообще, безъ отношенія къ извѣстнымъ личностямъ. Это генеральное отвращеніе ко всему жидовскому можно еще до нѣкоторой степени объяснить вѣковымъ предубѣжденіемъ, глубоко укоренившимся путемъ наслѣдственной преемственности и всасываемымъ нерѣдко съ молокомъ матери. Разъ получивъ такое выработанное, готовое предубѣжденіе и не имѣвъ случая побороть его путемъ самостоятельной работы мысли или житейскаго опыта, каждый необходимо долженъ былъ обнаружить свое воззрѣніе въ критическую минуту. Гораздо труднѣе объяснить другой разрядъ случаевъ, гдѣ это общее чувство вражды къ евреямъ успѣло преодолѣть другія, болѣе конкретныя и опредѣленныя, и повидимому весьма искреннія и серьезныя чувства расположенія къ отдѣльнымъ личностямъ еврейскаго происхожденія. Разскажу здѣсь два такихъ случая. На одной изъ главныхъ улицъ Одессы живетъ тридцать лѣтъ сряду въ одномъ домѣ ювелиръ-еврей. Все это время въ сосѣдствѣ съ нимъ живетъ старый богачъ В., одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ членовъ греческой колоніи въ Одессѣ. В. жилъ въ

весьма тѣсной дружбѣ съ ювелиромъ, единственнымъ человѣкомъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ свои досуги. В. постоянно ссужалъ ювелира деньгами безъ росписокъ и процентовъ; пріѣзжая изъ заграницы всегда привозилъ подарки дѣтямъ ювелира, однимъ словомъ былъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Но вотъ наступили мартовскіе дни. Часовой магазинъ Баржанскаго, находящійся въ очень небольшомъ разстояніи отъ помѣщенія нашихъ героевъ, преданъ полному разграбленію Цѣлыя кучи часовъ торжественно выносились на улицу, бросались на мостовую и разбивались чѣмъ попало. При видѣ такихъ шалостей у ювелира конечно явились опасенія за свое добро. Онъ спѣшитъ собрать свои драгоцѣнности въ нѣсколько узловъ и отправляется къ своему другу В. въ полной увѣренности, что его имущество найдетъ здѣсь вполнѣ безопасный пріютъ. Но каково же было его изумленіе, когда В на самомъ порогѣ встрѣтилъ его крикомъ и ругательствами и прогналъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Несчастный ювелиръ долженъ былъ оставить все свое состояніе на дворѣ подъ присмотромъ другаго сосѣда, оказавшагося болѣе человѣчнымъ, чѣмъ В.— Другой случай. На той же улицѣ рядомъ помѣщаются уже много лѣтъ часовыхъ дѣлъ мастера нѣмецъ В. и еврей Р. По окончаніи смутъ, когда евреи, при помощи полиціи, начали отыскивать расхищенное свое имущество, подозрѣніе въ утайкѣ награбленныхъ вещей пало между прочимъ и на нѣмца В. Узнавъ объ этомъ В. сильно переполошился, прибѣгаетъ къ сосѣду Р. и проситъ его спрятать узелъ съ вещами, будто бы найденныхъ его служанкой во время безпорядковъ. Р , хотя отлично понималъ въ чемъ дѣло, но по старой дружбѣ уступилъ просьбѣ В. и принялъ къ себѣ вещи Вслѣдъ затѣмъ полиція съ евреями приходитъ къ В., дѣлаетъ обыскъ и ничего не находитъ. Жена В. съ яростью накидывается на обыскивающихъ, кричитъ, что у ней ничего нѣтъ, а лучше бы имъ пойти къ Р., тамъ они найдутъ много краденыхъ вещей. Изумленный Р., тутъ же стоявшій, отводитъ г-жу В. въ сторону и спрашиваетъ: что сіе означаетъ?, но получаетъ въ отвѣтъ: «я васъ, милостивый государь, знать не знаю и не понимаю, чего вы отъ меня хотите». Р. насилу упросилъ обыскивав-

шихъ евреевъ заявить полиціи, что они на него подозрѣнія не имѣютъ и обыска производить у него не желаютъ Только благодаря этому снисхожденію Р. избѣгнулъ весьма непріятныхъ послѣдствій отъ услуги, оказанной дружелюбному нѣмцу.

Не всегда однакожъ эта вражда къ евреямъ выказывалась такъ явно и рѣшительно, какъ въ приведенныхъ случаяхъ. Это еврейское побоище, какъ всякая другая война, имѣло своихъ дипломатовъ-перебѣжчиковъ, сознававшихъ, что евреи все-таки составляютъ общественную силу, съ которой нельзя не считаться, и потому старавшихся угождать и нашимъ и вашимъ. Образъ дѣйствій этого класса нерѣшительныхъ, не обладавшихъ достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ для откровеннаго обнаруженія своихъ отношеній къ еврейству, вполнѣ характеризуется слѣдующимъ фактомъ. Одинъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ въ Одессѣ содержится въ товариществѣ евреемъ и караимомъ. На слѣдующій послѣ побоища день въ магазинъ этотъ приходитъ дама-христіанка и застаетъ хозяина-караима. Она начинаетъ выражать свое глубокое сожалѣніе по поводу убытковъ, понесенныхъ вѣроятно магазиномъ въ минувшій праздникъ. Хозяинъ успокоиваетъ сердобольную даму, говоритъ, что магазинъ нисколько не пострадалъ. «Какъ, неужели, восклицаетъ дама; вѣдь всѣ евреи пострадали сильно!»—«Но я не еврей», продолжаетъ разувѣрять ее хозяинъ. «Такъ вы не еврей? говоритъ дама. Ну скажите же по совѣсти, развѣ евреи не заслуживаютъ того, чтобъ съ ними поступать только такимъ образомъ» и пр. и пр.

IV.

Гдѣ же, спрашивается, причина этой всеобщей вражды къ евреямъ? Вѣдь живутъ же въ Одессѣ всевозможныя народности и уживаются, если не совсѣмъ мирно, то ни въ какомъ случаѣ не очень враждебно. Почему же одни евреи возбуждаютъ всеобщее къ себѣ нерасположеніе, переходящее при случаѣ въ жестокую ненависть? Не ясно ли указываетъ это обстоятельство на то, что причина ненависти заключается въ самихъ евреяхъ, что положеніе ихъ

среди другихъ національностей дѣлаетъ взаимную вражду фактомъ неизбѣжнымъ, логически необходимымъ? Эти мысли такъ и напрашиваются въ виду такихъ фактовъ, какъ только-что нами разсказанные. Объясненіе, которое такимъ образомъ дается этимъ фактамъ, кажется до того естественнымъ и простымъ, что отъ него весьма трудно отказаться. Но мы беремъ смѣлость утверждать, что объясненіе это, не смотря на всю его правдоподобность, все-таки невѣрно. Вглядываясь ближе въ реальныя основы тѣхъ жизненныхъ отношеній, въ которыя еврейское населеніе стало ко всему остальному на югѣ Россіи, мы находимъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ. Съ одной стороны, благодаря тысячелѣтнимъ предубѣжденіямъ, принявшимъ весьма опредѣленную, конкретную форму въ дѣйствующемъ до сихъ поръ у насъ законодательствѣ, еврейская народность представляется какой-то кастой паріевъ, чѣмъ-то гораздо низшимъ въ сравненіи съ другими чрезвычайно разнообразными національностями, населяющими Россію. При полной терпимости русскаго государства ко всѣмъ народамъ и вѣроисповѣданіямъ, евреи представляютъ едва ли не единственный примѣръ народа и культа, которые съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ подвергаются у насъ самымъ суровымъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ. Вслѣдствіе этого въ умѣ русскаго человѣка не могла не засѣсть глубоко мысль, что еврей, по крайней мѣрѣ по общественному своему положенію, не есть такой же человѣкъ, какъ и всякій другой, и не можетъ быть сравниваемъ ни съ кѣмъ, а долженъ быть разсматриваемъ только съ спеціально-еврейской точки зрѣнія. Никакія отвлеченныя представленія о братствѣ и равенствѣ людей, независимо отъ происхожденія и вѣроисповѣданія, не могутъ искоренить анти-еврейскаго предразсудка, когда дѣйствительная жизнь, одна обусловливающая характеръ мнѣній и убѣжденій всякаго общества, въ видѣ дѣйствующихъ законовъ, поддерживаетъ представленіе о совершенно особенномъ положеніи евреевъ въ государствѣ.

Съ другой стороны южная Россія, благодаря географическимъ и другимъ условіямъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, въ экономическомъ своемъ быту приняла направленіе по преимуществу торговое. И такъ какъ евреи, въ силу историческихъ усло-

вій, сдѣлались народомъ исключительно торговымъ и имъ даровано было Екатериной II почти неограниченное право осѣдлости на всемъ югѣ Россіи, то они не замедлили занять здѣсь весьма вліятельное мѣсто въ сферѣ народно-хозяйственнаго оборота. Такимъ образомъ въ жизни вышелъ глубокій разладъ между юридическимъ и экономическимъ положеніемъ евреевъ въ южной Россіи. Тотъ самый еврей, который въ глазахъ закона и воспитаннаго на немъ общественнаго мнѣнія былъ отверженцемъ общества, лицомъ, которому навсегда прегражденъ путь къ высшему общественному положенію, оказался человѣкомъ весьма вліятельнымъ въ экономическомъ отношеніи, мало того — настойчиво разсѣкающимъ опутавшіе его узлы, и рѣшительно идущимъ къ полноправному, ничѣмъ неограниченному гражданству въ обществѣ, продолжающемъ смотрѣть на него сквозь старые очки.

Этого противорѣчія между требованіями новой жизни и старыхъ предразсудковъ до сихъ поръ не можетъ переварить наше разношерстное общество, которое видитъ въ стремленіи евреевъ выйти изъ тягостнаго положенія, завѣщаннаго имъ добрымъ старымъ временемъ, какое-то специфическое еврейское нахальство, ненасытность и захватъ. Каждая изъ народностей, входящихъ въ составъ городскаго населенія южной Россіи, встрѣчая въ другой національности болѣе или менѣе опаснаго конкуррента въ эксплуатаціи промышленныхъ рессурсовъ края, хотя и видитъ въ этомъ ущербъ своимъ интересамъ, не можетъ признать здѣсь посягательства на свое право, потому что знаетъ очень хорошо, что его соперникъ пользуется совершенно такими же гражданскими правами, какъ и она сама. Русскій человѣкъ, при видѣ того, какое преобладающее мѣсто заняли въ южной торговлѣ греки, напр., не можетъ относиться къ этому факту чрезъ-чуръ враждебно, потому что грекъ такой же полноправный гражданинъ, какъ и онъ самъ, и потому имѣетъ не меньше его права жить и богатѣть. Но каждое богатство, составленное такимъ же образомъ евреемъ, лицомъ, долженствующимъ по праву занять послѣднее мѣсто въ общественной іерархіи, кажется всѣмъ его конкуррентамъ настоящимъ похищеніемъ принадлежащаго имъ имущества, или какъ теперь выража-

ются—захватомъ, назойливымъ вторженіемъ евреевъ въ сферу имъ недоступную.

Это, впрочемъ, отражается и не на одной экономической сферѣ. Матеріальное довольство всегда необходимо влечетъ за собой развитіе и другихъ высшихъ сторонъ цивилизованной жизни. Южно-русскій еврей, достигнувъ болѣе высокой степени благосостоянія, сравнительно съ своимъ западно-русскимъ собратомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится и къ высшему духовному развитію. Здѣсь, на югѣ, евреи наполняютъ собою учебныя заведенія, стряхиваютъ съ себя допотопные обычаи и религіозные обряды, мало-по-малу усвоиваютъ себѣ всѣ аттрибуты цивилизованной жизни. Во всемъ этомъ кажется нѣтъ ничего дурного, а между тѣмъ несомнѣнно, что оно рѣжетъ всѣмъ глаза, какъ несоотвѣтствующее настоящему общественному положенію евреевъ, и возбуждаетъ самое дурное изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ — зависть.

Однимъ словомъ, у насъ по отношенію къ евреямъ повторяется то же явленіе, которое такъ хорошо было подмѣчено Токвилемъ въ отношеніи французскаго дворянства до великой революціи. Съ усиленіемъ королевской власти, французское дворянство потеряло то юридическое и политическое значеніе, которымъ оно пользовалось при феодализмѣ, но сохранило экономическія свои привиллегіи въ видѣ права на трудъ и капиталъ низшихъ классовъ. Вслѣдствіе этого тотъ самый крестьянинъ, который безропотно отправлялъ барщину въ пользу помѣщика, когда послѣдній былъ царькомъ своихъ владѣній, глубоко возненавидѣлъ и барщину, и помѣщика, когда онъ превратился въ такого же подданнаго короля, какъ и самъ крестьянинъ. Эта вражда всегда будетъ удѣломъ тѣхъ классовъ общества, которые пользуются лучшимъ экономическимъ положеніемъ, чѣмъ-подобающее имъ de jure. И до тѣхъ поръ, пока разладъ между фактическимъ и юридическимъ бытомъ евреевъ въ Россіи не будетъ окончательно устраненъ отмѣной всѣхъ существующихъ ограниченій ихъ правъ, до тѣхъ поръ вражда къ евреямъ не только не утихнетъ, но по всей вѣроятности, будетъ только возрастать.

Изъ всего сказаннаго не трудно усмотрѣть, что сущность одес-

скихъ событій заключается не въ борьбѣ труда съ капиталомъ, эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, но во враждѣ соперничающихъ торговопромышленныхъ элементовъ. Что это дѣйствительно такъ — весьма легко было убѣдиться здѣсь на мѣстѣ каждому непредубѣжденному человѣку. Всѣ бывшіе очевидцами одесскихъ событій знаютъ, что масса простонародья принимала въ нихъ участіе главнымъ образомъ по религіозному фанатизму и инстинктивной племенной враждѣ, поощренная и введенная, въ заблужденіе полнѣйшей безнаказанностью первыхъ весьма робкихъ попытокъ. Настоящимъ же жизненнымъ нервомъ всего анти-еврейскаго движенія была сознательная, разсчетливо-эгоистичная вражда купеческаго класса, преимущественно грековъ. Фактовъ, подтверждающихъ это общее замѣчаніе, было приведено уже не мало въ печати, другіе раскрыты при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ о «безпорядкахъ», а потому мы не будемъ повторять здѣсь общеизвѣстнаго, но укажемъ на такой разрядъ данныхъ, который уясняетъ намъ ближайшимъ образомъ причину этой вражды. Надобно знать, что до не очень давняго времени (преимущественно до крымской войны), почти вся одесская торговля составляла монополію (хотя не юридически, а фактически) иностранцевъ, главнымъ образомъ грековъ.

Между прочимъ торговля бакалейными и колоніальными товарами находилась исключительно въ рукахъ грековъ; въ настоящее же время значительная часть этого рода торговли производится евреями. Спрашивается, какъ же отразился этотъ «захватъ» на интересахъ потребителей и промышленности? А вотъ, между прочимъ, какимъ образомъ. Когда греки исключительно торговали оливковымъ масломъ они имѣли обыкновеніе каждую бочку масла покрывать извнутри по обоимъ краямъ весьма толстымъ слоемъ извести для предупрежденія, будто бы, течи въ бочкѣ. На самомъ дѣлѣ эти единовѣрные Россіи коммерсанты руководились тѣмъ простымъ соображеніемъ, что масло продается по емкости бочекъ, а известь стоитъ гораздо дешевле масла. Но наступила пора еврейской эксплуатаціи и новые торговцы нашли, что для предупрежденія течи достаточно весьма тонкаго слоя извести и что затѣмъ установившійся «торговый обычай», относительно продажи извести

за масло, не имѣетъ никакихъ основаній и потому мало-по-малу выведенъ изъ употребленія. Далѣе греки, занимаясь торговлей маслинами, ввели въ обычай примѣшивать къ каждой бочкѣ маслинъ нѣсколько пудовъ соли. Покупатели такъ и брали маслины въ полной увѣренности, что соль необходима для сохраненія ихъ вкуса и свѣжести. Но евреи и тутъ разувѣрили добродушныхъ потребителей, показавъ на опытѣ, что соль дѣйствительно полезна, но не для маслинъ, а для торгующихъ ими, и что можно очень удобно продавать маслины безъ этой примѣси. Ну скажите, на милость, какъ не злиться послѣ этого почтеннымъ «иностраннымъ гостямъ» на пронырливыхъ жидовъ, которые вездѣ снуютъ, все узнаютъ и даютъ знать другимъ? Изслѣдованіе судебъ одесской торговли въ этомъ направленіи можетъ, по нашему мнѣнію, гораздо лучше разъяснить истинный смыслъ одесскихъ событій, чѣмъ тѣ безсодержательные возгласы о еврейской эксплуатаціи, которые, съ легкой руки извѣстнаго оффиціальнаго донесенія, наполняютъ столбцы нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданій. Само собою разумѣется, что мы не утверждаемъ будто участіе евреевъ въ здѣшней торговлѣ ведетъ вообще къ большей честности и солидности торговыхъ операцій. Мы очень далеки отъ подобной идеализаціи и натяжекъ, а указываемъ только на тотъ безспорный фактъ, что участіе евреевъ, увеличивая размѣры торговой конкурренціи, при существующихъ здѣсь теперь экономическихъ условіяхъ, приноситъ массѣ населенія пользу, а вредъ исключительно прежнимъ монополистамъ южной торговли.

Такой же смыслъ имѣетъ вражда къ евреямъ и въ ремесленномъ классѣ и среди лицъ либеральныхъ профессій.

Ремесленникъ-христіанинъ, собственно говоря, питаетъ нерасположеніе къ еврею, соперничающему съ нимъ по ремеслу. Всѣ остальные евреи, которые по отношенію къ нему суть потребители, а не соперники его труда, его нисколько не огорчаютъ, а скорѣе радуютъ. Адвокатъ, громогласно утверждающій, что чернь, грабя евреевъ, совершаетъ дѣло вполнѣ законное и естественное, въ сущности имѣетъ въ виду лишь тѣхъ евреевъ, которые въ качествѣ адвокатовъ имѣютъ дерзость лучше его понимать свое дѣло,

пользоваться большимъ довѣріемъ публики, даже христіанской, и вслѣдствіе этого отбивать у него значительную часть практики. Онъ не смѣетъ относиться такъ враждебно, напр. къ адвокату-нѣмцу, который такимъ же образомъ сталъ бы ему поперегъ дороги, потому что долженъ признать въ немъ человѣка вполнѣ себѣ равнаго и равноправнаго. Но когда жидъ, котораго онъ съ малолѣтства привыкъ воображать себѣ единственно въ видѣ презрѣннаго, забитаго фактора и мелкаго торгаша, имѣетъ дерзость стать на одну доску съ нимъ и даже превзойти его, онъ не можетъ не усмотрѣть въ этомъ вопіющаго нарушенія своихъ національныхъ и сословныхъ привиллегій—и онъ возмущается до глубины души. Масса же еврейскаго населенія, въ качествѣ дѣйствительныхъ и возможныхъ кліентовъ, въ глазахъ этого самаго адвоката представляется явленіемъ вовсе не такимъ печальнымъ, какъ евреи-адвокаты; ибо этотъ самый ярый врагъ еврейства нисколько не гнушается еврейскимъ дѣломъ, если оно представляетъ матеріальную выгоду. Выходитъ на повѣрку, что каждый гражданинъ въ сущности ненавидитъ того еврея, который мѣшаетъ ему монополизировать его профессію. Но такъ какъ каждому совѣстно открыто сознаться въ такомъ грубомъ эгоизмѣ, то и прибѣгаютъ къ весьма извѣстной и споконъ-вѣка практикуемой людьми уловкѣ: маскировать свои личные разсчеты громкими словами объ общественномъ благѣ. Такимъ образомъ, каждый сапожникъ, извощикъ, адвокатъ и т. п. вмѣсто того, чтобъ говорить о вредѣ для ихъ интересовъ отъ дѣятельности евреевъ-сапожниковъ и пр., находитъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ ставить общій вопросъ объ эксплуатаціи и захватѣ евреевъ. И выходитъ какъ будто вопль цѣлаго населенія противъ обирающихъ его евреевъ, хотя если смотрѣть на вещи съ болѣе широкой точки зрѣнія и притомъ принять въ разсчетъ и интересы сельскаго, вообще рабочаго сословія, то получится въ результатѣ, что дѣятельность евреевъ приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда, остальному населенію въ общемъ выводѣ. Впрочемъ въ оцѣнкѣ степени вреда, наносимаго будто бы евреями городскому населенію, есть различныя градаціи. Есть такіе господа, которые въ этомъ отношеніи доходятъ до невѣроятнѣйшихъ абсурдовъ. Одна

дама, напр., разсуждая о причинахъ праздничныхъ «недоразумѣній», нашла, что съ евреями иначе поступать невозможно, ибо отъ нихъ совсѣмъ житья нѣтъ. набили цѣны на квартиры такъ, что помѣщенія найти невозможно! Дама очень здраво разсудила, что если изгнать или другимъ какимъ нибудь способомъ устранить 40-тысячное населеніе Одессы, то квартиры на долгое время значительно подешевѣли бы. Такія разсужденія въ чисто-фараоновскомъ духѣ разбирать довольно мудрено; но нельзя не замѣтить. что они составляютъ лишь крайне послѣдовательный выводъ изъ того порядка вещей, который не признаетъ за евреями такого же безусловнаго и полнаго права на свободное и самостоятельное существованіе, какъ за всѣми другими народностями.

V.

Самая грустная сторона одесскихъ событій заключается не въ матеріальномъ ущербѣ, нанесенномъ множеству еврейскихъ семействъ, хотя ущербъ этотъ и весьма значителенъ, а въ серьезной деморализаціи значительной части населенія возбужденіемъ разныхъ дурныхъ инстинктовъ и стремленій, которые до тѣхъ поръ не дерзали выступать наружу. Такъ напримѣръ событія эти дали новую пищу тому хищничеству или savoir vivre, которое такъ глубоко проникло въ жизнь нашего общества и такъ ловко умѣетъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ другаго для извлеченія личныхъ выгодъ. Жалкое положеніе, въ которомъ неожиданно очутились евреи на Пасхѣ, дало богатый матеріалъ дѣятельности выжигъ разнаго рода. Явились, напримѣръ, личности такого рода, которыя, угрожая евреямъ насиліями разнаго сорта, выманивали у нихъ деньги. Такъ въ среду 31-го марта, когда въ городѣ производилось уже сѣченіе, замѣнивъ административнымъ буйствомъ утихшее уже буйство черни, на Молдаванкѣ одинъ столяръ послалъ своихъ подмастерьевъ къ сосѣду-еврею, чтобъ онъ далъ имъ деньги, а не то онъ, столяръ, его раззоритъ. Еврей отдалъ послѣдніе рубли подмастерьямъ, а тѣ въ свою очередь не остались предъ нимъ въ долгу и, не смотря на заключенный трактатъ, разбили-таки окна и двери и удалились съ тріумфомъ. Подобнаго рода вы-

могательствъ было весьма не мало. Были другіе болѣе ловкіе господа, которые для выманиванія у евреевъ денегъ прибѣгали къ болѣе законнымъ средствамъ, стараясь дѣйствовать ужъ не на чувство страха, а на благодарность евреевъ. Мнѣ извѣстенъ напримѣръ слѣдующій случай. По прекращеніи смутъ къ богатому купцу—еврею В. является нѣкій грекъ и объявляетъ, что онъ отстоялъ подвалъ со спиртомъ, принадлежащій В., отъ разоренія толпой, а посему проситъ вознагражденія. При томъ настроеніи, въ которомъ находились тогда одесскіе евреи, В. понятно, не могъ отказать въ такого рода просьбѣ и потому, не наводя никакихъ справокъ, онъ далъ просителю 25 р. Чрезъ нѣсколько дней господинъ этотъ является снова къ В. съ той же просьбой. В. говоритъ ему: я васъ не знаю, докажите, что вы дѣйствительно спасли мой подвалъ и я вамъ дамъ приличное вознагражденіе. Грекъ ударился въ амбицію и подалъ на В. жалобу мировому. На судѣ, однакожъ, обнаружилось, что курьезный искъ этотъ относится не къ настоящему отвѣтчику, а къ его однофамильцу. Дѣло было поэтому прекращено безъ разсмотрѣнія его по существу.

Другіе заботились объ извлеченіи изъ еврейской благодарности не корыстныхъ выгодъ, а почестей, домогаясь преимущественно благодарственныхъ адресовъ, письменныхъ и печатныхъ. Такъ немедленно по возстановленіи порядка (т. е. по начатіи сѣченія) какой-то господинъ обходилъ такъ называемый Авчинниковъ рядъ, собирая подписи на благодарственный ему адресъ за спасеніе этого ряда магазиновъ отъ угрожающаго ему разграбленія. Когда же купцы отказывались подписать такой адресъ по незнанію о подвигахъ просителя, этотъ великодушный защитникъ угнетенной невинности пришелъ въ ярость и высказалъ убѣжденіе, что жиды народъ неблагодарный, котораго защищать не стоитъ. Впрочемъ такого рода случаи, разумѣется, могли имѣть мѣсто лишь среди лицъ привилегированныхъ сословій, въ массѣ же низшаго класса мартовскія дѣла возбудили главнымъ образомъ страсть къ легкой наживѣ насчетъ жидовъ. Видя какъ евреи какъ бы оффиціально признаны стоящими внѣ покровительства закона и какъ многіе самымъ спокойнымъ и безнаказаннымъ образомъ расхищали еврейское добро,

простолюдинъ естественно приходилъ къ той мысли, что найденъ новый законный способъ пріобрѣтенія имуществъ и этому способу онъ не могъ не отдать предпочтенія по его легкости и общедоступности. Этимъ объясняется слѣдующій фактъ. Въ одномъ еврейскомъ домѣ горничная русская пресерьезно жаловалась послѣ праздниковъ, что всѣ ея подруги запаслись на безпорядкахъ вещами на цѣлый годъ, а ее не отпускали изъ дому во всѣ эти дни и она потеряла столь удобный случай попасть на такой grand rabais.

Не всегда, однакожъ, на евреевъ смотрѣли въ это время какъ на дойную корову. Многіе находили большое удовольствіе въ томъ, чтобъ просто, безъ всякаго расчета, пугать и смущать евреевъ, пользуясь ихъ совершенной беззащитностью. Мѣстныя газеты въ свое время сообщали о многочисленныхъ случаяхъ угрозъ и похвальбы со стороны простолюдиновъ возобновить нападенія на евреевъ. Такъ дѣйствовали не одни простолюдины, чему свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій случай. Еврей Д. когда-то поссорился съ греческимъ купцомъ Х. изъ-за того, что не хотѣлъ вѣрить послѣднему въ долгъ. Во время праздника Д. подвергся полнѣйшему разоренію какъ въ магазинѣ, такъ и на квартирѣ, а нѣсколько времени спустя онъ случайно проходилъ мимо лавки Х. Грекъ самымъ нахальнымъ образомъ его останавливаетъ и ломанымъ языкомъ говоритъ ему: «а что, хорошую вы имѣли Пасху, еще сдѣлаемъ вамъ Пасху»!

Вообще все населеніе приняло, вслѣдствіе праздничныхъ событій, по отношенію къ евреямъ враждебно вызывающее положеніе и старалось выказать имъ свое непріязненное настроеніе при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, по городу распространились слухи, будто богатые евреи сговорились отказать всѣмъ своимъ рабочимъ изъ христіанъ и слухи эти подали поводъ къ враждебнымъ относительно евреевъ демонстраціямъ. Такимъ образомъ къ генералъ-губернатору явились 16 рабочихъ съ жалобой на еврея-подрядчика при желѣзной дорогѣ, что онъ разсчиталъ ихъ вслѣдствіе безпорядковъ. По жалобѣ этой произведено дознаніе и оказалось, что она совершенно неосновательна: что подрядчикъ, хотя и разсчиталъ нѣкоторыхъ рабочихъ, за то принялъ еще боль-

ше другихъ, тоже христіанъ. Тѣмъ не менѣе администраціей сдѣлано было самымъ вліятельнымъ изъ одесскихъ евреевъ внушеніе по этому предмету, которое было совершенно излишне, потому что евреи никогда не рѣшились бы на подобную мѣру, какъ отказъ всѣмъ рабочимъ изъ христіанъ.

Послѣднія замѣчанія приводятъ насъ къ другому деморализующему послѣдствію одесскихъ событій—усиленію вражды и отчужденности между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ. Несомнѣнно, что вражда эта, коренясь въ условіяхъ соціальнаго положенія евреевъ въ южной Россіи, какъ выше было замѣчено, никогда не исчезала и не можетъ исчезнуть до радикальнаго измѣненія этихъ условій. Но не имѣя удобнаго случая выйти наружу, это враждебное настроеніе двухъ классовъ населенія мало по малу ослабѣвало и сглаживалось. А разъ принявъ такую грозную внѣшнюю оболочку, перешедъ такъ рѣшительно изъ области мысли и ощущенія въ дѣйствительный жизненный фактъ, вражда эта должна была сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлалась на время гораздо серьезнѣе и глубже, чѣмъ прежде. Это подтверждается массой фактовъ, изъ которыхъ мы укажемъ только на нѣкоторые еще не замѣченные до сихъ поръ На дачахъ и въ деревняхъ, гдѣ одесситы проводятъ лѣто, ежегодно еврейскія семейства заводили знакомства и даже дружились съ сосѣдями-христіанами. Въ это лѣто замѣчено полнѣйшее отчужденіе дачниковъ-христіанъ отъ сосѣдей-евреевъ, къ которымъ они относятся враждебно и пренебрежительно. Въ первое время послѣ пасхи рѣдкая встрѣча христіанъ съ евреями обходилась безъ различныхъ столкновеній, язвительныхъ насмѣшекъ и взаимныхъ обидъ словомъ или дѣйствіемъ—чаще всего практиковались, разумѣется, колкости и насмѣшки, какъ болѣе безопасная вещь. Перчатка бросалась въ подобныхъ случаяхъ со стороны христіанъ, какъ вышедшихъ побѣдителями изъ праздничной войны; евреи же по большей части совсѣмъ ретировались или старались только отпарировать наносимые удары. Сохранилось много разсказовъ о разнаго рода стычкахъ на словахъ между воинами обоихъ лагерей; мы сообщимъ здѣсь для характеристики настроенія умовъ въ это время два такихъ bons mots d'occasion. Компанія евреевъ

сидитъ въ казино и ведетъ шумный разговоръ о пшеницѣ, вексельномъ курсѣ и тому подобныхъ высокихъ матеріяхъ. Къ ней пристаетъ извѣстный въ Одессѣ жидоѣдъ грекъ П., вынимаетъ номеръ газеты, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о движеніи еврейскаго населенія въ Кіевской губерніи и начинаетъ разсуждать на извѣстную тему объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи отъ размноженія евреевъ. «Но вѣдь если число евреевъ быстро увеличивается, то тѣмъ лучше для васъ, говоритъ одинъ изъ компаніи». А почему такъ? спрашиваетъ г П.—Да потому, что больше будетъ кого грабить, былъ отвѣтъ еврея. Озадаченный П. счелъ за лучшее прекратить пренія объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Другой случай Христіанинъ встрѣчаетъ въ городскомъ саду знакомаго еврея, пьющаго минеральныя воды, и замѣчаетъ ему, что не смотря на разореніе, будто бы, еврейскаго населенія во время праздника никогда еще въ числѣ пьющихъ минеральныя воды не было столько евреевъ, какъ въ этомъ году. «Что-жъ тутъ удивительнаго, возражаетъ еврей. Вѣдь водки евреи не пьютъ, а что нибудь да нужно же имъ пить». По этимъ отрывочнымъ фактамъ не трудно составить себѣ понятіе, въ какомъ натянутомъ, двусмысленномъ видѣ представляются отношенія христіанскаго населенія къ еврейскому въ Одессѣ послѣ мартовскихъ событій. Такъ называемый еврейскій вопросъ составляетъ здѣсь настоящую «злобу дня» въ буквальномъ смыслѣ слова. Значительная доля заслуги въ этомъ отношеніи принадлежитъ мѣстной печати, которая по щучьему велѣнью не скупилась на статьи и брошюры объ эксплуатаціи и другихъ порокахъ еврейскаго населенія, тогда какъ произведенія съ противоположнымъ направленіемъ встрѣчали неопреодолимыя препятствія къ появленію въ свѣтъ. При такомъ одностороннемъ направленіи мѣстной печати, доказывавшемъ какъ будто всеобщее сознаніе вредности евреевъ, а на самомъ дѣлѣ доказывавшемъ только жалкое положеніе провинціальной печати, разжигающія статьи и брошюры производили весьма замѣтное дѣйствіе на умы одесситовъ.

Не надо забывать при этомъ, что впечатлѣніе, произведенное одесскими событіями, не ограничивалось одной Одессой, а распро-

странилось по всей Россіи, въ особенности южной. Газеты сообщали уже объ откликѣ, который нашли мартовскія событія въ Елисаветградѣ, Херсонѣ, Симферополѣ, Землѣ Войска Донскаго и др. пунктахъ. Тоже самое было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по деревнямъ. Мнѣ передавали за вѣрное слѣдующій фактъ. Спустя недѣлю послѣ Пасхи въ селеніи Еремѣевкѣ, Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи, толпа крестьянъ пришла къ становому приставу съ требованіемъ, чтобъ онъ обнародовалъ указъ о разграбленіи евреевъ, каковой указъ имъ уже полученъ и держится въ тайнѣ изъ дружбы къ поссесору еврею въ этомъ селеніи. Приставъ, видя, что толпа значительно наэлектризована, и не располагая никакими средствами къ противодѣйствію возможнымъ съ ея стороны насиліямъ, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ сказалъ крестьянамъ, что указъ дѣйствительно есть и будетъ имъ прочитанъ дня чрезъ два въ церкви при богослуженіи и посовѣтовалъ имъ воздержаться отъ всякихъ насилій противъ евреевъ до обнародованія указа. Затѣмъ онъ послалъ въ ближайшее мѣсто за отрядомъ войска и по прибытіи его разубѣдилъ крестьянъ относительно мнимаго указа. Въ той же мѣстности между крестьянами распространился оригинальный слухъ, будто желѣзная дорога везетъ даромъ всѣхъ желающихъ ѣхать въ Одессу для истребленія жидовъ. Вслѣдствіе этого толпы народа нѣкоторое время являлись къ «машинѣ» съ предложеніемъ своихъ услугъ для новаго крестоваго похода. Въ легкости, съ какой распространялись такіе нелѣпые слухи между крестьянами, сказывается то легковѣріе, соединенное съ слабымъ уваженіемъ къ чужой собственности, которое даетъ возможность безъ всякаго труда поднять сельское населеніе у насъ самыми несообразными толками объ отнятіи въ пользу его земель у помѣщиковъ и арендаторовъ и т. п. Въ низшемъ классѣ горожанъ, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ, усиленіе вражды къ евреямъ проявилось преимущественно въ томъ, что многіе простолюдины не желаютъ больше идти въ услуженіе къ евреямъ. Никто не станетъ утверждать, что причина этого заключается въ большей эксплуатаціи рабочаго труда евреемъ, сравнительно съ хозяиномъ-христіаниномъ. Всѣмъ извѣстно, что положеніе прислуги у евреевъ вообще гораздо лучше, чѣмъ у хри-

стіанъ, благодаря большей мягкости и уступчивости, если хотите трусости евреевъ Нежеланіе служить у евреевъ можетъ быть объяснено поэтому единственно тѣмъ пренебреженіемъ и враждой къ евреямъ, которыя должны были неминуемо усилиться послѣ одесскихъ событій и ихъ извѣстныхъ послѣдствій; чувствительный же недостатокъ и дороговизна рабочихъ рукъ на югѣ даютъ рабочему классу возможность приводить въ исполненіе подобнаго рода прихоти безъ особеннаго ущерба для своихъ интересовъ.

По всему сказанному читатель легко можетъ составить себѣ понятіе о томъ, въ какой степени вѣрно общепринятое мнѣніе, будто одесское побоище, выражаясь языкомъ юридическимъ, имѣетъ признаки преступленія только личнаго, а не имущественнаго. Въ основѣ своей, какъ мы видѣли, движеніе это есть результатъ борьбы промышленныхъ интересовъ, капитала съ капиталомъ, а не капитала съ трудомъ. Затѣмъ, хотя орудіемъ исполненія затѣяннаго дѣла послужили элементы неосмысленной, инстинктивной религіозно-племенной вражды, но въ результатѣ анти-еврейскій походъ привелъ къ тому, что разбудилъ въ массѣ всевозможные хищническіе инстинкты и стремленія вмѣстѣ съ фанатической, дикой враждой ко всему еврейскому. За эту развращающую сторону мартовскихъ «безпорядковъ» будущее поколѣніе не скажетъ спасибо тѣмъ, кому мы обязаны цвѣточками и ягодками великолѣпнаго растенія, выросшаго на нашихъ глазахъ съ такой изумительной быстротой. Но тутъ мы дошли до рубикона, перешагнуть чрезъ который находимъ не совсѣмъ безопаснымъ, и потому спѣшимъ ставить точку, прерывая нить этихъ размышленій на самомъ интересномъ мѣстѣ...

ОТДѢЛЪ II

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

ОБРУСЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ.

I.

Въ ряду задачъ внутренней политики русскаго государства одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ въ наше время дѣло обрусенія иновѣрнаго и иноплеменнаго населенія нашихъ окраинъ. Всѣ сходятся у насъ теперь на томъ, что разрозненность и враждебность различныхъ элементовъ населенія Россіи не могутъ и не должны быть долѣе терпимы, что необходимы серьезныя мѣры къ тому, чтобъ сплотить въ одно гармоническое цѣлое государственное тѣло Россіи и при этомъ дать собственно-русскому элементу то первенствующее мѣсто, которое по всей справедливости и неотразимой логикѣ исторіи ему слѣдуетъ занять. Но на этомъ и оканчивается полное согласіе въ мнѣніяхъ всѣхъ русскихъ людей, къ какой бы партіи они не принадлежали. По отношенію къ непосредственно слѣдующему затѣмъ вопросу — какимъ путемъ можно достигнуть желанной цѣли—національнаго единства населенія Россіи, мнѣнія существенно расходятся между собой. Когда польское возстаніе въ 1863 году пробудило народное самосознаніе русскаго общества отъ долгаго сна, въ которомъ оно покоилось въ періодъ сонливой апатіи крѣпостнаго быта и политическаго застоя, когда притомъ расширеніе свободы общественной самодѣятельности и печатнаго слова дало возможность русскому народу громко высказать свои чувства и мысли—отовсюду послышались голоса, рѣзко осуждавшіе привиллегированное положеніе, въ которое были поставлены у насъ нѣкоторыя мѣстности и народности въ ущербъ интересамъ кореннаго русскаго люда, и требовавшіе энергическихъ мѣръ къ подчиненію всего чужого вліянію русскаго элемента. Но въ есте-

ственномъ и легко объяснимомъ порывѣ увлеченія идеей о народности и раздраженія противъ враждебныхъ и чуждыхъ ей элементовъ, русское общественное мнѣніе не совсѣмъ правильно взглянуло на самыя средства къ осуществленію своей задачи. Оно именно пришло къ убѣжденію, что противъ привиллегій и исключительныхъ мѣръ, поддерживавшихъ прежде антирусскіе интересы, необходимо сражаться также привиллегіями въ пользу элемента русскаго и стѣсненіями иновѣрныхъ и иноплеменныхъ классовъ населенія; что необходимо создать русское чиновничество, русское землевладѣніе и т. п. въ западной окраинѣ (которую мы здѣсь имѣемъ главнымъ образомъ въ виду) и сразу дать русскому языку, какъ важнѣйшему внѣшнему выраженію народнаго духа, главное мѣсто въ администраціи, богослуженіи и обыденной жизни инородцевъ, безъ дальнихъ справокъ о томъ, въ какой мѣрѣ все это можетъ быть примѣнено на дѣлѣ и согласовано съ интересами справедливости и практической пригодностью. Эта система дѣйствій, главнымъ органомъ которой въ нашей печати стали «Московскія Вѣдомости», въ значительной мѣрѣ усвоена была дѣйствительностью и до сихъ поръ имѣетъ за собой много партизановъ. Тѣмъ не менѣе несостоятельность ея съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе ощутительной. Болѣе разсудительная и менѣе пристрастная часть русскаго общества начинаетъ положительно сознавать, что въ гонькѣ за національнымомъ, вошедшей у насъ въ большую моду, есть много фанфаронства и пустого самообольщенія, въ такой-же мѣрѣ заслуживающаго порицанія, какъ прежній національно-политическій индефферентизмъ и игра въ европейничанье. Она поняла наконецъ, что истинное объединеніе разнородныхъ элементовъ русскаго населенія возможно только при системѣ наиболѣе широкой гражданской свободы и равенства правъ и обязанностей. Только свобода и равенство гражданъ, не взирая на различіе происхожденія и вѣроисповѣданія, не имѣющее для государства никакого значенія, создаютъ единство общественныхъ интересовъ, а слѣдовательно политическое единство населенія, причемъ господствующимъ необходимо является тотъ элементъ, который по своей численности и высшему духовному развитію пре-

восходитъ всѣ другіе, а не тотъ, который искуственно поощряется и поддерживается внѣшними мѣрами. Слѣдовательно настоящее, а не кажущееся обрусеніе окраинъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія явится по отношенію къ нимъ провозвѣстникомъ лучшихъ началъ, чѣмъ тѣ, которыя выработаны прежней ихъ жизнью въ періодъ сепаратизма и отчужденности отъ общей русской жизни. Съ этой точки зрѣнія единственными законодательными мѣрами, заслуживающими названія «обрусительныхъ» могутъ считаться тѣ, которыя, не заключая въ себѣ ничего спеціально-русскаго, вносятъ въ жизнь нашихъ окраинъ высшія общечеловѣческія начала, въ послѣднее время пересаженныя на русскую почву. Къ такимъ мѣрамъ относятся: изъ приведенныхъ уже въ исполненіе, сполна или отчасти, уничтоженіе крѣпостнаго права въ селеніяхъ и городахъ и мѣры къ развитію народнаго образованія, а изъ предполагаемыхъ—развитіе сельскаго кредита, введеніе земскихъ учрежденій и гласнаго суда.

Переходя затѣмъ отъ этихъ общихъ соображеній къ примѣненію принципа обрусенія собственно къ евреямъ, нетрудно будетъ замѣтить, что воззрѣнія, господствующія въ настоящее время въ лучшей части нашего общества и печати о характерѣ и направленіи русской политики относительно инородцевъ западной окраины, вполнѣ примѣнимы и къ евреямъ. Сравнивая русскихъ евреевъ настоящаго времени съ тѣмъ, чѣмъ они были какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ назадъ, мы замѣтимъ слѣдующее любопытное явленіе. Евреи въ эти 15 лѣтъ ушли очень далеко на пути гражданственности и вмѣстѣ съ тѣмъ обрусенія. Тогда какъ прежде ни въ средѣ русскаго общества, ни среди самихъ евреевъ, не было и мысли о возможности для евреевъ считаться русскими гражданами, теперь есть уже довольно многочисленный классъ евреевъ, упорно отстаивающихъ честь и право считаться русскими людьми и гражданами Россіи; да и само русское общество все болѣе свыкается съ мыслью, что евреи должны нести всѣ обязанности и пользоваться всѣми правами русскаго гражданства. Но чему мы обязаны такой благопріятной перемѣной: общимъ ли либеральнымъ началамъ, легшимъ въ основаніе коренныхъ реформъ проведенныхъ въ

русскую жизнь настоящимъ царствованіемъ—или руссификаціи западнаго края? На этотъ вопросъ, незапинаясь, можно отвѣтить, что главная заслуга въ дѣлѣ цивилизованія евреевъ и сліянія ихъ съ господствующимъ населеніемъ принадлежитъ тому движенію въ дѣятельности русскаго государства и общества, которое по справедливости должно быть названо не узконаціональнымъ, а общечеловѣческимъ. Еще прежде, чѣмъ польское возстаніе поставило вопросъ объ обрусеніи въ теперешнемъ его видѣ, когда по отношенію къ евреямъ, какъ и другимъ классамъ населенія Россіи, имѣлось въ виду удовлетвореніе ихъ постоянно возрастающихъ умственныхъ и матеріальныхъ потребностей, евреи первые почувствовали себя не только людьми и гражданами, но и русскими людьми и гражданами Россіи. И это неудивительно. Быстро слѣдовавшія одно за другимъ, хотя частныя и палліативныя, но тѣмъ не менѣе весьма важныя и чувствительныя улучшенія въ быту евреевъ убѣдили ихъ въ томъ, что Россія начинаетъ смотрѣть на нихъ не какъ на терпимыхъ инородцевъ, но какъ на гражданъ, и что они могутъ надѣяться на достиженіе той гражданской полноправности, которой они пользуются давно почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Вслѣдствіе этого, или, лучше сказать, именно потому, что тогда очень мало думали о томъ, чтобъ непосредственно привить къ евреямъ русскій духъ, сами евреи начали упорно стремиться къ усвоенію себѣ русской народности, въ чемъ она могла быть ими усвоена. Съ тѣхъ поръ это стремленіе, не смотря на многія препятствія, встрѣчаемыя имъ какъ со стороны существующихъ еще въ силу закона изъятій и ограниченій, такъ и отъ затруднительности исполненія нѣкоторыхъ законовъ по независящимъ отъ евреевъ причинамъ, все усиливается въ поступательномъ своемъ движеніи и дало уже сравнительно весьма крупные результаты.

Но вотъ жизнь выдвинула вопросъ о необходимости реорганизаціи западнаго края и упроченія въ немъ русскаго элемента. Въ практикѣ, какъ и въ теоріи, явилась сильная и многочисленная партія, девизомъ которой служитъ: «обрусеніе quand-même». Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ программа этой пар-

тіи разрабатывается теоретически и примѣняется на дѣлѣ, такъ что характеръ ея дѣятельности явственно обозначился, и мы имѣемъ полную возможность судить о томъ, какіе результаты она принесла и можетъ принести въ будущемъ. И что-же? Много-ли сдѣлано собственно руссификаторами для того, чтобъ превратить евреевъ въ болѣе полезныхъ гражданъ и истинно русскихъ людей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить одинъ простой перечень трудовъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность обрусителей. устраненіе евреевъ отъ землевладѣнія и стремленіе отнять у нихъ и право арендованія имѣній, проэкты виленской коммисіи и проэктъ кіевской коммисіи о регулированіи вотчинныхъ повинностей мѣстечковыхъ евреевъ и приписке ихъ къ мѣстнымъ обществамъ—все это достаточно объясняетъ взглядъ руссификаторовъ на евреевъ и еврейскій вопросъ. При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ упомянутыми явленіями не трудно усмотрѣть, что то обрусеніе евреевъ, которое входитъ въ программу указанной партіи, есть чисто механическое, внѣшнее, не только не согласное, но даже часто противное интересамъ какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго населенія, равно какъ условіямъ мѣстной жизни. Оно поэтому можетъ привести къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ достигнуть. Впрочемъ тотъ жестоко ошибся бы. кто вывелъ изъ сказаннаго заключеніе, будто мы хоть сколько нибудь отстаиваемъ разрозненность и отчужденность различныхъ элементовъ населенія и отрицаемъ необходимость для евреевъ выйти изъ прежняго своего изолированнаго положенія съ цѣлью возможнаго сближенія съ русскимъ народомъ. Мы менѣе кого-бы то ни было склонны отрицать эту необходимость и думаемъ даже, что приведеніе въ исполненіе этой задачи не такъ трудно, какъ обыкновенно полагаютъ. Но мы утверждаемъ, что для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ нибудь особеннымъ мѣрамъ, имѣющимъ въ виду исключительно и непосредственно ризвитіе и укрѣпленіе національнаго элемента, а необходимо поставить евреевъ въ такое положеніе, чтобы они могли сознавать и считать себя свободными гражданами свободной и цивилизованной страны, и тогда процессъ ассимиляціи ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ совершится

самъ собой. Съ этой точки зрѣнія разумнымъ и цѣлесообразнымъ дѣломъ въ дѣятельности обрусителей западной окраины относительно евреевъ мы считаемъ учрежденіе многихъ школъ грамотности и вообще заботы объ элементарномъ образованіи евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ. И это очень понятно, такъ какъ здѣсь программа обрусителей сходится, хотя только отчасти, съ требованіями общечеловѣческаго прогресса. Мы утверждаемъ, что единственно плодотворная политика не только по отношенію къ развитію матеріальнаго и духовнаго процвѣтанія, но и относительно укрѣпленія и усовершенствованія національнаго духа есть та, которая руководится общими началами справедливости, равноправности и общей пользы, а не система ограниченій, изъятій и привиллегій.

Чтобъ убѣдиться въ томъ насколко мысль эта справедлива собственно въ примѣненіи къ русскимъ евреямъ—стоитъ только сравнить евреевъ западной Россіи съ южными и великороссійскими. Когда евреи переселялись изъ западнаго края на югъ Россіи, ни они сами, ни правительство, отчасти поощрявшее это переселеніе въ видахъ пріученія евреевъ къ земледѣлію, не имѣли и мысли о томъ, чтобъ этимъ путемъ достигнуто было обрусеніе евреевъ, а на дѣлѣ это переселеніе гораздо болѣе способствовало сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, чѣмъ всѣ мѣры придуманныя для этой цѣли нашими націоналистами. Хотя юридическое положеніе евреевъ на югѣ Россіи ничѣмъ не отличается отъ положенія ихъ собратьевъ въ западномъ краѣ, но въ силу того только, что они здѣсь не такъ скучены, болѣе разсѣяны среди нееврейскаго населенія, общественный ихъ союзъ расшатанъ и экономическій ихъ бытъ лучше—въ силу этой фактической разницы въ обстановкѣ жизни, здѣшніе евреи не только вообще стали несравненно выше своихъ западно-русскихъ единовѣрцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, но еще болѣе ушли отъ нихъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка, обычаевъ, образа мыслей и вообще русскаго народнаго элемента.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что господствующее у насъ мнѣніе, будто всѣ русскіе евреи составляютъ одну сплошную однообразную массу, очень ошибочно. Между евреемъ сѣверо-западнымъ

съ одной стороны и новороссійскимъ и таврическимъ съ другой— лежитъ цѣлая бездна. Послѣдніе гораздо болѣе имѣютъ права на названіе русскихъ евреевъ, чѣмъ первые. Въ Крыму напримѣръ ни одна изъ иноплеменныхъ народностей, которыми изобилуетъ полуостровъ (татары, армяне, греки, болгары и пр.) не обрусѣла въ такой мѣрѣ какъ евреи (мы говоримъ о пришлыхъ евреяхъ, поселившихся здѣсь при русскомъ господствѣ, а не туземныхъ евреяхъ — крымчакахъ и караимахъ, которые успѣли отатариться задолго до присоединенія Тавриды къ Россіи). Здѣсь можно встрѣтить немало еврейскихъ семействъ, у которыхъ русскій языкъ сдѣлался роднымъ и вытѣснилъ жаргонъ изъ употребленія. Общинная замкнутость и религіозный фанатизмъ тоже здѣсь несравненно слабѣе чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. И случилось все это незамѣтно, само собою, безъ всякихъ усилій со стороны законодательства и самихъ евреевъ, благодаря болѣе благопріятнымъ экономическимъ и соціальнымъ условіямъ еврейскаго быта. Еще замѣтнѣе это самое явленіе у евреевъ, живущихъ внѣ черты постоянной ихъ осѣдлости. Законъ 28-го іюня 1865 года о дозволеніи евреямъ ремесленникамъ проживать по всей имперіи былъ вызванъ, какъ видно изъ соображеній, на которыхъ онъ основанъ, не стремленіемъ обрусить евреевъ, а желаніемъ снабдить восточную полосу имперіи ремесленнымъ трудомъ, въ которомъ она нуждается, а западныя губерніи избавить отъ вредной несоразмѣрности между спросомъ и предложеніемъ ремесленной работы. Слѣдовательно, въ основаніе его легли соображенія не имѣющія ничего общаго съ программой національной политики нашихъ обрусителей; а между тѣмъ кто станетъ сомнѣваться, что законъ 28 іюня гораздо болѣе служитъ интересамъ обрусенія евреевъ, чѣмъ всѣ труды и проэкты виленскихъ и кіевскихъ руссификаторовъ. Между евреями, воспользовавшимися правомъ, дарованнымъ имъ этимъ закономъ, можно найти уже теперь довольно много такихъ, которые вполнѣ усвоили себѣ русскій языкъ, русскій образъ жизни и даже русскій народный характеръ, въ чемъ они такъ-же замѣтно удалились отъ южныхъ своихъ единовѣрцевъ, какъ эти послѣдніе отъ западныхъ.

Сказанное приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что всякія исключительныя мѣры, направленныя непосредственно и единственно къ обрусенію евреевъ не только не могутъ считаться необходимыми, но напротивъ, могутъ принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Дайте евреямъ убѣдиться, что принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію не мѣшаетъ имъ быть въ глазахъ закона и русскаго народа полноправными гражданами Россіи, и они въ очень непродолжительномъ времени сами употребятъ всѣ старанія, чтобы выйти изъ изолированнаго своего положенія и примкнуть къ русскому народу.

Но мы все таки не хотимъ отрицать того, что не мало остается еще сдѣлать для органическаго сплоченія и объединенія еврейства съ общей русской государственной и народной жизнью. Но мы полагаемъ, что дѣятельность этого рода только тогда будетъ благотворна и цѣлесообразна, когда она пойдетъ не въ разрѣзъ съ требованіями началъ справедливости, равенства и народной пользы, выработанныхъ общечеловѣческой цивилизаціею, а въ гармоническомъ согласіи съ ними. Въ этомъ направленіи руссификаціи евреевъ предстоитъ много работы, истинно полезной и разумной.

Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся развить и подтвердить эту общую мысль указаніями на частныя явленія еврейской жизни.

II.

Вдумываясь въ характеръ дѣятельности и разсужденій партіи обрусителей относительно евреевъ, не трудно усмотрѣть, что партіей этой вездѣ и во всемъ касающемся евреевъ руководитъ одно общее начало, присутствіе котораго, часто незамѣтное съ перваго взгляда, даетъ знать о своемъ существованіи при ближайшемъ анализѣ Обрусители именно признаютъ за доказанное и безспорное слѣдующее общее положеніе. Все то, что существуетъ исключительно у евреевъ и для нихъ, или даже только имѣетъ видъ спеціально-еврейскаго учрежденія, ужъ потому самому есть большое зло, противъ котораго государство обязано принимать самыя энергическія репрессивныя мѣры къ скорѣйшему его искорененію. Между тѣмъ, съ этимъ тезисомъ въ безусловномъ его видѣ никакъ

нельзя согласиться. Съ точки зрѣнія современной соціальной науки нѣтъ сомнѣнія, что всякая форма жизни, выработанная исторической жизнью того или другаго племени или класса общества, имѣетъ право на свободное существованіе, поскольку она не нарушаетъ дѣйствительныхъ интересовъ всей страны и всего государства. Семья, религія, частная жизнь, обычаи, нравы и община могутъ и должны свободно развиваться у каждаго элемента населенія сообразно его собственнымъ наклонностямъ и усмотрѣнію, ибо всѣ эти элементы народной жизни только одной своей стороной соприкасаются съ государствомъ и затрогиваютъ его интересы, а потому и вмѣшательство государства въ ихъ сферу дѣятельности должно ограничиваться надзоромъ за ненарушеніемъ общихъ своихъ интересовъ отдѣльными интересами каждой сферы народной жизни.

Правда, соціальный прогрессъ ведетъ къ тому, чтобы сгладить и стереть бытовыя формы мелкихъ національностей и общественныхъ группъ и поглотить ихъ въ крупныхъ народныхъ массахъ, но этотъ процессъ долженъ быть предоставленъ естественному теченію обстоятельствъ, а не искусственной дѣятельности государства, которое въ подобныхъ случаяхъ само по себѣ всегда безсильно.

Примѣняя это положеніе къ евреямъ и ихъ руссификаціи, мы найдемъ слѣдующее. Вслѣдствіе исключительности положенія, въ которое евреи были поставлены въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, у нихъ образовалось множество своеобразныхъ жизненныхъ явленій, сохранившихся большею частью до сихъ поръ. Спрашивается: какъ слѣдуетъ относиться къ этимъ особенностямъ еврейской жизни? Мы думаемъ, что правильный взглядъ на этотъ предметъ возможенъ лишь тогда, когда будемъ имѣть въ виду слѣдующія два начала. Во-первыхъ, всякое жизненное явленіе только въ такомъ случаѣ есть положительное зло, если оно дѣйствительно не согласно съ духомъ времени и нарушаетъ чьи-либо интересы, а не потому лишь, что оно существуетъ исключительно у того или другаго класса общества и, слѣдовательно, нарушаетъ абстрактный принципъ равенства. Во-вторыхъ, даже относительно обветшалыхъ и дурныхъ явленій еврейской жизни никогда не должно упускать изъ

виду аналогію между еврейскимъ и нееврейскимъ бытомъ и вліяніе тѣхъ общихъ причинъ, которыя произвели у евреевъ, какъ и у неевреевъ, отсталыя и вредныя явленія, и съ которыми поэтому слѣдуетъ бороться тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое употребляется въ однородныхъ сферахъ жизни другихъ классовъ общества.

Наши же обрусители, когда дѣло заходитъ о евреяхъ, совершенно забываютъ про эти правила, которыхъ не отрицаютъ въ другихъ случаяхъ Вслѣдствіе этого на повѣрку выходитъ, что соображенія и дѣйствія ихъ относительно евреевъ оказываются несостоятельными и даже противными тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они сами стремятся. Мысль эта станетъ вполнѣ ясной для насъ, если обратимся къ отдѣльнымъ фактамъ.

Бросимъ общій взглядъ на отношенія руссификаціи къ наиболѣе выдающимся сторонамъ еврейскаго быта. Возьмемъ напримѣръ народное образованіе у евреевъ и отношеніе къ нему обрусителей. У евреевъ существуетъ, во-первыхъ, своя система частнаго хедернаго обученія, главное содержаніе котораго составляетъ библія, талмудъ и вообще еврейская богословская литература, и во-вторыхъ, учебныя заведенія спеціально для нихъ и на ихъ средства устроенныя правительствомъ — такъ называемыя казенныя еврейскія и раввинскія училища. Эти еврейскія учебныя заведенія какъ бѣльмо на глазу у руссификаторовъ, и они все сильнѣе и сильнѣе подкапываются подъ ихъ существованіе, исходя изъ того положенія, что все существующее для однихъ евреевъ есть питомникъ розни и сепаратизма, этотъ enfant terrible обрусителей. Но спрашивается: въ какой мѣрѣ этотъ взглядъ, повидимому очень правильный, на самомъ дѣлѣ справедливъ и практиченъ? Раскрываемъ отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ образованіи инородцевъ, и читаемъ слѣдующее. Большая часть инородцевъ (казанскаго учебнаго округа) и особенно дѣти вовсе не знаютъ и даже не понимаютъ русскаго языка, а между тѣмъ учителями въ инородческихъ православныхъ училищахъ были преимущественно лица, вовсе не знавшія мѣстныхъ нарѣчій, и начинали и оканчивали курсъ ученія на русскомъ языкѣ. Инородческихъ дѣтей, не знавшихъ слова по-русски, заса-

живали прямо за букварь и заставляли ихъ заучивать русскія молитвы, не поясняя даже значенія употребленныхъ словъ. Вслѣдствіе того ученики старались пропускать уроки, потомъ оказывались полуидіотами и выносили отвращеніе къ такимъ школамъ. Результатъ былъ тотъ, что русская грамотность весьма мало къ нимъ прививалась. Поэтому министерство признало за основное правило вести преподаваніе въ инородческихъ школахъ казанскаго округа на туземныхъ нарѣчіяхъ. Относительно крымскихъ татаръ особый комитетъ, разсматривавшій вопросъ о мѣрахъ къ распространенію между ними знанія русскаго языка, призналъ необходимымъ устроить особую учительскую школу для образованія учителей-татаръ, знающихъ русскій языкъ, особый приготовительный классъ при симферопольской гимназіи для обученія татарскихъ дѣтей русскому языку, особое отдѣленіе при пансіонѣ симферопольской гимназіи для дѣтей татаръ-дворянъ и наконецъ постепенно ввести преподаваніе русскаго языка въ медрессе (народныя духовныя училища татаръ) [1]. Вникая въ смыслъ указанныхъ дѣйствій и соображеній министерства, мы замѣчаемъ слѣдующее. Министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на то, что оно энергически стремится къ сліянію иноплеменниковъ съ русскимъ народомъ и воспитанію ихъ въ русскомъ духѣ, опытомъ убѣдилось однакожъ, что дѣло это можетъ быть поведено успѣшно лишь исподоволь и съ большой осторожностью. Вслѣдствіе совершеннаго незнакомства инородцевъ съ русскимъ языкомъ и сильнаго ихъ религіознаго фанатизма, образованіе инородцевъ можетъ быть поведено на ладъ только учителями изъ туземцевъ, которые опять-таки могутъ быть подготовлены къ исполненію этой обязанности не въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда инородцы, по указаннымъ причинамъ, поступаютъ очень неохотно, а въ спеціально для нихъ устроенныхъ учительскихъ школахъ. Учителя изъ русскихъ могутъ быть допущены къ воспитанію инородцевъ только въ томъ случаѣ, когда они знакомы близко съ туземными нарѣчіями; въ противномъ случаѣ, какъ до-

[1]) См. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1869 г., 3 оффиціальный отдѣлъ, стр 73, 76.

казалъ опытъ, они будутъ болѣе вредны, чѣмъ полезны дѣлу образованія инородцевъ. Затѣмъ, по соображеніи того, что при господствѣ религіозныхъ и національныхъ предубѣжденій у инородцевъ-магометанъ невозможно разсчитывать на желаніе съ ихъ стороны посѣщать общія учебныя заведенія наравнѣ и вмѣстѣ съ христіанами, признано необходимымъ по возможности отдѣлять дѣтей-инородцевъ въ особые классы и отдѣленія. Наконецъ, по тѣмъ же соображеніямъ, рѣшено оставить въ настоящемъ своемъ видѣ духовныя училища магометанъ, ограничивая вмѣшательство правительства въ кругъ ихъ дѣятельности одной заботой о введеніи въ нихъ преподаванія русскаго языка, да и то лишь постепенно.

И такъ министерство пришло къ тому убѣжденію, что дѣятельность государства въ этомъ случаѣ только тогда можетъ быть плодотворной, когда она не гоняется за идеаломъ, а стремится къ практически осуществимому, и что у насъ еще рано думать о непосредственномъ и быстромъ сліяніи всѣхъ народностей и обрусеніи иноплеменниковъ, а необходимо дѣйствовать постепенно и медленно. Въ примѣненіи къ системѣ народнаго образованія отсюда очевидно слѣдуетъ, что свѣтъ европейскаго образованія въ русскомъ духѣ можетъ быть проведенъ въ темную, фанатическую массу нашихъ инородцевъ лишь въ школахъ ему доступныхъ и на языкѣ ему понятномъ, словомъ лишь въ такой формѣ, которая не слишкомъ рѣзко противорѣчила бы его міросозерцанію и его обычаямъ. Эти взгляды министерства очень раціональны и практичны и нѣтъ сомнѣнія, что примѣненіе ихъ на дѣлѣ дастъ очень благопріятные результаты для обрусенія окраинъ и ихъ иноплеменнаго населенія. Казалось бы поэтому естественнымъ и необходимымъ руководствоваться этими же взглядами и по отношенію къ евреямъ въ западной окраинѣ, такъ какъ условія здѣсь совершенно тѣ же самыя, что у инородцевъ-мусульманъ. Правда, евреи стоятъ несравненно выше казанскихъ татаръ, чувашъ и другихъ инородцевъ восточной полосы Имперіи въ умственномъ и вообще духовномъ развитіи. Вслѣдствіе этого и распространеніе между евреями общечеловѣческаго образованія и сліяніе съ кореннымъ населеніемъ, какъ доказываетъ примѣръ другихъ странъ, можетъ идти гораздо быстрѣе у

евреевъ, чѣмъ у татаръ, поэтому система уступокъ и постепенности въ дѣлѣ народнаго образованія евреевъ въ русскомъ духѣ не должна быть такъ продолжительна и такъ развита, какъ у инородцевъ-магометанъ. Но все же различіе въ положеніяхъ сводится тутъ на степень, на количество, а не на качество, на суть дѣла.

Дѣйствительно, въ отношеніи фанатизма и незнанія русскаго языка евреи не очень далеко ушли отъ татаръ (разумѣется, мы говоримъ о массѣ евреевъ въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ). Почему же въ то время, когда спеціально татарскія училища и учителя изъ татаръ считаются самими обрусителями необходимыми и неизбѣжными орудіями правительства въ просвѣщеніи инородцевъ, еврейскія училища и еврейскіе учителя не только не поощряются, но находятся въ сильномъ загонѣ и самое существованіе ихъ подвержено большому сомнѣнію? Почему для татаръ признано необходимымъ учредить учительскую школу, а уже существующія раввинскія училища, эти разсадники піонеровъ европейскаго образованія между евреями, многіе желали бы закрыть какъ опасные будто бы столбы еврейской изолированности? Обрусители, вѣроятно, не подозрѣваютъ, что въ стремленіи закрыть еврейскія училища и вытѣснить еврейскихъ учителей они совершенно сходятся съ враждебной европейскому образованію фанатической массой евреевъ: масса эта хорошо знаетъ, что для ея мракобѣсія опасны лишь ея же отщепенцы въ еврейскихъ школахъ, а не учителя русскіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые не смогутъ и не захотятъ столько дѣлать для просвѣщенія еврейскихъ дѣтей, какъ учителя евреи, что и было принято къ свѣдѣнію министерствомъ относительно восточныхъ инородцевъ. Почему, наконецъ, когда существованіе татарскихъ медрессъ признается вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ и администрація находитъ возможнымъ требовать отъ нихъ только постепеннаго введенія русскаго языка въ число предметовъ преподаванія, почему въ то же время еврейскіе хедеры и ешиботы подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ, какъ общее народное зло? Вѣдь никто не станетъ утверждать, что коранъ съ его комментаріями современнѣе и лучше талмуда, а татарскій языкъ не такъ далекъ отъ русскаго, какъ еврейскій жар-

гонъ. Правда, относительно хедеровъ и ешиботовъ давно существуетъ въ законѣ требованіе, чтобъ въ нихъ непремѣнно преподавался русскій языкъ, но это важное постановленіе вовсе не соблюдается на практикѣ, а тѣ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, не обращаютъ на него никакого вниманія. Обрусители же, обходя этотъ щекотливый пунктъ молчаніемъ, изливаютъ всю свою желчь на самые хедеры и преподаваемые въ нихъ еврейскіе предметы и желали бы воздвигнуть гоненіе à la Пфеферкорнъ на талмудъ, забывая, что стѣсненіе свободы изученія духовной литературы можетъ только сильно помѣшать усвоенію евреями общечеловѣческаго образованія, а не способствовать ему.

И въ самомъ дѣлѣ, какое разумное основаніе имѣетъ это гоненіе на талмудъ со стороны обрусителей? По какому-то странному стеченію обстоятельствъ та же самая партія, которая выше всего ставитъ вопросъ объ обрусеніи, въ области педагогики, на практикѣ и въ теоріи, избрала своимъ лозунгомъ классическое воспитаніе. А извѣстно, что самые ярые поборники классицизма не могутъ признать за нимъ значенія научной, реальной и непосредственно полезной системы образованія, а признаютъ въ немъ только достоинство хорошаго орудія умственной дисциплины. Но такимъ же хорошимъ, если не лучшимъ орудіемъ для достиженія этой цѣли, какъ показываетъ опытъ, нельзя не признать и еврейскую литературу, изучаемую въ хедерахъ и ешиботахъ. Почему же классицизмъ считается безусловно хорошимъ педагогическимъ элементомъ, а талмудъ безусловно дурнымъ? Какъ ни страннымъ можетъ показаться многимъ это сопоставленіе, но мы настаиваемъ на томъ, что по практической годности и общеобразовательному характеру еврейская литература, въ которой не мало книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, ничуть не уступаетъ античной литературѣ грекоримскаго міра. Если первая и стоитъ ниже послѣдней въ эстетическомъ отношеніи, то превосходитъ ее въ моральномъ содержаніи, что гораздо важнѣе съ воспитательной точки зрѣнія. Поэтому, мы полагаемъ, что люди, ратующіе за необходимость такой системы образованія, которая не даетъ ничего положительнаго, научнаго и практически годнаго, а служитъ лишь орудіемъ умственной гимна-

стики, не имѣютъ права отрицать полезность всякой другой педагогической системы, основанной на этомъ же принципѣ. Скажутъ, можетъ быть, что въ нашихъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ вліяніе классицизма парализуется преподаваніемъ нѣсколькихъ предметовъ болѣе научнаго свойства, благодаря которымъ ученики не остаются съ однимъ гимнастическимъ аппаратомъ, а пріобрѣтаютъ и нѣкоторыя положительныя знанія. Но отсюда слѣдуетъ только то, что рядомъ съ классицизмомъ необходимы и другіе, болѣе реальные предметы преподаванія. А вѣдь этого самаго требуетъ законъ и относительно татарскихъ медрессъ и еврейскихъ училищъ. Почему же обрусители ставятъ какъ условіе sine qua non принятія евреевъ въ среду русскаго народа отреченіе ихъ отъ талмуда, вмѣсто того, чтобъ признать необходимымъ парализировать его вліяніе введеніемъ въ еврейскія училища общеобразовательныхъ предметовъ?

Само собою разумѣется, что мы стремимся не къ тому, чтобъ признать талмудъ дѣйствительно полезнымъ предметомъ общаго образованія. Мы вообще считаемъ вреднымъ и нелѣпымъ дѣломъ заботу о внѣшней, безсодержательной умственной эквилибристикѣ. Но мы требуемъ, чтобъ за талмудомъ были признаны тѣ же права, что и за классической литературой, или, по крайней мѣрѣ, что за кораномъ и его толкованіями. Вообще мы желаемъ, чтобъ по отношенію къ евреямъ руководствовались тѣми же соображеніями и взглядами, которые признаются правильными для другихъ классовъ населенія. Обрусители же, какъ мы отчасти видѣли уже и еще увидимъ въ слѣдующій разъ, сильно грѣшатъ противъ этого требованія, которое навряд ли кто почтетъ несправедливымъ или неумѣстнымъ.

III.

Мы разсмотрѣли въ предыдущей статьѣ отношеніе обрусителей западнаго края къ дѣлу народнаго образованія у евреевъ и убѣдились, что взглядъ ихъ на этотъ предметъ прямо противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, которые признаются самыми обрусителями пра-

вильными въ примѣненіи къ другимъ однороднымъ явленіямъ, а потому взглядъ этотъ оказывается лишеннымъ всякаго основанія какъ только отбросимъ жизненный нервъ его—убѣжденіе въ томъ, что все спеціально еврейское по этому самому есть великое зло, которое необходимо вырвать съ корнемъ. Къ такому же точно результату приведетъ насъ разборъ всѣхъ другихъ сторонъ еврейскаго быта, возбудившихъ противъ себя ожесточенные нападки руссификаторовъ. Таковъ напримѣръ вопросъ о еврейскихъ ассоціаціяхъ всякаго рода, или «еврейскихъ братствъ» какъ окрестила ихъ руссификація, вопросъ, который съ легкой руки блаженной памяти виленской коммисіи для улучшенія быта евреевъ и ея геніальнаго члена—хамелеона г. Брафмана надѣлалъ столько шуму въ рядахъ обрусителей. Г. Брафманъ повѣдалъ міру сдѣланное имъ великое открытіе, что у евреевъ существуютъ многочисленныя и разнообразныя «братства», имѣющія своей задачей удовлетворять различнымъ потребностямъ частной и общественной жизни евреевъ, преимущественно относительно благотворительности и религіозной жизни, что въ этихъ-то братствахъ кроется весь ядъ іудейства и что до тѣхъ поръ, пока они полицейскими мѣрами не будутъ стерты съ лица земли—невозможно расчитывать на исцѣленіе западной Россіи отъ еврейской язвы. Обрусители ногами и руками ухватились за эту геніальную мысль прозрѣвшаго іудея и прогремѣли о немъ какъ о великомъ патріотѣ и публицистѣ. А между тѣмъ если разсѣять туманъ, навѣваемый трескучими фразами о «фанатизмѣ, сепаратизмѣ, сліяніи, обрусѣніи» и т. п., то сейчасъ замѣтимъ, что во всѣхъ филиппикахъ противъ еврейскихъ братствъ нѣтъ ни капли здраваго смысла и справедливости. Спору нѣтъ, фактъ необыкновеннаго развитія общинно-корпоративнаго духа въ еврейской сферѣ есть явленіе замѣчательное, которое никакъ нельзя упустить изъ виду при обсужденіи еврейскаго вопроса, но попытался ли хоть одинъ изъ ревнителей обрусенія взглянуть на это дѣло безпристрастно и разумно, т. е. съ точки зрѣнія тѣхъ безспорныхъ истинъ общественной науки, которыя всѣми (въ томъ числѣ и нашими обрусителями) признаются таковыми вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ только не о евреяхъ?

Не нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобъ замѣтить, что начало свободной ассоціаціи для удовлетворенія нуждамъ общественной и частной жизни всѣхъ слоевъ населенія есть одно изъ преобладающихъ въ современной жизни русскаго народа. Ежедневно мы встрѣчаемъ изъ всѣхъ уголковъ Россіи извѣстія о вновь образующихся обществахъ, компаніяхъ, братствахъ и товариществахъ всякаго рода. Государство, въ лицѣ своихъ органовъ—законодательства и администраціи, не только не враждебно въ принципѣ самодѣятельности народа въ видѣ ассоціацій, но всячески поощряетъ и отчасти даже само вызываетъ къ жизни свободныя ассоціаціи, какъ въ сферѣ экономической и вообще матеріальной, такъ и въ нравственно-религіозной и благотворительной (таковы церковно-приходскія попечительства, православныя братства въ западномъ краѣ, тюремныя попечительства и т. п.). Всѣ мыслящіе люди, къ какой бы партіи они не принадлежали по отношенію къ другимъ вопросамъ, согласны въ томъ, что въ этомъ развитіи и размноженіи свободныхъ ассоціацій лежитъ залогъ матеріальнаго и моральнаго преуспѣянія Россіи, и потому всѣ встрѣчаютъ у насъ извѣстія о каждомъ вновь образующемся товариществѣ съ чувствомъ искренней радости и надежды на лучшее будущее. Единственная темная черта въ этой свѣтлой картинѣ происходитъ отъ недостатка энергіи и умѣнья для хорошаго веденія дѣлъ ассоціацій, т. е. отъ недостатка въ людяхъ, достаточно проникнутыхъ общинно-корпоративнымъ духомъ и обладающихъ такимъ запасомъ энергіи и самоотверженія, какой необходимъ для успѣшной дѣятельности всякаго корпоративнаго учрежденія. Еслибъ обрусители могли и хотѣли отнестись къ евреямъ и еврейскому вопросу безпристрастно, то имѣя въ виду сказанныя соображенія, разсудили-бы такъ: у евреевъ съ давнихъ поръ существуетъ изумительное множество разнаго рода братствъ и корпорацій, вообще довольно хорошо исполняющихъ свои обязанности. Благодаря этимъ ассоціаціямъ, въ которыхъ состоятъ участниками всѣ почти члены каждой еврейской общины, евреи въ высокой степени усвоили себѣ практическую сноровку и энергію въ коллективной дѣятельности. Правда, до настоящаго времени еврейскій духъ общественности проявлялся исключительно въ

замкнутой еврейской средѣ; но кто же въ этомъ виноватъ, какъ не законодательство и общество христіанскихъ государствъ, ревниво охранявшія свою среду отъ вторженія еврейскаго элемента и этимъ вынудившія евреевъ сплотиться въ отдѣльное самостоятельное цѣлое, которому они и посвятили всю свою жизнь, всѣ свои силы и труды. Разрушивъ же преграду, отдѣлявшую до сихъ поръ еврейскій міръ отъ нееврейскаго, дадимъ евреямъ возможность приложить свои знанія, опытность и энергію въ коллективной дѣятельности ко всѣмъ сферамъ общей гражданской и государственной жизни страны, вмѣсто того, чтобъ искусственно, ограничительными тенденціями, существующими какъ въ самомъ законѣ, такъ еще болѣе въ сознаніи его исполнителей и всего народа, отталкивать евреевъ отъ общей народной жизни и заставить ихъ направить всѣ свои помыслы, желанія и труды на отведенный имъ маленькій отдѣльный мірокъ.

Отъ этого само собой, безъ всякихъ респрессивныхъ и стѣснительныхъ мѣръ противъ еврейскихъ ассоціацій, корпоративному духу еврейской массы данъ будетъ болѣе правильный ходъ, болѣе согласное съ интересами страны и положеніемъ въ ней евреевъ направленіе Отъ такой системы дѣйствія выиграютъ, во первыхъ, сами евреи и ихъ ассоціаціи, имѣющія очень много хорошихъ сторонъ, какъ всякая вообще ассоціація. Удовлетворяя по возможности нуждамъ еврейскихъ общинъ, ассоціаціи эти, по скольку они не наносятъ дѣйствительнаго вреда интересамъ остальнаго населенія, имѣютъ неотъемлемое право на существованіе; а доказано ли публицистами обрусенія, что еврейскія братства вообще наносятъ дѣйствительный ущербъ другимъ классамъ населенія? Во вторыхъ, выиграла бы вся Россія, столь нуждающаяся теперь въ опытныхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ для безчисленнаго множества всевозможныхъ ассоціацій, принятіемъ въ свою среду массы интеллигентнаго населенія, долговременнымъ опытомъ пріобрѣвшаго недюжинныя способности и значительную долю самоотверженія и общественнаго духа и потому могущаго своимъ участіемъ немало способствовать успѣху коллективной дѣятельности русскаго народа.

Но обрусители разсудили иначе. Они нашли болѣе разумнымъ

придти въ ужасъ отъ того, что открыли у евреевъ чрезвычайное развитіе корпоративнаго духа, который они сами признаютъ въ высшей степени благодѣтельнымъ вездѣ... «кромѣ евреевъ». Они усмотрѣли въ каждомъ братствѣ каждой еврейской ничтожной общины признаки государственнаго, національнаго и всякаго другаго «сепаратизма». Какъ будто всякая ассоціація. гдѣ-бы она не устроилась и съ какой бы то ни было цѣлью, не есть нѣчто сепаративное, болѣе или менѣе тѣсно связывающее членовъ ассоціаціи въ предѣлахъ своей сферы и тѣмъ самымъ отчуждающее ихъ отъ остального міра! И однакожъ опытъ убѣдилъ всѣхъ, даже у насъ, что государство тѣмъ болѣе процвѣтаетъ матеріально и духовно и даже тѣмъ крѣпче связано дѣйствительнымъ національнымъ единствомъ, чѣмъ ближе оно приближается къ тому состоянію, при которомъ страна составляетъ огромную массу самостоятельныхъ и независимыхъ, въ извѣстной мѣрѣ, ассоціацій (какъ это мы видимъ теперь въ Англіи и американскихъ штатахъ). Почему же принципъ свободной ассоціаціи, повсюду плодотворный, у однихъ евреевъ приводитъ лишь къ пагубному сепаратизму, не принося никакой пользы? Можетъ быть оттого, что евреи упорнѣе другихъ держатся своей замкнутости, и потому только при истребленіи еврейскихъ ассоціацій огнемъ и мечемъ они дадутъ мѣсто болѣе совершеннымъ формамъ общественности? Но вѣдь опытъ доказываетъ, что евреи, напротивъ, съ изумительной быстротой стряхиваютъ старомодныя формы еврейскаго быта и усвоиваютъ себѣ общія національныя формы, по крайней мѣрѣ въ гражданскомъ отношеніи (религіозная сторона дѣла не имѣетъ значенія для государства). Такимъ образомъ поставленный нами вопросъ о логическомъ основаніи для понятія о пагубности еврейской ассоціаціи остается неразрѣшимымъ. Да и само понятіе, какъ намъ кажется, образовалось только потому, что провозгласившіе его не задали себѣ вовсе упомянутаго вопроса; иначе они сами отступились-бы отъ своихъ выводовъ. Даже и тамъ, гдѣ руссификаторы повидимому стоятъ на фактической почвѣ въ своихъ гоненіяхъ на еврейскія братства, резоны ихъ при внимательномъ разсмотрѣніи оказываются весьма нерезонными. Такова напримѣръ буря, поднятая въ лагерѣ обрусителей

изъ-за погребальныхъ братствъ у евреевъ. Указываютъ на злоупотребленія, часто совершаемыя этими братствами, и выводятъ то заключеніе, что всѣ еврейскія ассоціаціи составляютъ величайшее зло, какъ для самихъ евреевъ, такъ и для остальнаго населенія и что необходимо убить ихъ на повалъ, прежде чѣмъ думать о возможности сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Но, удивительная вещь! Какъ «господа ташкентцы», разсуждая такимъ образомъ, не замѣчаютъ, что оружіе ихъ обоюдоострое. Въ самомъ дѣлѣ кому неизвѣстно, какія ужасныя злоупотребленія происходятъ у насъ въ дѣятельности всякаго рода обществъ, корпорацій и компаній? Даже въ акціонерныхъ и вообще промышленныхъ компаніяхъ, гдѣ участниками бываютъ люди болѣе или менѣе развитые, злоупотребленія, эксплуатація и обманы разнаго рода составляютъ явленіе самое обыкновенное. И однакожъ, развѣ хоть одинъ здравомыслящій человѣкъ выводилъ изъ этого заключеніе, что самый принципъ промышленной ассоціаціи несостоятеленъ, или, что мы для нея не созрѣли? Единственные выводы, которые дѣлаются изъ такого рода фактовъ, и которые мы допускаемъ и относительно еврейскихъ ассоціацій, заключается въ томъ, во первыхъ, что при низкомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ массы злоупотребленіе и преобладаніе сильнаго надъ слабымъ во всѣхъ сферахъ жизни неизбѣжно, но что средствомъ противъ этого зла служитъ не стѣсненіе, а расширеніе свободы коллективной дѣятельности; и во вторыхъ, что способъ организаціи и характеръ дѣятельности ассоціацій не могутъ оставаться неподвижными, а должны видоизмѣняться и усовершенствоваться въ видахъ устраненія ихъ недостатковъ и злоупотребленій. Заключать-же изъ темныхъ сторонъ какого нибудь учрежденія о совершенной его несостоятельности, значитъ обнаружить незнакомство съ азбукой общественной науки. Что было-бы напримѣръ, еслибъ мы, подражая «Виленскому Вѣстнику», утверждающему, что «злоупотребленія еврейскихъ братствъ составляютъ явленіе не случайное, а вытекающее изъ духа еврейства и согласное съ его идеей», — вздумали-бы развивать ту мысль, что злоупотребленія въ русскихъ ассоціаціяхъ составляютъ явленіе не случайное, а вытекающее изъ духа русскаго народа? Вспомнимъ,

какой крикъ негодованія поднимался въ нашей печати каждый разъ, когда иностранные публицисты и нѣкоторые изъ нашихъ западниковъ высказывали подобную мысль по поводу темныхъ сторонъ русской исторіи и современнаго русскаго быта. И негодованіе это совершенно справедливое, ибо только закоренѣлое предъубѣжденіе можетъ разсуждать такимъ образомъ, взводя частные случаи въ общій законъ и временные недостатки въ органическіе пороки. Но почему тѣ-же самые пріемы, которые мы такъ порицаемъ въ сужденіяхъ иностранныхъ публицистовъ о Россіи, кажутся намъ правильными въ примѣненіи къ евреямъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: потому-что какъ иностранцы въ толкахъ о Россіи, такъ обрусители о евреяхъ руководятся всѣмъ, чѣмъ хотите, только не здравымъ смысломъ и логикой фактовъ.

Да и какъ это обрусители не досмотрѣли, что именно множество злоупотребленій въ еврейскихъ братствахъ доказываетъ, что евреи вовсе не такъ изолированы отъ окружающаго міра, а напротивъ переняли отъ него многое? Вотъ другое дѣло, еслибъ эти братства были совершенно безупречны, «не въ примѣръ прочимъ,» тогда дѣйствительно нельзя было бы достаточно надивиться своеобразности еврейскаго быта и съ полнымъ правомъ можно было-бы доказать, что евреи составляютъ status in statu.

Но можетъ быть спеціально еврейскія учрежденія и братства существуютъ только у насъ и несовмѣстны съ условіями цивилизованной жизни въ свободной странѣ? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ мы попросили бы обрусителей заглянуть въ любую европейскую страну, особенно въ Англію и сѣверную Америку. Здѣсь они увидѣли бы такое множество спеціально еврейскихъ учрежденій и ассоціацій, какъ напр. еврейскія школы, больницы, дома глухонѣмыхъ, инвалидовъ, даже еврейскіе литературные клубы и клубы любителей драматическаго искуства (Jewish Amateur Dramatic Club), чтенія для евреевъ рабочихъ и мн. др., что они навѣрное пришли-бы въ ужасъ отъ такого сепаратизма и поспѣшили-бы провозгласить, что тамошніе евреи составляютъ status in statu и не заслуживаютъ названія гражданъ. А между тѣмъ тамъ никто не пугается еврейскихъ ассоціацій, никто не думаетъ мѣшать имъ, а

евреи все-таки пользуются полными правами гражданства—и именно благодаря предоставленной имъ полной свободѣ остаться въ старинной изолированности или соединиться на равныхъ, замѣтьте, правахъ съ остальнымъ населеніемъ, евреи выбрали послѣднее, сдѣлались въ Англіи настоящими британцами, въ Америкѣ чистокровными янки, которыхъ ничѣмъ не отличишь отъ англосаксовъ pur sang. Евреи удержали свои особенныя учрежденія исключительно въ сферѣ религіозно-общинной и тѣсно связанной съ ней благотворительной (такимъ характеромъ отличаются даже послѣднія двѣ изъ указанныхъ выше еврейскихъ ассоціацій).

Существованіемъ этихъ ассоціацій никто не возмущается, ибо всѣ цивилизованныя страны давно пришли къ убѣжденію, что сфера религіозно-благотворительная всего менѣе подлежитъ регламентаціи государства и должна быть предоставлена автономіи каждой религіозной общины. Еще недавно напр. мы встрѣтили въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе, что въ Нью-Іоркѣ образовалось еврейское погребальное братство (Hebrew free Burial Society) и не откуда не раздалось вопля о еврейскомъ сепаратизмѣ и стремленіи къ основанію еврейскаго царства. Ибо тамъ никто уже не сомнѣвается, что свободное развитіе коллективной дѣятельности всѣхъ слоевъ населенія только усиливаетъ національное и государственное его единство, а наоборотъ стѣсненіе свободы ассоціаціи, ведущее къ преобладанію мертвящаго бюрократизма, порождаетъ пагубный для страны духъ индивидуализма, политическаго индифферентизма и холоднаго космополитизма. Истина эта вошла уже въ сознаніе всѣхъ мыслящихъ людей и обрусителямъ не мѣшало бы принять ее къ свѣдѣнію. При этомъ не слѣдуетъ забывать и того весьма важнаго обстоятельства, что и у насъ еврейскія ассоціаціи обнимаютъ исключительно религіозно-педагогическую и общественно благотворительную сферу, т. е. ту область народной жизни, до которой государству въ сущности мало дѣла. Слѣдовательно придавать еврейскимъ братствамъ политическое значеніе, какъ это дѣлаютъ «дѣятели» и «сѣятели» обрусенія, можетъ только или явная недобросовѣстность, замѣтная на каждомъ шагу въ трудахъ

г. Брафмана, или слѣпое предубѣжденіе противъ всего еврейскаго, руководящее нѣкоторыми изъ обрусителей.

Въ такой-же мѣрѣ неосновательны и непослѣдовательны отношенія обрусителей къ еврейскому общественному самоуправленію или кагалу. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

IV.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли главнѣйшія изъ тѣхъ жизненныхъ явленій еврейскаго общественнаго быта, которыя современные намъ публицисты обрусенія считаютъ препятствіями къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Результатомъ нашего разбора оказалось то, что всѣ эти изолирующія будто бы евреевъ учрежденія въ сущности или вещи весьма невинныя, основанныя на началахъ, признаваемыхъ полезными и разумными самими обрусителями вездѣ, гдѣ дѣло идетъ только не о евреяхъ (таковы напр. еврейскія братства и училища), или, если и заслуживаютъ порицанія, то составляютъ не особенность еврейскаго быта, а примѣненіе къ нему общихъ началъ прежней государственной и общественной жизни русскаго народа (таковъ кагалъ со всѣми его безотрадными аттрибутами). Такимъ образомъ мы до сихъ поръ занимались исключительно отрицательной стороной дѣла, т. е. развитіемъ той мысли, что извѣстныя явленія еврейской жизни, вопреки общепринятому мнѣнію, не могутъ считаться первоначальными причинами малоуспѣшности мѣръ къ привитію евреямъ русскаго духа и русской гражданственности. Но уже при этомъ отрицательномъ анализѣ мы естественно должны бы затронуть другую, болѣе важную сторону дѣла, именно точнѣйшее изученіе настоящихъ причинъ недостаточнаго усвоенія евреями русскаго національнаго духа и русскихъ формъ жизни. Такъ мы указали вскользь, какое громадное значеніе въ дѣлѣ обрусенія евреевъ имѣли законы о расширеніи правъ осѣдлости евреевъ (екатерининскій законъ о дозволеніи евреямъ жить на югѣ Россіи и законы послѣднихъ лѣтъ о дозволеніи нѣкоторымъ разрядамъ лицъ изъ евреевъ проживать по всей имперіи), давъ имъ возможность стать въ болѣе прямыя и свободныя отношенія къ русскому народному элементу и освобо-

диться отъ вѣковой замкнутости, мы указали на то, какъ на коренной русской почвѣ у евреевъ само собой зараждается стремленіе преобразовать и свое общественное управленіе, и устройство синагогальной части, и систему народнаго образованія, построивъ ихъ на болѣе современныхъ началахъ и въ русскомъ духѣ. При разсмотрѣніи вопроса о кагалѣ, мы коснулись истинной причины ненормальной живучести такихъ устарѣлыхъ и отжившихъ явленій, какъ отдѣльность и самостоятельность религіозныхъ общинъ въ гражданскомъ отношеніи, причины, заключающейся въ стремленіи нашего стариннаго законодательства съ одной стороны обезпечить фискальные интересы, равно какъ общественное благоустройство и благочиніе, подчиненіемъ личности общинѣ, а съ другой—ставить гражданскіе интересы общинъ въ зависимость отъ вѣроисповѣданія, которому нашимъ законодательствомъ вообще придается громадное значеніе и внѣ религіозной сферы. Этимъ мы проложили себѣ путь къ уразумѣнію положительной стороны вопроса объ обрусеніи евреевъ, т. е. уясненію коренныхъ причинъ изолированности евреевъ, а слѣдовательно и пониманію того, что слѣдуетъ дѣлать для устраненія препятствій къ обрусенію евреевъ. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія, на первомъ планѣ должны стоять здѣсь всѣ ограниченія гражданскихъ правъ евреевъ, основанныя исключительно на принадлежности ихъ къ извѣстному вѣроисповѣданію. Очевидно, что чѣмъ чаще исповѣданіе становится еврею въ гражданскомъ его быту поперегъ дороги, чѣмъ чаще въ различныхъ чисто-матеріальныхъ дѣлахъ происхожденіе и религія сурово его преслѣдуютъ и неумолчно напоминаютъ ему о своемъ существованіи, тѣмъ труднѣе ожидать, чтобы онъ забылъ о нихъ или по крайней мѣрѣ пересталъ видѣть связь между ними и чисто-гражданскими своими отношеніями. Мысль эта такъ ясна, что распространяться о ней значило бы толочь воду. Вотъ почему мы переходимъ къ другой сторонѣ этого предмета, менѣе извѣстной, но заслуживающей полнаго нашего вниманія по практической своей важности. Дѣло въ томъ, что обыкновенно полагаютъ, будто изолированность русскаго еврейства проявляется въ законодательствѣ только въ ограничительныхъ мѣрахъ относительно евреевъ, въ стѣсненіи ихъ гражданскихъ

правъ. На самомъ же дѣлѣ этими ограниченіями далеко не исчерпывается область отчуждающихъ евреевъ отъ остального населенія бытовыхъ условій. Есть въ нашемъ общественномъ строѣ масса учрежденій и правовыхъ нормъ, которыхъ никакъ нельзя отнести къ числу исключительныхъ законовъ о евреяхъ, а скорѣе слѣдуетъ считать проявленіемъ общихъ началъ русскаго государственнаго быта; многія изъ этихъ учрежденій и опредѣленій закона, какъ мы увидимъ ниже, не только не стѣснительны для евреевъ, но даже ставитъ ихъ въ привиллегированное положеніе сравнительно съ другими классами общества, тѣмъ не менѣе эти законы оказываютъ весьма чувствительныя затрудненія дѣлу сліянія евреевъ съ русскимъ народомъ. Возьмемъ напримѣръ нашу систему веденія актовъ состоянія (метрическихъ книгъ) и практическіе ея результаты по отношенію къ евреямъ.

Извѣстно, какъ часто раздаются у насъ жалобы на то, что евреи уклоняются отъ записки въ ревизію и метрическія книги, что значительная часть еврейскаго населенія у насъ избѣгаетъ такимъ путемъ бремени государственныхъ налоговъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что жалобы эти имѣютъ положительное основаніе Такъ изъ протокола общаго собранія витебскаго статистическаго комитета отъ 16 декабря 1859 г. [1]) узнаемъ слѣдующее «о неправильномъ веденіи раввинами метрическихъ книгъ и о крайней неудовлетворительности свѣдѣній о движеніи еврейскаго населенія». Изъ свѣдѣній, доставляемыхъ раввинами, на основаніи метрическихъ книгъ, полицейскимъ управленіямъ, оказывается напримѣръ, что число рожденій у евреевъ гораздо меньше, чѣмъ у другихъ классовъ населенія, далеко не столь плодовитыхъ, какъ евреи, что число рождающихся дѣвочекъ у евреевъ несравненно больше, чѣмъ мальчиковъ. Относительно смертности книги раввиновъ даютъ такого рода свѣдѣнія. Въ полоцкомъ уѣздѣ въ 1866 г. на 1801 еврея умершихъ—1, въ 1867 г. на 1984 евревъ—умершихъ два, тогда какъ, по общему статистическому закону, въ первомъ случаѣ должно было быть умершихъ по крайней мѣрѣ 54, а во-второмъ—60. По

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1870 г. № 11.

данным этим можно полагать, что еврейское населеніе витебской губерніи не только не увеличивается нарожденіемъ, но еще уменьшается вслѣдствіе преобладанія смертности надъ рожденіемъ, что однако противорѣчитъ опыту. Причины такого неудовлетворительнаго состоянія метрическихъ книгъ, какъ видно изъ разсужденій комитета, заключаются въ томъ, что исчисленіе населенія, будучи дѣломъ государственнымъ и экономически соціальнымъ, поставлено у насъ въ зависимость и связь съ религіозными обрядами, сопровождающими важнѣйшіе для статистики моменты въ жизни человѣка — рожденіе, бракъ, смерть, и потому поручено духовенству, которое вовсе не компетентно въ этомъ дѣлѣ и ведетъ его очень плохо. У евреевъ напримѣръ обряды обрѣзанія, нареченія имени, бракосочетанія и похоронъ могутъ быть совершаемы каждымъ обладающимъ необходимыми для этого познаніями, хотя бы безъ всякаго участія раввина. Очень понятно, что бѣдная еврейская масса предпочитаетъ совершать религіозные обряды безъ контроля и участія раввиновъ, такъ какъ это выходитъ выгоднѣе и свободнѣе. Раввины же, имѣя не мало другихъ обязанностей, и поставленные самимъ закономъ въ такое положеніе, что не имѣютъ возможности преслѣдовать тѣхъ изъ членовъ своихъ общинъ, которые уклоняются отъ исполненія стѣснительныхъ для нихъ формальностей, ведутъ это дѣло очень небрежно; а какъ только упускается моментъ религіознаго обряда, который считается законодательствомъ единственно удобнымъ для контролированія движенія населенія, теряется для государства всякая возможность держать въ своихъ рукахъ эту столь важную для него сторону народнаго быта. Между тѣмъ, понятно, что не можетъ быть и рѣчи объ обрусеніи огромной массы еврейскаго населенія, незапесенной въ число гражданъ и стоящей поэтому внѣ всякаго покровительства и контроля закона, такимъ образомъ, наша система веденія актовъ состоянія представляетъ тяжелую преграду для включенія всѣхъ евреевъ въ семью русской народности. На зловѣщій же вопросъ «кто виноватъ» въ этомъ злѣ?—руссификаторы, по обыкновенію, отвѣчаютъ: евреи, имѣющіе особую склонность къ нарушенію законовъ и такую же склонность избѣгать свѣта и прятаться во тьмѣ. Но объясненіе это такъ же

неосновательно здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ. Евреи очень хорошо сознаютъ неудобство быть «прописной душой», и если многіе изъ нихъ пребываютъ въ этомъ состояніи, то изъ нежеланія отправлять подати и повинности, которыя дѣйствительно имъ не по силамъ и обязательность которыхъ они очень смутно сознаютъ, что не удивительно при неравенствѣ предоставленныхъ имъ закономъ правъ и обязанностей. Корень же зла лежитъ въ самой системѣ веденія метрическихъ книгъ духовенствомъ. Какъ извѣстно, въ средневѣковый періодъ, дѣло это вездѣ было поручаемо духовенству, во вниманіе къ той роли, которую играетъ религія въ главные моменты человѣческой жизни Но затѣмъ, по мѣрѣ роста и развитія соціальной мысли, во всѣхъ почти цивилизованныхъ странахъ пришли къ тому убѣжденію, что начало раздѣленія труда съ одной стороны и правильнаго распредѣленія церковной и гражданской сферы съ другой—требуютъ отдачи надзора за движеніемъ населенія въ особыя руки гражданскаго учрежденія. Этимъ выигрывается лучшее устройство статистической части и устраненіе одной изъ причинъ гражданской розни по вѣроисповѣднымъ основаніямъ. Введеніемъ этой системы (въ родѣ англійскаго registrar office) и у насъ, безъ гоненій на еврейскія общества и «прописныя души» и безъ многочисленныхъ штрафовъ за несоблюденіе правилъ о запискѣ въ метрическія книги, были бы достигнуты тѣ же цѣли. Что особенно важно для насъ теперь — уменьшилось бы на значительную цифру количество случаевъ, гдѣ еврей наталкивается на свою изолированность въ спеціально для него назначенныхъ учрежденіяхъ, и наоборотъ, увеличится число общественныхъ учрежденій, гдѣ еврей увидитъ себя поставленнымъ наравнѣ съ другими гражданами и подчиненнымъ общимъ съ ними порядкамъ. Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Въ коммисіи по пересмотру предположеній о городскомъ общественномъ устройствѣ, при разборѣ вопроса объ участіи евреевъ въ общественномъ управленіи, одинъ изъ экспертовъ, разсуждая совершенно à la «Голосъ» и съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ онъ, говоритъ между прочимъ вотъ что. «Сколько нибудь общей потребности въ усвоеніи себѣ русскаго языка и русской гражданственности у евреевъ

въ Россіи еще почти незамѣтно (такъ!). Еще доселѣ евреи отдѣльно избираютъ членовъ городскаго управленія, имѣютъ отдѣльныя метрики, отдѣльно собираютъ подати и отбываютъ повинности, отдѣльно завѣдуютъ своими имуществами и пр.» Евреямъ, какъ видите, ставится въ вину то, что существуетъ для нихъ въ силу закона.

Въ слѣдующій разъ перейдемъ къ другимъ явленіямъ, играющимъ важную роль въ судьбѣ вопроса объ обрусеніи евреевъ.

V.

Когда говорятъ объ исключительныхъ законахъ, мѣшающихъ прочному объединенію евреевъ съ русскимъ населеніемъ, то обыкновенно имѣютъ въ виду сферу дѣйствія законовъ личныхъ, сословно-государственныхъ, такъ называемыхъ у насъ законовъ о состояніяхъ, опредѣляющихъ объемъ правъ и обязанностей, присвоенныхъ въ государствѣ каждой отдѣльной національной, общественной единицѣ. Это очень естественно объясняется тѣмъ, что здѣсь, въ этой области, по самому характеру обнимаемыхъ ею правоотношеній, всего ярче выступаетъ наружу основной характеръ даннаго законодательства, и въ особенности его отношеніе къ началу равенства всѣхъ классовъ гражданъ предъ лицемъ государства. Но только поверхностное знакомство съ системой нашего законодательства можетъ привести къ убѣжденію, будто одной сферой государственнаго права исчерпывается у насъ господство принципа общественнаго неравенства вообще, и въ частности въ примѣненіи къ евреямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣйствующимъ правомъ не трудно усмотрѣть, что дѣло нивеллировки населенія и внутренняго его объединенія подъ главенствомъ русскаго національнаго элемента встрѣчаетъ существенныя затрудненія рѣшительно отовсюду и съ тѣхъ сторонъ, откуда ихъ невозможно было ожидать. Мы хотимъ указать здѣсь на наше уголовное право и его значеніе для вопроса объ обрусеніи евреевъ.

Область дѣйствій законовъ уголовныхъ есть та, въ которой, раньше чѣмъ во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни, про-

бивается принципъ равенства гражданъ предъ закономъ, безъ различія пола, возраста, происхожденія и сословія. Это объясняется, конечно, преимущественной важностью этого отдѣла права для благосостоянія и даже для существованія государства. Теорія и практика общественнаго строя очень рано приходятъ къ убѣжденію, что преступленіе грозитъ кореннымъ основамъ общежитія, и потому всякія привиллегіи въ примѣненіи государственною властью наказанія не могутъ и не должны быть допускаемы въ интересахъ общества. Здѣсь, прежде чѣмъ гдѣ либо, получаетъ практическое осуществленіе начало—salus publica suprema lex esto и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необходимый его постулатъ—принципъ равенства предъ закономъ. Этотъ общій историческій законъ оправдывается и на примѣрѣ Россіи. Ни одинъ отдѣлъ нашего законодательства не отличается такой цѣльностью, послѣдовательностью, внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, какъ Улож. о наказаніяхъ. Безконечно-дробныя постановленія о безчисленныхъ мелкихъ національныхъ и общественныхъ группахъ (въ родѣ инородческихъ племенъ и разныхъ видовъ сельскихъ состояній) нигдѣ не пестрятъ такъ мало, какъ именно здѣсь. Иначе оно и не могло быть, во первыхъ по указанному выше характеру своего содержанія, и во вторыхъ потому, что въ то время, какъ всѣ другіе отдѣлы свода образовались болѣе или менѣе случайно, отрывочно и разновременно, сводъ уголовныхъ законовъ, именно благодаря своей особенной важности, одинъ въ прежнее время подвергся органической переработкѣ и потому составляетъ нѣчто цѣльное. Такимъ образомъ, здѣсь, казалось-бы, мы вовсе не должны были бы встрѣчаться съ затрудненіями для проведенія въ жизнь идеи гражданскаго равенства евреевъ. Дѣйствительно, между основными правилами нашего уголовнаго кодекса мы встрѣчаемъ, что «дѣйствію постановленій сего уложенія подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ россійскіе подданные, въ предѣлахъ государства» (ст. 168 улож. о нак. изд. 1866 г.) Но изучая ближе эти постановленія, мы убѣждаемся, что начало равенства проникло въ нихъ не такъ глубоко, какъ можно было ожидать. Уже въ первомъ спеціальномъ раздѣлѣ уложенія—о преступленіяхъ противъ вѣры — вы наталкиваетесь на очень важныя отступленія отъ начала равен-

ства. Тутъ вы сразу убѣждаетесь, что законодательство еще не усвоило себѣ общаго понятія о религіи, какъ учрежденіи, одинаково заслуживающемъ во всѣхъ своихъ формахъ и у всѣхъ религіозныхъ общинъ страны защиты и охраны государства, что между различными видами религіознаго мышленія въ его сознаніи существуетъ цѣлая бездна. Отсюда то изумительное различіе наказаній за одни и тѣ-же преступленія противъ вѣры, смотря потому, къ какому исповѣданію они относятся. Такъ напримѣръ, при опредѣленіи наказаній за разнаго рода оскорбленія святыни, законъ имѣетъ исключительно въ виду святыню христіанскую, почти всегда православную, тогда какъ на государствѣ въ одинаковой мѣрѣ лежитъ обязанность защищать отъ грубой профанаціи и оскорбительнаго обхожденія всѣ терпимыя въ странѣ исповѣданія. Совращеніе кого либо изъ христіанской религіи въ нехристіанскую разсматривается закономъ (ст. 184 улож.) какъ одно изъ важнѣйшихъ преступленій противъ вѣры, караемое каторжной работой въ крѣпостяхъ; даже совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское исповѣданіе наказывается лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и ссылкой на житье въ Сибирь (ст 187). Но когда такое-же точно убѣжденіе къ перемѣнѣ вѣры произведено въ области исповѣданій нехристіанскихъ, законъ относится къ дѣлу совершенно иначе. Онъ не только назначаетъ наказаніе гораздо болѣе мягкое (заключеніе въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ), но, что важнѣе, относитъ это дѣяніе уже не къ преступленіямъ противъ вѣры, которымъ уложеніе придаетъ особенное значеніе, а къ «преступленіямъ и проступкамъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія», т. е. къ полицейскимъ проступкамъ. Онъ прямо называетъ совращеніе иновѣрца изъ одной нехристіанской религіи въ другую «нарушеніемъ установленнаго порядка» (ст. 936). Такимъ образомъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ этими статьями, дѣянія вполнѣ тождественныя со стороны субъективной, имѣющей преимущественное значеніе въ преступленіяхъ этого рода, не представляющихъ имущественнаго вреда. законъ придаетъ громадное значеніе элементу объективному, вслѣдствіе чего такое дѣйствіе, которое по отношенію къ христіанской вѣрѣ наказывается очень строго, по примѣ-

ненію къ другимъ исповѣданіямъ низводится на степень полицейскаго нарушенія.

Углубляясь дальше въ массу казуистическихъ постановленій уголовнаго нашего свода, вы замѣчаете другой, не менѣе важный фактъ. Вы узнаете, что есть огромное количество преступленій, къ которымъ законъ считаетъ невозможнымъ примѣнять строгія опредѣленія о вмѣняемости и наказуемости, такъ какъ въ нихъ обыкновенно недостаетъ злого умысла и они нарушаютъ главнымъ образомъ не правовое, а нравственное чувство. Но законъ нашъ не различаетъ нравственнаго элемента отъ религіознаго, а религіозный элементъ вообще сливается у него съ опредѣленнымъ его видомъ—христіанско-православнымъ. Вслѣдствіе этого, гдѣ приходится репрессивно воздѣйствовать на моральное сознаніе гражданъ, законъ знаетъ одинъ только специфически-христіанскій родъ наказанія — церковное покаяніе. Полное выраженіе взгляда законодателя на этотъ предметъ мы встрѣчаемъ въ ст. 1521 Уложенія, гдѣ читаемъ слѣдующее: «Кто, видя человѣка погибающаго, и имѣя возможность подать ему помощь безъ явной для себя опасности, или же призвать на помощь къ нему другихъ или мѣстную полицію, не приметъ никакихъ для спасенія его мѣръ, тотъ за сіе, если онъ христіанинъ, и отъ сей нечувствительности и небреженія его оставленному безъ помощи послѣдуетъ смерть, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства». Тутъ вы такъ сказать ощупываете тотъ складъ мыслей и воззрѣній, который считаетъ неоспоримымъ, что религіозное чувство въ человѣкѣ есть неразрывный и неизбѣжный спутникъ нравственнаго и что гуманность и милосердіе тождественны съ христіанствомъ и только съ нимъ. Послѣ этого вы не удивляетесь болѣе, что Уложеніе караетъ только у христіанъ такія противозаконныя дѣянія, какъ оказавшіяся вредными для народнаго здоровья: злоупотребленія торговцевъ съѣстными припасами (ст. 865), небрежность въ отправленіи своихъ обязанностей врача (ст. 870), повивальной бабки (ст. 878), фармацевтовъ (ст. 899), употребленіе вредныхъ, мнимоволшебныхъ напитковъ (ст. 935); противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужней (ст. 994). Кромѣ того, во многихъ случа-

яхъ законъ налагаетъ церковное покаяніе какъ придаточное наказаніе для христіанъ, напримѣръ, въ мужеложествѣ и скотоложествѣ (ст. 995 и 997), неумышленной смерти отъ побоевъ и въ дракѣ, а равно причиненіе кому либо смерти нарушеніемъ мѣръ предосторожности (ст. 1464, 1465 и 1466); убійствѣ неосторожномъ и по необходимой оборонѣ (ст. 1467 и 1468); самоубійствѣ, покушеніи на самоубійство (ст. 1372, 1473) и доведеніи до самоубійства жестокимъ обращеніемъ (ст. 1476); похищеніи женщины для вступленія въ бракъ (ст. 1549); вступленіи въ бракъ съ нехристіанами (ст. 1564), злоупотребленіи супружеской и родительской власти (ст. 1583 и 1586), прелюбодѣяніи супруговъ и въ близкихъ степеняхъ родства (ст. 1585, 1593, 1597). И такъ, въ случаяхъ первой категоріи законъ считаетъ извѣстныя дѣйствія преступными только съ точки зрѣнія моральной и потому преслѣдуетъ ихъ лишь у лицъ, принадлежащихъ къ нѣкоторымъ исповѣданіямъ и потому ex-officio обязанныхъ обладать извѣстнымъ запасомъ нравственности и совѣстливости; въ случаяхъ второй категоріи нашъ уголовный законъ, принимая въ соображеніе опасность ихъ для общежитія, хотя и караетъ ихъ у всѣхъ гражданъ, но, не упуская и интересовъ христіанской морали, усиливаетъ наказаніе за эти преступленія собственно для христіанъ прибавленіемъ къ главному наказанію церковнаго покаянія. Послѣдствія такого порядка вещей не трудно предусмотрѣть. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ двухъ торговцевъ съѣстными припасами, двухъ врачей или двухъ фармацевтовъ, преслѣдуемыхъ за причиненіе кому либо смерти несоблюденіемъ своихъ обязанностей, изъ которыхъ одинъ христіанинъ, а другой—еврей: первый будетъ подвергнутъ церковному покаянію—наказанію, нерѣдко состоящему въ монастырскомъ заключеніи и тогда ни въ чемъ не уступающему обыкновеннымъ видамъ лишенія свободы, — а второй, за неимѣніемъ въ виду закона, опредѣляющаго наказаніе за его дѣйствіе, долженъ быть оправданъ, если судъ не примѣнитъ статьи 151 Уложенія о наказаніи по аналогіи. Ясно, что тутъ принадлежность къ нехристіанскому исповѣданію даетъ привиллегію на безнаказанность за нѣкоторыя дѣянія, признаваемыя противозаконными и подлежащими уголовной карѣ, когда они со-

вершены христіанами. Такого рода судебные приговоры не могутъ не волновать общественной совѣсти, во первыхъ потому, что здѣсь является ничѣмъ не оправдываемое ухудшеніе положенія христіанъ предъ нехристіанами, и во вторыхъ потому, что здѣсь осязательно проявляется обидное для нехристіанскаго населенія предположеніе закона объ отсутствіи у него нравственнаго чутья и невозможности морально-религіознаго на него воздѣйствія. Нужно-ли еще доказывать, что, пока возможны у насъ такія судебныя рѣшенія и существуютъ указанные законы, мудрено ожидать, чтобъ инородцы и иновѣрцы перестали смотрѣть на себя, какъ на государство въ государствѣ, и прониклись вполнѣ національнымъ духомъ?

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что уголовный кодексъ нашъ, какъ и другіе отдѣлы законодательства, въ послѣдніе годы подвергся многимъ существеннымъ измѣненіямъ, обнаруживающимъ систематическое стремленіе правительства къ обобщенію уголовныхъ законовъ относительно евреевъ, т. е. къ возможно большей замѣнѣ спеціальныхъ узаконеній о евреяхъ общими нормами. Такъ въ уложеніи 1857 г. фигурировали особыя наказанія, довольно строгія, за самовольное пребываніе евреевъ въ чертѣ жидовской ереси, за укрывательство ихъ въ этихъ мѣстахъ, за проживательство и укрывательство ихъ внѣ черты осѣдлости евреевъ (ст. 228, 229, 1228, 1234 и 1235 улож. 1857 г.); въ изданіи 1866 г. всѣ эти статьи вычеркнуты и замѣнены общими правилами, изображенными въ ст. 61, 63 и 64 уст. о нак. налаг. мир. суд. о разныхъ нарушеніяхъ паспортныхъ постановленій. Наказаніе за «упорство, непокорность, ослушаніе и неисполненіе распоряженій начальства» со стороны евреевъ-земледѣльцевъ (ст. 307 улож. 1857 г.) замѣнено ст. 30 того-же устава объ ослушаніи низшимъ полицейскимъ властямъ вообще. Ст. 1081 улож. 1857 г. опредѣляетъ между прочимъ церковное покаяніе за погребеніе мертвыхъ до установленнаго срока; но замѣнившая ее ст. 107 мир. уст. не знаетъ этого наказанія, а слѣдовательно уравниваетъ наказуемость его для всѣхъ исповѣданій. Статья 1243 улож. 1857 г., опредѣлявшая наказаніе содержателямъ гостинницъ и домохозяевамъ за дозволеніе въ нихъ неразрѣшенныхъ начальствомъ «публичныхъ бого-

моленій евреевъ», замѣнена ст. 41 мир. уст., карающей допущеніе въ общественныхъ заведеніяхъ «безчинствъ и безпорядковъ». (Слѣдовательно еврейскія богомоленія являются ничѣмъ инымъ, какъ безчинствомъ и безпорядками!) Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что законодательство наше рѣшительно идетъ по пути нивеллировки уголовнаго права, по крайней мѣрѣ по вопросу о вліяніи исповѣданія на наказуемость, и такая тенденція системы права должна быть отнесена къ вліятельнѣйшимъ моментамъ въ исторіи вопроса о внутреннемъ обрусеніи евреевъ. Но, какъ мы видѣли, главная часть работы впереди, и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ доведена до конца, пока вѣроисповѣданіе будетъ оказывать такое громадное и неподобающее ему вліяніе на наказуемость преступленій, не имѣющихъ въ себѣ ничего религіозно-церковнаго, а преступленія противъ вѣры будутъ разсматриваться такъ односторонне, до тѣхъ поръ уголовные законы будутъ занимать не послѣднее мѣсто въ ряду препятствій къ усвоенію евреями русскаго національнаго духа и русскаго гражданства.

VI.

Ознакомимся теперь съ другой, столь же важною отраслью нашего законодательства — постановленіями о союзѣ семейственномъ. Что семья есть главная основа общежитія, что поэтому характеръ организаціи семейнаго быта обусловливаетъ собою ту или другую нравственную физіономію общества въ каждую данную эпоху,—это такія истины, которыя никогда никѣмъ не оспаривались, а потому и не нуждаются въ доказательствахъ. Отсюда само собой вытекаетъ, что юридическая организація семьи, играя такую важную роль въ исторіи человѣческой культуры вообще, не можетъ, по тѣсной внутренней связи между всѣми отдѣльными сторонами общественной жизни, не вліять въ значительной мѣрѣ и на ту сторону политическаго быта, которая подлежитъ теперь спеціальному нашему обсужденію относительно евреевъ — на возможность полнаго уравненія и сліянія отдѣльныхъ религіозныхъ и національныхъ группъ въ государствѣ. Но семейное право имѣетъ для нашего предмета и

ближайшее, непосредственное значеніе. Дѣло въ томъ, что во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ, семья является чуть ли не самымъ могущественнымъ факторомъ сближенія общественныхъ группъ. Въ преданіяхъ всѣхъ народовъ женщина въ семьѣ служитъ примирительницей враждебныхъ племенъ и залогомъ болѣе правильныхъ международныхъ и сословныхъ отношеній, тогда какъ съ другой стороны ничто такъ не поддерживало кастовой и сословной замкнутости у всѣхъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія, какъ запрещеніе брака между членами разныхъ классовъ общества. Нигдѣ не исчезаютъ предразсудки, основанные на различіи вѣры, языка, происхожденія, такъ быстро, какъ въ семьѣ, нигдѣ не сглаживаются въ такой мѣрѣ національныя и религіозныя особенности, неровности и угловатости, нигдѣ не вырабатывается такъ удобно космополитическій типъ человѣка, какъ въ семьѣ. Но для того, чтобы семья могла пріобрѣсть такое нивеллирующее значеніе, само собою разумѣется, необходимо поставить ее въ возможно болѣе свободныя условія относительно государства и церкви, т. е. отмѣнить искусственныя преграды къ сліянію въ бракѣ отдѣльныхъ группъ человѣчества, преграды воздвигнутыя отчасти государственнымъ правомъ, но преимущественно церковнымъ. Что-жъ мы находимъ въ этомъ отношеніи въ нашемъ законодательствѣ? Поверхностный взглядъ на внѣшнюю форму того отдѣла гражданскихъ законовъ, который трактуетъ о правѣ семейственномъ (кн. I, т. X, ч. 1 Св. Зак.), показываетъ ясно и внутренній его характеръ. Отдѣлъ этотъ именно начинается не съ общихъ положеній о бракѣ, какъ общегражданскомъ институтѣ, независимо отъ той религіозной сферы, внутри которой онъ совершается, а приступаетъ прямо къ отдѣльнымъ правиламъ «о бракѣ между лицами православнаго исповѣданія», послѣ чего слѣдуютъ также спеціальныя правила о бракахъ христіанъ неправославныхъ между собой и съ православными, и наконецъ о бракахъ нехристіанъ между собой. Очевидно, что церковно-религіозный моментъ въ союзѣ брачномъ стоитъ рѣшительно на первомъ планѣ въ глазахъ нашего закона. Отсюда запрещеніе христіанамъ (исключая протестантовъ) вступать въ бракъ съ нехристіанами (ст. 85 т. X ч. 1), разрѣшеніе брака между

*

православными и лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій—только на условіяхъ благопріятныхъ для господствующей православной церкви (ст. 67 тамъ же), воззрѣніе на переходъ въ другую религію, какъ на обстоятельство, могущее расторгнуть бракъ (ст. 81 тамъ же). Даже такія, несомнѣнно общаго характера правила, какъ добровольное согласіе брачущихся, необходимость разрѣшенія родителей и начальства для вступленія въ бракъ, судя по буквальному смыслу закона, вовсе не распространяются на нехристіанъ (это ясно видно изъ сопоставленія ст. 5, 6, 9, 12, 62 и 91 т. X ч. 1), хотя практика не придерживается такого страннаго вывода. Точно также, судя по тому, что правило о запрещеніи лицу, имѣющему болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду, вступать въ бракъ (ст 4 тамъ же) помѣщено въ главѣ о бракѣ православныхъ между собой, можно безошибочно заключить, что оно не распространяется на лицъ другихъ исповѣданій, хотя правило это по смыслу своему и цѣли имѣетъ общечеловѣческій, а не православно-догматическій характеръ. Расторженіе браковъ поставлено въ абсолютную зависимость отъ церковнаго закона и церковнаго суда; неудивительно поэтому, что гражданскій законъ удостоиваетъ своего вниманія только разводъ у лицъ господствующей религіи, оставляя совершенно безъ всякаго контроля и регулированія съ своей стороны разводъ евреевъ напримѣръ. Относительно важнаго вопроса о степеняхъ родства, въ которыхъ воспрещается бракъ, законъ не только не дошелъ до общихъ для всѣхъ исповѣданій гражданскихъ нормъ, но даетъ свою санкцію только христіанскимъ канонамъ на этотъ счетъ (ст. 64 тамъ же), а о нехристіанскихъ исповѣданіяхъ совершенно умалчиваетъ. Основою семьи, по мысли закона, служитъ не общечеловѣческое чувство нравственнаго и правоваго долга, а христіанскирелигіозное вѣрованіе. Поэтому во всѣхъ преступленіяхъ противъ союза семейнаго и родственнаго, церковное покаяніе, какъ наказаніе, дѣйствующее на религіозное сознаніе вѣрующаго христіанина, играетъ видную роль: въ этомъ убѣждаютъ насъ статьи Уложенія: 1549 (похищеніе женщины для вступленія въ бракъ), 1582 (похищеніе замужней женщины), 1583 (жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ), 1585 (прелюбодѣяніе), 1586 (жестокое обра-

щеніе родителей съ дѣтьми), 1593 (кровосмѣшеніе), 1597 (любодѣяніе въ дозволенныхъ къ браку степеняхъ родства). Даже такое потрясающее всѣ основы гражданскаго общежитія явленіе, какъ многоженство, разсматривается нашимъ закономъ какъ преступленіе не общественное, а церковное, отсюда правило, что нехристіане подвергаются наказанію за вступленіе въ новый бракъ при существованіи прежняго лишь въ томъ случаѣ, если это противно законамъ ихъ вѣры; но во всякомъ случаѣ подвергаются наказанію значительно меньшему, чѣмъ христіане, виновные въ томъ же дѣяніи (ст. 1554 и 1558 улож.). Мысль, лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ законовъ, довольно прозрачна. Государство считаетъ своей обязанностью охранять чистоту и святость семейнаго союза не вообще у всѣхъ гражданъ, а преимущественно въ православіи. Законность брачной жизни, любовь супружеская и родительская—это для него добродѣтели не общечеловѣческія, а специфически христіанскія; поэтому его гораздо болѣе возмущаетъ и онъ строже караетъ нарушеніе этого идеала общественности у христіанъ, чѣмъ у нехристіанъ. Что такое воззрѣніе и его практическіе результаты отяготительны и обидны для первыхъ, какъ и для вторыхъ, было указано въ предыдущей статьѣ, и потому мы не будемъ возвращаться болѣе къ этому обстоятельству. Взглядъ этотъ опредѣленно высказывается въ ст. 80 Св. Зак. Гражд., гдѣ читаемъ слѣдующее. «Каждому племени и народу, не исключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства». Статья эта какъ будто прямо говоритъ иновѣрцамъ: «такъ какъ вы не принадлежите къ господствующему вѣроисповѣданію, то государство не считаетъ себя обязаннымъ взять подъ свое покровительство и защиту вашъ семейный бытъ, и предоставляетъ самимъ устраивать его по своему усмотрѣнію. Самое большее, что оно можетъ для васъ сдѣлать, это освободить васъ отъ всякаго вмѣшательства, какъ съ своей стороны, такъ со стороны чуждаго вамъ церковнаго элемента; дальше не можетъ идти терпимость къ вамъ государства, безъ ущерба для тѣснаго своего союза съ господствую-

щей религіей». Спрашивается можно ли ярче и рѣшительнѣе выставить начало племенной и религіозной розни, лежащее въ основаніи нашего государственнаго строя, чѣмъ это дѣлается въ подобныхъ узаконеніяхъ? И развѣ можно, хоть съ малѣйшей долей справедливости, удивляться тому, что при такомъ характерѣ нашего юридическаго быта, руссификація инородческаго населенія дѣйствительно идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ слѣдовало бы? Если государство торжественно отказывается отъ своего права регулировать сообразно общенароднымъ интересамъ важнѣйшую часть инородческаго быта—ихъ семейную жизнь, тѣмъ самымъ признавая за ними какъ бы право внѣземельности и гражданской автономіи, то что-жъ остается инородцамъ дѣлать, какъ не покориться волѣ законодателя и развивать свой внутренній бытъ независимо и самостоятельно?

Предметъ этотъ станетъ для насъ еще яснѣе, когда укажемъ на нѣкоторыя относящіяся сюда явленія изъ жизни нашихъ единовѣрцевъ въ западной Европѣ.

Чтобъ составить себѣ полное понятіе о различіи въ положеніи евреевъ у насъ и въ западной Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣть, въ чемъ заключается дѣйствительное сліяніе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и какими средствами оно можетъ быть достигнуто, весьма полезно, какъ мы уже замѣтили, между прочимъ, сравнить юридическій бытъ семьи у евреевъ русскихъ и западноевропейскихъ, по отношенію къ вопросу о вліяніи государства и выраженія его воли — законодательства — на семейную жизнь инородцевъ. Представивъ на предыдущихъ страницахъ краткій очеркъ постановленій нашего закона по этому предмету, мы укажемъ теперь на выдающіяся явленія въ семейномъ правѣ нашихъ европейскихъ единовѣрцевъ и за тѣмъ на результаты той и другой системы для дѣла національнзированія евреевъ. Два-три факта изъ современной жизни могутъ достаточно служить для этой цѣли. Въ Англіи стоитъ теперь на очереди къ разрѣшенію законодательный вопросъ объ отмѣнѣ запрещенія вступать въ бракъ съ сестрой умершей жены. Вопросъ этотъ подвергается живому обсужденію и въ еврейской періодической печати, и вотъ какъ говоритъ

объ этомъ предметѣ Jewish Chronicle [1]), по поводу запроса одного христіанина о томъ, встрѣчаются ли подобные браки между англійскими евреями. «По еврейскимъ религіознымъ законамъ такіе браки положительно дозволены, такъ какъ библія ихъ не запрещаетъ. Но какъ еврейскіе граждане каждой страны признаютъ силу гражданскихъ законовъ, ни одно еврейское духовное лицо не совершитъ въ этой странѣ обряда брака между мужчиной и сестрой умершей жены его». Рекомендуемъ это обстоятельство вниманію нашихъ жидоѣдовъ, постоянно утверждающихъ, что евреи вовсе не признаютъ авторитета государственныхъ постановленій, а живутъ въ своей знаменитой «муниципально талмудической республикѣ» исключительно по своимъ собственнымъ законамъ, не только отличнымъ отъ законовъ общихъ, но даже имъ враждебнымъ. Здѣсь они имѣютъ предъ глазами примѣръ того, что евреи въ классической странѣ свободы и общинной автономіи, при столкновеніи ихъ религіозныхъ законовъ съ общими гражданскими, притомъ въ вопросѣ преимущественно церковно-каноническомъ, добровольно (ибо англійскій законъ не воспрещаетъ положительно упомянутыхъ браковъ у евреевъ) отдаютъ предпочтеніе гражданскому закону, хотя стѣснительному и несправедливому, предъ болѣе удобнымъ и естественнымъ религіознымъ закономъ. И это происходитъ въ странѣ, гдѣ еврейское общинное самоуправленіе и братства, этотъ корень «еврейскаго зла», по мнѣнію нашихъ обрусителей, пользуются большей свободой, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ странѣ, гдѣ надъ англизированіемъ евреевъ посредствомъ спеціально для того направленныхъ мѣръ никто не ломаетъ себѣ голову. У насъ же, гдѣ столько перьевъ притуплено въ теченіи долгаго времени надъ составленіемъ проэктовъ, предписаній, запрещеній и т. под. для обрусенія евреевъ, законъ положительно даетъ свою санкцію только христіанскимъ канонамъ о степеняхъ родства, въ которыхъ запрещается бракъ (ст. 64 т. X ч. 1), и вообще, какъ мы видѣли, семьѣ дается въ немъ чисто церковный характеръ. Практика же нисколько не смягчаетъ исключительности

[1]) № 62 за 1870 г.

закона, а напротивъ всячески старается продолжить существующій порядокъ вещей, при которомъ семейный бытъ евреевъ стоитъ совершенно внѣ всякаго вліянія со стороны государства и гражданскаго общества.

Такъ въ законахъ нашихъ существуетъ правило, по которому одни только раввины, утвержденные правительствомъ, имѣютъ право совершать и расторгать браки, а браки, совершенные другими лицами, почитаются не дѣйствительными (т. IX Св. Зак., ст. 1086, примѣч.). Правило это, которое во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ давно получило полное право гражданства въ жизни, у насъ прививается очень туго и въ большинствѣ случаевъ остается мертвою буквою. Причина этого заключается не въ томъ, конечно, что русскіе евреи составляютъ особую породу людей, настойчивѣе держащихся за старинную вольницу, чѣмъ евреи европейскіе—такое объясненіе, очевидно, нелѣпо,—но въ томъ, что раввины, какъ еврейское духовенство, поставлены въ условія чрезвычайно неблагопріятныя для исполненія своихъ обязанностей, и еще болѣе въ томъ, что у насъ всего хотятъ достигнуть не органическими мѣрами и капитальными улучшеніями въ устройствѣ общественнаго механизма, а административно репрессивными мѣрами, въ родѣ запрещеній, предписаній, штрафовъ и т. под. Такимъ образомъ законодатель, поставивъ себѣ задачей подчинить брачныя дѣла евреевъ контролю правительственныхъ раввиновъ, что весьма важно въ видахъ объединенія еврейскаго населенія съ остальнымъ, думаетъ гарантировать исполненіе этой мѣры точнымъ опредѣленіемъ наказаній за несоблюденіе его требованій (см. тамъ же ст. 1088 и прим. 2-е къ ст. 1086). Но при этомъ упущена изъ виду та аксіома общественной науки, что строгость наказаній никогда не уменьшаетъ числа закононарушеній и не дѣлаетъ удобоисполнимымъ то, что встрѣчаетъ препятствія въ жизни, и что единственное средство сдѣлать законъ живой силой, а не мертвой буквой—это поставить общественную жизнь въ такія условія, при которыхъ исполненіе закона было бы легко и выгодно для всѣхъ. Такими условіями по отношенію къ занимающему насъ теперь вопросу могутъ считаться: во первыхъ, принятіе въ общій для всѣхъ гражданъ кодексъ об-

щихъ же, и притомъ не церковныхъ, а болѣе свободныхъ правилъ о бракѣ и семьѣ, и, во вторыхъ, уравненіе еврейскаго исповѣданія вообще съ другими культами въ государственномъ отношеніи, въ частности же уравненіе раввината, какъ представителя еврейской религіи, съ духовенствомъ другихъ исповѣданій относительно правъ и обязанностей. Это выясняется примѣромъ Франціи.

Франція, какъ страна, въ которой все дѣлается, въ противоположность Англіи, сверху, средствами и силами центральной государственной власти, и въ этомъ отношеніи остается вѣрной своему культурно-историческому типу. Если въ Англіи подчиненіе еврейства до глубины его домашняго очага общимъ бытовымъ нормамъ народной жизни дѣлается само собой безъ навязыванья со стороны правительства, какъ представителя господствующей народности, то во Франціи починъ и главное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ центральной власти, которая достигаетъ однакожъ своей цѣли не искуственными мѣрами и пертурбаціями въ движеніи общественнаго механизма, а единственно притягательной силой либеральныхъ учрежденій и законовъ, слѣдовательно въ сущности тѣмъ же путемъ, что и въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь только на тѣхъ отдѣлахъ законодательства, которые разсмотрѣны нами въ послѣднихъ двухъ статьяхъ, т. е. правѣ уголовномъ и семейномъ, и сравнивая содержаніе ихъ по французскимъ и нашимъ законамъ, мы увидимъ неизмѣримое разстояніе между ними, имѣющее весьма серьезное значеніе и для хода обрусенія евреевъ. Такъ французскіе уголовные законы вовсе не знаютъ «преступленій противъ вѣры» въ томъ видѣ, какъ они понимаются нашимъ Уложеніемъ, а говорятъ объ одномъ изъ видовъ нарушенія общественнаго спокойствія, состоящемъ въ «препятствіи свободному отправленію религіозныхъ обязанностей (entraves au libre exercice des cultes, Code Penal, ст. 260—64), причемъ не дѣлается никакого различія между разными исповѣданіями. О спеціально-церковныхъ наказаніяхъ для христіанъ нѣтъ и рѣчи. Преступленія противъ правъ семейственныхъ разсматриваются съ точки зрѣнія не христіанской морали, а общечеловѣческой нрав-

ственности (attentats aux moeurs), и потому наказываются у всѣхъ гражданъ одинаково.

Стоитъ сравнить 340 статью Code Penal, въ которой говорится въ общихъ выраженіяхъ о наказаніи за двоебрачіе, съ цитированной нами ст. 1558 нашего Уложенія, гдѣ наказуемость этого преступленія обусловлена религіозными законами, чтобъ увидѣть, какъ далеко мы отстали отъ Европы въ дѣлѣ истиннаго національнаго объединенія, возможнаго только при равенствѣ всѣхъ предъ закономъ и полномъ раздѣленіи государства и церкви. Далѣе, во Франціи бракъ разсматривается какъ дѣло гражданское, а не церковное онъ совершается всѣми гражданами предъ правительственнымъ чиновникомъ (ст. 165 Code civil); расторгается онъ гражданскимъ судомъ (ст. 234 тамъ же), при чемъ причины развода не церковныя, а гражданскія и потому общія для всѣхъ французовъ (229—33 тамъ же); наконецъ веденіе всѣхъ актовъ состоянія находится въ рукахъ не духовенства, а гражданскихъ чиновниковъ. Духовенство еврейское получаетъ содержаніе отъ казны, точно также какъ духовенство христіанское, и составляетъ государственное учрежденіе, какъ это послѣднее. При такихъ условіяхъ неудивительно, что французскій національный духъ охватилъ «французовъ моисеева закона» со всѣхъ сторонъ и проникъ въ ту область ихъ жизни, которая всего труднѣе поддается внѣшнему давленію и дольше всѣхъ другихъ сохраняетъ старинную самобытность и своеобразность: — въ бытъ семейный. Это ярко обнаружилось недавно по поводу вопроса о натурализаціи алжирскихъ евреевъ. Евреи Алжиріи, подпавъ въ 1830 г. власти Франціи, не были до послѣдняго времени подчинены en masse дѣйствію французскаго гражданскаго кодекса. Законъ 1865 г. предоставилъ имъ право натурализоваться по отдѣльной просьбѣ каждаго желающаго. Такой порядокъ вещей, при которомъ алжирскіе евреи, будучи гражданами Франціи, могли въ то же время сохранить моисеево-раввинскіе законы о семейномъ союзѣ и наслѣдствѣ, казался французамъ въ высшей степени неестественнымъ и несправедливымъ. Французская періодическая печать горячо возстала противъ такой двойственности управляющаго алжирскими

евреями законодательства, выставляя на видъ несовершенство еврейскихъ религіозныхъ законовъ и непримѣнимость ихъ въ настоящее время, а также нарушеніе гражданскаго равенства. Нежеланіе правительства навязать азіятскимъ евреямъ французское семейное право, вовсе не подходящее къ ихъ понятіямъ и нравамъ, было сочтено всѣми органами общественнаго мнѣнія за постыдную робость, противную исторической миссіи Франціи — распространять повсюду свою цивилизацію и свои учрежденія. Даже еврейская консисторія въ Алжиріи нашла необходимымъ войти съ петиціей къ правительству о натурализаціи всѣхъ тамошнихъ евреевъ за разъ, что и было сдѣлано новымъ закономъ. Вотъ какъ глубоко укоренилось во Франціи понятіе о необходимости гражданскаго равенства во всѣхъ сферахъ жизни у всѣхъ гражданъ. У насъ же, гдѣ натурализація евреевъ вообще ушла очень недалеко, никто не думаетъ удивляться тому, что у евреевъ до сихъ поръ имѣетъ полную силу раввинское семейное право въ первобытной своей формѣ, заключающее въ себѣ множество чрезвычайно стѣснительныхъ, несправедливыхъ и несовременныхъ правилъ. До такой степени свыклись у насъ съ мыслью, что евреи доставляютъ какой то особый міръ, до котораго государству и странѣ только и есть дѣла, что въ финансово-полицейскомъ отношеніи, и необходимо оградить отъ его враждебнаго вліянія все остальное населеніе. Есть о чемъ призадуматься нашимъ обрусителямъ, изливающимъ потоки своего негодованія на сепаратизмъ евреевъ. Поистинѣ, мы можемъ сказать имъ словами евангельско-талмудической поговорки, что они видятъ сучокъ въ чужомъ глазу, а не замѣчаютъ бревна въ своемъ собственномъ!

VII.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли по очередно разные отдѣлы нашего законодательства и убѣдились, что какъ въ общегражданскихъ своихъ частяхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя спеціально относятся къ евреямъ, они основаны на началахъ національной и религіозной замкнутости и исключительности, при которыхъ о по-

глощеніи русскимъ народнымъ организмомъ такихъ неоднородныхъ ему тѣлъ, какъ еврейство, не можетъ быть и рѣчи. Мы встрѣтились съ этими препятствіями къ обрусенію евреевъ, какъ въ законахъ о правахъ и актахъ состоянія евреевъ, такъ и въ ихъ общественномъ устройствѣ, уголовномъ и семейномъ правѣ. На этомъ собственно мы могли бы покончить, такъ какъ изъ данныхъ, нами сгруппированныхъ, очень не трудно вывести заключеніе о томъ, что слѣдуетъ выкинуть и что ввести въ русскую жизнь для того, чтобы было возможно на дѣлѣ полное объединеніе всего инородческаго населенія съ господствующей народностью. Но очеркъ нашъ едва ли вышелъ бы полнымъ, если упустимъ изъ виду еще нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія большое значеніе для занимающаго насъ вопроса. Прежде всего необходимо вспомнить, что одно существованіе тѣхъ или другихъ законовъ еще не даетъ намъ полнаго понятія о дѣйствительной жизни. Конечно трудно себѣ представить такое общественное устройство, или лучше сказать неустройство, при которомъ какой бы то ни былъ законъ оставался бы безъ всякаго вліянія на дѣйствительный міръ. Но личный опытъ убѣждаетъ каждаго изъ насъ, что отъ составленія закона до исполненія его на дѣлѣ, хотя одинъ только шагъ, но нерѣдко весьма отдаленный. Слова великаго Петра· «всуе есть законы писать, когда ихъ не исполняютъ» имѣютъ всю свѣжесть новизны теперь, какъ и за полтораста лѣтъ тому назадъ Поэтому, если хотимъ составить себѣ точное понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ существующія условія русской народной жизни способствуютъ или мѣшаютъ обрусенію евреевъ, невозможно ограничиться ознакомленіемъ съ нормами государственнаго и гражданскаго права Россіи, а необходимо узнать, въ какой мѣрѣ нормы эти проникаютъ въ дѣйствительную жизнь, насколько онѣ съ нею согласуются и въ чемъ расходятся. Въ этомъ отношеніи очевидно, что разумная политика объединенія населенія должна обнаруживаться въ дѣятельности органовъ общественной и государственной власти въ слѣдующихъ двухъ началахъ: во-первыхъ, въ неуклонномъ и послѣдовательномъ примѣненіи на дѣлѣ либеральныхъ принциповъ, легшихъ въ основаніе новѣйшихъ законодательныхъ актовъ относительно евреевъ; и во-вторыхъ, въ предпочте-

ніи, оказываемомъ закономъ, основаннымъ на новыхъ началахъ гражданскаго равенства и справедливости, передъ уцѣлѣвшими обломками стариннаго духа привиллегій и исключительности во всѣхъ случаяхъ неполноты, неясности и противорѣчія законовъ. Что касается перваго правила, то о необходимости его было бы излишне распространяться, ибо всякій законъ только для того и существуетъ, чтобъ быть строго примѣняемымъ на дѣлѣ. Между тѣмъ ни для кого не тайна, что наиболѣе либеральные относительно евреевъ новые законы, какъ напр. дозволеніе нѣкоторымъ категоріямъ лицъ изъ евреевъ проживать по всей имперіи, а другимъ— вступать на государственную службу, во многихъ случаяхъ остаются безъ примѣненія. Понятно, что обстоятельство это, каковы бы ни были его причины, не можетъ способствовать къ упроченію у евреевъ сознанія ихъ русскаго гражданства. Можно сказать даже, что оно хуже вліяетъ на дѣло обрусенія евреевъ, чѣмъ самое отсутствіе новыхъ законовъ. Что же касается до втораго правила, то оно, сколько намъ извѣстно, еще не подвергалось нигдѣ обсужденію, а между тѣмъ оно гораздо важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

Дѣйствительно, наше законодательство не есть нѣчто полное, законченное цѣлое, которое опредѣлительно разрѣшало бы возникающія на практикѣ недоумѣнія. Нигдѣ такъ часто не возникаютъ сомнѣнія въ практическомъ осуществленіи закона, какъ у насъ. Для занимающаго насъ теперь предмета особенно важны сомнѣнія, возникающія изъ противорѣчій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, между общими для всѣхъ русскихъ подданныхъ и спеціальными для евресвъ законами. Практика ежедневно выдвигаетъ такіе случаи, которые возбуждаютъ сомнѣніе относительно того, какіе законы должны быть къ нимъ примѣнены — общіе или исключительные; и вотъ здѣсь-то обнаруживается, какія тенденціи преобладаютъ въ характерѣ нашего общества и администраціи: стремятся ли они сознательно къ объединенію разныхъ слоевъ населенія путемъ общихъ законовъ и учрежденій, или упорно держатся за старые, исключительные законы, уступая лишь съ бою давнюю позицію. Знакомясь ближе съ характеромъ нашей судебной и административ-

ной практики находимъ, что она не выработала себѣ на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленной программы дѣйствій.

Съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она, какъ бы сознавая, что не только юридическая логика, но серьезный политическій разсчетъ требуетъ, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ распространять дѣйствіе общихъ законовъ и съуживать кругъ дѣйствій законовъ исключительныхъ, отдаетъ преимущество первымъ передъ послѣдними и по отношенію къ евреямъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ весьма важные практическіе случаи, гдѣ столкновеніе или даже тѣнь столкновенія между общими законами и спеціальными для евреевъ истолковывается въ пользу послѣднихъ, и такимъ образомъ обнаруживается нераціональное желаніе усилить вредное вліяніе устарѣлыхъ правовыхъ нормъ и учрежденій. Укажемъ на примѣры того и другаго. По ст. 16 уст. о пасп. и бѣгл. евреи вообще не могутъ жить въ великороссійскихъ губерніяхъ, а по ст. 878 уст. о ссыльныхъ, ссыльнопоселенцы обязаны, по истеченіи срока заключенія, приписаться къ податнымъ сословіямъ. На практикѣ возникло недоразумѣніе о томъ, примѣнимо ли это послѣднее правило и къ ссыльнымъ евреямъ, въ виду того, что оно противорѣчитъ указанной статьѣ паспортнаго устава. При разсмотрѣніи этого вопроса въ разныхъ инстанціяхъ было высказано многими мнѣніе противъ приписки ссыльныхъ евреевъ, на томъ между прочимъ основаніи, что это дастъ преступникамъ изъ евреевъ больше правъ, чѣмъ честнымъ ихъ собратьямъ (доводъ дѣйствительно весьма вѣскій, противъ котораго трудно что нибудь возразить). Но сенатъ, по выслушаніи донесенія министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что случай приписки уже былъ на практикѣ, призналъ, что ст 878 уст. о ссыльныхъ примѣнима и къ евреямъ [1]).

Другой примѣръ. По старому закону, исходившему изъ понятія о низшемъ нравственномъ развитіи еврейскаго народа, «евреи приводятся къ присягѣ не иначе, какъ въ синагогѣ или молитвенной школѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ ни той, ни другой, въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ» (ст 1061 т. XI, ч. 1 св. зак.). Въ

[1]) Журн. Мин Юст. 1866 г, кн. 9, 507.

одномъ судебномъ случаѣ чиновникъ, признанный мировымъ съѣздомъ виновнымъ въ оскорбленіи еврейской дѣвушки на основаніи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ евреями на самомъ судѣ, между прочими поводами къ отмѣнѣ рѣшенія съѣзда привелъ нарушеніе указанной статьи закона. Но сенатъ принялъ на видъ, что исполненіе этого закона, изданнаго въ 1862 году, не можетъ быть обязательно для судебныхъ установленій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ 1864 г., такъ какъ по ст. 711 уст. угол. суд. свидѣтели приводятся къ присягѣ, по обряду ихъ вѣроисповѣданія, въ самомъ судебномъ засѣданіи, и изъятія изъ этого закона для свидѣтелей евреевъ не сдѣлано [1]). Такимъ образомъ въ этихъ обоихъ случаяхъ высшее хранилище правосудія въ Россіи высказалось за распространеніе на евреевъ дѣйствія общихъ законовъ при столкновеніи ихъ съ спеціальными узаконеніями. Въ этомъ духѣ дѣйствуетъ иногда и наша низшая юридическая практика. Такъ по ст. 316 уст. пит. «не дозволяется учреждать питейныхъ домовъ, шинковъ и выставокъ отъ христіанскихъ храмовъ, монастырей и кладбищъ ближе сорока сажень». Хотя здѣсь положительно говорится о христіанскихъ храмахъ и пр., но мировой судья 4-го участка г. Одессы по одному дѣлу призналъ, что требованіе это распространяется и на еврейскую общественную больницу [2]). Далѣе, хотя по закону у евреевъ не существуетъ духовенства, какъ особаго сословія, имѣющаго извѣстныя права и обязанности, по своему общественному положенію, а раввины не признаются духовными лицами въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но практика распространяетъ на нихъ дѣйствіе общихъ законовъ о духовенствѣ. Такъ напр., сколько намъ извѣстно, нотаріусы (по крайней мѣрѣ одесскіе) не совершаютъ векселей отъ имени раввиновъ, хотя въ законѣ мы встрѣчаемъ правила въ родѣ того, что раввины, получившіе почетныя права купечества первой гильдіи, могутъ заниматься торговлей не иначе какъ на основаніи общихъ правилъ, постановленныхъ для торгующихъ евреевъ (ст. 1092 т. XI,

---

[1]) Сборникъ рѣш. угол. Касс. Деп. за 1870 г. № 116.

[2]) См. Одесскій Вѣстникъ за 1870 г. № 133.

ч. 1 св зак). Въ этихъ двухъ случаяхъ практика идетъ дальше закона въ признаніи гражданскаго равенства евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и восполняетъ мысль законодателя согласно съ духомъ тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи новѣйшихъ преобразованій. Но къ сожалѣнію, практика далеко не всегда остается вѣрной этому направленію въ своемъ образѣ дѣйствій. Напротивъ, во многихъ случаяхъ она оказывается позади законодательства въ дѣлѣ гражданскаго уравненія евреевъ съ господствующей народностью, и своимъ тупымъ противодѣйствіемъ парализуетъ стремленіе закона поставить евреевъ въ болѣе свободныя условія жизни. Это обнаруживается во первыхъ въ простомъ неисполненіи тѣхъ законовъ, которые опережаютъ общественное развитіе во взглядѣ на евреевъ, и во вторыхъ въ томъ, что либеральнымъ законамъ дается такое толкованіе и примѣненіе, что благіе ихъ результаты умеьшаются до возможнаго минимума. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Законъ 28 іюня 1865 г. даетъ евреямъ-ремесленникамъ право приписаться къ цехамъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и пользоваться тогда всѣми правами цехового званія. Вслѣдствіе этого они могутъ также вступать въ гильдію и пользоваться торговыми правами (ст. 109 уст. рем. по прод 1868 г.). Но рядомъ съ этимъ закономъ, уравнивающимъ положеніе ремесленниковъ евреевъ съ христіанами, въ питейномъ уставѣ (ст. 283) сохранился старый законъ, по которому евреи имѣютъ право питейной торговли только въ «мѣстахъ постояннаго ихъ жительства». Возникающее отсюда недоумѣніе—могутъ ли евреи-ремесленники заниматься питейной торговлей во внутреннихъ губерніяхъ — разрѣшается акцизными управленіями въ пользу прежняго, исключительнаго закона. Что такое толкованіе юридически неправильно. было уже подробно доказано въ «Днѣ» [1]). Здѣсь мы можемъ подтвердить это еще однимъ доводомъ Въ законѣ 24 мая 1870 г. о частной золотопромышленности встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующее правило: «изъ евреевъ допускаются къ производству золотаго промысла, кромѣ имѣющихъ законное жительство въ мѣстахъ сего промысла, также и

[1]) См. День за 1870 г. № 22

тѣ, коимъ существующими узаконеніями разрѣшено пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи» (прим. 1 къ ст. 30). Очевидно, что по смыслу этого закона проживающій въ Сибири еврей-ремесленникъ имѣетъ полное право заниматься золотымъ промысломъ, между тѣмъ промыселъ этотъ въ такой же степени имѣетъ характеръ торговаго предпріятія и также мало имѣетъ свойства ремесла, какъ торговля питьями. Если же законъ предоставляетъ евреямъ-ремесленникамъ первый родъ торговыхъ занятій, то непонятно, почему бы онъ воспретилъ имъ второй.

На такое же направленіе нашей судебно административной практики, относительно вопроса о натурализаціи русскихъ евреевъ въ смыслѣ полноправныхъ русскихъ гражданъ, указываетъ слѣдующій фактъ. Еврей совершилъ у нотаріуса придано обезпечительную брачную запись (кесубу, которая обыкновенно совершается домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ). Нотаріусъ, совершившій эту запись, руководствовался пунктомъ 10-мъ ст. 1005 т. X ч. I, въ которомъ упоминается о подобнаго рода записяхъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ, гдѣ онѣ удержались со временъ литовскаго статута (настоящій же случай былъ не въ этихъ губерніяхъ). Еслибъ наша юридическая практика правильно понимала свою задачу относительно обрусенія инородцевъ посредствомъ введенія въ ихъ бытъ общихъ русскихъ законовъ и правоваго порядка, то она съ радостью встрѣтила бы подобный добровольный шагъ со стороны самихъ евреевъ къ усвоенію русскихъ юридическихъ формъ для одного изъ важнѣйшихъ актовъ гражданскаго и семейнаго быта—брачныхъ договоровъ. Но у насъ до такой степени укоренилась привычка смотрѣть на все еврейское какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и своеобразное, что членъ окружнаго суда, ревизовавшій книги упомянутаго нотаріуса, нашелъ совершеніе такихъ записей нотаріальнымъ порядкомъ неправильнымъ [1]). Такой взглядъ, независимо оттого, что идетъ въ разладъ съ стремленіями правительства и требованіями общественнаго мнѣнія отно-

[1]) Судебный Вѣстникъ 1866 г. № 226.

сительно обрусенія евреевъ, лишенъ всякихъ юридическихъ основаній. Во первыхъ, каждому юристу извѣстно, что упоминаніе въ законѣ о существованіи извѣстныхъ правилъ для Малороссіи на основаніи статута вовсе не означаетъ, что эти самыя юридическія явленія невозможны въ другихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ общіе законы. И такъ какъ придано обезпечительная запись не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго законамъ, благочинію и общественному порядку, то совершеніе ея должно быть предоставлено на усмотрѣніе сторонъ (ст. 1528 и 1529 т. X ч. 1) Во вторыхъ, извѣстно изъ исторіи права, что подобнаго рода записи (называвшіяся вѣновыми) составляютъ исконное обычное явленіе у русскихъ и у всѣхъ славянъ (см. Спасовича, объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, стр. 23 и слѣд.). Такимъ образомъ и здѣсь, въ ущербъ юридической логикѣ и требованіямъ государственнаго прогресса, отдана должная дань старымъ предразсудкамъ и воззрѣніямъ. Между тѣмъ практическая важность введенія русскаго языка и русскихъ правовыхъ формъ въ семейный бытъ евреевъ очевидна. Намъ извѣстно, что одинъ раввинъ намѣренъ войти съ представленіемъ по начальству объ изданіи законодательнымъ порядкомъ формы придано обезпечительныхъ записей на русскомъ языкѣ Нѣтъ сомнѣнія, что если вопросъ этотъ будетъ возбужденъ гдѣ слѣдуетъ, то получитъ разрѣшеніе вполнѣ согласное съ требованіями справедливости и разумной національной политики. Мы полагаемъ, что для этихъ актовъ должна быть сдѣлана обязательной нотаріальная форма совершенія: прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ предупрежденіе многихъ семейныхъ распрей и судебныхъ процессовъ, а косвеннымъ – распространеніе знанія русскаго языка и русскихъ законовъ въ еврейской средѣ.

Не менѣе сильно выказывается старинная отчужденность отъ евреевъ въ томъ обстоятельствѣ, что законы, имѣющіе прямое или косвенное къ нимъ отношеніе и при помощи которыхъ важные недостатки русско-еврейскаго міра могли бы въ значительной мѣрѣ быть парализованы, оставляются просто безъ примѣненія, какъ несоотвѣтствующіе понятіямъ исполнителей закона о задачѣ

государственной дѣятельности по отношенію къ евреямъ. Такъ напр. законъ (ст. 1413 т. IX св зак.) вмѣняетъ въ обязанность учебному начальству и полиціи бдительный надзоръ за дѣломъ народнаго образованія евреевъ и соблюденіе еврейскими учителями всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ, въ числѣ-же этихъ правилъ находится одно, предписывающее непремѣнное преподаваніе русскаго языка въ каждомъ частномъ еврейскомъ училищѣ (ст. 1405 тамъ же). При болѣе искреннемъ стремленіи со стороны администраціи содѣйствовать сліянію евреевъ съ русскимъ народомъ, такое орудіе въ ея рукахъ могло бы сдѣлаться очень дѣйствительнымъ для достиженія той цѣли, которая предположена закономъ при изданіи этихъ правилъ, т е распространенія русскаго образованія между евреями. Но мы имѣемъ оффиціальныя удостовѣренія (циркуляры губернаторовъ виленскаго и гродненскаго), изъ которыхъ видно, что указанныя правила остаются рѣшительно мертвой буквой (см. замѣтку въ № 6 «Дня» за 1869 годъ). Другой примѣръ. Цадикизмъ составляетъ безспорно весьма печальное явленіе въ быту еврейской массы Цадики поддерживаютъ и распространяютъ въ этой массѣ, для своихъ корыстныхъ цѣлей, религіозный фанатизмъ и суевѣріе; они составляютъ важнѣйшую помѣху къ усвоенію евреями общаго образованія, въ которомъ они чуятъ свою погибель; они наконецъ гибельно вліяютъ на экономическій бытъ своихъ поклонниковъ, высасывая изъ нихъ послѣдніе соки для своей роскошной жизни. Правительство естественно не можетъ смотрѣть равнодушно на такую вопіющую эксплуатацію легковѣрія, бѣдности и невѣжества какой бы то ни было части населенія страны; и дѣйствительно, съ давнихъ поръ принимаются противъ цадиковъ и ихъ ученія различныя административныя мѣры Такъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Варадиновымъ по оффиціальнымъ источникамъ (исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, ч. I, стр 665), министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1834 г. принуждено было обратить вниманіе на распри раввинистовъ и хасидовъ и предписало, чтобъ всѣ еврейскія типографіи, существующія безъ разрѣшенія правительства, были закрыты, а хасидскія книги не печатались безъ предварительной цензуры.

Въ настоящее время цадики тоже не упускаются изъ виду правительствомъ; противъ нихъ принимаются разнаго рода административныя мѣры, направленныя къ тому, чтобъ ослабить вредное вліяніе ихъ на еврейскую массу; главное мѣсто между этими мѣрами занимаютъ подписки, отбираемыя у всѣхъ цадиковъ о невыѣздѣ изъ мѣстъ постояннаго жительства. Если судить по тому, что правительство, въ стремленіи своемъ защитить невѣжественную еврейскую массу отъ хищничества дармоѣдовъ святошей, считаетъ себя вынужденнымъ прибѣгать къ подобнымъ экстреннымъ мѣрамъ, имѣющимъ свое основаніе не столько въ положительномъ законѣ, сколько въ административномъ усмотрѣніи, то можно подумать, что общее наше законодательство совершенно безсильно противъ такого соціальнаго зла какъ хасидизмъ. что противъ темныхъ сторонъ еврейскаго быта государство можетъ бороться только чрезвычайными, нарочно для евреевъ придуманными мѣрами. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. По закону «кто ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды будетъ разглашать или велитъ разгласить подложно о какомъ либо будто бы случившемся чудѣ или же посредствомъ подлога какое либо свое или по распоряженію его приготовленное дѣйствіе будетъ выдавать легковѣрнымъ за чудо», тотъ подвергается опредѣленному наказанію (ст. 933 улож. о нак. изд. 1866 г.). Точно также подвергается извѣстному наказанію тотъ «кто, выдавая себя за лицо, одаренное сверхъ естественной чудесной силой или святостью, будетъ стараться посредствомъ возбужденнаго симъ обманомъ увѣренія, произвести въ народѣ тревогу, волненіе или упыніе, или же неповиновеніе установленной закономъ власти» (тамъ же, ст. 938). Изъ буквальнаго смысла этихъ статей очевидно, что онѣ распространяются не на однихъ христіанъ, но въ такой же мѣрѣ и на другія терпимыя въ странѣ исповѣданія; а кто знакомъ съ цадикизмомъ, какъ онъ представляется въ дѣйствительности, тотъ знаетъ, что авторитетъ цадиковъ держится и дѣятельность ихъ резюмируется такого рода поступками, которые въ силу указанныхъ законовъ составляютъ уголовныя преступленія. Такимъ образомъ, еслибъ мысль о гражданскомъ равенствѣ евреевъ съ остальнымъ

населеніемъ достаточно глубоко проникла въ умы нашихъ исполнителей закона, то нѣтъ сомнѣнія, что упомянутые законы были бы примѣнены къ цадикамъ во всемъ своемъ объемѣ, и кто знаетъ, какое вліяніе могъ имѣть хоть одинъ подобный случай на умы еврейскаго населенія въ настоящее время, когда цадикизмъ держится уже гораздо больше въ силу рутины и того уваженія, которое вездѣ внушаетъ неразвитой массѣ существующій фактъ, чѣмъ по причинѣ внутренней необходимости и дѣйствительнаго raison-d'etre?

Впрочемъ, эти послѣднія замѣчанія нуждаются въ объясненіи. Могутъ сказать, что вмѣшательство государства въ дѣла религіозныя нераціонально, что въ этомъ отношеніи необходимо предоставить общество своимъ собственнымъ средствамъ, и что поэтому нужно заботиться не о репрессивныхъ мѣрахъ противъ цадикизма, такъ какъ подобныя мѣры никогда не достигаютъ вполнѣ своей цѣли, а о томъ, чтобъ сдѣлать существованіе его невозможнымъ посредствомъ распространенія въ массѣ образованія, поднятія экономическаго ея уровня и т. под. мѣръ.

Возраженіе это, по нашему мнѣнію, неосновательно, и вотъ почему Во первыхъ, коль скоро извѣстный законъ существуетъ, то необходимо, чтобъ онъ былъ примѣняемъ во всей строгости, ибо въ общемъ итогѣ, страна все таки гораздо больше выигрываетъ отъ точнаго исполненія всѣхъ вообще законовъ, чѣмъ отъ господства системы личнаго усмотрѣнія, при которой самые дорогіе интересы общества всецѣло зависятъ отъ индивидуальныхъ качествъ и вообще отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ. Во вторыхъ, такъ какъ вмѣшательство государства въ религіозныя дѣла евреевъ, какъ мы видѣли, уже существуетъ de facto, то не лучше ли, чтобы оно было обосновано de jure, чтобы мѣры, принимаемыя противъ цаддикизма, были заимствованы изъ точныхъ и при томъ общихъ для всѣхъ гражданъ законовъ, чѣмъ носить характеръ мѣръ административныхъ, всегда случайныхъ, временныхъ и произвольныхъ? Кому неизвѣстно, что идеалъ внутренней политики цивилизованной страны заключается между прочимъ въ томъ, чтобъ расширять кругъ дѣятельности положительнаго закона

и органа его—суда, съужая области дѣйствія личнаго усмотрѣнія и его органа — администраціи? И если принципъ этотъ вѣренъ вообще, то онъ не можетъ не быть вѣрнымъ и относительно еврейскаго вопроса. Въ третьихъ, главное основаніе этого возраженія—теорія laissez faire, laissez passer — потеряла всякій кредитъ въ современной общественной наукѣ. Теорія и практика сходятся теперь въ томъ, что понятіе невмѣшательства, какъ чисто отрицательное, не должно служить основаніемъ для дѣятельности государства въ отношеніи къ своимъ гражданамъ. Задача государства, по выводамъ новѣйшей европейской мысли, состоитъ не въ томъ, чтобъ быть безучастнымъ зрителемъ въ великой борьбѣ за существованіе между отдѣльными классами населенія и спокойно смотрѣть на то, какъ болѣе сильные (духовно или матеріально) поглощаютъ слабыхъ на трапезѣ жизни, а напротивъ въ томъ, чтобъ подать руку помощи болѣе слабой сторонѣ, по возможности оберегая бѣдность, невѣжество и легковѣріе отъ эксплуатаціи превосходящей физической и моральной силы. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что такое явленіе какъ цаддикизмъ не можетъ оставаться внѣ контроля и цензуры государства, которое не должно оставаться бездѣятельнымъ въ виду систематической эксплуатаціи несчастной массы еврейскаго населенія. Наконецъ для правильной оцѣнки нашей точки зрѣнія на этотъ предметъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Задача настоящаго очерка заключается не въ томъ, чтобъ изслѣдовать насколько юридическій бытъ русскихъ евреевъ хорошъ и разуменъ an und fur sich, но указать въ какой мѣрѣ онъ способствуетъ или мѣшаетъ объединенію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что объединеніе это возможно лишь послѣ устраненія всѣхъ внѣшнихъ къ тому препятствій, мы считаемъ себя вправѣ смотрѣть на каждое уклоненіе отъ общихъ началъ права въ отношеніи къ евреямъ какъ на явленіе ненормальное, противорѣчащее видамъ національной политики по обрусенію инородцевъ. Какъ граждане Россіи мы конечно заинтересованы въ томъ, чтобъ начала, управляющія ходомъ нашей государственной и общественной жизни были по возможности болѣе совершенны и разумны; но какъ евреи мы добиваемся только од-

ного—равенства съ другими національностями и вѣроисповѣданіями, независимо отъ того, выгодно ли для насъ или нѣтъ это равенство въ каждомъ данномъ случаѣ. Мы не хотимъ никакихъ изъятій и привиллегій, будь то privilegia favorabilia или odiosa. Съ этой точки зрѣнія мы одинаково возстаемъ какъ противъ тѣхъ ограничительныхъ законовъ, которые стѣсняютъ евреевъ въ самыхъ насущныхъ нуждахъ и правахъ человѣка, такъ и противъ той свободы религіознаго быта, которая даетъ просторъ цаддикизму, противъ свободы народнаго образованія съ безобразнымъ меламедствомъ, свободы самоуправленія (на уродливыхъ началахъ) съ гнетомъ общины надъ личностью, свободы семейнаго быта со многими устарѣвшими и чрезвычайно стѣснительными явленіями, свободы отъ наказаній за извѣстныя дѣянія, которыя у другихъ классовъ населенія признаются преступными и т. д.

VIII.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ юридическій бытъ русскихъ евреевъ въ отношеніяхъ его къ законодательству и практикѣ государственной жизни и, кажется, не безъ основанія заключили, что отношенія эти далеко не благопріятствуютъ обрусенію евреевъ, и что на этомъ поприщѣ остается еще очень много дѣлать прежде чѣмъ можно будетъ говорить объ упроченіи въ средѣ евреевъ русскаго національнаго элемента. Но это только одна сторона вопроса, правда очень важная вездѣ, въ особенности же у насъ, гдѣ государственный элементъ значительно преобладаетъ надъ общественнымъ и почти поглощаетъ этотъ послѣдній, — но все таки не единственная. Дѣло въ томъ, что какъ бы многосторонна и разнообразна ни была дѣятельность государственной власти въ извѣстной странѣ, она никогда не можетъ обнять народную жизнь со всѣхъ сторонъ. Въ сферѣ экономической производительности, общинной жизни и умственнаго быта всегда найдется очень много такого, что ускользаетъ отъ контроля государства и зависитъ всецѣло отъ самодѣятельности народа. Между прочимъ, вѣковая работа подчиненія себѣ однѣхъ національностей

другими, болѣе жизненными и развитыми, какъ показываетъ исторія, совершается преимущественно силами и средствами самаго преобладающаго племени, а не государства. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами укажемъ на русскую колонизацію сѣверо-востока европейской Россіи, Сибири и Кавказа Съ давнихъ временъ славяно-русское племя, въ лицѣ своихъ выходцевъ, подчиняло себѣ многочисленныя финскія и татаро-турецкія племена, населявшія обширную территорію, вошедшую постепенно въ составъ европейской и азіатской Россіи. Все это совершилось безъ помощи и даже безъ вѣдома государственной власти, которая потомъ только санкціонировала труды народныхъ дѣятелей (лучшій примѣръ этого рода представляетъ покореніе Сибири Ермакомъ) и пользовалось ими. Очевидно, что и по отношенію къ евреямъ русское общество можетъ сдѣлать гораздо больше для распространенія между ними элемента русской народности, чѣмъ правительство, которое не можетъ такъ глубоко проникать въ частную жизнь каждаго инородца, какъ окружающее его русское населеніе. Понятно поэтому, что до тѣхъ поръ пока будетъ продолжаться существующій порядокъ вещей, при которомъ евреи будутъ устранены еще вездѣ, гдѣ преобладаетъ русскій элементъ, а тамъ гдѣ живутъ евреи элементъ этотъ не существуетъ,—взаимодѣйствіе между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ въ смыслѣ ихъ сближенія оказывается невозможнымъ. Вотъ почему мы не перестаемъ утверждать, что важнѣйшими мѣрами къ обрусенію евреевъ мы считаемъ тѣ, которыя хотя не направлены непосредственно къ этой цѣли, но ставятъ еврейскую массу въ возможность сливаться съ русскимъ населеніемъ. Между такими мѣрами первое мѣсто конечно занимаютъ тѣ, которыя расширяютъ предѣлы осѣдлости евреевъ, отодвигая эти предѣлы за черту бывшихъ польскихъ владѣній. Такимъ образомъ еслибъ разглагольствованія о необходимости обрусенія евреевъ, которыя такъ часто раздаются теперь со всѣхъ сторонъ, были выраженіемъ искренняго желанія если не массы русскаго народа, то по крайней мѣрѣ наиболѣе развитой его части, нѣтъ сомнѣнія, что указанныя мѣры къ водворенію евреевъ въ сердцѣ Россіи встрѣтили бы радушный пріемъ и всевозможное содѣйствіе со стороны русскаго общества. На

дѣлѣ же мы видимъ совсѣмъ не то. Большинство относится къ переселенію евреевъ изъ окраинъ въ центральную Россію скорѣе индифферентно, съ свойственнымъ русскому народу не то благодушіемъ, не то равнодушіемъ, чѣмъ сочувственно. Но бываютъ частенько случаи, гдѣ общество заурядъ съ администраціей стѣсняетъ и парализуетъ дѣйствіе льготныхъ для евреевъ законовъ о жительствѣ. Когда русскій человѣкъ оставляетъ на время свою исконную обломовщину и задаетъ себѣ трудъ оцѣнить значеніе такого факта, какъ поселеніе евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ, то онъ скорѣе приходитъ къ неблагопріятному воззрѣнію на это дѣло, чѣмъ на оборотъ. Достойно замѣчанія, что за разселеніе евреевъ по всей Россіи высказываются русскіе люди западнаго и южнаго края. Они при этомъ исходятъ изъ той точки зрѣнія, что при разселеніи этомъ евреи, какъ всякій другой ядъ въ малыхъ дозахъ, не будутъ такъ вредно влять на русскій организмъ Высокія разсужденія объ обрусеніи евреевъ при этомъ служатъ только благовидной маской затаенному желанію избавиться поскорѣе отъ назойливыхъ жидовъ. Изъ внутреннихъ же губерній часто раздаются голоса въ противоположномъ смыслѣ. Вотъ какъ напримѣръ говоритъ смоленскій корреспондентъ «Виленскаго Вѣстника» о «наплывѣ къ намъ гражданъ цѣлаго міра, которыми мы теперь такъ широко обласканы и по совѣсти значительно встревожены, особенно городское и торговое сословіе (еще-бы!)... Смотрите, какой богатой струей нахлынули къ намъ незванные гости! Къ тому же плотина эта открыта настежъ, во всю ширину; всякій ремесленникъ ныряетъ въ нашу струю, а кто же—не только изъ гибкихъ евреевъ, но даже и изъ насъ православныхъ — не ремесленникъ.. Но пусть бы при этихъ ремеслахъ и оставалось нашествіе, такъ нѣтъ—ремесленники тотчасъ же всѣ превратились въ промышленниковъ, и какъ города, такъ и села успѣли въ короткое время восчувствовать всю тяготу и худобу, вслѣдствіе процвѣтанія у насъ еврейскихъ ремеслъ и художествъ... Самой завѣтной идеей нашихъ пришельцовъ можно назвать самое зудящее ихъ желаніе—стать положительными гражданами городовъ, преимущественно съ правомъ открытія въ нихъ магазиновъ, лавокъ, заводовъ и фабрикъ. Богъ знаетъ, куда потѣ-

снится тогда русскій купецъ и мѣщанинъ, и не повторится ли съ нимъ исторія толедскихъ гражданъ» (Виленскій Вѣстникъ 1870 г. № 63).

Такого рода разсужденія конечно не новы. Лѣтъ сто тому назадъ. не говоря уже о болѣе отдаленномъ времени, императрица Екатерина, въ отвѣтъ на вопросъ одного иностранца о евреяхъ въ Россіи, выразила мнѣніе, что «дозволеніе имъ жить въ Россіи можетъ нанести большой ущербъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, ибо эти люди забираютъ въ свои руки все, и можетъ быть, что ихъ поселеніе больше возбудило бы неудовольствій, чѣмъ принесло пользы» [1]). И между тѣмъ сама императрица, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другомъ сообщаетъ, что при обсужденіи въ сенатѣ вопроса о допущеніи евреевъ въ Россію, мѣра эта всѣми принята за полезную! Источникъ такого рода выходокъ не трудно распознать. «Когда Пиѳагоръ открылъ свою теорему, говоритъ Берне, онъ принесъ жертву богамъ гекатомбу· съ тѣхъ поръ быки дрожатъ каждый разъ, когда на свѣтъ выходитъ новая истина».

Не надо долго прислушиваться къ напѣвамъ «Виленскаго Вѣстника», чтобъ различить въ нихъ мотивы того бычачьяго дрожанія, о которомъ говоритъ Берне. Опасеніе за эгоистическіе, монопольные интересы небольшаго класса торговцевъ, интересы грубо смѣшиваемые съ пользами всего населенія, проглядываетъ здѣсь на каждомъ шагу. Но для насъ важно теперь не то, насколько такой взглядъ человѣченъ и разумснъ самъ по себѣ, а какъ проявленіе той отчужденности отъ евреевъ, которая дѣлаетъ обрусеніе ихъ пу-

---

[1]) Мѣсто это заимствовано изъ недавно обнародованной г. Щебальскимъ (въ 6 книжкѣ «Зари» за 1870 г., въ статьѣ: Екатерина II какъ писательница) рукописи Екатерины II подъ заглавіемъ: Questions et réponses, относящейся, по мнѣнію издателя, къ 1774 — 1783 гг. Вотъ что говорится въ ней между прочимъ еще о евреяхъ: «Въ Петербургѣ есть 3 или 4 еврея съ давнихъ поръ; они терпимы вопреки закона: дѣлаютъ видъ, какъ будто ихъ не замѣчаютъ Я имѣла исповѣдника (confesеur въ текстѣ), у котораго они помѣщались. Въ 1762 г. шла рѣчь о допущеніи ихъ въ Россію, но какъ предложеніе было сдѣлано не въ удобное время, то дѣло осталось въ прежнемъ состояніи». (Заря, I т., стр. 6)

стымъ звукомъ безъ содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, накидываться съ ожесточенной злобой на «незванныхъ гостей и пришлецовъ» и въ то же время упрекать ихъ за то, что они считаютъ себя чужими среди людей, которые на нихъ такъ смотрятъ — для этого нужна смѣлость особаго рода. Къ такому же выводу приведетъ насъ и другой фактъ. Для каждаго должно быть ясно, что истинное обрусеніе евреевъ совершится лишь тогда, когда русскій народъ привыкнетъ смотрѣть на евреевъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ на русскихъ гражданъ. Это главнымъ образомъ должно проявиться въ томъ, чтобъ русское общество словомъ и дѣломъ обнаружило такое же участіе къ интересамъ и нуждамъ всѣхъ евреевъ вообще и каждаго въ отдѣльности, какое мы замѣчаемъ напр. во Франціи, образцовой странѣ поглощенія евреевъ господствующей народностью. Не знаемъ, суждено ли этому сбыться когда нибудь, но знаемъ, что пока мы неизмѣримо далеки отъ этой цѣли, въ чемъ не трудно убѣдиться на каждомъ шагу. Укажемъ на примѣръ самый крупный и потому болѣе бросающійся въ глаза.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ еврейское населеніе сѣверо-западнаго края переживаетъ очень тяжелый экономическій кризисъ, послѣдствіемъ котораго были голодъ, болѣзни и всевозможныя страданія. Положеніе евреевъ тамъ до сихъ поръ не перестаетъ напоминать собой Ирландію въ эпохи, пріобрѣвшія себѣ такую печальную извѣстность. Въ такіе критическіе періоды всего ярче обрисовывается истинное положеніе народа, подвергающагося подобнымъ испытаніямъ; вотъ почему мы считаемъ это время удобнымъ и для наблюденій относительно вопроса объ обрусеніи евреевъ; мы именно находимъ весьма поучительнымъ отношеніе русскаго общества къ этому кризису. Отношенія эти весьма немногосложны и могутъ быть охарактеризованы однимъ выраженіемъ: полнѣйшее равнодушіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только ни одна рука помощи не была протянута несчастнымъ изъ лагеря тѣхъ, которые не упускаютъ случая упрекнуть ихъ въ равнодушіи къ общимъ интересамъ страны, но даже ни одинъ органъ общественнаго мнѣнія не коснулся этого предмета, ни одинъ не помянулъ о нихъ словомъ состраданія или участія; точно будто евреи не суть вовсе граждане страны, не несутъ тя-

гостей государственной жизни и не заслуживаютъ никакого вниманія со стороны русскаго общества, даже либеральной его части! И это въ то время, когда еврейское населеніе дѣлало нечеловѣческія усилія для борьбы съ голодной смертью; когда во многихъ общинахъ, вслѣдствіе нищенскаго состоянія большинства членовъ, доходило до такихъ контрибуцій на богатыхъ членовъ, которыя смахивали на всеобщій раздѣлъ имуществъ, когда не только евреи со всѣхъ концовъ міра, отъ Англіи до Алжира, отъ Калифорніи до Австраліи, спѣшили облегчать положеніе страждущихъ, но даже христіане въ чужихъ странахъ не оставались совершенно къ нимъ безучастными! Но спрашивается· если голодающей массѣ народа выказываютъ полное равнодушіе къ ея нуждамъ, если ей говорятъ такимъ образомъ. «ты можешь бороться съ своимъ врагомъ собственными силами, какъ и чѣмъ хочешь, можешь обращаться за помощью къ своимъ единовѣрцамъ или просто друзьямъ въ чужихъ краяхъ, но на твоихъ ближайшихъ сосѣдей не расчитывай; они ничего не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, что у тебя тамъ дѣлается,»—то можно ли ожидать отъ такого образа дѣйствій другаго результата, чѣмъ тотъ, который замѣчается въ дѣйствительности? И можно ли, при малѣйшей долѣ безпристрастія, упрекать бѣдную народную массу въ томъ, что она понимаетъ факты такъ, какъ они представляются ея здравому смыслу и выводитъ изъ нихъ заключенія, хотя не совсѣмъ пріятныя, но не лишенныя горькой истины? А вѣдь въ подобныя эпохи складывается на долго нравственная физіономія и характеръ переживающихъ ихъ народностей, и нужно много времени и многихъ благопріятныхъ условій для того, чтобъ сгладить съ національнаго типа уродливые наросты, остающіеся въ наслѣдство отъ подобныхъ критическихъ періодовъ въ судьбахъ народовъ.

Слѣдовательно, если находятся господа, которые считаютъ возможнымъ предоставить извѣстный классъ людей на произволъ очень неблагосклонной къ нему судьбы и въ тоже время требовать отъ него какой-то идеальной преданности, какого-то непонятнаго влеченія къ тѣмъ, которые очень холодно отъ него сторонятся, когда этого менѣе всего слѣдовало; то, кажется, что входить съ такими

людьми въ серьезную полемику совершенно излишне. «Когда приходится доказывать людямъ вещи вполнѣ ясныя сами по себѣ, говоритъ Монтескье, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что трудъ пропадаетъ даромъ;» ибо въ такомъ случаѣ очевидно, что причина непризнанія подобной истины кроется въ чемъ хотите, только не въ убѣжденіяхъ, и потому перемѣнить такой взглядъ логическими доводами невозможно Сказаннаго довольно, чтобъ уяснить, какъ мало желанія обнаруживаетъ русское общество сдѣлать серьезный и крупный шагъ (объ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ исключеніяхъ, мы не говоримъ) къ сближенію съ евреями, несмотря на то, что объ обрусеніи ихъ такъ много говорится въ послѣднее время.

Но одного желанья, еслибъ оно и было, еще недостаточно. Необходимо имѣть для исполненія такой задачи значительный запасъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ.

Въ какой мѣрѣ Россія располагаетъ подобными средствами для подчиненія еврейской національности—объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Въ той нѣсколько длинной цѣпи фактовъ и размышленій, при помощи которыхъ мы старались въ предыдущихъ статьяхъ разъяснить положеніе дѣла объ обрусеніи евреевъ, мы дошли наконецъ до послѣдняго ея звена—именно къ вопросу о томъ, какимъ запасомъ силъ располагаетъ самъ русскій народъ, независимо отъ дѣятельности государственной власти, для хорошаго исполненія своей роли въ этомъ важномъ историческомъ актѣ. Другими словами это значитъ вотъ что. Русское общество (ибо нельзя же отрицать, что патріотическая, обрусительная часть нашей печати служитъ органомъ мнѣній извѣстной части общества) негодуетъ на евреевъ за то, что они еще сохранили слишкомъ много чертъ самостоятельной, обособленной національной жизни и слишкомъ мало усвоили себѣ особенности русской народности. Но вѣдь сліяніе двухъ народностей или поглощеніе одной изъ нихъ другой, по самому свойству своему, очевидно, есть актъ двусторонній, результатъ взаимодѣйствія двухъ неравномѣрныхъ величинъ, изъ которыхъ одна, большая, покоряетъ себѣ меньшую, подчиняя ее своему культурно-историче-

скому типу. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ обоюдномъ и взаимномъ воздѣйствіи двухъ сторонъ, основное начало юридической, какъ и всякой другой, логики требуетъ, чтобъ права и обязанности были распредѣлены между обѣими сторонами правильно и соразмѣрно. Отсюда слѣдуетъ, что если результаты этого взаимодѣйствія почему-либо окажутся неудовлетворительными и несоотвѣтствующими справедливымъ ожиданіямъ, отвѣтственность за это должна падать на одну сторону только въ томъ случаѣ, если она одна виновна въ этихъ неблагопріятныхъ результатахъ, т. е. если другая сторона могла и хотѣла исполнить, и затѣмъ дѣйствительно исполнила все лежавшее на [redacted] обязанности, но встрѣтила противодѣйствіе или бездѣйствіе съ противной стороны. Юридическое начало ad impossibitia nemo oblicatur (никто не можетъ обязаться къ невозможному), будучи выраженіемъ здраваго смысла, категорическимъ императивомъ человѣческой природы, столь же вѣрно въ области права, какъ и во всякой другой сферѣ человѣческой дѣятельности. Поэтому, когда одна сторона оказывается несостоятельной въ исполненіи своихъ юридическихъ, гражданскихъ и политическихъ обязанностей, другая сторона имѣетъ право упрекать ее въ этомъ только въ томъ случаѣ, если она сама исполнила все необходимое для достиженія предположенной цѣли. Значитъ русское общество только въ такомъ случаѣ можно признать правымъ въ упрекахъ, дѣлаемыхъ имъ евреямъ за обособленность, если оно можетъ вполнѣ увѣренно сказать, что оно сдѣлало все отъ него зависящее для привлеченія къ себѣ евреевъ и натолкнулось на упорное съ ихъ стороны сопротивленіе Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Въ предшествовавшей статьѣ мы затронули одну весьма важную сторону этого вопроса, именно насколько русскій народъ выражаетъ въ словѣ и дѣйствіи искреннее желаніе исполнить свою политическую миссію по отношенію къ живущимъ въ средѣ его евреямъ. Мы видѣли, что желаніе это въ дѣйствительности или вовсе не существуетъ, или на столько слабо, что при столкновеніи съ узкими сословными и мѣстными интересами, могущими будто бы пострадать отъ эмансипаціи евреевъ, обрусительные замыслы всегда уступаютъ очень легко этимъ болѣе реальнымъ, хотя менѣе возвышен-

нымъ соображеніямъ. Отсюда-то весьма естественное подозрѣніе, что толки о недостаточномъ обрусеніи евреевъ никакъ не слѣдуетъ понимать въ прямомъ ихъ смыслѣ, какъ выраженіе желанія, чтобъ всѣ инородцы въ Россіи слились въ одно прочное политическое цѣлое, а просто какъ уловку для удержанія status quo относительно еврейскаго вопроса. Вся суть въ томъ, что господа, толкующіе себѣ объ обрусеніи евреевъ въ духѣ «Голоса» и его провинціальныхъ прихвостней, имѣютъ въ виду не то, чтобъ достигнуть такъ или иначе этого обрусенія, а чтобъ быть въ состояніи колоть евреямъ глаза теперешнимъ неудовлетворительнымъ положеніемъ этого дѣла и такимъ образомъ затормозить ходъ эмансипаціи евреевъ. Но затѣмъ остается еще другая столь же важная сторона вопроса объ отношеніи русскаго народа къ дѣлу руссификаціи евреевъ—насколько онъ способенъ исполнить эту задачу, предполагая даже полное желаніе съ его стороны ассимилировать себѣ еврейскую массу. Придерживаясь постояннаго нашего правила разрѣшать каждый встрѣчающійся вопросъ на основаніи не апріорныхъ, но фактическихъ данныхъ и притомъ заимствованныхъ изъ сферъ по возможности болѣе близкихъ къ тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мы и на этотъ вопросъ постараемся отвѣтить такимъ же образомъ, и отвѣтъ, къ сожалѣнію, нельзя считать благопріятнымъ для претензій нѣкоторой части русскаго общества относительно обрусенія евреевъ.

Понятно, что на этомъ пути единственно надежнымъ руководителемъ можетъ служить для насъ аналогія съ отношеніемъ русскаго народа къ другимъ чуждымъ народностямъ, съ которыми онъ сталкивается на своей территоріи. Мы не будемъ распространяться здѣсь о томъ, пріобрѣвшемъ такую печальную извѣстность въ послѣдніе годы, явленіи, что русскій элементъ до сихъ поръ не былъ въ силахъ одержать хоть легкую побѣду надъ инородными національностями (мы имѣемъ въ виду польскую и нѣмецкую народности) тамъ, гдѣ онѣ живутъ сколько нибудь сплошными массами. Каковы бы ни были причины этого страннаго явленія, несомнѣнно то, что русское общество въ своемъ стремленіи привить къ этимъ народностямъ формы и духъ русской жизни сознаетъ свою неспо-

собность вести это дѣло нѣсколько успѣшно собственными средствами, и потому взваливаетъ всѣ обязанности и возлагаетъ всѣ надежды въ этомъ отношеніи на правительство, хотя задача эта, какъ мы уже замѣтили, по самому свойству своему вездѣ и всегда исполняется болѣе народомъ, чѣмъ государственной властью. А всякій согласится съ тѣмъ, что еврейская народность по развитію своихъ умственныхъ силъ, общественныхъ и бытовыхъ формъ, ближе всего подходитъ, относительно шансовъ и условій обрусенія къ указаннымъ европейскимъ національностямъ. Слѣдовательно, недостаточное обрусеніе евреевъ до настоящаго времени, находя себѣ подобіе и объясненіе въ политическихъ судьбахъ другихъ народностей въ Россіи, не должно нисколько насъ удивлять. Но мы дадимъ преимущество нашимъ противникамъ, согласимся, что евреи представляютъ такую же легкую добычу мирныхъ завоеваній, такой же гибкій матеріалъ для политическихъ экспериментовъ, какъ племена татаротуркскія, и посмотримъ, есть ли въ этомъ случаѣ основаніе укорять евреевъ, и притомъ однихъ евреевъ, въ національномъ эгоизмѣ, исключительности и нетерпимости къ русскому элементу. Племена, о которыхъ мы только-что упомянули, живутъ въ общеніи съ русскимъ народомъ гораздо болѣе близкомъ и продолжительномъ, чѣмъ евреи Поэтому обрусеніе ихъ, естественно, должно было достигнуть высшей степени, чѣмъ у евреевъ. Но дѣйствительность представляетъ намъ картину весьма неутѣшительную по этому предмету. Вотъ что писали недавно объ этомъ съ Кавказа въ одну изъ нашихъ газетъ. «Русскіе, какъ господствующее племя на Кавказѣ, разумѣется, имѣютъ въ своихъ рукахъ административный рычагъ; въ прочихъ же отношеніяхъ они стоятъ позади прочихъ народностей Торговля находится почти исключительно въ рукахъ армянъ и грековъ, а отчасти татаръ и персовъ.

Русскіе принимаютъ въ ней самое скромное участіе. Языкъ торговаго міра въ центрѣ Кавказа по преимуществу армянскій. Армяне пролагаютъ себѣ дорогу не въ одномъ только торговомъ мірѣ, но и въ администраціи. куда въ большинствѣ вносятъ свой кругъ міровоззрѣнія, общественныхъ отношеній. Вообще русскіе оказываютъ самое слабое вліяніе не только на армянъ, но и на

прочее населеніе Кавказа. Одни грузины подъ вліяніемъ русскихъ быстро теряютъ національныя черты и подчиняются языку и общественному строю русскихъ. Замѣчательный фактъ, встрѣчающійся не на одномъ Кавказѣ, но и въ Крыму,, тотъ, что русскіе даже на татаръ, живя въ сосѣдствѣ, не оказываютъ почти никакого вліянія. Татары занимаются торговой промышленностью, русскіе, сосѣди ихъ, не въ состояніи съ ними соперничать, находятся большей частью въ зависимости отъ нихъ. Рѣдко можно встрѣтить татарина, говорящаго хорошо порусски, но за то почти всѣ русскіе, живущіе вблизи татарскаго населенія, говорятъ по татарски. Въ тоже время татаринъ, живущій не вдали отъ нѣмецкихъ колоній, говоритъ по нѣмецки, а въ сосѣдствѣ съ греками—по гречески. Русскій въ торговлѣ и промышленности рѣдко можетъ соперничать съ татариномъ, татаринъ съ армяниномъ, армянинъ съ грекомъ; но всѣ эти народности легко подчиняютъ своему торговому вліянію горцевъ. Горцы, грузины и отчасти русскіе привыкли исключительно къ домашней сельско-хозяйственной жизни: горецъ и среди русскихъ хорошій хозяинъ и служитъ образцомъ часто для послѣднихъ. При заселеніи восточнаго берега чернаго моря русскіе колонисты совершенно опустили руки и не знали что дѣлать среди благодатной природы, неспособной производить рожь, хотя годную для прочихъ отраслей хозяйства. Приглашенные горцы быстро обзавелись хозяйствомъ и послужили образцомъ для колонистовъ русскихъ. Нельзя сказать, чтобъ причина этого лежала въ незнаніи русскими мѣстныхъ условій хозяйства и промышленности. Греки, пріѣзжающіе сюда, быстро богатѣютъ и развиваютъ свои торговыя операціи, хотя они столько же знаютъ мѣстныя условія, сколько и мы... Особенно слабое сліяніе русскихъ замѣчается на горцахъ въ отношеніи языка... Въ настоящее время горцы въ большинствѣ производятъ оффиціальную переписку въ аульскихъ судахъ на арабскомъ языкѣ... Вообще, нужно сказать откровенно—мы сами, русскіе, виноваты въ томъ, что обрусеніе туземцевъ идетъ медленно» [1]).

[1]) Современныя Извѣстія 1870 г. № 140

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же корреспондентъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ экономической роли иностранцевъ на Кавказѣ. «И теперь, говоритъ онъ, мы, приглашая къ себѣ чужеземцевъ, говоримъ имъ: «наша земля велика и обильна». Чужеземцы являются, хотя не съ цѣлью «княжить и владѣть нами», а просто понабить свои карманы; обзаводятся хозяйствомъ при нашей помощи, богатѣютъ, а мы остаемся все тѣми же, какими были до ихъ прихода. Тамъ гдѣ ты едва не умираешь съ голоду, тамъ нѣмецъ заводитъ фабрики, селится цѣлыми колоніями, а мы только дивимся, какъ это они дѣлаютъ». Онъ справедливо видитъ причину этой всеобщей несостоятельности русскихъ въ низкомъ уровнѣ народнаго образованія у насъ. «Пока въ русскихъ школахъ будетъ преподаваться одна церковная наука, имѣющая въ виду приготовить не дѣятельныхъ членовъ общества, а аскетовъ, имѣющихъ въ виду одно небесное, дотолѣ русскій народъ будетъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ при Владимірѣ святомъ» [1]). Въ томъ же смыслѣ высказывается кавказскій корреспондентъ «Новаго Времени». «Русскій поселянинъ, пользуясь огромнымъ количествомъ земли, по большей части превосходной, разбогатѣлъ въ значительной степени Но грубый и необразованный онъ пока не умѣетъ пользоваться своимъ богатствомъ. Онъ понимаетъ одно наслажденіе—напивается постоянно пьянымъ и поитъ всѣхъ. Въ воздаяніе за это, кто только можетъ и хочетъ эксплуатируетъ его невѣжество. Единственное средство спасенія здѣшняго русскаго простолюдина лежитъ въ предоставленіи ему возможности самаго широкаго образованія» [2]).

Смыслъ этихъ данныхъ и свѣтъ, который они проливаютъ на вопросъ объ обрусеніи евреевъ, слишкомъ ясны для каждаго, чтобъ нуждаться въ нашихъ комментаріяхъ. Съ перваго же взгляда бросается въ глаза чрезвычайное сходство даже въ подробностяхъ между отношеніями русской народности къ евреямъ и восточнымъ инородцамъ. И здѣсь и тамъ въ рукахъ русскихъ находится одинъ

---

[1]) Тамъ же № 154

[2]) Новое Время 1870 г. № 150.

«административный рычагъ», тогда какъ во всемъ прочемъ они далеко отстоятъ отъ инородцевъ. Но здѣсь, какъ и тамъ, опытъ убѣждаетъ, что однимъ этимъ рычагомъ очень не много что сдвинешь съ мѣста, и что единственной гарантіей преобладанія русской народности можетъ служить только поднятіе уровня ея матеріальнаго и умственнаго развитія. Мораль этой басни, которую не мѣшало бы зарубить на носу господамъ обрусителямъ, слѣдующая: просвѣщайте русскій народъ, улучшите его матеріальный бытъ и онъ безъ помощи канцелярскихъ щелкоперовъ и измышляемыхъ ими прожектовъ съумѣетъ занять первенствующее мѣсто на своей землѣ; но пока вы этого не сдѣлаете, вашъ скрежетъ зубовный ни къ чему не поведетъ и національное дѣло не подвинется ни на одинъ шагъ впередъ. Такимъ образомъ въ концѣ настоящаго очерка, послѣ многихъ разсмотрѣнныхъ нами подробностей, мы приходимъ къ развитію этой основной мысли, съ которой мы начали. Тамъ мы указали на то, что обрусенію евреевъ могутъ способствовать преимущественно тѣ мѣры относительно ихъ, которыя, не имѣя въ виду прямо этой цѣли, основаны на свободныхъ и гуманныхъ началахъ общежитія. Здѣсь мы можемъ обобщить эту мысль и такимъ образомъ поставить дѣло еще вѣрнѣе: притягательная сила одной національности въ отношеніи къ прочимъ обусловливается не искуственными мѣрами, предпринятыми съ этой цѣлью, а внутренней крѣпостью этой народности, превосходствомъ ея культуры и общественныхъ формъ. Поэтому преобладаніе центростремительной силы надъ центробѣжной въ отношеніяхъ русскаго народа къ евреямъ будетъ достигнуто лишь тогда, когда онъ разовьетъ и развернетъ спящія въ немъ умственныя силы и получитъ дѣйствительный перевѣсъ надъ ними. До тѣхъ же поръ отвѣтомъ на всѣ возгласы руссификаторовъ будетъ дантовская надпись на вратахъ ада—lasciate ogni speranza (оставьте всякую надежду).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

I.

Послѣднее польское возстаніе вызвало къ жизни и поставило на очередь новую, до тѣхъ поръ не сознанную сторону еврейскаго вопроса.

Въ то время какъ прежде казалось достаточнымъ разрѣшить вопросъ о гражданскомъ положеніи евреевъ съ точекъ зрѣнія религіозной, экономической и соціальной, въ настоящее время настоятельно необходимо придти къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ относительно политическаго значенія евреевъ на западной окраинѣ. Пробудившееся въ послѣдніе годы національное чувство русскаго народа громко требуетъ отвѣта на вопросы: чѣмъ были евреи, въ отношеніи политическомъ, во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и какъ слѣдуетъ смотрѣть на нихъ въ настоящее время—какъ на враговъ или друзей русскаго дѣла въ западной Россіи и бывшемъ Царствѣ Польскомъ? Составляютъ ли евреи опредѣленный государственный и сословный элементъ или индифферентную массу, не принимающую никакого участія въ политической жизни страны? Если евреи дѣйствительно имѣютъ положительное политическое исповѣданіе, то какое именно и въ какой мѣрѣ велика эта пресловутая еврейская сила, о которой протрубили на всю Россію органы извѣстной партіи крутой системы обрусенія? Что было сдѣлано изъ этой силы до сихъ поръ и что можно сдѣлать изъ нея въ будущемъ? Эти и многіе другіе подобные вопросы, очевидно вытекающіе изъ одного и того же основанія, повторяемъ, должны быть непремѣнно разрѣшены въ томъ или другомъ смыслѣ, прежде чѣмъ взяться за послѣдовательную и обдуманную систему дѣйствій по

отношенію къ западно-русскимъ и привислянскимъ евреямъ; ибо, съ одной стороны, еврейскій вопросъ, и безъ того уже отложенный въ долгій ящикъ, не можетъ быть болѣе отсроченъ, а съ другой, послѣдовательность и постоянство есть необходимое условіе успѣха какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благопріятный для гражданскаго равноправія евреевъ исходъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если этому не воспрепятствуютъ правильно понятыя политическія соображенія. Какъ бы мы ни были всѣ убѣждены, что религіозные и соціально-экономическіе виды не только не мѣшаютъ, но даже требуютъ уравненія гражданскаго положенія евреевъ съ положеніемъ кореннаго населенія, но если отъ этой эманципаціи евреевъ могутъ пострадать хоть сколько нибудь государственные интересы русскаго народа, то мы должны оставить всякую надежду на возможность эманципаціи, по крайней мѣрѣ впредь до радикальнаго измѣненія какъ быта самыхъ евреевъ, такъ и господствующихъ на счетъ этого въ русскомъ народѣ понятій. Поэтому, вопросъ о полезности обрусенія окраинъ есть «быть или не быть» ихъ эманципаціи и равноправности. Но понятно, что при такой важности этого вопроса, имѣющаго первостепенное значеніе вообще для русскаго дѣла въ западной Россіи и привислянскомъ краѣ, отвѣтъ на него можетъ быть данъ только послѣ тщательнаго изученія его по источникамъ, представляемымъ исторіей и жизнью.

Для этого обратимся прежде всего къ характеристикѣ положенія евреевъ въ старой Польшѣ, такъ какъ здѣсь мы найдемъ ключъ къ разгадкѣ ихъ настоящей судьбы въ западномъ и привислянскомъ краѣ Польскіе историки и публицисты часто попрекаютъ евреевъ тѣмъ, что они были приняты въ ихъ странѣ ласково и дружелюбно въ то время, когда во всей Европѣ ихъ преслѣдовали самымъ жестокимъ образомъ, и что они не смотря на то, что пользовались здѣсь такими правами и преимуществами, какъ нигдѣ, они однакожъ не ополячились и не сдѣлались полезными гражданами. Мотивъ этотъ переняли и нѣкоторые русскіе жидоѣды, которые не брезгаютъ никакими аргументами для того, чтобъ доканать жидовъ. А между тѣмъ этотъ упрекъ въ высшей степени неоснователенъ.

Правда, что евреямъ въ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ. начиная съ XIV вѣка, давались различныя привиллегіи и вольности; правда и то, что въ экономическомъ отношеніи положеніе евреевъ въ польскихъ и литовскихъ земляхъ было сноснѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ; но медаль имѣетъ и свою оборотную сторону, значительно измѣняющую первое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ характеръ этихъ еврейскихъ привиллегій, что имѣлось въ виду при ихъ установленіи, какъ они исполнялись на дѣлѣ и въ какомъ отношеніи находились къ правамъ другихъ классовъ населенія? На эти вопросы безпристрастная исторія даетъ очень поучительные отвѣты. «Евреи, говорится въ статутѣ Казиміра, должны имѣть всѣ средства къ накопленію денегъ, чтобъ въ случаѣ надобности могли удѣлять часть ихъ на пользу государства» [1]). Еслибъ отъ всей польской исторіи намъ ничего не осталось бы, кромѣ этого мѣста, мы также легко могли бы возсоздать по немъ картину еврейскаго быта въ польскихъ земляхъ, какъ легко натуралистъ по одному зубу или кости допотопнаго животнаго конструируетъ весь его организмъ. Но мы имѣемъ множество другихъ болѣе подробныхъ данныхъ, доказывающихъ, что въ этихъ словахъ польскаго законодателя выражается не личное мнѣніе или случайное соображеніе, а квинтъ-эссенція польской политики относительно евреевъ за все время существованія Рѣчи Посполитой.

По свидѣтельству законодательныхъ актовъ и всѣхъ польскихъ историковъ (напр. Чацкаго, Шайноха и др.) евреевъ привлекали и заманивали въ свои владѣнія изъ западной Европы литовскіе и русскіе князья и польскіе короли съ цѣлью поощрять городскую промышленность. Затѣмъ, когда евреи поселились уже въ достаточномъ количествѣ, на нихъ никогда не переставали смотрѣть какъ на необходимое зло, какъ на людей, которые въ сущности не были людьми, т. е. гражданами страны, но изъ которыхъ все таки можно было извлечь нѣкоторую пользу, и потому терпимыхъ. Такъ напр въ постановленіи коронаціоннаго сейма при Владиславѣ IV, отъ 1633 г.,

[1]) Приведено у Журавскаго, Статист. Опис. Кіев. губ., т. I, стр. 369.

говорится, что по случаю вздорожанія цѣнъ на всѣ предметы, чины Великаго Княжества Литовскаго ходатайствовали предъ королемъ объ облегченіи евреямъ правъ торговли и король обѣщалъ исполнить ихъ желаніе [1]).

Евреямъ покровительствовали еще для того, чтобъ образовать изъ нихъ туземное городское сословіе, какъ противовѣсъ начавшемуся съ давнихъ поръ поселенію и преобладанію въ польскихъ земляхъ нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Для этой цѣли евреевъ освобождали законодательными актами отъ вліянія нѣмецкихъ городовыхъ магистратовъ и цеховъ, постоянно употреблявшихъ всевозможныя усилія, чтобы подчинить себѣ опасныхъ конкурентовъ евреевъ; впрочемъ нерѣдко эти усилія увѣнчивались успѣхомъ и тогда положеніе евреевъ подъ властью глубоко ненавидѣвшаго его магистрата становилось самымъ безотраднымъ.

Гдѣ только встрѣчалась нужда въ поднятіи раззоренныхъ пожарами и войнами городовъ, или гдѣ нужно было основать новый городъ, тамъ евреи принимались съ распростертыми объятіями и имъ даровалась полная свобода торговли. Такъ было сдѣлано въ 1676 г. относительно города Новыя Сончи, а въ 1677 г. для городовъ Хенцына, Хельма и Казиміра. Но гдѣ только городъ начиналъ процвѣтать и въ немъ образовалось болѣе или менѣе сильное и многочисленное христіанское городское сословіе, какъ тотчасъ, по происканъ этого послѣдняго, начинались довольно существенныя стѣсненія правъ и осѣдлости евреевъ, причемъ предписывалось евреямъ не иначе селиться и торговать въ городахъ, какъ на основаніи особаго соглашенія съ городскимъ управленіемъ. Таковы напр. привиллегіи Каменца-Подольска отъ 1659 и 1670 гг., которыми воспрещалось евреямъ жить въ этомъ городѣ сверхъ опредѣленнаго привиллегіями города срока.

Чтобъ не испещрять нашей статьи безъ нужды ссылками на различныхъ авторовъ—ограничимся еще нѣкоторыми свѣдѣніями, заимствованными изъ одного изъ лучшихъ и новѣйшихъ сочиненій

---

[1]) Volumina legum, III, 384

по этому предмету—«Сборника свѣдѣній о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ сѣверо-западномъ краѣ» г. Ратча.

Евреи, говоритъ онъ, хотя и служили предметомъ для потѣхи и удали, въ часы разгула, шляхетства, хотя, вопреки привиллегіямъ и охраннымъ листамъ, имъ приходилось терпѣть больше другихъ отъ грабежа и насилій расходившейся шляхетской фанаберіи, но зато чѣмъ болѣе ихъ давило и унижало своеволіе, тѣмъ назойливѣе они стремились къ власти и господству. Евреи нашли покровителей въ панахъ-землевладѣльцахъ и въ латинскомъ духовенствѣ. Польская жизнь выработала такимъ образомъ тяжелый гнетъ надъ низшимъ населеніемъ тройственнаго союза пана, ксендза и еврея Еврейство въ лицѣ кагала имѣло свое управленіе, свои законы, свой судъ, свои наказанія, даже до смертной казни (?). При кагалѣ богатые и вліятельные покровительствовали бѣднымъ, но за то держали ихъ подъ деспотическою властью. Низшій еврейскій классъ долженъ былъ выносить весь тяжкій гнетъ своего вліятельнаго класса и служить ему наипослушнѣйшимъ орудіемъ. Кагалъ находилъ потворство и даже опору въ мѣстныхъ властяхъ, исполнителяхъ правительственныхъ распоряженій, и неограниченная власть его надъ членами еврейской общины признавалась оффиціально.

Евреи старались оградить себя отъ притѣсненій шляхты и городскихъ властей испрашиваемыми каждый разъ у королей и сеймовъ новыми привиллегіями и охранными листами. Шляхетство въ свою очередь всегда добивалось новыхъ правъ, чтобы льготы мѣщанства не могли освободить его отъ угнетенія шляхтой. Евреи тоже стѣсняли произволъ польскаго дворянства, какъ постоянными искательствами у королей и магнатовъ защиты противъ мелкихъ хищниковъ, такъ еще болѣе тѣмъ, что силѣ шляхетства они противоставляли организованную силу плотно соединеннаго кагала. Евреи были ненавидимы; но и они, съ своей стороны, подъ личиной угодливости, питали къ высшему классу населенія самое враждебное настроеніе духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ полонизмъ, призвавъ еврея въ исполнители своихъ насилій надъ крѣпостнымъ русскимъ населеніемъ, возстановилъ противъ него и простолюдина, такъ что въ результатѣ польской жизни получился самый глубокій разладъ и непримиримая

вражда между всѣми классами и сословіями. Евреи утвердились до того, что усвоили себѣ всѣ замашки шляхетскаго самоуправства и подобно имъ иногда производили насилія, на что указывается въ лѣтописяхъ мѣстной исторіи и архивахъ суда и администраціи. Это было для нихъ тѣмъ легче, что они стали неизбѣжными участниками панскаго хозяйства, причемъ пользовались для своихъ личныхъ интересовъ распущенностью и лѣнью, которой предавалось сословіе землевладѣльцевъ, болѣе занятыхъ подготовленіями партій для сеймовъ и сеймиковъ, чѣмъ своими дѣлами [1]). До какой степени ложны увѣренія полякующихъ писателей, будто евреи въ Рѣчи Посполитой нашли такой пріютъ, какъ нигдѣ, видно напр. изъ того поразительнаго факта, что еще въ 1629 году изъ 453 городовъ въ Польшѣ 208 не терпѣли у себя евреевъ. Въ деревняхъ же осѣдлость воспрещалась имъ постоянно, такъ что не проходило почти ни одного сейма безъ строжайшаго повторенія этого воспрещенія, хотя экономическія нужды края оказывались, какъ и вездѣ, сильнѣе искуственныхъ стѣсненій и заставляли какъ евреевъ, такъ и остальное населеніе, нарушать сплошь да рядомъ эти воспрещенія.

Выводы изъ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ польской исторіи очень осязательны. Ясно какъ день, что Польшѣ никогда и на мысль не приходило смотрѣть на евреевъ какъ на полноправныхъ гражданъ. Въ нихъ никогда не видѣли вообще людей, имѣющихъ поэтому самому свои прирожденныя, неотъемлемыя человѣческія права, и поэтому заслуживающихъ вниманія государства, существующаго для гражданъ, а не граждане для него. На евреевъ всегда смотрѣли какъ на орудіе къ достиженію извѣстныхъ, для нихъ совершенно постороннихъ цѣлей, какъ на средство, а не цѣль государственной дѣятельности. Имъ давали права и вольности, гдѣ въ нихъ чувствовалась настоятельная нужда и изъ ихъ энергіи и трудолюбія можно было извлечь какую нибудь пользу для казны или шляхты. Гдѣ же только можно было обойтись безъ нихъ, имъ самымъ ощутительнымъ образомъ давали знать, что они

---

[1]) Ратчъ, т. I, стр. 166—170, 175, 220, 241, 244.

презрѣнные и ненавистные чужеземцы, отъ которыхъ очень пріятно отдѣлаться. Но и права эти, то даваемыя, то отнимаемыя, смотря по надобности, даже тогда, когда они de jure существовали, очень часто превращались въ мертвые клочки бумаги, благодаря необузданному произволу шляхетства и магнатеріи, не признававшихъ надъ собой никакой законной власти. Еще менѣе, чѣмъ дворянство было расположено къ евреямъ нѣмецкое и польское городское сословіе, которое кромѣ религіознаго фанатизма и національнаго предубѣжденія имѣло еще болѣе основательныя экономическія причины ненавидѣть евреевъ, какъ опасныхъ конкуррентовъ по торговлѣ и ремесламъ.

Наконецъ и внутреннее самоуправленіе еврейскихъ общинъ при польскомъ владычествѣ, на которое часто указываютъ, какъ на существенное благодѣяніе, оказанное польскимъ правительствомъ евреямъ, на самомъ дѣлѣ сдѣлалось причиной неисчислимыхъ бѣдствій для еврейской массы, такъ какъ при всеобщей анархіи и безурядицѣ и при отношеніи Польши къ евреямъ, какъ къ дойной коровѣ, мнимое самоуправленіе превратилось въ жестокую кабалу еврейскихъ общинъ, предоставленныхъ немногимъ міроѣдамъ, представителямъ этихъ общинъ передъ казной, давшей имъ неограниченную власть надъ жидовскимъ быдломъ, лишь бы они исправно взносили подати и вообще исполняли свои обязанности передъ ней. Вотъ почему совершенно справедливо говоритъ г. М. Р., изслѣдованіемъ котораго мы отчасти пользовались [1]), въ отвѣтъ на заданный имъ себѣ вопросъ: чѣмъ была Польша для евреевъ?—слѣдующее. «Когда въ нихъ нуждались, она была для нихъ Палестиной, а когда думали, что съумѣютъ обходиться безъ нихъ, она обращалась для нихъ въ Египетъ. Пока полякъ нуждался въ евреѣ, онъ былъ для него другомъ, но лишь минула нужда, онъ превращался для него въ Фараона».

Ужъ по этимъ даннымъ можно напередъ предрѣшить категорически вопросъ: какія политическія убѣжденія, симпатіи и антипатіи

---

[1]) О западно-русскихъ евреяхъ (Приложеніе къ Гакармелю, годъ VI; см. № 25).

вынесли евреи изъ своего участія въ судьбахъ польскихъ владѣній. Но политическій организмъ Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе внутренней своей несостоятельности, по непреложнымъ историческимъ законамъ, распался и уступилъ мѣсто государственнымъ формамъ болѣе жизненнымъ и состоятельнымъ. Бывшія польскія земли подпали власти сосѣднихъ государствъ—Австріи. Пруссіи и Россіи. Вслѣдъ затѣмъ начинается и продолжается безпрерывно до сихъ поръ такъ называемое великое будованіе, т. е. дѣятельная работа польской патріотической партіи къ возстановленію ойчизны въ прежнемъ видѣ. При такой оживленной политической жизни польскихъ провинцій трехъ упомянутыхъ государствъ, при такомъ неимовѣрномъ напряженіи польскаго патріотизма, не оставившаго безъ вниманія ни одного, самаго мелочнаго явленія, которое можетъ послужить на пользу или вредъ польской справы, многочисленное во всѣхъ этихъ провинціяхъ еврейское населеніе должно же было придерживаться какой нибудь программы дѣйствій, заявить себя въ томъ или другомъ смыслѣ по волновавшему такъ глубоко всѣ польскія мѣстности вопросу. Съ подавленіемъ же этихъ возстаній заинтересованными правительствами, опытъ, который можетъ извлечь государство изъ соображенія образа дѣйствій всѣхъ слоевъ населенія въ эпоху революціонныхъ броженій, можетъ и долженъ служить для него лучшимъ руководителемъ во внутренней политикѣ по отношенію къ реорганизаціи потрясенныхъ мѣстностей и водворенію въ нихъ началъ лучшей гражданственности и порядка. Поэтому, обсуждая вопросъ о значеніи западно-русскихъ и привислянскихъ евреевъ для дѣла обрусенія этихъ краевъ, я считаю лучшимъ для правильнаго уразумѣнія этого предмета способомъ, послѣ общихъ указаній о судьбѣ и роли евреевъ въ независимой Польшѣ, привести нѣкоторыя, не лишенныя интереса данныя, относительно политической жизни евреевъ въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ подъ владычествомъ Австріи, Пруссіи и Россіи, особенно въ періоды польскихъ возстаній. При этомъ сначала укажемъ на факты изъ исторіи принадлежащихъ Австріи и Пруссіи польскихъ провинцій, въ которыхъ такъ называемый польскій вопросъ рѣшенъ раньше и положительнѣе, чѣмъ у насъ, и исторія которыхъ имѣетъ

для насъ, при сходствѣ обстоятельствъ, громадный интересъ, какъ поучительный примѣръ для подражанія.

При своеволіи шляхетства, говоритъ г. Ратчъ, такъ основательно разработавшій польскій вопросъ по источникамъ, положеніе жидовъ въ Галиціи не было завидное, и развѣ одни крестьяне могли позавидовать имъ. По присоединеніи этой провинціи къ Австріи, заботы австрійскаго правительства о пересозданіи общественнаго строя страны, коснулись и евреевъ, которые не остались неблагодарными правительству, и на дѣлѣ, въ разнообразныхъ видахъ, старались ему помогать. Во времена революціонныхъ движеній они оказывали ему наиполезнѣйшія услуги, постоянно доставляя ему извѣстія и служа ему агентами. Ретивость евреевъ была такъ велика, что ее едва ли не болѣе можно отнести къ преданности равительству и человѣколюбивымъ австрійскимъ чиновникамъ, чѣмъ къ ихъ корыстолюбію. Таковы были отношенія евреевъ къ австрійскому правительству всякій разъ, когда они чувствовали, что сила на сторонѣ правительственной власти и что отъ правительства они могутъ ожидать энергической поддержки своимъ интересамъ Политика австрійскаго правительства въ отношеніи польскихъ провинцій заключается существенно въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону вліятельные элементы населенія. Но оно не всегда можетъ оградить одни элементы отъ посягательства другихъ, враждебныхъ имъ слоевъ населенія. Она не всегда можетъ всей силой своей власти поддерживать ту разумную равноправность, по которой личный трудъ и способности вели бы каждаго къ упроченію своего благосостоянія и не допускать привиллегированныхъ классовъ общества соединять свои силы съ цѣлью насильственнаго преобладанія надъ другими, болѣе слабыми сословіями.

И только вслѣдствіе этого-то безсилія австрійскаго правительства и неспособности его постоянно поддерживать равновѣсіе общественныхъ силъ страны—польскій вопросъ вообще, и въ частности отношенія поляковъ къ евреямъ подвергались нѣкоторымъ, впрочемъ незначительнымъ колебаніямъ. Такъ напримѣръ въ революціонное время сороковыхъ годовъ поляки пріобрѣли немало сторонниковъ и между евреями при помощи братанья и угрозъ. Угроза

особенно дала толчекъ, замѣчаетъ очевидецъ, сообщающій эти свѣдѣнія. Впрочемъ масса еврейскаго населенія Галиціи держалась черножелтаго знамени (стороны Австріи). Послѣдовавшія колебанія государственной власти и уступки ея въ пользу польской патріотической партіи усилили вліяніе полонизма и на евреевъ. Съ 1848 г., когда польская партія получила преобладаніе въ управленіи Галиціей, евреи опять стали помощниками пановъ въ эксплуатаціи крестьянъ, и вообще замѣчается ополяченіе евреевъ. Іезуиты стали завлекать ихъ въ свои школы. «Въ наше время, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель той эпохи, образованные жиды начали уже полонизироваться, а еще во время революціи 40-хъ годовъ даже либералы между ними охотнѣе украшали себя черножелтыми цвѣтами, чѣмъ краснобѣлыми старой Польши». Но это было мимолетное увлеченіе немногихъ горячихъ головъ, одурманенныхъ польской лестью, и не имѣло прочнаго основанія въ еврейскомъ мірѣ. Это видно изъ того, что когда противъ польскихъ симпатій выступилъ съ горячей проповѣдью раввинъ Конъ, и доказалъ евреямъ всю безразсудность ихъ увлеченій, то послѣдніе начали быстро охладѣвать. Впрочемъ Конъ дорого поплатился за желаніе раскрыть глаза своимъ единовѣрцамъ насчетъ истиннаго ихъ положенія. Польская справа не могла равнодушно смотрѣть на его пропаганду и въ 1852 г. онъ былъ отравленъ съ женой и двумя дѣтьми.

Въ настоящее время «Галиційскіе евреи, какъ водится, все консерваторы, истые австрійцы». У нихъ, разумѣется, личные интересы на первомъ планѣ. Въ политику они почти не вмѣшиваются [1]).

Въ Пруссіи мы замѣчаемъ явленія аналогическія, съ тѣмъ отличіемъ, что прусское правительство гораздо послѣдовательнѣе и выдержаннѣе проводило свою политику по польскому вопросу, чѣмъ австрійское, и потому здѣсь встрѣчаются гораздо менѣе колебаній въ сторону польскихъ тенденцій и затѣй. Еврейскія общества, говоритъ г. Ратчъ по нѣмецкимъ источникамъ, по своей слабости и безпомощности, всегда ищутъ опоры тамъ, гдѣ сила и власть. Пруссаки тѣмъ охотнѣе оказывали требуемую поддержку евреямъ,

[1]) Письмо изъ Львова («Новое Время» 1868 г № 242).

что жаргонъ ихъ, при такомъ оборотѣ дѣлъ, быстро сталъ очищаться и замѣняться чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, и что вообще евреи, прильнувъ къ нѣмцамъ, увеличили собою ихъ ряды и тѣмъ облегчили имъ борьбу съ враждебнымъ полонизмомъ. Въ мятежѣ 1848 года поляки всячески старались завлечь евреевъ, искушая однихъ барышами и, дѣйствуя на другихъ возбужденіемъ ихъ тщеславія; польская интеллигенція при этомъ не скупилась на льстивыя слова, но когда разыгралась польская удаль, шляхта показала евреямъ, что еще не умерла Польша. Результатомъ этого было то, что во все время мятежа евреи сильно пострадали отъ насилій повстанцевъ и явно были на сторонѣ пруссаковъ. Вслѣдствіе этого Пруссія стала еще снисходительнѣе къ евреямъ, и послѣ 1848 г. были отмѣнены многіе старинные законы, ограничивавшіе права ихъ гражданства. Правда, исторія польскихъ волненій въ Пруссіи указываетъ и на нѣсколькихъ личностей еврейскаго происхожденія, принимавшихъ горячее участіе въ происках поляковъ; таковы напр Рехбергъ, Іогансонъ и др. Но зная чарующую силу польскихъ козней, конечно, нельзя придавать этому обстоятельству никакого особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что между нѣмцами, далеко превосходящими евреевъ въ политическомъ развитіи и сознаніи своей самостоятельности, поляки завербовали себѣ не менѣе, если не болѣе партизановъ. Очень замѣчательно еще то, что при прусскомъ владычествѣ въ Познани евреи существенно измѣнились не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи Извѣстный своей германизаторской дѣятельностью познанскій намѣстникъ Флотвелль старался преимущественно о томъ, чтобы образовать въ краѣ сильное нѣмецкое городское сословіе. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Нѣмцы-купцы и ремесленники заняли мѣсто евреевъ и поглотили ихъ. Это было для нихъ тѣмъ легче, что на ихъ сторонѣ была большая честность и аккуратность. Подъ вліяніемъ такихъ измѣнившихся обстоятельствъ—познанскіе евреи, занимавшіеся прежде исключительно торговлей, обратились къ болѣе производительнымъ занятіямъ, напримѣръ ремесламъ [1]).

Ратчъ, т. 2, стр. 160—162, 165, 808—811

Таковы факты, объясняющіе роль евреевъ въ польскихъ возстаніяхъ въ Австріи и Пруссіи. Въ слѣдующій разъ поговоримъ объ участіи евреевъ въ польскихъ волненіяхъ въ Россіи и о выводахъ, которые можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ данныхъ.

II.

Обращаясь затѣмъ къ дѣятельности евреевъ въ эпоху революціонныхъ броженій въ польскихъ провинціяхъ Россіи, мы находимъ, что евреи и здѣсь заняли такое же мѣсто рѣшительныхъ друзей правительства и законнаго порядка. Правда, поляки, страдающіе въ политическомъ отношеніи органическимъ недугомъ легковѣрія и неисправимаго фантазерства, не мало изощряли свое воображеніе строеніемъ воздушныхъ замковъ и насчетъ завлеченія евреевъ въ польскую справу. Такъ напр , въ числѣ мѣръ къ подрыву благосостоянія Россіи, они разсчитывали на злоупотребленія евреевъ-чиновниковъ акцизнаго вѣдомства въ великороссійскихъ губерніяхъ (Ратчъ, т. I, стр. 170). Они разсчитывали также, при помощи евреевъ, вліять на Ротшильда, и подвести мину подъ государственный кредитъ Россіи на европейскихъ биржахъ (тамъ же, стр 246). Но нелѣпость и несбыточность этихъ, какъ и многихъ другихъ плановъ эмиграціи видна съ перваго взгляда. На дѣлѣ же участіе евреевъ въ мятежѣ, если и было въ незначительныхъ размѣрахъ, то проистекало изъ двухъ основаній. По большей части участіе это было вынуждено насиліями повстанцевъ и страшными угрозами, нерѣдко приводившимися въ исполненіе. Выше мы привели отзывъ очевидца, что въ Галиціи угроза дала особенный толчекъ присоединенію части еврейскаго населенія къ повстанцамъ. Тоже самое было въ русской Польшѣ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что съ самаго начала волненій 1861 года польскія патріотки въ Варшавѣ одѣлись въ трауръ; мгновенно за ними послѣдовали еврейки, а затѣмъ и русскія барыни должны были надѣть трауръ по убитымъ въ уличныхъ безпорядкахъ (Ратчъ, I, 139). Читая это мѣсто, можно подумать, будто еврейское населеніе Варшавы, дѣйствительно, по убѣжденію, было вполнѣ солидарно съ возстаніемъ,

но далѣе мы встрѣчаемъ нѣкоторое объясненіе этихъ симпатій евреевъ къ старой Польшѣ. Дѣло въ томъ, что гимназисты обрывали цвѣтныя платья, обливали ихъ сѣрной кислотой и чернилами. При такомъ оригинальномъ способѣ проявленія патріотизма не удивительно, что все населеніе съ виду примкнуло къ возстанію. Но была еще другая не менѣе могущественно дѣйствовавшая причина участія евреевъ въ мятежѣ.

Масса еврейскаго населенія, давно отученная отъ всякаго производительнаго труда, къ которому ее не допускали, привыкшая пробавляться крохами съ панскаго стола и видѣть главный источникъ своего пропитанія въ удовлетвореніи прихотямъ пановъ, естественно смотрѣла на возстаніе, какъ на прибыльную затѣю взбалломошной шляхты и не упускала случая нагрѣвать руки въ различныхъ дѣлахъ и продѣлкахъ революціонной агитаціи.

Такъ напр., сбытъ Колокола въ Россіи былъ порученъ поляками еврейскому книгопродавцу (Ратчъ, I, 127). Изданія польской эмиграціи были распространяемы, между прочимъ, и нѣкоторыми еврейскими книгопродавцами (Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—63 г. Вильна, 1866 г., стр 110). Вообще евреи, по указанію этого же сочиненія, «всегда были усердными исполнителями всевозможныхъ порученій польскихъ заговорщиковъ, которые щедро платили» (тамъ же, стр. 204). По словамъ г. Ратча, (т. 2, стр. 160—162) революціонныя затѣи въ Галиціи дали евреямъ большія прибыли, но они помогали полякамъ только тогда, когда немедленно получали вознагражденіе (тамъ же, т. I, стр. 154). Такое корыстное отношеніе къ политическимъ вопросамъ само по себѣ можетъ заслужить только порицанія; но строгость приговора надъ польскими евреями значительно смягчится, если принять въ соображеніе страшное моральное и физическое давленіе всемогущей шляхты на жившее въ его владѣніяхъ крестьянское и жидовское быдло, гнетущую съ давнихъ поръ евреевъ безвыходную бѣдность, отсутствіе, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, энергической поддержки со стороны правительства противъ притязаній и происковъ мятежнаго дворянства и привычку съ давнихъ поръ жить на счетъ барскихъ затѣй и барской неумѣлости.

Можемъ ли мы, имѣя въ виду всѣ эти условія, винить евреевъ въ томъ, что ихъ отношенія къ польской справѣ не отличались особенной искренностью и благородствомъ въ большинствѣ случаевъ и что они изъ корыстныхъ видовъ подчасъ помогали дѣлу, которому нисколько не сочувствовали? Можемъ ли мы удивляться этому послѣднему обстоятельству, зная какъ низокъ уровень политической нравственности вообще во всѣхъ слояхъ населенія бывшаго царства польскаго? Приписывать же однимъ евреямъ такой барышнический эгоизмъ въ соціальныхъ вопросахъ—мы не имѣемъ права ужъ потому, что исторія польскихъ возстаній указываетъ на многихъ членовъ панургова стада, содѣйствовавшихъ мятежу изъ личныхъ видовъ, изъ русскихъ и даже нѣмцевъ, у которыхъ такъ значительно развито чувство честности и національное сознаніе (таковъ напр., прусскій купецъ Адольфъ Гофманъ).

Алчность и страхъ передъ панами не заглушили однакожъ въ евреяхъ здраваго смысла и чувства законности, и исторія періода времени отъ 1831—1863 года представляетъ намъ длинный рядъ фактовъ, доказывающихъ несомнѣннымъ образомъ, что истинныя симпатіи евреевъ все время были на сторонѣ законнаго правительства.

«Отъ рѣшительнаго участія въ мятежѣ евреи отказывались; изрѣдка проглядываетъ случайно офанатившаяся личность, искушенная мечтою о власти, тѣмъ сильнѣе дѣйствующая, что власть евреямъ менѣе доступна. Эмиграція хотѣла эмансипировать евреевъ, какъ она выражалась; попытка къ ополяченію евреевъ, къ признанію ихъ равными дѣтьми одной матки-ойчизны, была сдѣлана въ 1846 году и была неудачна. Евреи видимо поддавались, обѣщали многое послѣ 1846 г. и работали смѣло, потому что крестьянъ не боялись: когда дѣла пошли плохо, евреи отстали первые» (Польская эмиграція, стр. 204). Въ виду завязавшагося мятежа, говоритъ г. Ратчъ (т. I, стр. 200), евреи, не смотря на всѣ польскія завѣренія, въ недоумѣніи какъ разыграется дѣло, становились неподатливыми заимодавцами. Болѣе подробныя указанія въ этомъ родѣ мы имѣемъ относительно возстанія 1831 г. у Смита (Исторія польскаго возстанія и войны, 1830 и 31 гг.).

Все среднее сословіе было, по его словамъ, противъ революціонныхъ затѣй шляхты (т. I, стр. 100), такъ что еслибъ власть была въ рукахъ горожанъ, то кровь не была бы пролита и покорность была бы тотчасъ оказана (стр. 184).

Въ самомъ началѣ революціонныхъ движеній въ Варшавѣ были лишены жизни многіе евреи, подъ предлогомъ шпіонства у русскихъ: этотъ угнетенный народъ, замѣчаетъ по этому поводу Смитъ, постоянно служилъ цѣлью для преслѣдованія черни, которая ему мстила кровью за мелкіе обманы въ торговлѣ (тамъ же, стр. 168). Панъ Круковецкій, по назначеніи его революціоннымъ сеймомъ губернаторомъ Варшавы, ознаменовалъ свое шляхетское управленіе особенно жестокимъ преслѣдованіемъ евреевъ, и не проходило почти дня, въ который нѣсколько евреевъ, виновныхъ и невинныхъ, не были повѣшены какъ русскіе шпіоны (тамъ же, стр. 464). Изъ этихъ послѣднихъ свѣдѣній, подтверждаемыхъ и другими источниками, видно, что евреи особенно охотно служили агентами и шпіонами для русскаго правительства, навлекая на себя этимъ жестокія гоненія повстанцевъ. Мы думаемъ, что приписывать это обстоятельство одной алчности евреевъ нѣтъ возможности, потому что еслибъ евреи принимали на себя опасную роль шпіоновъ только по корыстному расчету, имъ было бы гораздо безопаснѣе и выгоднѣе быть шпіонами у поляковъ, которые имѣли ихъ болѣе чѣмъ всякая другая нація въ мірѣ, благодаря сильному вліянію іезуитизма (тамъ же, стр. 255, прим.). Если же евреи рисковали жизнью для того, чтобы служить русскимъ интересамъ въ борьбѣ съ полонизмомъ, то конечно потому, что принимали эти интересы горячо къ сердцу. И дѣйствительно, когда фельдмаршалъ Дибичъ появился во главѣ русскихъ войскъ въ предѣлахъ Польши, «евреи, нѣмцы и среднее сословіе (какъ донесъ ему князь Шаховской) встрѣтили русскихъ съ радостію, какъ возстановителей порядка» (тамъ же, стр. 383).

Затѣмъ, когда пламя мятежа разлилось и по Волыни и Подоліи, то многочисленное тамошнее еврейское населеніе, если и не было противъ инсургентовъ, то и не держало ихъ сторону. Чуждые политическихъ страстей, евреи вѣрно предвидѣли чѣмъ окон-

чится борьба и сверхъ того они не могли ощущать никакого влеченія рисковать жизнью и имуществомъ за дѣло, которое еслибъ и восторжествовало, то снова отдало бы ихъ безграничному своеволію шляхетства (тамъ же, т. 2, стр. 171) Евреи въ сѣверозападномъ краѣ были болѣе всѣхъ другихъ притѣсняемы повстанцами, но они съ покорностью и дрожа переносили все, тогда какъ старообрядцы, далеко не столь многочисленные какъ евреи, оказывали такое сопротивленіе, что бунтовщикамъ скоро пришлось трепетать предъ ними (тамъ же, стр. 393). Такое пассивное отношеніе евреевъ къ повстанію объясняется конечно загнанностью ихъ, отсутствіемъ всякаго сознанія своей силы и непривычкой къ военному дѣлу и вообще тяжелому физическому труду.

До какой степени рѣшительна была антипатія евреевъ къ мятежу видно напримѣръ изъ того, что въ Варшавѣ поляки не рѣшались на войну потому, что значительную часть населенія составляли здѣсь нѣмцы и евреи, на которыхъ нельзя было расчитывать (Смитъ, т 3. стр. 454). Понятенъ поэтому тотъ горькій упрекъ, который дѣлаетъ польскимъ евреямъ знаменитый глава великаго будованія – князь Адамъ Чарторыйскій, говоря въ рѣчи отъ 17 ноября 1844 г., что они въ 1830 и 31 гг «враждебно и вѣроломно противодѣйствовали полякамъ, перейдя на ту сторону, гдѣ сила и золото» (Польская эмиграція, стр. 397). Правда, Чарторыйскій говоритъ далѣе, будто евреи съ тѣхъ поръ «начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они предались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла. Ихъ тоже, продолжаетъ пророческимъ тономъ ораторъ, унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской справы примкнутъ къ другимъ жителямъ страны, при убѣжденіи, что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія».

... Послѣ усмиренія возстанія 1831 года не только не сдѣлано ничего для серьезнаго привлеченія евреевъ на сторону русскаго дѣла на западной окраинѣ, но крайнѣй мѣрѣ до настоящаго царствованія; но какъ общее состояніе края за это время, такъ въ

частности юридическій и экономическій бытъ евреевъ сложился такимъ образомъ, чтобы усилить вліяніе польщизны на еврейское населеніе. Тѣмъ не менѣе предсказаніе Чарторыйскаго, что евреи будутъ совершенно увлечены потокомъ революціи, далеко не оправдалось на дѣлѣ, и въ возстаніи 1861—63 гг. евреи, по убѣжденіямъ и симпатіямъ, были также положительно на сторонѣ русскихъ, какъ и въ мятежѣ 1831 г., хотя долговременное шляхетское управленіе и вліяніе не прошло безслѣдно и для евреевъ, особенно въ привислянскомъ краѣ. Такъ въ 1861 г., какъ и въ 1831, мятежныя манифестаціи не могли свободно появляться въ городахъ, потому что здѣсь большая часть населенія состояла изъ евреевъ, на содѣйствіе которыхъ поляки не могли расчитывать (Ратчъ, I. 134). При отправленіи въ Бѣлостокѣ панихиды по убитымъ въ Варшавѣ при началѣ волненій, въ костелъ были приглашены и евреи; но ихъ явилось только 6 человѣкъ и тѣ навлекли на себя этимъ поступкомъ живѣйшее негодованіе своихъ единовѣрцевъ (Райковскій, польская молодежь западнаго края въ мятежѣ 1861—63 гг.; Русскій Вѣстникъ 1869 г., кн. 3, 251). Даже учащаяся еврейская молодежь, не смотря на общее увлеченіе молодаго образованнаго поколѣнія, даже изъ русскихъ, и та была очень сдержана въ отношеніи къ повстанію. Это видно напр. изъ слѣдующаго факта, занесеннаго въ хронику той эпохи. 7 іюня 1861 г. ученики виленской гимназіи послали одного изъ своихъ товарищей, еврея, къ ученикамъ раввинскаго училища съ предложеніемъ помириться съ ними, если они согласятся перевести революціонный гимнъ на еврейскій языкъ и пѣть его (тамъ же, стр. 264). Изъ этого извѣстія видно, что виленскіе гимназисты старались завлечь въ круговоротъ возстанія воспитанниковъ раввинскаго училища, но усилія ихъ оставались тщетными. У того же г. Райковскаго мы находимъ превосходную, основанную на фактахъ, характеристику роли евреевъ въ революціонной драмѣ, разыгравшейся на западной окраинѣ въ 1861—63 годахъ, которую и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Евреи, во множествѣ населяющіе западныя губерніи, чуждые происходящей тамъ національной борьбы, были по словамъ од-

нихъ на сторонѣ законнаго правительства, по убѣжденіямъ другихъ — на сторонѣ поляковъ И то и другое показаніе подтверждается несомнѣнными фактами. Не имѣя вовсе намѣренія явиться бардомъ русскаго патріотизма въ средѣ евреевъ, не могу однако согласиться съ тѣми, кто безусловно отрицаетъ въ еврейскомъ населеніи западныхъ губерній чувство преданности Россіи. Чувство это, конечно, рѣдко высказывалось такъ рельефно, какъ напримѣръ въ извѣстной проповѣди поневѣжскаго раввина Пумпянскаго, который во время полнаго разгара демонстрацій, въ августѣ 1861 г., рѣшился произнести въ синагогѣ поученіе въ русско-патріотическомъ духѣ; оно даже искуственно заглушалось цѣлой системой обособленія евреевъ отъ прочаго населенія, обязательнымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ школу, полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіозныя, кагаломъ и массой другихъ соотвѣтственныхъ этому установленій. При всемъ этомъ однако, западно—русскіе евреи, не смотря на кажущееся равнодушіе къ борьбѣ и готовность служить ради денегъ той и другой сторонѣ, въ сущности были на русской сторонѣ; но видя, что мы сами простодушно даемъ польщизнѣ противъ себя оружіе и не думаемъ даже скрыть отъ нея то, что слѣдуетъ держать въ тайнѣ, не рѣшались заявлять своихъ чувствъ публично, высказали ихъ лишь въ то время, когда мы отнеслись къ польскому вопросу серіозно, въ 1863 и 64 годахъ. (Западнорусскихъ евреевъ по чувству къ Россіи въ періодъ демонстрацій не слѣдуетъ смѣшивать съ евреями польскими, которые въ большинствѣ были вовлечены поляками въ агитацію. Польскіе евреи, и чрезъ раввиновъ, и воззваніями, настойчиво и даже съ угрозами требовали отъ западнорусскихъ содѣйствія мятежу, но всегда встрѣчали упорный отказъ). Поляки очень хорошо понимали нерасположеніе и недовѣріе къ нимъ евреевъ западнаго края и съ неудовольствіемъ видѣли, что еврей, вѣжливо устраняясь отъ пана, держится ближе къ крестьянину и пользуется несравненно большимъ довѣріемъ послѣдняго, чѣмъ польская шляхта. Не даромъ же стали паны составлять тайныя общества съ цѣлью вырвать торговлю изъ еврейскихъ рукъ и передать ее въ исключительно польскія руки, или распускать

по краю, рядомъ съ патріотическими воззваніями къ «Полякамъ моисеева закона» слухи, о необходимости перерѣзать евреевъ. Эти слухи, въ двухлѣтній періодъ демонстрацій, распространялись по краю семь или восемь разъ и ходили особенно сильно по гродненской и ковенской губерніямъ; евреи понимали смыслъ такой политики, знали откуда идутъ угрозы и не затруднялись предугадать свою будущность, если-бы западный край, паче чаянія, дѣйствительно подпалъ власти польскаго правительства. Не рѣшаясь на открытое сопротивленіе польщизнѣ, евреи западнаго края упорно уклонялись не только отъ всякой роли въ демонстраціяхъ, но и отъ всякой солидарности съ панами. Много можно насчитать случаевъ когда поляки требовали ихъ участія, когда агитаторы западныхъ губерній считали сбыточнымъ такое же искуственное сближеніе между евреями и поляками, какое совершилось, вслѣдъ за февральскими событіями въ Варшавѣ—и потому пробовали любезничать съ евреями; но требованія эти были круто отклоняемы, и смыслъ любезностей понятъ. Такъ въ августѣ 1861 г., во время шумной политическо-религіозной процессіи, агитаторы требовали, чтобы раввинъ и мѣстные евреи мѣстечка Корицына (гродненской губерніи) вышли на встрѣчу съ заповѣдями; никто и не подумалъ исполнять ихъ желанія. Сестра шавельскаго предводителя дворянства, помѣщица В., призвала къ себѣ тамошнихъ купцовъ евреевъ и убѣдительно уговаривала ихъ присоединиться къ полякамъ и способствовать имъ отложиться отъ Россіи Когда это не подѣйствовало, патріотка вмѣстѣ съ замужней дочерью, и въ сопровожденіи одного мѣстнаго папа К. стала обходить лавки и дома зажиточныхъ евреевъ, склоняя ихъ проникнуться польскими чувствами, молиться о полякахъ и проч. Злополучная патріотка не получила однако согласія ни отъ одного еврея: ей откровенно отвѣчали, что будутъ держаться на сторонѣ законной власти. Благодаря евреямъ, наши мѣстныя власти имѣли отъ времени до времени свѣдѣнія о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ поляковъ; но этимъ едва ли и не ограничивались нравственныя выгоды извлеченныя нами изъ нейтральнаго, по видимому, положенія во время происходившихъ въ краѣ волненій. Мѣстная администрація знала о

настроеніи евреевъ и всегда съ похвалой отзывалась о ихъ политической благонадежности» (Райковскій, кн. 2, стр. 610—612).

Не трудно объяснить себѣ причину такого упорнаго отвращенія западнорусскихъ евреевъ къ польской справѣ. Поляки, какъ можно видѣть изъ многихъ указанныхъ въ этой и предыдущей статьѣ фактовъ, щедро расточали евреямъ льстивыя слова и обѣщанія, чтобы завлечь ихъ въ революцію, но когда доходило до дѣла, они давали имъ знать, что «еще не сгинела польска» и что не смотря на великодушные порывы и либеральные планы, они еще не освоились съ мыслью видѣть въ евреѣ равнаго себѣ человѣка и гражданина. Такъ мы видѣли, что мятежниками нѣсколько разъ были пущены слухи о необходимости перерѣзать всѣхъ евреевъ. Мы видѣли также, что не только уличная чернь, но даже губернаторъ Круковецкій отчасти приводилъ въ исполненіе этотъ звѣрскій планъ. Другой коноводъ повстанцевъ—панъ Матусевичъ снискалъ себѣ громкую извѣстность между инсургентами не столько своими военными талантами, сколько неслыханными жестокостями, совершенными имъ надъ евреями и военноплѣнными: онъ сдиралъ съ нихъ кожу, сажалъ на колъ и т. п. (Смитъ, т. 2, стр. 400).

Мы видѣли также (въ отзывѣ г. Райковскаго), что поляки, заманивая и задабривая евреевъ, въ тоже время составляли планы отнять у нихъ экономическое значеніе въ западной окраинѣ. На этотъ замѣчательный фактъ указываетъ и г. Ратчъ. Въ то время, говоритъ онъ, какъ въ рѣчахъ и прокламаціяхъ евреямъ такъ искусительно расписывали, что они «поляки израелева закона» и во вновь созидаемой Польшѣ будутъ пользоваться полнымъ гражданскимъ равноправіемъ, вожаки бѣлой партіи (аристократической) старались устранять евреевъ отъ высшей торговли заведеніемъ особыхъ компаній для отправки заграницу произведеній края и привоза другихъ товаровъ (т. I, стр. 192). Евреи скоро поняли эту стратегику и охладѣли совершенно къ польской справѣ (тамъ же, стр. 154).

Но этого мало. Не только большинство мятежниковъ не могло

серьезно смотрѣть какъ на своего собрата на жида стараго покроя, на старо-законнаго; оно не могло равнодушно видѣть, а тѣмъ менѣе уважать жида вполнѣ ополяченнаго, принявшаго католицизмъ и политическія убѣжденія Польши. Это видно напримѣръ изъ слѣдующаго характеристическаго случая. Выкрестъ изъ евреевъ—Клячко былъ въ послѣднее возстаніе, и еще до того, однимъ изъ самыхъ даровитыхъ и горячихъ дѣятелей польской эмиграціи. Онъ пользовался высокимъ довѣріемъ князя Адама Чарторыйскаго до того, что тотъ поручилъ ему завѣдываніе дипломатическимъ департаментомъ своей администраціи. Несмотря на все это, паны не могли простить ему неизгладимаго пятна низкаго происхожденія. «Кровные паны весьма обижались принятыми имъ горячо патріотическими шляхетскими ухватками. Клячко стыдился того, что онъ жидъ. Поэтъ Адамъ Мицкевичъ, затронутый за живое его выходками, перебилъ его однажды среди выспреннихъ разглагольствованій вопросомъ «не знаете ли вы, сколько раввинскихъ училищъ въ Польшѣ?» и прибавилъ, что ему приличнѣе было бы проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ выставлять себя адвокатомъ шляхетскихъ притязаній». (Польская эмиграція, стр 282). Вотъ какъ поляки до мозга костей проникнуты шляхетской спѣсью и національно сословными предразсудками.

Мудрено ли, что евреи скоро раскусили въ чемъ дѣло и отклонили отъ себя участіе въ повстаніяхъ? Здѣсь кстати будетъ привести сообщаемыя г. Кельсіевымъ разсужденія двухъ евреевъ объ истинномъ характерѣ ихъ отношеній къ полякамъ и польской справѣ.

Одинъ изъ нихъ говорилъ г. Кельсіеву, что если онъ и принималъ участіе въ мятежѣ, доставляя полякамъ необходимые припасы и аммуницію, то единственно потому, что онъ былъ самымъ тѣснымъ образомъ запутанъ въ хозяйственныя и другія дѣла пановъ, въ рукахъ которыхъ находилось все его состояніе и что, при такомъ положеніи дѣлъ, онъ не могъ не принять участія въ повстаніи. Въ душѣ же, будучи убѣжденъ въ полной несостоятельности польскихъ утопій, онъ питаетъ далеко не дружелюбныя чувства къ дѣлу, которое его раззорило и заставило эмигрировать. Другой еврей, слушая разсужденія г. Кельсіева на счетъ сочувствія евреевъ къ

польской справѣ и возможности улучшенія быта ихъ при польскомъ правительствѣ, говоритъ слѣдующее: «при русскомъ правительствѣ съ меня взятки берутъ; за то голова моя цѣла и головы жены и дѣтей моихъ цѣлы. При полякахъ не то. У поляковъ первое дѣло жидъ, а жида нужно повѣсить и побить жида нужно. Когда они 30 лѣтъ назадъ (т. е. въ 1830 г.) бунтовали, мало ли они въ виленской губерніи жидовъ перевѣшали, и за что вѣшали? Сами не знаютъ (это, какъ мы видѣли, историческій фактъ). Если же евреи и бунтовали въ Варшавѣ, то только для виду, потому что должны были слушаться пановъ и плясать по ихъ дудкѣ (Галичина и Молдавія, стр. 214 — 218). Намъ кажется, что лучшей иллюстраціи польско-еврейскаго дѣла, тѣмъ болѣе заслуживающей довѣрія, что она передана человѣкомъ, крайне враждебнымъ евреямъ, не могъ бы представить самый ярый защитникъ политической благонадежности евреевъ съ русской точки зрѣнія.

●

III.

Мы прослѣдили въ краткихъ чертахъ исторію отношеній полонизма къ евреямъ въ періодъ самостоятельной государственной жизни польскаго народа и затѣмъ въ періодъ революціонныхъ попытокъ къ возстановленію утраченной независимости. Мы видѣли, что отношенія эти никогда не переставали быть проникнутыми систематическимъ эгоизмомъ, стремленіемъ извлечь изъ презираемаго и ненавистнаго, но необходимаго племени какъ можно больше пользы для своихъ личныхъ, сословныхъ и національныхъ интересовъ, не допуская ихъ ни подъ какимъ видомъ до равноправнаго участія въ этихъ интересахъ, какъ людей и гражданъ. Насквозь пропитанные духомъ іезуитизма и его основнымъ ученіемъ о неразборчивости въ средствахъ для достиженія цѣли, поляки могли на столько совладать съ своей спѣсью, чтобъ унизиться до лести жидамъ, которые такъ или иначе пригодились бы польской справѣ. Но, какъ мы видѣли, они не только думали объ удаленіи евреевъ отъ промышленной дѣятельности страны и даже объ истребленіи массы еврейскаго населенія въ западнорусскомъ краѣ, какъ оказавшейся враждебной

польскому дѣлу, но даже не могли проникнуться уваженіемъ или сочувствіемъ къ тѣмъ личностямъ еврейскаго происхожденія, которые искренно и горячо приняли къ сердцу религіозныя и политическія убѣжденія полонизма Изъ приведенныхъ нами словъ, сказанныхъ Мицкевичемъ, безспорно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей великаго будованія, Клячку, видно до какой степени лучшіе изъ польскихъ патріотовъ не могли отрѣшиться отъ привычки видѣть въ евреѣ слѣпое орудіе къ достиженію своихъ цѣлей, а не свободную и равную себѣ личность. Совершенно такимъ же характеромъ отличается другая сторона отношеній польщизны къ евреямъ, менѣе извѣстная, но чрезвычайно важная для насъ по практическимъ своимъ результатамъ. Я говорю о вліяніи полонизма на русское законодательство относительно евреевъ.

Съ самаго присоединенія Царства Польскаго къ Россіи поляки усердно интриговали у русскаго правительства, не допуская изданія и осуществленія законовъ противныхъ интересамъ польской справы. Между прочимъ они зорко слѣдили за законодательнымъ ходомъ еврейскаго вопроса, парализуя благія начинанія правительства по этому предмету и препятствуя разрѣшенію его въ смыслѣ неблагопріятномъ для польскихъ интересовъ. Съ особеннымъ успѣхомъ подвизался на этомъ поприщѣ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, который при императорѣ Александрѣ I долгое время пользовался огромнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла и злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ для достиженія своихъ замысловъ. Чарторыйскій, говоритъ г. Ратчъ, старался всѣми силами, чтобы законы, противные интересамъ польской справы, не были исполняемы. Для этого онъ обращался къ великодушію Александра, и когда подобный законъ, не смотря на его усилія, былъ издаваемъ, онъ старался усиліями туземцевъ усложнять дѣла и представить непреодолимыя будто бы препятствія къ исполненію новаго закона, такъ чтобъ онъ былъ отложенъ «впредь до велѣнія». Сюда относятся между прочимъ, правительственныя распоряженія о евреяхъ. Со временъ Рѣчи Посполитой евреи были спутниками панскаго владычества и служили помѣщикамъ необходимымъ орудіемъ для извлеченія доходовъ изъ своихъ имѣній. Вслѣдствіе этого мысль Ека-

терины объ устраненіи этого зла и обращеніи этого способнаго народа въ полезныхъ и истинныхъ русскихъ гражданъ, обработанная и утвержденная при Александрѣ I, не дошла до исполненія стараніями Чарторыйскаго (Ратчъ, т. I, стр. 53). Это объясняется тѣмъ, что Чарторыйскій хорошо понималъ значеніе евреевъ въ польской средѣ для борьбы съ Россіей. Поэтому, постоянный, могучій защитникъ ихъ (т. е. защитникъ ихъ statu quo, какъ выгоднаго для польскаго дѣла), онъ и въ эмиграціи, въ рѣчахъ своихъ, не забывалъ никогда евреевъ, посвящалъ имъ одобрительныя слова и внушалъ своимъ сторонникамъ убѣдить ихъ, что «Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія». Въ предсмертной своей рѣчи, 1861 г., онъ излился въ благодарственныхъ похвалахъ евреямъ за ихъ сочувствіе къ польской справѣ (Ратчъ, I, 144).

Чтобы объяснить смыслъ словъ г. Ратча, что Чарторыйскій воспрепятствовалъ осуществленію коренной реформы въ быту евреевъ, задуманной еще при Екатеринѣ, а потомъ при Александрѣ Павловичѣ, обратимся къ исторіи Положенія о евреяхъ 1804 г. Положеніе это есть первый законодательный памятникъ, подробно и точно опредѣлившій права и обязанности евреевъ, какъ русскихъ подданныхъ. Оно легло въ основаніе всего послѣдующаго русскаго законодательства о евреяхъ; чрезвычайно интересно поэтому прослѣдить исторію его возникновенія и исполненія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ предметѣ Державинъ, бывшій тогда министромъ юстиціи и членомъ еврейскаго комитета.

Еще при императорѣ Павлѣ Державинъ былъ посланъ въ Бѣлоруссію для изслѣдованія разныхъ мѣстныхъ вопросовъ, между прочимъ и вопроса объ отношеніи евреевъ къ коренному населенію западныхъ губерній. По этому поводу онъ составилъ подробную записку о еврейскомъ дѣлѣ, которую представилъ на усмотрѣніе высшаго правительства. Къ сожалѣнію Державинъ не говоритъ, въ чемъ именно заключались соображенія его записки и мѣры, ею предлагаемыя, для превращенія евреевъ въ болѣе полезныхъ гражданъ; видно только изъ его разсказа, что тамъ предлагалось, между прочимъ, ограничить свободу торговли питьями евреевъ, а также «вы-

вести ихъ изъ Польши въ другія губерніи». При императорѣ Александрѣ былъ учрежденъ Еврейскій Комитетъ, членами котораго были назначены князь Чарторыйскій, графъ Северинъ Потоцкій, Державинъ и графъ В. Зубовъ; этому комитету поручено было императоромъ разсмотрѣть записку Державина о евреяхъ, равно какъ и другую его записку о переселеніи мелкой шляхты изъ западныхъ губерній въ другія (обѣ эти записки, по словамъ Державина, были имъ доложены государю и онъ остался очень доволенъ ими).

Вслѣдствіе разныхъ происковъ и интригъ Еврейскій Комитетъ откладывалъ свое дѣло пока Державинъ былъ въ числѣ членовъ и новый законъ составленъ тогда только, когда Державинъ оставилъ министерство и мѣсто его въ Комитетѣ занялъ князь Лопухинъ. Записка же Державина, въ особенности предложеніе его о переселеніи евреевъ и шляхты въ русскія губерніи, оставлены были безъ движенія Еврейскимъ Комитетомъ, по той причинѣ, что «члены Комитета большею частью изъ польскихъ вельможъ, какъ-то. Чарторыйскій, Потоцкій, а Лопухинъ и Зубовъ имѣли въ Польшѣ большія маетности и мѣстечки, населенныя шляхтой и жидами, и была бы знатная потеря ихъ доходамъ, еслибъ жидовъ и шляхту вывести изъ Польши въ другія губерніи, какъ-то предлагалъ Державинъ». Такимъ образомъ «частная польза помянутыхъ вельможъ перемогла государственную; евреи остались въ прежнемъ безпорядкѣ, а о шляхтѣ и думать не хотѣли». Державинъ разсказываетъ далѣе, что когда въ его отсутствіи принесены были въ Еврейскій Комитетъ его записки о шляхтѣ и о евреяхъ, то Чарторыйскій первую бросилъ въ каминъ, а вторую отдалъ для передѣлки Сперанскому, который былъ вполнѣ преданъ евреямъ чрезъ посредство откупщика Переца. Евреи тоже, по словамъ Державина, интриговали и дѣйствовали подкупами, чтобы предупредить реформы (Записки Державина, 1743—1812, Москва 1860 г., стр. 474 и слѣд).

Но если по словамъ Державина, не проникшаго такъ глубоко въ козни польской партіи, на характеръ Положенія 1804 г. имѣли главное вліяніе личные интересы его составителей, то судя по тому, что стало извѣстнымъ въ настоящее время о дѣятельности Чарто-

рыйскаго и вообще польской магнатеріи при Александрѣ Павловичѣ, нельзя сомнѣваться въ справедливости отзыва г. Ратча, что Чарторыйскій въ своемъ сопротивленіи мѣрамъ русскаго правительства къ обрусенію и эманципаціи евреевъ, руководствовался главнымъ образомъ не столько личными, сколько національно-польскими политическими видами. Это внѣшняя исторія положенія 1804 г. вполнѣ подтверждается самимъ содержаніемъ этого закона. Положеніе это, при сколько нибудь внимательномъ разсмотрѣніи, очень недвусмысленно даетъ знать свое происхожденіе и свою цѣль.

Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ является роль русскаго языка, сравнительно съ польскимъ и нѣмецкимъ, въ еврейской средѣ по закону 1804 г. Польскіе магнаты хорошо понимали значеніе языка въ политическомъ воспитаніи народа, они ясно видѣли, что распространеніе русскаго языка между евреями можетъ въ короткое время сдѣлать изъ нихъ довольно надежный оплотъ русскаго дѣла въ западной окраинѣ. Но съ другой стороны лишить de jure русскій языкъ всякаго права гражданства у евреевъ они не могли, въ виду твердо сознанной еще Екатериной Великой и унаслѣдовавшимъ ея политику Александромъ I необходимости обрусенія польскихъ областей Такимъ образомъ въ Положеніи 1804 года явился компромиссъ между польской и русской политикой относительно господствующаго языка для евреевъ: русскій языкъ уравненъ въ правахъ гражданства съ польскимъ и нѣмецкимъ. Такъ, по положенію 1804 г., евреи могутъ устроить на свой счетъ особыя школы, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ предметовъ обученія былъ одинъ изъ трехъ языковъ—русскій, польскій или нѣмецкій. Евреи, которые обучаются въ гимназіяхъ, должны носить нѣмецкое или польское платье. Купеческія книги, равно какъ и всякіе юридическіе акты, евреи должны вести тоже на одномъ изъ этихъ трехъ языковъ. Для того чтобъ еврей могъ быть выбранъ въ члены магистрата ему необходимо знать одинъ изъ этихъ трехъ языковъ Такое же условіе постановлено для способности быть раввиномъ или кагальнымъ.

Такое уравненіе самимъ закономъ Положенія русскаго языка съ нѣмецкимъ и польскимъ, при фактическомъ господствѣ двухъ по-

слѣднихъ элементовъ въ западной окраинѣ, въ сущности было равносильно совершенному остракизму русскаго языка изъ еврейской среды.

Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати еврей сталъ бы вести торговыя книги на русскомъ языкѣ, когда онъ имѣлъ дѣла почти исключительно съ населеніемъ, употреблявшимъ польскій и нѣмецкій языки, и самъ законъ далъ ему право вести книги на этихъ языкахъ?

Зачѣмъ сталъ бы онъ составлять акты на русскомъ языкѣ для присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ преобладалъ языкъ польскій, когда притомъ законъ этого не требовалъ непремѣнно? Для чего сталъ бы онъ учить своихъ дѣтей русскому языку, когда законъ предоставилъ ему выборъ между тремя языками, изъ которыхъ русскій былъ въ совершенномъ загонѣ, а знаніе остальныхъ двухъ было необходимо ему на каждомъ шагу?

Польскій характеръ Положенія 1804 г. сказывается и на всѣхъ остальныхъ его частяхъ. Такъ, въ немъ признается круговая порука членовъ еврейскаго общества въ отправленіи государственныхъ повинностей, раскладка повинностей кагаломъ, а слѣдовательно и неограниченная власть кагала надъ еврейской массой, принадлежащая къ числу самыхъ темныхъ сторонъ польско-еврейской жизни. Достойно замѣчанія, что въ то время какъ положеніе о евреяхъ 1786 г., выросшее на русской почвѣ и потому явно стремившееся къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ, положительно заботится о томъ, чтобъ отодвинуть кагалъ на задній планъ и подчинить евреевъ по возможности непосредственному вліянію общихъ гражданскихъ властей, польское дѣтище—положеніе 1804 г. возстановляетъ власть кагала, этой главной помѣхи сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, почти въ томъ же объемѣ, какъ она существовала въ Рѣчи Посполитой.

Совершенно въ духѣ польскихъ статутовъ и сеймовыхъ конституцій, положеніе 1804 г. возлагаетъ надежду въ дѣлѣ исправленія евреевъ главнымъ образомъ на разныя воспрещенія, въ особенности на запрещеніе имъ арендовать хозяйственныя статьи и содержать питейные дома въ деревняхъ, такъ какъ еврейское вліяніе на сель-

ское населеніе, оставляя въ сторонѣ его значеніе съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, не согласовалось съ политическими и экономическими видами пановъ. И опять-таки совершенно въ духѣ польской жизни запрещеніе это и послѣ 1804 г. такъ же не приводилось въ исполненіе, по несоотвѣтствію съ общимъ положеніемъ страны, какъ и прежде при польскихъ сеймахъ.

Положеніе 1804 г. еще въ одномъ отношеніи представляетъ шагъ назадъ въ сравненіи съ положеніемъ 1786 г. Послѣднее говоритъ о евреяхъ, какъ членахъ магистратовъ, ратушъ и градскихъ думъ. Законъ 1804 г. упоминаетъ только о евреяхъ—членахъ магистрата (Леонтовичъ, Сіонъ, № 27) Въ этомъ обстоятельствѣ опять видѣнъ поворотъ именно къ польскимъ началамъ: извѣстно, что польское законодательство безусловно устраняло евреевъ отъ занятія всякихъ должностей внѣ еврейской общественной жизни. Что составители положенія 1804 г. имѣли въ виду главнымъ образомъ мѣстные интересы, видно напр. изъ слѣдующаго факта. Евреямъ дозволяется приписаться въ цехи, если это не противно привиллегіямъ, присвоеннымъ нѣкоторымъ городамъ (еще при польскомъ правительствѣ).

О переселеніи евреевъ въ русскія губерніи, предложенномъ Державинымъ, въ этомъ положеніи нѣтъ и помину. Правда, въ положеніи 1804 г. есть нѣкоторыя положительныя и разумныя мѣры къ переустройству быта евреевъ здѣсь говорится о поощреніи землевладѣльческаго, фабричнаго и ремесленнаго труда между евреями. Но достойно замѣчанія, что правительство всегда поддерживало еврейское земледѣліе только на югѣ Россіи, а не на западной окраинѣ. Мы не имѣемъ теперь точныхъ свѣдѣній относительно причинъ этого явленія, но судя по опыту послѣднихъ лѣтъ и тому, что сдѣлалось извѣстнымъ о дѣятельности польской партіи у насъ до послѣдняго времени, можно съ большой вѣроятностью предполагать, что здѣсь главную роль играли происки магнатеріи, которая основательно видѣла въ еврейскомъ землевладѣніи опаснаго врага своихъ замысловъ. Постановленія же закона 1804 г. о воспомоществованіи фабричному и ремесленному труду евреевъ, наиболѣе цѣлесообразныя изъ всѣхъ мѣръ этого положенія, потому

что наиболѣе приноровленныя къ дѣйствительному быту евреевъ, остались безъ исполненія, какъ несогласныя съ интересами великаго будованія, которому нужны были евреи—факторы, контрабандисты, шпіоны и вообще панскіе фактотумы, а не самостоятельные и по всей вѣроятности враждебные ихъ затѣямъ евреи — фабриканты.

Вообще «положеніе 1804 г. было исполнено только отчасти, и бытъ евреевъ, столько же вредный для государства, сколько для нихъ самыхъ, мало улучшился» (Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I, т. I, стр. 109).

Мы не можемъ, конечно, входить здѣсь въ такое же подробное разсмотрѣніе вліянія польскихъ идей и тенденцій на послѣдующую дѣятельность русскаго правительства относительно евреевъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы написать здѣсь полную исторію русскихъ евреевъ въ XIX столѣтіи; притомъ же матеріалы для подобнаго изслѣдованія очень немногочисленны и мало доступны. Но и тѣ подробности, которыя сообщены нами относительно исторіи и характера положенія 1804 г., могутъ убѣдить читателя въ правильности словъ. г. Райковскаго, когда онъ утверждаетъ, что «чувство преданности евреевъ къ Россіи искусственно заглушалось цѣлой системой обособленія евреевъ отъ прочаго населенія, обязательнымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ школу, полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіознаго характера, кагаломъ и массой другихъ соотвѣтственныхъ этимъ установленій».

Даже въ настоящее время, когда истинный характеръ польской справы достаточно разоблаченъ какъ самими событіями, такъ и русской печатью, поляки не перестаютъ еще напускать туманъ на настоящее положеніе еврейскаго, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, въ чемъ къ сожалѣнію нерѣдко имѣютъ и теперь успѣхъ, и изъ заблужденій и промаховъ русскихъ извлекаютъ выгоды для своего дѣла. Такъ, говоря о слухахъ, которые распускали повстанцы о необходимости вырѣзать западно-русскихъ евреевъ для обезпеченія успѣха польской справѣ, г. Райковскій справедливо замѣчаетъ: «не той ли же политики держится и теперь польская пар

тія, которая съ тѣхъ поръ, какъ повелась рѣчь объ обрусѣніи западнаго края стала запугивать русское общество мнимыми опасностями оевреенія западныхъ губерній? Цѣль понятна: вмѣсто того, чтобъ парировать ударъ, выгоднѣе убѣдить насъ направить его противъ преданнаго намъ населенія. Евреи, впрочемъ, логически возражаютъ на это, что еслибы русскій элементъ въ западномъ краѣ былъ обреченъ на вѣчный загонъ, то по численности, по довѣрію въ средѣ мѣстнаго населенія, количеству капиталовъ и наконецъ по политической благонадежности, они имѣютъ гораздо больше права на преобладаніе въ краѣ, чѣмъ поляки, и что ни одному еврею не придетъ въ голову навязывать русскому населенію свою вѣру» («Русскій Вѣстникъ» 1869 г., кн. 2, стр. 613). Эти мысли и наблюденія, въ связи съ данными, представленными въ предыдущихъ статьяхъ, даютъ намъ, кажется, довольно надежную точку исхода для отвѣта на заданные въ началѣ этого очерка вопросы. Мы можемъ поэтому въ слѣдующей статьѣ приступить къ общимъ соображеніямъ о томъ, каково дѣйствительное значеніе евреевъ западныхъ губерній въ дѣлѣ обрусенія и какова должна быть русская политика по отношенію къ нимъ.

IV.

Первый выводъ, къ которому приводятъ насъ сгруппированные въ прежнихъ статьяхъ факты, состоитъ въ слѣдующемъ. Польша независимая не могла внушить и дѣйствительно не внушила жившимъ въ ея владѣніяхъ евреямъ искренней привязанности къ польскому режиму и польскимъ порядкамъ. Поэтому, когда Пруссія и Австрія энергически принялись за расположеніе отошедшихъ къ нимъ польскихъ провинцій и реорганизацію ихъ общественнаго строя, евреи очень охотно перешли въ нѣмецкій лагерь, не смотря на то, что германизація не пощадила ихъ экономическихъ интересовъ, съ одной стороны вызвавъ къ жизни опасную для евреевъ конкурренцію нѣмецкаго купечества и мѣщанства, а съ другой — заставивъ самихъ евреевъ промѣнять легкій промыселъ барышничества и панскаго нахлѣбничества на болѣе солидныя и трудныя занятія. Правда,

часть евреевъ не отказывалась отъ услуженія затѣямъ пановъ-революціонеровъ, но при этомъ они платили имъ ихъ собственной монетой. Какъ поляки видѣли въ жидахъ живое орудіе для достиженія своихъ цѣлей [1]), такъ жиды, исполняя польскія порученія, относились къ нимъ также безъ малѣйшаго сочувствія, видя въ революціонныхъ замыслахъ пановъ тоже лишь средство къ достиженію своей цѣли—наживы.

По убѣжденіямъ же и добровольному образу дѣйствій они были всегда на сторонѣ правительства. Правда, евреи рѣдко когда рѣшались дать открытый, мужественный отпоръ происканъ великаго будованія; но это вполнѣ объясняется зависимымъ положеніемъ евреевъ въ старое врѣмя, какъ въ соціальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Благодаря этой зависимости, равно какъ отученію евреевъ отъ военныхъ дѣйствій [2]), польскіе евреи не могли считать себя самостоятельнымъ политическимъ элементомъ и льнули къ той сторонѣ, на которой была дѣйствительная сила. Если въ Австріи часть евреевъ и увлекалась нѣкоторое время польскими тенденціями, то только потому, что тамъ господствовалъ польскій элементъ, благодаря слабости правительственной власти и государственнаго организма, разъѣдаемаго національной разрозненностью и враждебностью различныхъ элементовъ населенія. Что здѣсь виною была дѣйствительно только одна слабость правительства и податливость его полонизму, это подтверждается примѣромъ Пруссіи, гдѣ, благодаря твердости правительства въ преслѣдованіи разъ принятой системы, мы не замѣчаемъ и колебанія евреевъ въ сторону полонизма.

---

[1]) Такъ, въ 1861 г. между польскими помѣщиками носились слухи объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ обширнаго торгово-коммисіонерскаго дома, при чемъ выставлялось на видъ, что масса евреевъ, потерявъ чрезъ это источники пропитанія, поневолѣ обратится въ покорныхъ слугъ польской партіи (Райковскій, Р. Вѣстн 1869 г, кн 10, 543).

[2]) Впрочемъ, неспособность евреевъ (польскихъ) къ военнымъ дѣйствіямъ вовсе не такъ безусловна, какъ обыкновенно полагаютъ. Такъ А. П. Ермоловъ разсказывалъ, что еврейскій баталіонъ дрался съ рѣдкимъ мужествомъ въ 1794 г., отстаивая собственныя жилища противъ Суворова, при штурмѣ Праги (Ратчъ, I, 174).

Въ Россіи евреи отнеслись къ польщизнѣ точно такимъ же образомъ, какъ и въ германскихъ государствахъ и при одинаковости болѣзни соціальнаго организма Рѣчи Посполитой, какъ въ русской, такъ и въ германскихъ ея частяхъ, ясно, что и леченіе должно быть одно и то-же, такъ-какъ одинаковыя причины вездѣ порождаютъ одинаковыя послѣдствія И въ русско-польскихъ провинціяхъ евреи, не имѣя подъ ногами почвы, ни въ экономическомъ отношеніи, будучи всецѣло въ рукахъ полякующей шляхты, ни въ государственно-общественномъ, гдѣ они также безусловно зависѣли отъ шляхетской администраціи.—не могли открытой силой выступить противъ повстанія, не могли даже отказывать ему иногда въ помощи, понуждаемые къ тому истязаніями, вымогательствами и голодомъ. Но гдѣ правительство заявило себя достаточно сильнымъ и постояннымъ относительно полонизма, тамъ евреи не стѣснялись обнаружить истинныя свои чувства къ происходившей на глазахъ ихъ борьбѣ, и вездѣ, гдѣ чувства эти проявлялись непринужденно, симпатіи евреевъ были на сторонѣ Россіи, особенно въ западно-русскомъ краѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, если притомъ принять въ соображеніе опытъ Пруссіи и Австріи, которымъ мы можемъ прямо позаимствоваться, казалось бы, не должно быть мѣста сомнѣнію насчетъ политики Россіи по еврейскому вопросу на западной окраинѣ. Направленіе этой политики очень ясно очерчивается тѣми словами, которыми одинъ германскій публицистъ характеризуетъ образъ дѣйствій Австріи и Пруссіи въ польскихъ провинціяхъ. «поддерживать разумную равноправность, по которой личный трудъ и способности ведутъ каждаго къ упроченію своего благосостоянія и не допускать привиллегированныхъ классовъ общества къ насильственному преобладанію надъ другими, болѣе слабыми сословіями». Если и представляется нѣкоторое различіе между отношеніями Россіи съ одной стороны, а германскихъ государствъ съ другой, къ живущимъ въ польскихъ и ополяченныхъ провинціяхъ евреямъ, то различіе это заключается въ слѣдующихъ двухъ явленіяхъ. Во-первыхъ, въ западно-русскомъ и привислянскомъ краяхъ еврейскій элементъ болѣе многочисленъ и хотя такъ же слабъ и нуждается въ поддержкѣ правительства въ соціально-юри-

дическомъ отношеніи, но за то болѣе силенъ въ экономическомъ отношеніи, вслѣдствіе того, что здѣсь сохранились въ болѣе чистомъ видѣ старинные польскіе порядки, давшіе возможность промышленному еврейскому классу пріобрѣсти de facto то значеніе, которое не признавалось за ними закономъ и общественнымъ мнѣніемъ; тогда какъ въ Познани и Галиціи, издавна подвергавшихся вліянію близкой германской культуры, евреи не могли уже играть такой значительной роли. Во-вторыхъ, и самъ полонизмъ въ Галиціи и Познани не въ такой степени силенъ, какъ у насъ, и правительствамъ Пруссіи и Австріи, благодаря большей стройности и прочности администраціи и большей крѣпости германскаго элемента вообще и національнаго его самосознанія въ особенности, борьба съ полонизмомъ была гораздо легче, чѣмъ у насъ. И не смотря на то, они не брезгали въ этой неравной борьбѣ, гдѣ всѣ шансы успѣха были на ихъ сторонѣ, и такимъ союзникомъ, какъ евреи. Далеко не то у насъ, гдѣ полонизмъ держится гораздо крѣпче, вслѣдствіе количественнаго и качественнаго перевѣса, гдѣ администрація не можетъ похвалиться такимъ постоянствомъ какъ германская, а національное самосознаніе очень мало развито (какъ это ясно видно изъ хода дѣла о землевладѣніи въ западномъ краѣ).

Такимъ образомъ, если и замѣчается различіе между отношеніями Россіи, Пруссіи и Австріи къ полонизму и еврейству, то оно сводится къ тому, что Россія, во-первыхъ, можетъ большаго ожидать отъ участія евреевъ въ обрусеніи западнаго края, чѣмъ Пруссія и Австрія въ ополяченіи Познани и Галиціи, и во-вторыхъ, что Россія болѣе нуждается въ этой помощи еврейскаго элемента, чѣмъ послѣдніе два государства.

Въ сущности же государственная дѣятельность по этому предмету должна быть направлена къ тому же, къ чему стремились Пруссія и Австрія, а именно: къ уничтоженію всѣхъ исключительныхъ польскихъ законовъ о евреяхъ, дѣятельному поощренію всѣхъ попытокъ со стороны ихъ къ усвоенію себѣ образованія въ русскомъ духѣ, дарованію имъ права свободнаго перехода въ другія части государства, эмансипаціи евреевъ изъ-подъ экономическаго гнета шляхетства и пріученію ихъ къ такимъ промысламъ и заня-

тіямъ, которые дали бы имъ возможность жить самостоятельно и независимо отъ панскихъ прихотей, дабы они могли въ случаѣ надобности открыто дѣйствовать по своему убѣжденію, не будучи вынуждаемы, какъ это было до сихъ поръ, насиліями, къ участію въ анти-государственныхъ проискахъ и затѣяхъ меньшинства населенія. Въ дѣйствительности же, къ сожалѣнію, мы видимъ совсѣмъ не то. Не только въ прежнее время, но и теперь полякамъ нерѣдко удается вводить въ заблужденіе русскихъ насчетъ настоящей точки зрѣнія на еврейскій вопросъ, причемъ главнымъ средствомъ служитъ указаніе на опасность **оевреенія** западной окраины Что такой опасности вовсе нѣтъ въ дѣйствительности, въ этомъ убѣждаетъ насъ, кромѣ многихъ другихъ фактовъ, примѣръ Новороссійскаго края, гдѣ, не смотря на болѣе льготное положеніе евреевъ, не только не замѣчается ничего похожаго на оеврееніе края, но напротивъ, обрусеніе ихъ идетъ изумительно быстро. Само собою разумѣется, что мы вовсе не отрицаемъ необходимости для Россіи позаботиться образованіемъ въ западной части многочисленнаго русскаго населенія, особенно городскаго, безъ чего трудно ожидать прочнаго органическаго объединенія этой страны съ русскимъ государственнымъ тѣломъ. Но объ этомъ можно будетъ подумать только тогда, когда еврейскому населенію западной полосы Имперіи дадутъ возможность разрѣдѣть посредствомъ дозволенія и даже поощренія перехода его въ другія части Россіи. Что подобная реформа, необходимая сама по себѣ, не только не противорѣчитъ, но даже согласна съ началами русской политики, можно видѣть напримѣръ изъ слѣдующаго очень любопытнаго, но мало извѣстнаго разсказа Екатерины Великой. На пятый или шестой день по возшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ...

Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуживать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ единогласно признали **полезнымъ это допущеніе**; но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъявить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: «прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала

императрица Елизавета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елизавета на поляхъ дѣла, по своему благочестію, написала «Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли». Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое, вслѣдствіе этой дурно направленной мѣры, не знало чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить оное вреднымъ—было тоже невозможно. Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему. «я желаю, чтобъ дѣло это было отложено до другаго времени». «Такъ то нерѣдко случается, прибавляетъ великая императрица, что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ [1])».

Повторяемъ, казалось, не должно бы быть мѣста сомнѣнію относительно политическаго значенія евреевъ на западной окраинѣ и истиннаго направленія русской политики по этому предмету, а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ далеко не то. Но только практика послѣднихъ лѣтъ представляетъ уклоненія отъ программы «разумной равноправности, поддержки личной энергіи, уничтоженія сословныхъ и національныхъ привиллегій», но даже въ литературѣ большею частію приходятъ у насъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые даютъ безпристрастно разсматриваемые факты исторіи владѣній Рѣчи Посполитой. Такъ напр. г. Ратчъ, собравшій столько данныхъ, бросающихъ истинный свѣтъ на разбираемый нами предметъ, смотритъ однакожъ на эти данныя сквозь густоокрашенную предразсудками призму и потому ставитъ такія поло-

[1]) Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи (Русскій архивъ 1865 г., стр 492).

женія, которыя рѣшительно противорѣчатъ несомнѣннымъ, имъ самимъ указываемымъ фактамъ. Нѣмцы, говоритъ онъ, доказали, что развитые евреи не считаютъ родину за отечество, что въ Германіи они только онѣмечились, но не огермапились (различіе для насъ непонятное). Одна утопія можетъ предполагать, чтобы благо русскаго народа стало руководить стремленіями образованныхъ евреевъ, а не чужеядныя домогательства ихъ единоплеменниковъ. (Ратчъ, т. I, стр. 154). Мы не знаемъ, какіе нѣмцы и чѣмъ именно доказали нелѣпый тезисъ г. Ратча, но знаемъ то, что онъ опровергается всей исторіей іудаизма въ Германіи за послѣднее время. Мы не говоримъ уже о томъ, что изъ среды евреевъ вышли многія изъ наиболѣе популярныхъ личностей нашего вѣка въ Германіи, истинно народные дѣятели по всевозможнымъ отраслямъ общественной жизни (Гейне, Берне и Б. Ауэрбахъ—писатели, Лассаль, стоявшій во главѣ соціально-демократическаго движенія по рабочему вопросу, депутаты Ласкеръ и Кошъ, принадлежащіе къ числу самыхъ энергическихъ членовъ національно-демократической партіи въ Германіи); одно то обстоятельство, что евреи, въ послѣднюю прусско-австрійскую войну и задолго до нея, фактически доказали свой патріотизмъ тамъ, гдѣ онъ подвергается наиболѣе тяжелому испытанію—на полѣ битвы,—одно это доказываетъ всю ложность того, что г. Ратчъ приводитъ какъ доказанный фактъ.

Такъ же нелогично разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кельсіевъ. «Патріотизмъ евреевъ, говоритъ онъ, дѣло болѣе чѣмъ сомнительное. Намъ кажется просто, что его вовсе нѣтъ; кланяются они тому, у кого сила въ рукахъ и если они что нибудь уважаютъ, то это силу. Покуда въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ сила въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ они наши; приди туда французы, поляки, китайцы—они, не задумываясь, принесутъ имъ присягу въ вѣрноподданствѣ, а что самое грустное—это то, что по духу своей цивилизаціи они, если къ кому нибудь льнутъ, то это къ нѣмцамъ... Если есть у насъ въ западномъ краѣ какіе нибудь піонеры германизаціи, то, само собою разумѣется, это евреи [1])».

[1]) Галиція и Молдавія, стр. 218.

Незрѣлость и поверхностность, столь свойственныя г. Кельсіеву, ярко бросаются въ глаза въ этомъ его сужденіи. Въ самомъ дѣлѣ, если и допустить, что никакой преданности со стороны евреевъ къ Россіи нѣтъ (что опровергается, какъ мы видѣли, фактами), то легко усмотрѣть, что между смысломъ этого факта и тѣмъ, что сообщается тутъ же о сочувствіи евреевъ къ нѣмецкой цивилизаціи—есть внутреннее противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или евреи заботятся только о своихъ личныхъ матеріальныхъ выгодахъ, ничего другаго знать не хотятъ—и въ такомъ случаѣ нельзя допустить въ нихъ усвоенія нѣмецкой образованности, такъ какъ это не можетъ дать имъ никакихъ матеріальныхъ благъ въ Россіи, или же евреи способны интересоваться и чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ физическихъ выгодъ, и потому льнутъ къ нѣмецкой культурѣ, что дѣйствительно справедливо,—и въ такомъ случаѣ очевидно, что они могутъ сдѣлаться горячими партизанами и русской гражданственности, если она привлечетъ къ себѣ ихъ симпатіи. А что это послѣднее очень возможно при извѣстныхъ условіяхъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кстати о нѣмцахъ и отношеніяхъ къ нимъ евреевъ. Г. Кельсіевъ увѣряетъ, что евреи служатъ у насъ піонерами германизма, можно полагать даже, что по его мнѣнію это иначе и быть не можетъ. Но это совершенно невѣрно. Уже въ началѣ этого очерка было замѣчено вскользь, что съ самаго начала появленія своего во владѣніяхъ Польши евреи стали въ рѣзкій антагонизмъ къ нѣмецкимъ городскимъ общинамъ и такимъ образомъ постоянно не только не служили опорой, но противовѣсомъ вліянію нѣмецкаго элемента. «Противъ евреевъ, говоритъ Грецъ въ своей «Исторіи евреевъ», по смерти Казимира IV, подняли оружіе два противника: духовенство и нѣмецкое купечество, которое ненавидѣло изъ зависти еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ. Но сильнѣйшую опору имѣли евреи въ дворянствѣ, ненавидѣвшемъ нѣмецкихъ горожанъ изъ національной и политической антипатіи и поэтому благопріятствовавшемъ евреямъ изъ собственной пользы и какъ орудію противъ жадныхъ нѣмцевъ [1])».

[1]) Грецъ, Geschichte der Juden, IX, 61.

Это историческая миссія евреевъ—образовать туземное промышленное сословіе, какъ оплотъ противъ господства нѣмцевъ и нѣмецкой культуры, въ настоящее время имѣетъ еще болѣе значенія чѣмъ въ старину. Въ нашей періодической печати очень часто появляются жалобы на постоянное усиліе нѣмецкаго элемента на западной окраинѣ. Въ 1866 г. было помѣщено въ газетахъ любопытное письмо о нѣмцахъ на Волыни, по поводу котораго было справедливо замѣчено, «что въ нашихъ западныхъ окраинахъ происходитъ натискъ нѣмецкихъ элементовъ, которые начинаютъ приводить въ исполненіе свое вѣковое назначеніе—Drang nach Osten. Не мѣшаетъ обратить на этотъ предметъ серьезное вниманіе [1])». Въ привислянскомъ краѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, собраннымъ составителемъ этнографической карты Царства Польскаго г. Галкинымъ, замѣчается теперь быстрое увеличеніе нѣмецкаго населенія, что, въ виду умственнаго превосходства нѣмцевъ и сосѣдства германской территоріи, составляетъ фактъ весьма тревожнаго характера. Евреи же, по словамъ г. Галкина, «вовсе не причиняютъ такого сильнаго подрыва народному богатству, какъ это обыкновенно имъ приписывается! Вредъ, причиняемый ими въ этомъ случаѣ, зависитъ болѣе отъ ограниченія ихъ политическихъ правъ, чѣмъ отъ иныхъ причинъ [2])».

Наконецъ въ Кіевлянинѣ недавно помѣщены очень неутѣшительныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ элементѣ въ Волынской губерніи [3])».

Имѣя въ виду подобнаго рода факты, по истинѣ нельзя не удивляться ослѣпленію нашихъ руссификаторовъ, когда они изъ кожи лѣзутъ, чтобы выхлопотать для евреевъ одно ограниченіе за другимъ, не замѣчая, что каждый шагъ къ ослабленію единственнаго промышленнаго класса изъ туземцевъ неминуемо ведетъ къ усиленію иностранныхъ элементовъ, гибельныхъ для края и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если и допустить, что евреи составляютъ зло для западной окра-

---

[1]) Голосъ 1866 г., № 68

[2]) Новое Время 1869 г., № 242.

[3]) Кіевлянинъ 1870 г., № 2.

ины, чего въ такомъ общемъ видѣ однакожъ нельзя допустить, то для каждаго, «имѣющаго глаза, чтобъ видѣть и уши, чтобъ слышать», не поддаваясь традиціоннымъ предубѣжденіямъ, должно быть ясно, что при отсутствіи въ краѣ русскаго промышленнаго городскаго населенія, для Россіи несравненно выгоднѣе поддерживать еврейство, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ и самой Россіи, можетъ и должно слиться съ господствующимъ народомъ, чѣмъ, ослабляя его, дать возможность усилиться иноземцамъ, которые имѣютъ свои политическія тенденціи, никогда не забывая, что «у нихъ въ Швабіи король есть» и по вѣковой враждебности къ славянскому міру, по превосходству своей культуры и многимъ другимъ условіямъ надолго еще не перестанутъ быть опасными для національнаго развитія Россіи и славянства. Пробнымъ камнемъ для правильности этихъ общихъ соображеній въ примѣненіи къ конкретнымъ фактамъ можетъ служить дѣло о еврейскомъ землевладѣніи въ западномъ краѣ. Но по важности этого вопроса мы о немъ поговоримъ отдѣльно.

ЕВРЕЙСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

I.

Мы указывали не разъ на то замѣчательное обстоятельство, что благодаря усердію польской аристократіи и ея приверженцевъ въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ относительно евреевъ удержались и даже преобладаютъ многія польскія начала, которыя не гармонируютъ съ стремленіями правительства къ обрусенію западнаго края.

Это вполнѣ подтверждается теперешними положеніями о землевладѣніи евреевъ, на которыя обыкновенно смотрятъ какъ на новую и временную мѣру, вызванную послѣднимъ польскимъ возстаніемъ и сознанной по этому случаю необходимостью ослабить антирусскія общественныя силы — полонизмъ и іудаизмъ, будто бы солидарные между собой и равно вредные интересамъ русскаго дѣла. Мѣры противъ накопленія поземельной собственности въ рукахъ поляковъ и евреевъ разсматриваются такимъ образомъ единственно какъ реакція противъ польскихъ порядковъ. Между тѣмъ такой взглядъ врядъ ли вѣренъ. Какъ видно, мало кому извѣстно, что запрещеніе евреямъ владѣть землями коренится еще въ началахъ политики блаженной памяти Рѣчи Посполитой. У насъ привыкли думать, что Польша предоставляла евреямъ слишкомъ обширныя гражданскія права, между прочимъ по землевладѣнію, и что это послужило въ ущербъ коренному русскому населенію; почему и должны быть принимаемы ограничительныя мѣры противъ евреевъ, съ цѣлью дать окрѣпнуть русскому элементу. Но подобныя увѣренія всего менѣе подтверждаются исторіей. Собраніе польскихъ законовъ — Volumina Legum — представляетъ длинный рядъ поста-

новленій, которыми строго воспрещается отдача евреямъ въ арендное содержаніе всякаго рода недвижимыхъ имуществъ, равно какъ государственныхъ сборовъ и пошлинъ. Такъ, конституціей піотрковскаго сейма отъ 1562 г. подтверждается законъ 1538 г. о запрещеніи евреямъ держать «пошлины и всякіе наймы». Подобныя же постановленія содержатъ конституціи 1565—1567 г. Конституція 1678 г. возобновляетъ всѣ прежнія ограниченія евреевъ въ правѣ содержанія арендъ. «Они ни подъ какимъ правомъ, говорится въ ней, не должны держать по контрактамъ никакихъ недвижимыхъ имѣній, ни королевскихъ, ни духовныхъ, ни свѣтскихъ, ниже быть во владѣніи таковыхъ, подъ утратой суммъ по каждому востребованію,—о чемъ назначаемъ компетентный судъ». Замѣчательна конституція варшавскаго сейма 1699 года, изданная королемъ Августомъ II, въ которой онъ «обѣщаетъ торжественно республикѣ, что евреевъ ни къ какимъ должностямъ, какъ по части пошлинъ, мытъ, таможенъ, администраціи и аренды всѣхъ нашихъ владѣній и экономій какого бы ни было названія, мы не будемъ ни употреблять, ни допускать. А это наше обѣщаніе желаемъ имѣть вѣчнымъ и неотмѣнимымъ, объявляя, что еслибы не смотря на то, кто-либо изъ евреевъ, безъ предлога и повода, былъ кѣмъ-либо пойманъ при занятіи вышеименованныхъ должностей, то этимъ самымъ уже предается обезчещенію и хотя бы былъ кѣмъ-либо опозоренъ или побитъ, мы не должны предоставлять ему ни защиты законовъ, служащихъ другимъ евреямъ, ни нашего покровительства, ни чьей-либо пріязни». И послѣ этого находятся люди, которые толкуютъ о «тройственномъ союзѣ пана, ксендза и еврея», которые будто бы составили коалицію для угнетенія сельскаго русскаго населенія? Надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что въ этой эксплуатаціи крестьянъ евреи были неизбѣжнымъ, но ненавистнымъ орудіемъ въ рукахъ шляхты, которая постоянно имѣла передъ глазами «страхъ идущаго вдали» овреенія края и потому систематически и непрерывно запрещала имъ владѣніе недвижимыми имѣніями и арендованіе всѣхъ тѣхъ частей государственнаго и частнаго хозяйства, которыя могли дать имъ дѣйствительную силу въ общественномъ быту страны. Правда, эти мѣры очень слабо приводились въ испол-

неніе; на дѣлѣ евреи и владѣли имѣніями и держали на откупу всякаго рода хозяйственныя оброчныя статьи, какъ у казны, такъ и у шляхты. Такъ напр. кардиналъ Камендони, путешествовавшій по Польшѣ въ XVI вѣкѣ, говоритъ, что «на Украйнѣ евреи живутъ не исключительно отъ низкихъ барышей, лихвы и т. п., но владѣютъ землями, занимаются не только торговлей, но и литературой, особенно медициной и астрологіей». Нѣмецкій писатель о евреяхъ 1504 года, Викторъ фонъ-Карбенъ тоже свидѣтельствуетъ, что на Руси было много евреевъ, занимавшихся воздѣлываніемъ тамошнихъ земель. Такимъ образомъ, между польскимъ законодательствомъ и жизнью былъ громадный разладъ по вопросу о допущеніи евреевъ ко владѣнію землями. Объясняется этотъ разладъ очень просто тѣмъ, что запрещеніе евреямъ владѣть землями, вытекавшее тогда изъ желанія искуственно удержать политическое преобладаніе въ странѣ за одной привиллегированной національностью, шло въ разрѣзъ съ экономическими потребностями края, въ которомъ тогда, какъ и теперь, фактическая сила капитала и промышленной способности находилась въ рукахъ евреевъ, единственныхъ представителей городскаго промышленнаго сословія. «На сеймахъ господствовалъ клерикальный духъ польскаго духовенства, господствовало каноническое право, господствовалъ духъ іезуитовъ, создавшій унію, преслѣдовавшій диссидентовъ, дѣйствовавшій вѣчно на перекоръ жизненнымъ силамъ государства и доконавшій наконецъ самую Польшу, а въ практической жизни бралъ верхъ интересъ каждаго помѣщика и интересъ всей страны, повелѣвавшій прибѣгать къ трезвой дѣятельности смышленаго еврея, и тотъ самый вельможа, который неистово гремѣлъ на сеймѣ противъ отдачи евреямъ въ аренду различныхъ статей, возвратившись домой, убѣжденный своимъ интересомъ, былъ первый, превратившій сеймовое постановленіе въ мертвую букву» [1]).

Если затѣмъ, послѣ этой исторической экскурсіи ко временамъ Рѣчи Посполитой и шляхетской вольности, мы оглянемся вокругъ

---

[1]) О западнорусскихъ евреяхъ г. М. Р. (Прилож. къ Гакармелю, VI, № 19)

себя и посмотримъ, что происходитъ въ настоящее время по дѣлу о правахъ евреевъ на землевладѣніе въ бывшихъ владѣніяхъ Польши, мы замѣтимъ поразительное сходство.

Законоположеніями 10 іюля 1864 и 10 декабря 1865 года евреямъ воспрещается пріобрѣтать въ собственность земли въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ законъ объ обязательномъ выкупѣ, т. е. въ западныхъ губерніяхъ. Въ дополненіе къ этому правилами 5 марта 1864 и 23 іюля 1865 г о продажѣ польскихъ имѣній русскимъ владѣльцамъ, воспрещается тѣмъ изъ этихъ послѣднихъ, которые пріобрѣтутъ земельные участки у казны или у частныхъ лицъ, но съ пособіемъ или льготой отъ казны, не только продавать, но и отдавать въ аренду, управленіе или залогъ эти участки евреямъ или полякамъ. Единственный недостатокъ этихъ узаконеній, по мнѣнію русификаторовъ извѣстнаго закала, во главѣ которыхъ въ антисемитской агитаціи стоитъ «Кіевлянинъ», заключается въ томъ, что они не проводятъ принципа лишенія евреевъ права землевладѣнія до конца, не отнявъ у нихъ права аренднаго залоговаго владѣнія нѣкотораго рода землями. Но и этотъ недостатокъ, по сообщеніямъ той же газеты [1]), восполняется судебной и административной практикой, которая, руководствуясь общимъ смысломъ законовъ, недопускающихъ никакихъ вещныхъ правъ на опредѣленныя имущества за лицами, не могущими имѣть правъ собственности на эти имущества, не признаетъ за евреями возможности стать въ посредственное отношеніе къ поземельной собственности въ западномъ краѣ.

Въ дѣйствительности же безусловное устраненіе евреевъ отъ землевладѣнія, какъ всѣмъ извѣстно, рѣшительно не удается. Такъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1868 г., въ Кіевской губерніи изъ 1453 имѣній 169 завѣдомо находятся въ арендномъ содержаніи у евреевъ; въ Волынской губерніи изъ 1901 имѣнія евреи арендуютъ 208; въ Подольской — изъ 1788 — евреи владѣютъ на арендномъ правѣ 224 имѣніями [2]). По словамъ г. Еремеева, кіевскаго

[1]) «Кіевлянинъ» 1869 г, № 130.

[2]) «Современная Лѣтопись» 1869 г № 33.

землевладѣльца, «отдача имѣній евреямъ въ поссесію зачѣтна именно въ нынѣшнемъ году (1869), мы знаемъ довольно порядочныя имѣнія, принадлежащія собственно русскимъ помѣщикамъ, которыя отданы нынѣ евреямъ» [1]). Практика допускаетъ не только такое владѣніе евреевъ землями, которое положительно не воспрещено закономъ, т. е. владѣніе землями польскихъ помѣщиковъ и тѣхъ изъ русскихъ, которые пріобрѣли имѣнія безъ помощи казны, но даже явный обходъ положительныхъ запрещеній. Это видно ужъ изъ того, что въ октябрѣ прошлаго года мѣстное начальство нашло нужнымъ оффиціально напомнить русскимъ покупщикамъ имѣній въ юго-западномъ краѣ о соблюденіи ограниченій установленныхъ законами 5 марта 1864 и 23 іюля 1865 г. относительно продажи, залога, отдачи въ аренду или управленія покупаемыхъ ими имѣній. «Кіевлянинъ» по поводу этого справедливо замѣчаетъ, что «это напоминаніе уже доказываетъ, что уклоненія отъ соблюденія означенныхъ ограниченій были на практикѣ. Читателямъ извѣстно, продолжаетъ онъ, что не только объ этихъ уклоненіяхъ ходятъ достовѣрные слухи, но что на нѣкоторыхъ лицъ молва указываетъ даже, какъ на купившихъ имѣнія для евреевъ или поляковъ; наконецъ, говорятъ, что путемъ аренды не одно уже имѣніе перешло въ руки тѣхъ лицъ, которымъ воспрещена покупка, даже непосредственно, безъ помощи третьяго лица—русскаго [2]). Тоже самое сообщаетъ юго-западный корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» г. К. В. М. «Законъ, говоритъ онъ, запрещаетъ имѣнія, пріобрѣтаемыя отъ казны на привиллегированномъ положеніи, отдавать въ аренду евреямъ, а между тѣмъ, евреи стали заключать уже оффиціальные договоры арендованія на такія имѣнія съ русскими владѣльцами (можно подумать, что евреи заключаютъ эти договоры самовольно, вопреки желанію русскихъ владѣльцевъ!). Вмѣстѣ съ тѣмъ обозначается другой фактъ: покупка имѣній русскими для евреевъ» [3]). Къ этому мы можемъ приба-

[1]) «Вѣсть» 1869 г. № 313

[2]) «Кіевлянинъ» 1869 г. № 130.

[3]) «Современная Лѣтопись» 1869 г. № 36.

вить, что, сколько намъ положительно извѣстно, пріобрѣтеніе евреями и поляками земель въ западномъ краѣ чрезъ подставныхъ лицъ совершается не только при помощи русскихъ, но также на имя иностранцевъ; къ этому факту мы возвратимся еще ниже.

Такимъ образомъ происходитъ пріобрѣтеніе евреями въ собственность имѣній, продаваемыхъ съ торговъ, чрезъ подставныхъ лицъ — сообщаетъ корреспондентъ «Вѣсти» г. Х—въ. Въ началѣ обязательной и обыкновенной продажи за долги польскихъ имѣній— продажа эта шла вяло и имѣнія покупались за безцѣнокъ. Евреи-кредиторы польскихъ помѣщиковъ, видя, что они получаютъ за свои долги по нѣсколько копѣекъ за рубль, очень естественно нашли это для себя невыгоднымъ и придумали способъ оставлять за собою въ собственность продаваемыя за ихъ долги имѣнія. Для этого они берутъ въ товарищи лицо, имѣющее по происхожденію и вѣроисповѣданію право на владѣніе землею въ западномъ краѣ и поручаютъ ему купить на свое имя имѣніе. Номинальный покупщикъ пользуется нѣкоторыми выгодами отъ истинныхъ покупщиковъ-евреевъ, получая такимъ образомъ премію за принадлежность къ извѣстному исповѣданію; съ этой вывѣской для своей сдѣлки еврей заключаетъ какое нибудь обязательство (напр. онъ выдаетъ на себя векселя на значительную сумму), которое лишаетъ его возможности мѣшать покупателю-еврею пользоваться доходами съ имѣнія [1]). Что же касается имѣній, находившихся еще во владѣніи польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ, то они переходятъ во владѣніе евреевъ еще проще, посредствомъ долговременныхъ арендныхъ контрактовъ, такъ какъ только въ послѣднее время, въ одной Подольской губерніи, вслѣдствіе указа сената по одному дѣлу, принято за общее правило не совершать въ пользу евреевъ арендныхъ договоровъ на всякаго рода имѣнія.

Ясно такимъ образомъ, что цѣль, предположенная законодателемъ очень мало достигается и между законодательствомъ и практикой существуетъ въ отношеніи еврейскаго землевладѣнія такой же коренной разладъ въ настоящее время, какой мы замѣтили въ

[1]) «Вѣсть» 1869 г. № 198.

быту самостоятельной Польши. Отчего происходитъ это странное явленіе и какъ слѣдуетъ смотрѣть на него—объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

II.

Мы остановились на причинахъ неудобоисполнимости удаленія евреевъ отъ поземельнаго владѣнія въ западномъ краѣ.

«Кіевлянинъ» и тѣ изъ столичныхъ органовъ печати, которые слѣпо вѣруютъ въ его будто-бы знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ, не останавливаясь долго на этомъ предметѣ, рубятъ его съ плеча, однимъ размахомъ, благо отвѣтъ готовъ у всякаго станового пристава: евреи, молъ, ни во что не ставятъ законовъ и давно привыкли обходить ихъ, считая это долгомъ, завѣщаннымъ имъ талмудомъ и религіей. Но надобно обладать тѣмъ своеобразнымъ канцелярскимъ складомъ мыслей, какимъ, по самому положенію своему страдаетъ «Кіевлянинъ», чтобъ успокоиться на подобномъ объясненіи. На самомъ-же дѣлѣ, если забыть на время, что рѣчь идетъ о евреяхъ, т. е. о классѣ людей, противъ которыхъ, благодаря ихъ племенной, религіозной и гражданской изолированности, сложились извѣстныя предубѣжденія, если посмотрѣть на евреевъ не какъ на общественную и религіозную, но какъ на хозяйственную единицу, то легко будетъ замѣтить, что трудность устраненія евреевъ отъ землевладѣнія лежитъ гораздо глубже, чѣмъ то полагаютъ упомянутые публицисты: она именно коренится во всемъ строѣ экономическихъ отношеній страны. Трудно представить себѣ страну, въ которой поземельное владѣніе не находилось-бы въ болѣе или менѣе тѣсной связи и нѣкоторой зависимости отъ капитала и его представителей; но еще труднѣе найдти страну, въ которой эта зависимость и эта связь были такъ сильны, какъ во владѣніяхъ Польши. Съ давнихъ поръ здѣсь еврей составлялъ неразлучнаго спутника пана въ хозяйствѣ, какъ-бы тѣнь его. Еще въ 1849 г. по указанію Журавскаго [1]), банкирскіе обороты одного Бердичева равнялись 11,900,000 руб. и состояли главнымъ образомъ въ раз-

[1]) Статист. Описаніе Кіевской губ., 3, 570.

наго рода ссудахъ помѣщикамъ юго-западнаго края. А какъ зависимость поземельной собственности отъ капитала проявляется самымъ рѣзкимъ образомъ въ эпохи значительныхъ общественныхъ и экономическихъ переворотовъ, въ родѣ того, который произведенъ въ западномъ краѣ польскимъ повстаніемъ и освобожденіемъ крестьянъ, и обозначается эта зависимость всего чаще переходомъ земли въ руки промышленнаго городскаго сословія, которое вездѣ умѣетъ ловко пользоваться неумѣлостью своихъ должниковъ землевладѣльцевъ; то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ западномъ краѣ замѣчаются теперь аналогичныя явленія. Размѣры участія евреевъ въ хозяйствѣ польскихъ помѣщиковъ и послѣдствія этого участія для дѣла русскаго землевладѣнія живо рисуетъ г. К. В. М. «Всѣ почти 5000 имѣній юго-западнаго края представляютъ собой раскинутую изъ конца въ конецъ сѣть, гдѣ каждый узелъ есть еврей, тѣмъ или другимъ образомъ крѣпко связанный съ интересами и судьбой каждаго имѣнія и каждаго польскаго помѣщика. Исчислить способы, коими эта связь установлена—нѣтъ возможности: каждое изъ 5000 имѣній представляетъ свой явный или тайный контрактъ, на основаніи котораго еврей-кредиторъ является или поссесоромъ, или арендаторомъ, или эксплуататоромъ имѣнія, такъ что, за исключеніемъ очень крупныхъ имѣній края, всѣ остальныя, въ случаѣ продажи ихъ въ какія бы то ни было руки, переходятъ къ нимъ вмѣстѣ со всѣми возможными обязательствами, возложенными на эти имѣнія евреемъ-кредиторомъ. При такихъ тѣсныхъ денежныхъ связяхъ евреевъ съ владѣльцами имѣній, какимъ бы путемъ имѣніе ни продавалось, публичнымъ-ли торгомъ или вольной цѣной, покупатель встрѣчаетъ два весьма важныхъ неудобства: одно въ минуту покупки, когда приходится ему провѣрять еврейскіе счеты на имѣніе; другое послѣ покупки, когда случается ему вдругъ неожиданно имѣть дѣло съ новыми, дотолѣ неявленными ему долговыми претензіями на купленное имѣніе. Обыкновенно случается, что русскій покупщикъ имѣнія уже послѣ совершенія купчей крѣпости узнаетъ о существованіи арендаго контракта на это имѣніе, значительно ограничивающаго выгоды, которыя онъ можетъ извлечь изъ него. Всѣ эти разнообразныя до безконечности проявленія ев-

рейской находчивости съ одной стороны и ихъ силы (читай: силы и находчивости капитала и промышленной энергіи) съ другой, говоритъ въ заключеніе г. К. В. М., совершенно освѣтили дѣло продажи имѣній въ юго-западномъ краѣ. Самое же разнообразіе ихъ явилось послѣдствіемъ запрещенія евреямъ участвовать въ покупкѣ имѣній [1])». Послѣднее замѣчаніе, какъ будто нечаянно вырвавшееся у автора, горько сѣтующаго постоянно, à la «Кіевлянинъ», на склонность евреевъ обходить законы, могло бы однакожъ, путемъ логическихъ и безпристрастныхъ умозаключеній, привести его къ правильному взгляду на предметъ. Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстная мѣра приводитъ тѣхъ, кого она касается, не къ чему иному, какъ къ массѣ искусныхъ уловокъ, которыя дѣлаютъ очень возможнымъ и такъ сказать неуловимымъ постоянное нарушеніе цѣли ея, — то ясно, что она не достаточно приспособлена къ потребностямъ времени и мѣста. Очевидно, что юридически неправильное владѣніе землями евреевъ въ западномъ краѣ есть результатъ не склонности ихъ къ незаконнымъ способамъ пріобрѣтенія, а естественныхъ условій экономическаго быта страны; это доказывается тѣмъ, что въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ не возбраняется пріобрѣтать въ собственность и арендовать земли безъ всякихъ ограниченій, они пользуются теперь этимъ правомъ очень дѣятельно. Такъ изъ Бессарабіи сообщаютъ, что земли крупныхъ владѣльцевъ переходятъ въ руки хлѣбопашцевъ и отчасти евреевъ; тутъ же сообщается причина этого факта, состоящая въ томъ, что помѣщики заботятся не о своемъ хозяйствѣ, а о шикѣ [2]).

Изъ новороссійскаго края пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ» о «бросающемся въ глаза фактѣ» обращеніи еврейскихъ капиталовъ къ землевладѣнію. Громадная часть имѣній, говоритъ корреспондентъ, перешла въ ихъ владѣніе покупкой или арендой. Если въ такой пропорціи какъ до нынѣ имѣнія будутъ переходить въ ихъ руки, то въ пять лѣтъ (у страха глаза велики!) могутъ быть вытѣснены аборигены! Причины такого явленія отношу къ тому, во-

[1]) Совр. Лѣтопись 1869 г. № 36.

[2]) Новорос. Вѣдомости 1869 г. № 27.

первыхъ, что аборигены наши, при нѣсколькихъ неурожаяхъ и разумѣется безденежьи (прибавь: и непривычки къ скромному и дѣятельному веденію своихъ дѣлъ) не могутъ справиться съ новымъ положеніемъ хозяйскаго дѣла, въ особенности при шаткости условій по волостямъ съ рабочимъ людомъ (крестьяне виноваты! А какъ же ладятъ съ ними евреи-арендаторы и помѣщики? Отвѣтъ коротокъ: потому что они относятся къ нимъ, какъ равные къ равнымъ), и во вторыхъ, что всего главнѣе, промышленные капиталы, не находя въ послѣднее время достаточнаго употребленія, устремились къ статьѣ, хотя медленныхъ, но вѣрныхъ доходовъ. Въ подспорье къ мѣстнымъ капиталамъ начали приливать кіевскіе и подольскіе, гдѣ евреи лишены права покупать земли» [1]). Въ «Голосѣ» тоже кто-то замѣтилъ, не безъ ужаса, что въ южной Россіи «жиды, срамъ сказать, дѣлаются помѣщиками».

Все это несомнѣнно указываетъ, что еврейству уже наскучили прежніе промыслы и занятія, изъ которыхъ многіе исчезли сами собою съ современными переворотами въ нашемъ гражданскомъ и экономическомъ быту, и что оно понемногу обращается къ болѣе солиднымъ родамъ занятій, и именно къ землевладѣнію, которое, даже въ случаѣ веденія хозяйства наемнымъ трудомъ, все-же можетъ называться производительнымъ промысломъ; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что землевладѣніе представляетъ значительный шагъ къ лучшему въ экономическомъ развитіи еврейскаго населенія Россіи. Это стремленіе къ сельско-хозяйственной промышленности въ средѣ евреевъ очевидно есть естественный, органическій, а потому непредотвратимый результатъ бытовыхъ условій современной жизни; такъ что еслибъ удалось совершенно устранить евреевъ отъ владѣнія поземельной собственностью въ югозападномъ краѣ, то чѣмъ же можно предупредить отливъ еврейскихъ капиталовъ въ Новороссію, Малороссію и Бессарабію для пріобрѣтенія тамъ земель, что, какъ мы видѣли, дѣйствительно происходитъ уже въ настоящее время? Вѣдь преобладаніе русскаго элемента вообще и русскаго землевладѣнія въ частности здѣсь такъ-же важно для государствен-

[1]) Кіевлянинъ 1869 г. № 85.

наго единства и благосостоянія Россіи, какъ и въ западномъ краѣ. Но это не все. Въ самомъ западномъ краѣ, какъ показано было выше, евреи владѣютъ землями, не въ меньшихъ, а можетъ быть въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ южномъ. Вся разница между существующимъ нынѣ порядкомъ и тѣмъ, который былъ-бы при системѣ свободы поземельнаго владѣнія евреевъ, исчерпывается тѣмъ, что въ настоящее время еврейское населеніе достигаетъ своей цѣли не прямымъ, а окольнымъ путемъ, для того, чтобъ осуществить невинное во всѣхъ отношеніяхъ и гарантируемое вообще самимъ закономъ желаніе удержать за собой имѣніе своего должника вмѣсто того, чтобъ получить по нѣсколько копѣекъ за рубль при низкой продажной цѣнѣ на торгахъ,—для осуществленія подобнаго желанія, очень естественнаго и не заключающаго въ себѣ ничего достойнаго порицанія, еврей долженъ пустить въ ходъ всю свою изобрѣтательность, прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ и изворотамъ. При этомъ онъ обыкновенно долженъ купить у какого нибудь русскаго или иностранца некатолика его имя, которое можетъ служить ему маской для прикрытія истиннаго характера самой обыкновенной непредосудительной гражданской сдѣлки. Очевидно, что такой порядокъ вещей служитъ неизсякаемымъ источникомъ деморализаціи для всѣхъ принимающихъ участіе въ подобнаго рода дѣлахъ и сдѣлкахъ. Деморализація же многочисленнаго класса людей, какъ всѣ согласятся, есть такое явленіе, къ которому не слѣдуетъ относиться равнодушно. Всѣ также согласны теперь, что нравственный уровень массы не можетъ быть поднятъ никакими репрессивными и ограничительными мѣрами, а единственно только измѣненіемъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя поддерживаютъ тотъ или другой видъ нравственнаго развращенія всего общества или извѣстной части его. Правильность извѣстной аксіомы современной общественной науки, что не дурныя наклонности людей производятъ темныя явленія народной жизни, а бытовыя условія, подтверждается указаніемъ г. Х—ва, цитированнымъ нами выше, что евреи не сразу наловчились въ искусствѣ подпольнымъ образомъ участвовать въ торгахъ, а только нѣсколько спустя послѣ начатія публичныхъ продажъ польскихъ имѣній, когда ихъ вызвали къ напряженной

дѣятельности невыгодныя для нихъ послѣдствія продажъ по низкой оцѣнкѣ. Слѣдовательно, г. К. В. М. совершенно правъ, утверждая, что запрещеніе евреямъ владѣть землями вызвало разнообразныя проявленія ихъ находчивости и силы, а не преступная наклонность евреевъ къ запрещенному плоду, какъ измышляетъ «Кіевлянинъ».

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому общему заключенію, что запрещеніе евреямъ владѣть землями въ западномъ краѣ въ практическомъ своемъ примѣненіи встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія и, не достигая главной своей цѣли, порождаетъ только ненормальныя нравственныя и имущественныя отношенія.

Опытъ же исторіи всѣхъ временъ и народовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что это явленіе не исключительное и временное, которое поэтому можно было бы приписать причинамъ тоже исключительнымъ, напр. чрезъ чуръ развитымъ хищническимъ и противообщественнымъ инстинктамъ еврейскаго населенія, какъ постоянно дѣлаетъ «Кіевлянинъ», а слѣдствіе того неизмѣннаго историческаго закона, въ силу котораго никакое искуственное, а тѣмъ болѣе внѣшнее вмѣшательство въ общественныя отношенія не только не ведетъ къ своей цѣли, т. е. не отклоняетъ народной жизни отъ ея естественнаго хода, но имѣетъ обыкновенно противоположныя послѣдствія. Исторія вполнѣ подтверждаетъ здѣсь старую какъ міръ истину, что «плетью обуха не перешибешь» и что всякія попытки подобныхъ перешибовъ не достигаютъ цѣли. Казалось бы, кому лучше знать и понимать все это, какъ не «Кіевлянину», издаваемому бывшимъ профессоромъ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы г. Шульгинъ вздумалъ тряхнуть стариной и вспомнить то, что нѣкогда было ему такъ хорошо извѣстно, то онъ самъ устыдился бы той жалкой узкости взглядовъ, которой онъ мѣряетъ общественные вопросы на канцелярскій аршинъ. Единственное объясненіе такой перемѣны къ худшему въ міросозерцаніи редактора «Кіевлянина» заключается въ томъ, что онъ отрекся торжественно отъ своихъ прежнихъ убѣжденій по еврейскому вопросу; и такъ какъ убѣжденія эти (если можно назвать убѣжденіями фразы о братствѣ и равенствѣ людей, навѣянныя чтеніемъ «хорошихъ книжекъ» и разлетающіяся при первомъ прикосновеніи къ дѣйствительности) за-

имствованы имъ изъ европейской и исторической литературы, то ясно, что г. Шульгинъ вмѣстѣ съ ними бросилъ, какъ негодную для его теперешней дѣятельности ветошь, и свои историческія познанія. Только этимъ можно объяснить дикость его сужденій о евреяхъ, сужденій, въ которыхъ нѣтъ и слѣда разумнаго безпристрастія публициста, воспитаннаго на научной литературѣ, а проводятся вездѣ самыя грубыя предубѣжденія и соображенія полицейскаго свойства.

Но одна неудобоисполнимость извѣстной законодательной мѣры, хотя не мало и говоритъ противъ существованія ея, однакожъ далеко еще не рѣшаетъ окончательно вопроса о ея разумности. Поэтому еслибъ запрещеніе евреямъ владѣть землями въ западномъ краѣ было желательно въ интересахъ обрусенія края, то мы вполнѣ согласились бы, что невозможность осуществленія одной изъ мѣръ, могущихъ повести къ этому обрусенію, есть фактъ достойный сожалѣнія и порицанія Мы присоединили бы нашъ голосъ къ тѣмъ, которые ропщутъ и негодуютъ на препятствія, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути устраненіе евреевъ отъ землевладѣнія; ибо мы также горячо и искренно желаемъ возможно скорѣйшаго обрусенія западнаго края, какъ редакторы нашихъ патріотическихъ газетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ согласны, что интересы одной части населенія должны уступать мѣсто общимъ интересамъ государства и народа. Но по крайнему нашему разумѣнію запрещеніе это не только не вызывается экономическими или политическими интересами русскаго элемента, но даже напротивъ наноситъ ущербъ этимъ интересамъ. Наши соображенія по этому предмету изложимъ въ слѣдующей статьѣ.

III.

Доводы приводимые противъ допущенія евреевъ къ владѣнію землями въ западномъ краѣ основываются на соображеніяхъ двоякаго рода: экономическихъ и политическихъ. Главное значеніе при этомъ придается соображеніямъ втораго рода; экономическіе же аргументы приводятся мимоходомъ и только въ подкрѣпленіе разсуж-

деній о политической сторонѣ вопроса. Разсмотримъ обѣ группы доводовъ противъ еврейскаго землевладѣнія въ отдѣльности.

Съ точки зрѣнія экономической возраженія противъ владѣнія евреевъ землями сводятся къ одному доводу, очень вѣскому, еслибъ онъ былъ основателенъ — что евреи, вообще искусные въ дѣлѣ эксплуатаціи производительнаго населенія, найдутъ въ сельско-хозяйственной промышленности новое могущественное орудіе къ паразитной жизни насчетъ русскаго сельскаго населенія. «Право владѣть землями, говоритъ «Кіевлянинъ» (мы ссылаемся здѣсь чаще всего на эту газету, потому что она больше всѣхъ органовъ нашей печати занималась этимъ вопросомъ; другія періодическія изданія большею частью ограничивались повтореніемъ ея мнѣній и доводовъ), сильно повредитъ едва начавшему самостоятельное хозяйство русскому сельскому населенію» [1]). «Кіевлянинъ», правда, считаетъ лишнимъ приводить какія нибудь доказательства въ подтвержденіе этого тезиса, и съ своей точки зрѣнія онъ правъ· когда рѣчь идетъ о темныхъ сторонахъ еврейства, доказательства для большинства читателей совершенно излишни, ибо мѣсто ихъ занимаетъ готовое предубѣжденіе, охотно принимающее на вѣру все согласное съ его воззрѣніями. Но и для того, кто захотѣлъ-бы отнестись къ дѣлу безпристрастно, авторитетный тонъ, которымъ оффиціальная кіевская газета изрекла упомянутый тезисъ, долженъ показаться нѣсколько убѣдительнымъ. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобы можно было такъ увѣренно и докторально говорить о дѣлѣ, не имѣя полновѣсныхъ аргументовъ и фактическихъ основаній для своего мнѣнія! А между тѣмъ это дѣйствительно такъ. Не только «Кіевлянинъ» не можетъ указать и потому никогда не указывалъ на тѣ положительныя данныя, которыя даютъ ему право вѣрить въ непогрѣшимость его убѣжденія во вредности евреевъ-землевладѣльцевъ для русскаго сельскаго хозяйства въ западномъ краѣ; но онъ самъ приводитъ факты противоположнаго свойства. Разсуждая о томъ, что устраненіе евреевъ отъ землевладѣнія должно быть расширено и распространено на арендное, залоговое вла-

[1]) Кіевлянинъ· 1869 г № 145.

дѣніе и управленіе всякаго рода имѣніями, «Кіевлянинъ» говоритъ слѣдующее. «Воспрещеніе продажи, въ то время какъ евреямъ и полякамъ запрещено покупать имѣнія, не имѣетъ никакого стѣснительнаго значенія для новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ. Они сознаютъ, что тутъ не ихъ права, а права другихъ ограничены (это впрочемъ совершенно нелогично: ограниченіе существуетъ для обѣихъ сторонъ и потому не можетъ не стѣснять какъ тѣхъ, такъ и другихъ) На воспрещеніе-же отдавать въ аренду, залогъ и управленіе—новые землевладѣльцы смотрятъ иными глазами... Мы говоримъ о тѣхъ русскихъ, которые лишь сожалѣютъ, что они поставлены въ худшія условія, нежели тѣ владѣльцы, къ замѣнѣ которыхъ правительство стремится» [1]) (т. е. нежели польскіе владѣльцы, которые могутъ призывать къ участію въ своемъ хозяйствѣ поляковъ и евреевъ). И такъ русскіе землевладѣльцы сожалѣютъ о томъ, что они ограничены въ правѣ выбора лицъ для участія въ своемъ хозяйствѣ. Но какъ объяснить такое явленіе, если принять за вѣрное что твердитъ, постоянно «Кіевлянинъ», будто евреи и поляки могутъ быть только вредны русскому землевладѣнію? Вѣдь отъ добра худа не ищутъ: и еслибъ упомянутое ограниченіе было безусловно благодѣтельно для русскихъ землевладѣльцевъ, то какъ-же они могли говорить, что они поставлены въ худшія условія чѣмъ польскіе помѣщики? Смѣшно предполагать чтобъ люди хотѣли отречься отъ полезныхъ для нихъ мѣръ потому только, что эти мѣры не распространяются на другихъ и поэтому нарушаютъ принципъ равенства; ясно, что избавленіе русскихъ землевладѣльцевъ отъ паразитизма и эксплуатаціи инородцевъ есть для нихъ privilegium odiosum, отъ которой они охотно готовы отказаться. А вѣдь землевладѣльцы безъ сомнѣнія компетентнѣе въ сужденіи о своихъ собственныхъ интересахъ, чѣмъ «Кіевлянинъ» со всей своей ученостью Вотъ какъ говоритъ напр. одинъ изъ нихъ, г. Еремеевъ, объ этомъ предметѣ. «Отдача имѣній евреямъ въ поссессію замѣтна именно въ нынѣшнемъ (1869) году (слѣдовательно послѣ того, какъ русскіе помѣщики успѣли уже нѣсколько укрѣпиться

[1]) Кіевлянинъ 1869 г № 130

и освоиться съ мѣстными условіями); мы знаемъ довольно порядочныя имѣнія, принадлежащія собственно русскимъ помѣщикамъ, которыя отданы нынѣ евреямъ. Съ точки зрѣнія экономической, мы въ этомъ не видимъ ничего предосудительнаго, напротивъ, признаемъ въ этомъ большую пользу, такъ какъ евреи будутъ вкладывать свои капиталы въ хозяйство, усиливать земледѣльческую производительность и ослаблять дороговизну сельскихъ продуктовъ, отъ которой страдаютъ преимущественно бѣдные классы Они вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ достаточный доходъ самимъ владѣльцамъ имѣній, и все это можетъ послужить къ дѣйствительному увеличенію цѣнности имѣній Собственно отдача имѣній въ поссесію евреямъ есть неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ дѣйствій мѣстныхъ административныхъ властей, которыя совершались въ краѣ съ 1864 по 1869 годъ, когда потерпѣли наиболѣе всего русскіе владѣльцы» [1]). Г. К. В. М., отзывъ котораго мы привели выше, свидѣтельствуетъ тоже, что «евреи уже стали заключать оффиціальные договоры арендованія имѣній съ русскими владѣльцами». Изъ всего этого очевидно, что русскіе землевладѣльцы убѣждены во вредности для нихъ устраненія евреевъ отъ владѣнія землями и осязательно высказываютъ это убѣжденіе въ томъ, что, вопреки существующимъ для огражденія ихъ интересовъ ограниченіямъ, отдаютъ свои имѣнія въ аренду евреямъ. Такимъ же образомъ относится еврейское землевладѣніе къ интересамъ русскаго сельскаго хозяйства, въ новороссійскомъ краѣ. Корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника», котораго указаніе на переходъ поземельной собственности въ руки евреевъ мы привели выше, прибавляетъ по этому поводу слѣдующее. «Какъ въ рукахъ евреевъ пойдутъ хозяйства — покажутъ послѣдствія, и мы нисколько не сомнѣваемся въ успѣхѣ; мы даже предвидимъ громадное вздорожаніе земель (т. е. результатъ благопріятный для экономическаго развитія страны), но не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что народонаселеніе края, вообще нуждающееся въ наймѣ земель для посѣвовъ, попадетъ въ порядочную зависимость отъ капи-

[1]) Вѣсть 1869 г № 312.

тала» [1]). Такое-же мнѣніе было высказано въ «Голосѣ». «Если достояніе нашихъ предковъ перейдетъ въ еврейскія руки, нашъ край, я увѣренъ, много выиграетъ отъ этой перемѣны. Еврей постарается извлечь изъ него сколь возможно болѣе дохода; у него ни одна соломинка не пропадетъ даромъ, вы-же господа, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, только царапали безъ толку вашу плодородную почву, надѣясь, что цѣлины вамъ на тысячу лѣтъ хватитъ: а теперь, когда вамъ пришлось нѣсколько потѣсниться, вы бѣжите къ Янкелю· «выручай, братъ!» Вотъ онъ и выручаетъ васъ по силѣ возможности» [2]). Но быть можетъ евреи землевладѣльцы будутъ вредны и тягостны для сельскаго рабочаго люда, при помощи котораго евреи ведутъ свое хозяйство? Быть можетъ, еврей-арендаторъ будетъ обходиться съ работникомъ хуже, чѣмъ всякій другой и потому для охраненія русскихъ крестьянъ отъ эксплуатаціи евреевъ помѣщиковъ, арендаторовъ и управителей слѣдуетъ не допускать послѣднихъ къ указаннымъ занятіямъ? Противъ этого говоритъ какъ здравый смыслъ, такъ и опытъ. Съ одной стороны извѣстно, какъ часто раздаются у насъ теперь жалобы не на притѣсненіе наемныхъ рабочихъ-крестьянъ нанимателями землевладѣльцами, а наоборотъ— на своеволіе, непріятности и притѣсненія со стороны рабочихъ. Какое-же основаніе мы имѣемъ предполагать, что по отношенію къ нанимателю-еврею крестьянинъ будетъ теперь поставленъ въ болѣе зависимое стѣсненное положеніе, чѣмъ по отношенію къ помѣщику и арендатору нееврею? Напротивъ, еврей въ глазахъ крестьянина стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ниже, чѣмъ помѣщикъ русскій или полякъ. и потому если онъ не легко даетъ помыкать собой этому послѣднему, то тѣмъ менѣе онъ будетъ подчиняться еврею. Еслибъ русскій простой народъ въ западномъ краѣ раздѣлялъ мнѣніе о евреяхъ своихъ непрошенныхъ и неловкихъ опекуновъ и защитниковъ, то онъ доказалъ бы это очень просто тѣмъ, что не хотѣлъ-бы наниматься на работы у еврея. Опытъ-же указываетъ на противоположное явленіе: крестьяне охотнѣе идутъ въ работники

[1]) Кіевлянинъ 1869 г. № 85.
[2]) Голосъ 1869 г. № 205

къ евреямъ, чѣмъ къ ясно-вельможнымъ панамъ, не совсѣмъ еще привыкшимъ къ мысли видѣть въ мужикѣ свободнаго и равноправнаго человѣка Въ одной изъ прежнихъ статей я указалъ на свидѣтельства гг. Зеленскаго и К. В. М., что въ Минской и Волынской губерніяхъ крестьяне охотнѣе и за болѣе дешевую цѣну нанимаются у арендаторовъ евреевъ, чѣмъ у пановъ-помѣщиковъ [1]) Слѣдовательно, какъ русскіе землевладѣльцы, такъ и крестьяне положительно признаютъ для себя полезнымъ свободу хозяйственнаго оборота съ евреями и тяготятся ограничительными мѣрами, долженствующими воздвигнуть китайскую стѣну между ими и евреями, для огражденія ихъ отъ нападенія этихъ послѣднихъ.

Неудобство устраненія евреевъ отъ сельскаго хозяйства западнаго края высказалось наконецъ въ замѣчательномъ законодательномъ актѣ указѣ сенату отъ 29 января 1868 г.

Въ указѣ этомъ изложено слѣдующее. Статьей 27-й закона 5 марта 1864 г. и ст. 26-й инструкціи 23 іюля 1865 г. воспрещается отдавать имѣнія, пріобрѣтенныя русскими у поляковъ при помощи казны, въ аренду евреямъ и полякамъ. Они могутъ быть только винокурами и арендаторами корчемъ. Послѣднее опредѣленіе указываетъ, что лица эти не могутъ арендовать мельницъ и заводовъ. «А такъ какъ въ западномъ краѣ (подлинныя слова указа) промышленныя и торговыя занятія находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ, а внѣ ихъ среды почти невозможно найти тамъ людей способныхъ управлять мельницами и заводами, для завѣдыванія коими требуются извѣстныя техническія познанія и навыкъ, то воспрещеніе отдавать имъ въ содержаніе подобныя оброчныя статьи ставитъ новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ въ весьма затруднительное положеніе и можетъ даже повести къ уничтоженію нѣкоторыхъ мельницъ и заводовъ, что неблагопріятно-бы отразилось какъ вообще на промышленность и хозяйство, такъ и на дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ». Поэтому, согласно представленію министр» государственныхъ иму-

[1]) См «День» 1869 г. № 31, стр 497

ществъ и по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣно дополнить означенныя статьи слѣдующимъ постановленіемъ: «евреи могутъ быть винокурами и арендаторами корчемъ, а также арендными содержателями или управителями состоящихъ при имѣніяхъ мельницъ, свеклосахарныхъ, стеклянныхъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ, завѣдываніе коими требуетъ техническихъ знаній и нѣкотораго оборотнаго капитала. Но евреи не могутъ брать въ арендное содержаніе или управленіе не только цѣлыхъ имѣній, но и входящихъ въ составъ оныхъ отдѣльныхъ земельныхъ угодій».

Мотивы этого закона такъ полно и ясно изложены въ немъ самомъ, что всякое постороннее толкованіе совершенно излишне. Онъ вполнѣ подтверждаетъ то, что мы сказали выше о невозможности и вредности для русскаго сельскаго хозяйства удаленія изъ него евреевъ. Кстати объ этомъ законѣ. «Кіевлянинъ», ратуя за необходимость совершеннаго устраненія законодательнымъ путемъ евреевъ отъ всякихъ непосредственныхъ отношеній къ поземельной собственности въ западномъ краѣ, между прочимъ находитъ подтвержденіе этого въ законодательныхъ словахъ закона 29 января: «но евреи не могутъ брать въ арендное содержаніе или управленіе не только цѣлыхъ имѣній, но и входящихъ въ составъ оныхъ отдѣльныхъ земельныхъ угодій». Такъ какъ здѣсь, говорятъ сторонники того взгляда, который поддерживаетъ «Кіевлянинъ», не сдѣлано никакого различія между имѣніями прежнихъ и новыхъ владѣльцевъ, и говорится глухо, въ общей формѣ, то ясно, что запрещеніе это простирается на всякаго рода имѣнія безъ различія. Но юридическія соображенія кіевской газеты по этому предмету такъ-же неосновательны и несогласны съ дѣйствительностью, какъ ея экономическіе доводы и разсужденія. Законъ 29 января, какъ въ немъ прямо сказано, имѣетъ характеръ не самостоятельной, новой законодательной мѣры, а есть дополненіе къ ст. 26 положенія 5 марта 1864 г. и статьѣ 26 инструкціи 23 іюля 1865 г. И такъ какъ оба эти закона относятся исключительно къ имѣніямъ, пріобрѣтаемымъ русскими покупщиками у прежнихъ владѣльцевъ, то дополненіе къ нимъ тоже можетъ относиться только къ этимъ имѣніямъ; развѣ еслибъ въ дополнительномъ законѣ было положительно и точно ска-

зано, что прежнія ограниченія распространяются на всѣ безъ изъятія имѣнія западнаго края. Но какъ въ законѣ 29 января такого точнаго указанія нѣтъ, то ясно, что заключительныя слова его только повторяютъ содержаніе прежнихъ узаконеній, не вводя въ нихъ ничего новаго. Такой взглядъ находитъ сильную опору въ общемъ юридическомъ принципѣ, признаваемомъ и нашимъ законодательствомъ, что исключительный законъ долженъ быть толкуемъ въ ограничительномъ, а не расширительномъ смыслѣ. Запрещеніе евреямъ владѣть землями въ западномъ краѣ на вотчинномъ и иномъ правѣ есть изъятіе изъ общихъ законовъ о гражданскихъ правахъ евреевъ; поэтому, еслибъ законъ 29 января и представлялъ нѣкоторое сомнѣніе относительно разбираемаго нами теперь вопроса (чего однакожъ вовсе нѣтъ), то сомнѣніе это, въ силу упомянутаго основнаго принципа законодательства, должно быть толкуемо въ пользу евреевъ, а не противъ нихъ.

Противъ толкованія закона 29 января, приводимаго «Кіевлянином», говоритъ кромѣ буквальнаго, внѣшняго, еще и внутренній смыслъ его. Во первыхъ, въ соображеніяхъ, на которыхъ основанъ этотъ законъ ничего не говорится о необходимости или полезности распространенія ограниченій установленныхъ законами 5 марта и 23 іюля на имѣнія польскихъ владѣльцевъ; какое-же основаніе мы имѣемъ предполагать, что законъ имѣлъ въ виду это распространеніе? Во вторыхъ: цѣль закона 29 января очевидно состоитъ не въ томъ, чтобъ расширить, а въ томъ, чтобъ съузить кругъ дѣйствія ограничительныхъ мѣръ предшествовавшихъ узаконеній, ибо онъ расширяетъ право евреевъ на содержаніе и управленіе фабричныхъ и заводскихъ хозяйственныхъ статей далѣе того предѣла, который установленъ законами 5 марта и 23 іюля Слѣдовательно, допустить, что законъ 29 января въ первой своей части расширяетъ сельско-хозяйственныя права евреевъ, а во второй значительно стѣсняетъ эти права, значило-бы признать существованіе необъяснимаго логическаго противорѣчія между двумя половинами одного законодательнаго акта. Законъ-же всегда долженъ быть понимаемъ такимъ образомъ, чтобъ онъ соотвѣтствовалъ требованіямъ логики — это основное правило юридической интерпретаціи, кото-

рое, на нашъ взглядъ, должно быть примѣнимо къ законамъ о евреяхъ въ такой-же мѣрѣ, какъ ко всякимъ другимъ.

Такимъ образомъ, съ какой стороны мы не посмотримъ на указъ 29 января, то толкованіе, которое даетъ «Кіевлянинъ» заключительнымъ его словамъ, оказывается юридическимъ абсурдомъ. Если-же подобное толкованіе пробило себѣ путь на практикѣ и поддерживается патріотической въ извѣстномъ смыслѣ газетой, то мы можемъ себѣ объяснить такое игнорированіе всѣхъ правилъ интерпретаціи законовъ и явно неправильное пониманіе ихъ смысла только излишнимъ рвеніемъ къ ограниченію и безъ того довольно ограниченныхъ правъ евреевъ.

Въ виду указанныхъ фактовъ ложность мнѣнія будто допущеніе евреевъ къ владѣнію землями можетъ быть вредно для русскаго сельскаго хозяйства въ западномъ краѣ дѣлается вразумительнымъ для каждаго; но мы не можемъ оставить этого предмета, не сказавъ нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельствѣ. Предположимъ, что еврейское землевладѣніе вредно для русскаго; слѣдуетъ ли изъ этого, что запрещеніе евреямъ владѣть поземельной собственностью, заставляя ихъ сохранять statu quo своего экономическаго быта, выгодно для края вообще и для производителей въ частности? Совершенная свобода сельскаго хозяйства отъ вліянія капитала есть pium desiderium, о которомъ невозможно и думать въ настоящее время у насъ, когда оно переживаетъ у насъ критическую эпоху освобожденія крестьянъ со всѣми его послѣдствіями; въ западномъ краѣ эта зависимость сельскаго хозяйства отъ капитала усиливается еще вліяніемъ событій послѣднихъ лѣтъ, весьма неблагопріятно отозвавшихся на благосостояніи большинства хозяйствъ. Самъ же «Кіевлянинъ» съ горечью признаетъ, что «евреи обладаютъ почти всѣми капиталами края, составляющими въ нашъ вѣкъ не отвлеченную, а фактическую, живую силу, предъ которой практически склоняется и уступаетъ почти все» [1]. Съ этимъ грустнымъ фактомъ по неволѣ приходится мириться, такъ какъ противъ этого зла не возможно придумать никакой та-

[1]) Кіевлянинъ 1869 г. № 16

кой мѣры, которая лишила бы евреевъ ихъ собственности; поэтому оставимъ въ сторонѣ патріотическую желчь и посмотримъ на вещи, какъ они суть въ дѣйствительности Выше мы привели свидѣтельство г. К. В. М., что «каждое изъ 5000 имѣній представляетъ собою тайный или явный контрактъ, на основаніи котораго еврей является или поссесоромъ, или арендаторомъ имѣнія» и что «въ каждомъ имѣніи есть еврей, тѣмъ или другимъ образомъ тѣсно связанный съ судьбой и интересами имѣнія и владѣльца». Не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ желанная эманципація сельскаго хозяйства изъ подъ власти еврейскихъ капиталовъ оказывается невозможнымъ, на что мы указали въ предыдущей статьѣ, остановимся на слѣдующемъ вопросѣ, что выгоднѣе для края· сохраненіе теперешняго состоянія дѣлъ или разрѣшеніе евреямъ владѣть землями?

При теперешнемъ порядкѣ вещей евреи, de jure исключенные изъ участія въ сельско-хозяйственной промышленности, на дѣлѣ оказываютъ громадное вліяніе на него, что, повторяемъ, совершенно естественно и неизбѣжно на томъ уровнѣ, на которомъ стоитъ наше экономическое развитіе въ настоящее время. Вліяніе это проявляется двояко: въ видѣ ссудъ землевладѣльцамъ и договорахъ разнаго рода, ложащихся бременемъ на хозяйствахъ производителей, и въ торговыхъ оборотахъ по сбыту сельскихъ продуктовъ, каковые обороты находятся исключительно въ рукахъ евреевъ, какъ главныхъ представителей туземнаго торговаго сословія. Какъ сильна зависимость перваго рода, видно изъ упомянутаго только что свидѣтельства г. К В. М. Относительно втораго рода связи между сельскимъ хозяйствомъ и евреями можно было бы привести безчисленное множество данныхъ, укажемъ на одну случайно попавшуюся намъ теперь на глаза корреспонденцію изъ Бессарабіи, въ которой читаемъ слѣдующее. «Землевладѣльцы нами очень довольны урожаемъ нынѣшняго года. Жаль только, что сами производители этихъ продуктовъ мало отъ того имѣютъ выгодъ, потому что всѣ эти продукты, за весьма малыми исключеніями, попадаютъ прямо въ руки евреевъ, считающихъ за ними большіе задатки, накопившіеся отъ старыхъ долговъ, начетовъ, процен-

товъ и прочихъ контрибуцій, налагаемыхъ на простоту поселянъ» [1]).

Что тоже самое (или лучше сказать приблизительно тоже самое, потому что корреспондентъ, по общепринятому относительно еврейской эксплуатаціи обычаю, замѣтно пересолилъ) происходитъ въ западномъ краѣ—это фактъ до того общеизвѣстный, что доказательствъ отъ насъ никто не потребуетъ. Спрашивается: какой же прокъ въ томъ, что евреи не могутъ владѣть непосредственно землями, а косвенно держатъ въ своихъ рукахъ все сельское хозяйство, и какъ капиталисты кредиторы и какъ торговцы покупатели земледѣльческихъ продуктовъ? При такихъ условіяхъ участіе евреевъ въ хозяйствѣ сельскаго населенія дѣйствительно отчасти вредно, ибо еврей кредиторъ, ограничиваясь одной ссудой производителю, имѣетъ возможность жить безъ труда, однимъ доходомъ съ капитала; точно также еврей торговецъ, становясь повсюду между производителемъ и потребителемъ и затрудняя столь выгодныя для народнаго хозяйства непосредственныя между ними отношенія, получаетъ возможность жить при помощи такихъ посредническихъ услугъ, которыя въ сущности излишни и ложатся бременемъ на хозяйственный бюджетъ страны. Не находя для себя другой точки приложенія, еврейскіе капиталы и еврейскій трудъ устремляются исключительно на торговую дѣятельность, на усиленную спекуляцію предметами мѣстнаго производства, искуственно развивая эту спекуляцію до размѣровъ, далеко несоотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Результатомъ этого является чрезмѣрная зависимость всей почти сельско-хозяйственной промышленности края отъ капитала (т. е. отъ евреевъ) и чрезвычайная дороговизна сельскихъ продуктовъ отъ прохожденія ихъ чрезъ руки многочисленной ватаги посредниковъ разнаго рода. Съ дозволеніемъ же евреямъ владѣть на арендномъ, залоговомъ и вотчинномъ правѣ землями, значительная часть еврейскихъ капиталовъ отвлеклась-бы отъ торговой спекуляціи и сопряженной съ ней

[1]) Голосъ 1869 г. № 286.

эксплуатаціи производителей и потребителей и была-бы непосредственно приложена къ самому производству. Отъ этого выиграли-бы всѣ тѣ хозяйства, которыя теперь тяготятся давленіемъ еврейскихъ капиталовъ на землевладѣніе, выиграло-бы все мѣстное населеніе, такъ какъ съ уменьшеніемъ еврейской торговли упали бы цѣны на сельскіе продукты; выиграло-бы само сельское хозяйство, ибо еврей съумѣетъ лучше воспользоваться своимъ капиталомъ для увеличенія доходности имѣнія, чѣмъ польскій помѣщикъ, которому онъ давалъ свой капиталъ въ ссуду для этой цѣли. Наконецъ, отъ этого произошло бы существенное улучшеніе въ характерѣ труда и занятій самихъ евреевъ; тотъ самый еврей, который ссужалъ своимъ капиталомъ помѣщика и мужика и вслѣдствіе этого смотрѣлъ на ихъ хозяйство единственно какъ на средство получить громадные проценты на свой капиталецъ, самъ ничего не дѣлая и нисколько не заботясь о судьбѣ истощаемаго имъ хозяйсва; — этотъ самый еврей, получивъ возможность самому сдѣлаться земледѣльцемъ и прямо приложить свой капиталъ къ поземельной собственности или арендѣ, привыкнетъ къ болѣе солидному, честному и трудолюбивому образу жизни и роду занятій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ естественно заинтересованъ не въ истощеніи, а въ сохраненіи и улучшеніи сельскаго хозяйства. Принимая во вниманіе эти соображенія не трудно, я думаю, будетъ разрѣшить поставленный выше вопросъ, что выгоднѣе для западнаго края—сохраненіе ли существующаго порядка (юридическое устраненіе евреевъ отъ сельскаго хозяйства и фактическое господство въ немъ, неестественное направленіе еврейскаго труда и капиталовъ, усиленная торговая спекуляція и дороговизна сельскихъ продуктовъ, безнравственный харктеръ еврейской промышленной дѣятельности) или допущеніе евреевъ къ владѣнію землями (отсутствіе вреднаго разлада между законодательствомъ и практикой, освобожденіе значительной части хозяйствъ отъ чужеядности еврейскихъ капиталовъ, удешевленіе сельскихъ продуктовъ, большая солидность еврейскаго труда и улучшеніе сельскаго хозяйства).

Соображенія этого рода совершенно чужды «Кіевлянину» и тѣмъ, которые поютъ подъ его голосъ о страшномъ вредѣ, могущемъ про-

изойти для края и для русскаго землевладѣнія отъ отмѣны существующихъ ограниченій для евреевъ! И это неудивительно: при ихъ рутинно-полицейскомъ взглядѣ на многіе общественные вопросы, особенно на вопросъ еврейскій, гдѣ притомъ выступаетъ на видъ глубоко укоренившееся предубѣжденіе, безъ разбору отвергающее все несогласное съ нимъ. Но истина глаза колетъ, и для того кто имѣетъ достаточно храбрости, чтобъ взглянуть прямо и безпристрастно на разбираемый нами теперь вопросъ, соображенія эти должны имѣть значительную дозу убѣдительности.

Остается сказать о другой сторонѣ вопроса о еврейскомъ землевладѣніи — политической. Еслибъ можно было доказать, или еслибъ по крайней мѣрѣ были достаточныя основанія предполагать, что допущеніе евреевъ къ владѣнію землями можетъ служить помѣхой обрусенію края и поддержкой полонизму, то существующее ограниченіе могло быть признано раціональнымъ. Однакожъ и тогда слѣдовало бы еще предварительно сообразить· во-первыхъ, возможно ли привести въ исполненіе это устраненіе евреевъ отъ сельскаго хозяйства, идущее въ разрѣзъ съ экономическимъ состояніемъ края; и во-вторыхъ, если оно будетъ возможно, то не перевѣшиваются ли хорошіе результаты подобной мѣры дурными. Но гдѣ же основанія для подобнаго предположенія? Отвѣчаемъ смѣло: ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ статьѣ о политическомъ значеніи евреевъ въ Польшѣ мы доказали несомнѣнными фактами, что въ мятежѣ 1831, равно какъ и 1863 г. евреи западнаго края были положительно на сторонѣ Россіи. Слѣдовательно, смотрѣть на евреевъ какъ на «естественныхъ союзниковъ лехитовъ», какъ выражаются иногда наши невѣжественныя патріотическія газеты, и дѣйствовать по отношенію къ нимъ на основаніи подобныхъ воззрѣній, значитъ сдѣлать грубую, непростительную ошибку, могущую повести къ тому, что евреи начнутъ наконецъ тянуть на сторону тѣхъ, къ которымъ ихъ постоянно приравниваютъ словомъ и дѣломъ. Примѣръ Пруссіи и Австріи убѣждаетъ насъ въ томъ, что не стѣсненіемъ евреевъ наравнѣ съ «лехитами» можетъ быть оказана услуга расположенію бывшей Рѣчи Посполитой, а напротивъ постепеннымъ расширеніемъ ихъ гражданскихъ правъ и энергической поддержкой ихъ стремле-

нія къ уравненію съ господствующимъ населеніемъ и усвоенію его языка, образованности и гражданскаго положенія.

Такой системой дѣйствій достигли тамъ того результата, что евреи, какъ и вездѣ впрочемъ, сдѣлались врагами всякаго національнаго и территоріальнаго сепаратизма и горячими сторонниками центральной власти и государственнаго единства. У насъ евреи явно выказали подобное же настроеніе и симпатіи. Почему же мы должны смотрѣть иначе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ? Правда, Польша независимая, въ своемъ національномъ и религіозномъ фанатизмѣ, какъ мы видѣли, старалась противодѣйствовать ассимиляціи евреевъ съ господствующимъ народомъ путемъ ограничительныхъ мѣръ, между прочимъ юридическимъ устраненіемъ ихъ отъ владѣнія дворянскими имѣніями. Но заслуживаетъ ли этотъ примѣръ подражанія, другими словами, должна ли Россія въ заботѣ о расположеніи и обрусеніи западнаго края прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, что и Польша—въ стремленіи къ полонизаціи того же края? Смѣемъ думать, что нѣтъ. Польша не только не достигла тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремилась, но своей петерпимой политикой вредила самой себѣ, давъ тѣмъ поучительный урокъ другимъ народамъ и государствамъ. Притомъ же Россія слишкомъ могущественна и терпима, чтобъ подражать средневѣковымъ государствамъ въ употребленіи мелочныхъ, узкихъ и безчеловѣчныхъ средствъ для достиженія своихъ великихъ цѣлей и задачъ.

И добро бы—переходъ земель въ руки русскихъ владѣльцевъ совершался очень успѣшно и быстро; тогда можно было бы сказать, что лучше если землевладѣніе сосредоточится въ рукахъ кровныхъ русскихъ людей, а не инородцевъ, хотя приверженность этихъ инородцевъ къ Россіи и русскому государству не можетъ быть никѣмъ заподозрѣна серьезно. На дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, переходъ этотъ идетъ очень туго. Такъ изъ вѣдомости о ходѣ дѣла о землевладѣніи въ сѣверо-западномъ краѣ, напечатанной недавно въ Виленскомъ Вѣстникѣ, мы видимъ слѣдующее. Со времени изданія положенія 5 марта 1864 г. по 1-е сентября 1869 г. пріобрѣтено лицами не польскаго происхожденія (что, замѣтьте, не значитъ еще

русскими людьми) 162 имѣнія у прежнихъ владѣльцевъ [1]). Въ эту общую цифру входятъ какъ имѣнія, купленныя отъ казны и при ея помощи, такъ и частнымъ образомъ, съ торговъ и по вольнымъ цѣнамъ. Результатъ довольно незначительный сравнительно съ тѣми усиліями, которыя дѣлало и дѣлаетъ правительство и общественное мнѣніе для его достиженія. Причины того, что дѣло русскаго землевладѣнія подвигается вяло, лежатъ, по сознанію даже «Московскихъ Вѣдомостей», «столько же въ противодѣйствіи мѣстныхъ польскихъ владѣльцевъ, сколько въ холодности нашей стороны къ интересамъ и правамъ русскихъ покупщиковъ и успѣху русскаго землевладѣнія» [2]). Главное затрудненіе, встрѣчаемое русскимъ покупателемъ польскаго имѣнія, какъ подробно и наглядно доказываетъ г. К. В М., состоитъ въ незнаніи мѣстныхъ условій, очень запутанныхъ и оригинальныхъ и въ невозможности бороться съ происками мѣстныхъ помѣщиковъ. Оба эти препятствія для еврея не существуютъ, такъ какъ онъ въ совершенствѣ знаетъ всѣ условія мѣстнаго хозяйства и мѣстной жизни вообще, а его давнишніе счеты съ польскимъ помѣщикомъ, составляющіе для пріѣзжаго покупателя непреодолимое затрудненіе, ему конечно служатъ только облегченіемъ перехода имѣнія въ его руки. Такимъ образомъ, если допустить евреевъ къ участію въ пріобрѣтеніи поземельной собственности, расположеніе землевладѣнія совершилось бы несравненно быстрѣе теперешняго; а это было бы истиннымъ благодѣяніемъ для «гражданскиі и экономически расшатаннаго» западнаго края, сильно страдающаго отъ теперешняго неопредѣленнаго, переходнаго состоянія поземельной собственности и сельскаго хозяйства.

Укажемъ еще на одно обстоятельство. Говоря о переходѣ имѣній отъ польскихъ помѣщиковъ къ лицамъ *непольскаго происхожденія*, мы замѣтили, что это не всегда значитъ переходъ въ русскія руки. Это значитъ то, что законы 5 марта и 10 декабря 1864 г. воспрещаютъ вновь пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ только лицамъ польскаго происхожденія и католическаго

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1870 г. № 10.
[2]) См. Соврем. извѣстія 1870 г. № 2.

исповѣданія, но уравниваетъ въ правахъ съ русскими—протестантовъ. Между тѣмъ нѣмецко-протестантское населеніе Царства Польскаго и западной Руси издавна подверглось значительному вліянію полонизма; такъ что пріобрѣтеніе такими лицами польскихъ имѣній, по указаніямъ людей свѣдущихъ, представляетъ серьезную опасность для русскаго дѣла [1]). Но этого мало. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ западномъ краѣ замѣтно усиливается въ землевладѣніи элементъ иностранный [2]).

Не будь запрещенія евреямъ владѣть землями, то и другое явленіе могло быть лишь въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. А что представляетъ болѣе опасности для обрусенія западнаго края—еврейскій ли элементъ, который никакого самостоятельнаго политическаго значенія не имѣетъ, а служитъ вездѣ, какъ и у насъ, вѣрнымъ союзникомъ государственнаго начала и центральной власти, или иностранцы и ополяченные нѣмцы—рѣшить не трудно.

На этой точкѣ зрѣнія стояла одно время кіевская администрація, придерживаясь того мнѣнія, что «одолѣть полонизмъ можно всего вѣрнѣе посредствомъ іудаизма»; вслѣдствіе этого было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе 26 апрѣля 1862 г. о дозволеніи евреямъ пріобрѣтать имѣнія въ юго-западномъ краѣ. «Кіевлянину» (1869 г. № 15) и повторяющему его слова г. Х—ву въ «Вѣсти» (1869 г. № 198) такой взглядъ кажется верхомъ нелѣпости. Но мы предоставляемъ читателю судить, кто лучше понялъ интересы русскаго дѣла въ западной окраинѣ—кіевская ли администрація или патріоты «Кіевлянина», «Голоса» и tutti quanti?

---

[1]) См. Биржевыя Вѣдомости 1869 г. № 255.

[2]) Соврем. Лѣтопись 1869 г. № 45, стр. 7.

МЫСЛИ О ХАСИДИЗМѢ.

I.

Русско-еврейскій міръ распадается въ настоящее время на два большихъ лагеря, во многомъ между собой различныхъ, подчасъ даже враждебныхъ — хасидовъ и не хасидовъ или митнагедовъ, т. е. противниковъ хасидизма. Отличаются первые отъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ религіозной обрядности, но главнымъ образомъ—вѣрой въ цадиковъ и ихъ чудодѣйственную силу. Цадикъ—это идолъ хасида, лицо одаренное сверхъестественной силой и располагающее всей природой по произволу. Цадикъ можетъ все сдѣлать при помощи своей всемогущей молитвы, разумѣется только для того, кто въ него вѣруетъ, ему поклоняется. Его молитвѣ приписывается такая сила, что она можетъ измѣнить божескія опредѣленія. «Богъ опредѣляетъ, а цадикъ отмѣняетъ», говорятъ хасиды словами талмуда. Цадикъ находится въ постоянномъ общеніи съ сверхчувственнымъ міромъ, и потому для него открыта книга судебъ. Онъ свободно читаетъ въ будущемъ, которое и предсказываетъ вѣрующимъ. Онъ не ограниченъ ни пространствомъ, ни временемъ, ни вообще законами природы, которые такъ могущественно вліяютъ на судьбу обыкновенныхъ смертныхъ. Число такихъ чудодѣевъ въ настоящее время довольно значительно, и это нисколько не должно удивить насъ, ибо для того, чтобы достигнуть такой высокой ступени, вовсе не нужно большихъ или трудныхъ приготовленій. Самый обыкновенный и вовсе не затруднительный способъ попасть въ цадики—это родиться отъ цадика же. А какъ цадики размножаются довольно успѣшно, благодаря благопріятной обстановкѣ жизни, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ,

что почти каждый городокъ, каждое мѣстечко имѣетъ своего цадика; въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ еврейскій міръ раздѣляется на нѣсколько партій, по принадлежности къ хасидамъ того или другаго цадика.

Но гораздо болѣе числа самихъ цадиковъ — число чудесъ, ими совершенныхъ. Чуть гдѣ сойдутся два хасида, разговоръ неминуемо сойдетъ на неизсякаемую тему святости цадиковъ и ихъ чудотворной силы, при чемъ каждый изъ собесѣдниковъ раскрываетъ богатый запасъ знаній по этому предмету. Изъ этихъ разсказовъ вы можете узнать, какую громадную роль играетъ цадикъ въ жизни своей паствы. Къ нему обращается хасидъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и невзгодахъ. Цадикъ даетъ парнусу (средства къ пропитанію) бѣдному хасиду, онъ даетъ дѣтей бездѣтному и т. п. Но, дѣлая такъ много для своихъ поклонниковъ, цадикъ, сознавая всю важность своихъ услугъ, ничего не дѣлаетъ даромъ. Слова Библіи: «Не узрите лица божьяго (т. е. храма) съ пустыми руками» — строго соблюдаются цадиками. Не думайте, однакожъ, чтобъ къ цадику обращались только тогда, когда нуждаются въ его чудотворной помощи; это было бы наглой профанаціей его святости. Хасидъ очень хорошо знаетъ, что лицезрѣніе цадика есть, само по себѣ, въ высшей степени богоугодное дѣло и лучшій путь къ спасенію души. Вотъ почему онъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью какъ можно чаще бывать у цадика, пообѣдать за его столомъ, потолкаться въ его передней.

Цадикъ—это не раввинъ, не руководитель еврейской общины въ ея обыденномъ религіозномъ быту. Цадикъ очень мало свѣдущъ въ еврейской богословской литературѣ, столь значительной, трудной и запутанной. Онъ вовсе не авторитетъ въ вопросахъ религіозной догматики и обрядности. Большинство нынѣшнихъ цадиковъ—люди малограмотные (по еврейски), въ высшей степени невѣжественные и грязные, чѣмъ они и отличаются рѣзко отъ староеврейскихъ раввиновъ, для которыхъ необходимое условіе ихъ званія составляетъ значительное спеціальное образованіе. Доступъ въ цадики, какъ мы уже замѣтили, гораздо легче.

Цадикизмъ въ томъ видѣ, какъ мы его только-что охарактери-

зовали, очевидно долженъ имѣть, и дѣйствительно имѣетъ весьма вредное вліяніе на жизнь русскихъ евреевъ. Онъ парализуетъ всякое движеніе свободной мысли въ еврейскомъ мірѣ. Онъ дѣлаетъ невозможнымъ въ своихъ предѣлахъ всякое движеніе впередъ, всякій выходъ изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ находятся евреи. Но, не забѣгая впередъ въ изложеніи того значенія, которое имѣетъ хасидизмъ въ судьбахъ нашихъ единовѣрцевъ, остановимся на вопросѣ, который естественно возбуждается имъ въ нашей мысли: какъ уничтожить столь вредный элементъ еврейскаго быта? Вдумываясь глубже въ этотъ вопросъ, мы находимъ, однакожъ, что онъ не можетъ быть разрѣшенъ единственно анализированіемъ хасидизма, какъ факта, въ настоящемъ его положеніи, и вреда имъ приносимаго. Необходимо узнать обстоятельства, вызвавшія его къ жизни, и тѣ народныя потребности, которымъ онъ удовлетворяетъ. Только такимъ путемъ мы можемъ, посредствомъ измѣненія условій, давшихъ хасидизму raison d'être, сдѣлать дальнѣйшее существованіе его излишнимъ или даже невозможнымъ. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если мы прослѣдимъ судьбы хасидизма съ самаго его появленія и уловимъ генетическую связь между нимъ и той средой, въ которой онъ зародился. Недостаточно объявить, что хасидизмъ есть явленіе вредное и потому слѣдуетъ съ нимъ бороться всѣми силами; надо узнать, какія мѣры въ этой борьбѣ могутъ оказаться наиболѣе дѣйствительными, а для этого необходимо понять хасидизмъ. Не должно думать, что мы все объяснили, сказавъ: хасидизмъ есть плодъ невѣжества и суевѣрія. Безспорно, онъ можетъ существовать только при невѣжествѣ и суевѣріи, но дѣйствительно ли только имъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ? Да и суевѣріе въ каждой общественной средѣ принимаетъ другой исходъ, другое направленіе. Если мы желаемъ, поэтому, изучить природу хасидизма основательнѣе, мы не можемъ довольствоваться одними общими разсужденіями изъ области человѣческаго духа, а должны сойти на почву дѣйствительности, на почву тѣхъ частныхъ историческихъ условій, при которыхъ онъ появился въ свѣтъ и продолжаетъ существовать. Словомъ, для того, чтобъ успѣшно бороться съ хасидизмомъ,

мы должны понять его; а для того, чтобъ его понять, мы должны узнать тѣ обстоятельства, которыя сопровождали его появленіе и которыя до сихъ поръ поддерживаютъ его и придаютъ ему такую живучесть и силу. Только тогда можно будетъ указать тотъ путь, по которому должны пойти государство и общество для того, чтобъ уничтожить эту язву еврейской жизни, этотъ сильнѣйшій тормазъ нашего прогресса.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся разрѣшить эту задачу, или по крайней мѣрѣ указать способъ, которымъ она, по нашему мнѣнію, можетъ быть разрѣшена.

II.

Хасидизмъ есть явленіе новое въ еврействѣ и не имѣетъ почти никакихъ основаній въ еврейской религіи и ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, хасидизмъ, какъ мы видимъ, въ теоріи построенъ на грубѣйшемъ суевѣріи и полномъ господствѣ элемента чудеснаго, сверхъестественнаго, а въ практикѣ сводится на рѣшительное подчиненіе всей жизни хасидовъ доброму еврею (какъ они называютъ цадиковъ) и, слѣдовательно, на такое преобладаніе духовнаго элемента надъ свѣтскимъ, какое встрѣчается развѣ въ ультра-католической Испаніи, или, правильнѣе, только въ монгольскомъ шаманствѣ. Между тѣмъ въ еврейской религіи элементъ чудеснаго играетъ сравнительно небольшую роль. Іудейство знаетъ чудеса, по крайней мѣрѣ чудеса обязательныя для вѣрующихъ, каноническія, только въ давно прошедшемъ, въ библейскихъ преданіяхъ. Талмудъ и позднѣйшая еврейская богословская литература упоминаетъ только о чудесахъ случайныхъ, рѣдкихъ, которыя являлись на помощь избранникамъ божіимъ въ особенно критическія минуты, и притомъ именно избранникамъ божіимъ, прославившимъ себя чрезвычайной святостью жизни, необыкновенной богословской ученостью и заслугами предъ Израилемъ. Таковы, напр. чудеса, которыя передаются о жизни и смерти еврейскихъ мучениковъ, въ эпохи древнеримскихъ и средневѣковыхъ гоненій на евреевъ. Но чтобъ люди, самые обыкновенные, вполнѣ преданные матеріальнымъ

наслажденіямъ, лишенные всякихъ знаній въ дѣлахъ вѣры и ничего не дѣлающіе для націи, могли удостоиться дара пророчества и власти надъ природой, и притомъ не изрѣдка и случайно, а постоянно и, такъ сказать, систематически, — это совершенно противно основнымъ ученіямъ еврейской религіи. Съ другой стороны, евреи никогда не имѣли духовенства, въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. особое сословіе, болѣе или менѣе замкнутое, которое имѣло бы монополію истолкователя религіознаго закона и пользовалось бы, по самому своему званію, высшимъ и самостоятельнымъ общественнымъ значеніемъ и вліяніемъ на частную и общественную жизнь остальныхъ классовъ общества. Раввинъ всегда разсматривался не какъ лицо, стоящее—въ силу дарованной ему свыше власти вязать и рѣшать—надъ обществомъ, а какъ слуга общества, чиновникъ, состоящій у общества на жалованьѣ. Раввинъ — это лицо, которому, ради удобствъ раздѣленія труда, община ввѣрила принадлежащее каждому изъ его членовъ въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ право устраивать свои религіозныя, домашнія и общественныя дѣла на основаніи Библіи, Талмуда и позднѣйшихъ авторитетовъ. Раввинъ не можетъ ничего приказывать, только наставлять и совѣтовать. Мысль, высказанная много разъ еще въ Библіи, что «весь народъ Божій священъ и каждый изъ нихъ можетъ удостоиться божественнаго откровенія»—мысль эта проникла въ плоть и кровь евреевъ, это демократическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ общественныхъ учрежденій евреевъ. Если раввинъ и пользуется уваженіемъ и даже послушаніемъ, то это только благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Частныя лица (не раввины), которыя пользуются репутаціей хорошихъ богослововъ и особенно набожныхъ людей, могутъ пользоваться большимъ почетомъ, чѣмъ иные раввины, какъ это мы видимъ нерѣдко и теперь. И это неудивительно, потому что совершеніе религіозныхъ требъ не составляетъ у евреевъ монополіи раввиновъ. Всякій, свѣдущій въ законахъ, еврей можетъ совершать обрядъ вѣнчанія и развода, можетъ рѣзать животныхъ, совершать богослуженіе и т. под.

Вотъ почему авторитетъ раввиновъ вообще довольно незначителенъ, экономическое ихъ положеніе зависимое и незавидное—и во-

обще они не имѣютъ почти никакого сходства съ духовенствомъ другихъ исповѣданій. Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе долженъ быть для насъ съ перваго взгляда хасидизмъ, съ неограниченнымъ вліяніемъ цадиковъ на умы своихъ поклонниковъ, напоминающимъ времена самаго деспотическаго господства духовнаго элемента. Единственное объясненіе его можно найти въ изученіи обстоятельствъ того времени и мѣста, гдѣ хасидизмъ получилъ свое начало.

Средневѣковое еврейское общество, со всѣхъ сторонъ гонимое, преслѣдуемое и не допускаемое къ участію въ общемъ ходѣ народной жизни, естественно должно было уйти въ себя и образовать особый міръ, во многомъ отличный отъ окружающаго его Для насъ здѣсь важно особенное направленіе духовной, нравственно-религіозной жизни еврейскаго народа. Такъ какъ еврейская религія не только не была покровительствуема или хоть признаваема государствомъ, но, напротивъ, явно и постоянно преслѣдовалась, то неудивительно, что евреи употребили всю силу своего духа на поддержаніе именно этой стороны своего существованія. Вся энергія еврейскаго народа, вся сила его мысли направилась къ тому, чтобъ удержать за собой завѣщанное отъ предковъ религіозное наслѣдіе. Но единственно возможный путь къ дѣйствительному охраненію религіи отъ грозящей ей внѣшней опасности при такихъ обстоятельствахъ заключается въ строгомъ соблюденіи внѣшней стороны религіи, ея обрядовъ, которые, въ то грубое время, были главнымъ выраженіемъ религіозной жизни. Дѣйствительно, религіозное чувство есть вещь слишкомъ отвлеченная для неразвитаго ума и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ шаткая, неопредѣленная и произвольная, чтобъ на немъ можно было построить прочное зданіе религіозной жизни народа. Обрядъ есть единственный достовѣрный признакъ, по которому еврей могъ тогда отличать своего отъ чужаго, а это было необходимо, потому что, въ то грубое время народной вражды, всякій, который не былъ съ евреемъ, за него, былъ противъ него. Обрядъ, а не туманное религіозное чувство, недоступное повѣркѣ и подверженное сомнѣніямъ и колебаніямъ, связывалъ неразрывно всѣхъ членовъ еврейской семьи въ одно цѣлое съ круговымъ ручательствомъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было необыкновенное развитіе

религіозной обрядности у евреевъ. Какъ было замѣчено выше, у евреевъ не было и теперь нѣтъ духовенства, которое имѣло бы власть постановить неизмѣнныя правила религіознаго быта, которыхъ авторитетъ, поддерживаемый свѣтской властью, былъ бы непоколебимъ. У евреевъ каждый свѣдущій въ богословской литературѣ считаетъ себя вправѣ запретить то, что до него было дозволено, и наоборотъ. А какъ раввинъ уважался лишь сообразно своей учености, набожности и заслугамъ, то каждый раввинъ считалъ своей непремѣнной обязанностью написать хоть одну книгу богословскаго содержанія и сдѣлать хоть нѣсколько новыхъ религіозныхъ запретовъ, ограниченій, ввести новую молитву въ еврейское богослуженіе и т. под. Такимъ образомъ, масса религіозныхъ законовъ и правилъ росла неимовѣрно, ложась все большей и большей тяжестью на бѣдный еврейскій людъ, удрученный извнѣ гоненіями законодательства и общества, а извнутри строгостью своихъ книжниковъ—раввиновъ.

Такую же неутѣшительную картину представляетъ умственная жизнь евреевъ того времени. Вся еврейская наука вращалась тогда вокругъ Талмуда и его толкователей. Да и могло ли быть иначе? Вспомнимъ, что вообще въ Европѣ, собственно говоря, положительное знаніе зародилось только въ концѣ прошлаго столѣтія. До этого времени, за немногими исключеніями, европейская мысль не была свободна отъ схоластики и догматическихъ словопреній. Вопросы въ родѣ того: можно ли убить крысу, съѣвшую церковную просфиру, занимали тогда, особенно до реформаціи, большинство мыслящихъ умовъ. Мудрено ли, что евреи, которые, будучи исключены изъ общей народной жизни, имѣли очень мало охоты, интереса и возможности усвоить себѣ даже ту незначительную долю положительнаго знанія, которая тогда существовала,—мудрено ли, что евреи искали удовлетворенія своей умственной жажды въ своей національной литературѣ, въ Талмудѣ? Богатствомъ своего содержанія, обнимающимъ, какъ въ энциклопедіи, всѣ стороны человѣческой жизни и человѣческаго знанія, Талмудъ вполнѣ удовлетворялъ тогда любознательности и пытливости еврея.

Притомъ же Талмудъ разсматривался не только какъ предметъ

изученія, но какъ національное богатство, какъ оплотъ іудейства противъ его враговъ. Евреи дорожили каждой буквой Талмуда, подобно тому, какъ въ настоящее время, національности, которыя стремятся завоевать себѣ самостоятельность отъ иноземнаго ига, дорожатъ каждой мелочью, напоминающей старинную жизнь ихъ народности. Такимъ образомъ, каждый еврей считалъ своей священной обязанностью обучать своихъ дѣтей Талмуду, дабы они проникнулись до глубины души сознаніемъ своего еврейства и имѣли бы въ рукахъ оружіе противъ враговъ своей вѣры. Вслѣдствіе этого, число евреевъ-богослововъ возрасло непомѣрно и представило такую пропорцію къ массѣ народа, какой не найдемъ ни въ одномъ другомъ обществѣ въ мірѣ. Конкурренція на раввинскій мѣста была, поэтому, необыкновенно велика и не замедлила привести къ весьма печальнымъ результатамъ. Раввины, необезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, какъ духовенство всѣхъ другихъ исповѣданій, и подверженные чрезмѣрной конкурренціи, пали очень низко въ нравственномъ отношеніи. Начиная съ 17-го столѣтія все чаще и чаще раздаются жалобы на неправосудіе и подкупность раввиновъ и продажность раввинскихъ мѣстъ. Вошло въ обычай, что раввины покупали свою должность у общинъ, вмѣсто того, чтобъ получать у нихъ жалованье. При этомъ они необходимо должны были уже, правдой-неправдой, вознаграждать себя за расходы на полученіе раввинскаго мѣста. Противъ этого безнравственнаго и противнаго еврейскимъ законамъ обычая возставали лучшіе изъ самихъ раввиновъ, которые въ 1637 г. изрекли даже торжественное проклятіе противъ продажности раввинскихъ мѣстъ. Но они не могли преодолѣть естественнаго хода событій и подкупность раввиновъ усиливалась все болѣе и болѣе.

Это нравственное паденіе раввиновъ, которое естественно должно было уронить ихъ кредитъ въ глазахъ евреевъ, сопровождалось столь же сильнымъ умственнымъ паденіемъ. Раввины удалились всецѣло въ область талмудической литературы и религіозно-обрядовыхъ словопреній, которыя давали имъ хлѣбъ насущный. Но этимъ они потеряли много въ мнѣніи большинства, которое, несмотря на религіозный характеръ своей жизни, все же не могло

удовольствоваться одной богословской пищей, мало привлекательной для всякаго простаго человѣка. Вмѣсто того, чтобъ, по примѣру древнихъ раввиновъ, пользоваться Талмудомъ только для руководства обыденнаго религіознаго быта и посвятить свое время, главнымъ образомъ, на веденіе общественныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ, творить между ними судъ и расправу, быть ихъ представителями и защитниками предъ правительствами и народами, польскіе раввины послѣднихъ вѣковъ удалились совершенно съ реальной почвы, перестали быть руководителями еврейскаго народа, но за то удивительно усовершенствовали талмудическую казуистику. Они, какъ извѣстно, создали новый родъ богословской литературы—такъ называемый хилукъ или пилпулъ. Хилукъ — это разсужденіе на религіозно-обрядовую тему, которое представляетъ массу самыхъ тонкихъ хитросплетеній, лишенныхъ твердаго логическаго основанія. Это скорѣе игра воображенія, нежели плодъ мысли. Про творца этого рода литературы, совершенно неизвѣстнаго евреямъ до тѣхъ поръ, разсказываютъ, что, когда изъ его экземпляра Талмуда вырвали нѣсколько листовъ, онъ, не замѣтивъ этого обстоятельства, при изумительной гибкости своего ума, продолжалъ ученіе на прерванномъ мѣстѣ и нашелъ возможнымъ связать между собой два совершенно различныя мѣста Талмуда! При такомъ направленіи умственной дѣятельности раввинизма, ученіе сдѣлалось средствомъ не для достиженія истины, какъ у древнихъ раввиновъ, а для ея затемненія. Въ софистикѣ хилука тотъ считался корифеемъ учености, который могъ привести доказательства въ пользу разрѣшенія того, что запрещено, и наоборотъ, тотъ, который могъ приводить побольше аргументовъ за и противъ одного и того же положенія, а не тотъ, который при помощи пріемовъ разумнаго, логическаго толкованія, добивался истины въ лабиринтѣ Талмуда и талмудической литературы. Противъ хилуковъ, которые имѣли и вредное нравственное вліяніе, возбуждая между талмудистами завистливое соперничество и чрезвычайную гордость, столь свойственную школьному педантизму, тоже боролись лучшіе умы между евреями, но съ такимъ же малымъ успѣхомъ. Эта игра ученостью изъ-за недостойныхъ цѣлей и извращеніе естественныхъ законовъ мышленія

въ такой же малой мѣрѣ могли нравиться большей части еврейскаго народа, какъ нравственные недостатки раввинизма могли питать въ массѣ уваженіе къ этому званію. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться долго безъ того, чтобъ не вызвать какихъ нибудь перемѣнъ, ибо онъ въ самомъ себѣ скрывалъ задатки своего разложенія. Къ перемѣнамъ, вслѣдствіе изложенныхъ нами обстоятельствъ, было подготовлено все еврейское населеніе бывшаго Царства Польскаго, которое мы преимущественно имѣли въ виду при характеристикѣ средневѣковаго еврейскаго общества, ибо въ феодальной Польшѣ средневѣковой характеръ еврейской жизни достигъ высшей степени развитія. Но нигдѣ обстоятельства такъ не благопріятствовали возможности реформы въ нравственно-религіозной жизни евреевъ, какъ въ такъ называемой Украйнѣ (губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской) и Малороссіи.

Начнемъ съ того, что здѣсь экономическій бытъ евреевъ былъ (да и теперь еще оно такъ) гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Кардиналъ Комендони, объѣзжавшій два раза польскія земли во 2-й половинѣ XVI вѣка и представляющій совсѣмъ не въ выгодномъ свѣтѣ положеніе евреевъ въ собственной Польшѣ, говоритъ про Украйну: «Здѣсь находится большое число евреевъ, которые тутъ не такъ презираемы, какъ въ другихъ земляхъ. Они тутъ живутъ не отъ низкихъ барышей, лихвы и т. под., а владѣютъ землями; занимаются не только торговлей, но и литературой и науками. Они держатъ въ аренду пошлины и пріобрѣтаютъ большія богатства. По наружности они ничѣмъ не отличаются отъ христіанъ, имъ даже дозволено носить сабли и они пользуются равными со всѣми правами». Лучшее положеніе украинскихъ евреевъ предъ бѣлорусскими, литовскими и польскими произошло, по нашему мнѣнію, отъ нѣсколькихъ причинъ. Во-первыхъ, Украйна и Малороссія, по естественному богатству своей почвы и вообще природы, давали больше источниковъ дохода промышленной дѣятельности евреевъ, тѣмъ болѣе, что населеніе здѣсь было вообще не такъ значительно, и такимъ образомъ плоды природныхъ богатствъ и человѣческаго труда распредѣлялись между меньшимъ числомъ рукъ. Во вторыхъ, вслѣдствіе большей отдаленности этихъ

краевъ отъ центра польской жизни, законы шляхетскихъ сеймовъ, весьма неблагопріятные для евреевъ, имѣли здѣсь меньше силы и дѣйствія, чѣмъ въ другихъ польскихъ владѣніяхъ. Въ третьихъ, самое число евреевъ здѣсь было меньше, чѣмъ въ сѣверозападномъ краѣ и собственной Польшѣ, а потому и промышленная ихъ дѣятельность лучше вознаграждалась.

Но исторія показываетъ, что возвышеніе уровня благосостоянія народа чрезвычайно облегчаетъ возможность всякихъ реформъ. Въ частности, относительно евреевъ, истина эта также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кто знакомъ съ еврейскимъ бытомъ, тотъ знаетъ, что всякая реформа въ общественныхъ дѣлахъ или частномъ быту, въ особенности же реформа въ религіозномъ отношеніи, столь трудная у евреевъ, беретъ начало въ богатомъ классѣ и въ немъ только находитъ поддержку. Бѣдное большинство, связанное по рукамъ и ногамъ общественнымъ мнѣніемъ, всегда консервативнымъ у евреевъ, не осмѣлится вступить въ борьбу съ отживающими порядками, хотя бы и сознавало ихъ несостоятельность. Рѣшается на эту борьбу только богатый, который не зависитъ отъ мнѣній своихъ собратьевъ и находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы идти на перекоръ большинству. Тѣмъ болѣе украинскіе евреи, всѣ вмѣстѣ, должны были имѣть довольно смѣлости, чтобы возстать противъ того порядка вещей, который изображенъ выше и вооружилъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ евреевъ.

Во вторыхъ, очень большое вліяніе на возможность реформы между украинскими евреями имѣлъ самый образъ ихъ жизни. Какъ мы видѣли изъ отзыва Камендони, евреи занимались на Украйнѣ больше всего арендами разнаго рода и поссесіоннымъ землевладѣніемъ. Но землевладѣніе, какъ показываетъ исторія, имѣетъ повсюду то свойство, что пробуждаетъ въ человѣкѣ духъ независимости и самостоятельности и сознаніе собственнаго достоинства. Вотъ почему украинскій еврей и теперь, когда судьба его значительно ухудшилась противъ прежняго, выгодно отличается отъ сѣверо-западнаго еврея въ отношеніи прямоты характера, нѣкоторой гордости и сознанія личнаго достоинства, хотя и уступаетъ послѣднему въ умственномъ отношеніи. Это обстоятельство естественно

облегчило путь реформы въ іудаизмѣ на Украйнѣ. Но еще въ другомъ, болѣе важномъ отношеніи, особенность экономическаго строя украинскихъ евреевъ подготовила путь къ перемѣнѣ въ нравственно-религіозной жизни еврейства именно здѣсь. Землевладѣніе и аренды разсѣяли здѣсь евреевъ на большія разстоянія, не дали имъ сплотиться въ замкнутыя, тѣсно связанныя общины, какъ въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ евреи, занимаясь исключительно торговлей и ремеслами, слились въ плотныя массы по городамъ и мѣстечкамъ. Между тѣмъ, всякому, знакомому съ еврейскимъ бытомъ, извѣстно, что староеврейскій строй жизни, съ его средневѣковыми общественными учрежденіями, религіозной обрядностью и фанатизмомъ, держится на сплѣ консервативнаго, фанатическаго общественнаго мнѣнія еврейскаго населенія этихъ городовъ и мѣстечскъ. Личная свобода, личная мысль здѣсь совершенно задавлена деспотизмомъ общины, которая слѣдитъ зоркимъ окомъ за тѣмъ, чтобы никто изъ ея членовъ не отступилъ отъ завѣта отцовъ ни на одинъ волосъ; и горе тому, кто будетъ замѣченъ въ измѣнѣ вѣрѣ своихъ предковъ, или хоть малѣйшему обычаю, освященному временемъ! Община, съ которой каждый изъ ея членовъ связанъ во всѣхъ отношеніяхъ—узами родства, дружбы, наконецъ, экономическихъ интересовъ, такъ какъ еврейское общество представляетъ особый міръ, наглухо заколоченный, — община найдетъ тысячу средствъ отравлять жизнь дерзкому вольнодумцу, пока онъ или не убѣжитъ отъ нея на край свѣта, что нерѣдко случалось, или заставитъ его, какъ обыкновенно бывало, склонить непокорную голову и подчиниться тяжелому гнету старины. Можно положительно сказать, что всякое движеніе впередъ въ жизни русскихъ евреевъ, несмотря на то, что находило себѣ вездѣ горячихъ приверженцевъ, встрѣчало сильнѣйшее препятствіе со стороны общественнаго мнѣнія, которое нигдѣ не такъ могущественно, какъ у евреевъ, и парализовало всякое благое начинаніе передовыхъ личностей. Вотъ этого то тормаза на пути ко всякой реформѣ почти не знали украинскіе евреи, благодаря своимъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ. Живя вдали отъ городовъ, на своей арендѣ, мельницѣ, корчмѣ и т. под., украинскій еврей мало-по-малу эманципировался изъ-подъ вліянія равви-

новъ и общины, которые прежде держали его въ ежевыхъ рукавицахъ, особенно во всемъ, что касалось религіи. Онъ позабывалъ здѣсь многосложное и запутанное богословское ученіе евреевъ до того, что обыкновенно не умѣлъ даже читать по-еврейски («арендарь» и теперь у евреевъ синонимъ невѣжества и грубости); и чѣмъ далѣе онъ шелъ по этому направленію, тѣмъ менѣе онъ уважалъ раввина-талмудиста, проводившаго жизнь надъ непонятной ему, арендарю, мудростью, и тѣмъ менѣе раввинъ этотъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ корчмаря, который нуждался уже не въ ученомъ богословѣ, могущемъ объяснить ему темное мѣсто въ Талмудѣ, а въ религіозномъ руководителѣ и духовникѣ, который управлялъ бы его умомъ и сердцемъ, какъ управлялъ священникъ сосѣдней деревни сердцами и умами крестьянъ, къ умственному и нравственному уровню которыхъ украинскій еврей значительно приблизился. Независимый отъ городскаго еврейскаго общества, съ которымъ рѣдко когда и имѣлъ дѣла, арендарь осмѣливался думать о томъ, что раввинъ не заслуживаетъ большаго уваженія, что онъ уже слишкомъ много обременяетъ его религіозными правилами и обрядами, что многіе изъ этихъ обрядовъ можно и не исполнять, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ за нимъ не слѣдили стоглазые аргусы еврейскаго города и что самый родъ жизни на лонѣ природы дѣлалъ невозможнымъ строгое соблюденіе всѣхъ обрядовъ, опутывающихъ жизнь еврея на каждомъ шагу [1]).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ съ давнихъ поръ умы украинскихъ евреевъ подготовлялись къ перемѣнамъ и преобразованіямъ въ ихъ нравственно-религіозной жизни. Окончательное вліяніе на появленіе этихъ преобразованій имѣли, по нашему мнѣнію, внѣшніе перевороты въ судьбѣ украинскихъ и малорусскихъ евреевъ. Въ половинѣ XVII вѣка евреи на Украйнѣ и въ Малороссіи перенесли страшныя гоненія со стороны казаковъ, возстав-

[1]) Такъ одинъ раввинъ, писавшій въ 1642 году, цитируемый д-ромъ Іеллиннекомъ (въ «Биккуримъ» 1865 г.), жалуется на то, что «корчмари продаютъ водку по субботнимъ и праздничнымъ днямъ». Это, безъ сомнѣнія, введено въ обычай сельскими евреями, ибо городскіе не осмѣлились бы на такое тяжкое нарушеніе еврейскаго закона.

шихъ противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Мы не будемъ разсказывать здѣсь какъ, за что и какія именно несчастія обрушились тогда на голову евреевъ; достаточно будетъ сказать, что въ длинномъ спискѣ гоненій, претерпѣнныхъ евреями въ средневѣковую эпоху исторіи Европы, украинскія рѣзни при Хмѣльницкомъ и наѣзды гайдамаковъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своей жестокости. Понятно, что такія страшныя испытанія не могли пройти безъ того, чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ въ умахъ и душѣ евреевъ. Какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, великія народныя бѣдствія вызвали сильное развитіе религіознаго чувства, но не того религіознаго чувства, которое выразилось въ строго и точно опредѣленныхъ внѣшнихъ формахъ и какъ бы окаменѣло подъ этими неподвижными формами, а внутренней потребности безотчетной, неограниченной вѣры. Удрученный горемъ, религіозный человѣкъ ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, въ безпредѣльной вѣрѣ въ провидѣніе, объ немъ пекущееся, и еще больше въ святаго, который можетъ ему помочь въ бѣдѣ. Между тѣмъ іудаизмъ представлялъ тогда своимъ послѣдователямъ не вѣру, а ученіе, не возможность утѣшенія и успокоенія въ годину бѣдствій, а громадную массу сухихъ, мертвыхъ правилъ и обрядовъ, которые съ точностью опредѣляли и ограничивали каждый шагъ еврея, но ничего не говорили его сердцу. Словомъ, іудаизмъ былъ весь разсчитанъ на умъ, но ничего не давалъ сердцу. Какъ мы замѣтили уже, элементъ чудеснаго, сверхъ-естественнаго и, слѣдовательно, вообще вѣра играетъ незначительную роль въ еврейскомъ міросозерцаніи. Между тѣмъ, то было именно такое время, когда огрубѣвшіе, отвыкнувшіе отъ староеврейской жизни и застигнутые страшными бѣдствіями гайдамачества, украинскіе арендаторы и корчмари нуждались самымъ чувствительнымъ образомъ не въ тонкихъ мудрствованіяхъ софистовъ раввиновъ, а въ настоящемъ духовенствѣ, которое удовлетворило бы ихъ жаждѣ чудеснаго и слѣпой вѣры и служило бы имъ дѣйствительнымъ руководителемъ въ общихъ нуждахъ всего еврейскаго населенія Украйны и въ частныхъ дѣлахъ каждаго корчмаря и арендатора въ отдѣльности.

Къ этому присоединились колебанія и подчасъ сильныя потрясенія въ благосостояніи литовскихъ и малороссійскихъ евреевъ въ теченіи XVIII вѣка, происходившія отъ неблагопріятнаго отношенія къ евреямъ русскаго правительства вплоть до временъ Екатерины II, которая первая положила основаніе признанію гражданства евреевъ въ Россіи [1]). Во все это время, евреи то изгонялись изъ того или другаго пункта, то опять въ него допускались, права ихъ то признавались, то отрицались—впрочемъ, чаще отрицались, чѣмъ признавались. Подъ вліяніемъ такихъ колебаній уровень умственнаго развитія евреевъ постоянно понижался. Вмѣстѣ съ этимъ, потребность въ другой формѣ религіозной жизни, чѣмъ раввинизмъ съ обременительной, сухой и неудобоваримой для толпы мудростью, должна была сознаваться все сильнѣе и сильнѣе.

При такихъ обстоятельствахъ зародился на Украйнѣ хасидизмъ, котораго начало еврейскій историкъ Іостъ относитъ къ 1730 году.

III

Изъ всего изложеннаго видно, что потребность реформы ощущалась въ различныхъ сторонахъ еврейской жизни того времени. Во-первыхъ, мыслящая часть еврейскаго народа, утомленная безплодной, сухой и мертвой ученостью раввинизма, не представлявшаго никакого интереса ни для ума, ни для воображенія, искала болѣе занимательной умственной пищи. Во-вторыхъ, таже лучшая часть евреевъ въ нравственномъ отношеніи была сильно возмущена деморализаціей раввиновъ, ихъ суетностью, превратившей слово Божіе въ предметъ происковъ, зависти, кражды и корысти, и ихъ холодной разсудочностью, доходившей до скептицизма и невѣрія. Она жаждала поэтому болѣе совершеннаго въ нравственно-религіозномъ отношеніи порядка вещей. Въ третьихъ, всѣ евреи, особенно невѣжественное и грубое большинство, тяготились чрезмѣрнымъ бременемъ возложенныхъ на нихъ стѣснительныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ, которыя съ

[1]) См. историческій очеркъ г. Леонтовича (Сіонъ, № 21).

теченіемъ времени, благодаря набожному рвенію раввиновъ, сдѣлались по истинѣ невыносимыми. Масса съ нетерпѣніемъ ждала избавителя, который хотя бы немного облегчилъ бы ей тяжелую ношу. Наконецъ, она потеряла уваженіе къ раввинамъ, которые углубились въ безплодную пустыню богословской учености и давно перестали быть путеводителями своей паствы въ житейскихъ ея дѣлахъ. А время, какъ мы видѣли, все болѣе усиливало для массы народа нужду въ такихъ путеводителяхъ, которые приспособились бы къ низкому уровню ея пониманія и могли бы словомъ и дѣломъ служить ей въ практическихъ нуждахъ.

Всѣмъ этимъ потребностямъ еврейской жизни долженъ былъ удовлетворить хасидизмъ, какъ новая форма религіозной и общественной организаціи, возникшая изъ давно сознанной необходимости коренной реформы во многихъ отношеніяхъ.

Намъ естественно предстоитъ разсмотрѣть теперь, въ какой мѣрѣ хасидизмъ дѣйствительно исполнилъ тѣ надежды, которыя на него возлагались, и какое его значеніе въ современной жизни русскихъ евреевъ. При этомъ, такъ какъ мы не пишемъ здѣсь исторіи хасидизма, а намѣрены только указать на значеніе и смыслъ его, какъ общественнаго явленія, мы ограничимся самыми краткими указаніями, насколько они необходимы для достиженія предположенной цѣли.

Начала хасидизма, какъ они изложены въ сочиненіяхъ первыхъ учениковъ основателя его, Р. Израиля Баалъ-Шемъ-Това, состоятъ въ слѣдующемъ. По отношенію къ ученію, къ области мышленія, учители хасидизма возстали: во первыхъ, противъ себялюбиваго и суетнаго раввинизма, который превратилъ божественное ученіе въ предметъ человѣческихъ страстей и расчетовъ. «Митнагеды (не-хасиды) говорятъ, что изученіе Торы, даже съ нехорошимъ намѣреніемъ, есть богоугодное дѣло, и такъ оно по большей части у нихъ бываетъ», говорится въ извѣстной книгѣ «Мацрефъ Гаавода», представляющей катехизисъ хасидизма;—«но хасидъ полагаетъ, что нельзя приступить къ слову Божію безъ страха и любви (къ Богу). Притомъ одинъ положительный законъ (догматико-богословская литература) недостаточно уже въ настоящее

время, ибо Тора есть духовная пища, подобно тому, какъ хлѣбъ есть пища тѣлесная. И какъ грубая пища можетъ питать только здоровое тѣло, такъ грубый, матеріальный законъ, опредѣляющій только физическую жизнь человѣка (т. е. религіозные обряды и правила), былъ достаточенъ только для нашихъ предковъ, крѣпкихъ въ вѣрѣ. Наше-же слабое время нуждается въ болѣе деликатной духовной пищѣ», которую хасидизмъ и предлагаетъ вѣрующимъ въ мистическомъ ученіи каббалы. Въ этой параболѣ, заимствованной изъ указанной книги «Мацрефъ Гаавода», удивительно ясно высказывается пониманіе хасидизмомъ несостоятельности раввинизма въ то время, хотя это сознаніе и высказывается въ религіозно-мистической формѣ, согласно духу того времени. Наше поколѣніе, говоритъ упомянутая книга, страдаетъ душевной болью, которая происходитъ отъ недостатка вѣры, отъ сомнѣнія въ существованіи духовнаго міра. Митнагеды погрязли въ матеріализмѣ. Они учатъ Тору изъ гордости, завѣтная мечта каждаго изъ нихъ, чтобъ его назвали гаономъ (ученой знаменитостью). Они углубляются въ священные фоліанты для того только, чтобъ доказать ошибочность мнѣнія другаго ученаго. По ихъ мнѣнію талмудисты были такіе же свѣтскіе мудрецы, какъ греческіе философы. (Здѣсь хасидизмъ выказываетъ враждебность суевѣрной массы скептицизму и раціонализму раввиновъ). Въ противность этому, хасидизмъ учитъ: необходима безусловная вѣра; всякое мудрствованіе заслуживаетъ порицанія. Весьма характеристиченъ споръ между хасидами и митнагедами относительно духовнаго элемента въ мірѣ. По мнѣнію раціоналистовъ-раввиновъ слова Библіи: «Богъ наполняетъ весь міръ» — слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что провидѣніе божіе печется обо всемъ, а не буквально. Противъ этого хасиды возстали со всей силой. По ихъ ученію, Богъ, или вообще духовный элементъ, наполняетъ вселенную. Только духъ Божій оживляетъ, одухотворяетъ и поддерживаетъ все существующее [1]). Противное мнѣніе ведетъ къ безвѣрію,

[1]) Какъ сильно напоминаетъ эта доктрина хасидизма основной догматъ молоканства: буква мертвая, духъ животворитъ. (См. воспоминанія о молоканахъ Н. И. Костомарова въ От. Зап 1869 г., кн. 3)

мертвой обрядности и матеріализму. Такимъ образомъ, хасидизмъ, въ область религіознаго ученія, вводитъ, взамѣнъ догматическаго богословія, которое впрочемъ имъ не отрицается, а лишь отодвигается на второй планъ, мистическую каббалу, столь привлекательную для ума и воображенія, религіозно настроеннаго. Хасидизмъ поэтому не довольствуется практическимъ соблюденіемъ обрядовъ, а требуетъ отъ вѣрующаго проникновенія ихъ духомъ и смысломъ «Вы во всемъ видите только внѣшность» - упрекаетъ хасидъ своего противника въ приведенной книгѣ. Въ толкованіи Библіи хасидизмъ совершенно удалился отъ раціонально-догматической экзегезы раввиновъ, а стремится найти въ каждой буквѣ сокровенный смыслъ, въ чемъ онъ пошелъ по слѣдамъ александрійскихъ философовъ (Филона) и крайнихъ послѣдователей Маймонида, которые, исходя изъ сознанія несоотвѣтствія между буквальнымъ смысломъ Писанія и требованіями разума, думали согласить это противорѣчіе, принимая, что Писаніе имѣетъ не буквальный, а тайный философскій смыслъ. Особенно рѣзко высказалась противоположность между хасидизмомъ и раввинизмомъ въ вопросѣ о молитвѣ. Молитва митнагедовъ, говоритъ «Мацрефъ Гаавода», холодна и безчувственна. Они молятся только потому, что отцы ихъ тоже дѣлали, а не по внутренней потребности. Хасиды же молятся съ сознаніемъ, съ воодушевленіемъ Между тѣмъ какъ у митнагедовъ ученіе выше молитвы, у хасидовъ это наоборотъ. Молитва, по мнѣнію послѣднихъ, очищаетъ, облагораживаетъ и возвышаетъ душу. Такъ какъ она составляетъ главный религіозный актъ въ жизни хасида, онъ къ ней приготовляется омовеніями и очищеніями. Онъ предпочитаетъ молиться въ уединеніи, чѣмъ въ собраніи, хотя еврейскій законъ даетъ явное преимущество послѣднему способу молитвы; предпочитаетъ нарушить установленныя закономъ правила о времени, мѣстѣ и обстановкѣ молитвы, лишь бы молиться съ чувствомъ, а не машинально и безчувственно, какъ митнагеды.

Таковы главныя догмы хасидизма въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ выработался въ жизни и сочиненіяхъ первыхъ его учителей и послѣдователей. Хасидизмъ воздвигъ противъ себя сильнѣйшія гоненія со стороны главныхъ представителей талмудизма,

чуявшихъ въ немъ опаснаго врага всему строю староеврейской жизни. Мы, конечно, не будемъ разсказывать здѣсь подробностей этой борьбы; для нашей цѣли достаточно сказать, что въ настоящее время гоненія эти совершенно утихли и побѣдителемъ изъ этой борьбы вышелъ хасидизмъ. Зародившись на Украйнѣ, онъ быстро распространился по Малороссіи, Бѣлоруссіи, Царству Польскому, и даже заграницей, особенно въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи, гдѣ еврейское населеніе стоитъ на одной ступени развитія съ русскими евреями. И это нисколько не удивительно, такъ какъ хасидизмъ, по мнѣнію даже просвѣщенныхъ людей того времени, заключалъ въ себѣ прогрессивныя начала и стоялъ выше раввинизма. Такъ извѣстный Соломонъ Маймонъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Канта, въ молодости бывшій самъ хасидомъ, говоритъ слѣдующее въ своей автобіографіи [1]): «Баалъ-Шемъ-Товъ и его ученики нашли много темныхъ сторонъ въ іудаизмѣ и старались исправить ихъ, именно тѣмъ, что возстали противъ безплодной казуистики талмудистовъ-раввиновъ, противъ мертвой, бездушной обрядности, лишенной всякаго смысла, противъ религіознаго лицемѣрія и ханжества».

Такимъ образомъ замѣчательный мыслитель, одаренный необыкновеннымъ критическимъ тактомъ и, благодаря высокой степени умственнаго развитія, способный взглянуть на религіозную жизнь евреевъ безпристрастно, угадалъ на первыхъ порахъ появленія хасидизма его значеніе въ качествѣ религіозной реформы. Но прогрессивный характеръ хасидизма продолжался не долго. Очень скоро наступила пора, когда онъ навлекъ на себя ненависть всѣхъ честныхъ людей между евреями; съ тѣхъ поръ и понынѣ онъ не перестаетъ считаться (и конечно справедливо) язвой еврейской жизни, къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ самыми рѣшительными мѣрами исцѣленія. Какимъ образомъ совершилось это превращеніе мы сейчасъ увидимъ.

---

[1]) См. замѣчательное сочиненіе г. Цвейфеля о хасидизмѣ «Шаломъ алъ Израель» стр. 45.

IV.

Изъ того, что изложено было выше объ ученіи первыхъ сподвижниковъ хасидизма, нетрудно видѣть, что дѣятельность основателей новаго ученія была по преимуществу духовно-нравственная, теоретическая. Они главнымъ образомъ силились разрушить мелочный педантизмъ и черствую рутину раввиновъ и внести въ религіозное ученіе животворящій духъ истинной вѣры и религіознаго чувства, вмѣсто мертвой обрядности. Это направленіе хасидизма удовлетворяло только потребностямъ развитаго меньшинства, которое въ умственномъ отношеніи не могло довольствоваться безплодной и мелочной казуистикой раввинской богословской литературы, а въ нравственномъ отношеніи было глубоко возмущено деморализаціей раввината, дошедшей, какъ мы видѣли, до крайнихъ предѣловъ. Это передовое меньшинство было, конечно, вполнѣ удовлетворено новыми учителями, которые вели безукоризненно честную и глубоко религіозную жизнь, а вмѣсто пустыхъ и запутанныхъ умствованій о мелочахъ религіозныхъ обрядовъ, неимѣющихъ никакого интереса для мыслящаго ума, преподавали своимъ ученикамъ таинственное, фантастическое и потому сильно дѣйствующее на воображеніе ученіе каббалы, которое, по своему, конечно, пыталось разрѣшить важнѣйшіе міровые вопросы и задачи человѣческой жизни, поднимаясь до высоты самой трансцендентальной метафизики. Но потребность коренной реформы ощущалась, какъ указано было выше, не только мыслящимъ меньшинствомъ еврейскаго народа, но можетъ быть еще въ большей мѣрѣ невѣжественнымъ большинствомъ. Съ одной стороны въ высшей степени неблагопріятныя условія, въ которыя было поставлено еврейское племя по отношенію къ остальному населенію и къ государству, какъ въ экономическомъ, такъ и въ соціально-гражданскомъ отношеніи, наталкивали еврея на необходимость искать утѣшенія въ кругу своей замкнутой и изолированной религіозной жизни, а этого утѣшенія онъ напрасно искалъ у раввиновъ того времени, предлагавшихъ ему сухую, безцвѣтную и безсодержательную схоластику, ничего не говорящую сердцу и воображенію. Съ другой стороны оковы,

наложенныя на жизнь еврея усердіемъ раввиновъ въ видѣ религіозныхъ предписаній, расплодившихся въ невѣроятныхъ размѣрахъ, стали уже черезъ-чуръ тяжки и масса инстиктивно жаждала облегченія отъ деспотическаго гнета неумолимаго закона и обычая, стѣснявшаго ее на каждомъ шагу въ житейской сферѣ. Мы видѣли, что задолго до появленія хасидизма, путемъ жизненной необходимости, вошло въ обыкновеніе такое существенное нарушеніе раввинскаго закона, какъ торговля питьями въ субботу у еврейскихъ корчмарей. Но такое фактическое, случайное освобожденіе отъ тяжести закона не могло удовлетворить сознанію массы, которая нуждалась въ достаточной санкціи религіозной реформы, въ признаніи этой реформы достаточно сильнымъ духовнымъ авторитетомъ, который, облегчая народу ношу унаслѣдованныхъ заповѣдей и законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ бы его (т. е. народъ) въ дорогомъ ему іудействѣ, отъ котораго еврей, несмотря на всю его тяжесть и стѣснительность, ни за что не думалъ отказаться.

Наконецъ, въ сферѣ своихъ гражданскихъ и экономическихъ отношеній, еврейское общество, лишенное при польскомъ владычествѣ защиты общихъ законовъ страны и предоставленное совершенно своимъ собственнымъ средствамъ въ дѣлѣ суда и расправы и въ экономическомъ своемъ быту, это еврейское общество нуждалось въ такой власти, которая бы руководила имъ въ различныхъ столкновеніяхъ гражданской жизни.

Въ маловажныхъ тяжбахъ, напримѣръ, точно также въ незначительныхъ уголовныхъ проступкахъ еврей очень неохотно обращался къ общимъ судамъ, совершенно чуждымъ ему по духу и направленію, гдѣ на него смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ и гдѣ онъ почти не могъ добиться праваго суда. Онъ нуждался поэтому въ собственной, сподручной юрисдикціи, гдѣ онъ могъ бы свободно объясняться и разрѣшить споръ скоро и легко, по еврейскимъ обычаямъ.

Судъ же раввиновъ-талмудистовъ, по продажности судей и запутанности и отсталости тѣхъ законовъ, которыми они руководствовались, давно потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа. Далѣе, евреи не имѣли тогда никакой прочной промышленной орга-

низаціи, такъ какъ они не примыкали къ городскимъ обществамъ, не входили въ составъ цеховъ; слѣдствіемъ этой политики польскаго законодательства, которая впрочемъ составляла логическій результатъ взгляда Рѣчи Посполитой на евреевъ, было (и до сихъ поръ продолжаетъ быть) непомѣрное развитіе принципа конкурренціи въ промышленномъ быту евреевъ. Эта экономическая анархія, при ограниченности еврейскихъ промысловъ и чрезмѣрно большомъ соперничествѣ соискателей на каждый источникъ пропитанія, отзывалась очень вредно на благосостояніи евреевъ. Нужна была сильная власть, которая могла бы удержать еврея, напр. отъ того, чтобъ выжить своего собрата изъ аренды, корчмы, лавки, подряда, посредствомъ возвышенія или пониженія цѣны; словомъ нужна была власть, которая хоть сколько-нибудь могла бы исправить зло, неизбѣжное при ненормальной конкурренціи между промышленниками, вслѣдствіе несоотвѣтствія между источниками доходовъ и числомъ людей, которые должны питаться этими доходами. Эта власть не была въ рукахъ раввиновъ, такъ какъ источникомъ ея, при непризнаніи со стороны государства, могло быть только народное довѣріе и уваженіе, а этого довѣрія и уваженія народъ давно ужъ не питалъ къ раввинамъ,

Такія насущныя потребности экономическаго и духовнаго быта народа не могутъ долго оставаться неудовлетворенными; раньше или позже являются лица, которыя берутъ на себя исполненіе тѣхъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, безъ коихъ послѣднее не можетъ болѣе обойтись. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, роль реформаторовъ еврейскаго религіознаго быта и руководителей массы въ ея житейскихъ интересахъ естественнымъ образомъ выпала на долю учителей хасидизма. Я говорю «естественнымъ образомъ», потому что предпринятая этими учителями теоретическая реформа еврейской догматики и богословія въ примѣненіи къ практической жизни неминуемо влекла за собою то облегченіе обрядовой тяжести, необходимость которой такъ глубоко, хотя безсознательно, инстинктивно, чувствовалась еврейскимъ простонародьемъ Дѣйствительно, какъ мы видѣли, основной догматъ новаго ученія состоитъ въ томъ, что «буква мертва, духъ животворитъ» и что по-

этому въ религіозной практикѣ важно не внѣшнее, формальное соблюденіе обряда, а проникновеніе его смысломъ, религіозное настроеніе духа. При этомъ основатели хасидизма не осмѣливались еще отрицать безусловную обязательность соблюденія всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ раввинами. Но очевидно, что отъ признанія преимущественной важности духа передъ формой религіозной жизни только одинъ шагъ до признанія излишества и даже вредности этой формы, какъ имѣющей вездѣ стремленіе убить духъ или по крайней мѣрѣ задержать его развитіе. Этотъ шагъ сдѣланъ былъ всѣми тѣми религіозными и философскими доктринами, которыя возставали противъ установившихся общественныхъ и религіозныхъ формъ, утратившихъ свое жизненное значеніе, свой «животворящій духъ». Таковы: ученія александрійскихъ гностиковъ (еврейскій представитель—Филонъ), средневѣковые греческо-арабскіе мыслители (еврейскій представитель—Маймонидъ и особенно его крайніе послѣдователи), и наконецъ ближе къ намъ по времени и мѣсту наши духоборцы, общіе и пр. (соотвѣтствующее еврейское явленіе—хасидизмъ). Всѣ эти религіозно-философскія системы начали съ того, что возставали противъ рутиннаго соблюденія формъ въ области религіи и общественной жизни, признавая однакожъ эти формы, въ которыя онѣ старались только влить новый духъ, и кончили тѣмъ, что совершенно отрицали эти формы, требуя взамѣнъ ихъ господство духа—въ религіи въ видѣ набожнаго настроенія духа, въ житейскомъ быту—въ видѣ духа братства и любви вмѣсто эгоистическаго моего и твоего. Тоже самое случилось съ хасидизмомъ. Хотя на первыхъ порахъ онъ выступилъ противъ мелочной и бездушной схоластики раввиновъ въ теоріи и ихъ мертвой обрядности и формализма въ практикѣ, требуя только, чтобъ религіозный бытъ не былъ одной пустой формой, а сознательнымъ служеніемъ общественному духу, всеоживляющему въ природѣ и въ жизни людей, не осмѣливаясь ни въ ученіи, ни въ практикѣ отступать ни на шагъ отъ установившагося порядка въ еврейской религіозной жизни, но ужъ очень скоро обнаружилось въ чемъ заключаются конечные результаты новаго ученія и его истинныя основанія. Противники новаго ученія, во главѣ которыхъ стояли величайшіе авторитеты

талмудической учености и раввинизма того времени, отлично поняли, съ какимъ врагомъ они имѣютъ дѣло. Для нихъ стало ясно, что отъ обоготворенія мистической каббалы до пренебреженія положительнымъ, матеріалистическимъ и сухимъ догматизмомъ Талмуда, переходъ очень легокъ, а еще легче, потому что заманчивѣе для массы, переходъ отъ принципа «животворящаго духа» въ религіи къ отрицанію всей обрядной, внѣшней, формальной стороны религіозной жизни. Этимъ объясняется жестокое гоненіе, воздвигнутое на послѣдователей новаго ученія со стороны раввинской корпораціи, гоненіе, доходившее до отлученія всѣхъ хасидовъ отъ общины Израиля, до запрещенія не-хасидамъ вступать съ ними во всякаго рода сдѣлки и т. под. Но мѣры эти ни къ чему не привели и даже не могли осуществляться на практикѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Хасидская ересь съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе приверженцевъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, гдѣ лучшіе умы не могли не сознавать всей теоретической и практической несостоятельности раввинизма. Сами же учители хасидизма, выступивъ первоначально единственно въ качествѣ отшельниковъ-проповѣдниковъ, преподававшихъ избраннымъ ученикамъ таинственное ученіе, привлекавшее къ себѣ умы своими грандіозными представленіями и глубиной своего цѣлостнаго міросозерцанія, а народу—необходимость искренней молитвы и религіознаго настроенія духа вмѣсто безсознательной рутины, — скоро сошли съ своего пьедестала на болѣе низменную и практическую область дѣятельности. Они были вовлечены въ потокъ дѣйствительной жизни, сколько внутренней логикой своего ученія, которое естественно должно было стремиться къ тому, чтобъ приложить свою доктрину къ практической жизни, столько же требованіями народной массы, которая обращалась къ новымъ учителямъ за удовлетвореніемъ тѣхъ насущныхъ своихъ потребностей, о которыхъ было сказано выше. Къ новому рабби постоянно приходили толпами то за разрѣшеніемъ спора, то для огражденія отъ происковъ сосѣда, возвышавшаго арендную плату помѣщику, то просто для совѣта во всякаго рода дѣлахъ. Рабби не имѣлъ достаточно скромности для того, чтобъ отказаться отъ предлагаемой ему власти руководителя и въ нѣкоторомъ смы-

слѣ главы еврейскаго населенія мѣстности. Онъ тѣмъ охотнѣе принималъ на себя эту роль, что она, какъ оказалось, была сопряжена съ огромнымъ моральнымъ значеніемъ, почти неограниченной властью надъ умами, сердцами и что еще важнѣе—карманами паствы. Съ теченіемъ времени власть эта пріобрѣла абсолютно-теократическій характеръ, и вотъ по какой причинѣ. Выше было замѣчено, что раввинъ, по еврейскимъ понятіямъ, не соотвѣтствуетъ тому, что мы привыкли предполагать подъ именемъ духовнаго лица у христіанъ. Онъ не пользуется по самому своему званію религіознымъ авторитетомъ и властью надъ своей паствой. Раввинъ, это лицо служебное, которое въ матеріальныхъ своихъ нуждахъ и моральномъ положеніи ничѣмъ другимъ не гарантировано, кромѣ уваженія и привязанности своихъ духовныхъ дѣтей; которое поэтому должно употребить всѣ старанія для того, чтобъ ни на минуту не потерять ихъ благорасположенія и личными заслугами и достоинствами постоянно поддерживать въ нихъ разъ установившееся хорошее мнѣніе. Такому порядку вещей средневѣковое еврейство обязано тѣмъ величіемъ, до котораго выработался типъ тогдашняго раввина, обыкновенно соединявшаго въ своемъ лицѣ всѣ качества и заслуги достойнаго представителя свѣтской и духовной власти. Извѣстно, что средневѣковой раввинъ, въ одно и тоже время, исполнялъ обязанности судьи, наставника, духовнаго лица и общественно-хозяйственнаго дѣятеля въ своей общинѣ. Мало того, онъ былъ какъ-бы политическимъ представителемъ обособленнаго еврейскаго міра, на котораго сами христіане смотрѣли не иначе, какъ на отдѣльную политическую единицу, и какъ таковой онъ былъ посредникомъ между своей общиной съ одной стороны и королями, феодалами, духовенствомъ и городами съ другой, велъ переговоры о дозволеніи евреямъ селиться и промышлять въ той или другой мѣстности, испрашивалъ для нихъ новыя права или подтвержденіе старыхъ, старался предотвращать столь обыкновенныя въ то время изгнанія евреевъ и конфискаціи ихъ имуществъ и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ, раввинатъ дѣйствительно выдвинулъ на историческую арену многихъ замѣчательныхъ личностей, обезсмертившихъ себя въ исторіи Израиля успѣшными трудами на благо-

гонимаго и презираемаго племени, уцѣлѣвшаго послѣ страшныхъ многовѣковыхъ страданій, лишь благодаря своей духовной мощи и крѣпкой общинной солидарности.

Но очевидно, что такой порядокъ вещей можетъ успѣшно продолжаться лишь въ такомъ случаѣ, когда община достаточно высоко стоитъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи для того, чтобъ неуклонно держать контроль надъ дѣйствіями своего пастыря, и настолько заинтересована въ общихъ нуждахъ всѣхъ своихъ членовъ, чтобъ постоянно заботиться объ этомъ контролѣ.

Оба эти условія у евреевъ, жившихъ къ польскихъ владѣніяхъ, все болѣе и болѣе исчезали, съ чѣмъ естественно было связано паденіе традиціоннаго раввината и замѣна его другой формой организаціи духовной власти, болѣе приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Съ одной стороны уровень моральнаго и умственнаго развитія еврейской массы, подъ вліяніемъ низкаго соціальнаго положенія, значительно понизился, не только въ общечеловѣческомъ отношеніи, но даже относительно спеціально еврейскаго религіознаго образованія. Неизбѣжнымъ результатомъ этого была все сильнѣе чувствовавшаяся неспособность общины стоять надъ своимъ раввиномъ, продолжать прежнія отношенія къ нему, какъ слугѣ общины, дѣятельность котораго считалъ себя въ правѣ и въ состояніи оцѣнивать каждый изъ ея членовъ въ былое время, когда почти каждый еврей былъ глубокимъ знатокомъ религіознаго ученія и компетентнымъ судьей въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ религіозной казуистики. Съ другой стороны разбросанность еврейскаго населенія по обширнымъ и малонаселеннымъ пространствамъ Полѣсья, Украйны и Малороссіи, вмѣсто прежней сплоченности ихъ по городамъ, вызвало ослабленіе тѣхъ узъ общинной солидарности, которыя такъ плотно сковывали всѣхъ членовъ городской еврейской общины, и вслѣдствіе этого малое участіе индивидуализировавшихся евреевъ къ прежнему общественному устройству и представителю его—раввинату.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ оба эти необходимыя условія процвѣтанія раввината на выборныхъ началахъ изглаживались и исчезали изъ еврейскаго быта, существованіе раввинства въ преж-

ней формѣ дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ и несоотвѣтствующимъ истиннымъ потребностямъ еврейской массы. Неудивительно поэтому, что представители новой духовной власти, основанной на принципахъ радикально противоположныхъ прежнимъ, привлекли къ себѣ симпатіи народной массы Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ для насъ, когда въ связи съ только что указанными обстоятельствами поставимъ и нѣкоторыя другія. упомянутыя выше, какъ то непривлекательность талмудическаго ученія въ теоретическомъ отношеніи и обременительность его въ практическомъ быту, продажность раввинства, какъ слѣдствіе чрезмѣрной распространенности талмудической учености между польскими евреями и вытекавшей изъ этого сильной конкурренціи между соискателями на раввинскія мѣста, вліяніе католицизма и пр. Чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ условія еврейскаго быта въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ въ прошломъ столѣтіи, тѣмъ яснѣе станетъ для насъ, что возникновеніе хасидизма какъ религіозной доктрины и затѣмъ образованіе цадикизма, какъ извѣстнаго церковно-соціальнаго строя, было естественнымъ и неизбѣжнымъ продуктомъ жизненной обстановки польско-еврейскаго міра. Полнѣйшее равнодушіе государственной власти и органовъ законодательства и администраціи ко внутреннимъ интересамъ еврейскаго населенія, не затрагивавшимъ выгодъ казны и христіанскаго населенія, вынудило евреевъ образовать свое собственное управленіе, свой судъ и свой общинный союзъ, основанные, какъ это иначе и не могло быть, на началахъ религіозныхъ и общинно-демократическихъ. Отталкивающая сухость талмудической казуистики влекла умы къ новому ученію, дававшему обильную пищу не одному только уму, какъ раввинское ученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозному чувству и воображенію вѣрующихъ. Отяготительность обрядоваго формализма, сковавшаго тяжелыми цѣпями всю жизнь еврея отъ рожденія до смерти, гнала народную массу въ лагерь новыхъ учителей, провозгласившихъ болѣе свободныя начала религіозной жизни. Нравственное и умственное паденіе раввинства, которое, наконецъ, оказалось неспособнымъ управлять и защищать интересы отупѣвшей европейской массы, сильно содѣйствовало тому же результату.

Пониженіе уровня умственнаго развитія въ польско-еврейскомъ мірѣ вообще сдѣлало необходимымъ радикальное измѣненіе въ положеніи еврейской духовной власти. Огрубѣвшій и охладѣвшій къ интересамъ городской общины, еврей-арендаторъ и корчмарь на Украйнѣ не только не хотѣлъ, но и не могъ выбирать себѣ духовнаго наставника между корифеями талмудической учености послѣ оцѣнки ихъ знаній, благочестія и прочихъ качествъ. Мало того самая мысль о такомъ свободномъ, такъ сказать, тривіальномъ отношеніи къ представителямъ религіи должна была казаться кощунственной уму грубаго, невѣжественнаго и фанатически преданнаго своей вѣрѣ простолюдина. Протестантское воззрѣніе на отношенія разума къ вѣрѣ и служебный характеръ духовенства стояли гораздо выше его умственнаго кругозора. Ему гораздо сподручнѣе было хорошо знакомое ему, по ежедневному наблюденію, католическое понятіе о небесной благодати, осѣняющей избранниковъ божіихъ свыше, безъ долговременной ученой подготовки и безъ видимыхъ личныхъ заслугъ, на которыя смотритъ ограниченный человѣческій умъ. Глубокое вліяніе католицизма, или вѣрнѣе сказать, тѣхъ бытовыхъ условій, которыя вызываютъ къ жизни католическія и ему подобныя религіозныя ученія, на цадикизмъ видно изъ того, что въ основу этого послѣдняго положено чисто католическое начало искупленія грѣховъ посредствомъ щедрыхъ приношеній духовенству: хасидскіе выкупы (пидьонимъ, приношенія цадику отъ вѣрующихъ) ничѣмъ рѣшительно не отличаются отъ папскихъ индульгенцій, послужившихъ яблокомъ раздора между католическимъ и протестантскимъ міромъ. А при глубоко укоренившемся въ еврейскомъ быту элементѣ семейно-патріархальномъ не удивительно, что въ примѣненіи къ новой формѣ организаціи духовной власти, къ принципу благодати и супернатурализма, присоединился другой принципъ — наслѣдственности духовнаго сана. Невѣжественной массѣ легитимистическое начало наслѣдственности какъ свѣтской, такъ и церковной власти естественно кажется гораздо болѣе справедливымъ, разумнымъ и удобнымъ, чѣмъ начало выборное, которое вообще сопряжено съ затрудненіями, отвѣтственностью и запросомъ на значительный за-

пасъ моральныхъ силъ въ обществѣ. Вотъ почему грубая, суевѣрная масса съ восторгомъ привѣтствовала представителей новаго религіознаго ученія, откликнувшагося на сокровеннѣйшія ея желанія и выразившаго готовность удовлетворить давно прочувствованнымъ потребностямъ. Масса поспѣшила сложить къ ногамъ новыхъ учителей весь запасъ своихъ богатствъ, какъ матеріальныхъ, которыя, по ея мнѣнію, не могутъ быть употреблены лучше, какъ для прославленія и возвеличенія религіи въ лицѣ земныхъ ея представителей, такъ и духовныхъ (вѣры, любви и благоговѣнія и пр.). Хотя такимъ образомъ на цадиковъ возложены были гораздо болѣе широкія права и обязанности, чѣмъ тѣ, которыми они пользовались съ начала, но они были вскорѣ унесены неудержимымъ потокомъ времени и стали въ то положеніе, въ какомъ мы застаемъ цадикизмъ теперь, на закатѣ дней его. Переходъ этотъ былъ значительно облегченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что для цадикизма нашлись вполнѣ готовые и сподручные формы и образцы въ организаціи польскаго шляхетскаго сословія и католическаго духовенства. Какъ цадикъ, такъ и его поклонники, ежедневно видѣли въ своемъ сосѣдствѣ какъ роскошествуетъ панъ-помѣщикъ, представитель свѣтской власти надъ бѣдной, невѣжественной народной массой, и неразлучный спутникъ его панъ-ксендзъ и прелатъ, представитель духовной власти, надъ той же массой. Первому было выгодно, а послѣднимъ естественно перенести на еврейскую почву эти чужія формы жизни и учрежденія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ дѣйствительно чувствовался недостатокъ, какъ указано было выше.

Такимъ образомъ зародилось, окрѣпло и удержалось до сихъ поръ то безпримѣрное въ еврейской исторіи явленіе, которое зовется цадикизмомъ или хасидизмомъ. Предшествовавшее изложеніе, какъ намъ кажется, имѣетъ не только историческій интересъ и теоретическое значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ практическую пригодность. Дѣйствительно съ какой стороны мы не подходили бы къ той темной силѣ въ еврейскомъ мірѣ, которая послужила предметомъ настоящаго очерка, главное значеніе имѣетъ для насъ вопросъ, какія мѣры могутъ быть съ успѣхомъ пущены въ ходъ для

того, чтобъ исцѣлить русское еврейство отъ вреднаго нароста цадикизма. А для разрѣшенія этого-то вопроса путь значительно прочищается исторической оцѣнкой хасидизма въ связи съ тѣми жизненными явленіями, которыя его вызвали. Какъ ни кратко и блѣдно очерчены нами эти явленія, но и этого вполнѣ достаточно для того, чтобъ читателю стала ясна вѣрность слѣдующихъ соображеній по вопросу о возможныхъ средствахъ къ искорененію, или по крайней мѣрѣ, ослабленію вліянія хасидизма между евреями

На первый планъ вступаетъ здѣсь то соображеніе, что такъ какъ появленіе хасидизма вызвано не одной, а совокупностью многихъ причинъ, то исчезновеніе его возможно будетъ лишь тогда, когда изъ еврейской почвы вырваны будутъ одинъ за другимъ всѣ корни, которыми онъ держится. Въ самомъ дѣлѣ, очень недостаточно сказать· распространеніе просвѣщенія въ еврейской массѣ сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе хасидизма, ибо, во-первыхъ, очень долго ждать, пока образованіе станетъ удѣломъ каждаго бѣднаго еврейскаго мальчика, а во-вторыхъ, образованность народной массы вовсе не исключаетъ еще крѣпости религіознаго элемента и даже суевѣрія, какъ это доказываетъ примѣръ американскихъ штатовъ; притомъ же хасидизмъ, какъ мы видѣли, не есть простое порожденіе невѣжества и фанатизма, какъ понимаютъ его нѣмецкіе историки (включая сюда и Гретца), а продуктъ гораздо болѣе сложныхъ причинъ. Слѣдовательно и устраненіе его возможно лишь по мѣрѣ исчезновенія всѣхъ породившихъ его бытовыхъ условій, въ чемъ не трудно убѣдиться, если разобрать всѣ эти условія поодиночно. Важнѣйшимъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать то условіе, о которомъ меньше всего говорили до сихъ поръ. необходимость религіозной реформы въ іудействѣ. Если хасидизмъ былъ вызванъ, главнымъ образомъ, настоятельной потребностью эманципаціи изъ подъ тяжелаго гнета талмудической обрядности и приковалъ къ себѣ массы народа тѣмъ, что въ значительной степени удовлетворялъ этой потребности, то очевидно, что онъ будетъ вытѣсненъ изъ еврейской жизни лишь другимъ видомъ религіозной реформы. Само собою разумѣется, что реформа эта должна быть построена на началахъ болѣе соотвѣтствующихъ

понятіямъ и нуждамъ настоящаго времени и совершенно различныхъ отъ тѣхъ, на которыхъ зиждется обвѣтшалое зданіе хасидизма. Если въ началѣ прошлаго столѣтія польское еврейство не видѣло другого исхода изъ безплодной пустыни мертвящаго раввинскаго крючкотворства и религіознаго формализма—какъ броситься въ противоположную крайность туманнаго мистицизма, каббалистическихъ бредней и католическаго суевѣрія цадикизма, то наше время располагаетъ гораздо болѣе разумными средствами для достиженія той цѣли, къ которой сознательно или инстинктивно стремится съ тѣхъ поръ еврейскій міръ — къ измѣненію условій еврейской религіозной жизни сообразно съ духомъ и требованіями цивилизованнаго быта. Мы говоримъ здѣсь о постепенной и послѣдовательной реформѣ въ іудействѣ. на основаніи историко-критическаго изученія духа и судьбы іудаизма, и имѣемъ въ виду ту точку зрѣнія, на которую стала позитивная школа еврейскихъ ученыхъ въ Германіи. Извѣстно, что школа эта, словомъ и дѣломъ. настойчиво преслѣдуетъ важную задачу реформаціи іудейства· она многое успѣла уже осуществить въ этомъ направленіи и еще больше предвидится плодовъ отъ ея дѣятельности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Къ этому то внутреннему движенію въ средѣ германскихъ евреевъ необходимо примкнуть еврейскому населенію Россіи, если мы не хотимъ, чтобы еврейство сдѣлалось у насъ жертвой съ одной стороны убійственнаго религіознаго и общественнаго индифферентизма, а съ другой — дикаго суевѣрія и цадикскаго хищничества, этихъ двухъ язвъ, свирѣпствующихъ теперь у насъ: одна въ средѣ, такъ называемаго, образованнаго класса, а другая въ массѣ простонародья. Только разумная реформа можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать этимъ двумъ бѣдствіямъ и пріостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Въ связи съ этимъ находится важный вопросъ объ организаціи духовной власти у евреевъ. До тѣхъ поръ пока раввинъ будетъ или казеннымъ чиновникомъ съ административнымъ кругомъ дѣятельности, правъ и обязанностей (каковы раввины правительственные), или безгласнымъ и безправнымъ разрѣшителемъ религіозныхъ недоумѣній съ низкимъ умственнымъ развитіемъ и жалкимъ, зависимымъ мате-

ріяльнымъ положеніемъ (каковы раввины неоффиціальные), пока не будетъ создано для еврейскаго духовенства другое положеніе, болѣе почетное, свободное и вліятельное, до тѣхъ поръ народная масса инстинктивно будетъ стремиться къ тѣмъ, которые съумѣли завоевать себѣ то уваженіе и почитаніе, которое въ понятіяхъ всякой народной массы, особенно же такой религіозной, какъ еврейской, неразрывно связано съ самой идеей духовной власти

Съ другой стороны хасидизмъ, какъ мы видѣли, обязанъ своимъ существованіемъ своеобразному общественному положенію еврейства въ государствѣ, какъ особеннаго соціальнаго класса, внутренніе интересы и дѣла котораго оставлены внѣ всякаго контроля со стороны государственной власти. Отсюда очевидно, что по мѣрѣ того, какъ евреи все болѣе и болѣе войдутъ въ кругъ русской народной жизни, высвобождаясь изъ-подъ гнета исключительныхъ законовъ и учрежденій, спеціально-еврейская духовно-гражданская система управленія вообще, и въ частности одно изъ главныхъ его звеньевъ—цадикизмъ — потеряетъ свой raison d'etre и, какъ отсохшая вѣтвь, отпадетъ сама собой. Подобно тому, какъ преобразованіе нашей паспортно-податной системы и городскаго общественнаго управленія сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе отдѣльной еврейской общины, такъ повсемѣстное введеніе новаго суда вытѣснитъ судъ раввинскій и цадикскій (что уже замѣчается на практикѣ въ значительныхъ размѣрахъ), а преобразованіе системы управленія духовными дѣлами евреевъ (предпринимаемая теперь, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ) уничтожитъ значеніе цадиковъ въ сферѣ церковно-административной. Что юридическая обособленность еврейскаго міра дѣйствительно служитъ сильной поддержкой хасидизму, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. По закону, кто ради личной выгоды будетъ разглашать подложно о какомъ-либо чудѣ, а равно кто, выдавая себя за лицо, одаренное сверхъестественной силой или святостью, будетъ стараться обманнымъ образомъ произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе, тотъ подвергается опредѣленнымъ наказаніямъ (Улож. о нак. изд. 1866 г. ст. 933 и 938). Изъ буквальнаго смысла этихъ статей закона видно, что онѣ относятся въ одинаковой мѣрѣ ко

всѣмъ терпимымъ въ государствѣ исповѣданіямъ; ибо хотя въ этихъ статьяхъ и не сказано прямо, что дѣйствіе ихъ распространяется на магометанъ, евреевъ и пр., но какъ въ нихъ не сдѣлано изъятія относительно не-христіанъ, а всякій законъ, въ особенности же законъ уголовный, долженъ быть принимаемъ всегда въ буквальномъ смыслѣ, то очевидно, что дѣйствію этихъ статей подлежатъ столько же христіане, сколько и иновѣрцы. А нужно ли прибавить, что дѣятельность цадиковъ и ихъ клевретовъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ «разглашеніи подложно о случившихся чудесахъ и выдаваніи легковѣрнымъ за чудо приготовленныя по ихъ распоряженію дѣйствія», которыя законъ считаетъ безусловно преступными дѣйствіями, влекущими за собой тяжкую кару правосудія? Распространеніе въ народѣ тревоги, волненія или унынія, при помощи обманнаго увѣренія въ своей святости и сверхестественной силѣ, опять таки ость самый обыкновенный маневръ чудодѣевъ-цадиковъ. Отсюда ясно, что еслибъ у насъ, въ прежнее время, дѣйствительно существовалъ судъ нелицепріятный и правдивый, истинный представитель закона и общественной власти, т. е., еслибъ у насъ условія народной жизни были такого рода, что не дали бы возможности раздолья и простора всякаго рода хищничеству и эксплуатаціи бѣдности и невѣжества матеріальной и духовной силой, при полной безнаказанности со стороны суда, то нѣтъ сомнѣнія, что указанные законы сыграли бы немаловажную роль въ исторіи хасидизма.

Замѣчаніе это можетъ показаться невѣрнымъ и даже противорѣчащимъ тому, что было сказано выше о значеніи хасидизма и причинахъ его возникновенія. Какъ, спроситъ читатель, вы доказываете, что хасидизмъ не есть явленіе случайное, или даже просто результатъ народнаго невѣжества и суевѣрія, а необходимый органическій продуктъ бытовыхъ условій еврейскаго населенія въ польскихъ владѣніяхъ, и что задачей его было удовлетвореніе нужды въ прочной духовной и свѣтской организаціи еврейскаго быта; изъ этого вы выводите, что исчезновеніе его возможно будетъ только тогда, когда вся соціальная, юридическая и нравственно-религіозная обстановка евреевъ подвергнется радикальному преобразованію;

а между тѣмъ вы утверждаете, что судебное преслѣдованіе цадиковъ могло бы быть полезнымъ еврейскому міру орудіемъ для борьбы съ хасидизмомъ? Какъ согласить такое противорѣчіе во взглядѣ на средства искоренить цадикизмъ? Возраженія эти однакожъ не такъ сильны, какъ кажется Опытъ убѣдилъ наконецъ всѣхъ мыслящихъ людей, что теорія laisser faire, laisser passer, въ примѣненіи къ дѣятельности государства, не выдерживаетъ строгой критики. Даже въ Англіи, этой родинѣ всѣхъ ученій о selfgovernement, selfhelp, подарившей наукѣ самыхъ талантливыхъ противниковъ системы опеки и контроля, начинаютъ, наконецъ, практически осуществлять противоположный взглядъ, основанный на вѣрѣ въ силы государственной власти и обязанность ея помогать развитію полезныхъ силъ общества и подавленію дурныхъ. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что у насъ въ Россіи самодѣятельности общества до сихъ поръ отмежеваны самыя тѣсныя границы, а государству и его органамъ—самыя широкія.

Это вѣрно не только вообще, но и въ частности, въ примѣненіи къ цадикизму и религіозному быту евреевъ Еще въ 1864 г. до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло о распряхъ между хасидами и ихъ противниками и оно сочло нужнымъ предписать, чтобы всѣ хасидскія книги печатались не иначе, какъ по предварительной цензурѣ, и чтобы типографіи еврейскія, существующія безъ разрѣшенія правительства, были закрыты [1]). Въ настоящее время, какъ сами цадики въ своихъ спорахъ между собой, такъ и образованные евреи, стремящіеся къ тому, чтобъ парализовать ихъ вліяніе на народъ, обращаются къ содѣйствію общественной власти, но не судебной, а административной. Извѣстно, напр , что административнымъ порядкомъ воспрещено теперь цадикамъ отлучаться изъ мѣстъ постояннаго жительства. Мѣра эта, хотя и частная, но имѣетъ большое практическое вліяніе на степень власти и вредности цадиковъ. А всякій согласится съ тѣмъ, что судебное преслѣдованіе, если оно обставлено всѣми гарантіями справед-

[1]) См. Варадиновъ, исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III, ч I, стр 665.

ливаго, безпристраснаго и гласнаго суда, гораздо желательнѣе административнаго вмѣшательства; ибо административныя мѣры, какъ бы онѣ ни были благотворны сами по себѣ имѣютъ тотъ огромный недостатокъ, что онѣ носятъ характеръ случайный, временной, произвольный, и потому не всегда достигаютъ своей цѣли, да и не внушаютъ къ себѣ того уваженія какъ судебныя рѣшенія, основанныя на положительномъ и общемъ для всѣхъ гражданъ законѣ. Но это не все. Еслибъ хасидизмъ и теперь былъ такимъ же органическимъ продуктомъ и необходимой принадлежностью еврейскаго быта, какъ въ прошломъ столѣтіи, мы охотно согласились бы съ тѣмъ, что мѣры репрессивныя противъ него будутъ безсильны. Но времена измѣнились и продолжаютъ измѣняться весьма быстро и круто: цадикизмъ потерялъ ужъ очень много основъ въ еврейской жизни; онъ находится теперь въ положеніи всѣхъ отживающихъ вѣрованій и учрежденій масса, съ свойственнымъ ей благоговѣніемъ предъ всѣмъ существующимъ, продолжаетъ преклоняться предъ нимъ фактически, но ужъ болѣе въ силу рутины, чѣмъ по дѣйствительной внутренней необходимости. Зданіе обветшало, надломано, хотя съ виду кажется еще прочнымъ; довольно одного или двухъ ударовъ, чтобъ разрушить его совершенно. Эти удары, не раньше, такъ позже, будутъ нанесены всесокрушающимъ духомъ времени, но не надобно себя обманывать, возлагая слишкомъ большія надежды на этотъ духъ времени Ex nihilo nihil fit, и наша обязанность заключается въ томъ, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности приблизить то блаженное время, когда еврейство освободится отъ вреднаго и безобразнаго нароста цадикизма. А кому же приличнѣе всего наложить первому руки на отжившія и вредныя явленія общественной жизни, какъ не государству, которое и больше другихъ къ тому обязано и располагаетъ большими средствами для достиженія этой цѣли чѣмъ каждое отдѣльное лицо, или даже чѣмъ все общество?

О КНИГѢ КАГАЛА.

Толки о евреяхъ и еврейскомъ вопросѣ, нѣсколько притихшіе въ нашей періодической печати, въ послѣднее время опять оживились, благодаря появленію въ свѣтъ сочиненій г. Брафмана «Еврейскія братства» и «Книга Кагала». Чтобъ объяснить себѣ необыкновенную честь, которую трудамъ Брафмана оказала извѣстная часть нашей журналистики («Голосъ», «Кіевлянинъ» и «Виленскій Вѣстникъ») не нужно прибѣгать къ старинной поговоркѣ, гласящей, что книги имѣютъ свою судьбу (habent sua fata libelli); ларчикъ открывается хотя не такъ просто, но и не очень замысловато, если ближе присмотримся къ тенденціямъ г. Брафмана и ихъ отношенію къ господствующимъ въ русскомъ обществѣ воззрѣніямъ на евреевъ. У насъ теперь съ каждымъ днемъ увеличивается число людей, которые утверждаютъ, и не только утверждаютъ, но и доказываютъ, что евреи въ общей сложности вовсе не хуже окружающаго ихъ нееврейскаго населенія, что нѣтъ совсѣмъ такой еврейской язвы, отъ которой пришлось-бы искать спасенія въ какихъ-то энергическихъ мѣрахъ противъ всего еврейскаго и что если и замѣчаются въ бытѣ евреевъ темныя стороны, то причины ихъ лежатъ не въ самихъ евреяхъ, а въ независящихъ отъ нихъ жизненныхъ условіяхъ, въ которыя они были поставлены. Понятно, что чѣмъ настойчивѣе раздаются подобные голоса людей безпокойныхъ, тѣмъ пріятнѣе должна быть вопнамъ изъ противнаго лагеря встрѣча съ человѣкомъ, который простираетъ имъ руку помощи въ затруднительномъ положеніи, съ видомъ знатока доказывая, что «причины гоненій и бѣдствій, постигавшихъ евреевъ въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи, равно и того поразительнаго

явленія, что гражданскія права, пріобрѣтенныя ими, часто у нихъ отнимались, выясняются этой книгой (Книгой Кагала) до очевидности. Онѣ лежатъ въ самомъ іудействѣ, въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ» (слова г. Брафмана). Публицистъ «Виленскаго Вѣстника», заявляя свое согласіе съ этимъ тезисомъ (ещебы не согласиться этой газетѣ съ такой мыслью) развиваетъ его слѣдующимъ образомъ. «Она (т. е пагубная организація еврейскихъ общинъ», какъ онъ говоритъ нѣсколько выше) и только она опутала жизнь евреевъ сепаратистически-талмудическими путами, она, и только она держитъ ихъ въ затхлой и душной атмосферѣ исключительности, гдѣ люди обречены на дряблое прозябаніе, она была главной виновницей исторической недоли евреевъ, вѣчно существующаго противъ нихъ неудовольствія, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ».

Точно также рецензентъ «Голоса», разбирая книжку Голлендерскаго «Восемнадцати-вѣковые предразсудки», замѣчаетъ слѣдующее. «Такъ какъ г. Голлендерскій не говоритъ ни слова о томъ, на сколько въ этихъ преслѣдованіяхъ были виноваты сами евреи, то вся вина этого историческаго, грустнаго факта падаетъ исключительно на христіанство. Но будетъ-ли вѣренъ этотъ выводъ? Нѣтъли въ самихъ условіяхъ внутренней жизни еврейскаго общества причинъ, которыя становятся преградою къ взаимному гражданскому слитію евреевъ съ христіанами». Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на пресловутую «Книгу Кагала».

И такъ гордіевъ узелъ еврейскаго вопроса стараніями г. Брафмана наконецъ развязанъ и ключъ къ этой таинственной загадкѣ найденъ. Не грубые національные и религіозные предразсудки относительно евреевъ были причиной тому, что ихъ вездѣ исключали изъ среды общаго населенія и заставляли замыкаться въ отдѣльный еврейскій міръ, а на оборотъ страсть евреевъ къ изолированности и отчужденію виною предразсудковъ противъ нихъ. Не стѣснительные, несправедливые законы привели евреевъ къ матеріальному и духовному приниженію, а на оборотъ, уродливости еврейской общинной жизни вызвали ограничительные о нихъ законы. Словомъ, не внѣшнія условія виноваты въ томъ, что евреи состав-

ляютъ особое и притомъ «темное царство», а сами евреи, по своей природѣ насъ чуждающіеся; такъ разсуждаетъ та часть общества, органомъ которой является «Голосъ» и его младшая братія, по прочтеніи книги г Брафмана. Органы эти какъ-бы снимаютъ съ себя отвѣтственность за многовѣковое угнетеніе еврейскаго народа, не признаютъ себя обязанными загладить прежнюю несправедливость въ отношеніи къ евреямъ. Они полагаютъ, что было-бы весьма разумно сидѣть спокойно, сложа руки, и выжидать пока евреи сами освободятся отъ своихъ предразсудковъ, уничтожатъ громадныя съ ихъ стороны препятствія къ уравненію съ коренным населѣніемъ, однимъ словомъ окажутся достойными занять лучшее общественное положеніе. Понимаете ли послѣ этого, читатель, тотъ психологическій процессъ мышленія, или лучше сказать ощущенія, который побудилъ «Голосъ» и его клику съ такимъ восторгомъ привѣтствовать книгу столь подходящую къ ихъ разсчетамъ съ девизомъ «съ больной головы на здоровую»?

Но довольно о побужденіяхъ, которыя руководили нашей soi disant патріотической прессой при оцѣнкѣ трудовъ г. Брафмана и его умствованій о кагалѣ. Поэтому мы переходимъ къ самимъ этимъ умствованіямъ и къ разъясненію значенія тѣхъ фактовъ, къ которымъ они относятся.

Смыслъ всѣхъ данныхъ и выводовъ, собранныхъ въ сочиненіяхъ г. Брафмана, какъ они понимаются имъ самимъ и особенно его рецензентами, заключается въ слѣдующемъ: Еврейское общественное управленіе и тѣсно связанная съ нимъ масса еврейскихъ корпорацій разнаго рода представляютъ организованную систему угнетенія личности общиною въ «талмудически-муниципальной республикѣ», корпоративной эксплуатаціи христіанскаго населенія и упорной отчужденности отъ всего нееврейскаго. Слѣдовательно, разсуждаютъ г. Брафманъ и его послѣдователи, необходимо уничтожить эти плевелы іудейства прежде, чѣмъ думать о возможности эманципаціи евреевъ. «Если эти условія (общинной жизни евреевъ), говоритъ «Голосъ», съ минуты эманципаціи не измѣнятся, то эманципація принесетъ только одностороннюю пользу. И вотъ именно по этому вопросу партія безусловной, немедленной эманци-

пацiи еврейскаго племени повидимому небезгрѣшна». Въ концѣ статьи еще рѣшительнѣе, и даже въ противорѣчiи съ этой тирадой, говорится уже, «что полноправность евреевъ сама по себѣ не приведетъ къ разрушенiю кагальной системы и что уничтоженiе этого учрежденiя должно предшествовать эманципацiи племени, потому что иначе эта полноправность приведетъ къ конечной гибели коренное населенiе края (значитъ, эманципацiя евреевъ безъ отмѣны кагала не только не принесетъ «односторонюю пользу», какъ было замѣчено выше, а будетъ имѣть послѣдствiемъ лишь громадный вредъ; не даромъ же въ статьѣ «Голоса» упоминается о «разнорѣчивыхъ отношенiяхъ печати къ еврейскому вопросу» примѣръ на лицо). Все это повидимому очень послѣдовательно, но только повидимому. Допустимъ на время, что первая посылка въ этомъ силлогизмѣ совершенно вѣрна, т. е. что факты, переданные г. Брафманомъ, вполнѣ вѣрны, освѣщенiе, которое дается имъ патрiотическими публицистами, соотвѣтствуетъ дѣйствительному ихъ смыслу и что факты эти, какъ и выводы изъ нихъ, вполнѣ примѣнимы и къ теперешнему быту русскихъ евреевъ (послѣ мы увидимъ, что все это совсѣмъ не такъ). Но и въ такомъ случаѣ приведенныя сентенцiи «Голоса» оказываются рѣшительно невѣрными. Въ самомъ дѣлѣ, «Голосъ» утверждаетъ, что изолированность еврейской общественной жизни составляетъ свойство присущее еврейскому духу, не вызванное искусственнымъ ихъ отчужденiемъ со стороны неевреевъ, а наоборотъ, это отчужденiе есть уже слѣдствiе ихъ изолированности, и потому не равноправность евреевъ должна предшествовать уничтоженiю еврейской замкнутости и повлечь ее за собою, а напротивъ, евреи должны прежде уничтожить свое отдѣльное существованiе какъ самобытной общественной единицы для того, чтобы сдѣлать возможнымъ свое уравненiе съ остальными классами населенiя. Мы же утверждаемъ совершенно противоположное. Очевидно, что въ этой дилеммѣ — что слѣдуетъ считать причиной и что слѣдствiемъ — единственнымъ компентентнымъ судьей можетъ быть опытъ. Еслибъ можно было указать хоть на одну страну, гдѣ евреи, при предоставленной имъ полной свободѣ выбора между еврей-

скимъ status in statu и смѣшеніемъ съ преобладающей народностью во всѣхъ сферахъ жизни кромѣ религіозной, предпочли первое послѣднему, мы немедленно заявили бы свое согласіе съ аргументаціей великаго мастера г. Брафмана и его послѣдователей. Но напрасно стали бы они искать такой страны въ современную намъ эпоху. Напрасно даже стали бы они рыться въ лѣтописяхъ исторіи, чтобы отыскать нѣчто подобное въ какой нибудь періодъ Мы же съ своей стороны можемъ сослаться на любую изъ странъ, гдѣ евреи получили права гражданства, въ подтвержденіе той мысли, что равноправность евреевъ вездѣ предшествовала уничтоженію ихъ общинной изолированности и приводила къ этому уничтоженію, безъ всякихъ непосредственно-направленныхъ къ этой цѣли мѣръ со стороны государства, а не на оборотъ Возьмемъ напримѣръ Англію и сѣверо-американскіе Штаты, гдѣ свободное развитіе общинно-корпоративной жизни и самоуправленіе во всѣхъ классахъ населенія достигло своего апогея и гдѣ евреи поэтому могли легче чѣмъ гдѣ либо сохранить свою автономію и замкнутость. еслибъ она была такъ дорога имъ, какъ увѣряетъ «Голосъ», и находилась бы внѣ всякаго вліянія эманципаціи и политическаго равенства Что же мы видимъ на дѣлѣ? Евреи дѣйствительно имѣютъ въ обѣихъ этихъ странахъ множество отдѣльныхъ корпорацій; мало того—они имѣютъ такъ называемыя «Собранія представителей еврейскихъ общинъ» (Board of Deputies въ Англіи и Board of Delegates въ Америкѣ). Но кругъ дѣятельности этихъ еврейскихъ учрежденій ограничивается исключительно общественно-благотворительной и религіозной жизнію евреевъ. Читая протоколы засѣданій и отчеты о митингахъ еврейскихъ собраній и братствъ въ этихъ странахъ, вы на каждомъ шагу замѣчаете, что евреи давно уже перестали быть здѣсь политической и социально-экономической единицей, что ихъ связываютъ только интересы, общіе людямъ, исповѣдующимъ одну религію; такъ что о политическомъ значеніи іудейства—здѣсь не можетъ быть и рѣчи

Еще болѣе замѣтно разрушающее вліяніе эманципаціи евреевъ на ихъ изолированность во Франціи и другихъ странахъ Европы съ болѣе или менѣе сильнымъ централизаціоннымъ характеромъ

государственной жизни. Здѣсь спеціально-еврейскихъ учрежденій и ассоціацій несравненно менѣе, чѣмъ въ англосаксонскихъ странахъ, и тѣ, которыя существуютъ, не имѣютъ никакого политическаго значенія. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи есть французскій Alliance Israelite Universelle—это пугало русскихъ націоналистовъ, постоянно служащее мишенью для ихъ нападокъ. Но разсмотрите поближе дѣятельность этого учрежденія, и вы легко убѣдитесь, что она распространяется на тѣ только страны, въ которыхъ евреи находятся въ состояніи безправныхъ парієвъ. Слѣдовательно «Еврейскій союзъ» держится не вопреки эманципаціи евреевъ, какъ полагаетъ «Голосъ», а единственно потому, что эманципація эта проложила себѣ путь лишь въ сравнительно немногихъ странъ, такъ что каждый шагъ на пути къ гражданскому равноправію евреевъ въ той или другой странѣ не усиливаетъ значенія и власти этого союза, какъ это утверждаетъ «Голосъ» о кагалѣ, а напротивъ ослабляетъ ихъ.

И еслибъ въ одинъ день изчезли повсемѣстно всѣ предразсудки относительно евреевъ и основанные на этихъ предразсудкахъ ограничительные законы, то одновременно прекратилась бы дѣятельность этого «союза», по крайней мѣрѣ въ теперешнемъ ея видѣ. Поэтому читатель можетъ судить въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе «Голоса», который считаетъ яснымъ (!), что существовавшія и существующія до сихъ поръ ограниченія евреевъ въ пользованіи гражданскими правами нисколько и никогда не обусловливали собою системы и принциповъ кагальнаго управленія». Ибо если опытъ доказываетъ, что отмѣна ограничительныхъ законовъ о евреяхъ повсюду ведетъ къ уничтоженію кагала, т. е. юридической, экономической и политической обособленности евреевъ, то по общему логическому закону можно вывести безошибочное заключеніе, что именно эти ограничительные законы составляютъ причину указанной обособленности Но это можетъ быть доказано и болѣе прямымъ путемъ, именно — указаніемъ на тѣ опредѣленныя бытовыя условія, благодаря которымъ возникли и существуютъ обособляющія евреевъ общественно-корпоративныя учрежденія. Посмотримъ напримѣръ на тѣ рамки, въ которыхъ заключена жизнь нашихъ

евреевъ. По закону евреи составляютъ отдѣльныя отъ христіанъ общества въ податномъ отношеніи Они отбываютъ рекрутскую повинность и всѣ другія государственные и земскіе налоги отдѣльно отъ христіанъ Поэтому для взиманія податей съ евреевъ, эти послѣдніе избираютъ изъ среды себя особыхъ сборщиковъ податей (Св. зак т. II, ч. 2, ст. 821) А по тѣсной связи, существующей въ нашемъ законодательствѣ между податной и паспортной системой, паспорты могутъ быть выдаваемы евреямъ лишь при свидѣтельствѣ думы, т. е. еврейскаго общества въ думѣ, что подати ими уплачены и что они на рекрутской очереди не состоятъ (т. XIV уст. о пасп ст. 282 и 287). Самыя же подати у евреевъ не суть исключительно тѣ-же, что у христіанъ· кромѣ общихъ состоянію городскихъ обывателей натуральныхъ и денежныхъ повинностей, евреи несутъ еще спеціальные налоги (коробочный и свѣчной сборы и общественныя раскладки. Т. V уст. о податяхъ, прилож. къ ст. 280 п. 1). Сборы эти, какъ говоритъ законъ, употребляются только на предметы, собственно до евреевъ относящіеся; христіане съ ними живущіе никакого участія въ пользованіи симъ сборомъ не имѣютъ, и потому установляется оный единственно съ предметовъ, евреями приготовляемыхъ и употребляемыхъ, и никакимъ образомъ, ни прямымъ, ни косвеннымъ, не долженъ относиться до христіанъ. Наблюденіе за симъ возлагается на особенную обязанность мѣстныхъ начальствъ» (тамъ же п. 4). Впрочемъ выраженіе, что коробочному сбору подлежатъ только «предметы, евреями употребляемые и приготовляемые» не совсѣмъ точно. Нѣсколько дальше въ этомъ же законѣ мы читаемъ, что вспомогательному коробочному сбору подлежатъ 1) извѣстный процентъ съ доходовъ отъ недвижимыхъ имуществъ евреевъ, 2) процентъ съ разныхъ видовъ промышленности евреевъ, 3) процентъ съ наслѣдственныхъ капиталовъ евреевъ, 4) сборъ за ношеніе еврейской одежды и пр. (тамъ-же п. 10); словомъ обложенію подлежатъ у евреевъ многіе предметы, которыхъ никакъ нельзя называть спеціально-еврейскими Далѣе по закону выборы евреевъ въ предоставленныя имъ должности въ мѣстахъ постоянной ихъ осѣдлости, а также въ должности маклеровъ и нотаріусовъ, производятся

исключительно ихъ обществомъ, «отдѣльно отъ выборовъ, производимыхъ въ тѣже должности обществомъ христіанъ» (т. III, уст. о службѣ по выб. ст. 522). Законъ разрѣшаетъ мѣщанскимъ обществамъ, состоящимъ изъ христіанъ, евреевъ, татаръ и пр., образовать изъ себя, гдѣ сіе признано будетъ полезнымъ, для денежныхъ сборовъ, особые участки, избрать особыхъ старостъ (тамъ же, ст. 483). Мы не говоримъ уже о многочисленныхъ ограниченіяхъ, которыми уставъ о службѣ по выборамъ съуживаетъ кругъ общественной дѣятельности евреевъ. Въ чертѣ общей осѣдлости евреевъ учреждаются для нихъ особые неремесленные цехи (т. IX, ст. 1503). Законъ признаетъ самостоятельное, отдѣльное существованіе еврейскихъ общинъ въ благотворительномъ отношеніи и говоритъ, что онѣ должны «наравнѣ съ обществами другихъ исповѣданій имѣть попеченіе о призрѣніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ своихъ единовѣрцевъ. На сей конецъ дозволяется имъ устраивать особенныя больницы и богадѣльни» и пр. (тамъ же, ст. 1510).

Земледѣльческія поселенія евреевъ по закону должны быть отдѣльны отъ христіанскихъ селеній, не стѣсняясь (только) никакимъ разстояніемъ отъ существующихъ христіанскихъ поселеній и могутъ строиться возлѣ самихъ сихъ поссленій» (т. IX, ст. 1431). Законъ дѣлаетъ даже невозможнымъ поселеніе христіанина среди земледѣльцевъ-евреевъ, угрожая штрафомъ и недѣйствительностью всѣмъ сдѣлкамъ объ отдачѣ ими въ наемъ земель неевреямъ (тамъ же, ст. 1425). Между тѣмъ (по указанію г. Афанасьева-Чужбинскаго) опытомъ доказано, что именно эта раздѣльность поселянъ-евреевъ и христіанъ много помѣшала развитію земледѣлія у первыхъ, такъ какъ у сосѣда-христіанина еврей могъ бы научиться веденію сельскаго хозяйства, столь мало ему знакомаго. Смыслъ всѣхъ указанныхъ законовъ, разбросанныхъ по всѣмъ уголкамъ нашего Свода Законовъ, довольно ясенъ. Очевидно, что понятіе объ отдѣльности еврейскаго міра есть жизненный нервъ нашаго законодательства. Никогда его не покидала мысль, что обособленность евреевъ есть явленіе вполнѣ нормальное, не только въ религіозномъ, но и въ государственномъ, общественномъ и юридическомъ отношеніяхъ.

Но это еще не все. Законъ не только глубоко проникнутъ сознаніемъ того, что евреевъ никакъ нельзя смѣшивать съ христіанами, что они вездѣ должны составлять особыя общественныя группы, но онъ исходитъ еще изъ того воззрѣнія, что внутри этихъ группъ всѣ члены солидарны между собой и другъ за друга отвѣчаютъ.

Это особенно ярко выдается въ самой чувствительной для массы населенія сферѣ—финансовой. Такъ еврейскія общества, составляя отдѣльные рекрутскіе участки, отвѣчаютъ en masse за неисправности въ представленіи рекрутъ (т. IV уст. рекр. ст. 1311). Коробочный сборъ расходуется, по закону, на уплату податей за несостоятельныхъ членовъ еврейскихъ обществъ, на уплату общественныхъ долговъ, на содержаніе бѣдныхъ, на переселеніе евреевъ на казенныя и помѣщичьи земли, уплату подданныхъ недоимокъ не однихъ мѣстныхъ, но и другихъ еврейскихъ обществъ. Свѣчной сборъ даетъ одинъ для всей Имперіи капиталъ на содержаніе еврейскихъ училищъ во всей чертѣ ихъ осѣдлости. Послѣдствія такого порядка вещей нерѣдко бываютъ поразительны. Такъ въ «Днѣ» было указано, что въ Минской губерніи въ 1860 году изъ 32,879 евреевъ было 18,324 такихъ, за которыхъ подати уплачивались изъ суммъ коробочнаго сбора, т. е. здѣсь зажиточное меньшинство евреевъ платило подати за себя и за бѣдное большинство евреевъ. Въ силу указанныхъ законовъ еврей платитъ вдвое дороже за мясо, платитъ за ношеніе ермолки и пейсовъ, платитъ за употребленіе шабашковыхъ свѣчъ, платитъ проценты со всякаго рода доходовъ, словомъ платитъ за все и со всего, чтобы уплатить подати за бѣднаго еврея своего или чужаго общества, дать ему средства къ жизни, къ похоронамъ по смерти и т. под. Мало того: виленскій еврей долженъ давать средства на содержаніе еврейскаго училища въ Житомірѣ и еврея-колониста въ Херсонской губерніи! Удивительно-ли, что при дѣйствіи (и притомъ долговременномъ) такого порядка вещей—у евреевъ развилась крѣпкая солидарность и сознаніе общности интересовъ; или лучше сказать, развѣ это могло быть иначе? А между тѣмъ находятся же сочинители въ родѣ г. Брафмана и публициста «Голоса», которые счи-

тают справедливым вменить евреям в вину их будто-бы страсть к замкнутости. И это, замѣтьте, тѣ самые господа, которые в других случаях упрекают евреев в стремлении обходить законы, а здѣсь—в том, что они подчинились вліянію указанных законов! Интересно было бы знать послѣ этого, что приходится дѣлать евреям, чтоб не подвергаться нареканіям этих мыслителей? Правда, «Голос», как видно из всей его статьи, очень мало знаком с указанными нами фактами; за невѣденіе же ему многое простится. Но интересно было бы знать, извѣстно ли о приведенных нами законах г. Шульгину, который с докторальной важностью дѣлает нам внушеніе за незнаніе будто-бы данных г. Брафмана? Вѣдь русскому ученому знать русскіе законы легче, чѣм нам темныя продѣлки кагалов.

Уже ранѣе мы видѣли, что еврейское общественное управленіе, как оно существует у нас теперь, со всѣми его темными сторонами, есть неизбѣжный результат тѣх условій, в которыя поставлена жизнь русских евреев, и что поэтому упреки в замкнутости, так щедро расточаемые нѣкоторыми публицистами евреям, несправедливы и нелогичны. Дѣйствительно, от русскаго писателя, при нѣкоторой доли безпристрастія с его стороны, скорѣе всего можно ожидать и требовать правильной оцѣнки еврейской общественности, так как в исторіи и современном бытѣ русскаго народа он имѣет много данных, значительно облегчающих ему эту задачу. Ему стоит только вспомнить судьбы и свойства городской и сельской общины, чтобы имѣть надежную точку опоры при сужденіях о дѣйствительном значеніи кагала. Возьмем, напримѣр, быт раскольничьих общин, и мы замѣтим поразительное сходство с еврейским міром, со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами. Вот в каких чертах рисуется этот быт у одного из историков раскола (г. Андреева). Еще при Петрѣ Великом обозначился двойственный характер раскола. Для массы он все еще религіозное необщеніе с никоніанами. Но в кругу промышленных и дѣятельных личностей, для которых церковный раздор былъ только знамя, и которые придали расколу его организацію и силу, религіозная секта уже пере-

ходила въ экономическую общину. Экономическая община находила, по своимъ торговымъ предпріятіямъ, нужнымъ искать защиты и покровительства высшихъ властей; но главные дѣятели ея имѣли значеніе въ массѣ послѣдователей только какъ враги вводимыхъ реформъ и борьбы противъ анти-христовой власти. Даровитыя личности изъ массы русскаго народа нашли исходъ изъ трудной доли въ торговлѣ и промышленности. Они дали земству деньги, а деньги во всѣ времена были силой. Деньги были главнымъ орудіемъ раскола во всѣ эпохи, но особенно со времени превращенія его въ экономическую общину. Личности, выходившія изъ ряда дюжинныхъ, обогащались торговлей и промыслами и, сильныя связью, которая всегда существовала между всѣми раскольниками Россіи, скоро сдѣлались главными дѣятелями въ русскомъ неоффиціальномъ мірѣ.

Въ этой картинѣ стоитъ только поставить вмѣсто «раскольниковъ» слово «евреи», чтобы признать и съ перваго взгляда за вѣрное и полное изображеніе еврейской «талмудическо-муниципальной республики».

Въ самомъ дѣлѣ, смыслъ этой характеристики раскола очевидно сводится на слѣдующее. Масса гражданъ, подчиненныхъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени дѣйствію ограниченій, естественно свыкается съ мыслью, что между религіознымъ и гражданскимъ бытомъ дѣйствительно существуетъ и должна существовать тѣсная и неразрывная связь. Она пріучается видѣть въ каждомъ своемъ братѣ по религіознымъ вѣрованіямъ и члена извѣстнаго сословія, занимающаго отдѣльное положеніе въ государствѣ. Отсюда въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ такого класса людей дикое и неестественное смѣшеніе матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, ведущее къ самымъ уродливымъ результатамъ въ жизни. Съ другой стороны массѣ всегда и вездѣ свойственна глубокая привязанность къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Привязанность-же эта, какъ показываетъ опытъ всей исторіи, не только не ослабляется, но, напротивъ, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ она вызываетъ преслѣдованія.

Все это, съ буквальной точностью, повторяется въ средѣ рус-

скихъ евреевъ. А между тѣмъ отношенія нашей печати къ этимъ двумъ, столь сходнымъ явленіямъ, сильно различаются между собой.

Относительно раскольниковъ всѣ согласны въ томъ, что возникновеніе ихъ религіозно-гражданской замкнутости и изолированности указываетъ и на способъ ея уничтоженія, т. е., что уничтоженія этого можно ожидать только отъ полной отмѣны всѣхъ стѣсненій ихъ со стороны закона, а не отъ какихъ нибудь репрессивныхъ мѣръ противъ темныхъ сторонъ раскольничьяго быта. Всѣ направленія нашей журналистики сходятся на энергическомъ порицаніи административныхъ стѣсненій раскола; всѣ требуютъ, чтобы государство оставило прежнюю систему игнорированья раскола и предоставленія его послѣдователей собственному усмотрѣнію и самопомощи. Но, когда рѣчь заходитъ о евреяхъ, большинство нашихъ публицистовъ поетъ совсѣмъ другое. Они никакъ не могутъ или не хотятъ понять, что до тѣхъ поръ, пока государство будетъ ограничивать евреевъ въ пользованіи гражданскими правами, невозможно требовать отъ нихъ, чтобы они въ свою очередь не смѣшивали религіознаго элемента съ гражданскимъ и не замыкались въ отдѣльныя солидарныя общины. Они не признаютъ, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ вырваны съ корнемъ причины, породившія такой порядокъ вещей, никакія репрессивныя мѣры противъ этой солидарности не только не поведутъ къ желанной цѣли, но, напротивъ, только усилятъ эту солидарность, какъ всякое вообще ограниченіе.

Такимъ образомъ сравненіе съ судьбами раскола и его послѣдователей служитъ превосходной иллюстраціей общаго вопроса о религіозно-гражданскомъ положеніи евреевъ, указывая, что вся суть этого вопроса о «еврейскомъ царствѣ» и возможности уничтоженія его отдѣльнаго существованія сводится на вопросъ о свободѣ совѣсти и правильномъ разграниченіи предѣловъ вѣдомства государства и церкви. Что-же касается до болѣе спеціальнаго вопроса о еврейскомъ кагалѣ, какъ административной и общественной единицѣ, то онъ въ такой же мѣрѣ разъясняется сравненіемъ съ русской общиной, особенно сельской. Нѣтъ почти ни одной стороны въ вопросѣ о еврейскомъ кагалѣ, которая не находила бы подходящаго

явленія въ русской общинной жизни, и потому не уяснялась-бы аналогіей съ этой послѣдней. Выше мы видѣли, что кагалъ есть преимущественно результатъ паспортно-податной нашей системы, ею онъ держится и только съ ея паденіемъ онъ рушится. Совершенно тоже самое представляетъ русская община въ отношеніи государственномъ. Слѣдовательно, кагалъ вовсе не есть нѣчто особенное, исключительно существующее у евреевъ и для нихъ, а явленіе вполнѣ нормальное при существующемъ до сихъ поръ общемъ строѣ государственной жизни Россіи. Кагалъ—это ничто иное, какъ примѣненіе къ евреямъ тѣхъ самыхъ формъ жизни, которыя выработаны исторіей Россіи для русскаго народа.

Изумленіе и негодованіе, въ которое пришли нѣкоторые наши публицисты отъ повѣствованій г. Брафмана объ организаціи кагала и его темныхъ сторонахъ, свидѣтельствуетъ только объ ихъ незнакомствѣ съ общими условіями народнаго быта у насъ. Иначе они не сочли бы возможнымъ приходить въ ужасъ отъ злоупотребленій кагала, ничѣмъ не превосходящихъ тѣ злоупотребленія, которыя составляютъ «обыкновенную исторію» въ общественной жизни русскаго народа. Газеты и журналы наши переполнены извѣстіями о безчисленныхъ притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ обществами и ихъ представителями своимъ членамъ въ выдачѣ паспортовъ, взысканіи податей, отправленіи рекрутской повинности, приписки къ обществу и увольненіи изъ него и т. п. Вообще, какъ было замѣчено въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «выборныя общественныя должности у насъ, особенно въ городахъ, до самаго послѣдняго времени, за весьма малыми исключеніями, находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Если на высшія должности, не смотря на хлопотливость и трату времени, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, поступали лица, чуждыя противозаконныхъ побужденій и разсчетовъ, то приманкой для замѣщенія низшихъ ступеней служеній — почти всегда были мотивы, не имѣющіе ничего общаго съ желаніемъ оказать посильную услугу обществу». Сходство въ отношеніи общественнаго управленія между еврейскимъ и русскимъ міромъ проявляется не только въ общихъ чертахъ, но и во многихъ частностяхъ. Однажды, напримѣръ, всѣ газеты въ одинъ голосъ разразились негодованіемъ

противъ еврейскаго фанатизма и кагала по поводу извѣстія изъ Шклова объ истязаніи одной еврейки, заподозрѣнной въ прелюбодѣяніи. Но мы помнимъ очень хорошо, какъ извѣстіе о такой же расправѣ крестьянъ надъ своей односельчанкой газеты обошли безъ всякихъ комментаріевъ и размышленій о крестьянскомъ фанатизмѣ и необходимости уничтожить крестьянское самоуправленіе, какъ ведущее къ такому страшному деспотизму міра надъ своими членами. Сердобольные публицисты, не поскупившіеся на укоризны «еврейскому варварству» въ преслѣдованіи порока, очевидно не знаютъ, что евреи вовсе не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи, что административная юрисдикція общины надъ развратными своими членами, возбудившая ихъ справедливое негодованіе, есть начало присущее общему законодательству, и потому, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть вмѣнено въ вину общинѣ. Укажемъ на ст. 439 т. XII, ч. 2 св. зак. (уст. о благоустр. въ каз. сел.), въ которой предписывается удалить изъ обществъ, въ видѣ наказанія за проступки, порочныхъ государственныхъ крестьянокъ незамужнихъ и вдовъ, дѣйствіе этой статьи закономъ 15 февраля 1860 г. распространено и на замужнихъ женщинъ

Очевидно, что это право произвольнаго административнаго суда общины надъ своими членами въ такой же мѣрѣ вредно въ рукахъ грубой, невѣжественной крестьянской массы, какъ въ рукахъ фанатическаго кагала. Поэтому выводы публицистовъ изъ этихъ однородныхъ явленій должны имѣть существенное сходство между собой. А между тѣмъ, тѣ самые писатели, которые изъ исторій, въ родѣ шкловской, не обинуясь заключаютъ о необходимости законодательныхъ и административныхъ гоненій собственно на кагалъ и о громадномъ вредѣ, будто бы вытекающемъ изъ него для государства, съ негодованіемъ отвергнутъ выводы въ этомъ смыслѣ изъ такихъ же фактовъ общественной жизни крестьянъ. Правда, есть у насъ въ обществѣ и въ литературѣ немногочисленная партія, которая изъ неурядицы и безобразій крестьянскаго населенія выводитъ заключеніе, что русскій народъ не созрѣлъ еще для самоуправленія и что необходимо замѣнить крестьянскую автономію бюрократической опекой. Но тенденціи этой партіи постоянно отри-

цались и опровергались всѣми направленіями нашей печати, какъ вредныя для прогресса русской народной жизни и несогласныя съ данными вѣковаго опыта, признанными за правильныя какъ общественнымъ сознаніемъ, такъ и законодательствами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, въ томъ числѣ и нашимъ.

При этомъ обыкновенно выставляется на видъ, что причины дурнаго состоянія крестьянской общины въ судебно-административномъ отношеніи кроются не въ самомъ принципѣ самоуправленія, безусловно предпочтительномъ предъ бюрократическимъ режимомъ, и не въ неспособности крестьянъ къ автономіи и самодѣятельности, а въ тѣхъ независящихъ отъ самой общины условіяхъ, въ которыя безвыходно поставлено было ея существованіе, главнымъ образомъ, въ закрѣпощеніи личности общинѣ посредствомъ податно-паспортной системы, административной юрисдикціи общины надъ своими членами, и низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія народной массы. Не трудно замѣтить, что всѣ эти соображенія въ такой же точно мѣрѣ примѣнимы къ кагалу и его уродливостямъ. Гдѣ же разумное основаніе къ тому, чтобы относительно этого послѣдняго отречься отъ тѣхъ самыхъ мыслей, которыя признаны безусловно вѣрными для другаго, совершенно сходнаго круга явленій, и требовать для еврейской общины такихъ мѣръ, отъ которыхъ съ негодованіемъ отворачиваются, когда рѣчь идетъ о русской общинѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что такой оригинальностью во взглядахъ на евреевъ отличаются именно тѣ публицисты, которые упрекаютъ евреевъ въ сепаратизмѣ, въ обособленности и замкнутости, въ стремленіи мѣрить все на еврейскую мѣрку и имѣть постоянно въ виду чисто еврейскіе интересы! Дайте, господа, примѣръ безпристрастнаго, одинаковаго отношенія къ еврейскому и не-еврейскому міру, по крайней мѣрѣ въ области теоріи, гдѣ вообще легче мириться съ началами права и справедливости и тогда, но только тогда, вы будете вправѣ бросать евреямъ въ лицо укоръ, что они васъ чуждаются, не хотятъ стать на одну доску съ вами, а домогаются сохраненія своего отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія.

Такимъ образомъ поверхностный взглядъ на причины, обуслов-

ливающія еврейскую солидарность и общинную автономію, при сравненіи ихъ съ аналогическими явленіями русской жизни, убѣдилъ насъ въ несостоятельности воззрѣній нашихъ публицистовъ на этотъ предметъ. Но несостоятельность эта обнаружится еще яснѣе при разборѣ тѣхъ средствъ, которыя предлагаются ими для уничтоженія этого зла.

Приступая къ ряду статей о кагалѣ, публицистъ «Голоса» замѣчаетъ, что «стоитъ озаглавить статью словами «Еврейскій вопросъ», чтобъ охладить охоту читать ее у $^{9}/_{10}$ читателей; такъ разнорѣчивы, противорѣчивы, неясны отношенія правительствъ, государственныхъ людей. печати и общественнаго мнѣнія къ этому вопросу». Но спрашивается, что же тутъ удивительнаго, когда господа, обязательно берущіе на себя трудъ просвѣщать публику на счетъ этого темнаго дѣла, выказываютъ такое изумительное незнакомство съ дѣломъ, такое упорное нежеланіе разсматривать еврейскій вопросъ на одинаковыхъ правахъ съ другими общественными задачами, и такую сбивчивость во взглядахъ, какую обнаруживаетъ хоть бы этотъ публицистъ «Голоса» почти на каждомъ шагу? Такъ «Голосъ», равно какъ и другіе органы печати, высказавшіе до сихъ поръ свой взглядъ на «книгу кагала», постоянно исходятъ изъ той точки зрѣнія, будто кагалъ, какъ самостоятельная административная и общественная единица, существуетъ и понынѣ у всѣхъ русскихъ евреевъ. Поэтому «Голосъ» формулируетъ слѣдующимъ образомъ свои pia desideria относительно того, что называетъ разложеніемъ кагала: «Средство къ такому разложенію на лицо. Пусть евреи будутъ приписаны къ мѣщанскимъ и другимъ обществамъ, наравнѣ съ прочими городскими обывателями; пусть они подчиняются общегосударственнымъ установленіямъ» и пр. Эти «патріотическія фантазіи» «Голоса» подхвачены и нѣкоторыми другими не менѣе патріотическими газетами («Сынъ Отечества» и «Современныя извѣстія»), и нѣтъ сомнѣнія, что не одинъ изъ русскихъ читателей этихъ газетъ пришелъ въ негодованіе оттого, что у насъ евреи составляютъ еще совершенно самостоятельный міръ, что они не приписаны даже къ мѣстнымъ обществамъ. Оказывается однакожь, что все это негодованіе растрачено даромъ, что «Го-

лосъ», благодаря своему полному незнакомству съ дѣломъ, вводитъ читателей въ заблужденіе относительно настоящаго положенія евреевъ. Ему неизвѣстно, что кагалъ, какъ отдѣльное учрежденіе, существуетъ теперь только въ Ригѣ и Курляндской губерніи, т. е. тамъ, гдѣ особенно упорно держатся устарѣлыя и отжившія учрежденія (т. II, ч. 2 Св. Зак. Учр. Упр Инор. ст. 827). Во всей же чертѣ осѣдлости евреевъ кагалы и прикагалки закрыты въ 1844 г., причемъ дѣла ихъ были переданы въ мѣста общаго городскаго управленія. По дѣйствующимъ теперь законамъ, евреи, въ городахъ, гдѣ они прописаны, считаются членами тамошнихъ обществъ, и подчинены общему управленію (тома IX, ст. 1508); а именно они состоятъ по дѣламъ полицейскимъ въ непосредственномъ вѣдѣніи городской или земской полиціи, смотря по мѣсту жительства, по дѣламъ судебнымъ въ вѣдѣніи магистрата, ратуши, или уѣзднаго суда, а по дѣламъ хозяйственнымъ, податнымъ и о правахъ состоянія въ вѣдѣніи магистрата, ратуши или думы (т. II. ч. 5 ст. 810). Оказывается, значитъ, что совѣты «Голоса» опоздали на цѣлыхъ 25 лѣтъ, что его скромныя желанія давно осуществлены правительствомъ, которое поступило именно такъ, какъ онъ предлагаетъ, т. е. пыталось разложить кагалъ, прежде чѣмъ дать евреямъ гражданскую равноправность, и подчинить ихъ общей системѣ управленія, прежде чѣмъ распространить на нихъ дѣйствіе всѣхъ вообще законовъ, какъ о правахъ, такъ и объ обязанностяхъ гражданъ. Такимъ образомъ сдѣлано было все, что только возможно для того механическаго, внѣшняго сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, въ которомъ «Голосъ» видитъ верхъ политической мудрости и панацею всѣхъ золъ западнаго края. Правда, результаты этой системы до сихъ поръ оказались не очень блистательны, и обособленность еврейскаго міра все еще крѣпко держится, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе представляются напуганнымъ сепаратизмомъ ревнителямъ національнаго единства. Но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? По нашему мнѣнію слѣдуетъ то, что при доказанной опытомъ неуспѣшности подобной системы, необходимо ее бросить и приняться за другую, менѣе громкую и легкую, но за то болѣе прочную и благодарную работу внутренняго объединенія всѣхъ клас-

совъ населенія путемъ общихъ для всѣхъ учрежденій. Очевидно, что при послѣдовательномъ проведеніи основныхъ началъ старой русской жизни, сліяніе евреевъ съ русскимъ народомъ, къ которому стремятся указанные выше законы (ст. 1508 т. IX и ст. 810 т. II, ч. 2), должно оставаться однимъ миражемъ.

Что руссификаторы извѣстнаго закала неспособны идти далѣе этого призрачнаго единства при внутренней разладицѣ и неравенствѣ—въ этомъ насъ убѣждаетъ пресловутый виленскій проэктъ о приписке евреевъ къ волостямъ и сельскимъ обществамъ. Проэктъ этотъ имѣлъ въ виду все то-же сліяніе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ посредствомъ приписки ихъ не только къ городскимъ, но также и сельскимъ обществамъ. Кажется, чего-бы лучше? Но разбирая проэктъ подробнѣе, находимъ, что составители его находятъ невозможнымъ «на первое время предоставить евреямъ всѣхъ правъ свободнаго сельскаго состоянія»; что поэтому евреи на первыхъ порахъ не должны участвовать въ выборахъ сельскихъ должностныхъ лицъ и не выбираются въ оныя, а имѣютъ своихъ отдѣльныхъ представителей въ волостныхъ сходахъ и правленіяхъ; подати взыскиваются съ евреевъ отдѣльно, по круговой порукѣ собственно еврейскихъ членовъ; далѣе, евреи или общества могутъ устраивать свои отдѣльные сходы для обсужденія собственныхъ дѣлъ; сборъ съ кашернаго мяса удерживается впредь до погашенія недоимокъ еврейскихъ обществъ; свѣчной сборъ для содержанія училищъ у евреевъ замѣняется раскладкой на недвижимыя имущества евреевъ; такая-же раскладка производится для содержанія еврейскихъ религіозныхъ учрежденій и духовныхъ лицъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, представляющихъ весьма широкій просторъ чисто еврейской общественной жизни, виленскій проэтъ, этоктъ chef d'oeuvre извѣстной системы обрусѣнія, въ своемъ осуществленіи привелъ-бы не къ дѣйствительному, а къ мнимому сліянію евреевъ съ христіанами, и что дѣло этого сліянія ни на одинъ шагъ не подвинулось-бы отъ его проведенія въ жизнь. Это естественно вытекаетъ изъ того, что при отсутствіи реальной подкладки для сліянія всѣхъ классовъ населенія въ видѣ системы дѣйствительнаго равенства гражданскихъ правъ и обязанностей, основанной на общечеловѣческихъ началахъ, внѣш-

нее уравненіе въ административно-общинномъ отношеніи не можетъ вести ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Что́ мы понимаемъ подъ реальной подкладкой для сліянія еврейскаго населенія съ нееврейскимъ, читатель можетъ уяснить себѣ изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ 17 ноября 1869 г. Высочайше утверждено представленіе министра финансовъ объ отмѣнѣ существующаго порядка взысканія государственныхъ окладныхъ налоговъ. По закону этому въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ менѣе 40 окладныхъ душъ, отмѣняется круговая порука обществъ во взиманіи податей, и недоимки взыскиваются съ каждаго плательщика отдѣльно. Нѣтъ сомнѣнія, что начало, лежащее въ основаніи закона 17 ноября—признаніе несправедливости и обременительности для общинъ круговой поруки въ отправленіи государственныхъ повинностей—есть начало общечеловѣческое, правильное не только относительно крестьянскихъ обществъ, но и въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ сословіямъ. По отношенію собственно къ евреямъ, мы не разъ уже указывали, что круговая порука въ платежѣ податей, будучи чрезвычайно отяготительной мѣрой для еврейскихъ общинъ съ экономической стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ гражданской нивеллировкѣ еврейскаго населенія, поддерживая идею соціальной (а не религіозной, какъ должно быть) солидарности между всѣми евреями страны и отчужденность отъ сосѣднихъ христіанскихъ общинъ, отъ которыхъ законъ ихъ удаляетъ системой раздѣленія податныхъ общинъ по вѣроисповѣданіямъ. По этому распространеніе на евреевъ, въ числѣ всѣхъ другихъ сословій, начала, выраженнаго въ законѣ 17 ноября, желательное впрочемъ съ точки зрѣнія не однихъ только интересовъ національнаго единства и обрусѣнія,—дало бы гораздо лучшіе результаты и для дѣла истиннаго обрусѣнія евреевъ, чѣмъ предпринимаемыя и проектируемыя для этой цѣли мѣры руссификаторовъ, въ родѣ гоненій на кагалъ, еврейскія братства и талмудъ, закрытія еврейскихъ училищъ, приписки евреевъ къ сельскимъ обществамъ и т. под Другой примѣръ. Еврейскій самосудъ (бесдинъ) и нежеланіе евреевъ имѣть дѣла въ общихъ судебныхъ мѣстахъ вызываютъ въ публицистахъ обрусѣнія цѣлый рядъ упрековъ евре-

ямъ въ сепаратизмѣ. Но, во первыхъ, мы просимъ не забывать, что въ устахъ русскаго народа до сихъ поръ живутъ еще пословицы въ родѣ «до Бога высоко, до Царя далеко», «законы наши святы, да судьи лихіе супостаты» и сказанія о шемякиномъ судѣ и о судномъ дѣлѣ леща съ ершомъ; въ этихъ пословицахъ и сказаніяхъ русскій людъ высказалъ свой взглядъ на старый судъ нашъ. Извѣстно также, что во время оно изо ста русскихъ 99 скорѣе соглашались терпѣть ущербъ въ самыхъ законныхъ своихъ правахъ, чѣмъ обращаться къ посредству и помощи суда. А вѣдь русскому народу никакъ нельзя приписать относительно русскихъ судовъ тѣхъ сепаратистическихъ тенденцій, которыя досужая фантазія виленскаго философа г Брафмана приписываетъ измышленной имъ «талмудически-муниципальной республикѣ!» Во вторыхъ, мы попросили бы ораторовъ, громящихъ еврейскій самосудъ, справиться о томъ, что дѣлается на югѣ Россіи, особенно теперь, со введеніемъ гласнаго суда: они увидѣли бы здѣсь суды и административныя мѣста заваленные еврейскими дѣлами; они увидѣли бы здѣсь осуществившимся то, что они считаютъ идеаломъ будущаго, т. е. быстрое забвеніе еврейскаго самосуда и черезъ-чуръ уже сильное влеченіе къ русскимъ судамъ со стороны евреевъ. Еврей-кредиторъ, которому вы разскажете здѣсь со словъ «Голоса», что онъ обязанъ во взысканіи со своего единовѣрца подчиниться рѣшенію кагала и бесдина и не можетъ звать его въ русскій судъ подъ страхомъ какихъ то штрафовъ и преслѣдованій, расхохочется вамъ въ лицо. Если же въ западномъ краѣ медіаторскій судъ раввиновъ и вообще свѣдующихъ людей довольно часто еще встрѣчается (хотя чертъ далеко не такъ страшенъ, какъ его малюютъ), то это только благодаря неудовлетворительному состоянію тамошняго провосудія. Сами же обрусители западной окраины (напр. корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», г. К. В. М.) вынуждены сознаться, что правосудіе тамъ изъ рукъ вонъ плохо. Значитъ, судебная реформа больше содѣйствовала къ уничтоженію одной изъ важнѣйшихъ сторонъ еврейскаго сепаратизма, чѣмъ энергическія мѣропріятія партіи національной фанфаронады. А между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что при введеніи новаго суда не было и мысли о

томъ, чтобы онъ содѣйствовалъ политическому объединенію и обрусѣнію евреевъ. Обстоятельство это даетъ намъ возможность различить между истинно цивилизующими учрежденіями, ведущими къ дѣйствительному національному преуспѣянію и объединенію, и мыльными пузырями ретрограднаго національнзма, видящаго спасеніе страны въ стѣсненіи чужихъ элементовъ и внѣшнемъ уравненіи ихъ съ господствующей народностью.

Мы могли бы привести еще не мало такихъ примѣровъ, но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и потому перейдемъ теперь къ разъясненію другой весьма важной ошибки «Голоса» въ его умствованіяхъ о кагалѣ. Публицистъ «Голоса», хотя и признаетъ, что кагалъ держится санкціей правительственной власти, но противорѣча истинѣ и самому себѣ чуть ли не на каждомъ шагу, выставляетъ на видъ, будто правительство вводится въ обманъ кагаломъ, преслѣдующимъ исключительно свои собственныя цѣли при содѣйствіи государственной власти «Заручившись разъ со стороны правительства значеніемъ правительственнаго учрежденія, кагалъ съумѣлъ получить отъ правительства право учреждать въ свою пользу, въ видахъ удовлетворенія различныхъ общихъ потребностей еврейской общины, различные налоги». Сама эта фраза заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ въ ней говорится объ употребленіи еврейскихъ налоговъ въ пользу самаго кагала, а затѣмъ тутъ же указывается, что они идутъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ (прил. къ ст. 281 т V), коробочный сборъ идетъ на облегченіе средствъ къ взносу податей и уплатѣ общественныхъ долговъ, на содержаніе еврейскихъ училищъ и земледѣльческихъ колоній, на предметы общественнаго призрѣнія и благотворительности. Гдѣ-жъ тутъ чисто-кагальные интересы, раждающіе еврейскіе налоги? Развѣ народное образованіе и здравіе, общественное призрѣніе и отправленіе податей и повинностей не суть потребности и интересы общегосударственные въ отношеніи ко всѣмъ классамъ населенія, не исключая и евреевъ? Развѣ евреи, неся всѣ общіе ихъ состоянію налоги, не имѣютъ права на удовлетвореніе указанныхъ выше потребностей такимъ-же образомъ и въ такой-же мѣрѣ, какъ всѣ другія

сословія? Если же евреи, не смотря на то, что участвуютъ въ доставленіи государству матеріальныхъ средствъ на равнѣ съ другими гражданами, вынуждены перебиваться собственными средствами для удовлетворенія своимъ общественнымъ потребностямъ, то смѣемъ увѣрить публициста «Голоса», что они тутъ ни при чемъ. . Евреи вовсе не такъ наивны, чтобы стоять за эти налоги потому только, что они спеціально-еврейскіе и, слѣдовательно, поддерживать ихъ изолированность, и потому «Голосъ» напрасно задаетъ себѣ трудъ убѣждать самихъ евреевъ во вредности этихъ налоговъ.

Онъ можетъ быть увѣренъ, что со стороны евреевъ отмѣна ихъ не встрѣтитъ серьезныхъ затрудненій, потому что они держатся не по ихъ желанію. Повторяемъ, кагалъ имѣетъ свою опору не въ желаніи самихъ евреевъ непремѣнно составлять отдѣльный міръ, а во всей обстановкѣ ихъ юридическаго и соціальнаго положенія и въ признаніи его пригоднымъ, подобно русской податной общинѣ, для достиженія извѣстныхъ фискально-административныхъ цѣлей.

Но мы никогда не кончили бы, если бъ хотѣли распутать до конца всю эту густую ткань умышленной и неумышленной лжи и превратныхъ толкованій, которой опутали дѣло еврейскаго общественнаго управленія г. Брафманъ и его коментаторы. Поэтому, заключая нашу статью по этому предмету, дѣлаемъ общее замѣчаніе. Мы исходили изъ той точки зрѣнія, что факты, указываемые г. Брафманомъ, переданы и поняты вполнѣ вѣрно и примѣнимы къ настоящему времени. Мы старались доказать, что и въ этомъ случаѣ выводы руссификаторовъ изъ нихъ совершенно невѣрны. Насколько это предположеніе о дѣйствительномъ значеніи данныхъ г. Брафмана справедливо въ историко-догматическомъ отношеніи—объ этомъ еще рѣчь впереди.

РАВВИНСКІЙ СУДЪ.

Ich wollte, dass nach der Stufe unserer Cultur wir Alle das so oft verspottene Gottesregiment haben konnten; denn es ist gerade, was alle Menschen wunschen, worauf alle Weisen gearbeitet haben, und was man allein und so fruhe schon auszufuhren das Herz hatte, dass das Gesetz hersche und kein Gesetzgeber, dass eine freie Nation es frei annehme und willig befolge, dass eine unsichtbare, vernunftige und wohlthatige Macht uns lenke und nicht Ketten und Bande. Dies war die Idee Moses, und ich wusste nicht, ob es eine reinere, hohere gebe. Гердеръ

Читателямъ памятна тревога, поднятая въ 1870 году, въ извѣстной части періодической печати, по поводу «разоблаченій тайнъ еврейскаго міра», сдѣланныхъ знаменитымъ фокусникомъ хамелеономъ, г. Брафманомъ. Между прочими ужасами, выставленными на показъ въ калейдоскопѣ «талмудически-республиканскихъ» монстровъ, съ не малой яростью накинулись на еврейскій самосудъ. Г. Брафманъ повѣдалъ міру, что евреи, не смотря на всѣ усилія сдѣлать ихъ полными гражданами страны, въ которой они живутъ уже столько вѣковъ, сохранили до сихъ поръ свое отдѣльное общественное и даже государственное устройство, между прочимъ и свой собственный бесдинъ (судъ раввиновъ), хотя законъ такого суда не признаетъ, а считаетъ евреевъ подвѣдомственными общимъ для всѣхъ гражданъ судебнымъ мѣстамъ. Не ясно-ли изъ этого слѣдуетъ, что относительно евреевъ всегда останется вѣрной пословица· «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ», и поэтому попытки къ эманципаціи ихъ должны быть отложены до тѣхъ поръ, пока сами они не измѣнятъ своей внутренней общественной организаціи? Евреи домогаются уничтоженія внѣшнихъ преградъ къ ихъ гражданскому равенству; но пусть они прежде выкажутъ себя

достойными этого, уничтоживъ предварительно свой кагалъ, бесдинъ, хазаку и какъ ихъ тамъ еще называютъ—такъ твердятъ въ унисонъ «Голосъ» и его сверстники по разработкѣ брафмановскихъ открытій. Прочитавъ такія глубокомысленныя статьи, приправленныя тарабарскими словами въ родѣ «хезкатъ-іишубъ», «меропіэ» и т. под., несвѣдущій читатель, особенно нееврей, склоняется къ той мысли, что въ еврейскомъ мірѣ происходятъ такія диковинныя вещи, какихъ «ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать», и что то, что́ «Голосъ» проповѣдуетъ, «можетъ оно тамъ такъ и нужно». Но мы съ своей стороны думаемъ иначе; намъ кажется, что въ еврейскомъ мірѣ происходитъ какъ разъ тоже самое, чему можно находить примѣры въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ, даже такихъ, которые не приходили ни въ какое соприкосновеніе съ «избраннымъ народомъ» и потому не могли позаимствоваться у него кагальной премудрости. И такъ какъ каждому человѣку прирождено желаніе убѣдить другихъ въ томъ, во что́ онъ самъ вѣруетъ, я попытаюсь изложить предъ читателемъ тѣ основанія, по которымъ я расхожусь съ плеядой Брафмана во взглядѣ на еврейскій самосудъ. Впрочемъ, мнѣ прійдется возражать здѣсь не противъ однихъ брафманистовъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ, во времена очаковскія и покоренья Крыма, одинъ изъ нашихъ поэтовъ, какъ будто предвосхитившій идеи «Голоса», именно Державинъ (въ своей запискѣ о евреяхъ, напечатанной въ «Архивѣ» Калачова за 1860 годъ), излилъ свое негодованіе на еврейскій судъ, причемъ съ соболѣзнованіемъ замѣтилъ, что многіе «малосмысленные» христіане охотно обращаются къ раввинамъ за разбирательствомъ споровъ. А если порыться въ архивахъ исторіи, то найдемъ еще болѣе древнія, и потому болѣе почтенныя, если можно такъ выразиться, нападки на этотъ судъ. Такъ еще въ древней римской имперіи народные проповѣдники нападали на судъ раввиновъ и угрожали геенной за обращеніе къ нему. Но нападки эти, какъ кажется, не имѣли большаго успѣха, ибо изъ многихъ историческихъ памятниковъ видно, что еще въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х. христіане нерѣдко обращались къ раввинамъ для разбирательства гражданскихъ споровъ.

Гдѣ же слѣдуетъ искать причину того, что раввинскій судъ оказалъ такую замѣчательную стойкость въ борьбѣ съ неблагопріятными для него внѣшними условіями и удержался до новѣйшаго времени? Дѣйствительно ли причина эта заключается въ упорной приверженности евреевъ ко всему старинному, въ настойчивомъ стремленіи ихъ удержать во что бы то ни стало свои національныя учрежденія, не смотря на внутреннюю ихъ несостоятельность? Еслибъ это было такъ, то исторія еврейскаго самосуда составляла бы изъятіе изъ общаго закона, выработаннаго общественной наукой, по которому всякое учрежденіе живетъ и развивается лишь до тѣхъ поръ, пока оно имѣетъ прочныя основанія въ нуждахъ и потребностяхъ выросшаго его общества. Потерявъ эти основанія съ измѣнившимися обстоятельствами, оно не можетъ долѣе существовать даже при сильной поддержкѣ; и наоборотъ, пока оно имѣетъ подъ собою твердую почву, постороннее вліяніе можетъ только видоизмѣнять объемъ и характеръ его дѣятельности, но не въ состояніи совершенно ее парализовать. Примѣняя эти общія правила къ занимающему насъ частному явленію, намъ необходимо разрѣшить одинъ главный вопросъ. нельзя ли найти разумныхъ основаній долговѣчности раввинскаго суда, столь несоотвѣтствующаго, повидимому, ни современнымъ понятіямъ о судѣ и правѣ, ни соціальному положенію евреевъ въ новыхъ государствахъ? На мысль о существованіи такихъ разумныхъ основаній этого явленія наводитъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что дѣятельность раввинской юрисдикціи, какъ замѣчено выше, не ограничивалась, покрайней мѣрѣ въ прежнее время, исключительно еврейскимъ міромъ, а прибѣгали къ ней и неевреи. Въ самомъ дѣлѣ, если пристрастіе евреевъ къ своему самосуду можно еще объяснить не внутренними его достоинствами, а просто духомъ исключительности, да пожалуй сподручностью и удобствомъ,—то какъ прикажете приложить это объясненіе къ тяжущимся неевреямъ, добровольно предстающимъ предъ трибуналъ иновѣрнаго духовнаго лица для разбора своихъ претензій? Здѣсь не только не мыслимо никакое пристрастіе къ суду раввиновъ, но, наоборотъ, всегда можно предположить сильное предубѣжденіе противъ него; и очевидно, что только серьезныя до-

стоинства еврейскаго суда могли побороть это предубѣжденіе. Нечего и говорить о томъ, что объясненіе этого факта «малосмысленностью» народа могло удовлетворить только такого классически-наивнаго и недальновиднаго человѣка, какимъ былъ (какъ извѣстно) Державинъ. У людей менѣе легковѣрныхъ подобное объясненіе можетъ вызвать только улыбку. Поэтому, постараемся отвѣтить на поставленный вопросъ болѣе вѣсскими соображеніями, насколько это возможно въ бѣглой газетной статьѣ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду единственно гражданскую юрисдикцію раввиновъ, которая одна удержалась до новаго времени, тогда какъ уголовная отнята у раввиновъ еще древними римлянами и съ тѣхъ поръ не признавалась за ними въ европейскомъ мірѣ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что судъ раввиновъ былъ не подпольнымъ учрежденіемъ въ родѣ извѣстныхъ фемгерихтовъ, какимъ рисуетъ его г. Брафманъ, а оффиціально признавался государственной властью. Такъ сохранилось нѣсколько эдиктовъ римскихъ императоровъ въ юстиніановомъ кодексѣ, которыми признано за евреями право судиться у своихъ раввиновъ. При медленности и письменности судопроизводства у проконсуловъ въ позднѣйшій періодъ римской исторіи и при усилившихся въ византійской имперіи предубѣжденіяхъ противъ евреевъ, право это было для нихъ не только истиннымъ благодѣяніемъ, но необходимымъ условіемъ существованія. Право это было признаваемо за евреями и германскими императорами. Такъ въ одной дошедшей до насъ грамотѣ Генриха III отъ 1090 года говорится о евреяхъ слѣдующее: quod si Iudaei litem inter se aut causam habuerint discernendam, a suis paribus et non ab alienis convincantur et judicentur (если евреи будутъ имѣть между собой тяжбу для разбирательства, они должны быть судимы и разбираемы равными себѣ, а не чужими). Мы привели подлинный текстъ этой грамоты потому, что онъ бросаетъ новый свѣтъ на историческій смыслъ раввинскаго суда. Слова a suis paribus показываютъ, что раввинскій судъ съ самаго начала не только не былъ явленіемъ ненормальнымъ и исключительнымъ, выраженіемъ антигосударственныхъ стремленій евреевъ въ европейскихъ странахъ, какимъ силятся

*

представить его теперь нѣкоторые господа, а, напротивъ, былъ простымъ примѣненіемъ къ еврейской жизни общихъ началъ народной жизни того времени. Извѣстно, что весь судебный механизмъ средневѣковой Европы былъ построенъ на сословномъ принципѣ суда перовъ (равныхъ), по которому каждое лицо могло законно судиться только равными себѣ по общественному положенію лицами. Отсюда естественный выводъ, что евреи, какъ занимающіе совершенно особое положеніе въ странѣ, по справедливости, должны судиться только у своихъ собратьевъ по вѣрѣ, которые одни хорошо понимаютъ условія ихъ экономическаго и юридическаго быта, безъ чего правильный судъ невозможенъ. Далѣе, извѣстно, что по мѣрѣ ослабленія сословныхъ перегородокъ и различій, изъ суда перовъ выработались болѣе совершенныя формы суда общегосударственнаго (короннаго) и общенароднаго (суда присяжныхъ), вытѣснившія отжившій сословный элементъ въ судебномъ организмѣ. Отсюда очевидно, что раввинская юрисдикція, какъ представительница идеи сословнаго суда перовъ, можетъ и должна уступить мѣсто болѣе развитымъ формамъ суда лишь по мѣрѣ того, какъ фактическая подкладка и первоначальная причина ея, т. е. гражданская обособленность евреевъ въ законѣ и дѣйствительной жизни, въ свою очередь станетъ однимъ воспоминаніемъ.

Во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой право евреевъ судиться у своихъ выборныхъ судей и раввиновъ тоже признаваемо было неоднократно въ общихъ и спеціальныхъ грамотахъ королей польскихъ (см. Леонтовича, Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ, отд. I, стр. 39). Слѣдовательно, и тутъ раввинскій судъ имѣлъ свою формальную санкцію отъ государственной власти, а не дѣйствовалъ втайнѣ. Но это только внѣшняя сторона дѣла, и не эти постороннія причины дали жизнь и прочность суду раввиновъ, а его внутреннія качества, не утратившія своего значенія и по настоящее время. Чтобы подтвердить эту мысль, намъ прійдется вкратцѣ изложить сущность раввинскаго процесса, какимъ представляютъ его источники еврейскаго права. Процессъ этотъ основанъ на слѣдующихъ началахъ. Всякій судъ есть посредническій, воспринимающій свою силу въ добровольномъ со-

глашеніи сторонъ; руководителемъ его является, слѣдовательно, не внѣшнее принужденіе, не физическая сила, а нравственная мощь, сознаніе самихъ сторонъ, что судъ есть выраженіе справедливости, которой нельзя не подчиниться. Послѣдствіемъ такого взгляда является то, что талмудъ признаетъ компетентными судьями не однихъ только законниковъ-фарисеевъ, но и простолюдиновъ, избранныхъ сторонами (съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы въ бесединѣ—коллегіи изъ трехъ лицъ—былъ одинъ законовѣдъ). Извѣстно, что начало соглашенія относительно выбора судей преобладаетъ у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени правоваго развитія: такъ оно было въ древнемъ Римѣ по изслѣдованіямъ Иеринга, такъ было и въ древней Руси (см. Дювернуа—Источники права и судъ въ древней Россіи). Слѣдовательно, судъ раввинскій не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего ненормальнаго и страннаго. Какъ дальнѣйшее развитіе того-же начала является въ талмудѣ преобладаніе мироваго принципа въ судѣ. Во всякомъ положеніи дѣла судья обязанъ склонять стороны къ примиренію; даже въ томъ случаѣ, когда судья вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ одной стороны, онъ обязанъ склонять ее къ уступкамъ въ пользу другой, дабы окончить дѣло компромисомъ вмѣсто судебнаго рѣшенія. Это оригинальное воззрѣніе вполнѣ объясняется всѣмъ характеромъ еврейскаго права, не признающаго строгаго разграниченія права отъ морали (разграниченіе, несостоятельность котораго все болѣе и болѣе сознается лучшими мыслителями нашего времени). Но если и римскіе юристы, послѣдовательно проводившіе отдѣленіе правовой сферы отъ нравственно-религіозной, поняли однакожъ, что безусловная законность есть высшая несправедливость (summum jus—summa injuria), то еврейскіе законоучители, которымъ мысль о подобномъ отдѣленіи должна была казаться святотатственной, еще болѣе были проникнуты сознаніемъ этой истины. «Отчего палъ Іерусалимъ?» — спрашиваетъ талмудъ и даетъ на этотъ вопросъ многознаменательный отвѣтъ: «оттого, что жители его хотѣли все поставить на буквѣ закона» (на строгомъ правѣ). При такихъ воззрѣніяхъ неудивительно, что примиреніе тяжущихся считается священной обязан-

ностью судьи, а рѣшеніе по праву—печальной необходимостью въ раввинскомъ процессѣ.

Изъ этого-же основнаго принципа добровольнаго подчиненія сторонъ судьѣ слѣдуетъ, что возможность творить судъ и расправу у евреевъ разсматривается не какъ право извѣстныхъ лицъ, укрѣпляемое за ними общественной властью, а какъ обязанность всякаго свѣдущаго лица, къ которому стороны обращаются. Никто не можетъ отказаться отъ исполненія этой обязанности, если въ томъ мѣстѣ нѣтъ другаго, болѣе свѣдущаго лица. Но при этомъ обязанность судотворенія должна быть отправляема безвозмездно, какъ нравственно-религіозный долгъ. «Всякое рѣшеніе, постановленное за плату, недѣйствительно». Но такъ какъ обязанность изученія законовъ у евреевъ есть общегражданская, а не достояніе особаго класса спеціалистовъ, и потому законовѣдъ, удѣляя время для разбора тяжебъ, можетъ понести убытки въ своей профессіи, то судья можетъ, именно въ подобныхъ случаяхъ, требовать отъ сторонъ вознагражденія за этотъ lucrum cessans. Впрочемъ, уже въ 8 вѣкѣ неудобства этой безмездности дали чувствовать себя, и тогда было установлено завести въ каждой общинѣ особую кассу изъ постоянныхъ взносовъ всѣхъ членовъ ея для вознагражденія членовъ мѣстнаго суда.

Еврейское право не знаетъ раздѣленія суда на высшія и низшія инстанціи въ современномъ смыслѣ, но оно знаетъ различіе между компетентностью судилищъ, что обусловливается лишь степенью учености и опытности засѣдающихъ въ нихъ лицъ. Но отношенія между ними не опредѣляются съ точностью. Аппеляція допускается, но лишь подъ условіемъ предварительнаго исполненія обжалованнаго рѣшенія или обезпеченія отъ проигравшей стороны.

Разбирательство должно происходить словесно въ присутствіи сторонъ. По замѣчанію одного раввина (рабби Исаака бенъ Шешета), «изъ словесныхъ объясненій сторонъ судья часто непосредственно усматриваетъ гдѣ правда и гдѣ ложь; письменное-же изложеніе старается скрыть ложь подъ риторическими изліяніями. Кляузничеству представляется широкое поле и стороны даютъ крючкотворцамъ стряпать себѣ бумаги не согласно съ истиной, а сообразно съ своими интересами».

Въ основаніи раввинскаго процесса, какъ можно замѣтить изъ представленныхъ нами данныхъ, лежитъ начало слѣдственное, подъ которымъ мы понимаемъ здѣсь обязанность самаго суда заботиться о достиженіи и въ гражданскихъ дѣлахъ не формальной, а матеріяльной правды, въ противоположность обвинительному процессу, въ которомъ забота объ охраненіи интересовъ тяжущихся лежитъ на нихъ самихъ, а судъ заботится только о формально-справедливомъ разрѣшеніи гражданскаго спора на основаніи представленныхъ сторонами доказательствъ. Слѣдственный принципъ видѣнъ также въ томъ положеніи раввинскаго права, по которому самъ судъ, встрѣтивъ затрудненія въ разборѣ запутаннаго или возбуждающаго сложные юридическіе вопросы дѣла, отсылаетъ его къ высшему суду для разрѣшенія. Строгое примѣненіе начала устности и вытекающей изъ него непосредственной связи между сторонами и судомъ, какъ необходимаго условія для правильнаго сужденія о фактической сторонѣ судебнаго дѣла, приводитъ еврейскій процессъ къ оригинальному выводу: воспрещенію адвокатуры и вообще представительства на судѣ. Дѣйствительно, если письменность въ процесѣ норицается раввинами, какъ удобное средство для замаскированія истины ябедничествомъ и риторикой, если словесныя объясненія сторонъ на судѣ разсматриваются какъ лучшее средство для судьи воспринять непосредственное, цѣльное и безъискуственное впечатлѣніе объ отношеніи тяжущихся между собой и къ спорному предмету,—то естественна забота раввиновъ оградить эти начала отъ посторонніхъ элементовъ, ему враждебныхъ. Адвокатура является именно однимъ изъ тѣхъ юридическихъ явленій, которыя находятся въ самомъ сильномъ разладѣ со всѣми началами раввинскаго суда. Она повсюду есть спутница полнаго разграниченія права отъ морали и высокаго развитія законодательства и юриспруденціи. При существованіи адвокатуры немыслимо то непосредственное правдивое впечатлѣніе, которое судъ часто выноситъ изъ объясненія самихъ сторонъ. Въ то время какъ тяжущійся, несвѣдущій въ законахъ и благоговѣющій предъ судомъ, въ большинствѣ случаевъ можетъ быть силенъ въ процесѣ только дѣйствительной справедливостью своихъ притязаній, адвокатъ по профессіи,

опытный въ судебныхъ дѣлахъ и разсматривающій ихъ какъ ремесло, можетъ, при помощи формальныхъ юридическихъ ремедіумовъ обвинить праваго и оправдать виноватаго. Отъ него нельзя ожидать признанія въ ущербъ интересамъ своего довѣрителя, который самъ едва-ли имѣлъ-бы духу отрицать на судѣ и въ присутствіи противной стороны дѣйствительные факты. На очную ставку сторонъ и ея послѣдствія талмудъ очень много разсчитываетъ: (онъ принимаетъ за юридическую презумпцію, что «всякій человѣкъ предполагается не настолько испорченнымъ, чтобъ отречься отъ своего долга въ присутствіи кредитора»). Понятно, что раввинское право, стремящееся къ осуществленію не отвлеченнаго и само по себѣ безсодержательнаго идеала законности, а живой, конкретной справедливости, должно питать глубокое отвращеніе къ письменному процесу и адвокатурѣ.

Единственный видъ, подъ которымъ допускается (и то съ ограниченіями) въ раввинскомъ судѣ представительство—это уступка тяжущимся своей претензіи въ собственность другому лицу, которое заступаетъ его мѣсто на судѣ. (Любопытно то обстоятельство, что въ этомъ отношеніи еврейское право представляетъ полное сходство съ древнѣйшимъ римскимъ правомъ, тоже недопускавшимъ представительства на судѣ иначе, какъ съ уступкой самаго спорнаго объекта въ видѣ procuratio in re sua).

Придавая такое огромное значеніе совмѣстному присутствію самихъ тяжущихся на судѣ, талмудъ предписываетъ судьѣ не выслушивать объясненій одной стороны въ отсутствіи другой, такъ какъ онъ такимъ образомъ легко можетъ склониться на сторону присутствующаго. Въ предупрежденіи пристрастія судьи къ одному изъ тяжущихся постановлено, что онъ не долженъ помогать ни одной изъ сторонъ распросами и намеками. Но строгое проведеніе обвинительнаго начала, превращающаго судью въ безучастнаго и безсильнаго зрителя борьбы сторонъ, въ которой, какъ во всякой борьбѣ, сильный долженъ одолѣть слабаго, какъ мы уже замѣтили, было противно нравственно-религіозному характеру еврейскаго суда; поэтому раввины признаютъ, что если одна сторона, имѣя основательныя законныя возраженія, не можетъ ихъ формулировать и свя-

зать надлежащимъ образомъ, судья обязанъ ей помочь въ этомъ. Но это допускается лишь съ величайшей осторожностью, дабы судья не превратился въ защитника одной изъ сторонъ.

Для представленія доказательствъ сторонамъ дается въ случаѣ надобности отсрочка (обыкновонно въ 30 дней). Но срокъ этотъ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія (peremptorium fatale) на судьбу дѣла если доказательства представлены по истеченіи срока и постановленіи рѣшенія, послѣднее отмѣняется и дѣло возстановляется въ прежнее состояніе. Рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ, объявляется сторонамъ и по желанію ихъ излагается въ письменной формѣ.

Что касается системы доказательствъ необходимо замѣтить слѣдующее. Главную роль въ раввинскомъ процессѣ играютъ свидѣтельскія показанія и присяга. Свидѣтельскимъ показаніямъ, составляющимъ главное доказательство во всѣхъ тѣхъ системахъ права, которыя по происхожденію своему суть чисто народныя, а не государственныя и расчитаны на удовлетвореніи потребностей малограмотной и неразвитой народной массы, раввинскій процессъ придаетъ огромное значеніе. Показаніе двухъ свидѣтелей составляетъ полное доказательство, которому судъ не можетъ не дать вѣры. Такимъ образомъ рядомъ съ активнымъ участіемъ суда въ раскрытіи истины, въ раввинскомъ судопроизводствѣ существуетъ и другое коренное начало слѣдственнаго процеса—формальная теорія доказательствъ. Но творцы еврейскаго права, вводя это неизбѣжное послѣдствіе теократическихъ воззрѣній на право въ систему судопроизводства, не оставили безъ вниманія темныхъ сторонъ этого института. Отъ нихъ не ускользнуло во первыхъ то обстоятельство, что обязательность для суда показаній двухъ свидѣтелей, которымъ судъ обязанъ вѣрить, не смотря на полное убѣжденіе въ ихъ недостовѣрности, противно интересамъ правосудія. Противъ этого еврейскій законъ принимаетъ мѣры къ ограниченію числа достовѣрныхъ свидѣтелей лишь лицами, нравственно и религіозно безупречными (не допускаются къ свидѣтельству на судѣ лица, явно преступившіе библейскіе религіозные запреты, занимающіеся безчестными промыслами, напр., ростовщичествомъ, шулерствомъ

и т. п., присвоившіе себѣ отданныя имъ на сохраненіе вещи, обвиненные въ лжеприсягѣ и лжесвидѣтельствѣ и др.). Конечно, при современномъ состояніи общественной жизни подобныя правила неосуществимы, несправедливы и несогласны съ интересами правосудія. Но не надобно упустить изъ виду, что раввинское право не имѣло ни значенія, ни характера системы законодательства, предназначенной для цѣлаго государства въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Оно расчитано на тѣсный кругъ немногочисленной общины съ преобладающимъ религіознымъ характеромъ, гдѣ многое непрактичное и несправедливое съ точки зрѣнія государственнаго законодательства оказывается и легко осуществимымъ, и справедливымъ.

Съ другой стороны еврейскіе законоучители поняли, что требованіе двухъ достовѣрныхъ и во всемъ съ собою согласныхъ свидѣтельскихъ показаній нерѣдко можетъ служить въ ущербъ вполнѣ законнымъ имущественнымъ интересамъ лицъ, не могущихъ представить подобныхъ свидѣтелей. Какъ ремедіумъ противъ этого недостатка служитъ весьма широкая по еврейскому праву власть судьи судить по своему усмотрѣнію согласно конкретнымъ условіямъ каждаго дѣла (такъ называемое шуде дедайни). Это право судьи рѣшать дѣла въ противность положительнымъ нормамъ закона, если этого требуетъ справедливость и внутреннее убѣжденіе суда, служитъ въ раввинскомъ процесѣ могущественнымъ коррективомъ недостатковъ строгой законности и формальной справедливости, недостатковъ присущихъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ правовымъ системамъ, но нигдѣ не обойденныхъ такъ успѣшно, какъ въ раввинскомъ процесѣ. Кажущееся противорѣчіе между этимъ широкимъ просторомъ судейскаго учрежденія и системой формальныхъ доказательствъ, господствующей въ еврейскомъ правѣ, объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Теорія формальныхъ доказательствъ есть институтъ древнѣйшаго еврейскаго права и ведетъ свое начало отъ моисеева законодательства и потому удержалась до сихъ поръ въ уголовномъ еврейскомъ законодательствѣ, которое давно уже утратило практическую силу, а слѣдовательно и возможность измѣненій и усовершенствованій, вслѣд-

ствіе отнятія у раввиновъ уголовной юрисдикціи еще во времена древней римской имперіи. Другая участь постигла гражданскій процесъ въ силу того обстоятельства, что за раввинами оставлено было право разбирать гражданскія тяжбы: онъ продолжалъ развиваться и усовершенствоваться сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ и указаніямъ опыта о недостаткахъ того или другаго учрежденія. Однимъ изъ такихъ улучшеній, которыхъ таки довольно много въ еврейскомъ правѣ, и представляется развитіе судейской власти въ оцѣнкѣ доказательствъ и объясненій сторонъ, какъ необходимое противодѣйствіе недостаткамъ системы формальныхъ доказательствъ.

Относительно присяги, какъ самостоятельнаго доказательства въ процессѣ, надобно замѣтить, что ученіе о ней по талмудическому праву тоже есть значительный шагъ впередъ сравнительно съ моисеевымъ законодательствомъ. При слабомъ развитіи письменности и строгости требованій относительно свидѣтельскихъ показаній, судебный механизмъ еврейскаго міра часто долженъ оказаться весьма недостаточнымъ и несовершеннымъ по вопросу о судебныхъ доказательствахъ. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ раввинское право прибѣгло къ присягѣ, давъ ей чрезвычайно широкое примѣненіе въ качествѣ воспомогательнаго доказательства на судѣ. Присяга именно допускается раввинами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правовыя основанія сторонъ недостаточно сильны для того, чтобы доставить легальное доказательство, но производятъ внутреннее убѣжденіе суда въ ихъ справедливости. Такъ присяга дается отвѣтчику когда противъ него есть половинныя доказательства (напр., когда истецъ представилъ въ свою пользу одного свидѣтеля, когда отвѣтчикъ призналъ часть иска). Истцу присяга тоже дается во многихъ случаяхъ (напр., когда возраженія отвѣтчика могутъ съ вѣроятностью быть объяснены ошибкой; когда онъ выставляетъ свои возраженія не какъ положительныя данныя, а какъ возможныя; когда отвѣтчикъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, слѣдущей ему по обстоятельствамъ дѣла; когда истецъ представляетъ въ свою пользу не прямыя доказательства, но косвенныя улики). Новѣйшія законодательства, исходя изъ началъ обвинительнаго процеса и заботы суда лишь о формальной правдѣ (по крайней мѣрѣ

въ гражданскихъ дѣлахъ), разрѣшаютъ всѣ подобные случаи на основаніи общаго правила, по которому каждый изъ тяжущихся самъ обязанъ доказать свои объясненія и самъ несетъ отвѣтственность за ихъ недоказанность (onus probandi incumbit actori). Но раввинскій процесъ, въ основу котораго легло слѣдственное начало и стремленіе къ раскрытію не одной формальной, но и матеріальной правды, не могъ удовлетвориться этой безпощадной строгостью въ отношеніи представленія доказательствъ, которая такъ часто ведетъ къ разладу между законностью и справедливостью, и потому предоставилъ суду такія смягчающія суровость закона прерогативы, какъ сужденіе по усмотрѣнію и присяга сторонъ.

Такимъ-же важнымъ ремедіумомъ противъ дурныхъ послѣдствій отъ коллизіи общихъ началъ права съ отдѣльными жизненными случаями служитъ въ раввинскомъ процесѣ признаніе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ. Новѣйшія доказательства признаютъ за одной государственной властью привилегію установлять правовыя нормы и потому значительно стѣсняютъ силу обычая, какъ выраженія правоваго сознанія самаго общества, и вовсе не допускаютъ установленія законовъ мѣстными учрежденіями и властями. Раввинскому-же праву, какъ праву развившемуся среди народа лишеннаго самостоятельности государственной, совершенно чуждо централизаціонное начало и потому оно признаетъ за самими общинами власть издавать обязательные для своихъ членовъ законы въ сферѣ гражданскаго права, а еще болѣе придаютъ значенія юридическимъ обычаямъ. «Обычай евреевъ есть законъ», и «обычай отмѣняетъ законъ»—это основныя начала еврейскаго права. Достоинство-же обычая, какъ и мѣстнаго закона, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что будучи приспособлены къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, они рѣже чѣмъ общіе законы приходятъ въ столкновеніе съ требованіями практической необходимости и живаго чувства справедливости въ примѣненіи общихъ нормъ къ отдѣльнымъ случаямъ.

Сводя итоги всѣмъ отдѣльнымъ признакамъ, характеризующимъ раввинскій судъ какъ особенное учрежденіе, мы вправѣ, кажется, сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ объ историческомъ смыслѣ еврейскаго самосуда. Раввинскій судъ удержался въ теченіе столь-

кихъ вѣковъ и пріобрѣлъ популярность не только между евреями, но и среди не-евреевъ, не благодаря кагальной злокозненности, какъ утверждаетъ г. Брафманъ и его ученики, а въ силу своихъ внутреннихъ качествъ и достоинствъ.

Совершенное изгнаніе письменности изъ процеса, господство примирительнаго начала и справедливости надъ строгой законностью, отсутствіе всякихъ формальностей и стѣснительныхъ процессуальныхъ правилъ, преобладаніе въ системѣ доказательства не письменныхъ актовъ, а наиболѣе доступныхъ для простаго народа свидѣтельскихъ показаній и присяги, недопущеніе адвокатуры и ябедничества — все это такія качества, которыя должны были магически увлекать всякую народную массу. не только еврейскую, и сдѣлать раввинскій судъ дешевымъ, скорымъ, общедоступнымъ и справедливымъ судомъ для всѣхъ къ нему обращающихся. Мы вовсе не думаемъ рекомендовать этимъ раввинскій процессъ для всеобщаго употребленія при существующихъ теперь въ цивилизованномъ мірѣ условій общественной и государственной жизни: мы очень хорошо знаемъ, что тѣ начала судоустройства и судопроизводства, которыя приняты въ раввинскомъ правѣ, оказались-бы вполнѣ несостоятельными, еслибъ перенести ихъ цѣликомъ въ другую, чуждую имъ сферу государственнаго законодательства. Но наша цѣль была совсѣмъ другая: мы хотѣли уяснить тѣ реальныя причины. которыя дали живучесть и популярность раввинскому суду, не смотря на отсутствіе той внѣшней, принудительной силы, на которую обыкновенно опирается всякій судъ въ своей дѣятельности. И читатель, мы думаемъ, согласится, что тѣ не-евреи, которые въ древней Сиріи и Византіи, средневѣковой Германіи и Бѣлоруссіи добровольно обращались къ раввинскому трибуналу за разрѣшеніемъ гражданскихъ споровъ и также добровольно подчинялись ихъ рѣшеніямъ, вовсе не были такъ «малосмысленны», какъ полагаютъ Хризостомъ, Державинъ, «Голосъ» и другіе.

Съ другой стороны мы приходимъ къ заключенію, что раввинскій судъ самъ собою потеряетъ жизненную силу по мѣрѣ усовершенствованія общаго судебнаго строя страны. Это вполнѣ подтверждается замѣченнымъ на всемъ югѣ Россіи сильнымъ уменьшеніемъ

судебной дѣятельности раввиновъ со времени введенія новаго суда; взамѣнъ этого новые суды буквально запружены дѣлами евреевъ, что̀ обусловливается промышленными ихъ занятіями, производящими значительное количество споровъ и тяжебъ. Этотъ живой, осязательный фактъ, по нашему мнѣнію, гораздо убѣдительнѣе той мертвечины Богъ вѣсть откуда выкопаннаго архивнаго хлама, на которомъ строятъ свои воздушные замки г. Брафманъ съ товарищами.

О ЗАМКНУТОСТИ ЕВРЕЕВЪ *).

Упрекъ въ замкнутости есть одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе всего дѣлаются евреямъ. кстати или некстати. Какъ только зайдетъ рѣчь объ эманципаціи евреевъ, о расширеніи ихъ гражданскихъ правъ, помянутый упрекъ не заставляетъ себя ждать. На первый планъ выступаютъ слова: «отчужденность», «сосредоточенность», «status in statu» и т. п. выраженія, которыя въ сущности ничего не выражаютъ, но которыя сильно нравятся людямъ, чувствующимъ какое то нерасположеніе къ евреямъ.

Что же возражаютъ на это защитники евреевъ? Они указываютъ обыкновенно на тѣ историческія причины, развитіемъ которыхъ обусловливалась эта вѣковая замкнутость евреевъ. Далѣе они указываютъ на западную Европу, гдѣ почти вездѣ евреи слились съ главнымъ населеніемъ и мало чѣмъ отъ него отличаются. Противъ обоихъ этихъ аргументовъ противники евреевъ выставляютъ возраженія, не лишенныя основаній. Такъ они говорятъ, что историческое объясненіе происхожденія какого-нибудь жизненнаго явленія не мѣшаетъ этому явленію возбуждать въ насъ недовѣріе и даже отвращеніе, когда оно дѣлается вреднымъ. Примѣръ евреевъ въ другихъ странахъ столь же мало убѣдителенъ для нихъ. Исторія евреевъ—говорятъ они—показываетъ намъ, что въ каждой странѣ

---

*) Слѣдующія статьи принадлежатъ къ первымъ литературнымъ опытамъ автора. Включая эти статьи въ настоящій томъ, мы руководствовались преимущественно мыслью о значеніи ихъ для біографіи покойнаго И Г. Оршанскаго. *Издатель.*

судьбы евреевъ развивались особымъ путемъ, сообразно съ мѣстными условіями. Аналогію нельзя принять здѣсь за надежнаго руководителя. Такимъ образомъ, помимо этихъ шаткихъ аргументацій, полная отчужденность еврейской жизни признается всѣми за фактъ абсолютный, неподлежащій никакому сомнѣнію. Но дѣйствительно ли эта обособленность такъ безусловна? Дѣйствительно ли между міромъ еврейскимъ и нееврейскимъ не было никогда никакого духовнаго общенія? Нельзя ли указать на какія нибудь точки соприкосновенія между ними? Вотъ вопросы, которые должны имѣть высокій интересъ для каждаго мыслящаго человѣка; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованіе вліянія, которое оказываютъ различныя, даже враждебныя группы человѣчества однѣ на другія при своемъ столкновеніи,—есть одна изъ поучительнѣйшихъ задачъ соціальной науки. Но для насъ, русскихъ евреевъ, поставленные вопросы имѣютъ еще высокое практическое значеніе. Отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія ихъ зависитъ уничтоженіе ложныхъ и вредныхъ для насъ предразсудковъ въ средѣ русскаго общества. Эти то обстоятельства побудили меня собрать и изложить здѣсь тѣ немногія данныя, схваченныя мною изъ еврейской жизни, которыя при всей своей немногочисленности достаточно—надѣюсь—покажутъ читателю, какъ далеко отстоитъ дѣйствительность отъ того, что обыкновенно выдается за нее людьми, руководимыми духомъ партіи и предразсудковъ.

I. Языкъ народа безспорно есть вѣрнѣйшее мѣрило и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ исключительности и своеобразности его національнаго развитія. Посредствомъ живой рѣчи скорѣе или легче всего совершается обмѣнъ мыслей, чувствъ и воззрѣній между разнородными массами людей, а слѣдовательно—и великое дѣло ассимилированія этихъ массъ. И на оборотъ: ничто такъ не способствуетъ застою въ народной жизни, какъ невозможность придти въ столкновеніе съ другими, болѣе живительными сферами жизни, а эта новозможность въ значительной мѣрѣ обусловливается особностью языка. Вотъ отчего то обстоятельство, что русскіе евреи говорятъ особымъ діалектомъ, такъ часто выдвигается, когда дѣло идетъ о замкнутости евреевъ. Составляя ко-

некъ противниковъ евреевъ, эта сторона вопроса есть ахиллесова пятка тѣхъ, которые волей не волей должны защищать евреевъ противъ возводимыхъ на нихъ обвиненій, и всегда приводитъ защитниковъ въ большое замѣшательство

Что же говорятъ намъ объ этомъ факты? Они показываютъ намъ, что вездѣ, гдѣ положеніе евреевъ улучшилось и ихъ соприкосновеніе съ другими классами населенія дѣлалось ближе и постояннѣе, тамъ евреи довольно быстро забывали свой особый діалектъ и усвоивали себѣ языкъ господствующаго народа.

Недавно г. Гаркави издалъ монографію «О языкѣ евреевъ, живших въ древнее время на Руси», въ которой доказываетъ, что когда то евреи въ славянскихъ странахъ употребляли славянскіе языки Но какъ видно изъ самаго заглавія его труда, а также изъ изложеннаго его содержанія въ «Гакармелѣ»,—самаго изслѣдованія я еще не видѣлъ,—онъ коснулся только древняго періода. Что же касается болѣе новаго времени, то я обращу вниманіе читателя на слѣдующіе факты.

Извѣстный еврейскій писатель И. Б. Левинсонъ въ своемъ сочиненіи «Теуда Беисраиль» (Вильна, 1855, стр. 35 въ прим.) говоритъ: «отцы наши разсказывали намъ, что въ прежнее время евреи въ этомъ (южно-русскомъ) краю говорили только по русски. Жаргонъ же, на которомъ говорятъ теперь здѣсь евреи, тогда не былъ распространенъ». Г Гаркави (Гакармель, IV, 255) считаетъ это темнымъ преданіемъ, между тѣмъ какъ это—фактъ, извѣстный по разсказамъ старожиловъ каждому южно-русскому еврею. Но Левинсонъ склоненъ возвести этотъ фактъ къ эпохѣ перваго поселенія евреевъ въ славянской землѣ, что мнѣ кажется натянутымъ. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю сомнѣніе г. Гаркави. Другое весьма компетентное свидѣтельство, и притомъ уже не о южномъ, а о сѣверномъ краѣ, мы имѣемъ въ автобіографіи знаменитаго литовскаго выходца второй половины прошлаго вѣка, Соломона Маймона, который упоминаетъ «о евреяхъ изъ простаго народа, говорившихъ по русски» [1]).

[1]) Не имѣя подъ рукой сочиненія С Маймона, я ссылаюсь на свидѣтельство г. О. Воля (прилож. къ Гакармелю, г. 5-й № 31)

Но, кромѣ этихъ книжныхъ свидѣтельствъ, есть еще другія, гораздо болѣе важныя и менѣе подлежащія оспариванію. Они живутъ въ устахъ еврейскаго народа. Я разумѣю здѣсь не отдѣльныя слова славянскаго происхожденія, которыя примѣшались къ еврейско-нѣмецкому жаргону:—простое усвоеніе словъ есть самая низшая ступень принятія чужаго языка;—но памятники еврейской мысли на русскомъ языкѣ. Сюда отношу я русскія пословицы и поговорки, весьма употребительныя у евреевъ и очевидно еврейскаго происхожденія. Такъ напр. мною записана пословица. «Богъ знае, кому крейнкъ дае». Вставка еврейско-нѣмецкаго слова Krank (бѣды, болѣзни) указываетъ на еврейское происхожденіе этой поговорки. Отъ малорусскаго еврея можно еще теперь слышать разсказъ о томъ, какъ арендаторъ (еврейскій типъ грубости и невѣжества) заставилъ своего сына учиться Мишнаесъ (Mischnaioth—основной текстъ талмуда), при чемъ тотъ обратился къ книгѣ съ слѣдующими словами:

Мишнаесъ, Мишнаесъ,
Я тебе не знаю,
Ты мене не знаешь!

Подобныхъ фактовъ можно было бы собрать множество человѣку, болѣе меня знакомому съ еврейскимъ бытомъ.

Это усвоеніе евреями русскаго языка шло особенно успѣшно въ Малороссіи, гдѣ положеніе евреевъ было несравненно лучше, чѣмъ въ Западномъ краѣ. Тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ извѣстно, и теперь есть не мало такихъ уголковъ въ Западномъ краю и Малороссіи, гдѣ евреи говорятъ почти чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. Мнѣ извѣстно также, что многіе изъ тѣхъ евреевъ, которые подъ разными предлогами живутъ во внутренности Россіи, совсѣмъ забыли свой жаргонъ и вообще сдѣлались настоящими русскими, даже по складу мыслей и образу жизни. Понятно, чего слѣдуетъ ожидать отъ окончательнаго водворенія евреевъ на коренной русской почвѣ. Наконецъ, слѣдуетъ указать на вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія на языкъ тамошнихъ евреевъ. Это вліяніе не только въ заимствованіи многихъ словъ, дѣлающихъ иногда рѣчь бѣлорусскаго еврея

непонятною для южнорусскаго, но и въ примѣненіи отличительныхъ свойствъ бѣлорусскаго языка къ еврейско-нѣмецкому жаргону. Такъ напр. частое замѣненіе буквой ц буквы ч, с—т и т. п.

II. Изъ совокупности указанныхъ фактовъ видно, что вездѣ, гдѣ это только возможно, евреи съ радостью отрекаются отъ своей упорной замкнутости, примыкаютъ къ коренному населенію и усвоиваютъ себѣ его языкъ. Но это примыканіе не остановилось на одномъ усвоеніи языка, этой внѣшней оболочки мысли. Крестьянство, какъ ни страннымъ покажется это многимъ, имѣло сильное вліяніе и на умственную сферу евреевъ. Особенно сильно было это вліяніе въ Малороссіи. Столь богато развитая малороссами область народныхъ вѣрованій и убѣжденій почти цѣликомъ перешла къ жившимъ среди нихъ евреямъ. Еврейское дитя, точно также какъ и малорусское, воспитывалось на фантастическихъ сказкахъ той-же самой чисто русской няни. Я самъ слышалъ отъ еврейской старухи много такихъ сказокъ о царяхъ, богатыряхъ и змѣяхъ, которыя я потомъ находилъ въ сборникахъ народно-русскихъ сказокъ, почти безъ всякой перемѣны. Иногда,—и это еще сильнѣе показываетъ, какъ глубоко проникліись евреи русскими вѣрованіями,—какое нибудь русское сказаніе ходитъ между евреями въ приспособленной къ еврейскому быту формѣ; какъ напр. мнимыя чудеса какого нибудь колдуна приписываются цадику, и т. п. Это заимствованіе простиралось на чисто бытовыя русскія воззрѣнія. Еще недавно мнѣ привелось слышать отъ малорусскаго еврея разсказъ о томъ, какъ два нѣмца, лекарь и астрономъ, пустились въ Россію искать счастья; какъ они зашли къ одному мужику ночевать; мужикъ изумилъ ихъ практическимъ знаніемъ медицины и астрономіи;—послѣднюю—по примѣтамъ на быкѣ; пристыженные нѣмцы должны были удалиться восвояси. Выраженное въ этомъ разсказѣ сознаніе превосходства крестьянства надъ нѣмцами ясно указываетъ на чисто русское происхожденіе его; и то обстоятельство, что подобный разсказъ нашелъ для себя доступъ и даже сочувствіе въ еврейской средѣ, указываетъ на то, какъ мало, въ сущности, замкнута была эта среда для внѣшнихъ вліяній.

Евреи не остались равнодушными и къ произведеніямъ народ-

ной русской поэзіи. Извѣстный стихъ о богатомъ и убогомъ Лазаряхъ, принадлежащій къ числу тѣхъ немногихъ духовныхъ стиховъ, которые пѣлись не одними «калѣками-перехожими», а сдѣлались достояніемъ всего рускаго народа,—стихъ этотъ нашелъ почетное мѣсто и въ еврейской сферѣ. Причину этого нужно искать какъ въ указанной уже популярности его между русскими, такъ и въ высокомъ, моральномъ достоинствѣ его содержанія. Само собою разумѣется, что еврейскіе пѣвцы стиха не оставили безъ перемѣны нѣкоторыхъ чисто-христіанскихъ чертъ его. Вообще, стихъ въ еврейской редакціи подвергся многимъ измѣненіямъ. Такъ напр., убогій братъ названъ Авраамомъ; при исчисленіи грѣховъ богатаго Лазаря указывается на грѣхи чисто-еврейскіе. Тѣмъ не менѣе евреямъ извѣстно христіанское происхожденіе стиха.

Мною записана со словъ малорусской еврейки пѣсня на малорусскомъ языкѣ, въ которой за каждымъ періодомъ слѣдуетъ двустишіе на еврейскомъ жаргонѣ. Содержаніе этой пѣсни составляютъ жалобы снохи на жестокое обращеніе съ нею свекрови,—сюжетъ, довольно часто встрѣчающійся въ народныхъ пѣсняхъ еврейскихъ, также какъ и въ русскихъ,—и упреки, дѣлаемые снохѣ свекровью въ томъ, что она не хозяйка. Я не могъ допытаться, сложена ли сама пѣсня евреями (что указывало бы на значительную степень усвоенія ими русскаго языка), или же она заимствована ими отъ русскаго населенія, а потомъ вставленъ былъ и еврейскій рефренъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на отношеніе евреевъ къ народной русской музыкѣ. Евреи, которые вообще, какъ извѣстно, большіе охотники до музыки, питаютъ глубокое сочувствіе къ симпатичной, полной трогательнаго чувства малорусской музыкѣ. Не только евреи страстные охотники слушать чумацкія пѣсни, но они всячески стараются перенять ихъ, даже въ синагогальную музыку. Нерѣдко, въ какомъ нибудь нигунѣ (мелодіи къ молитвамъ) можно разслышать мотивы, которыми «кобзарь» аккомпанируетъ на своемъ національномъ инструментѣ какую нибудь казацкую «думу».

III. Усвоивъ себѣ многія изъ сторонъ духовной жизни русскаго населенія, евреи пошли дальше и переняли много изъ ихъ быта. Но перенять у кореннаго населенія его образъ жизни,

его занятія евреи не могли: разныя обстоятельства насильно удерживали ихъ въ сферѣ торгашества и паразитизма. Евреи заимствовали изъ русскаго быта значительное количество предразсудковъ и суевѣрій, имѣвшихъ большое вліяніе на весь ходъ ихъ жизни. Сюда относятся: 1) Вѣра въ чудодѣйственныя силы цѣленія колдуновъ. Мнѣ извѣстно много примѣровъ отправленія къ такимъ колдунамъ еврейскихъ больныхъ изъ дальнихъ краевъ. Изъ нихъ немногіе возвращались живьемъ домой. 2) Употребленіе «привередныхъ» зелій, при господствѣ системы раннихъ и насильственныхъ браковъ, и неизбѣжныхъ поэтому несчастіяхъ въ семейной жизни, сдѣлало быстрые успѣхи между южно-русскими евреями. Сюда же относится заимствованіе народной русской демонологіи—особенно вѣра въ домовыхъ почему-то пришлась по душѣ евреямъ. Евреи переняли также отъ русскихъ много невинныхъ обычаевъ и житейскихъ понятій. Такъ напр. обычай осыпанія хмѣлемъ новобрачныхъ и нѣкоторые другіе свадебные обычаи, вѣра въ то, что «кто родится въ сорочкѣ—счастливъ» и т. п. Очевидно, что не изъ Палестины и даже не изъ Германіи привезли съ собой евреи эти понятія и обычаи, а постепенно усвапивали ихъ себѣ изъ окружающей русской жизни.

Читатель замѣтилъ, конечно, къ какимъ любопытнымъ и поучительнымъ результатамъ приводятъ подобнаго рода изслѣдованія. Но дѣлаетъ ли ихъ кто-нибудь у насъ? Образованный европеецъ съ трудомъ повѣритъ, что во всей русско-еврейской литературѣ, довольно значительной ужъ теперь,—мы едва можемъ указать на нѣсколько сочиненій, касающихся дѣйствительной жизни русскихъ евреевъ. Чему приписать такое странное явленіе? Дѣло въ томъ, что при томъ особомъ положеніи, въ какомъ поставлены были евреи въ Россіи, тѣ немногіе изъ нихъ, которымъ послѣ неимовѣрныхъ усилій удалось вырваться изъ заколдованнаго круга еврейской жизни и достигнуть европейскаго образованія, не только не думали о томъ, чтобы «повѣдать міру» о юдоли горести и униженія, изъ которой они вышли, но, что весьма естественно, старались забыть о ней совершенно. Болѣе же многочисленный въ еврейской средѣ классъ самоучекъ, воспитанныхъ преимущественно на новоеврейской ли-

тературѣ, питая втайнѣ такое-же отвращеніе къ окружающей ихъ жалкой дѣйствительности, рѣдко высказываютъ слово истины о еврейской жизни. Только теперь, въ болѣе образованной части еврейской молодежи, начинаетъ проявляться болѣе свободный и раціональный взглядъ на еврейство. Отъ подростающаго теперь поколѣнія, которому суждено осуществить великое дѣло обрусѣнія нашихъ единоплеменниковъ, мы вправѣ ожидать, между прочимъ, и всесторонняго серьознаго обсужденія, путемъ печатнаго слова, судебъ еврейскаго народа въ Россіи.

Будемъ ждать и надѣяться!

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Не разъ было замѣчено, что главная причина распространенія въ русскомъ обществѣ невыгодныхъ мнѣній о евреяхъ заключается въ невѣдѣніи, въ которомъ находится это общество на счетъ истиннаго положенія евреевъ въ Россіи. Убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ наша печать. Между тѣмъ, какъ обо всѣхъ почти племенахъ населяющихъ Россію можно встрѣтить въ нашей литературѣ довольно научныхъ данныхъ, этнографическихъ матеріаловъ, литературныхъ описаній и т. п.; — о евреяхъ мы не имѣемъ ничего подобнаго. Наша читающая публика до сихъ поръ знаетъ еврея только, какъ тургеневскаго «Жида» или Исая Ѳомича въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»; не говоримъ уже о такихъ произведеніяхъ какъ «Выжигинъ» Булгарина. На такое игнорированье еврейства не малое вліяніе оказало, конечно, то обстоятельство, что мѣста осѣдлости евреевъ далеко отстоятъ отъ средоточія русской жизни.

Но главная причина лежитъ въ томъ, что и тамъ, гдѣ евреи живутъ сплошной массой среди господствующаго населенія, они извѣстны этому населенію только съ одной стороны, именно экономической. Какъ человѣкъ, глубоко проникнутый извѣстными убѣжденіями, горячо имъ преданный и жертвующій для нихъ всѣми благами земными; какъ дѣятельный членъ своего общества; какъ строго-нравственный отецъ семейства; — говоря короче, какъ существо нравственное еврей извѣстенъ только въ своемъ тѣсномъ кругу. Христіанинъ знаетъ его только какъ обирающаго его торгаша, фактора, корчмаря; удивительно-ли, что

онъ составилъ себѣ о евреѣ такое дурное понятіе? Удивительно-ли, что понятіе, основанное на такомъ одностороннемъ воззрѣніи на вещи, такъ глубоко вкоренилось въ умахъ, что отъ него не могли избавиться даже такіе люди, какъ напр. Костомаровъ [1])?

Ясно поэтому, что лучшимъ средствомъ разсѣять ложныя о насъ представленія въ русской средѣ можетъ служить обстоятельное разсмотрѣніе въ нашей литературѣ всѣхъ сторонъ еврейской жизни, преимущественно нравственной, наименѣе извѣстной, но весьма важной для сужденія о какомъ-бы то ни было народѣ. Но какъ уловить эту моральную сторону жизни, на какихъ достовѣрныхъ данныхъ основать свои сужденія о ней? Очевидно, что на продуктахъ духовнаго творчества народа, на его вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, языкѣ и обычаяхъ, религіи и правѣ, литературѣ вообще и поэзіи въ особенности. Поэзія народа, больше чѣмъ всѣ другіе упомянутые нами источники, пригодна для достиженія означенной цѣли. Она ярко и рельефно изображаетъ намъ тотъ потаенный внутренній міръ народной жизни, куда не вводитъ насъ ни перо трудолюбиваго историка, ни проницательный глазъ бытописателя.

Понятно, что все сказанное въ такой-же мѣрѣ примѣнимо къ еврейскому, какъ и ко всякому другому народу. Знакомство съ простонародными пѣснями русскихъ евреевъ дѣйствительнѣе, чѣмъ всевозможныя краснорѣчивыя апологіи, можетъ измѣнить во многомъ вкоренившіяся въ умѣ русскаго предубѣжденія относительно евреевъ.

Но и какая же эта «поэзія русскихъ евреевъ»? съ изумленіемъ спроситъ читатель не-еврей. Такое сочетаніе звучитъ странно въ его ушахъ. Поэзія—это прекраснѣйшій продуктъ народной жизни, совершеннѣйшее проявленіе его духовнаго творчества, а евреи... это—уродливый памятникъ старины давно отжившей, который только какимъ-то чудомъ удержался до сихъ поръ съ своими обветшалыми формами, и которому суждено вскорѣ раствориться и изчезнуть съ лица земли... И неужели у этой дряхлой, лишенной вся-

[1]) См. статью его: «Іудеямъ» въ «Основѣ» за 1862 г.

каго историческаго смысла массы людей, такъ часто уравниваемой у насъ съ цыганами и кочующими племенами, хватаетъ достаточно жизненной силы, чтобы создать свою народную поэзію? Да, милостивые государи, евреи имѣютъ свою поэзію, вполнѣ своеобразную и замѣчательную. Что произведенія народно-еврейской музы рѣдко отличаются такой художественностью, какая выказывается въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, это вполнѣ естественно Вспомнимъ, что до присоединенія Польши и возвращенія западнаго края Россіи евреи находились въ положеніи хуже, чѣмъ крѣпостномъ; гдѣ же тутъ могла развиться та молодецкая удаль, та ширина мысли и чувства, которая придаетъ такую прелесть русскимъ пѣснямъ? Понятно также, что напрасно стали бы мы искать между еврейскими пѣснями чего нибудь похожаго на русскій народный эпосъ, по недостатку соотвѣствующихъ явленій въ жизни. Но за то, евреи владѣютъ большимъ количествомъ пѣсенъ лирическихъ, обнажающихъ предъ нами всю ихъ душу, ихъ опасенія и надежды, радости и скорби, и пѣсенъ бытовыхъ, дающимъ намъ возможность сдѣлать правильную оцѣнку всѣмъ сторонамъ еврейскаго быта. Разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ пѣсенъ имѣетъ особенный важный жизненный интересъ въ видахъ ознакомленія читающей публики съ дѣйствительнымъ бытомъ русскихъ евреевъ. Разсмотримъ нѣкоторыя стороны этого быта, насколько онѣ затрогиваются въ народныхъ пѣсняхъ евреевъ и ими разъясняются.

I. Прежде всего бросается въ глаза каждому знакомому съ еврейскими пѣснями одна отличительная черта ихъ характера: это глубокая грусть, высказывающаяся при всякомъ удобномъ случаѣ. Очень мало у евреевъ пѣсенъ веселаго содержанія, большей частью евреи избираютъ сюжетомъ для своихъ пѣсенъ печальныя стороны жизни. Нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, особенно малорусскихъ евреевъ, нѣкотораго сходства съ пѣснями малорусскими, которыя, какъ извѣстно, тоже отличаются заунывнымъ настроеніемъ. Но было бы нелѣпо утверждать, что евреи переняли у малороссовъ это настроеніе для своей поэзіи. Если вся поэзія какого-нибудь народа проникнута грустью, то причину такого явленія слѣдуетъ искать въ быту этого народа, и главнѣйше, конечно,

въ его быту экономическомъ и соціальномъ, но не въ какихъ-нибудь внѣшнихъ вліяніяхъ, и даже не въ его религіи и морали. Такимъ образомъ этотъ скорбный характеръ еврейскихъ пѣсенъ самъ по себѣ, — еслибъ у насъ и не было другихъ болѣе положительныхъ доказательствъ, представляемыхъ самой жизнью,—можетъ наглядно доказать намъ, въ какое печальное положеніе были поставлены у насъ евреи.

Изъ извѣстныхъ мнѣ пѣсень особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи одна, подъ названіемъ «Пѣсня о Смерти». Въ ней пѣвецъ начинаетъ указаніемъ на успокоеніе, доставляемое смертью отъ житейскихъ треволненій. Затѣмъ перенесясь на кладбище, онъ предается размышленіямъ, напоминающимъ много (конечно, не по художественному достоинству, но по содержанію) гамлетовскихъ разсужденій о черепѣ. Пѣсня кончается жалобой на суетность людей, всю жизнь копящихъ богатства, которыя, по мнѣнію пѣвца «не имѣютъ никакого достоинства»... За каждымъ четыреститишіемъ въ пѣснѣ слѣдуетъ трогательное двустишіе

Братья, жизнь есть сонъ мимолетный,
Человѣкъ ко смерти рожденъ!

II. Важнѣйшимъ разрядомъ еврейскихъ пѣсенъ надо считать тотъ, который имѣетъ своимъ предметомъ жалобы на невзгоды жизни, говоря проще, на бѣдность и необезпеченность. Я считаю эти пѣсни важнѣйшими, во-первыхъ по ихъ эстетическому достоинству, но главнымъ образомъ, по важности тѣхъ выводовъ, которые онѣ даютъ намъ для сужденія о бытѣ еврейскомъ. Какъ часто еще и теперь приходится слышать отъ людей несвѣдующихъ и предубѣжденныхъ толки о томъ, что евреи, какъ вампиры, паразиты и т. д. высасываютъ всѣ богатства страны, что Польша и западный край всегда были второй обѣтованной землей евреевъ, и многое въ этомъ родѣ. Мы вполнѣ понимаемъ, какъ сложилось въ крестьянскомъ сословіи понятіе о евреѣ, какъ о человѣкѣ самомъ богатомъ, понятіе, выразившееся въ извѣстной поговоркѣ: гроши якъ у жида... Въ деревнѣ корчмарь или арендаторъ дѣйствительно былъ богачемъ, и крѣпостному человѣку, почти всегда очень бѣд-

ному и не видавшему ничего кромѣ своей бѣдной деревушки, естественно было привыкнуть къ мысли, что еврей есть самый богатый человѣкъ въ мірѣ. Но непростительно людямъ пишущимъ, и слѣдовательно образованнымъ, придерживаться и распространять такія грубыя и ограниченныя понятія. Вѣдь задача литературы именно въ томъ и состоитъ, чтобъ стать выше узкихъ и ограниченныхъ воззрѣній неразвитой массы и обсуживать жизненные вопросы съ болѣе общей и широкой точки зрѣнія, чѣмъ это возможно людямъ необразованнымъ... Но я уклонился нѣсколько въ сторону отъ главной мысли, которая состоитъ въ томъ, что бытовыя пѣсни евреевъ очень часто переполнены жалобами на стѣсненное экономическое положеніе. Онѣ поэтому могутъ служить хорошимъ опроверженіемъ упомянутыхъ нами возгласовъ о непомѣрныхъ богатствахъ, будтобы накопляемыхъ евреями.

Между пѣснями этого рода особенной извѣстностью пользуется одна, въ которой воспѣвается жалкое положеніе раззорившагося еврейскаго купечества. Съ видимой ироніей обращается пѣвецъ отъ имени бѣднаго люда къ мнимымъ богачамъ. «Скоро сосватаемся мы съ вами», говоритъ пѣсня; «снимите ваши украшенія, уплатите долги и вы сравнитесь съ нами». Любопытно также, что пѣсня (очевидно съ насмѣшкой) совѣтуетъ купцамъ спѣшить за помощью къ цадику.

Еще болѣе замѣчательны, по глубинѣ чувства и художественному достоинству, другая пѣсня, съ содержаніемъ которой мы познакомимъ теперь читателя. Молодая дѣвушка жалуется на свою бѣдность. «Хвала Богу Всемогущему! Чего-чего не переноситъ человѣкъ на своемъ вѣку! Одному живется очень хорошо, другому еще лучше, я же провела мои молодыя лѣта какъ сонъ».—«Иду-ли я на базаръ,—продолжаетъ пѣвица, никто не вѣритъ мнѣ въ долгъ, прихожу я домой и начинаю плакать: господи Боже мой, дай мнѣ чѣмъ жить или умереть! Но вотъ я выхожу себѣ на улицу и встрѣчаю добраго молодца, у него много золота и серебра, лучшаго жениха я себѣ и не желала. Тогда я говорю: великъ Богъ Всемогущій, глупъ человѣкъ невѣрующій; когда терпитъ нужду, онъ отчаевается!»

Эта пѣсня производитъ сильное впечатлѣніе на умъ слушателя.

Она есть произведеніе вполнѣ національное, потому что основная мысль ея, именно, стоическое равнодушіе къ житейскимъ невзгодамъ и безграничная вѣра въ Провидѣніе, обо всемъ пекущееся,—есть воззрѣніе чисто еврейское. Какую связь это воззрѣніе, равно какъ и вообще чрезвычайная религіозность евреевъ, имѣетъ съ ихъ исторіей и бытомъ, ясно для каждаго мыслящаго человѣка, и было-бы неумѣстно здѣсь объ этомъ распространяться.

Теперь довольно съ насъ того, что въ разбираемой нами пѣснѣ сказалась вся жизнь еврейскаго народа, жизнь, лишенная прочной экономической основы, подверженная неисчисленнымъ случайностямъ, и произведшая въ характерѣ евреевъ непреодолимую наклонность вѣрить во все сверхъ-естественное..

Замѣчательно, что во всѣхъ трехъ разобранныхъ нами пѣсняхъ, какъ и во многихъ другихъ, указывается на необходимость занимать и брать въ долгъ, какъ на большое и неизбѣжное зло. Говорите послѣ этого объ экономической самостоятельности евреевъ!

III. Перейдемъ къ разсмотрѣнію другаго разряда пѣсенъ, знакомящихъ насъ съ одной очень важной и почти совсѣмъ неизвѣстной стороной еврейской жизни. Извѣстно, что еврейское населеніе въ Россіи расположено чрезмѣрно густыми массами и очень неравномѣрно (именно, оно все почти сосредоточивается въ городахъ). Отъ этой густоты происходитъ вредная для благосостоянія края и невыносимая для самихъ евреевъ конкурренція во всѣхъ доступныхъ евреямъ промыслахъ и занятіяхъ. Значительная часть еврейскаго населенія, и понятно, что самая смышленая и энергическая часть, побуждается этимъ къ переселенію въ другія мѣстности. Во всѣхъ странахъ свѣта отъ Новаго Южнаго Валлиса до Американскихъ Штатовъ (гдѣ ихъ особенно много) и до закоулковъ Лондона (гдѣ «польскіе евреи» составляютъ особую общину) можно встрѣтить этихъ бѣглецовъ отъ нужды безвыходной. Но главнымъ образомъ потокъ этого выселенія устремляется на югъ Россіи, менѣе заселенный и представляющій болѣе рессурсовъ для промышленной дѣятельности. Съ недавняго времени выселеніе это находитъ себѣ другое направленіе, именно, во внутрь Россіи. Такъ мы знаемъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ теперь есть уже значительное еврей-

ское населеніе, количество котораго быстро возрастаетъ. Тоже замѣчается и по всей Россіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ этого важнаго явленія, никакихъ статистическихъ данныхъ о его размѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, о немъ даже не упомянуто было до сихъ поръ печатно. Любопытно поэтому остановиться хоть на тѣхъ неопредѣленныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ предметѣ, какія можно почерпнуть изъ народныхъ пѣсень еврейскихъ. Но прежде слѣдуетъ еще сказать, что кромѣ бѣдности есть и другая причина такого выселенія евреевъ. Это—несчастія семейной жизни. Извѣстно, что евреи женятъ своихъ дѣтей очень рано, и обыкновенно безъ ихъ спросу Оттого несчастные браки и разводы составляютъ у евреевъ явленія самыя обыденныя. Эти семейныя непріятности заставляютъ многихъ молодыхъ людой бросать женъ, нерѣдко и дѣтей, и искать счастья на чужбинѣ. Каждый южнорусскій еврей видитъ передъ собой многихъ такихъ бѣглыхъ отъ тяжести брачныхъ узъ. Въ каждомъ номерѣ любой еврейской газеты, особенно въ «Гамагидѣ», распространенномъ по всему земному шару, вы встрѣчаете родителей отыскивающихъ своихъ дѣтей, братьевъ—своихъ братьевъ, но особенно женъ, отыскивающихъ своихъ мужей, и гдѣ бы вы думали?—въ Англіи, Америкѣ и Австраліи. И такъ какъ еврейскіе религіозные законы относительно вступленія во второй бракъ женамъ, оставленнымъ своими мужьями,—эти жены называются агуносъ, то есть несчастныя,—очень строги, то положеніе такихъ женщинъ обыкновенно бываетъ самое плачевное. Сообразивъ это, мы поймемъ, отчего такъ много у евреевъ пѣсенъ, оплакивающихъ судьбу брошенной жены. Въ одной пѣснѣ жена говоритъ оставившему ее мужу: «ты связалъ меня по рукамъ и ногамъ и оставилъ одну стоять». Кто знакомъ съ еврейской жизнью, тотъ знаетъ сколько правды въ этомъ горькомъ упрекѣ Въ другой пѣснѣ жена жалуется на отсутствіе извѣстій отъ мужа, потомъ обращается къ птичкамъ перелетнымъ съ просьбой о передачѣ вѣсточки отъ нея мужу. Потомъ она проситъ объ этомъ же купцовъ переѣзжихъ (черта чисто еврейская). «Кабы я имѣла кры-

лышки, я къ тебѣ полетѣла бы; кабы была рѣчка, я къ тебѣ потекла бы; пусть увидѣлъ бы ты мое растерзанное сердце!»

Замѣчательно, что въ этой пѣснѣ жена проситъ птичекъ принесть ей отъ мужа деньги. Видно бѣдность была главный мотивъ этой пѣсни. Въ другихъ, болѣе указывается на горечь обманутой любви.

Подобные мотивы и образы встрѣчаются очень часто въ произведеніяхъ народно-русской поэзіи (вспомнимъ напр. плачь княгини Ярославы въ «словѣ о полку Игоревѣ»), и можно было бы поэтому предполагать, что еврейскія пѣсни составлены подъ вліяніемъ русскихъ воззрѣній, что очень возможно; но какъ эти же мотивы не чужды и другихъ народныхъ литературъ, то въ нихъ скорѣе слѣдуетъ видѣть результатъ извѣстныхъ понятій, свойственныхъ всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени развитія, именно, когда человѣкъ, стоя ближе къ природѣ, оживотворяетъ въ ней все и во всемъ видитъ свое подобіе.

Между семейными пѣснями евреевъ стоитъ остановиться на тѣхъ, которыя воспѣваютъ горесть разлуки родителей съ вступающими въ бракъ дѣтьми.

Одна изъ такихъ пѣсенъ, записанная мною, проникнута неподдѣльнымъ чувствомъ и отличается истинно поэтическимъ характеромъ. Въ ней за каждымъ четыреститишіемъ слѣдуетъ русскій припѣвъ:

Плачь, плачь, не поможется,
Стоятъ кони на дорозѣ!

Есть и такія пѣсни, въ которыхъ молодая дѣвушка жалуется на то, что ее разлучаютъ съ милымъ и принуждаютъ выйти за другаго. «Отецъ, поется въ одной пѣснѣ, обѣщалъ выдать меня за ешивника (талмудическаго ученаго); мать же—за молодца умнаго, не-ученаго»... Знаменательны заключительныя слова пѣсни: «чѣмъ больше ищемъ и перебираемъ (жениховъ или невѣстъ), тѣмъ скорѣе попадаемъ въ бѣду!» Здѣсь мы опять сталкиваемся съ фатализмомъ.

Вообще семейныя пѣсни евреевъ важны для насъ тѣмъ, что

дальше другихъ заводятъ насъ во внутренній міръ еврейской жизни. Въ нихъ находятъ себѣ исходъ чувства, подавляемыя несчастіями семейныхъ отношеній. Стоитъ послушать нѣсколько такихъ пѣсенъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что еврейскія сердца нечужды «благородныхъ чувствъ любви, самоотверженія, ревности и т. п. качествъ.

IV. Есть еще у евреевъ особый разрядъ пѣсенъ, заслуживающихъ нашего полнаго вниманія. Это—пѣсни о рекрутчинѣ.

Въ этихъ пѣсняхъ говорится о горечи разлуки съ семьей и объ опасностяхъ войны, что поется и въ русскихъ солдатскихъ пѣсняхъ. Мною записана одна замѣчательная пѣсня на испорченномъ малорусскомъ и еврейскомъ жаргонѣ, въ которомъ еврейка-солдатка оплакиваетъ своего мужа, умершаго подъ Севастополемъ. Для образца приведу ея окончаніе (малороссійское).

Идите, дитки, горевать (т. е. трудиться),
Старую мати годовать (кормить),
Старую мати середышка (сердечко) годовать!

Слѣдовало бы еще указать на тотъ родъ еврейскихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражается ихъ міросозерцаніе, ихъ взглядъ на свою судьбу, свой бытъ и т. д. Но къ сожалѣнію, мнѣ не удалось настолько ознакомиться съ этими пѣснями, чтобы быть въ состояніи произнести о нихъ точное сужденіе. Укажу на одну характеристическую черту. Въ одной пѣснѣ, имѣющей видъ диспута о вѣрѣ между хасидомъ (набожнымъ) и апикоресомъ (невѣрующимъ), послѣдній указываетъ на неблаговидность обряда дѣланія восковыхъ свѣчъ на Іомъ-кипуръ (день умилостивленія); хасидъ на это возражаетъ: «но еслибъ ты слышалъ, съ какими слезами и молитвами эти свѣчи дѣлаются» и т. д. Здѣсь очевидно выступаетъ на видъ тотъ нравственный стимулъ, которымъ насквозь проникнута вся жизнь евреевъ. Безчисленное множество мелочнѣйшихъ предписаній, обычаевъ и обрядовъ, на каждомъ шагу опутывающихъ жизнь еврея, предстанетъ предъ нами въ другомъ свѣтѣ, если будемъ смотрѣть не только на ихъ внѣшнюю сторону (какъ это обыкновенно дѣлаютъ), а обратимъ вниманіе и на внутренній

мотивъ этихъ пустыхъ формальностей, именно, на глубокую и почти безпримѣрную привязанность еврейскаго племени къ формамъ быта, выработаннымъ и выстраданнымъ вѣковымъ его развитіемъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о художественномъ достоинствѣ еврейскихъ пѣсенъ. Выше было уже замѣчено, что эпическихъ пѣсенъ у евреевъ нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что жизнь ихъ не представляетъ никакихъ матеріяловъ для подобнаго рода произведеній. Есть, правда, у евреевъ большія стихотворенія, воспѣвающія замѣчательныя библейскія событія (напр. объ Агасферѣ и Эсѳири [1]), но, чуждыя жизни, онѣ лишены и поэзіи.

По такой же причинѣ еврейскія пѣсни вообще бѣдны элементомъ фантазіи, всѣмъ тѣмъ, что навѣвается непосредственно природой, пластичностью формъ, образностью въ содержаніи. Еврей по преимуществу житель городской, его образъ жизни и занятія слишкомъ далеки отъ природы, вотъ почему въ его духовномъ творчествѣ преобладаетъ сторона субъективная надъ объективной, идеализмъ надъ реализмомъ.

Тѣмъ не менѣе еврейскія пѣсни несовсѣмъ лишены образности Такъ одна пѣсня тоскующей супруги начинается такъ

Въ печкѣ горитъ огонекъ,
Изъ камина выходитъ дымъ.
Какъ вспомню про милаго друга,
Душа рвется изъ тѣла вонъ.

Въ другой еврейской пѣснѣ мужъ, увозя жену отъ родителей, говоритъ ей

Туда, гдѣ вѣтры не вѣютъ,
Гдѣ пѣтухи не поютъ,
Туда должна ты ѣхать,
Тамъ должна ты быть.

---

[1]) Объ этомъ же предметѣ у евреевъ существуетъ и народная комедія въ лицахъ, единственное почти проявленіе древняго драматическаго творчества евреевъ

Еврейскія пѣсни отличаются еще большей искусственностью, въ нихъ чаще отражается личность автора, чѣмъ сколько это вообще бываетъ въ народной поэзіи. Причина-та, что жизнь евреевъ болѣе индивидуализирована, какъ у другихъ народныхъ массъ, живущихъ на своей родной землѣ болѣе однообразно и тѣснѣе связанныхъ.

Вотъ все, что я могу сказать объ этомъ предметѣ, при наличномъ матеріялѣ, очень скудномъ и необработанномъ. Восполнить пробѣлы настоящаго очерка предоставляю другимъ, располагающимъ большими средствами и знаніемъ дѣла.

ИСТОРІЯ ВЫКЛЮЧКИ.

(БЫЛЬ, РАЗСКАЗАННАЯ МОИМЪ ПРІЯТЕЛЯМЪ).

Происшествіе, которое я хочу разсказать здѣсь, случилось въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ исторіи русскихъ евреевъ.

Положеніе евреевъ въ губерніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ, съ давнихъ поръ было незавидное; да иначе и быть не могло. всѣ тѣ причины, которыя объусловливали жалкое и безнадежное положеніе евреевъ въ западной Европѣ вообще, существовали и въ Польшѣ, и чуть ли не въ большихъ еще размѣрахъ. Польское шляхетство, гордое и своевольное, глубоко презирало бѣднаго жида—бездомнаго скитальца, безъ роду и племени. Къ чувству презрѣнія тѣмъ чаще присоединялась ненависть, что шляхтичъ, сознавая все свое превосходство надъ бѣднымъ жидомъ, однако хорошо понималъ, что не можетъ безъ послѣдняго обойтись Католическое духовенство, вообще склонное видѣть въ евреѣ упрямаго еретика и врага Христова, въ свою очередь не мало способствовало униженію евреевъ, тѣмъ болѣе, что его вліяніе въ Польшѣ было сильное и могущественное. Крестьяне, подавляемые и угнетаемые панами чрезъ посредство арендаторовъ евреевъ, вымещали свое негодованіе и злобу на жидѣ. Правда, ихъ ненависть, при безпомощности ихъ положенія, казалась не очень опасною для евреевъ, но на самомъ дѣлѣ она была въ сто разъ опаснѣе того чувства полу-презрѣнія, полу-ненависти, съ которымъ обыкновенно относился къ еврею польскій панъ. Шляхтичъ любилъ потѣшиться надъ евреемъ, всячески унижалъ и оскорблялъ его, но въ тоже вре-

мя бросалъ ему подачку; но онъ нисколько не склоненъ былъ совершенно лишиться еврея, потому что послѣдній служилъ для пана бездонной бочкой, въ которую онъ опускалъ руку по мѣрѣ надобности. Не такова была ненависть народная, постоянно усиливавшаяся вслѣдствіе новыхъ тѣсненій евреевъ-арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, и долго скрываемая, питаемая втихомолку, а потому тѣмъ ужаснѣе прорывавшаяся наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Эти взрывы народнаго мщенія, правда, случались не часто, но когда они случались, они угрожали совершенной погибелью сынамъ Израиля, и горько поплачивались тогда послѣдніе за корыстолюбіе и безчеловѣчность пановъ, которые своими постоянными и безчестными поборами съ евреевъ побуждали послѣднихъ безъ зазрѣнія совѣсти обирать крестьянъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть чѣмъ удовлетворить алчности пана.

Таково было положеніе евреевъ въ Польшѣ и западнорусскихъ губерніяхъ, во время ихъ самостоятельности; оно не улучшилось по присоединеніи ихъ къ Россіи. Къ прежнему гнету шляхетства присоединился еще гнетъ административный, тѣмъ болѣе тяжкій, что прикрывался эгидой законности. Всякій, сколько нибудь власть имѣющій, сидѣлъ рѣшительнымъ сатрапомъ въ еврейскомъ городишкѣ. «Владычество исправниковъ, становыхъ приставовъ и засѣдателей въ жидовскихъ мѣстечкахъ не имѣло предѣловъ, алчность не знала границъ» [1]). — Подъ этимъ-то гнетомъ польскій еврей исказился въ то уродливое, жалкотрусливое и въ тоже время безгранично-алчное существо, которое у насъ привыкли называть жидомъ, и котораго послѣднимъ—надѣемся—представителемъ въ русской литературѣ служитъ тургеневскій «Жидъ».—При такихъ условіяхъ влачили свою жалкую жизнь польскіе евреи до восшествія на престолъ императора Николая, когда къ прежнимъ страданіямъ, съ которыми евреи уже немного свыклись, присоединились новыя. Русское правительство обратило тогда въ первый разъ вниманіе на ненормальность экономическаго быта западнаго края, гдѣ сильнѣйшіе по произволу давили и угнетали слабѣйшихъ. Оно вѣрно оцѣ-

[1]) Слова О. А. Рабиновича.

нило всю громадность вреда, наносимаго евреями интересамъ сельскаго населенія, но не вникло въ причины, породившіе это явленіе, а потому, вмѣсто того чтобы вырвать зло съ корнемъ, и посредствомъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ и дозволенія имъ селиться во всей Россіи сдѣлать ихъ полезными гражданами, давъ имъ возможность жить честнымъ трудомъ,—вмѣсто всего этого правительство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ, и такимъ образомъ, и безъ того жалкое положеніе польскихъ евреевъ сдѣлалось просто невыносимымъ. Самой важной изъ этихъ мѣръ должно считать изгнаніе евреевъ изъ деревень и запрещеніе имъ селиться въ нихъ впредь. Эта мѣра отняла у значительной доли еврейскаго населенія всѣ средства къ жизни и, сгустивъ безъ того густое населеніе еврейскихъ мѣстечекъ, породила то повальное нищество и ту изумительную способность жить ничѣмъ, которыя и до сихъ поръ составляютъ главную черту жизни польскихъ евреевъ, и которымъ по справедливости удивляются всѣ имѣвшіе случай посѣтить западный край.

Не менѣе поразили евреевъ указы, клонившіеся къ сближенію ихъ съ нееврейскимъ населеніемъ, какъ-то: о снятіи ихъ національной одежды и замѣненіи ея европейской, о сбритіи пейсовъ и т. п. Они смотрѣли на эти мѣры недовѣрчиво и враждебно, видѣли въ нихъ явное намѣреніе перекрестить всѣхъ евреевъ, то есть лишить ихъ религіи. Ходили слухи о томъ, что правительство будто-бы намѣрено помѣстить всѣхъ взрослыхъ еврейскихъ дѣвушекъ на фабрики, а мальчиковъ забрать въ солдаты,—вслѣдствіе чего спѣшили выдавать маленькихъ дѣвченокъ замужъ: это событіе извѣстно у евреевъ подъ именемъ «Бегулесъ» (терроръ)—словомъ, евреи были страшно напуганы этими указами: да и могло ли быть иначе при томъ жалкомъ суевѣріи, въ которомъ они коснѣли и которое необходимо вытекало изъ ихъ гражданскаго и экономическаго положенія? Но самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ несчастій, перенесенныхъ тогда евреями, была, безъ сомнѣнія, рекрутчина. Давно отвыкшій пользоваться правами гражданства, а потому и не считавшій себя никогда гражданиномъ родной земли,—еврей естественно долженъ былъ военную службу считать для себя боль-

шимъ несчастіемъ, даже при выгоднѣйшихъ условіяхъ; но при невозможности выслуги, при частыхъ и усиленныхъ наборахъ, причемъ брали и дѣтей, при законахъ о кантонистахъ, въ силу которыхъ дѣти солдата со всѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ обречены были на вѣчную службу, при законѣ «о пойманникѣ», по которому каждый еврей, обязанный идти въ солдаты, могъ вмѣсто себя поставить перваго встрѣчнаго еврея безъ паспорта — при всѣхъ этихъ условіяхъ рекрутчина приводила евреевъ въ отчаяніе и еще болѣе укрѣпила ихъ въ мысли о якобы враждебныхъ противъ нихъ цѣляхъ правительства.

Въ началѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія наборы рекрутъ изъ евреевъ сдѣлались особенно часты и жестоки. Случалось по два раза и болѣе въ годъ давать по 10 съ тысячи. Уныніе и отчаяніе распространились повсемѣстно. Ловцы—или ловщики, какъ ихъ называли евреи, посланные отъ многихъ кагаловъ для отыскиванія скрывающихся очередныхъ и пріисканія пойманниковъ, такъ и сновали по всѣмъ заселеннымъ евреями мѣстамъ Россіи. Они дѣйствовали съ неимовѣрною жестокостью, крадя дѣтей, хитростью или силой отнимая у перваго попавшагося простака паспортъ, чтобъ потомъ сдѣлать его пойманникомъ. Можно себѣ представить, какъ сильны были страданія евреевъ, породившія такія уродливыя общественныя явленія, какъ «ловцы»!.. Я самъ чуть было не сдѣлался жертвой этой рекрутчины, и исторія о томъ, какъ я выпутался изъ этого незавиднаго положенія, настолько интересна и поучительна, что ее стоитъ передать. Я разскажу ее безъ всякихъ прикрасъ, съ вѣрностью малѣйшимъ подробностямъ, глубоко врѣзавшимся въ мою память.

—

Отецъ мой жилъ въ Ростовѣ на Дону, честно занимался торговлей, и хотя не былъ богатъ, но пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, и мы были бы вполнѣ счастливы, еслибы надъ головами нашими не висѣлъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, «страхъ идущаго вдали пріема». Дѣло было вотъ въ чемъ. Отецъ мой былъ уроженцемъ западнаго края и былъ приписанъ къ еврейскому мѣщанскому обществу (Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губер-

ніи) мѣстечка Златополя; семейство наше стояло на очереди. Зная это, мы были въ постоянномъ страхѣ. Роковыя слова. пріемъ, очередь, рекрутъ не выходили изъ нашей памяти и служили темой для нескончаемыхъ разговоровъ и предметомъ горькихъ думъ и опасеній для нашей семьи. Но думами да опасеніями отдѣлаться было невозможно. объ этомъ все чаще и чаще начали напоминать намъ грозныя отношенія златопольскаго кагала, по поводу новаго набора въ 185... году. Отецъ мой рѣшился ѣхать въ Златополь хлопотать, сколько хватитъ силъ; но если хлопоты не помогутъ? Нужно будетъ отдать сына· — потому что о помайникѣ отецъ мой, какъ человѣкъ честный и притомъ мягкосердечный, не хотѣлъ и слышать. Приходилось отдать сына, но у отца моего ихъ было двое — я (мнѣ было тогда 19 лѣтъ) и старшій братъ мой, за годъ предъ тѣмъ женившійся. Родители мои хотѣли лучше жертвовать, въ случаѣ крайности, старшимъ сыномъ. онъ былъ простоватъ, скорѣе обѣщалъ быть батланомъ [1]), чѣмъ человѣкомъ дѣловымъ, да и женился-то онъ не совсѣмъ съ ихъ согласія; между тѣмъ какъ я былъ мальчикомъ живымъ и бойкимъ и тогда уже принималъ значительное участіе въ дѣлахъ моего отца Начинавшіе стараться родители стали видѣть во мнѣ подмогу на старости лѣтъ. Но я рѣшительно воспротивился такой вопіющей несправедливости, представлялъ различные доводы, между которыми главный былъ тотъ, что я холостъ и что, слѣдовательно, съ моей жизнью не связана ничья другая, а потому мнѣ легче будетъ переносить мои страданія; между тѣмъ какъ отдача брата въ рекруты навѣки погубитъ его ни въ чемъ неповинную жену и единственное дитя. Родители долго не соглашались; особенно много пришлось мнѣ бороться съ матерью, которая никакъ не могла помириться съ мыслью о вѣчной разлукѣ со мной, ея любимымъ сыномъ. Но я былъ непреклоненъ и настоялъ таки на своемъ. Запасшись деньгами, на сколько могли, мы поѣхали съ отцемъ въ Златополь. На дорогѣ намъ то-и-дѣло встрѣчались ловщики, зорко

---

[1]) Батланъ—непрактичный, недѣловой, иногда ученый человѣкъ.

слѣдившіе за всѣми проѣзжавшими евреями, нѣтъ-ли между ними бѣглыхъ, безпаспортныхъ и т. п.? Съ ужасомъ и внутреннимъ содраганіемъ всматривался я въ ихъ зловѣщія лица, не предвѣщавшія мнѣ ничего хорошаго...

Наконецъ мы пріѣхали въ Златополь, и первой нашей заботой, разумѣется, было взяться за дѣло. А дѣла было много. нужно было склонить на свою сторону съ одной стороны ближайшее начальство, преимущественно доктора, а съ другой — кагалъ озлобленный на моего отца за то, что послѣдній вырвался изъ своей прежней среды и жилъ гдѣ-то на лучшей сторонѣ. Кагалъ не могъ простить моему отцу и того, что послѣдній намѣревался сдѣлаться купцомъ, чтобъ избѣгнуть рекрутчины. Меня самого кагалъ тоже не долюбливалъ. До него дошли слухи о моей европейской одеждѣ и свободномъ образѣ мыслей. Все это нужно было уладить, успокоить, а кой гдѣ и подмазать. Отецъ мой, мало знавшій русскій языкъ и не привыкшій таскаться по присутственнымъ мѣстамъ, досталъ себѣ ходатая, нѣкоего ребъ Шлойме, славившагося въ мѣстечкѣ своимъ знаніемъ русскаго языка. Они раздѣлили между собою работу. Отецъ мой взялъ на себя переговоры съ кагаломъ, а р. Шлойме обѣщалъ уладить дѣло съ начальствомъ. Наступило мучительное время для моего отца· какъ шальной бѣгалъ онъ по городу по цѣлымъ днямъ, бросалъ деньгами, кланялся и унижался предъ всемогущими гвирами (богачами), власть которыхъ въ еврейскихъ городкахъ и мѣстечкахъ не имѣла тогда границъ. Они кормили его обѣщаньями, но ничего не дѣлали. Я между тѣмъ сидѣлъ взаперти и никогда не выходилъ, опасаясь насильственныхъ мѣръ со стороны кагала. Я проводилъ время въ грустномъ одиночествѣ, томительно ожидая исхода моего печальнаго положенія. Насталъ день пріема. Наканунѣ я мало спалъ ночью и всталъ рано утромъ. Я вспомнилъ, что этотъ день навѣки рѣшитъ мою участь, что отъ него зависитъ — быть ли мнѣ свободнымъ человѣкомъ, или навѣки разстаться съ моимъ семействомъ. Хотя р. Шлойме и увѣрялъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше, что мѣстныя власти на нашей сторонѣ, а докторъ обѣщалъ меня забраковать, но я сильно безпокоился. Я началъ припоминать

все слышанное мною о ходѣ дѣла: двухсмысленные отвѣты кагала, лукавые и запутанные разсказы нашего ходатая, и сомнѣнія мои еще болѣе усилились. Скоро пришелъ р. Шлеймеле вести меня къ пріему. Я далъ ему понять мои опасенія и высказалъ желаніе самому побывать у доктора—увѣриться, дѣйствительно-ли онъ держитъ нашу сторону. Желаніе это очень не понравилось моему ходатаю; онъ лѣзъ вонъ изъ кожи, чтобы доказать мнѣ безполезность и даже вредность такого поступка. «Кагалъ можетъ узнать—говорилъ онъ между прочимъ—о вашемъ посѣщеніи доктора, дать знать властямъ и забраковка признана будетъ недѣйствительной». Разумѣется, его адвокатское краснорѣчіе нисколько меня не убѣдило, но напротивъ возбудило во мнѣ еще больше подозрѣнія. «Р. Шлойме—сказалъ я—если вы со мной не пойдете, то я самъ пойду къ доктору». Хитрый р. Шлойме не сталъ болѣе противорѣчить, и мы отправились къ доктору. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ университетѣ. Когда мы вошли къ нему, я съ отцомъ сѣли въ передней, а р. Шлойме—въ первый разъ, какъ я узналъ послѣ—зашелъ къ нему въ комнату. Онъ пробылъ тамъ около четверти часа, а потомъ вышелъ къ намъ вмѣстѣ съ докторомъ. Посмотрѣвъ на меня, докторъ бросилъ недоумѣвающій взглядъ на р. Шлойме, увѣрявшаго его, что я калѣка, больной и никуда не гожусь. Онъ велѣлъ мнѣ раздѣться, что я исполнилъ. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ и не нашедъ во мнѣ никакого тѣлеснаго недостатка, докторъ обратился къ моему ходатаю, стоявшему тутъ-же въ уголку повѣся голову. «Да какъ ты смѣлъ, мерзавецъ, меня обманывать? Съ чего ты взялъ, что я измѣню моей присягѣ царю и отечеству и забракую такого здороваго парня? Вы хотите, чтобъ меня подъ судъ отдали»! Долго говорилъ онъ еще въ этомъ тонѣ и заключилъ слѣдующими словами: «Вонъ отсюда, и не смѣйте мнѣ показаться на глаза до пріема»! Можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа мы вышли оттуда. По выходѣ отъ доктора сердце р. Шлойме видимо было тронуто; онъ сознавалъ всю свою виновность предъ нами и, подумавъ немного, сказалъ: «есть еще средство уладить дѣло, попробуемъ». Средство состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать на доктора черезъ стряпча-

го, который жилъ въ его, р. Шлойме, домѣ и оказывалъ ему всякое покровительство.

На этотъ разъ р. Шлойме не обманулъ насъ, и старанія его, при помощи всемогущаго золота, увѣнчались успѣхомъ. Докторъ обѣщалъ забраковать меня, и я тогда только пошелъ къ пріему, когда въ этомъ вполнѣ убѣдился. Большая комната, назначенная для пріема, была полна рекрутами; на дворѣ и на улицѣ раздавались крики, вопли и рыданія ихъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей. Почти на всѣхъ лицахъ выражалось уныніе и отчаяніе. Наконецъ пришелъ докторъ. Рекруты начали раздѣваться и онъ ихъ осматривалъ. Одни съ восторгомъ отходили прочь, а другихъ отдавалъ цирюльнику... Лобъ! лобъ! лобъ!—раздавалось по комнатѣ. Слова эти всякій разъ сопровождались раздирающими сердце воплями въ передней, воплями, отъ которыхъ замирали сердца присутствующихъ, не исключая самихъ чиновниковъ. Одинъ только цирюльникъ, привыкшій къ подобнымъ сценамъ, и сердце котораго, казалось, было холоднѣе стали его бритвы, безчувственно принималъ рекрутъ и молча дѣлалъ свое дѣло, не обращая никакого вниманія на происходящее вокругъ него... Наконецъ очередь дошла до меня, и докторъ, такъ напугавшій меня утромъ, ловко сыгралъ свою новую роль. Осмотрѣвъ меня, онъ обратился къ чиновникамъ и патетически произнесъ: «какихъ негодныхъ рекрутъ они приводятъ! Чему онъ только не подверженъ»? продолжалъ онъ, указывая на меня, и пошелъ исчислять всѣ тѣ болѣзни, которымъ я подверженъ. Само собою разумѣется, что его слова были для меня и для всего присутствія китайской грамотой. Докторъ еще долго говорилъ на эту тэму, но мнѣ было не до его сценическихъ способностей. Не считая себя безопаснымъ въ Златополѣ, такъ какъ кагалъ имѣлъ право представить меня въ другой пріемъ, гдѣ меня бы конечно не забраковали, я изо всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы поскорѣе достать свидѣтельство о забраковкѣ, и такъ какъ мнѣ нужно было укрыться отъ кагала, который, зная о мѣстѣ моего пребыванія, при каждомъ наборѣ могъ меня вытребовать, то я поѣхалъ оттуда съ первой оказіей въ Кременчугъ, о которомъ зналъ тогда столько же, сколько о Парижѣ.

Прошло два года. Я началъ уже забывать о Златополѣ и моемъ пребываніи въ немъ, но златопольское еврейское общество не дремало и не забыло обо мнѣ. По существовавшему тогда закону, если очередной подвергался троекратной отмѣткѣ въ неявкѣ къ очереди по вызову кагала, то кагалъ имѣлъ право безотчетно отдать его въ рекруты. Пользуясь этимъ правомъ и желая имѣть во мнѣ вѣрнаго рекрута на будущее время, златопольскій кагалъ, не вызывая меня, ставилъ мнѣ роковыя отмѣтки. Насталъ 185... годъ. Слухи о новыхъ еще болѣе усиленныхъ наборахъ и опасенія пагубныхъ отмѣтокъ не на шутку всполошили нашу семью. Желая разъ навсегда покончить съ висѣвшей надъ нашимъ домомъ грозой, отецъ мой рѣшился еще разъ поѣхать въ Златополь и, во что бы то ни стало, выхлопотать себѣ выключку и сдѣлаться ростовскимъ купцомъ. Онъ поѣхалъ, взявъ съ собой весь свой незначительный капиталъ, состоявшій изъ 800 рублей. Прошло три мѣсяца со времени его отъѣзда. Въ письмахъ своихъ онъ извѣщалъ насъ, что дѣло идетъ хорошо, что кагалъ согласился дать ему выключку за 600 рублей, что эти деньги онъ уже отдалъ имъ, но что выключка по нѣкоторымъ обстоятельствамъ еще не готова. Но судя по тому, какъ долго тянулось дѣло и основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ письма отца, я начиналъ догадываться, что отецъ мой, человѣкъ прямой и неопытный въ кляузахъ, просто напросто обманутъ кагаломъ. Чѣмъ болѣе длилось дѣло, тѣмъ болѣе росли и крѣпли мои подозрѣнія. Мучимый неизвѣстностью, я—тогда комми въ одномъ значительномъ торговомъ домѣ въ Одессѣ—рѣшился бросить мои дѣла и самому поѣхать въ Златополь. Извѣстивъ объ этомъ отца и взявъ съ собою сколько возможно денегъ, я пустился въ путь. Для развлеченія на дорогѣ я взялъ съ собою двухъ отставныхъ солдатъ изъ евреевъ, шедшихъ домой съ Кавказа. Я сказалъ уже, что кагалъ имѣлъ право насильно отдать меня въ рекруты, а потому я рѣшился пріѣхать въ Златополь инкогнито. Съ этой цѣлью я въѣхалъ въ городъ ночью, и на еврейскомъ постояломъ дворѣ—другихъ не было въ городѣ—я выдалъ себя за русскаго купца, ѣдущаго въ Смѣлу (мѣстечко въ Кіевской губерніи) покупать сахаръ для арміи, чтобы такимъ обра-

зомъ избѣгнуть разспросовъ. Средство это однако оказалось недостаточнымъ; хозяинъ неудовлетворился моимъ показаніемъ и освѣдомлялся у солдатъ, моихъ спутниковъ. кто я и чѣмъ занимаюсь. Но я и это предвидѣлъ и строжайше наказалъ имъ — не проболтаться. Въ полночь я расплатился съ хозяиномъ и выѣхалъ со двора. Чтобы еще болѣе увѣрить хозяина въ томъ, что я ѣду въ Смѣлу, я спросилъ у него дорогу. Недовольствуясь объясненіемъ, онъ вышелъ за ворота показать мнѣ дорогу — очевидно для того, чтобы посмотрѣть, куда я ѣду. Я поѣхалъ въ указанную имъ сторону и проѣхалъ по этому направленію нѣсколько верстъ, а потомъ уже поворотилъ назадъ, направился въ городъ съ другой стороны и заѣхалъ къ знакомому мнѣ еврейскому купцу. Такимъ образомъ я, кажется, принялъ всевозможныя предосторожности, чтобы остаться неизвѣстнымъ златопольскимъ евреямъ; но пытливость и догадливость польскаго еврея по истинѣ изумительны, и никакія предосторожности не скроютъ отъ него того, что онъ захочетъ узнать. Рано утромъ отецъ мой — котораго я черезъ одного изъ солдатъ увѣдомилъ о моемъ пріѣздѣ—входитъ ко мнѣ съ встревоженнымъ видомъ и говоритъ, что трое десятскихъ ожидаютъ моего пробужденія, чтобъ вести меня къ становому приставу. Дѣло объяснилось потомъ слѣдующимъ образомъ. Хозяинъ постоялаго двора, не смотря на всѣ мои предосторожности, смекнулъ, что придуманный мною предлогъ путешествія ложенъ, что для русскаго купца нѣтъ выгоды ѣздить въ Смѣлу покупать сахаръ; къ тому же, хотя я былъ бритъ и носилъ европейскую одежду, онъ узналъ во мнѣ еврея. Вслѣдствіе всего этого, когда онъ указалъ мнѣ ночью дорогу, онъ слѣдилъ за нами, видѣлъ какъ мы повернули въ городъ и куда заѣхали. Потомъ, разумѣется, подозрѣнія его еще болѣе усилились. Ему пришло на мысль, что я промышляю фальшивыми ассигнаціями. Онъ далъ знать объ этомъ становому писарю, который послалъ за мной солдатъ. Не зная еще обо всемъ этомъ, я поспѣшно одѣлся и отправился. Войдя къ становому на дворъ, я былъ непріятно изумленъ, увидѣвъ весь дворъ наполненный евреями, прибѣжавшими посмотрѣть, какъ «Одесситъ» ускользнетъ изъ рукъ грознаго писаря. Вхожу я въ домъ и вижу

въ передней моихъ солдатъ, только что надѣвающихъ штаны. Ясно, что ихъ обыскивали. Меня такъ и взорвало. Разгнѣванный вхожу въ присутствіе. Писарь, занятый надъ бумагами, поднялъ на меня глаза и видимо смутился. Онъ ожидалъ встрѣтить польскаго бахура (молодого еврея), съ длинными пейсами, въ длинномъ халатѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, и, увидѣвъ меня, оробѣлъ. Онъ не зналъ какъ начать рѣчь и молчалъ. Я простоялъ нѣсколько минутъ предъ нимъ. Мнѣ это наскучило, и я обратился къ нему за объясненіемъ: «Зачѣмъ вы меня звали»? спросилъ я. Писарь, оскорбленный этой неожиданной отъ еврея дерзостью, принялъ строгій видъ и сказалъ: «кто вы»?— «Если вы не знаете, кто я, зачѣмъ же вы меня звали»? спросилъ я опять. — «Я знаю, конечно, кто вы, но мнѣ нужно узнать это отъ васъ»—сказалъ писарь.—«Я Янкель Б., златопольскій мѣщанинъ, въ чемъ удостовѣряетъ мой паспортъ». При этихъ словахъ я подалъ писарю паспортъ. Пробѣжавъ его глазами, онъ окончательно растерялся. Считая меня уроженцемъ далекихъ странъ, ѣдущимъ Богъ вѣсть откуда и Богъ вѣсть куда, онъ думалъ съ этой стороны начать атаку; узнавъ же, что я здѣшній, онъ не зналъ что дѣлать со мной. — «Однакожъ, проговорилъ онъ нерѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія—что значатъ ваши разъѣзды, и откуда взяли вы, ѣдучи изъ Ростова, этихъ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ идетъ изъ Сухумъ-Кале, а другой изъ Ставрополя? Тутъ что нибудь да кроется»—прибавилъ онъ. «Очень просто—отвѣчалъ я: ѣду сюда изъ Ростова на родину по своимъ дѣламъ. Что касается солдатъ, то идущій изъ Сухумъ-Кале нашелъ другаго въ Старополѣ, и оба нагнали меня въ Ростовѣ. Я взялъ ихъ съ собой для компаніи. Вотъ и все».—«Хорошо, можете пойти себѣ домой, сказалъ писарь, а когда будетъ надобность мы пошлемъ за вами»— прибавилъ онъ, не желая совсѣмъ уронить себя. Я поклонился и вышелъ. Таковъ былъ мой дебютъ въ Златополѣ—дебютъ, не предвѣщавшій мнѣ ничего особенно хорошаго. Происшествіе это всполошило златопольскій кагалъ, знавшій свою виновность передо мной и увидѣвшій теперь, что я не изъ робкаго десятка. Въ тотъ-же день кагалъ прислалъ за мной своего десятскаго, еврейскаго сол-

дата, позвать меня на сходку. Рѣшившись принять въ отношеніи къ кагалу независимое положеніе, я не пошелъ ни въ первый, ни во второй разъ, отговариваясь тѣмъ, что не имѣю никакого дѣла; на самомъ же дѣлѣ я думалъ дѣйствовать черезъ отца и невидимо руководить дѣло. Но кагалъ далъ мнѣ понять, что онъ проникъ мои намѣренія, и, уступая необходимости, я пошелъ на сходку послѣ третьяго приглашенія. Сходка происходила въ домѣ одного изъ кагальныхъ, содержавшаго тутъ-же въ своемъ домѣ кабакъ. На скамьяхъ, вокругъ длиннаго стола, сидѣлъ кагалъ, а хозяинъ дома прохаживался по комнатѣ, засунувъ руки въ надѣтый сверхъ кафтана люстриновый поясъ. Вошедъ, я сталъ поодаль, не снимая шубы и не сказавъ обычнаго привѣтствія: Гитъ Гельфъ! (да поможетъ вамъ Богъ)! «Зачѣмъ вамъ угодно было звать меня»? спросилъ я.—«Садитесь къ столу»—сказалъ мнѣ одинъ кагальный, указывая на незанятый стулъ.— «Знаю зачѣмъ вы меня просите сѣсть, закричалъ я, чтобъ подбросить мнѣ серебрянную ложку и затѣмъ сказать, что я укралъ ее; такія происшествія случались нерѣдко; знаю я васъ, подлецы, мошенники; вы ограбили моего отца на 600 рублей, теперь вы хотите и со мною сдѣлать тоже! Нѣтъ, вамъ не удастся провести меня» — прибавилъ я, ударивъ кулакомъ о столъ. Поднялся гвалтъ, шумъ и гамъ. «Ага, Рабоссай (господа), закричалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, я сказалъ вамъ, что этотъ дерзкій гой не послушается насъ»! — «Въ такомъ случаѣ, съ нимъ надобно поступить, какъ мы прежде говорили»—громко произнесъ хозяинъ, чтобы напугать меня. Но я не испугался, а кричалъ и шумѣлъ пуще прежняго, и тогда десятскіе, по приказу кагала, отвели и заперли меня въ кагальную яму, т. е., въ сосѣднюю комнату. Кагалъ дѣйствительно имѣлъ по закону право поступать такъ. Я просидѣлъ тамъ около получаса, а кагалъ между тѣмъ совѣтовался, что дѣлать со мной. По окончаніи совѣщанія меня опять привели туда. Одинъ изъ представителей началъ было угрожать мнѣ; я не удержался и возражалъ ему. Ссора опять готова была вспыхнуть, но старшій кагальный унялъ насъ. «Брань и ссоры—сказалъ онъ—ни къ чему хорошему не поведутъ насъ; вы хотите выключки, ребъ Янкель,

мы согласны дать ее, но согласитесь сами, увольняя очередную семью, мы подвергаемъ дѣтей нашихъ рекрутчинѣ, и надобно же, чтобъ мы были вознаграждены за такую потерю». — «Это другое дѣло, отвѣчалъ я; но съ тѣмъ, чтобы вы дѣлали, а не принимали денегъ даромъ, какъ у моего отца». Пошли торги. Кагалъ запросилъ 800 руб.; я не хотѣлъ давать больше 300. Наконецъ мы сошлись на четырехъ стахъ. Эти деньги я долженъ былъ отдать на сохраненіе, до полученія выключки, одному изъ нашихъ родныхъ, которому мы ровно довѣряли. Снаряженъ былъ депутатъ отъ кагала ѣхать съ отцомъ моимъ въ Кіевъ хлопотать. Этому депутату я далъ на расходы по дѣлу 100 рублей, и они поѣхали.

Я остался, такимъ образомъ, одинъ въ Златополѣ, среди чуждаго и враждебнаго мнѣ населенія. Я жилъ въ домѣ одного давно знакомаго мнѣ еврейскаго купца, человѣка образованнаго и благомыслящаго, который держался вдалекѣ отъ златопольскихъ евреевъ и былъ нелюбимъ ими. Я проводилъ большую часть времени въ лавкѣ моего хозяина. Кромѣ того, я выходилъ каждый день на базарную площадь, смотрѣлъ на торговлю, и этимъ развлекалъ себя немного. Разъ, въ пятницу, я вышелъ, по обыкновенію, на площадь. Нечаянно взглянулъ я на противоположную сторону улицы и увидѣлъ рыжаго еврея съ длинной бородой и въ длинномъ халатѣ. Меня невольно покоробило. Не знаю отчего, но мнѣ сейчасъ пришло на мысль, что еврей этотъ стоитъ здѣсь только ради меня, и что онъ слѣдитъ за мной. Чтобъ узнать, справедливо ли мое опасеніе, я перешелъ на другой конецъ улицы; гляжу—рыжій еврей тоже перешелъ и сталъ передо мной. Перехожу на другую улицу—онъ за мной Встревоженный и взволнованный ушелъ я въ лавку къ моему хозяину и разсказалъ ему про странную встрѣчу. Я успѣлъ замѣтить, что и ему эта исторія не совсѣмъ понравилась, но онъ всячески старался разсѣять мои опасенія, говоря: «вѣроятно вашъ рыжій спутникъ любопытствовалъ разсмотрѣть невидимое имъ чудо: бритаго еврея въ европейской одеждѣ». Аргументъ этотъ немного успокоилъ меня. Черезъ нѣсколько часовъ мы заперли лавку и пошли домой обѣдать. Сидимъ мы вокругъ стола и разсуждаемъ о нашемъ дѣлѣ, о томъ, что отъ отца нѣтъ никакой вѣсти, хотя про-

шли уже три недѣли со времени его отъѣзда. Предъ нами стоялъ пирогъ и россель флейшъ (родъ жаркаго), обыкновенныя блюда евреевъ въ эревъ шабесъ (канунъ субботы—пятница). Хозяинъ, сидѣвшій лицомъ къ двери, вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно: дверь отворилась, и на порогѣ показалась зловѣщая фигура десятскаго. «Что тебѣ нужно, Михель?» спросилъ хозяинъ. — «За ними вотъ прислали»—отвѣчалъ онъ, указывая на меня. «Кто прислалъ?» — «Исправникъ». — «Знаешь что, Михель — сказалъ хозяинъ, боявшійся пустить меня одного — иди скажи исправнику, что я самъ приведу его; вѣдь онъ меня знаетъ». — «Вы знаете, р. Шмуель, отвѣчалъ солдатъ, что я всегда готовъ васъ слушаться, но теперь не могу. Исправникъ строжайше заказалъ мнѣ, не явиться ему на глаза безъ нихъ; къ тому же, здѣсь еще со мной трое русскихъ, которые ни за что не уйдутъ отсюда безъ нихъ». Дѣлать было нечего. Я всталъ изъ-за стола, а за мной и добрый мой хозяинъ. Онъ насилу выпросилъ у солдатъ, чтобы они позволили мнѣ идти съ нимъ по другой сторонѣ улицы. Мы вошли къ исправнику и просидѣли нѣсколько минутъ въ передней, дальше которой не проникнулъ еще ни одинъ златопольскій еврей. Но я дерзнулъ однакожъ проникнуть дальше въ святилище начальства, отворилъ дверь и смѣлой ногой вошелъ въ пріемную. Въ ожиданіи исправника я сѣлъ на диванъ; я терялся въ догадкахъ—зачѣмъ могъ меня призвать исправникъ, и имѣетъ ли это какую нибудь связь съ рыжимъ евреемъ, такъ напугавшимъ меня своей неотвязчивостью?

Но вотъ послышались твердые, скорые шаги; дверь отворилась, вошелъ исправникъ. Признаюсь, я струсилъ при видѣ его, и было отъ чего. Онъ былъ мужчина сильный и дородный, съ гордой походкой, повелительнымъ и жестокимъ выраженіемъ лица; я слышалъ, что онъ имѣлъ сильную наклонность давать пощечины своимъ подчиненнымъ, особенно евреямъ; видъ его подтверждалъ эти слухи. Я замѣтилъ, что онъ приготовился встрѣтить меня кулаками, но здѣсь повторилась таже исторія, что съ становымъ писаремъ: видъ мой нѣсколько обезоружилъ его. Нѣсколько времени смотрѣлъ онъ на меня молча и потомъ сказалъ: «Такъ это вы тотъ господинъ»?— «Какой господинъ»?—спросилъ я.—«Знаю, пріѣхалъ сюда штуки

творить, все знаю» — «Помилуйте, В. В., отвѣтилъ я, никакихъ штукъ я не творю, а пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобъ исключиться изъ здѣшняго мѣщанскаго еврейскаго общества, чтобы сдѣлаться купцомъ».—«Ишь, купцомъ хочетъ сдѣлаться, да не думаешь ли ты,—онъ попеременно говорилъ мнѣ то «ты», то «вы»—что я тебя такъ пропущу... «Все знаю» — прибавилъ онъ значительно. Эти постоянные намеки на знаніе чего-то въ сущности указывали на полнѣйшее незнанье, но мнѣ было не до того, чтобы сообразить это. Постоянно занятый мыслью о козняхъ кагала и роковыхъ отмѣткахъ, мнѣ почудилось, что исправникъ узналъ отъ кагала объ отмѣткахъ. Я отозвалъ въ сторону моего хозяина, присутствовавшаго при всей этой сценѣ, выразилъ ему мои опасенія и необходимость подмаслить исправника. Онъ вызвался быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, отозвалъ исправника въ другую комнату и обѣщалъ дать ему 25 рублей, чтобъ онъ отпустилъ меня.

Услышавъ это, исправникъ, до сихъ поръ ничего не знавшій обо мнѣ положительнаго, понялъ, что у меня есть грѣхъ на душѣ, отказался на-отрѣзъ отпустить меня менѣе, чѣмъ за 300 рублей. Я хотѣлъ дать уже 50 руб., но исправникъ твердилъ одно: «дай, дескать, 300 руб., а не то — я все знаю» и т. д. Я началъ наконецъ догадываться, что онъ ничего не знаетъ, и пристадъ къ нему за объясненіями: зачѣмъ онъ требовалъ меня; онъ кричалъ, шумѣлъ, отнѣкивался, и наконецъ велѣлъ мнѣ пойти въ канцелярію, ждать его тамъ. Пошелъ я въ канцелярію, а за мной десятскіе, чтобъ показать дорогу; къ величайшему моему изумленію я замѣтилъ, что мы минули двери канцеляріи, и что солдаты ведутъ меня куда-то дальше. Спрашиваю: куда?—«Въ тюрьму»—говорятъ.—«Да какъ вы смѣете—вѣдь исправникъ велѣлъ въ канцелярію идти»!—«Намъ, говорятъ, велѣлъ въ тюрьму вести васъ».—«Хорошо, говорю, пойдемъ къ исправнику». Я думалъ, что здѣсь недоразумѣніе.

Вхожу къ исправнику, начинаю жаловаться; «да я, говоритъ, въ канцелярію велѣлъ вести васъ». Вышелъ я торжествующимъ; подходимъ мы къ канцеляріи, я хочу войти, солдаты опять ведутъ меня дальше. Я вышелъ изъ себя, началъ кричать, ругать сол-

датъ, самовольно сажающихъ меня въ тюрьму, и метаться изо всѣхъ силъ. Но тутъ одинъ изъ десятскихъ, еврей, возмолился «не погубите, говоритъ—отецъ родной! Вы знаете его (исправника), какой это злодѣй; вамъ онъ говоритъ въ канцелярію, а намъ мигнулъ въ темную, значитъ, его; и если мы не поведемъ васъ туда теперь, онъ засѣчетъ насъ до смерти». Вижу, дѣлать нечего; я сдался; десятскій отворилъ тюрьму, втолкнулъ меня туда со словами: «на, вотъ тоби, Степанъ»! Степанъ, рослый, здоровый сѣдой солдатъ, лѣниво поднялся со скамьи, полюбопытствовалъ взглянуть на меня, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ большой заржавѣлый ключъ, подошелъ къ массивной дубовой двери и отворилъ ее. Ворвавшаяся полоса свѣту освѣтила длинную, совершенно темную комнату, которой стѣны и потолокъ были совершенно мокры и покрыты отвратительными бѣлыми тараканами и разными насѣкомыми... Сначала я подумалъ, что это ужасное мѣсто совершенно необитаемо, но звонъ цѣпей разувѣрилъ меня въ этомъ. Я всмотрѣлся ближе и увидѣлъ въ глубинѣ сцены лежащаго на полу человѣка, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Услышавъ скрыпъ отворяющейся двери, онъ повернулъ къ намъ свое лицо; оно было страшно изнуренное. Но между тѣмъ какъ я предавался грустнымъ размышленіямъ о судьбѣ этого несчастнаго, сторожъ подошелъ ко мнѣ, безцеремонно взялъ меня за руку и, указывая на отворенную дверь, произнесъ монотонное: ступай! Можете себѣ вообразить, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это одно слово. Какъ, я, ни въ чемъ неповинный, по крайней мѣрѣ предъ тѣмъ, кто засадилъ меня сюда, долженъ лежать Богъ знаетъ, сколько въ этой отвратительной конурѣ, въ обществѣ этого ужаснаго человѣка, вѣроятно, уголовнаго преступника. Я рѣшительно объявилъ сторожу, что не пойду туда, что просижу сколько ему угодно, только въ передней комнатѣ. Онъ прежде ничего было не хотѣлъ и слышать: «знаемъ, говоритъ, про то; коли къ намъ кто попался, то не прогнѣвайся; панивъ тутъ нема». Но я твердо стоялъ на своемъ, и то просьбами, то угрозами убѣдилъ его оставить меня [illegible] покамѣстъ. Но что-то будетъ ночью, думалъ я. Сторожъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что на ночь онъ запретъ меня въ тюрьмѣ. «

не спать мни цѣлу ночь сторожить тебе», резонно прибавилъ онъ. Мысль о предстоящемъ ночлегѣ не покидала меня; я ни о чемъ другомъ не думалъ, и готовъ былъ отдать что только могъ за то, чтобъ не ночевать въ ужасной тюрьмѣ. Думалъ я дать о себѣ вѣсть кому нибудь, да не съ кѣмъ было. Я не видѣлъ средства избѣгнуть страшнаго ночлега, а мнѣ казалось, что я не переживу этой ночи. Но Богъ послалъ мнѣ помощь въ лицѣ добраго моего хозяина. Видя, что я долго не возвращаюсь, онъ заперъ лавку, пошелъ къ исправнику, узналъ тамъ отъ десятскихъ о мѣстѣ моего пребыванія и пришелъ меня утѣшить. Я разсказалъ ему о вѣроломствѣ исправника и объ ужасномъ моемъ ночлегѣ. Такъ какъ начинало уже темнѣть, то мы рѣшили дальнѣйшіе хлопоты оставить до завтра; что касается ночлега, то хозяинъ мой нашелъ хорошее средство. Здѣсь же на дворѣ жилъ волостной писарь, хорошій человѣкъ, съ которымъ мой хозяинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ моего патрона писарь согласился дать мнѣ переночевать, взявъ съ меня честное слово, что я не уйду, и что никому не скажу потомъ, чтобъ не навлечь на него гнѣвъ исправника. Немалаго труда стоило намъ уговорить непреклоннаго Степана, чтобъ онъ согласился выпустить меня; наконецъ и это было улажено, когда волостной писарь поручился за меня. Такимъ образомъ я переночевалъ у писаря и чуть свѣтъ возвратился на свое мѣсто. Между тѣмъ хозяинъ мой не дремалъ и нашелъ новое средство спасти меня изъ рукъ исправника. Въ то время, да и теперь еще отчасти, въ Златополѣ процвѣтала фамилія богатыхъ купцовъ-евреевъ N. Пользуясь значительнымъ вліяніемъ, которое дается деньгами въ этомъ бѣдномъ краю, купцы N. часто помогали въ нуждѣ бѣднымъ собратьямъ, особенно въ дѣлахъ тяжебныхъ, такъ какъ они имѣли большое вліяніе на весь чиновный людъ. Вотъ къ этимъ-то N. обратился мой хозяинъ, при содѣйствіи ихъ бухгалтера, прекрасно образованнаго человѣка, принимавшаго во мнѣ живѣйшее участіе. Выхлопотали у одного изъ N. записку къ исправнику. Записка, какъ видно, была грозная, потому что при полученіи ея исправникъ встрепенулся и поспѣшилъ самъ увѣдомить меня о моемъ освобожденіи. Онъ былъ очень удив-

ленъ, увидѣвъ меня сидящимъ въ передней, а не въ темной, какъ онъ велѣлъ; я думаю, сторожу хорошо досталось потомъ за меня; но онъ еще болѣе былъ удивленъ, когда я, увѣдомленный уже о ходѣ дѣла моимъ хозяиномъ, при входѣ его не всталъ съ мѣста и не поклонился ему. Онъ покраснѣлъ со злости, и еслибъ не записка N., то рука его навѣрно очутилась бы на моей щекѣ. «Вы можете пойти себѣ» — произнесъ онъ скороговоркой, и вышелъ на дворъ. Но я не спѣшилъ. Замѣтивъ, что я еще не вышелъ, исправникъ, поскорѣй хотѣвшій отдѣлаться отъ меня, чтобъ снять отвѣтственность передъ N., зашелъ ко мнѣ и нетерпѣливо, но сдержанно-кротко проговорилъ: «да вѣдь я вамъ сказалъ, что вы можете идти себѣ». — «Да у меня есть время, отвѣчалъ я, еще пойду», и, погодя еще немного, ушелъ домой. Теперь только узналъ я, что рыжій еврей, слѣдившій за мною вчера утромъ, состоялъ мосеромъ (доносчикомъ) при исправникѣ; узнавъ о моемъ дѣлѣ съ кагаломъ и о моемъ будто бы богатствѣ, онъ посовѣтывалъ исправнику подъ какимъ нибудь предлогомъ взять да прижать меня: «человѣкъ, молъ, съ амбиціей, осрамиться не захочетъ, ну и дастъ сотнягу, другую, не поскупится».

На другой день я, чтобы кольнуть исправника, пошелъ къ нему благодарить за оказанныя мнѣ услуги. Вхожу я къ нему и вижу на лицѣ его промелькнуло неудовольствіе и досада: ему было жаль 50-ти рублей, которые я хотѣлъ уже дать ему ни за что, ни про что. «Что вамъ угодно?» спрашиваетъ онъ меня. «Чувствуя, говорю, вашу доброту ко мнѣ, пришелъ отблагодарить васъ», при этомъ вынимаю полуимперіалъ, и тычу ему въ руки. Онъ началъ щупать. «Что вы щупаете?» спросилъ я. «Я думалъ, что здѣсь по крайней мѣрѣ два», отвѣчалъ онъ. «Было бы, говорю, и больше, еслибъ вы знали, какъ обходиться съ людьми, да теперь только одинъ...» Съ этими словами я, не поклонившись, вышелъ вонъ. Такъ кончилось это пріятное приключеніе.

Между тѣмъ прошли три недѣли со времени отъѣзда моего отца съ депутатомъ отъ кагала въ Кіевъ, а отъ нихъ ни слуху, ни духу. Я начиналъ тревожиться и думать о томъ, чтобы самому ѣхать въ Кіевъ. Но сдѣлать это открыто было невозможно, потому

*

что стоглазый аргусъ-кагалъ слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ и, узнавъ о моей поѣздкѣ въ Кіевъ, которая, натурально, была противна его интересамъ, онъ не преминулъ бы задержать меня, пользуясь закономъ данной ему властью надъ очередными. Вотъ почему я никому не сообщалъ своей мысли о поѣздкѣ. Поручивъ моему хозяину слѣдить за ходомъ дѣла здѣсь и увѣдомлять меня о намѣреніи кагала, я въ одно воскресенье до зари выѣхалъ изъ Златополя въ Кіевъ. Опасаясь погони со стороны кагала и желая какъ можно скорѣе быть въ Кіевѣ, я гналъ лошадей немилосердно и нигдѣ не останавливался, такъ что одна лошадь упала на дорогѣ, а остальныя двѣ насилу дотащили меня до Кіева и тамъ легли. Первымъ долгомъ моимъ по пріѣздѣ въ Кіевъ было отыскать квартиру моего отца. Это было не трудно, такъ какъ евреи могли жить тогда въ Кіевѣ только въ одномъ подворьѣ, но видѣться съ нимъ было гораздо труднѣе, потому что я не хотѣлъ, чтобы депутатъ-ходатай, посланный отъ кагала съ моимъ отцомъ, и жившій вмѣстѣ съ нимъ,—узналъ о моемъ пріѣздѣ. Переждавъ около воротъ въ скрытномъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, я улучилъ минуту, когда отецъ вышелъ со двора одинъ. Я разговорился съ нимъ о дѣлѣ. Онъ увѣрялъ меня, что оно идетъ хорошо; что всѣ тѣ, отъ которыхъ оно сколько-нибудь зависитъ, на нашей сторонѣ, за исключеніемъ одного совѣтника, который, неизвѣстно почему, не хочетъ подписать выключку, что поэтому онъ не писалъ мнѣ, ожидая окончанія дѣла. Наученный горькимъ опытомъ не довѣрять кагалу и его представителямъ, я спросилъ отца, былъ-ли онъ самъ у этого совѣтника? Онъ отвѣтилъ утвердительно, но какъ-то сквозь зубы, такъ что я усумнился. Мы просидѣли до поздней ночи, соображая и обдумывая, что дѣлать. На другой день утромъ я пошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, которые могли помочь мнѣ въ дѣлѣ; между прочимъ я былъ въ конторѣ купцовъ N., къ управляющему которой я имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего хозяина изъ Златополя. Прогулявшись такимъ образомъ по городу, я около полудня воротился на квартиру и засталъ тамъ моего отца. Съ встревоженнымъ видомъ отецъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь былъ господинъ въ квартирѣ и спрашивалъ меня. По описанію отца я

узналъ въ этомъ человѣкѣ управляющаго конторой N. Спѣшу въ контору. Управляющій выходитъ ко мнѣ на встрѣчу и съ сострадательнымъ видомъ вручаетъ мнѣ письмо, только что полученное съ нарочнымъ изъ Златополя. Раскрываю печать и читаю слѣдующее: «Милый другъ Я. Б.! Увѣдомляю тебя, что нашъ кагалъ, узнавъ спустя день о твоемъ отъѣздѣ, пришелъ въ ярость и послалъ за тобой погоню съ тѣмъ, чтобъ, во что бы то ни стало, отыскать тебя и немедленно отдать въ рекруты безотчетно, какъ отмѣченнаго въ неявкѣ и укрывательствѣ отъ рекрутчины, а потому, по полученіи сего, лемаанъ Гашемъ (ради Бога) немедленно уѣзжай изъ Кіева куда нибудь. При семъ присылаю письмо отъ N. къ управляющему его конторой въ Кіевѣ. Онъ будетъ помогать тебѣ чѣмъ можетъ. Твой другъ М. Л.» Замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня это письмо, управляющій съ участіемъ сказалъ: «Такъ какъ N. поручилъ мнѣ помогать вамъ всѣми зависящими отъ меня средствами, то будьте столь добры и объясните мнѣ ваше дѣло». Я разсказалъ ему отъ начала до конца. Управляющій выразилъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли совѣтникъ, о которомъ шла рѣчь, не хочетъ подписать выключку, такъ какъ онъ зналъ его съ хорошей стороны. Мы вмѣстѣ съ управляющимъ поѣхали къ ходатаю отъ кагала, отобрали отъ него надлежащія свѣдѣнія о ходѣ дѣла, потомъ отправились къ совѣтнику. Оказалось, что ходатай не былъ у него вовсе, чтобы оставить лазейку и не дать намъ ускользнуть изъ рукъ кагала. Когда совѣтнику объяснили въ чемъ дѣло, онъ, не медля ни минуты, подписалъ требуемую бумагу, разумѣется за порядочный кушъ. Я сейчасъ же выѣхалъ изъ Кіева окольной дорогой, боясь встрѣчи съ сыщиками кагала, которые и теперь еще могли оковать и увести меня, такъ какъ у меня еще не было купеческаго паспорта. Я поспѣшилъ въ Звенигородку (къ уѣзду которой принадлежитъ Златополь). Спѣшу въ думу и показываю выключку писарю, моему дальнему родственнику, который не мало повредилъ мнѣ въ моемъ дѣлѣ, и прошу у него паспортовъ для меня и отца. Понимая, что они мнѣ нужны какъ можно скорѣе, онъ говоритъ, что ему нѣкогда, чтобъ я пришелъ завтра. Онъ очевидно желалъ подарочка,

но кошелекъ мой совершенно былъ истощенъ, и я рѣшился ждать завтрашняго дня. На другой день я пришелъ въ думу и нашелъ тамъ бахура, стоящаго у стола возлѣ писаря, пишущаго что-то. Я заглянулъ въ бумагу, вижу — паспортъ на имя Леви-Ицка Файтельса. Я приталъ къ писарю, опять отнѣкиванья и откладыванья. Раздосадованный пошелъ я домой и разсказалъ отцу, который между тѣмъ тоже пріѣхалъ. «Какому-то Леви-Ицку Файтельсу, говорю, даютъ паспортъ, а намъ не даютъ».—«Что ты говоришь? воскликнулъ отецъ:—Леви-Ицекъ Файтельсъ мѣсяцъ тому назадъ умеръ въ Златополѣ, и я самъ былъ на его похоронахъ!» Я тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло. «Постойте же, думаю себѣ. Научу я васъ», и сейчасъ пошелъ въ думу. Я засталъ еще писаря за прежней бумагой. Улучивъ минуту, когда писарь отвернулся, я схватилъ бумагу и закричалъ: «Дадите-ли вы мнѣ паспортъ, а не то я васъ... Фальшивые паспорты выдаете, а мнѣ не хотите дать!» Услышавъ это, бахуръ убѣжалъ, секретарь поблѣднѣлъ, а писарь затрясся всѣми членами. «Да мы дадимъ вамъ паспорты сейчасъ же, только»... «Нѣтъ, сказалъ я, паспорты вы и безъ того должны дать мнѣ, а неугодно ли вамъ выслушать меня»; при этомъ я отвелъ писаря въ сторону. «Вы знаете, началъ я, что я потратилъ на вашу братію кагалъ болѣе 1,000 рублей, теперь я остался безъ копѣйки, а намъ нужно проѣхать не малую дорогу. Я даю вамъ избрать одно изъ двухъ: или возвратите намъ изъ взятыхъ у меня и отца моего денегъ — пятьдесятъ рублей, и я возвращу фальшивый паспортъ, и больше ни слова объ этомъ; или же я представлю эту бумагу (я указалъ на фальшивый паспортъ) куда слѣдуетъ, и тогда —.вы знаете, что будетъ!» Смущенный писарь пошелъ къ секретарю; они посовѣтовались; потомъ онъ побѣжалъ домой и что-жъ вы думаете?—принесъ 50 рублей и отдалъ ихъ мнѣ вмѣстѣ съ изготовленными сейчасъ же паспортами; я отдалъ ему фальшивый паспортъ, и мы разстались.

На другой день я навѣки распростился съ ненавистнымъ мнѣ Златополемъ. И конецъ! безъ сомнѣнія, думаете вы. Не совсѣмъ. Прошли два года. Отецъ мой, сильно потрясенный этимъ несчастнымъ дѣломъ, умеръ годъ спустя. Я между тѣмъ женился, пере-

селился въ К. и завелъ собственную торговлю. Вотъ сижу я разъ въ своей лавкѣ, да свожу счеты. Входитъ знакомый мнѣ частный приставъ· «Къ вамъ, говоритъ, Яковъ Григорьичь, дѣло есть».— Спрашиваю· что за дѣло?—«Отношеніе отъ златопольскаго еврейскаго кагала о взиманіи подати съ мѣщанина Янкеля Б. за нѣсколько лѣтъ».—«Да Богъ съ вами, говорю, я вѣдь уже два года купецъ, прежде ростовскій, а теперь здѣшній».—«Знаю, говоритъ, да вѣдь вы Я. Б.».— «Я», говорю. Пошли толки. Я какъ-то отдѣлался на этотъ разъ. Но чрезъ нѣсколько дней частный приставъ опять у меня. «Пишите, говоритъ, отъ себя отвѣтъ златопольскому обществу». Я зналъ, конечно, что мнѣ стоитъ только послать грозное отношеньице, и дѣло затихнетъ; но не хотѣлось опять заводить дѣло съ кагаломъ. Однако отношенія кагала дѣлались все болѣе и болѣе грозными, а частный приставъ слишкомъ часто сталъ показываться въ моемъ домѣ, и я придумалъ средство разомъ отдѣлаться отъ нихъ обоихъ. Разъ частный приставъ пришелъ ко мнѣ съ новымъ отношеньицемъ изъ Златополя, и по обыкновенію началъ убѣждать меня въ необходимости завести тяжбу съ кагаломъ. «Хорошо, говорю; до сихъ поръ дѣла не позволяли мнѣ заняться этимъ, но теперь я свободенъ и напишу отвѣтъ кагалу. Но чтобъ знать, что писать, мнѣ нужно просмотрѣть дѣло; принесите мнѣ всѣ отношенія кагала, и я напишу отвѣтную грамотку». Частный приставъ согласился, и вечеромъ принесъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ. Я сдѣлалъ пуншъ и мы покутили до поздней ночи за окончаніе златопольскаго дѣла. Потомъ приставъ ушелъ; я немедленно взялъ все «дѣло» и... сжегъ его. Частный приставъ приставалъ ко мнѣ на счетъ отвѣта. Наконецъ, я сказалъ ему, что сдѣлалось съ «дѣломъ». Онъ разсердился и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался. онъ не могъ жаловаться на меня, такъ какъ не имѣлъ права выдать мнѣ дѣло. Еще нѣсколько дней частный приставъ не давалъ мнѣ покоя, но наконецъ затихъ.

Съ тѣхъ поръ сношенія мои съ Златополемъ совершенно прекратились.

ТАЛМУДИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Великіе люди, знаменующіе собою эпохи въ исторіи человѣчества, оставляютъ по себѣ равно глубокіе слѣды, какъ въ лѣтописяхъ науки, такъ и въ живой памяти народной. Тѣмъ не менѣе, характеръ оцѣнки тою и другою значенія и дѣятельности великихъ людей существенно различенъ. Въ то время какъ наука тщательно собираетъ самыя мелочныя данныя, могущія сколько нибудь уяснить намъ значеніе той или другой исторической личности, принимаетъ ихъ только послѣ строгаго критическаго анализа и на основаніи достовѣрныхъ фактовъ лишь старается опредѣлить характеръ ея въ дѣйствительности—живое воображеніе народной массы поступаетъ гораздо свободнѣе. Не стѣсняясь условіями мѣста и времени, восполняя пробѣлы исторіи помощью вдохновеннаго творчества, оно широкими размашистыми чертами живописуетъ своего любимца, который, такимъ образомъ, часто является намъ въ миѳическомъ ореолѣ, въ ущербъ исторической правдѣ. Отсюда проистекаетъ другое не менѣе существенное различіе между научными и народными представленіями о значеніи великихъ историческихъ дѣятелей. Историческая наука все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію того, что и великіе люди суть дѣти своего времени; что великими дѣлами, ими совершенными, мы обязаны чаще ихъ вѣку, чѣмъ имъ самимъ, и что слѣдовательно ихъ слава меркнетъ предъ славой окружавшаго ихъ общества, а заслуги какъ-бы исчезаютъ въ великомъ дѣлѣ развитія рода человѣческаго. Не такъ поступаетъ народная толпа. Неспособная возвышаться до умозрѣній, всегда склонная къ олицетворенію, въ природѣ, какъ и въ дѣлахъ чело-

вѣчискихъ, всего отвлеченнаго, она сосредоточиваетъ всю свою любовь или ненависть на самыхъ выдающихся личностяхъ, служащихъ представителями извѣстнаго направленія, не обращая вниманія на условія ихъ окружающія.

Этимъ не ограничивается однако различіе между отношеніями массы и науки къ историческимъ личностямъ; онѣ отличаются между собой и степенью оцѣнки значенія этихъ личностей. Исторія на сколько возможно старается произнесть свой приговоръ надъ извѣстной личностью на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ, имѣющихся о его жизни и дѣлахъ, какъ можно безпристрастнѣе, не увлекаясь отдѣльными его дѣйствіями, и если она невсегда достигаетъ такого безпристрастія, то это оттого, что и ея представители не могутъ совершенно освободиться отъ извѣстныхъ предразсудковъ, въ отношеніи къ тому или другому историческому дѣятелю. Но въ то время, когда новѣйшая историческая наука обязываетъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе къ полнѣйшему безпристрастію—сужденія народной массы о великихъ людяхъ, управляющихъ его судьбами, рѣдко отличаются безпристрастіемъ, уже потому, что сужденія эти, такъ сказать, субъективны. Отсюда тотъ извѣстный фактъ, что одна и таже историческая личность является въ совершенно различномъ, часто противоположномъ свѣтѣ въ представленіяхъ различныхъ народностей [1]). Немного въ исторіи

---

[1]) Разительный примѣръ представляетъ намъ римскій императоръ Титъ, прославившій у римлянъ, а за ними и въ исторіи, однимъ изъ лучшихъ людей, существовавшихъ когда либо на землѣ. Между тѣмъ этотъ же Титъ въ еврейскихъ преданіяхъ, сохраненныхъ Талмудомъ, является извергомъ, дерзко оскверняющимъ святыню, и оканчивающимъ жизнь въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, ниспосланныхъ на него Богомъ за его злодѣянія. Нѣкоторые еврейскіе ученые старались согласить эти противорѣчія тѣмъ, что Титъ дѣйствительно прежде былъ такимъ какъ изображаетъ его Талмудъ, но, по вступленіи на императорскій престолъ, мучимый угрызеніями совѣсти, старался загладить свои прежнія вины добродѣтельною жизнію и благодѣяніями, упрочившими за нимъ завидное прозванье «amor generis humani». Они не поняли, что въ основѣ римскихъ и еврейскихъ преданій о Титѣ лежатъ воззрѣнія чисто-національныя; что евреи не могли не считать извергомъ рода человѣческаго того, который нанесъ послѣдній ударъ само-

такихъ людей, которые пользовались бы одинаковой симпатіею и извѣстностью у всѣхъ національностей, съ которыми они приходили въ столкновеніе. Къ числу этихъ избранныхъ принадлежитъ Александръ, сынъ Филиппа, царь македонскій. Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Многочисленныя легенды наполняютъ всю его жизнь, отъ колыбели до могилы. Все соединилось въ немъ, чтобы обворожить востокъ, на который главнымъ образомъ направлена была его дѣятельность. Его истинно-эллинское изящество, его великодушіе къ побѣжденнымъ врагамъ, столь рѣдкое на востокѣ даже теперь, изумительные подвиги, совершенные съ незначительными средствами, и не нуждавшіеся въ прикрасахъ фантазіи—столь были они чудесны, — его ненасытная жажда завоеваній, — все располагало суевѣрнаго жителя востока видѣть въ Александрѣ болѣе чѣмъ человѣка, — полубога. Даже изнѣженность и сладострастье, сильно развившіяся въ немъ въ послѣдніе годы его жизни, и сильно повредившія ему во мнѣніи суровыхъ воителей-македонянъ, не могли конечно унизить его въ глазахъ восточнаго человѣка, привыкшаго къ безвкусной роскоши и расточительному великолѣпію своихъ ничтожныхъ, женоподобныхъ владыкъ. Такимъ образомъ, не смотря на кратковременность его владычества, метеоромъ промелькнувшаго на горизонтѣ исторіи, имя Александра и до сихъ поръ есть одно изъ самыхъ извѣстныхъ на востокѣ. Каждый изъ восточныхъ народовъ, котораго судьба столкнула съ великимъ завоевателемъ міра, сохранилъ о немъ много воспоминаній. Къ числу этихъ народовъ принадлежатъ и

стоятельной жизни еврейскаго народа, они не могли не считать богохульникомъ, дерзко вызывающимъ на борьбу Всемогущаго (Талм. вавил. тр Гитинъ, f. 57 b), того, который разрушилъ ихъ національную святыню—іерусалимскій храмъ. Съ другой стороны, римляне, привыкшіе къ безразсудному деспотизму и жестокости своихъ императоровъ, не могли не любить и не уважать отъ всего сердца кроткаго, мягкосердечнаго Тита. Самая жестокость его обхожденія съ непокорными сынами Израиля могла только возвысить его въ ихъ глазахъ, какъ одного изъ послѣднихъ представителей старо-римской доблести (virtus romana) (См замѣтку I въ концѣ статьи).

евреи, которыхъ преданія мы намѣрены изложить здѣсь. Но, чтобъ уяснить себѣ ихъ, мы должны ознакомиться съ отношеніями македонскаго героя къ еврейскому народу. Исторія повѣствуетъ объ этомъ слѣдующее. Послѣ побѣды при Иссѣ, Александръ пошелъ съ войскомъ по направленію къ Тиру, покорилъ его, и тогда же вознамѣрился разрушить Іерусалимъ и жестоко наказать евреевъ за ихъ преданность Дарію, которому они помогали всѣми силами. Но на встрѣчу Александру, приближавшемуся къ священному городу, вышелъ тогдашній первосвященникъ Симеонъ, извѣстный въ еврейскихъ преданіяхъ подъ именемъ праведнаго, — мужъ чудодѣйственный и очень уважаемый въ іудействѣ. Онъ былъ облаченъ въ священную одежду и походилъ въ ней (по талмудическому выраженію) на ангела Іеговы Вседержителя. Его сопровождали всѣ священнослужители, тоже въ священническомъ облаченіи. Видъ ихъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Александра. Онъ принялъ Симеона ласково—и священный городъ былъ пощаженъ. Александръ мирно вошелъ въ Іерусалимъ. Преданіе говоритъ, что ему было прочтено пророчество Даніила, въ которомъ, по еврейскимъ толкованіямъ, находится указаніе на судьбы Александра и его наслѣдниковъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ храмъ Іеговы, велѣлъ было поставить тамъ свою статую, но ему растолковали, что это противно еврейской религіи, и взамѣнъ предложили въ честь его назвать всѣхъ мальчиковъ, которые должны были родиться въ томъ году у священнослужителей, его именемъ. Это какъ нельзя болѣе польстило тщеславію Александра, и онъ оставилъ Іерусалимъ очень довольный евреями, которымъ онъ до смерти оказывалъ особенное покровительство. Понятно, что еврейскій народъ вынесъ изъ своего столкновенія съ македонскимъ героемъ самое благопріятное воспоминаніе. Любовь и уваженіе къ личности Александра проглядываетъ посему и во всѣхъ преданіяхъ о немъ еврейскаго народа, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

I.

(Талмудъ Вавил. Іома. f. 69 a).

25-тый день мѣсяца Тевеса есть день праздничный, въ который нельзя поститься. Въ этотъ день хутеи [1]) просили у Александра позволенія разрѣшить іерусалимскій храмъ, и онъ позволилъ имъ это. Дали знать Симеону праведному. Что же сдѣлалъ онъ? Онъ облекся въ священныя одежды и взялъ съ собою знатнѣйшихъ лицъ Іерусалима; въ рукахъ у нихъ были факелы; они шли цѣлую ночь и къ разсвѣту встрѣтились съ Александромъ у Антипароса [2]). «Кто эти люди»? спросилъ царь,—«Это іудеи, непокорные тебѣ» отвѣтили ему (т. е. хутеи). Когда царь увидѣлъ Симеона, онъ сошелъ съ колесницы и поклонился ему. «Такой царь, какъ ты, кланяется этому іудею?» спросили его. «Когда я иду на войну, ангелъ, имѣющій видъ этого человѣка, помогаетъ

---

[1]) Хутеи, или самаритяне—отпавшая отъ іудаизма секта, жалкіе остатки которой, въ числѣ немногихъ семействъ, живутъ и по нынѣ у подножія священной для нихъ горы Геризимъ (въ Палестинѣ). Первое основаніе этой секты положили иноземцы, поселившіеся въ Палестинѣ, по приказанію ассирійскаго царя Санхериба (см. 2 кн. царствъ; гл. 17). Они приняли еврейскій законъ, смѣшавъ его съ языческими вѣрованіями. Находясь въ постоянной враждѣ съ евреями, которые считали ихъ язычниками и не хотѣли съ ними смѣшиваться, они постоянно клеветали на нихъ предъ персидскими царями, и особенно старались не допускать ихъ выстроить храмъ, что и удавалось имъ нѣсколько разъ Въ то время, когда Александръ вступилъ въ еврейскіе предѣлы, борьба между евреями и хутеями была въ самомъ сильномъ разгарѣ, благодаря происканъ честолюбиваго Манассіи, брата первосвященника Симеона (у Флавія Уадоа). Естественно, что хутеи старались выхлопотать у Александра позволеніе разрушить ненавистный имъ храмъ. Впрочемъ, объ этой попыткѣ хутеевъ говоритъ и Іосифъ Флавій (Antiq. Jud L II, c 8). (См. Замѣтку II).

[2]) Флавій говоритъ, что встрѣча происходила на мѣстѣ, называемомъ Цофимъ, но народному воображенію казалось эффектнѣе помѣстить это событіе на самой границѣ еврейской земли. Антипаросъ всегда упоминается въ Талмудѣ какъ сѣверная граница еврейскихъ поселеній въ Малой Азіи; см. напр. Синедріонъ, 946 в. Іебамотъ 62 (См. замѣтку III).

мнѣ одерживать побѣды надъ врагами моими» отвѣчалъ Александръ [1]). Затѣмъ онъ спросилъ ихъ (іудеевъ): «зачѣмъ пришли вы»?—«Храмъ», отвѣчали они, «въ которомъ мы молимъ Бога о тебѣ и о царствѣ твоемъ,—да не разрушится оно во вѣки—храмъ этотъ долженъ ли быть разрушенъ, по навѣту этихъ людей»!—«Кто они»? спросилъ Александръ.—«Вотъ эти хутеи, стоящіе передъ тобой».—«Они въ вашей власти» сказалъ царь... [2]).

II.

(Синедріонъ, f. 91 a).

Въ 24-й день мѣсяца Нисана съ евреевъ сняты были извѣты ихъ враговъ. Въ этотъ день африканцы (вѣроятно пунійцы, карѳагеняне) судились съ евреями передъ Александромъ Македонскимъ. — «Палестина, говорили они, принадлежитъ намъ, ибо она вездѣ въ Библіи называется страной Ханаанъ, а мы потомки Ханаана, сына Хамова. Тогда Гевига бенъ Песиса, еврейскій мудрецъ, котораго Талмудъ изображаетъ горбатымъ уродомъ, сказалъ мудрецамъ:—Пустите меня судиться съ ними предъ царемъ, если они побѣдятъ, то скажете: вы одержали побѣду надъ идіотомъ, (т. е. можно будетъ послать другаго умнѣйшаго еврея состязаться съ ними); если же я одержу побѣду, то скажете: — «Тора (ученіе) нашего учителя Моисея одержала верхъ». Ему позволили, и онъ предсталъ предъ царемъ. Когда африканцы начали излагать свои притязанія, онъ отвѣчалъ:—«откуда приводите вы ваши доказательства—изъ Торы? изъ нея же я докажу вамъ нашу правоту. Въ Библіи (кн. Бытія, гл. 9) сказано: и сказалъ онъ (Ной): проклятъ Ха-

---

[1]) Преданіе это, какъ видно, было сильно распространено въ іудаизмѣ. О немъ упоминаетъ и Іосифъ Флавій (ibid).

[2]) Исторія говоритъ, что Александръ, которому, конечно, не было дѣла до мелкой вражды сосѣднихъ племенъ, равно покровительствовалъ, какъ іудеямъ, такъ и хутеямъ. Дальнѣйшія же жестокости, упоминаемыя въ Талмудѣ, которыя позволили себѣ евреи въ отношеніи хутеевъ, очевидно зависѣли отъ враждебнаго настроенія толпы (См. замѣт. IV)

наанъ: рабомъ да будетъ онъ своимъ братьямъ! Рабъ же, пріобрѣвшій имущество, кому принадлежитъ оно: развѣ не его господину? (т. е. намъ—потомкамъ Сима и вѣроятно, царю Александру, потомку Яфета) [1]). Къ тому же, сколько уже времени вы не служили намъ»! Услышавъ его слова, царь сказалъ африканцамъ: «отвѣчайте ему»! «Царь», сказали они, «дай намъ срокъ 3 дня» (обдумать отвѣтъ). Онъ далъ имъ время. Но три дня прошли, а отвѣта они не могли придумать. Тогда они убѣжали, бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники. Въ другой разъ, египтяне судились съ евреями предъ Александромъ. — «Возвратите намъ золото, серебро и дорогую одежду, которыя вы забрали у насъ, выходя изъ нашей страны, какъ сказано въ Библіи (кн. Исхода, гл. 12)». Опять пошелъ судится съ ними Гевига бенъ Песиса.—«Вы приводите доказательства изъ Торы»? сказалъ онъ; «я тоже изъ нея приведу доказательства нашей правоты. Сказано въ ней. что евреи сидѣли въ Египтѣ 430 лѣтъ. Заплатите же намъ за 600,000 человѣкъ (столько евреевъ Библія считаетъ по выходѣ изъ Египта), работавшихъ у васъ 430 лѣтъ». — «Отвѣчайте ему» сказалъ царь египтянамъ. Они отправились на 3 дня. Когда эти дни прошли, а отвѣта не было наготовѣ, они убѣжали, бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники.

Въ третій разъ евреи судились предъ Александромъ съ сыновьями Измаила (арабами).—«Половина Палестины принадлежитъ намъ»—говорили они—«ибо предокъ нашъ Измаилъ былъ сыномъ Авраама (которому Богъ далъ Палестину), такъ же какъ Исаакъ» (отъ котораго происходятъ евреи). Опять пошолъ судиться съ ними Гевига бенъ Песиса. — «Вы основываете ваши притязанія на словахъ Торы; изъ нея же я докажу вамъ ихъ несправедливость. Сказано въ ней (кн. Бытія, гл. 25): и отдалъ Авраамъ все свое имущество Исааку; дѣтямъ же своихъ наложницъ (къ которымъ относится и Агарь, мать Измаила) Авраамъ далъ подарки и отослалъ ихъ отъ себя. Если же отецъ при жизни раздѣлилъ своихъ дѣтей, то развѣ могутъ они потомъ имѣть притязанія другъ къ

[1]) См. Берешитъ Раба (талмудическія схоліи на кн. Бытія) с. 61.

другу»? Такъ говорилъ Гевига бенъ Песиса. — «Отвѣчайте ему» сказалъ царь арабамъ. Они попросили сроку три дня, но дни эти прошли, отвѣта они не давали; а затѣмъ они также убѣжали, бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники.

III.

(**Тамидъ**, f. 31 в.).

Десять вопросовъ предложилъ Александръ Македонскій мудрецамъ Юга [1]).—1) «Что дальше, земля ли отъ неба, или востокъ отъ запада»? спросилъ онъ ихъ.—«Востокъ отъ запада», отвѣчали они, «ибо когда солнце находится на востокѣ или на западѣ, мы можемъ смотрѣть на него (значитъ, оно тогда далеко отъ насъ); когда же оно находится надъ нашими головами, мы не можемъ смотрѣть на его блескъ (значитъ, оно тогда ближе къ намъ)» [2]).—2) Что сотворено было прежде—небо или земля?—Небо сказано въ писаніи: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. 3) Что сотворено прежде: свѣтъ или тьма?—«На это нѣтъ отвѣта», сказали мудрецы. [3])—4) Кто можетъ назваться мудрымъ?—Предвидящій будущее. — 5) Кто можетъ назваться героемъ? — Удерживающій свои страсти.—6) Кто можетъ назваться богатымъ? — Довольный своей участью. — 7) Что долженъ человѣкъ дѣлать, чтобы жить (т. е. счасливо)? — Пусть убиваетъ себя (т. е. воздержится отъ излишествъ).—8) Что долженъ человѣкъ дѣлать для того, чтобы умереть? — Пусть живетъ (т. е. роскошно, широко).—9) Что долженъ человѣкъ дѣлать для того, чтобъ снискать благоволеніе лю-

---

[1]) Подъ именемъ Юга (Доромъ, Негевъ) въ Талмудѣ извѣстна южная часть Палестины, Іудея (Judaa). (См. замѣтку V).

[2]) Здѣсь есть въ текстѣ Талмуда позднѣйшая вставка, которую я пропустилъ, какъ неидущую къ дѣлу. (См. зам. V).

[3]) Отчего-жъ не сказали ему, что тьма сотворена была прежде, какъ сказано въ писаніи? спрашиваетъ здѣсь Талмудъ. Оттого, отвѣчаетъ онъ, что они боялись, чтобы онъ не спросилъ ихъ: «что было до сотворенія міра, и что будетъ послѣ его разрушенія».

дей?—Пусть удаляется отъ почестей власти.—«А мой совѣтъ»—сказалъ Александръ—«лучше вашего; пусть добивается власти и почестей, чтобъ благодѣтельствовать людямъ». — 10) Гдѣ лучше жить, на морѣ или на сушѣ?—На сушѣ, ибо мы видимъ, что всѣ мореходцы не успокоиваются, пока не выйдутъ на сушу. — «Кто изъ васъ умнѣе»? спросилъ царь мудрецовъ. «Мы всѣ равны», отвѣтили они: ты видишь, что всѣ мы одинаково отвѣчали тебѣ на твои вопросы».—«Отчего вы мнѣ воспротивились»? спросилъ царь.—«Сатана (т. е. духъ противорѣчія, борьбы) одолѣлъ», отвѣчали мудрецы [1]). — Но я велю казнить васъ. — Власть въ рукахъ царя,—но не приличествуетъ царю лгать (т. е. ты обѣщалъ намъ безнаказанность за отвѣты). Тогда царь велѣлъ одѣть ихъ въ пурпурныя мантіи и возложить на нихъ золотыя цѣпи [2]). И

---

[1]) Смыслъ этого вопроса и отвѣта довольно теменъ. Вѣроятнѣе всего, что (см. сколіи Магарша р. Самуила Эйдлиса къ этому мѣсту Талмуда) Александръ замѣтилъ тонкія укоризны его поведенію въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ мудрецовъ (что такое геройство, мудрость, богатство, чѣмъ заслужить любовь людей? и др.).

[2]) У Плутарха (Vita Alex. LXXXV) мы читаемъ: когда Александръ былъ въ Индіи онъ взялъ въ плѣнъ десять гимнософистовъ (индійскихъ мудрецовъ), которые были въ числѣ возставшихъ противъ него туземцевъ. Такъ какъ они были извѣстны своей мудростію, то онъ предложилъ каждому изъ нихъ вопросъ, сказавъ имъ напередъ, что велитъ казнить прежде всѣхъ того, который отвѣтитъ хуже всѣхъ. Самаго старшаго изъ нихъ онъ назначилъ быть судьей ихъ отвѣтовъ. Вопросы были слѣдующіе —Кто больше численностью, живые или мертвые? спросилъ царь перваго изъ 9-ти мудрецовъ.—Живые, отвѣчалъ онъ, потому что мертвыхъ нѣтъ уже —Море или суша производитъ самыя большія животныя?—Земля, которой море составляетъ только часть:—Какое животное самое умное?—То, котораго человѣкъ еще не знаетъ.—Зачѣмъ ты возбудилъ противъ меня царя Саббаса?—Для того, отвѣчалъ мудрецъ, чтобъ онъ умеръ въ несчастіи, или жилъ бы въ доброй славѣ —Что было прежде: день или ночь?—День предшествовалъ ночи однимъ днемъ. Когда Александръ усомнился въ смыслѣ этого отвѣта, мудрецъ сказалъ ему:—странные вопросы требуютъ странныхъ отвѣтовъ (см. вопр. 3-ій въ Талмудѣ и прим. 3 пр.) —Чѣмъ можно сдѣлаться пріятнымъ людямъ?—Не поступая жестоко ни съ кѣмъ, даже будучи могущественнѣе всѣхъ. (Ср. вопр. 9-й въ текстѣ Талмуда).—Чѣмъ человѣкъ можетъ сдѣлаться Богомъ?—Дѣлая то, чего люди не могутъ дѣлать.—Что

сказалъ царь мудрецамъ: «я хочу идти въ страну африканскую».— «Но ты не можешь идти туда», сказали они, «потому что на дорогѣ стоятъ горы Тьмы (которыхъ нельзя перейти).—«Но я долженъ непремѣнно идти туда, и я спрашиваю у васъ совѣта (какъ перейти горы Тьмы). — Возьми ливійскихъ ословъ (привыкшихъ ходить въ темнотѣ) и перевези на нихъ свое войско. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются горы Тьмы, привяжи веревку и тяни ее до тѣхъ поръ, пока минешь царство Тьмы, для того чтобы потомъ по слѣду веревки воротиться назадъ». — Царь послушался ихъ, и пришелъ онъ такимъ образомъ въ страну, которая была населена однѣми женщинами (очевидно, амазонками). Захотѣлъ онъ воевать съ ними. И сказали опѣ ему: «для чего тебѣ воевать съ нами. Если ты одержишь побѣду надъ нами, то скажутъ: онъ побѣдилъ женщинъ! (т. е. это не увеличитъ твоей славы). Если-же мы побѣдимъ тебя, то скажутъ: о герой, побѣжденный женщинами! (тебѣ будетъ стыдно)».—«Такъ вынесите же мнѣ хлѣбъ» (т. е. въ знакъ покорности), сказалъ царь. Онѣ вынесли ему золотые хлѣба на золотыхъ столахъ.—«Развѣ ѣдятъ люди золотой хлѣбъ»? спросилъ царь. — «А если ты хочешь простаго хлѣба, то развѣ его нѣтъ въ твоей странѣ, что ты пошелъ такъ далеко искать его»? [1])

сильнѣе: жизнь или смерть?—Жизнь, выдерживающая много горестей.— Сколько человѣкъ долженъ жить?—Пока не предпочтетъ смерть жизни.

Кто изъ нихъ отвѣчалъ хуже всѣхъ? спросилъ Александръ десятаго мудреца.—Каждый отвѣчалъ хуже своего предшественника—сказалъ мудрецъ.—За такой умный отвѣтъ ты заслужилъ быть казненнымъ прежде всѣхъ, замѣтилъ царь.—Но въ такомъ случаѣ ты не останешься вѣрнымъ своему слову: ибо ты сказалъ, что велишь казнить прежде всѣхъ того, который отвѣтитъ хуже другихъ.—Тогда царь далъ мудрецамъ подарки и отпустилъ ихъ съ честью.

Сравнивая этотъ разсказъ съ сообщеннымъ въ текстѣ, мы не только замѣчаемъ между ними сходство, что заставляетъ насъ предполагать, что одинъ изъ нихъ послужилъ основаніемъ другому, но послѣ тщательнаго анализа, въ который неумѣстно было бы здѣсь вдаваться, убѣждаемся, что талмудическій разсказъ происхожденія болѣе древняго, и что онъ послужилъ моделью позднѣйшему плутарховскому разсказу. (См. замѣтку V).

[1]) При этомъ мы невольно вспомнили слѣдующій разсказъ Ливингстона. «Когда дикіе бывали свидѣтелями опасностей, которымъ подвергаются изъ

Когда царь вышелъ изъ ихъ города, онъ написалъ на воротахъ его: «Я Александръ Македонскій былъ всю жизнь глупцомъ, пока пришелъ въ африканскую страну, страну женщинъ, и научился у нихъ мудрости».

Во время шествія своего по этой странѣ, онъ сѣлъ разъ у источника живой воды для трапезы. Были у него соленыя рыбки; когда ихъ начали омывать въ живой водѣ, то онѣ ожили и уплыли съ теченіемъ [1]).—«Значитъ, этотъ источникъ идетъ изъ рая» сказалъ царь и пошелъ вверхъ, пока не пришелъ къ вратамъ рая. Началъ онъ стучаться и кричать· «отворите мнѣ»! Тогда раздался голосъ: «это врата Божіи, въ нихъ войдутъ только праведники»! (Псалмы, 118) — «Но я царь, имя мое славно на всей землѣ, дайте мнѣ что нибудь» (на память, что я былъ здѣсь). Дали ему человѣческій глазъ. Взялъ царь этотъ глазъ съ собою, и когда онъ возвратился въ свою страну, онъ спросилъ мудрецовъ, чтобы это значило, что ему дали простой глазъ, и на что это указываетъ? «Глазъ этотъ» —отвѣчали мудрецы — «есть символъ ненасытнаго корыстолюбія и властолюбія твоего, которыя стараются

за какой нибудь мелкой дичи европейскіе охотники, то они не упускали случая смѣяться надъ ними отъ всего сердца. — Развѣ у нихъ нечего ѣсть дома? спрашивали они, и удивленіе ихъ увеличивалось, когда имъ говорили, что эти охотники большей частію богатые люди, покинувшіе роскошныя ложа, ради скучной дичи въ пустыняхъ Африки. Дикіе никакъ не могли понять этого Считаю не лишнимъ указать здѣсь также на слѣдующій историческій фактъ, подавшій можетъ быть поводъ образованію сообщеннаго въ текстѣ преданія. Аболитесъ, персидскій вельможа, котораго Александръ сдѣлалъ начальникомъ одной изъ покоренныхъ провинцій, не привезъ къ означенному царемъ сроку провизіи для войска, а вмѣсто нея привезъ 300 талантовъ серебра. Александръ велѣлъ бросить серебро лошадямъ и когда онѣ, разумѣется, не тронули его, онъ гнѣвно обратился къ Аболитесу: «За чѣмъ же мнѣ твое серебро?» сказалъ онъ ему, и велѣлъ казнить его. (Plut. Vita. Alex. LXXXXIX).

[1]) Подобный же разсказъ находится въ одной изъ арабскихъ легендъ о жизни Моисея, собранныхъ д-ромъ Франклемъ въ его сочиненіи: «Aus Egypten». Основываясь на аналогіи съ этимъ преданіемъ, я считаю это мѣсто въ Талмудѣ, (въ которомъ здѣсь приводятся два различныя преданія) такъ, какъ оно переведено въ текстѣ.

подчинить себѣ все, что только завидятъ. Если не хочешь намъ вѣрить, возьми и свѣсь этотъ глазъ противъ всѣхъ твоихъ богатствъ». Царь велѣлъ положить на одну чашку вѣсовъ чудный глазъ, а на другую все свое золото и серебро—и чтожъ? Чудный глазъ перевѣсилъ всѣ несмѣтныя царскія сокровища!—«Теперь»—сказали мудрецы изумленному царю — «положи на этотъ глазъ немного земли» [1]). Царь велѣлъ это сдѣлать—и чашка съ глазомъ тотчасъ упала. (Смерть уноситъ всю алчность и жадность человѣка).

IV

(**Берешитъ раба**, стр. 61).

И сказали хутеи Александру: «берегись, евреи тебя обманутъ и не пустятъ тебя во внутренность ихъ храма, въ Святую Святыхъ» Когда Гевига бенъ Песиса узналъ объ этомъ, то (страшась, чтобы царь не настоялъ на томъ, чтобы его впустили въ Св. Святыхъ, а это запрещено моисеевымъ закономъ) онъ сдѣлалъ для царя драгоцѣнныя сандаліи, украшенныя еще болѣе драгоцѣнными каменьями. Когда царь, въ сопровожденіи его, осмотрѣвъ Іерусалимъ, приблизился къ святой горѣ, на которой стоялъ храмъ Божій, Гевига обратился къ нему и сказалъ: — «О царь, надѣнь эти сандаліи» (для того, чтобы не поскользнуться на гладкомъ полу, которымъ былъ вымощенъ храмъ [2]). Царь осмотрѣлъ весь храмъ. Когда же они подошли къ Святой Святыхъ, Гевига бенъ Песиса сказалъ ему: «до сихъ поръ мы могли вести тебя—дальше мы не смѣемъ проникать». — Раздосадованный царь отвѣтилъ ему»: когда я выйду отсюда, я выровню тебѣ твой горбъ» (Ге-

---

[1]) Въ размѣщеніи послѣдняго діалога между царемъ и мудрецами я уклонился отъ текста Талмуда, въ которомъ здѣсь очевидныя несообразности. (См. замѣтку VI).

[2]) По еврейскому закону въ окрестность храма нельзя вступить босымъ. Боясь сказать объ этомъ Александру, чтобъ не возбудить его гнѣва, Гевига придумалъ уловку съ сандаліями.

вига, по разсказамъ Талмуда, былъ горбатъ). — «Если сдѣлаешь это» шутливо отвѣтилъ Гевига бенъ Песиса, «то ты получишь большую плату, и прослывешь великимъ мастеромъ».

V

(Ванкра раба, с. 27).

Александръ Македонскій пришелъ въ одну страну, лежащую за горами Тьмы Страна эта называется Карѳагеномъ (?) и вся населена женщинами [1]). Вышли женщины къ нему и сказали ему. «ты хочешь воевать съ нами, но подумай если ты побѣдишь насъ, скажутъ: царь, побѣдившій женщинъ! Если же мы побѣдимъ тебя, скажутъ: о царь, побѣжденный женщинами!» Царь послушался ихъ и когда онъ вышелъ изъ ихъ страны, онъ написалъ на воротахъ города: «Я, Александръ Македонскій, былъ глупцомъ, пока не пришелъ въ страну карѳагенскую и не научился мудрости у женщинъ!»

Потомъ онъ пошелъ въ другую сторону, называющуюся Африкой (?). Жители этой страны вышли встрѣтить его съ золотымъ хлѣбомъ, золотыми яблоками и золотыми гранатами. «Развѣ у васъ ѣдятъ золото?» спросилъ ихъ царь.—«Нѣтъ», отвѣчали они.—«А въ вашей странѣ развѣ не ѣдятъ его?» (Такъ зачѣмъ же ты пришелъ къ намъ).—«Я пришелъ видѣть, какъ вы судитесь, отвѣчалъ Александръ».

Между тѣмъ какъ они сидѣли и говорили такимъ образомъ, двое людей пришли судиться предъ царемъ этой страны. — Государь, началъ одинъ изъ нихъ, я купилъ вотъ у этого человѣка, который пришелъ со мной, пустошь. Началъ я рыть въ ней землю и нашелъ кладъ. Говорю я ему: возьми себѣ свой кладъ, вѣдь я купилъ себѣ только землю, но не кладъ! Не правъ ли я, великій государь! Вели ему взять кладъ. — Но лишь только этотъ окончилъ свою рѣчь, какъ другой началъ говорить.—Праведный царь! сказалъ онъ. Я также, какъ и этотъ человѣкъ, боюсь присвоить себѣ чужое добро. Вели ему, о государь, взять себѣ кладъ, вѣдь

[1]) См. замѣтку III.

я продалъ ему пустошь и все, что въ ней находится.—Подумавъ немного, царь позвалъ одного изъ нихъ.

— Есть ли у тебя сынъ? спросилъ онъ его.

— Есть, отвѣчалъ онъ,

— А у тебя есть дочь? спросилъ онъ другаго.

— Есть, великій государь, отвѣчалъ тотъ.

— Ну такъ жените ихъ другъ на другѣ, и пусть найденный кладъ будетъ ихъ приданнымъ.

Тяжущіеся ушли довольные и счастливые. Александръ не могъ скрыть своего удивленія.

— А развѣ я не хорошо разсудилъ ихъ? спросилъ его царь. Какъ бы рѣшили подобное дѣло въ вашей странѣ?

— У насъ, отвѣчалъ Александръ, убили бы того и другаго (тяжущихся), а кладъ былъ бы взятъ въ царскую казну [1]). Царь поднялъ глаза къ небу. — Великій Боже, произнесъ онъ. А свѣтитъ солнце въ вашей странѣ? — Свѣтитъ. — И дождь идетъ? — Идетъ. — Такъ, вѣроятно, у васъ есть животныя, ради которыхъ солнце свѣтитъ и дождь идетъ! (Ибо люди, столь грѣшные и неправосудные, недостойны небесной благодати).

VI.

(**Бамидбаръ раба**, с. 13).

Рабби Іонна разсказывалъ: когда Александръ Македонскій поднялся надъ землей, то онъ долетѣлъ до такой высоты, откуда вся земля казалась ему шарикомъ, а море тарелкой. Поэтому его изображаютъ съ шаромъ въ рукѣ [2]).

---

[1]) Здѣсь видны слѣды позднѣйшихъ понятій о неправосудіи язычниковъ (Малхусъ Гаршаа).

[2]) Изъ самаго оборота рѣчи р. Іоны видно, что преданіе о томъ, будто бы Александръ летѣлъ по поднебесью, было сильно распространено между евреями. О немъ упоминается также въ самаританской хроникѣ, извѣстной подъ именемъ Сеферъ Уошуа (книга Іисуса Навина) (Кармe Ширхгейма, стр. 84), а также въ книгѣ, извѣстной подъ именемъ Іосифонъ бенъ Гуріонъ, которую прежде приписывали Іосифу Флавію.

Вотъ все, что сохранилось въ талмудической литературѣ въ древне-еврейскихъ преданіяхъ объ Александрѣ Македонскомъ. Вдумавшись въ эти разсказы, можно впасть въ сомнѣніе въ отношеніи характера народности ихъ происхожденія. Въ нихъ нѣтъ и слѣда той миѳической грандіозности образовъ, того безотчетнаго благоговѣнія къ всемогущей личности героя-полубога, которыми отличаются героическія сказанія народовъ индо-европейскихъ. Напротивъ, проникнутые духомъ аллегоріи и дидактизма, запечатлѣнные холодной разсудительностью, указывающей болѣе на историческое, чѣмъ на народное ихъ происхожденіе, они походятъ скорѣе на вымыслы досужаго благочестиваго аскета, презирающаго мірское величіе и человѣческія страсти, чѣмъ на произведенія живой фантазіи народной массы, всегда благоговѣющей предъ геніемъ, даже безразсуднымъ. Такъ оно кажется съ перваго взгляда, но болѣе внимательное обсужденіе приведенныхъ сказаній убѣдитъ насъ въ несостоятельности такого сомнѣнія.

Поэтическія созданія народнаго воображенія всегда носятъ на себѣ характеръ того народа, среди котораго они родились. Слѣдовательно, для того, чтобы уяснить себѣ народныя еврейскія преданія, мы должны ознакомиться съ характеромъ самого еврейскаго народа. Въ чемъ же состоитъ сущность этого характера? Еврейскій народъ искони отличался двумя характерными чертами: во-первыхъ, религіозностью—религія легла въ основу жизни и исторіи еврейскаго народа,—во-вторыхъ, здравымъ сужденіемъ вообще, и житейскою мудростью въ особенности. Раціонализмъ составляетъ основу еврейской религіи (монотеизма), въ противоположность эстетическому характеру религій всѣхъ древнихъ народовъ—политеизма. Но религія, научающая насъ, что человѣкъ самъ по себѣ ничто, что онъ только орудіе въ рукахъ Всевышняго, употребляющаго избранныхъ людей, какъ орудіе же для достиженія Имъ предначертанныхъ великихъ цѣлей—сильно способствуетъ къ ослабѣванію благоговѣнія къ личностямъ героевъ (см. начало этой статьи). Мы убѣждаемся въ этомъ и изъ того, что эпосъ, особенно героическій, никогда не могъ развиться у евреевъ, поэзія которыхъ, по преимуществу, лирическая. Этимъ, да еще тѣмъ обстоятельствомъ,

что народъ, который, подобно еврейскому, вслѣдствіе вѣковыхъ угнетеній сдѣлался миролюбивымъ до трусости, и равнодушнымъ къ жизненнымъ благамъ до стоицизма, не могъ сочувствовать непомѣрной жаждѣ славы македонскаго героя,—объясняется характеръ приведенныхъ разсказовъ и всѣ кажущіяся въ нихъ странности.

Принимая въ соображеніе сказанное, я полагаю, и читатели, надѣюсь, согласятся со мной, что приведенные разсказы суть вполнѣ народнаго происхожденія [1]).

Александръ Македонскій до сихъ поръ живетъ въ памяти еврейскаго народа, какъ представитель величайшаго героизма, и какъ благодѣтельный геній іудаизма, подобно тому какъ въ его памяти сохранились и теперь имена Навухадносора и Титуса Гараша (злодѣя Тита), какъ-бы представителей злодѣйства и звѣрства, Соломона, представителя мудрости, и Рамбама (Маймонида)—какъ величайшаго медика-чудодѣя всѣхъ временъ и народовъ.

---

[1]) Страннѣе всего это можетъ показаться относительно разсказовъ, сообщенныхъ подъ № 2-мъ Они кажутся слишкомъ книжными для того, чтобы могли быть произведеніемъ народнаго духа. Но не должно забывать, что нѣтъ въ свѣтѣ народа болѣе книжнаго, чѣмъ евреи. Для еврея книга, буква—все, особенно буква закона. Не говоря уже о позднѣйшемъ времени, въ которомъ буква рѣшительно играла первую роль въ умственной и нравственной жизни іудаизма, — еще во времена Талмуда р. Акиба извлекалъ (по выраженію Талмуда) цѣлыя горы галахъ (религіозныхъ законовъ) изъ каждой іоты писанія.